

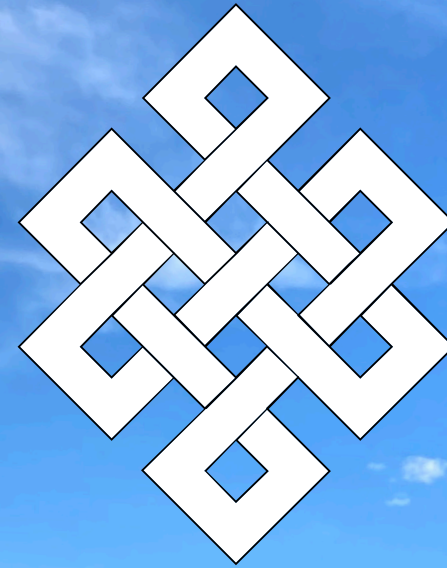
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2024

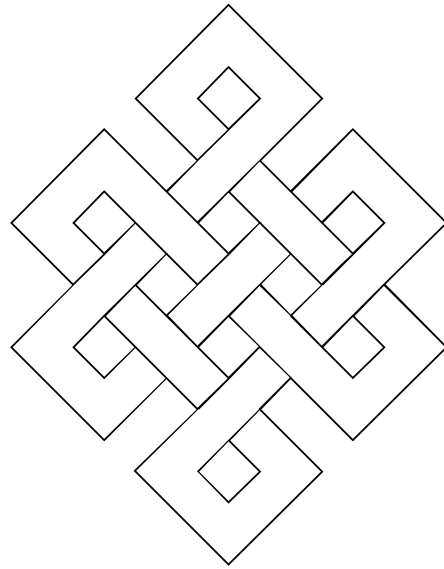
№ 3

nit.tuva.asia

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№3
2024

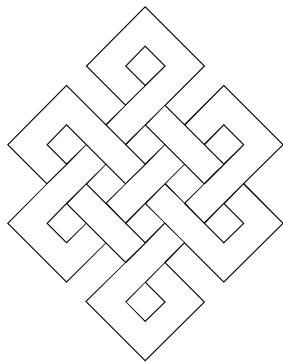

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2024

№ 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отроценко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., редактор
Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, Editor
Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Эверт Л. С., Костюченко Ю. Р., Серен-оол С. С. (Россия) Взаимосвязь головных болей с онлайн-поведением подростков и молодежи Республики Тыва 6

Паничева Е. С., Сат Д. А., Курганская Т. М., Серен-оол С. С. (Россия) Интернет-зависимое поведение как фактор риска рецидивирующих головных болей у лиц подростково-молодежной популяции Республики Тыва 27

Яскевич Р. А., Федорова А. А., Костюченко Ю. Р. (Россия) Гендерно-этнические особенности потребления интернет-контента среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска 44

Яскевич Р. А., Хамнагаев И. И. (Россия) Гендерно-этнические особенности интернет-аддикции среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска 60

Эверт Л. С., Гришкевич Н. Ю., Бахшиева С. А., Сат Д. А. (Россия) Боли в спине у подростков и молодежи Республики Тыва, ассоциации с интернет-зависимым поведением 75

Потупчик Т. В., Мантикова А. В., Лаптева Л. В., Чудинова О. В. (Россия) Интернет-зависимость у лиц подростково-юношеского возраста (обзор литературы) 103

Зайцева О. И., Терещенко С. Ю., Колодяжная Т. А., Зайцева Ж. Г. (Россия) Психологические проблемы у подростков Республики Тыва с разными видами онлайн-поведения 119

Фотекова Т. А., Власова Е. Н., Митрухина С. В., Монгуш Ч. Н. (Россия) Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения 136

Емельянчик Е. Ю., Лаптева Л. В., Куулар С. Б.-Т. (Россия) Влияние экранного времени на систему кровообращения у детей и подростков (обзор исследований в регионах мира) 159

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Kleikamp В. (Нидерланды) Concerts and other activities of Tuvan musicians in the 1990s mediated by Bernard Kleikamp via his companies Paradox Concert Agency and Pan Records 174

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сувандии Н. Д. (Россия) Святые топонимы Тувы: лексико-семантические группы 191

Москвичева С. А., Сувандии Н. Д., Александрова О. И. (Россия) Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев 203

Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю., Ситковский А. М. (Россия) Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты 226

Аманжолова Д. Б., Искендир А. А., Шаймерденова Н. Ж. (Казахстан) Коммуникативный и лингводидактический потенциал эпистолярных текстов: прикладной аспект (на материале почтовой корреспонденции Д. А. Монгуша — А. С. Аманжолову) 240

ГОЛОСА АЗИИ

Абылхожин Ж. Б., Крупко И. В. (Казахстан) Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке 265

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Абдуллина Г. Р., Алимбаева Г. Г., Султанова З. А. (Россия) Современное бытование фольклора гайнинских башкир Бардымского района Пермского края 279

Сабыржанова М. С., Ананьева С. В. (Казахстан) Тюркская мифология в повести Е. Турсунова «Келин» 289

Есенова Т. С., Есенова Г. Б. (Россия) Концепт ясн ‘род’ в калмыцком языке 302

Vat-Ochir M., Munkhnasan B., Battuvshin G. (Монголия) Issues of physical development among the Mongolian youth 314

Матупнова В. К., Slyambekov Q. B., Soltanbekova A. A., Imangazina M. A., Ramazanov T. B. (Казахстан) The fourth generation of academic Kazakh grammar 326

CONTENTS

SPECIAL THEME

- Evert L. S., Kostyuchenko Yu. R., Seren-ool S. S. (Russia)* The interrelation between headaches and the online behavior of adolescents and young people of the Republic of Tuva 6
- Panicheva E. S., Sat D. A., Kurganskaya T. M., Seren-ool S. S. (Russia)* Internet-dependent behavior as a potential risk factor for recurrent headaches among adolescents and young adults of the Republic of Tuva 27
- Yaskevich R. A., Fedorova A. A., Kostyuchenko Yu. R. (Russia)* The gender and ethnic characteristics of Internet content consumption among student youth in Kyzyl and Krasnoyarsk 44
- Yaskevich R. A., Khamnagadaev I. I. (Russia)* Gender and ethnic features of Internet addiction among the student youth of Kyzyl and Krasnoyarsk 60
- Evert L. S., Grishkevich N. Yu., Bakhshieva S. A., Sat D. A. (Russia)* Back pain in adolescents and young people of the Republic of Tuva, associations with Internet addictive behavior 75
- Potupchik T. V., Mantikova A. V., Lapteva L. V., Chudinova O. V. (Russia)* Internet addiction in adolescents (literature review) 103
- Zaitseva O. I., Tereshchenko S. Yu., Kolodyazhnaya T. A., Zaytseva Z. G. (Russia)* Psychological problems in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior 119
- Fotekova T. A., Vlasova E. N., Mitrukhina S. V., Mongush Ch. N. (Russia)* The severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and youth with different online behaviors in Tuva 136
- Emelianchik E. Yu., Lapteva L. V., Kuular S. B.-T. (Russia)* The effect of screen time on the circulatory system in children and adolescents (a review of studies in the regions of the world) 159

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

- Kleikamp B. (Netherlands)* Concerts and other activities of Tuvan musicians in the 1990s mediated by Bernard Kleikamp via his companies Paradox Concert Agency and Pan Records 174

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

- Suvandii N. D. (Russia)* Sacred toponyms of Tuva: lexical and semantic groups 191
- Moskvicheva S. A., Suvandii N. D., Alexandrova O. A. (Russia)* The structures of representations of the Tuvan language and Tuvan culture in the Russian-speaking picture of the world of young Tuvans 203
- Bezverbny V. A., Mikryukov N. Y., Sitkovsky A. M. (Russia)* Inter-regional educational migrations in Russia in 2017–2019: gender and spatial aspects 226
- Amanzholova J. B., Iskendir A. A., Shaimerdenova N. Zh. (Kazakhstan)* The communicative and linguodidactic potential of epistolary texts: an applied aspect (based on the material of D. A. Mongush — A. S. Amanzholov’s mail correspondence) 240

VOICES OF ASIA

- Abylkhozhin Zh. B., Krupko I. V. (Kazakhstan)* Ideological discussions and the search for the historical subjectivity of Kazakh society in the twentieth century 265

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

- Abdullina G. R., Alimbaeva G. G., Sultanova Z. A. (Russia)* The modern existence of folklore of the Gayninsky Bashkirs of the Bardymsky district of the Perm Krai 279
- Sabyrzhanova M. S., Ananyeva S. V. (Kazakhstan)* Turkic mythology in E. Tursunov’s novella “Kelin” 289
- Esenova T. S., Esenova G. B. (Russia)* The concept of *jasn* ‘clan’ in the Kalmyk language 302
- Bat-Ochir M., Munkhnasan B., Battuvshin G. (Mongolia)* Issues of physical development among the Mongolian youth 314
- Mamynova B. K., Slyambekov Q. B., Soltanbekova A. A., Imangazina M. A., Ramazanov T. B. (Kazakhstan)* The fourth generation of academic Kazakh grammar 326

Специальная тема
«Подростки и молодежь Тувы
в онлайн-пространстве»

Special theme
“Teenagers and youth of Tuva
in the online space”

Ответственные редакторы:
доктор медицинских наук
Лидия Семеновна Эверт
(Научно-исследовательский институт
медицинских проблем Севера
ФИЦ КНЦ СО РАН, Россия),
кандидат медицинских наук
Елена Сергеевна Паничева
(Красноярский государственный
медицинский университет имени
профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия)

Edited by
Lidiya S. Evert
Doctor of Medical Sciences ,
Research Institute of Medical Problems of the North,
Federal Research Center Krasnoyarsk Science Center
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences”, Russia,
Elena S. Panicheva
Candidate of Medical Sciences,
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State
Medical University, Russia

DOI: 10.25178/nit.2024.3.1

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Статья

Взаимосвязь головных болей с онлайн-поведением подростков и молодежи Республики Тыва

Лидия С. Эверт

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН;

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Юлия Р. Костюченко

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация,

Саяна С. Серен-оол

Российская детская клиническая больница, Российская Федерация

В статье анализируется одна из клинических форм первичной цефалгии (головной боли напряжения, ГБН) у подростков и молодежи Тувы, ее коморбидные ассоциации с различными видами онлайн-поведения и оценки их роли в качестве предикторов развития цефалгии. Актуальность работы обусловлена высокой распространенностью ГБН в подростково-молодежных популяциях многих стран, частой ассоциацией с дезадаптивными видами сетевого поведения и высоким риском хронического течения цефалгии в отсутствие своевременной диагностики и профилактики интернет-зависимого поведения у данной категории лиц.

Целью исследования было изучение ассоциаций ГБН с различными видами пользования интернетом: адаптивным (АПИ), неадаптивным (НПИ), патологическим (ППИ) и особенностями потребляемого интернет-контента у подростков и молодежи Тувы разной возрастно-половой и этнической принадлежности. Анализ строился на материалах онлайн-тестирования подростков и молодежи, проведенного в Туве методом случайной выборки с января по сентябрь 2023 г. (2488 чел.). Представлен сравнительный анализ показателей во всей выборке обследованных, в группах, различающихся по полу и этнической принадлежности (тувинцы, русские).

Установлена распространенность ГБН среди всех обследованных (14,2%) с преобладанием у русских (22,6 и 12,9%), у девочек (15,7 и 12,2%) и возрастной группе 15–18 лет (15,6, 13,6 и 4,5%). Выявлены тесные ассоциации ГБН с дезадаптивными видами онлайн-поведения (с ППИ и НПИ), смешанной и недифференцированной формой ППИ, с зависимостью от смартфона, компьютерных игр и социальных сетей. Установлена значимая роль данных показателей в качестве предикторов развития ГБН в группах обследованных с различной возрастно-половой и этнической принадлежностью.

Ключевые слова: подросток; молодежь; Тува; цефалгия; головная боль напряжения; Интернет; онлайн-поведение; зависимость; потребляемый контент; тувинцы; русские

Для цитирования:

Эверт Л. С., Костюченко Ю. Р., Серен-оол С. С. Взаимосвязь головных болей с онлайн-поведением подростков и молодежи Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 6-26. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.1>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН; профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адреса: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г; 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

Костюченко Юлия Ринатовна — врач-невролог, младший научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: axmeldinova@mail.ru

Серен-оол Саяна Санчайевна — врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации и интенсивной терапии Российской детской клинической больницы Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 117. Эл. адрес: ssayana1977@mail.ru

SPECIAL THEME

Article

The interrelation between headaches and the online behavior of adolescents and young people of the Republic of Tuva

Lydia S. Evert

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center
“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”;
Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Yulia R. Kostyuchenko

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “
Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Russian Federation,

Sayana S. Seren-ool

Russian Children’s Clinical Hospital, Russian Federation

The article analyzes one of the clinical forms of primary headache (tension-type headache, TTH) in adolescents and young people in Tuva, as well as its comorbid associations with different types of online behavior and assesses their role as potential predictors of headache development. The importance of this work stems from the high prevalence of TTH among adolescents and young adults in many countries, as well as the frequent association between this condition and maladaptive online behavior. Additionally, there is a high risk of developing chronic headache if appropriate diagnosis and prevention strategies are not implemented for this group of individuals.

The aim of the study was to investigate the associations between TTH and various types of internet use (adaptive, maladaptive, and pathological) as well as the characteristics of the internet content consumed among Tuvan adolescents and young people of different ages, genders, and ethnicities. The analysis is based on the results of online surveys conducted among adolescents and young adults in Tuva between January and September 2023, with a total sample size of 2,488 participants.

A comparative analysis of the indicators in the overall sample and in subgroups divided by gender and ethnicity (Tuvan and Russian) is presented. The prevalence of headache was found among all surveyed participants (14.2%), with a higher prevalence among Russians (22.6% and 12.9%) and girls (15.7% and 12.2%). The age group of 15–18 years also showed a higher prevalence (15.6%, 13.6%, and 4.5%). Close associations between headache and maladaptive online behaviors, such as problematic internet use and non-problematic internet use, as well as a mixed and undifferentiated form of problematic internet use, were revealed. Additionally, dependence on smartphones, computer games, and social networks was also found to be associated with headache. The significant role of these factors as predictors of headache in different age, gender, and ethnic groups was established.

Keywords: teenagers; headache; youth; Tuvans; tension headaches; internet; online behaviors; addiction; content consumption; Russian

For citation:

Evert L. S., Kostyuchenko Yu. R. and Seren-ool S. S. The interrelation between headaches and the online behavior of adolescents and young people of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 6-26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.1>

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; Professor, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, Katanov Khakass State University. Postal addresses: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk; 90, Lenina Av., 655017, Russia, Abakan. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0665-7428

KOSTYUCHENKO, Yulia Rinatovna, Neurologist, Junior researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: axmeldinova@mail.ru

SEREN-OOL, Sayana Sanchayevna, Anesthesiologist-Resuscitator, Intensive Care Unit, Russian Children’s Clinical Hospital, Ministry of Health of the Russian Federation. Postal address: 117 Leninsky Av., 119571, Moscow, Russia. Email: ssayana1977@mail.ru

Введение

Головные боли (цефалгии) у подростков и молодежи являются важной медико-социальной проблемой, что обусловлено их широким распространением, рецидивирующим характером течения, и нередко неблагоприятным исходом данной патологии, обусловленным высокой вероятностью трансформации в хронические формы психосоматической патологии. Головная боль (ГБ) — любое неприятное ощущение в области кверху от бровей и до затылка — одно из наиболее частых болезненных состояний человека, встречающееся у населения различного возраста. Боль — физиологический феномен, информирующий о вредных повреждающих воздействиях, представляющих потенциальную опасность для организма человека. Головная боль напряжения (ГБН) относится к первичным цефалгиям, которые не связаны с органическим поражением центральной нервной системы (ЦНС), сосудов мозга, других структур, расположенных в области головы и шеи, системными заболеваниями. Эпидемиологические исследования последних лет показали, что ГБН стала не только самой распространенной формой головной боли, но и самым частым неврологическим заболеванием в мире, сопровождающимся выраженным нарушением повседневной активности и качества жизни, особенно при хронической форме заболевания.

Концептуальное видение рассматриваемой в статье проблематики основывается на теоретических подходах, включая представления о головной боли напряжения (ГБН) как одной из частых форм первичной цефалгии у подростков и лиц молодого возраста, об ассоциации данного вида цефалгии с особенностями поведения подростков и молодежи в сети Интернет, потребляемого ими интернет-контента и распространенности ГБН среди представителей молодого поколения Республики Тыва (Туву).

Головная боль напряжения — умеренная по интенсивности, повторяющаяся двусторонняя головная боль сжимающего, давящего или ноющего характера, значительной продолжительности (от 30 минут до нескольких дней), может сопровождаться свето- или звукобоязнью (но не обоими этими признаками сразу), не усиливается под влиянием повседневной физической активности и не сопровождается рвотой. Провоцирующими факторами для появления головной боли обычно являются психическое утомление, зрительное напряжение, особенно связанное с компьютерными играми, стрессовая ситуация, депривация сна.

Головная боль напряжения и ее ассоциации с особенностями сетевого поведения подростков и молодежи, до настоящего времени остается недостаточно изученной проблемой, требующей безотлагательного решения. Данные по распространенности ГБН достаточно противоречивы, результаты эпидемиологических исследований в значительной степени зависят от методов и регионов исследования, а также различных демографических характеристик.

В России, по данным разных авторов, частота головной боли колеблется в широких пределах и составляет 25–93%. Неоднородность полученных данных связана с разницей в методологии эпидемиологических исследований (Шнайдер, Кондратьев, Шульман, 2015: Электр. ресурс). При скрининговом исследовании распространенности и структуры первичных и вторичных головных болей у подростков г. Твери и Тверской области жалобы на головные боли предъявляли 68,4% подростков. Установлено преобладание ГБ у подростков женского пола (57,9%), мальчики страдают головными болями реже (42,1%). В структуре цефалгий у подростков отмечено преобладание первичных головных болей (60,1%). Среди первичных ГБ основное место занимает ГБН (51,3%), при этом эпизодическая форма отмечалась у 40,5% подростков, хроническая — у 10,8% обследованных (Ayzenberg et al., 2010).

В диагностике ГБН используют международные диагностические критерии, разработанные ведущими экспертами в этой области: длительность эпизода головной боли не менее 30 мин, продолжительность при эпизодической форме до 7 дней, при хронической может быть ежедневной длительной, иногда многолетней; двусторонняя локализация головной боли; сжимающий, стягивающий, монотонный характер боли; незначительная зависимость головной боли от повседневной физической деятельности; присоединение на высоте головной боли гиперчувствительности к свету и звуку, анорексии, тошноты. Условно принято считать, что при эпизодической форме головная боль беспокоит не менее 15 дней в месяц, тогда как при хронической — более 15 дней в месяц (Headache Classification ..., 2018).

В развитии ГБН можно выделить три основных патофизиологических блока: генетические факторы, миофасциальный механизм (включая миофасциальную периферическую ноцицепцию) и меха-

низм хронизации, включая центральную сенситизацию и нарушение нисходящей антиноцицептивной модуляции (Ashina et al., 2021). В происхождении ГБН принимают участие как периферические, так и центральные ноцицептивные (болевые) механизмы. Периферические механизмы обусловлены болезненным напряжением мышц головы и шеи, гипоксией мышц и выделением в кровь болевых провоспалительных медиаторов результатом чего является повышение возбудимости ноцицептивных нейронов задних рогов спинного мозга. Центральный механизм ГБН включает снижение активности ингибиторной антиноцицептивной системы ствола мозга, что облегчает передачу болевых импульсов и ведет к формированию центральной сенситизации (ЦС), способствующей в свою очередь хронизации ГБН. При эпизодической ГБН (ЭГБН) существенную роль играют периферические патологические факторы, при хронической ГБН (ХГБН) — центральные, связанные с развитием ЦС. Такие аффективные нарушения, как депрессия и тревога, способствуют хронизации имеющегося болевого синдрома.

Следует подчеркнуть, что при ГБН важно учитывать наличие сопутствующих нарушений, которые могут дополнительно ухудшать качество жизни и требуют терапевтической коррекции. Среди наиболее частых КН у пациентов с ГБН обнаруживаются депрессия, тревожные расстройства, в том числе — панические атаки, соматоформные и сенесто-ипохондрические расстройства, нарушения ночного сна, другие болевые синдромы, например, фибромиалгия. Эмоциональные и личностные нарушения поддерживают мышечное напряжение и болевой синдром, приводят к серьезной дезадаптации и являются одним из основных факторов хронизации ГБН.

В последние годы стали активно изучаться коморбидные ассоциации ГБН с особенностями онлайн-поведения и потребляемым интернет-контентом у лиц подростково-юношеского возраста. В то же время, в России исследований такой направленности проведено недостаточно, малочисленны и разрознены сведения о распространенности дезадаптивного пользования Интернетом и его специфических форм среди подростков различных регионов страны, особенно подростковых популяций национальных республик Южной и Восточной Сибири. Стремительность появления и распространения интернет-зависимости среди подростков и молодежи, а также зафиксированные серьезные коморбидности (прежде всего психические — депрессия, немотивированная агрессия, суицидальное поведение, а также соматические — рецидивирующие цефалгии, дорсалгии, функциональные заболевания желудочно-кишечного тракта) ставит перед классической психологией и фундаментальной медициной новые вопросы, требующие безотлагательного решения (Алиджанова, Маджидова, Нурмухамедова, 2017; Егоров, 2015: Электр. ресурс; Эверт и др., 2016; Feng et al., 2018; Mohapatra et al., 2014).

Большим количеством зарубежных исследований убедительно показана выраженная коморбидность патологического пользования Интернетом и его специфических форм (проблемного использования компьютерных игр, социальных сетей, смартфона) с широким спектром психопатологических состояний (Romano et al., 2017; Duke, Montag, 2017; Blaauw et al., 2015; Saquib et al., 2017). Вместе с тем, следует отметить малочисленность сведений об ассоциации онлайн-поведения с психосоматическими заболеваниями (Сао et al., 2011; Kumar, 2014; Çaksen, 2021), хотя такая связь высоковероятна, учитывая наличие общих факторов патогенеза (тревожно-депрессивные и обсессивно-компульсивные расстройства). В связи с чем чрезвычайно важно исследовать связь интернет-зависимого поведения, особенностей потребляемого контента с широким спектром соматических расстройств (в том числе — рецидивирующих цефалгий) у подростков и молодежи для предупреждения развития у них ассоциированных с дезадаптивным онлайн-поведением функциональных соматических расстройств и их трансформации в хронические формы психосоматической патологии.

С учетом сказанного выше, очевидна актуальность изучения распространенности наиболее частой формы первичных цефалгий — ГБН, и ее ассоциаций с особенностями сетевого поведения и потребляемым интернет-контентом у современных подростков и лиц юношеского возраста с учетом возрастнo-половых, географических и этнических различий, что особенно значимо для такой многонациональной страны, как Россия.

Ряд исследований ученых были посвящены изучению и анализу различных аспектов использования сети Интернет населением Республики Тыва (Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022). В нашей ранней публикации (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023), были представлены результаты изучения распространенности различных вариантов пользования Интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптив-

ного (НПИ), патологического (ППИ) и особенностей потребляемого интернет-контента у подростков г. Кызыла (столицы Республики Тыва) разной возрастно-половой и этнической принадлежности, однако не была проанализирована соматическая коморбидность онлайн-поведения представителей молодого поколения Тувы, что, несомненно, является актуальной проблемой.

Изучение данных аспектов представляло для нас большой интерес, в связи с чем целью настоящего исследования стало изучение ассоциаций наиболее частого функционального соматического расстройства — ГБН, с различными видами пользования Интернетом (адаптивным, неадаптивным, патологическим) и особенностями потребляемого интернет-контента у подростков и молодежи Тувы — представителей всех этнических групп, с учетом возрастно-половой и этнической принадлежности.

Для реализации этой цели сформулированы следующие задачи: исследовать распространенность ГБН во всей группе обследованных, в группах, различающихся по возрасту, полу и этнической принадлежности; проанализировать структуру различных видов онлайн-поведения (АПИ, НПИ и ППИ) в группах с наличием и отсутствием ГБН в зависимости от возраста, пола и этнической принадлежности; оценить особенности структуры потребляемого подростками интернет-контента (игровой, смешанной и недифференцированной зависимости, зависимости от социальных сетей, зависимости от смартфона) у обследованных с наличием и отсутствием ГБН в группах, различающихся по полу, возрасту и этнической принадлежности; оценить информативную значимость основных характеристик онлайн-поведения в качестве факторов риска развития ГБН; сравнить полученные в ходе исследования данные с результатами других авторов и данными собственных, ранее проведенных исследований.

Материал и методы исследования

Представленное исследование выполнено в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) «Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»» (ФИЦ КНЦ СО РАН) темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 121022600087-7) и темы НИР «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064-6), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Результаты исследования являются фрагментами выполненных и указанных выше НИР. Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, согласовано с администрацией учебных заведений.

Эмпирическими данными для анализа для работы послужили результаты обследований, проведенных в Республике Тыва с января 2023 г. по январь 2024 года. Объектом исследования были случайные выборки подростков 12–18 лет и лиц юношеского возраста (19–21 лет) — учащихся средних общеобразовательных школ и лицеев, средних специальных учебных заведений (колледжи, техникумы) и студентов 1-2 курсов Тувинского государственного университета, проживающих в городах: Кызыл (столица Республики Тыва), Шагонар, Ак-Довурак, Чадан, Туран, а также жителей сельских местностей районов (кожуунов) Тувы: Кызылского, Чеди-Хольского, Дзун-Хемчикского, Каа-Хемского, Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского, Монгун-Тайгинского, Улуг-Хемского, Чаа-Хольского, Эрзинского, Пий-Хемского, Тандинского, Тес-Хемского, Тоджинского и др.

Обследование проводилось методом онлайн-тестирования с использованием *Google Forms* скрининговой анкеты, опросника по головной боли и 3-х психометрических опросников (на русском и тувинском языках). Общее число обследованных составило 2488 человек, из них 1058 (42,5%) мальчиков и 1430 (57,5%) девочек; медиана (Me) возраста обследованных 15,0 [14,0; 16,0] лет.

Дизайн исследования включал изучение у обследованных групп сравнения следующих показателей: особенностей онлайн-поведения (АПИ, НПИ, ППИ) и потребляемого при интернет-деятельности контента: проблемного использования компьютерных игр (игровой зависимости), про-

блемного использования социальных сетей (зависимости от социальных сетей), смешанной и недифференцированной форм ППИ). В статистический анализ включались только те опросники, в которых тестируемыми были даны ответы на все вопросы. Анализировали показатели в общей группе обследованных ($n=2416$) с учетом наличия ($n=348$) и отсутствия ($n=2068$) ГБН, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом наличия/отсутствия ГБН и пола: мальчики 125/903 ($n=1028$), девочки 223/1165 ($n=1388$); возраста: 12-14 лет 106/675 ($n=781$), 15-18 лет 239/1290 ($n=1531$), 19-21 лет 8/168 ($n=176$) и этнической принадлежности: тувинцы 269/1785 ($n=2054$) и русские 68/232 ($n=300$).

В процессе исследования мы применяли термины: «адаптивное пользование Интернетом» (АПИ), «неадаптивное пользование Интернетом» (НПИ) и «патологическое пользование Интернетом» (ППИ), используемые при проведении международных медико-социальных исследований онлайн-поведения подростковых и молодежных популяций (Durkee et al., 2016). Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен — *Chen Internet Addiction Scale* (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Для оценки особенностей потребляемого пользователями интернет-контента проводили анализ наличия и частоты встречаемости игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, смешанной ИЗ (сочетание игровой зависимости и зависимости от социальных сетей) и недифференцированной интернет-зависимости (лица с ППИ и суммарным CIAS-баллом по шкале Чена ≥ 65 , не имеющие игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, но с преобладанием других видов онлайн-активности). Наличие зависимости от компьютерных игр (или игровой зависимости) определялось с использованием опросника «Game Addiction Scale for Adolescents» («Шкала игровой зависимости для подростков») (Lemmens, Valkenburg, Peter, 2009), включающего 7 вопросов. При этом, мы использовали политегический подход, согласно которому проблемное использование игр оценивалось по следующим критериям: при вариантах ответа «Никогда» и «Редко» на 7 вопросов опросника, делали вывод об отсутствии зависимости от игр, при наличии ≥ 4 -х ответов «Иногда», «Часто» и «Очень часто» — делали вывод о наличии проблемного использования игр (или игровой зависимости), верифицированного по «мягким» (не строгим) критериям, при наличии ≥ 4 -х ответов «Часто» и «Очень часто» — считали подтвержденным наличие проблемного использования игр, верифицированного по «строгим» критериям.

Наличие зависимости от социальных сетей оценивалось по опроснику «The Social Media Disorder Scale» («Шкала расстройств в социальных сетях») (van den Eijnden, Lemmens, Valkenburg, 2016), состоящего из 9 вопросов. Сумма набранных тестируемым баллов опросника ≥ 5 являлась основанием верифицировать наличие у него проблемного использования социальных сетей (или зависимости от социальных сетей).

Наличие проблемного использования смартфона (зависимость от смартфона — ЗСм) оценивали по оригинальной англоязычной версии опросника «The Smartphone Addiction Scale: Development and Validation of a Short Version for Adolescents» (SAS-SV) (Kwon et al., 2013). Шкала опросника включает 10 пунктов и используется для определения уровня зависимости от смартфона у пользователей обоих полов, а также для выявления группы риска. По итогам заполнения шкалы опросника подсчитывался суммарный балл, набранный тестируемым, далее проводилась его оценка по критериям, предусмотренным авторами данного опросника: величина >31 балла для юношей и >33 баллов — для девушек, позволяли диагностировать наличие у них проблемного использования смартфона (зависимости от смартфона).

Для выявления рецидивирующих головных болей (РГБ) и верификации типа их течения (с учетом частоты болевых эпизодов) использовалась скрининговая анкета, разработанная С. Ю. Терещенко на основе критериев, изложенных в международной классификации головной боли (Headache Classification ... , 2018). Частота головной боли оценивалась по следующим критериям: за последние 3 месяца голова болела не чаще 1 раза в месяц или не болела вообще — нет цефалгий, голова болела от 1 до 15 раз в месяц — редкие (эпизодические) цефалгии, голова болела чаще 15 раз в месяц —

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.

частые (хронические) цефалгии. Для верификации клинической формы цефалгии (ГБН или Мигрень) использовался диагностический алгоритм, разработанный на основе международной классификации головной боли (МКГБ, 3 бета, 2018) (Headache Classification ... , 2018).

Оценивали информативную значимость показателей онлайн-поведения и потребляемого контента в качестве предикторов развития ГБН в группах обследованных с различной возрастно-половой и этнической принадлежностью. Оценка значимости и величины вклада указанных онлайн-показателей в риск развития ГБН оценивали по значениям отношения шансов (ОШ) и их 95%-х доверительных интервалов (ДИ макс и ДИ мин).

В качестве источников статистической информации использованы результаты обследования подростков и лиц юношеского возраста, проживающих в городской и сельской местности Республики Тыва, и сформированные на их основе электронные базы данных. При *статистической обработке* полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Коморбидные ассоциации головной боли напряжения с онлайн-поведением

На первом этапе мы провели анализ распространенности рецидивирующих головных болей (РГБ) в общей группе включенных в обследование подростков и молодежи Тувы, без верификации клинических форм цефалгии (ГБН и мигрени). Было установлено, что из 2761 чел., отвечавших на данный опросник, корректно ответили на раздел о наличии или отсутствии эпизодов головных болей 2752 чел., при этом РГБ в анамнезе имели место у 1230 (48,9%) респондентов и у 1522 (55,1%) рецидивирующих цефалгий не было. В разделе опросника о *частоте* болевых эпизодов корректно дали ответы все 2761 отвечавших, при этом редкие РГБ отмечены у 1022 (37,0%) чел., частые — у 185 (6,7%) и нет РГБ у 1554 (56,3%).

Из общего числа обследованных РГБ регистрировались у 162 (46,4%) лиц русской и у 1077 (44,6%) — тувинской этнической принадлежности. Распределение по частоте болевых эпизодов у *русских* было следующим: редкие РГБ — 130 (37,2%), частые — 27 (7,7%), нет РГБ — 192 (55,0%). Аналогичные показатели у *тувинцев* были равны: 892 (37,0%), 158 (6,5%) и 1362 (56,5%) чел. Анализ частоты встречаемости РГБ по полу в общей группе обследованных показал, что РГБ чаще были характерны для девочек — 827/1620 (51,0%), чем мальчиков — 445/1228 (36,32%), $p < 0,0001$, $\chi^2=62,00$.

Частота встречаемости РГБ нарастала с возрастом. Так, среди всех включенных в обследование лиц подростково-юношеского возраста более значительной была численность лиц с РГБ в старшей возрастной группе (19–21 лет) — 107/176 (60,8%) чел., второе ранговое место по данному показателю занимала возрастная группа 15–18 лет — 778/1641 (47,4%) чел. и менее высокой была распространенность РГБ в возрастной группе 12–14 лет — 387/1032 (37,5%) чел., выявленные между группами различия анализируемого показателя были статистически значимыми: $p_{1-2} < 0,0001$, $\chi^2=25,31$; $p_{1-3} < 0,0001$, $\chi^2=33,76$; $p_{2-3} = 0,0007$, $\chi^2=11,40$.

По данным сравнительного анализа корректно заполненного опросника по верификации *клинической формы цефалгии* наличие головной боли напряжения (ГБН) установлено у 342 (14,1%) лиц всей группы обследованных и у 2083 (85,9%) чел. такой формы цефалгии, как ГБН, не диагностировано. У лиц русской этнической принадлежности ГБН регистрировалась чаще — 68/301 (22,6%) чел., чем у обследованных тувинской этнической принадлежности — 274/2124 (12,9%) чел., $p < 0,0001$, $\chi^2=20,44$. Во всей группе обследованных наличием ГБН чаще отличались девочки — 224/1430 (15,7%) чел., чем мальчики — 129/1058 (12,2%) чел., $p=0,0142$, $\chi^2=6,02$.

Анализ частоты встречаемости ГБН в различных возрастных группах всей выборки обследованных показал, что значительно меньшим числом лиц с ГБН отличалась старшая возрастная группа (19–21 лет) — 8/176 (4,5%) чел., показатели двух других групп (12–14 и 15–18 лет) между собой были сопоставимы (соответственно 106/781, 13,6% и 239/1531, 15,6%; $p_{1-2} = 0,1933$, $\chi^2=1,69$), но превышали показатель старшей возрастной группы (4,5%), $p_{1-3} = 0,0008$, $\chi^2=11,15$; $p_{2-3} = 0,0001$, $\chi^2=15,62$.

В таблице 1 представлены особенности онлайн-поведения у подростков и молодежи Тувы с наличием и отсутствием ГБН (во всей группе включенных в обследование лиц, и группах с различной половой принадлежностью). Установлено, что ГБН ассоциирована с более частой встречаемостью дезадаптивных видов онлайн-поведения — НПИ и ППИ, при этом выявленные различия были статистически значимы. Вместе с тем адаптивное пользование Интернетом (АПИ) имело более тесную ассоциацию с отсутствием ГБН.

Таблица 1. Структура онлайн-поведения у подростков и молодежи с наличием и отсутствием ГБН (в общей группе обследованных и группах, различающихся по полу)
 Table 1. The structure of online behavior in adolescents and young people with and without TTH (in the general group of surveyed and groups differing by gender)

Группа	Онлайн-поведение у подростков						p
	(a) Адаптивное		(b) Неадаптивное		(c) Патологическое		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
<i>В общей группе обследованных</i>							
1гр. без ГБН, n = 2068	1029 (49,8)	47,6–51,9	841 (40,7)	38,6–42,8	198 (9,6)	8,4–10,9	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
2гр. с ГБН, n = 348	107 (30,7)	26,1–35,8	185 (53,2)	47,9–58,3	56 (16,1)	12,6–20,3	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
Всего, n = 2416	1136 (47,0)	45,0–49,0	1026 (42,5)	40,5–44,4	254 (10,5)	9,4–11,8	a-b = 0,0015 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	$p < 0,0001, \chi^2=43,22$		$p < 0,0001, \chi^2=19,03$		$p = 0,0002, \chi^2 = 13,45$		
<i>В группах, различающихся по полу</i>							
1гр. без ГБН, мальчики, n = 903	473 (52,4)	49,1–55,6	362 (40,1)	36,9–43,3	68 (7,5)	6,0–9,4	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
2гр. без ГБН, девочки, n = 1165	556 (47,7)	44,9–50,6	479 (41,1)	38,3–44,0	130 (11,2)	9,5–13,1	a-b = 0,0013 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
3гр. с ГБН, мальчики, n = 125	46 (36,8)	28,9–45,5	67 (53,6)	44,9–62,1	12 (9,6)	5,6–16,0	a-b = 0,0076 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
4гр. с ГБН, девочки, n = 223	61 (27,4)	21,9–33,6	118 (52,9)	46,4–59,4	44 (19,7)	15,0–25,4	a-b < 0,0001 a-c = 0,0578 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	0,0357; $\chi^2=4,41$		0,6372; $\chi^2=0,22$		0,0054; $\chi^2=7,74$		
$p_{3-4} (\chi^2)$	0,0670; $\chi^2=3,36$		0,9022; $\chi^2=0,02$		0,0136; $\chi^2=6,09$		
$p_{1-3} (\chi^2)$	0,0011; $\chi^2=10,66$		0,0041; $\chi^2=8,24$		0,4182; $\chi^2=0,66$		
$p_{2-4} (\chi^2)$	<0,0001; $\chi^2=31,46$		0,0011; $\chi^2=10,63$		0,0004; $\chi^2=12,54$		

НПИ статистически значимо чаще ассоциировалось с наличием ГБН как у мальчиков, так и девочек, а ППИ значительно чаще ассоциировалось с наличием ГБН у девочек при наличии тенденции к аналогичной направленности изменений данного показателя у мальчиков (табл. 1).

Этнические различия коморбидных ассоциаций ГБН с особенностями онлайн-поведения у обследованных иллюстрирует *таблица 2*.

Таблица 2. Структура онлайн-поведения у лиц с наличием и отсутствием ГБН в группах с различной этнической принадлежностью
Table 2. Structure of online behavior in individuals with and without TTH in groups with different ethnicities

Группа	Онлайн-поведение						p
	(a) адаптивное		(b) неадаптивное		(c) патологическое		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
1гр. без ГБН, русские, n = 232	137 (59,0)	52,6–65,2	79 (34,1)	28,3–40,4	16 (6,9)	4,3–10,9	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
2гр. без ГБН, тувинцы, n = 1785	861 (48,2)	45,9–50,6	743 (41,6)	39,4–43,9	181 (10,1)	8,8–11,6	a-b = 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
3гр. с ГБН, русские, n = 68	37 (54,4)	42,7–65,7	23 (33,8)	23,7–45,7	8 (11,8)	6,1–21,5	a-b = 0,0156 a-c < 0,0001 b-c = 0,0022
4гр. с ГБН, тувинцы, n = 269	64 (23,8)	19,1–29,2	158 (58,7)	52,8–64,5	47 (17,5)	13,4–22,5	a-b < 0,0001 a-c = 0,0701 b-c < 0,0001
Всего, n = 2354	1099 (46,7)	44,7–48,7	1003 (42,6)	40,6–44,6	252 (10,7)	9,5–12,0	a-b = 0,0049 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	0,0019; $\chi^2=9,61$		0,0272; $\chi^2=4,88$		0,1175; $\chi^2=2,45$		
$p_{3-4} (\chi^2)$	<0,0001; $\chi^2=24,25$		0,0002; $\chi^2=13,55$		0,2552; $\chi^2=1,29$		
$p_{1-3} (\chi^2)$	0,4954; $\chi^2=0,46$		0,9721; $\chi^2=0,00$		0,1932; $\chi^2=1,69$		
$p_{2-4} (\chi^2)$	<0,0001; $\chi^2=56,43$		<0,0001; $\chi^2=27,80$		0,0004; $\chi^2=12,74$		

Как следует из представленных в *таблице 2* данных, независимо от наличия или отсутствия ГБН, тувинцы отличались от русских статистически значимо более частой встречаемостью НПИ. Для обследованных тувинской этнической принадлежности была характерна более тесная ассоциация ГБН с дезадаптивными видами (НПИ и ППИ) онлайн-поведения.

В *таблице 3* представлены результаты статистического анализа частоты встречаемости *специфических форм* патологического пользования Интернетом (ППИ) или интернет-зависимости (ИЗ) — у всех лиц, включенных в обследование, и группах, разделенных по полу, в зависимости от наличия или отсутствия ГБН.

Таблица 3. Игровая и смешанная форма ППИ у лиц с наличием и отсутствием ГБН
(во всей группе обследованных, и группах, разделенных по полу)
Table 3. The playful and mixed form of pathological use of the Internet in persons with and without TTH
(in the entire group of subjects and groups divided by gender)

Группа	В общей группе обследованных						p
	(a) Игровая зависимость (по строгим критериям)		(b) Игровая зависимость (по мягким критериям)		(c) Смешанная форма ППИ		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
1гр. без ГБН	59/1820 (3,2)	2,5–4,2	207/1822 (11,4)	10,0–12,9	26/1795 (1,4)	1,0–2,1	a-b < 0,0001 a-c = 0,0004 b-c < 0,0001
2гр. с ГБН	19/314 (6,0)	3,9–9,3	58/316 (18,3)	14,5–23,0	10/310 (3,2)	1,8–5,8	a-b < 0,0001 a-c = 0,0937 b-c < 0,0001
Всего	78/2134 (3,7)	2,9–4,5	265/2138 (12,4)	11,1–13,9	36/2105 (1,7)	1,2–2,4	a-b < 0,0001 a-c = 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	$p = 0,0143,$ $\chi^2=6,00$		$p = 0,0005,$ $\chi^2=12,13$		$p = 0,0258$ $\chi^2 = 4,97$		
В группах, различающихся по полу							
1гр. без ГБН, мальчики	34/850 (4,0)	2,9–5,5	125/849 (14,7)	12,5–17,3	8/839 (1,0)	0,5–1,9	a-b < 0,0001 a-c = 0,0001 b-c < 0,0001
2гр. без ГБН, девочки	25/970 (2,6)	1,8–3,8	82/973 (8,4)	6,8–10,3	18/956 (1,9)	1,2–3,0	a-b < 0,0001 a-c = 0,3023 b-c < 0,0001
3гр. с ГБН, мальчики	6/124 (4,8)	2,2–10,2	26/125 (20,8)	14,6–28,7	3/123 (2,4)	0,8–6,9	a-b = 0,0002 a-c = 0,3142 b-c < 0,0001
4гр. с ГБН, девочки	13/190 (6,8)	4,0–11,4	32/191 (16,7)	12,1–22,7	7/187 (3,7)	1,8–7,5	a-b = 0,0027 a-c = 0,1795 b-c < 0,0001
Всего	78/2134 (3,7)	2,9–4,5	265/2138 (12,4)	11,1–13,9	36/2105 (1,7)	1,2–2,4	a-b < 0,0001 a-c = 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	0,0873; $\chi^2=2,92$		< 0,0001; $\chi^2=17,84$		0,1001; $\chi^2=2,70$		
$p_{3-4} (\chi^2)$	0,4667; $\chi^2=0,53$		0,3636; $\chi^2=0,83$		0,5249; $\chi^2=0,40$		
$p_{1-3} (\chi^2)$	0,6602; $\chi^2=0,19$		0,0797; $\chi^2=3,07$		0,1479; $\chi^2=2,09$		
$p_{2-4} (\chi^2)$	0,0025; $\chi^2=9,12$		<0,0001; $\chi^2=219,53$		0,1117; $\chi^2=2,53$		

Частота встречаемости игровой зависимости, верифицированной по строгим критериям, во всей группе обследованных составила 3,7%, по мягким (не строгим) критериям — 12,4%, а такой специфической формы ППИ, как смешанная форма интернет-зависимости — 1,7%. При всех формах ППИ выявлена более тесная их ассоциация с головной болью напряжения, подтвержденная наличием статистически значимых различий (табл. 3).

Анализ гендерных различий частоты встречаемости представленных в *таблице 3* специфических форм ППИ (или ИЗ), выявил значимую ассоциацию ГБН с наличием игровой зависимости, верифицированной как по строгим, так и не строгим (мягким) критериям, в группе девочек.

Таблица 4 иллюстрирует результаты статистического анализа частоты встречаемости других специфических форм проблемного пользования Интернетом (компонентов интернет-контента) и их ассоциации с ГБН во всей обследованной в Туве группе, и группах, различающихся половой принадлежностью.

Таблица 4. Недифференцированная форма ППИ, зависимость от социальных сетей и смартфона, у лиц с наличием и отсутствием ГБН (во всей выборке и группах с различной половой принадлежностью)
 Table 4. Undifferentiated form of pathological internet use, dependence on social networks and smartphones, in persons with and without TTH (in the entire sample and groups with different genders)

Группа	В общей группе обследованных						p
	Недифференцированная форма ППИ (a)		Зависимость от социальных сетей (b)		Зависимость от смартфона (c)		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
1гр. без ГБН	77/1585 (4,9)	3,9–6,0	183/2035 (9,0)	7,8–10,3	118/1304 (9,0)	7,6–10,7	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c = 0,9557
2гр. с ГБН	22/253 (8,7)	5,9–12,8	54/340 (15,9)	12,4–20,1	54/180 (30,0)	23,8–37,1	a-b = 0,0096 a-c < 0,0001 b-c = 0,0002
Всего	99/1838 (5,4)	4,4–6,5	237/2375 (10,0)	8,8–11,2	172/1484 (11,6)	10,1–13,3	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c = 0,1137
$p_{1-2} (\chi^2)$	$p = 0,0120, \chi^2=6,30$		$p = 0,0001, \chi^2=15,39$		$p < 0,0001, \chi^2 = 67,75$		
<i>В группах, различающихся по полу</i>							
1 гр. без ГБН мальчики	34/758 (4,5)	3,2–6,2	54/888 (6,1)	4,7–7,9	41/556 (7,4)	5,5–9,9	a-b = 0,1515 a-c = 0,0258 b-c = 0,3348
2 гр. без ГБН девочки	43/827 (5,2)	3,9–6,9	129/1147 (11,2)	9,5–13,2	77/748 (10,3)	8,3–12,7	a-b < 0,0001 a-c = 0,0001 b-c = 0,5149

3 гр. с ГБН мальчики	8/108 (7,4)	3,8–13,9	13/124 (10,5)	6,2–17,1	11/44 (25,0)	14,6–39,4	a-b = 0,4153 a-c = 0,0029 b-c = 0,0181
4 гр. с ГБН девочки	14/145 (9,7)	5,8–15,6	41/216 (19,0)	14,3–24,7	43/136 (31,6)	24,4–39,8	a-b = 0,0156 a-c < 0,0001 b-c = 0,0068
Всего	99/1838 (5,4)	4,4–6,5	237/2375 (10,0)	8,8–11,2	175/1484 (11,7)	10,2–13,5	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c = 0,0759
$p_{1-2}(\chi^2)$	0,5089; $\chi^2=0,44$		0,0001; $\chi^2=16,32$		0,0691; $\chi^2=3,30$		
$p_{3-4}(\chi^2)$	0,5303; $\chi^2=0,39$		0,0391; $\chi^2=4,26$		0,4051; $\chi^2=0,69$		
$p_{1-3}(\chi^2)$	0,1860; $\chi^2=1,75$		0,0647; $\chi^2=3,41$		0,0001; $\chi^2=16,00$		
$p_{2-4}(\chi^2)$	0,0352; $\chi^2=4,44$		0,7978; $\chi^2=0,07$		<0,0001; $\chi^2=44,60$		

Во всей группе обследованных в Туве лиц подростково-юношеского возраста недифференцированная форма ППИ регистрировалась у 5,4%, зависимость от социальных сетей — у 10,0%, а зависимость от смартфона — у 11,6% обследованных. При этом лица с ГБН значительно чаще характеризовались наличием недифференцированной формы ППИ, зависимости от социальных сетей и зависимости от смартфона в отличие от лиц без ГБН. Выявленные различия были статистически значимы (табл. 4).

Девочки с ГБН значительно чаще отличались наличием недифференцированной формы ППИ и зависимости от смартфона, а мальчики с ГБН значительно чаще своих сверстников без ГБН характеризовались наличием зависимости от смартфона. Как девочки, так и мальчики с ГБН отличались большей встречаемостью зависимости от социальных сетей в сравнении с аналогичными группами без ГБН (табл. 4).

В таблице 5 представлена структура потребляемого интернет-контента (структура специфических форм ППИ) у лиц подростково-юношеского возраста Тувы с наличием и отсутствием ГБН в зависимости от этнической принадлежности.

Таблица 5. Специфические формы ППИ у подростков и молодежи Тувы с наличием и отсутствием ГБН (в группах с различной этнической принадлежностью)
Table 5. Specific forms of pathological Internet use in Tuvan adolescents and youth with and without TTH (in groups with different ethnicity)

Группа	Специфические формы ППИ						p
	(а) Игровая зависимость (по строгим критериям)		(б) Игровая зависимость (по мягким критериям)		(с) Смешанная форма ППИ		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
1 гр. без ГБН русские	7/210 (3,3)	1,6–6,7	21/210 (10,0)	6,6–14,8	2/210 (0,9)	0,3–3,4	a-b = 0,0062 a-c = 0,0920 b-c < 0,0001

2 гр. без ГБН тувинцы	49/1563 (3,1)	2,4–4,1	178/1565 (11,4)	9,9–13,0	24/1538 (1,6)	1,1–2,3	a-b < 0,0001 a-c = 0,0038 b-c < 0,0001
3 гр. с ГБН русские	4/65 (6,1)	2,4–14,8	9/65 (13,8)	7,5–24,3	3/65 (4,6)	1,6–12,7	a-b = 0,1438 a-c = 0,6976 b-c = 0,0691
4 гр. с ГБН тувинцы	14/239 (5,9)	3,5–9,6	48/241 (19,9)	15,4–25,4	7/235 (3,0)	1,5–6,0	a-b < 0,0001 a-c = 0,1278 b-c < 0,0001
Всего	74/2077 (3,6)	2,8–4,4	256/2081 (12,3)	11,0–13,8	36/2048 (1,8)	1,3–2,4	a-b < 0,0001 a-c = 0,0003 b-c < 0,0001
$p_{1-2}(\chi^2)$	0,8774; $\chi^2=0,02$		0,5535; $\chi^2=0,35$		0,4947; $\chi^2=0,47$		
$p_{3-4}(\chi^2)$	0,9285; $\chi^2=0,01$		0,2646; $\chi^2=1,24$		0,5153; $\chi^2=0,42$		
$p_{1-3}(\chi^2)$	0,3106; $\chi^2=1,03$		0,3847; $\chi^2=0,76$		0,0534; $\chi^2=3,73$		
$p_{2-4}(\chi^2)$	0,0328; $\chi^2=4,55$		0,0002; $\chi^2=13,92$		0,1224; $\chi^2=2,39$		
<i>Зависимость от смартфона, от социальных сетей, недифференцированная форма ППИ</i>							
Группа	(а) Недифференцированная форма ППИ		(б) Зависимость от социальных сетей		(с) Зависимость от смартфона		p
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
1 гр. без ГБН русские	6/193 (3,1)	1,4–6,6	12/231 (5,2)	3,0–8,9	3/79 (3,8)	1,3–10,6	a-b = 0,2887 a-c = 0,7732 b-c = 0,6173
2 гр. без ГБН тувинцы	71/1351 (5,3)	4,2–6,6	168/1753 (9,6)	8,3–11,1	113/1193 (9,5)	7,9–11,3	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c = 0,9193
3 гр. с ГБН русские	1/58 (1,7)	0,3–9,1	6/68 (8,8)	4,1–17,9	5/17 (29,4)	13,3–53,1	a-b = 0,0829 a-c = 0,0002 b-c = 0,0237
4 гр. с ГБН тувинцы	21/187 (11,2)	7,5–16,6	47/261 (18,0)	13,8–23,1	49/159 (30,8)	24,2–38,4	a-b = 0,0487 a-c < 0,0001 b-c = 0,0024
Всего	99/1789 (5,5)	4,6–6,7	233/2313 (10,1)	8,9–11,4	170/1448 (11,7)	10,2–13,5	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c = 0,1078
$p_{1-2}(\chi^2)$	0,2000; $\chi^2=1,64$		0,0290; $\chi^2=4,77$		0,8980; $\chi^2=2,88$		
$p_{3-4}(\chi^2)$	0,0270; $\chi^2=4,89$		0,0665; $\chi^2=3,37$		0,9049; $\chi^2=0,01$		
$p_{1-3}(\chi^2)$	0,5744; $\chi^2=0,32$		0,2688; $\chi^2=1,22$		0,0005; $\chi^2=12,02$		
$p_{2-4}(\chi^2)$	<0,0001; $\chi^2=395,2$		<0,0001; $\chi^2=16,91$		<0,0001; $\chi^2=60,61$		

Как следует из *таблицы 5*, тувинцы с ГБН в отличие от тувинцев без ГБН, характеризовались более частой встречаемостью всех специфических форм патологического пользования Интернетом (игровой зависимости, верифицированной по строгим и мягким критериям, недифференцированной интернет-зависимости, зависимости от социальных сетей и смартфона), исключением была лишь смешанная форма интернет-зависимости. Выявленные различия были статистически значимыми. Среди обследованных русской этнической принадлежности имела место более частая встречаемость

смешанной формы интернет-зависимости и зависимости от смартфона у лиц с ГБН, чем без ГБН. Указанные различия достигали уровня статистической значимости.

Деадаптивное онлайн-поведение как фактор риска головной боли

Отдельный фрагмент нашего исследования был посвящен оценке роли показателей онлайн-поведения и потребляемого контента в качестве предикторов развития ГБН в группах с различной возрастно-половой и этнической принадлежностью. Оценка информативной значимости и величины вклада в риск развития ГБН оценивали по показателям отношения шансов (ОШ) и их доверительных интервалов (95% ДИ).

Рисунок 1 иллюстрирует выявленную нами структуру предикторов (факторов риска) развития ГБН у подростков и молодежи Тувы. В данном случае значения ОШ, максимального и минимального доверительного интервала были рассчитаны в целом для всей включенной в обследование группы подростков и молодежи Тувы, на рисунке представлены только статистически значимые величины ОШ и их ДИ.

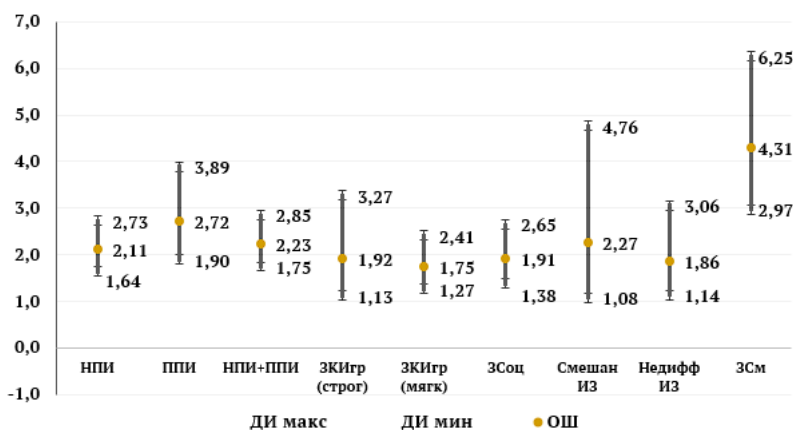

Рисунок 1. Вклад различных форм онлайн-поведения в риск развития головной боли напряжения (ГБН) у подростков и молодежи Тувы. Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал.

Figure 1. The contribution of various forms of online behavior to the risk of developing tension-type headaches (TTH) in adolescents and young people of Tuva. Note: OR (OR) — odds ratio (in arbitrary units), ДИ макс (CI max) — maximum confidence interval, ДИ мин (CI min) — minimum confidence interval.

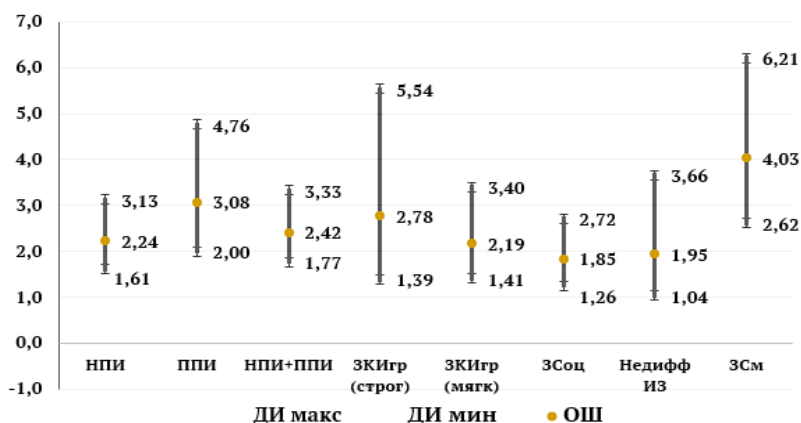

Рисунок 2. Вклад различных форм онлайн-поведения в риск развития головной боли напряжения у девочек и девушек Тувы. Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал.

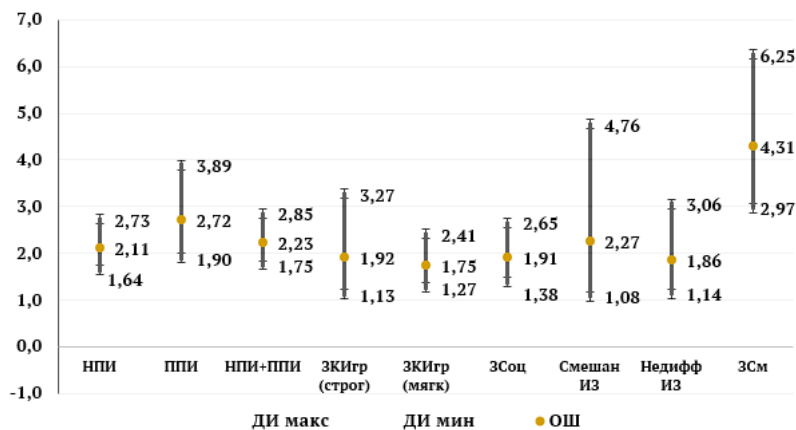
Figure 2. The contribution of different forms of online behavior to the risk of developing headaches tension pain in girls and women of Tuva. Note: OR (OR) — odds ratio (in arbitrary units), ДИ макс (CI max) — maximum confidence interval, ДИ мин (CI min) — minimum confidence interval.

Как следует из *рисунка 1*, наиболее значимыми предикторами развития ГБН у данного контингента является патологическое пользование Интернетом (ППИ) или наличие генерализованной интернет-зависимости, а также патологическое использование смартфона (наличие зависимости от смартфона). Для указанных показателей величина ОШ значительно превышала значение 2,0.

На *рисунке 2* представлены предикторы (факторы риска) развития ГБН у *девочек и девушек* Тувы.

В перечень наиболее информативных предикторов (факторов риска) развития ГБН у обследованных в Туве девочек и девушек, вошли такие характеристики онлайн-поведения, как патологическое пользование Интернетом (или генерализованная интернет-зависимость), зависимость от компьютерных игр (игровая зависимость), верифицированная по строгим критериям, и проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона).

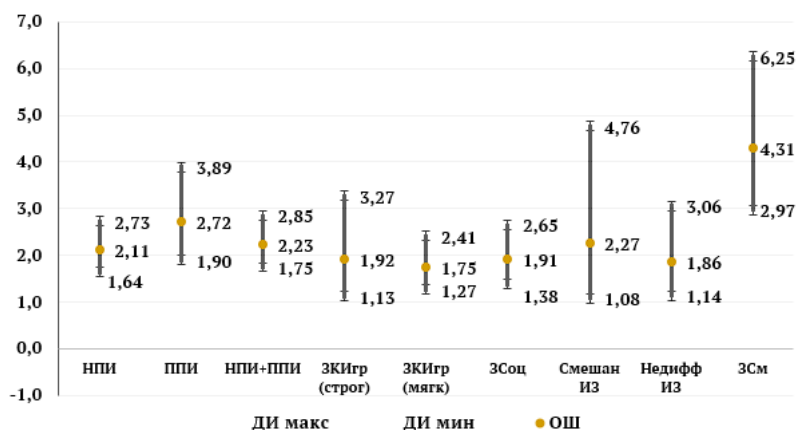
Рисунок 3. Вклад различных форм онлайн-поведения в риск развития головной боли напряжения у подростков и молодежи тувинской этнической принадлежности. Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.),

ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал.

Figure 3. The contribution of various forms of online behavior to the risk of developing tension-type headache in adolescents and young people of Tuvan ethnicity. Note: OШ (OR) — odds ratio (in arbitrary units),

ДИ макс (CI max) — maximum confidence interval, ДИ мин (CI min) — minimum confidence interval.

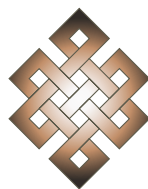
Рисунок 3 иллюстрирует предикторы (факторы риска) развития ГБН у подростков и молодежи тувинской этнической принадлежности.

Рисунок 4. Вклад различных видов онлайн-поведения в риск развития ГБН у обследованных в Туве лиц 15–18 лет (мальчики + девочки). Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал.

Figure 4. Contribution of different types of online behavior to the risk of developing TTH among persons examined in Tuva, 15–18 years old (boys + girls). Note: OШ (OR) — odds ratio (in arbitrary units), ДИ макс (CI max) — maximum confidence interval, ДИ мин (CI min) — minimum confidence interval.

Наиболее значительный вклад в риск развития ГБН у подростков и молодежи тувинской этнической принадлежности вносят такие показатели онлайн-поведения, как неадаптивное (НПИ), патологическое (ППИ), дезадаптивное (НПИ+ППИ) пользование Интернетом и проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона).

На *рисунке 4* представлены факторы риска развития ГБН у обследованных в Туве лиц подростково-юношеского возраста *15–18 лет*.

Наиболее значимыми факторами риска развития ГБН у представителей возрастной группы 15-18 лет являются следующие особенности онлайн-поведения: НПИ, ППИ, НПИ+ППИ, зависимость от компьютерных игр (по строгим критериям), смешанная форма интернет-зависимости (наличие одновременно зависимости от компьютерных игр и социальных сетей), а также проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона).

Обсуждение

В результате проведенного нами исследования были выявлены особенности распространенности и структуры рецидивирующей головной боли и ее наиболее часто встречающейся клинической формы — головной боли напряжения (ГБН), в общей группе включенных в обследование лиц подростково-юношеского возраста Тувы, а также в группах с различной возрастно-половой и этнической принадлежностью. Проведено комплексное исследование наличия ассоциаций ГБН с особенностями онлайн-поведения подростков и молодежи и спектром потребляемого ими интернет-контента в возрастно-половых и этнических группах. Изучена информативная значимость и величина вклада основных характеристик онлайн-поведения, определена их роль в качестве предикторов, факторов риска развития ГБН у обследованных лиц с учетом возраста, пола и этнической принадлежности.

Безусловно, выявленные нами различия распространенности и структуры ГБН, ее коморбидных ассоциаций с особенностями онлайн-поведения и их значимости в качестве факторов риска развития ГБН у представителей подростково-юношеской популяции Тувы, являющейся одним из субъектов РФ и климатогеографических регионов Сибири, не могут претендовать на уникальность. В связи с чем мы сопоставили полученные нами данные с результатами других авторов и своими собственными, полученными в ходе обследования подростковой популяции другого региона Сибири (Красноярский край, г. Красноярск). Для корректного сравнения собственных результатов с данными других авторов мы в своей работе использовали оригинальные версии международно принятых диагностических опросников, сведения о которых представлены выше.

В течение двух последних десятилетий отмечается прогрессирующая тенденция к интернет-зависимости среди подростков и молодых взрослых. Это явление принимает массовый характер и часто сопровождается нарушениями здоровья пользователей, в том числе — наличием различных болевых синдромов и, в первую очередь, — головных болей.

С целью выявления распространенности первичных головных болей среди детей и подростков с анализом подгрупп по подтипам головной боли, А. Онофри и его коллеги (Onofri et al., 2023) провели поиск перекрестных и когортных исследований в базах данных Embase, Medline, Web of Science и Cochrane за 1988–2022 г. Выявлено 48 исследований, по результатам которых показано, что совокупная распространенность первичных головных болей составила 11% для мигрени в целом (95%ДИ: 9–14%), 8% для мигрени без ауры (MwoA) (95%ДИ: 5–12%), 3% для мигрени с аурой (MwA) (95% ДИ: 2–4%) и 17% для головной боли напряжения (ГБН) (95% ДИ: 12–23%). Общая распространенность первичной головной боли у детей и подростков составила 62% (95% ДИ: 53–70%), при этом распространенность среди лиц женского и мужского пола составила 38% (95% ДИ: 16–66%) и 27% (95% ДИ: 11–53%) соответственно. В целом обнаружена чрезвычайно высокая распространенность первичных головных болей у детей и подростков, несмотря на высокую степень гетерогенности.

Результаты исследования Р. Серутти и соавторов (Serutti et al., 2016) показали потенциальное воздействие чрезмерного использования Интернета и мобильных устройств, которое варьировало у 841 обследованного ими итальянских подростка 10–16 лет (51,1% мальчиков; 48,9% девочек) от различных типов головной боли до других соматических симптомов. Но в отличие от полученных нами результатов настоящего исследования, показавших наличие статистически значимых ассо-

циаций РГБ и клинической формы первичной цефалгии — ГБН, с дезадаптивными видами онлайн-поведения обследованных в Туве подростков, статистически значимой связи между головной болью и зависимостью от Интернета и мобильных телефонов указанными выше авторами не выявлено (головная боль наблюдалась у 28% в группе без зависимости от смартфона, у 35% в группе с зависимостью от смартфона, у 25% в группе с интернет-зависимостью и у 28% в группе с зависимостью от смартфона и интернет-зависимостью). Также не было обнаружено значимой взаимосвязи, когда рассматривались только различные типы головной боли (головная боль напряжения была у 39% в группе без зависимости и у 40% в группе с зависимостью от смартфона, у 32% в группе с интернет-зависимостью и у 31% в группе с зависимостью от смартфона и интернет-зависимостью).

М. К. Хавиер и соавторы (Xavier et al., 2015) изучили распространенность головной боли у 954 португальских подростков 14–19 лет обоего пола и ее связь с чрезмерным использованием электронных устройств и игр. Распространенность головной боли составила 80,6%, чрезмерное использование электронных устройств оказалось фактором риска ($OR=1,21$) возникновения головной боли. У 17,9% подростков наблюдалась головная боль напряжения, у 19,3% — мигрень и у 43,4% — другие виды головной боли. Подростки 14–16 лет реже сообщали о головной боли ($OR=0,64$), они имели меньшую вероятность ($OШ < 0,68$) ГБН и других видов головной боли. В нашем исследовании распространенность РГБ среди лиц подростково-юношеского возраста Тувы была значительно ниже — 48,9% против 80,6% в Португалии, несколько ниже оказалась у нас и распространенность ГБН — 14,1% против 17,9%. Кроме того, мы дополнительно детализировали распространенность ГБН по возрастным группам 12–14 и 15–18 лет — 13,6% и 15,6% соответственно. По нашим данным, вероятность развития ГБН у обследованных нами подростков 15–18 лет оказалась значительно выше ($OШ > 2,0$ усл. ед.), чем у португальских подростков ($OR=0,64$), а риск развития ГБН был структурирован нами в зависимости от особенностей онлайн-поведения обследованных лиц, что иллюстрирует представленный в статье рисунок 4.

Распространенность мигрени и головной боли напряжения (ГБН) значительно варьирует в зависимости от пола, возрастной группы и географического региона. Основной причиной этой вариативности между исследованиями являются методологические различия в оценке и классификации случаев цефалгии. Несмотря на применение методов стандартизированной классификации, в исследовании В. Пфaffenрат и коллег наблюдались различия распространенности головных болей среди подростков 3-х регионов Германии: от 4,39 до 8,00% для мигрени и от 15,44 до 23,64% для ГБН (Pfaffenrath et al., 2009). Установленная в нашем исследовании частота встречаемости ГБН (14,1%) сопоставима с минимальной распространенностью (15,44%) данного вида цефалгии, выявленной немецкими авторами.

В 2019 г. нами (Эверт и др., 2020) было проведено скрининговое обследование 3035 подростков г. Красноярск — учащихся 10-ти общеобразовательных школ 5-ти районов города (45,9% мальчиков и 54,1% девочек) в возрасте 12–18 лет (средний возраст $14,5 \pm 1,3$), одной из задач которого было изучение частоты встречаемости и клинических особенностей коморбидных психосоматических расстройств у подростков с различными видами онлайн-поведения. В работе был использован аналогичный с настоящим исследованием набор диагностических опросников, что позволяет корректно сопоставить полученные данные. В ходе указанного выше исследования было установлено, что в целом, во всей популяции включенных в обследование подростков Красноярск, редкая (эпизодическая) головная боль с частотой от 1 до 15 дней в месяц встречалась у 33,4% (989/2962), ДИ=31,7–35,1%; частая (чаще 15 дней в месяц) головная боль регистрировалась у 4,4% (129/2962), ДИ=3,7–5,2% и не отмечалось эпизодов цефалгии (или они были реже 1 раза в месяц) у большего числа обследованных — у 62,3% (1844/2962), ДИ=60,5–64,0%.

Наиболее высоким был % подростков без рецидивирующих цефалгий в группе с адаптивным использованием Интернетом — 68,9% (1037/1504), ДИ=66,6–71,2% в сравнении с группой неадаптивного — 56,7% (713/1258), ДИ=53,9–59,4% и патологического (интернет-зависимого) — 47,0% (94/200), ДИ=40,2–53,9% пользования Интернетом. Различия между сравниваемыми группами были статистически значимыми: $p_{1-2} < 0,001$, $df=1$, $\chi^2=44,4$; $p_{1-3} < 0,001$, $df=1$, $\chi^2=38,1$; $p_{2-3}=0,011$, $df=1$, $\chi^2=6,54$.

Эпизодические (1–2 раза в месяц) головные боли регистрировались у 28,1% (423/1504) подростков с адаптивным использованием Интернетом, ДИ=25,9–30,5%; нарастала частота данного вида цефалгии у подростков с неадаптивным — 38,3% (482/1258), ДИ=35,7–41,0% и патологическим (ин-

тернет-зависимым) видом онлайн-поведения — 42,0% (84/200), ДИ=35,4–48,9%. Различия между сравниваемыми группами были статистически значимыми: $p_{1-2} < 0,001$, $df=1$, $\chi^2=32,3$; $p_{1-3} = 0,0001$, $df=1$, $\chi^2=16,3$. Исключением было отсутствие значимых различий между 2-й и 3-й группами: $p_{2-3} = 0,320$, $df=1$, $\chi^2=1,0$.

Подростки с патологическим (интернет-зависимым) онлайн-поведением характеризовались большим числом лиц с частыми (хроническими) головными болями — 11,0% (22/200), ДИ=7,4–16,1% в сравнении с группой обследованных с адаптивным — 2,9% (44/1504), ДИ=2,2–3,9% и неадаптивным видом онлайн-поведения — 5,0% (63/1258), ДИ=3,9–6,4%. Различия между сравниваемыми группами достигали уровня статистической значимости: $p_{1-2} = 0,005$, $df=1$, $\chi^2=8,0$; $p_{1-3} < 0,001$, $df=1$, $\chi^2=30,9$. Исключением было отсутствие статистически значимых различий между 2-й и 3-й группами: $p_{2-3} = 0,001$, $df=1$, $\chi^2=11,3$.

Таким образом, как и в настоящем нашем исследовании, наличие и направленность коморбидных ассоциаций цефалгий с онлайн-поведением, были аналогичны таковым в исследовании подростков Красноярска: частота встречаемости и структура коморбидных психосоматических расстройств у красноярских подростков ассоциирована с видом онлайн-поведения. Среди подростков с патологическим (интернет-зависимым) онлайн-поведением больше лиц с частыми РГБ. Редкие эпизоды рецидивирующих болей у подростков чаще ассоциируются с неадаптивным, а отсутствие болевых эпизодов — с адаптивным использованием Интернетом. Указанное выше свидетельствует об отсутствии специфики взаимосвязей анализируемых показателей у подростков двух сравниваемых регионов: независимо от региона проживания, наличие и частота эпизодов цефалгии ассоциированы с дезадаптивными видами онлайн-поведения.

Заключение

Дезадаптивное пользование Интернетом у подростков и молодежи нередко сопровождается развитием психосоматических расстройств — рецидивирующих болевых синдромов (в том числе — головных болей) и других коморбидных состояний с высоким риском их трансформации в хроническую психосоматическую патологию, что свидетельствует об актуальности данной проблемы и необходимости ее решения. Представленная работа, безусловно, отличается новизной: в отличие от большинства исследований, посвященных изучению факторов риска ГБН и отличающихся единичными фрагментарными сведениями о значении патологического пользования Интернетом у лиц с цефалгиями, в нашем исследовании представлен детализированный по видам онлайн-поведения спектр факторов риска развития ГБН с учетом возрастно-половой и этнической принадлежности подростков и молодежи Тувы.

В ходе проведенного нами исследования впервые на многочисленной выборке (2488 чел.) получены данные о распространенности и структуре рецидивирующих головных болей и наиболее частой клинической форме первичных цефалгий — головной боли напряжения, в подростково-юношеской популяции Тувы с позиций возрастно-половых и этнических различий. Выявлены ассоциации ГБН с особенностями онлайн-поведения, установлены более тесные ассоциации ГБН с дезадаптивными видами сетевого поведения (НПИ, ППИ, НПИ+ППИ) и специфическими формами патологического пользования Интернетом (проблемным использованием компьютерных игр, социальных сетей и смартфона), что подтверждает актуальность проблемы интернет-зависимости для молодого поколения Республики Тыва и свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения ее распространенности и коморбидных ассоциаций для оптимизации коррекционно-профилактических мероприятий среди тувинских пользователей Интернета с целью сохранения их здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиджанова, Д. А., Маджидова Ё. Н., Нурмухамедова М. А. (2017) Патогенетические механизмы развития головной боли напряжения у детей и принципы ее профилактики // Сибирское медицинское обозрение. № 1. С. 5–10.

Егоров, А. Ю. (2015) Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 33. № 4. С. 4. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 18.02.2024).

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Шнайдер, Н. А., Кондратьев, А. В., Шульмин, А. В. (2015) Эпидемиология головных болей [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22811> (дата обращения: 15.03.2024).

Эвэрт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Эвэрт, Л. С., Реушева, С. В., Зайцева, О. И., Паничева, Е. С., Потупчик, Т. В. (2016) Этиопатогенетические аспекты и факторы риска дорсалгий у детей и подростков // Российский педиатрический журнал. Т. 19. № 6. С. 80–84.

Эвэрт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Психосоматическая коморбидность у подростков Красноярска с различными видами онлайн-поведения // Профилактическая медицина. Т. 23. № 2. С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20202302178>

Ashina, S., Mitsikostas, D. D., Lee, M. J., Yamani, N., Wang, Sh.-J., Messina, R., Ashina, H., Buse, D. C., Pozo-Rosich, P., Jensen, R. H., Diener, H.-Ch., Lipton, R. B. (2021) Tension-type headache // Nature Reviews Disease Primers. Vol. 7. № 1. Article 24. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41572-021-00257-2>

Ayzenberg, I., Katsarava, Z., Chernysh, M., Sborowski, A., Mathalikov, R., Osipova, V., Tabeeva, G. R., Steiner, T. (2010) Countrywide population-based survey in Russia reveals high prevalence of chronic daily headache and its association with low socioeconomic status // The Journal of Headache and Pain. Vol. 11. Article 80.

Blaauw, B. A., Dyb, G., Hagen, K., Holmen, T. L., Linde, M., Wentzel-Larsen, T., Zwart, J. A. (2015) The relationship of anxiety, depression and behavioral problems with recurrent headache in late adolescence — a Young-HUNT follow-up study // The Journal of Headache and Pain. Vol. 16. Article 10. DOI: <https://doi.org/10.1186/1129-2377-16-10>

Çaksen, H. (2021) Electronic Screen Exposure and Headache in Children // Ann Indian Acad Neurol. Vol. 24. № 1. P. 8–10. DOI: https://doi.org/10.4103/aian.AIAN_972_20

Cao, H., Sun, Y., Wan, Yu., Hao, J., Tao, F. (2011) Problematic Internet use in Chinese adolescents and its relation to psychosomatic symptoms and life satisfaction // BMC Public Health. Article. 802. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-802>

Cerutti, R., Presaghi, F., Spensieri, V., Valastro, C., Guidetti, V. (2016) The Potential Impact of Internet and Mobile Use on Headache and Other Somatic Symptoms in Adolescence. A Population-Based Cross-Sectional Study // Headache. Vol. 56. № 7. P. 1161–1170. DOI: <https://doi.org/10.1111/head.12840>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294.

Duke, É., Montag, C. (2017) Smartphone addiction, daily interruptions and self-reported productivity // Addictive Behaviors Reports. Vol. 19. № 6. P. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.07.002>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A., Balazs, J. A., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., et al. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 13. № 3. Article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S. R., Bourgeois, J. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016 // Addictive Behaviors. Vol. 75. P. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Headache Classification Committee of the International Headache Society (IHS). The International Classification of Headache Disorders, 3rd ed. (2018) // Cephalalgia Vol. 38. № 1. P. 1–211. DOI: <https://doi.org/10.1177/0333102417738202>

Kumar, R. (2014) Internet addiction and psychosomatic symptoms among engineering students // Delhi Psychiatry Journal. Vol. 17. № 2. P. 387–394.

Kwon, M., Kim, D. J., Cho, H., Yang, S. (2013) The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents // PLoS One. Vol. 8. Article e83558. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M., Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // Journal of Media Psychology. Vol. 12. № 1. P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Mohapatra, S., Deo, S. J. K., Satapathy, A., Rath, N. (2014) Somatoform disorders in children and adolescents // German Journal of Psychiatry. Vol. 17. № 1. P. 19–24.

Onofri, A., Pensato, U., Rosignoli, C., Wells-Gatnik, W., Stanyer, E., Ornello, R., Chen, H. Zh., De Santis, F., Torrente, A., Mikulenka, P., Monte, G., Marschollek, K., et al. (2023) Primary headache epidemiology in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis // *The Journal of Headache and Pain*. Vol. 24. Article 8. DOI: <https://doi.org/10.1186/s10194-023-01541-0>

Pfaffenrath, V., Fendrich, K., Vennemann M., Meisinger, C., Ladwig, K. H., Evers, S., Straube, A., Hoffmann, W., Berger, K. (2009) Regional variations in the prevalence of migraine and tension-type headache applying the new IHS criteria: the German DMKG Headache Study // *Cephalalgia*. Vol. 29. № 1. P. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2982.2008.01699.x>

Romano, M., Roaro, A., Re F, Osborne, L. A., Truzoli, R., Reed, P. (2017) Problematic internet users' skin conductance and anxiety increase after exposure to the internet // *Addictive Behaviors*. Vol. 75. P. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.07.003>

Saquib, N, Saquib, J., Wahid, A., Ahmed, A. A., Dhuhayr, H. E., Zaghoul, M. S., Ewid, M., Al-Mazrou, A. (2017) Video game addiction and psychological distress among expatriate adolescents in Saudi Arabia // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 6. P. 112–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.09.003>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale // *Computers in Human Behavior*. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Xavier, M. K., Pitangui, A. C., Silva, G. R., Oliveira, V. M., Beltrão, N. B., Araújo, R. C. (2015) Prevalence of headache in adolescents and association with use of computer and videogames // *Ciência & Saúde Coletiva*. Vol. 20. № 11. P. 3477–3486. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-812320152011.19272014>

Дата поступления: 16.03.2024 г.

Дата принятия: 25.04.2024 г.

REFERENCES

Alidzhanova, D. A., Madzhidova E. N. and Nurmukhamedova M. A. (2017) The pathogenetic mechanisms of tension-type headaches in children and principles of its prevention. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–10. (In Russ.).

Egorov, A. Yu. (2015) Modern views on Internet addiction and approaches to its correction. *Meditsinskaiia psikhologiya v Rossii*, vol. 33, no. 4, p. 4 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (access date: 18.02.2024).

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Shnaider, N. A., Kondrat'ev, A. V. and Shul'min, A. V. (2015) Epidemiology of headaches. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 6 [online] Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22811> (access date: 15.03.2024).

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Evert, L. S., Reusheva, S. V., Zaitseva, O. I., Panicheva, E. S. and Potupchik, T. V. (2016) Etiopathogenetical aspects and risk factors for in children and adolescents. *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal*, vol. 19, no. 6, pp. 80–84. (In Russ.).

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Yu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Psychosomatic comorbidity in Krasnoyarsk adolescents with various types of online behavior. *Russian Journal of Preventive Medicine*, vol. 23, no. 2, pp. 78–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20202302178>

Ashina, S., Mitsikostas, D. D., Lee, M. J., Yamani, N., Wang, Sh.-J., Messina, R., Ashina, H., Buse, D. C., Pozo-Rosich, P., Jensen, R. H., Diener, H.-Ch. and Lipton, R. B. (2021) Tension-type headache. *Nature Reviews Disease Primers*, vol. 7, no. 1, article 24. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41572-021-00257-2>

Ayzenberg, I., Katsarava, Z., Chernysh, M., Sborowski, A., Mathalikov, R., Osipova, V., Tabeeva, G. R. and Steiner, T. (2010) Countrywide population-based survey in Russia reveals high prevalence of chronic daily headache and its association with low socioeconomic status. *The Journal of Headache and Pain*, vol. 11, article 80.

Blaauw, B. A., Dyb, G., Hagen, K., Holmen, T. L., Linde, M., Wentzel-Larsen, T. and Zwart, J. A. (2015) The relationship of anxiety, depression and behavioral problems with recurrent headache in late adolescence — a Young-HUNT follow-

- up study. *The Journal of Headache and Pain*, vol. 16, article 10. DOI: <https://doi.org/10.1186/1129-2377-16-10>
- Çaksen, H. (2021) Electronic Screen Exposure and Headache in Children. *Annals of Indian Academy of Neurology*, vol. 24, no. 1, pp. 8–10. DOI: https://doi.org/10.4103/aian.AIAN_972_20
- Cao, H., Sun, Y., Wan, Yu., Hao, J. and Tao, F. (2011) Problematic Internet use in Chinese adolescents and its relation to psychosomatic symptoms and life satisfaction. *BMC Public Health*, article 802. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-802>
- Cerutti, R., Presaghi, F., Spensieri, V., Valastro, C. and Guidetti, V. (2016) The Potential Impact of Internet and Mobile Use on Headache and Other Somatic Symptoms in Adolescence. A Population-Based Cross-Sectional Study. *Headache*, vol. 56, no. 7, pp. 1161–1170. DOI: <https://doi.org/10.1111/head.12840>
- Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294.
- Duke, É. and Montag, C. (2017) Smartphone addiction, daily interruptions and self-reported productivity. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 19, no. 6, pp. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.07.002>
- Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A., Balazs, J. A., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., et al. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>
- Feng, W., Ramo, D., Chan, S. R. and Bourgeois, J. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016. *Addictive Behaviors*, vol. 75, pp. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>
- Headache Classification Committee of the International Headache Society (IHS). The International Classification of Headache Disorders, 3rd ed. (2018) // *Cephalgia*, vol. 38, no. 1, pp. 1–211. DOI: <https://doi.org/10.1177/0333102417738202>
- Kumar, R. (2014) Internet addiction and psychosomatic symptoms among engineering students. *Delhi Psychiatry Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 387–394.
- Kwon, M., Kim, D. J., Cho, H. and Yang, S. (2013) The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents. *PLoS One*, vol. 8, article e83558. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>
- Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. and Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. *Journal of Media Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>
- Mohapatra, S., Deo, S. J. K., Satapathy, A. and Rath, N. (2014) Somatoform disorders in children and adolescents. *German Journal of Psychiatry*, vol. 17, no. 1, pp. 19–24.
- Onofri, A., Pensato, U., Rosignoli, C., Wells-Gatnik, W., Stanyer, E., Ornello, R., Chen, H. Zh., De Santis, F., Torrente, A., Mikulenska, P., Monte, G., Marschollek, K., et al. (2023) Primary headache epidemiology in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *The Journal of Headache and Pain*, vol. 24, article 8. DOI: <https://doi.org/10.1186/s10194-023-01541-0>
- Pfaffenrath, V., Fendrich, K., Vennemann M., Meisinger, C., Ladwig, K. H., Evers, S., Straube, A., Hoffmann, W. and Berger, K. (2009) Regional variations in the prevalence of migraine and tension-type headache applying the new IHS criteria: the German DMKG Headache Study. *Cephalgia*, vol. 29, no. 1, pp. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2982.2008.01699.x>
- Romano, M., Roaro, A., Re F, Osborne, L. A., Truzoli, R. and Reed, P. (2017) Problematic internet users' skin conductance and anxiety increase after exposure to the internet. *Addictive Behaviors*, vol. 75, pp. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.07.003>
- Saquib, N, Saquib, J., Wahid, A., Ahmed, A. A., Dhuhayr, H. E., Zaghloul, M. S., Ewid, M. and Al-Mazrou, A. (2017) Video game addiction and psychological distress among expatriate adolescents in Saudi Arabia. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 6, pp. 112–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.09.003>
- van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S. and Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>
- Xavier, M. K., Pitangui, A. C., Silva, G. R., Oliveira, V. M., Beltrão, N. B. and Araújo, R. C. (2015) Prevalence of headache in adolescents and association with use of computer and videogames. *Ciência & Saúde Coletiva*, vol. 20, no. 11, pp. 3477-3486. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-812320152011.19272014>

Submission date: 16.03.2024.

Acceptance date: 25.04.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.3.2

Статья

Интернет-зависимое поведение как фактор риска рецидивирующих головных болей у лиц подростково-молодежной популяции Республики Тыва

Елена С. Паничева

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого,
Российская Федерация,

Диана А. Сат, Татьяна М. Курганская

Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва,
Российская Федерация,

Саяна С. Серен-оол

Российская детская клиническая больница, Российская Федерация

В статье анализируются распространенность и структура одного из наиболее частых видов функциональных соматических расстройств — рецидивирующей головной боли (РГБ) в подростково-юношеской популяции — жителей Республики Тыва, оценена роль дезадаптивного онлайн-поведения и компонентов потребляемого интернет-контента как вероятных факторов риска РГБ у подростков и молодежи Тувы. Авторы рассматривали у подростков и молодежи Тувы разного пола, возраста и этноса информативную значимость различных вариантов пользования интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ) и патологического (ППИ, или интернет-зависимости — ИЗ), смешанной и недифференцированной формы ППИ, а также специфических форм ППИ (проблемного использования компьютерных игр, социальных сетей, смартфонов)

Источником анализа выступили результаты онлайн-тестирования случайных выборок лиц подростково-юношеского возраста (2772 чел.) с использованием Google Forms скрининговой анкеты и психометрических опросников для верификации вида онлайн-поведения и компонентов интернет-контента. Информативная значимость показателей в качестве вероятных факторов риска РГБ оценивалась по показателям отношения шансов и их доверительных интервалов.

Определен большой перечень факторов риска РГБ, обусловленных дезадаптивным онлайн-поведением, в том числе — с учетом пола, возрастной группы и этнической принадлежности обследованных. Наиболее значимыми факторами высокого уровня риска развития РГБ у девочек было ППИ и дезадаптивное (ППИ+НПИ) пользование интернетом, у мальчиков — проблемное использование смартфона. Для возрастной группы 12–14 лет наиболее значимыми факторами риска РГБ были НПИ, ППИ, ДПИ, зависимость от социальных сетей и недифференцированная форма ППИ, для лиц 15–18 лет — ППИ, смешанная форма ППИ, проблемное использование социальных сетей и смартфона.

Значимыми факторами риска для обследованных тувинцев (без учета возраста и пола) были ППИ и проблемное использование смартфона, для русских — проблемное использование компьютерных игр.

Вероятность развития РГБ у подростков и лиц молодого возраста Тувы (в случае оценки этого риска для всей группы, включенных в обследование лиц, без учета их возрастного-половой и этнической принадлежности) обуславливается такими особенностями их онлайн-поведения, как проблемное использование смартфона и социальных сетей.

Ключевые слова: подросток; молодежь; Тува; рецидивирующая головная боль; фактор риска; Интернет; онлайн-поведение; зависимость; потребляемый контент; тувинцы; русские

Для цитирования:

Паничева Е. С., Сат Д. А., Курганская Т. М., Серен-оол С. С. Интернет-зависимое поведение как фактор риска рецидивирующих головных болей у лиц подростково-молодежной популяции Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 27-43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.2>

Паничева Елена Сергеевна — кандидат медицинских наук, ассистент кафедры терапевтической стоматологии Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. Эл. адрес: lena_evert@mail.ru

Сат Диана Алдын-ооловна — врач-невролог, кинезитерапевт, заведующая лабораторией оздоровительных технологий и реабилитации Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2А. Эл. адрес: diana_1986_07@mail.ru

Курганская Татьяна Михайловна — заведующая лабораторией социально-демографических исследований Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2А. Эл. адрес: kurganskaaya.tanya54@mail.ru

Серен-оол Саяна Санчайевна — врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации и интенсивной терапии Российской детской клинической больницы — филиала Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 117. Эл. адрес: ssayana1977@mail.ru

Internet-dependent behavior as a potential risk factor for recurrent headaches among adolescents and young adults of the Republic of Tuva

Elena S. Panicheva

Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation,

Diana A. Sat, Tatiana M. Kurganskaya

Scientific Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Sayana S. Seren-ool

Russian Children's Clinical Hospital, Russian Federation

The article is devoted to the study of the prevalence and structure of recurrent headache (RH), one of the most common types of functional somatic disorders, among adolescents residing in the Republic of Tuva. It also assesses the role of maladaptive online behavior and certain components of Internet content as possible risk factors for RH among adolescents and young people in Tuva. The authors analyzed the significance of different types of Internet use among Tuvan adolescents and young adults, including adaptive (AIU), maladaptive (MIU), pathological (PIU) and mixed forms, as well as specific forms such as problematic use of computer games and social networks.

The source of the analysis was the results from online testing of a random sample of adolescents (2,772 individuals) using Google Forms and psychometric questionnaires. We used screening questionnaires to verify the types of online behavior and the components of internet content. The significance of the indicators as possible risk factors for PH was assessed using odds ratios and their confidence intervals.

A large list of risk factors for developing RH due to maladaptive online behavior has been identified. These factors include the gender, age group, and ethnicity of those surveyed. The most significant risk factors for girls are problematic internet use (PIU) and maladaptive internet use (MIU), while for boys, problematic smartphone use is the most significant factor. For the age group 12–14, the most important risk factors are MIU, problematic internet use, dependence on social networks, and an undifferentiated type of problematic internet use. For those aged 15–18, the risk factors include problematic internet and social network use, as well as problematic smartphone use and a mixed type of problematic internet usage.

Significant risk factors for Tuvans surveyed (regardless of age and gender) included problematic smartphone use and problematic use of PIU. For Russians, it was problematic computer game use.

The likelihood of developing RH among adolescents and young people in Tuva (if risk is assessed for the entire surveyed group, regardless of age, gender, and ethnicity) depends on their online behavior, including problematic smartphone and social network use.

Keywords: teenager; youth; Tuva; recurrent headache; risk factor; Internet; online behavior; addiction; consumed content; Tuvans; Russians

For citation:

Panicheva E. S., Sat D. A., Kurganskaya T. M. and Seren-ool S. S. Internet-dependent behavior as a potential risk factor for recurrent headaches among adolescents and young adults of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 27-43/ (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.2>

PANICHEVA, Elena Sergeevna, Candidate of Medical Sciences, Assistant, Department of Therapeutic Dentistry, Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University. Postal address: 1 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: lena_evert@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4890-5082

SAT, Diana Aldyn-oolovna, Neurologist, Kinesiotherapist, Head, Laboratory of health technologies and rehabilitation, Scientific Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva. Postal address: 2A Kechil-oola St., 667000, Kyzyl, Russia. Email: diana_1986_07@mail.ru

KURGANSKAYA, Tatyana Mikhailovna, Head, Laboratory of socio-demographic research, Scientific Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva. Postal address: 2A Kechil-oola St., 667000, Kyzyl, Russia. Email: kurganskaya.tanya54@mail.ru

SEREN-OOL, Sayana Sanchayevna, Anesthesiologist-Resuscitator, Intensive Care Unit, Russian Children's Clinical Hospital, Branch, Russian National Research Medical University named after N. I. Pirogov, Ministry of Health of the Russian Federation. Postal address: 117 Leninsky Av., 119571, Moscow, Russia. Email: ssayana1977@mail.ru

Введение

Рецидивирующие головные боли (РГБ) у подростков и молодежи являются важной медико-социальной проблемой в России и других странах мира. По данным эпидемиологических исследований, проведенных в последние годы, головные боли (цефалгии) стали распространенной неврологической патологией в подростково-молодежных популяциях: цефалгии среди них широко распространены, часто имеют рецидивирующий характер течения, и нередко — неблагоприятный исход, обусловленный высокой вероятностью трансформации в хроническую психосоматическую патологию.

У подростков и лиц юношеского возраста часто встречаются функциональные соматические расстройства (*functional somatic disorders* — FSD), включающие в себя проявления физических симптомов, несоизмерных, либо несовместимых с анамнезом, данными объективного физикального обследования и результатами лабораторных и функциональных исследований (Malas et al., 2017; Al-Hashel, Ahmed, Alroughani, 2017). Несмотря на то, что FSD часто преходящи, однако большая их доля постоянна и связана с негативным влиянием на качество жизни. Из числа расстройств, входящих в число FSD (астенический синдром, рецидивирующие головные боли, боли в животе, боли в спине, синдром вегетативной дисфункции), рецидивирующая цефалгия (РЦ) — наиболее часто встречающееся у подростков и молодежи функциональное соматическое расстройство (Чутко и др., 2018; Blume, 2017; Hinton, Kirk, 2016; Wöber et al., 2018).

Концептуальное видение рассматриваемой в статье проблематики основывается на теоретических подходах, включая представления о рецидивирующей головной боли (РГБ) как одного из частых видов функциональных соматических расстройств у подростков и лиц молодого возраста, об ассоциации данного вида нарушений с особенностями поведения подростков и молодежи в сети Интернет, потребляемого ими интернет-контента и распространенности РГБ среди представителей молодого поколения Республики Тыва (Туву).

Данные по распространенности РГБ достаточно противоречивы, результаты эпидемиологических исследований в значительной степени зависят от методов и регионов исследования, а также различных демографических характеристик. Частота встречаемости головной боли увеличивается с возрастом, достигая пика в подростковом периоде. Повторные эпидемиологические исследования показывают рост распространенности ГБ у детей и подростков за последние 25 лет: до 15% для мигренозных и 17% общей детской популяции — для немигренозных, наряду со снижением возраста первичных проявлений. В дальнейшем распространенность заболевания возрастает: среди взрослого населения она достигает 30–80%, что сопряжено со значительными негативными социально-экономическими последствиями (Осипова, 2018; Табеева, Фокина, 2016; Котова, Беляев, Акарачкова, 2020). Частота встречаемости головной боли возрастает от 3–8% среди дошкольников до 57–82% у подростков (Blume, 2017). Риск сохранения ГБ к взрослому возрасту составляет 60%.

Данные о распространенности различных видов ГБ в детско-подростковых популяциях России весьма противоречивы. В России, по данным разных авторов, частота головной боли колеблется в широких пределах и составляет 25–93%. Неоднородность полученных данных связана с разницей в методологии проведения исследований (Шнайдер, Кондратьев, Шульман, 2015: Электр. ресурс). Среди факторов, провоцирующих головную боль, отмечены эмоциональное перенапряжение, метеорологические факторы, нарушение питания и режима сна (Есин, 2023; и др.¹).

Ряд исследований последних двух десятилетий были посвящены изучению распространенности головных болей у подростков и молодежи и анализу корреляций цефалгий с социально-психологическими факторами, нарушениями психопатологического и соматического статуса (Алиджанова, Маджидова, Нурмухамедова, 2017; Егоров, 2015: Электр. ресурс; Эверт и др., 2016ab; Feng et al., 2017; Mohapatra et al., 2014). В последние годы стали активно изучаться коморбидные ассоциации психосоматических расстройств (Cao et al., 2011; Kumar, 2014; Çaksen, 2021; Friedrichsdorf et al., 2016), в том числе — головной боли с особенностями онлайн-поведения и потребляемым интернет-контентом у лиц подростково-юношеского возраста, однако только в единичных исследованиях оценивалось значение онлайн-ассоциированных показателей в качестве предикторов и факторов риска развития рецидивирующих цефалгий. Еще меньшее число работ посвящено изучению информативной зна-

¹ Рачин А. П. Головная боль напряжения у школьников (эпидемиология, клиника, лечение): автореф. дис. ... канд. мед. наук. М. 2002.

чимости и величины вклада показателей онлайн-поведения в риск возникновения цефалгических эпизодов у интернет-пользователей с учетом их возраста, пола и этнической принадлежности.

Все сказанное выше свидетельствует об актуальности и необходимости изучения распространенности РГБ, ее ассоциаций с особенностями сетевого поведения и потребляемым интернет-контентом, важности дифференцированной оценки роли отдельных показателей онлайн-поведения в качестве предикторов РГБ у подростков и лиц юношеского возраста с учетом возрастнo-половых, географических и этнических различий, что особенно значимо для подростковых популяций национальных республик Южной и Восточной Сибири.

Изучение данных аспектов представляло для нас большой интерес, в связи с чем *целью* настоящего исследования было изучение у подростков (15–18 лет) и молодежи (19–21 лет) Тувы, разного пола и этноса, информативной значимости различных вариантов пользования Интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ) и патологического (ППИ, или интернет-зависимости — ИЗ), смешанной и недифференцированной формы ППИ, а также специфических форм ППИ (проблемного использования компьютерных игр, социальных сетей, смартфонов)¹.

Для реализации этой цели сформулированы следующие *задачи*: исследовать общую распространенность РГБ и частоту встречаемости различных типов ее течения (редких, частых) во всей группе включенных в обследование лиц подростково-юношеского возраста Тувы, в группах, различающихся по возрасту, полу и этнической принадлежности; изучить информативную значимость и величину вклада показателей онлайн-поведения и потребляемого интернет-контента в риск развития РГБ у подростков и молодежи Тувы различного возраста, пола и этнической принадлежности; сравнить полученные в ходе исследования данные с результатами других авторов и данными собственных, ранее проведенных исследований.

Материал и методы исследования

Представленные в данной работе сведения являются фрагментами исследования, выполненного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) «Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 121022600087-7) и темы НИР «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064-6), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. На проведение исследования получено разрешение Комитета по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие дали все участники, включенные в исследование, возможность исследования согласована с администрацией учебных заведений.

¹ Феномен интернет-зависимости или проблемного/компульсивного (навязчивого) пользования интернетом, характеризуется потерей контроля над пребыванием в сети Интернет, навязчивой тягой к различного вида интернет-деятельности.

Виды поведения в сети Интернет (или виды онлайн-поведения): 1) адаптивное пользование Интернетом (АПИ) при котором имеется минимальный риск интернет-зависимого поведения; 2) неадаптивное (чрезмерное) пользование Интернетом (НПИ), при котором имеется склонность к возникновению интернет-зависимого поведения; 3) патологическое пользование Интернетом (ППИ), при котором имеется выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения.

Проблемное/неконтролируемое использование социальных сетей, компьютерных игр, смартфона — виды поведенческой зависимости, *специфические формы* проблемного пользования Интернетом (ППИ), связанные с неконтролируемым использованием социальных сетей, компьютерных игр смартфонов.

Смешанная форма ППИ — наличие одновременно проблемного использования компьютерных игр (зависимости от компьютерных игр) и социальных сетей (зависимости от социальных сетей).

Недифференцированная форма ППИ — лица с величиной суммарного CIAS-балла по шкале Чена ≥ 65 , при этом отсутствует игровая зависимость и зависимость от социальных сетей, но преобладают другие виды онлайн-деятельности.

Эмпирическими данными для анализа послужили результаты обследований, проведенных в Республике Тыва с января 2023 г. по январь 2024 г. Объектом исследования были случайные выборки подростков 12–18 лет и лиц юношеского возраста (19–21 лет) — учащихся средних общеобразовательных школ и лицеев, средних специальных учебных заведений (колледжей, техникумов) и студентов 1–2 курсов Тувинского государственного университета — жителей тувинских городов (Кызыл, Ак-Довурак, Чадан, Туран, Шагонар) и сельских районов — кожуунов (Кызылского, Чеди-Хольского, Дзун-Хемчикского, Каа-Хемского, Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского, Монгун-Тайгинского, Улуг-Хемского, Чаа-Хольского, Эрзинского, Пий-Хемского, Тандинского, Тес-Хемского, Тоджинского и др.). Обследование проводилось методом онлайн-тестирования с использованием *Google Forms* скрининговой анкеты, опросника по головной боли и 3-х психометрических опросников (на русском и тувинском языках). Общее число обследованных составило 2488 человек, в том числе 1058 (42,5%) мальчиков и 1430 (57,5%) девочек, медиана (Me) возраста обследованных 15,0 [14,0; 16,0] лет.

Дизайн исследования включал изучение у обследованных групп сравнения следующих показателей: наличие/отсутствие РГБ с анализом цефалгий по типу течения (редкие, частые); особенностей онлайн-поведения (АПИ, НПИ, ППИ) и потребляемого при интернет-деятельности контента: проблемного использования компьютерных игр (игровой зависимости), проблемного использования социальных сетей (зависимости от социальных сетей), смешанной и недифференцированной форм ППИ). В статистический анализ включались только корректно заполненные опросники.

В своем исследовании мы применяли термины («адаптивное пользование Интернетом», «неадаптивное пользование Интернетом», «патологическое пользование Интернетом»), используемые при проведении международных медико-социальных исследований онлайн-поведения подростковых и молодежных популяций (Durkee et al., 2016). Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен — Chen Internet Addiction Scale (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Особенности потребляемого интернет-контента оценивали по наличию проблемного использования компьютерных игр (игровой зависимости), социальных сетей (зависимости от социальных сетей), смешанной ИЗ (сочетание игровой зависимости и зависимости от социальных сетей) и недифференцированной ИЗ (лица с ППИ и суммарным CIAS-баллом по шкале Чена ≥ 65 , не имеющие игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, но с преобладанием других видов онлайн-активности). Зависимость от компьютерных игр (или игровая зависимость) верифицировалась по опроснику «Game Addiction Scale for Adolescents» («Шкала игровой зависимости для подростков») (Lemmens, Valkenburg, Peter, 2009), включающему 7 вопросов. Использовали при этом политестический подход: при вариантах ответа «Никогда» и «Редко» на 7 вопросов опросника, делали вывод об отсутствии зависимости от игр, при наличии ≥ 4 -х ответов «Иногда», «Часто» и «Очень часто» — делали вывод о наличии проблемного использования игр (или игровой зависимости), верифицированного по «мягким» (не строгим) критериям, при наличии ≥ 4 -х ответов «Часто» и «Очень часто» — считали подтвержденным наличие проблемного использования игр, верифицированного по «строгим» критериям.

Наличие зависимости от социальных сетей оценивалось по опроснику «The Social Media Disorder Scale» («Шкала расстройств в социальных сетях») (van den Eijnden et al., 2016), состоящему из 9 вопросов. При сумме набранных тестируемым баллов опросника ≥ 5 диагностировали наличие у него проблемного использования социальных сетей (или зависимости от социальных сетей).

Наличие проблемного использования смартфона (зависимости от смартфона — ЗСм) оценивали по оригинальной англоязычной версии опросника «The Smartphone Addiction Scale: Development and Validation of a Short Version for Adolescents» (SAS-SV) (Kwon et al., 2013), состоящего из 10 пунктов и используемого для определения уровня зависимости от смартфона у пользователей обоих полов, а также для выявления группы риска. По итогам заполнения шкалы опросника подсчитывался суммарный балл, набранный тестируемым, далее проводилась его оценка по критериям, предусмотренным авторами данного опросника: величина >31 балла для юношей и >33 баллов — для девушек, позволяли диагностировать наличие у них проблемного использования смартфона (зависимости от смартфона).

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.

Для выявления рецидивирующих головных болей (РГБ) и типа их течения (по частоте болевых эпизодов) использовалась скрининговая анкета, разработанная профессором С. Ю. Терещенко на основе критериев, изложенных в международной классификации головной боли¹.

Частота головной боли оценивалась по следующим критериям: за последние 3 месяца голова болела не чаще 1 раза в месяц или не болела вообще — нет цефалгий, голова болела от 1 до 15 раз в месяц — редкие (эпизодические) цефалгии, голова болела чаще 15 раз в месяц — частые (хронические) цефалгии.

Для верификации клинической формы цефалгии (ГБН или Мигрень) использовался диагностический алгоритм, включенный в международную классификацию головной боли (МКГБ, 3 бета, 2018)¹. Информативную значимость показателей онлайн-поведения в качестве факторов риска развития РГБ оценивали в группах обследованных с различной возрастно-половой и этнической принадлежностью. Значимость и величину вклада указанных онлайн-показателей в риск развития РГБ оценивали по общепринятой в медико-биологических исследованиях методике оценки риска определенного вида патологии или заболевания по формулам, предусмотренным для определения показателей ОШ и диапазонов их доверительных интервалов, представленным в монографии О. Ю. Ребровой (Реброва, 2002).

Источником статистической информации послужили результаты обследования подростков и лиц юношеского возраста, проживающих в городской и сельской местности Республики Тыва, и сформированные на их основе электронные базы данных. При статистической обработке полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Формой представления бинарных признаков были %, доли и границы доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Распространенность рецидивирующих цефалгий у обследованных с различным онлайн-поведением

Согласно методике по оценке риска развития определенного вида патологии (в нашем случае — это РГБ) и определения значений показателей отношения шансов (ОШ) и их доверительных интервалов (ДИ) для определения величины этого риска в различных возрастно-половых и этнических группах обследованных, авторами данной работы совместно с большой группой других исследователей, участвовавших в реализации широкомасштабного скрининга подростково-молодежной популяции Тувы, на первом этапе нами был проведен анализ распространенности рецидивирующих головных болей (РГБ) в общей группе включенных в исследование подростков и молодежи Тувы, без верификации клинических форм цефалгии (ГБН и мигрени).

В публикациях соисполнителей указанного выше исследования анализируются и освещаются другие аспекты интернет-зависимого поведения и ассоциированных с ним проблем, у подростков и молодежи Республики Тыва, при этом достаточно сложно избежать дублирования отдельных фрагментов, полученных по результатам скрининга, если данные сведения критически необходимы для решения не менее важных задач, стоящих перед другими участниками исследования. В связи с чем, для реализации второго этапа запланированной нами работы мы сочли необходимым повторно представить сведения о распространенности РГБ, полученные в рамках скрининга, проведенного коллективом исследователей, по итогам которого было установлено, что из 2752 чел., корректно ответивших на раздел опросника о наличии или отсутствии эпизодов головных болей, РГБ в анамнезе имели 1230 (44,8%) респондентов и у 1522 (55,1%) — рецидивирующих цефалгий не было. В разделе опросника о частоте болевых эпизодов корректно дали ответы все 2761 отвечавших, при этом редкие РГБ отмечены у 1022 (37,0%) чел., частые — у 185 (6,7%) и нет РГБ — у 1554 (56,3%) (рис. 1).

¹ Headache Classification Committee of the International Headache Society (IHS). The International Classification of Headache Disorders, 3rd edition (2018) // Cephalalgia Vol. 38. № 1. P. 1–211. DOI: <https://doi.org/10.1177/0333102417738202>

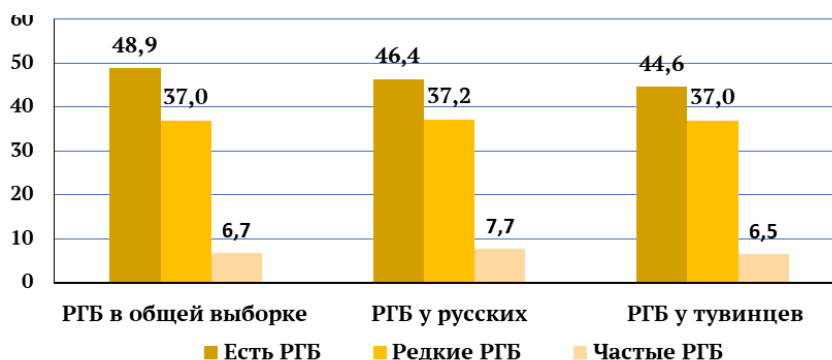

Рисунок 1. Распространенность рецидивирующих головных болей (РГБ) во всей группе обследованных в Туве лиц подростково-юношеского возраста и группах с различной этнической принадлежностью, в %.
 Figure 1. The prevalence of recurrent headaches (РГБ) in the overall group of adolescents and young people surveyed in Tuva, as well as in groups with different ethnic backgrounds, in %.

Из общего числа обследованных РГБ регистрировались у 162 (46,4%) лиц русской и у 1077 (44,6%) – тувинской этнической принадлежности. Распределение по частоте болевых эпизодов у русских было следующим: редкие РГБ – 130 (37,2%) чел., частые – 27 (7,7%) чел., нет РГБ – 192 (55,0%) чел. Аналогичные показатели у тувинцев были равны: 892 (37,0%), 158 (6,5%) и 1362 (56,5%) чел. Анализ частоты встречаемости РГБ по полу в общей группе обследованных показал, что РГБ чаще были характерны для девочек – 827/1620 (51,0%) чел., чем мальчиков – 445/1228 (36,3%) чел., $p_{1-2} < 0,0001$, $\chi^2=62,00$.

Рисунок 2. Распространенность рецидивирующих головных болей (РГБ) среди мальчиков и девочек всей обследованной в Туве группы подростков и молодежи, и в различных возрастных группах, в %.
 Figure 2. The prevalence of recurrent headaches (РГБ) among boys and girls in the entire group of adolescents and youth surveyed in Tuva, as well as in various age groups, in %.

Нашим исследованием установлен факт нарастания частоты встречаемости РГБ с возрастом. Так, среди всех включенных в обследование лиц подростково-юношеского возраста выше была численность лиц с РГБ в старшей возрастной группе (19–21 лет) – 107/176 (60,8%) чел., на втором месте была возрастная группа 15–18 лет – 778/1641 (47,4%) чел. и более низкой была распространенность РГБ в возрастной группе 12–14 лет – 387/1032 (37,5%) чел., при этом имевшие место различия между группами были статистически значимы: $p_{1-2} < 0,0001$, $\chi^2=25,31$; $p_{1-3} < 0,0001$, $\chi^2=33,76$; $p_{2-3} = 0,0007$, $\chi^2=11,40$.

Значение показателей онлайн-поведения как факторов риска развития РГБ

Нами изучена и проанализирована ассоциация различных видов онлайн-поведения обследованных в Туве подростков и молодежи (патологического пользования Интернетом и его специфических форм – проблемного использования компьютерных игр, социальных сетей, смартфонов, а также сме-

шанной и недифференцированной формы ППИ) с наличием РГБ, определена их прогностическая значимость в развитии рецидивирующей цефалгии в общей группе включенных в исследование лиц, а также в группах, различающихся по возрасту, полу и этнической принадлежности.

Первым этапом анализа было проведение описательной статистики для определения частоты встречаемости различных видов онлайн-поведения — вероятных факторов риска развития РГБ, в группах с наличием и отсутствием рецидивирующей цефалгии и внесение полученных данных в четырехпольные таблицы. Анализ проводился согласно рекомендациям О. Ю. Ребровой (Реброва, 2002) по следующим показателям:

Отношение шансов (ОШ) — отношение шансов события (в нашем случае — развития РГБ) в одной группе (в группе с факторами риска, т. е. А+В) к шансам этого же события в другой группе (без факторов риска, т. е. С+D): $ОШ = (A/B)/(C/D)$.

Кроме того, рассчитывались значения доверительных интервалов (ДИ) для отношения шансов (ДИ для ОШ) по специальным формулам:

1. Вычисляли стандартную ошибку m для натурального логарифма ОШ:
 $m = \sqrt{[(1/A)+(1/B)+(1/C)+(1/D)]}$;
2. Вычисляли границы ДИ для натурального логарифма ОШ:
 $L = \ln(ОШ) - t * m$ и $U = \ln(ОШ) + t * m$, где $\ln(ОШ)$ — натуральный логарифм для величины ОШ, L — нижняя граница ДИ для $\ln(ОШ)$, U — верхняя граница ДИ для $\ln(ОШ)$, t — значение t -критерия, m — стандартная ошибка для ОШ.
3. Вычисляли границы ДИ для ОШ путем возведения числа e в степень L и U соответственно: e^L и e^U .

Интерпретация результатов: если все значения ДИ для ОШ (мин и макс) > 1 , то шанс развития изучаемого события (в нашем случае — РГБ) статистически значимо выше в группе, соответствующей первой строке четырехпольной таблицы (в наших исследованиях — в группе с наличием одной из анализируемых форм онлайн-поведения), если < 1 , то вероятность данного исхода (развития РГБ) — выше в группе, соответствующей второй строке четырехпольной таблицы (в наших исследованиях — в группе, где изучаемый признак, т. е. анализируемая форма онлайн-поведения отсутствует).

Статистическую значимость показателя ОШ оценивали по величине минимальных и максимальных значений ДИ для ОШ. Значения ОШ считали статистически значимыми при соблюдении следующего условия: диапазон ДИ не должен включать 1,0 (единицу) (Реброва, 2002). Величину риска РГБ оценивали по следующим критериям: при величине ОШ $\leq 1,5$ усл. ед. риск развития РГБ расценивали как низкий, при значениях 1,6–2,0 — риск средний, 2,1–2,9 — риск высокий, $\geq 3,0$ — риск очень высокий.

Результаты исследования факторов риска, ассоциированных с особенностями интернет-пользования, у всей группы включенных в исследование подростков и молодежи, с учетом их половой принадлежности, отражены в таблице 1.

Таблица 1. Ассоциированные с онлайн-поведением предикторы и уровень риска развития РГБ у подростков и молодежи Тувы различного пола

Table 1. Predictors associated with online behavior and the level of risk of developing RH in adolescents and youth of Tuva of different genders

Показатели онлайн-поведения	Группы по полу	ОШ	ДИ мин	ДИ макс	Уровень риска
Неадаптивное пользование Интернетом (НПИ)	мальчики	1,60	1,25	2,05	средний
	девочки	1,99	1,60	2,46	средний
Патологическое пользование Интернетом (ППИ)	мальчики	2,00	1,31	3,08	средний
	девочки	2,62	1,90	3,63	высокий
Дезадаптивное пользование Интернетом (НПИ+ППИ)	мальчики	1,66	1,31	2,11	средний
	девочки	2,11	1,73	2,59	высокий

Зависимость от компьютерных игр (по мягким критериям)	мальчики	1,41	1,03	1,94	низкий
	девочки	1,98	1,37	2,86	средний
Зависимость от социальных сетей	мальчики	2,01	1,30	3,12	средний
	девочки	1,77	1,32	2,39	средний
Зависимость от смартфона	мальчики	3,43	1,82	6,49	очень высокий
	девочки	1,96	1,30	2,96	средний
Недифференцированная интернет-зависимость	девочки	1,75	1,09	2,81	средний
	мальчики	–	–	–	–

Наиболее значимыми факторами высокого уровня риска развития РГБ у девочек было патологическое (ППИ) и дезадаптивное (ППИ+НПИ) пользование Интернетом, а у мальчиков – проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона) (табл. 1).

В таблице 2 отражены значения ОШ и их ДИ для показателей онлайн-поведения у обследованных различных возрастных групп.

Таблица 2. Ассоциированные с онлайн-поведением предикторы и уровень риска развития РГБ у подростков и молодежи Тувы различных возрастных групп
Table 2. Predictors associated with online behavior and the level of risk of developing RH in Tuvan adolescents and youth of various age groups

Показатели	Возрастные группы	ОШ	ДИ мин	ДИ макс	Уровень риска
Неадаптивное пользование Интернетом (НПИ)	12–14 лет	2,35	1,74	3,17	высокий
	15–18 лет	1,94	1,57	2,40	средний
	19–21 лет	2,39	1,16	4,96	высокий
Патологическое пользование Интернетом (ППИ)	12–14 лет	3,99	2,67	5,98	очень высокий
	15–18 лет	2,31	1,61	3,32	высокий
Дезадаптивное пользование Интернетом (НПИ+ППИ)	12–14 лет	2,65	1,99	3,54	высокий
	15–18 лет	2,01	1,64	2,45	средний
	19–21 лет	2,56	1,30	5,04	высокий
Зависимость от компьютерных игр (по мягким критериям)	12–14 лет	1,48	1,06	2,07	низкий
	15–18 лет	1,61	1,13	2,28	средний
Зависимость от социальных сетей	12–14 лет	2,12	1,49	3,03	высокий
	15–18 лет	2,11	1,47	3,02	высокий
Смешанная ИЗ	15–18 лет	3,38	1,08	10,55	очень высокий
Недифференцированная ИЗ	12–14 лет	2,19	1,31	3,66	высокий
Зависимость от смартфона	15–18 лет	2,48	1,70	3,61	высокий

Как следует из представленной таблицы 2, для возрастной группы 12–14 лет наиболее значимыми факторами высокого и очень высокого риска развития РГБ были такие особенности онлайн-поведения, как НПИ, ППИ, ДПИ, зависимость от социальных сетей и недифференцированная форма патологического пользования Интернетом.

Факторами высокого и очень высокого риска развития РГБ для подростковой группы 15–18 лет были такие показатели онлайн-поведения, как ППИ, смешанная форма патологического пользования Интернетом, проблемное использование социальных сетей и смартфона, что подтверждалось величинами ОШ, превышающими значение 2,0 усл. ед.

Для старшей возрастной группы (19–21 лет) максимально выраженная значимость онлайн-показателей в качестве предикторов РГБ установлена для НПИ и ДПИ (табл. 2).

В таблицу 3 включены информативные для оценки риска РГБ характеристики онлайн-поведения подростков и молодежи Тувы различных этнических групп (русских и тувинцев).

Таблица 3. Ассоциированные с онлайн-поведением предикторы и уровень риска развития РГБ у подростков и молодежи Тувы с различной этнической принадлежностью
Table 3. Predictors associated with online behavior and the level of risk of developing RH in Tuvan adolescents and youth with different ethnicities

Показатели онлайн-поведения	Группы по этносу	ОШ	ДИ мин	ДИ макс	Уровень риска
Неадаптивное пользование Интернетом (НПИ)	русские	1,65	1,05	2,60	средний
	тувинцы	1,86	1,56	2,22	средний
Патологическое пользование Интернетом (ППИ)	русские	–	–	–	–
	тувинцы	2,64	2,02	3,47	высокий
Дезадаптивное пользование Интернетом (НПИ+ППИ)	русские	1,66	1,08	2,54	средний
	тувинцы	2,00	1,69	2,37	средний
Зависимость от компьютерных игр (по мягким критериям)	русские	2,27	1,08	4,77	высокий
	тувинцы	1,44	1,12	1,85	низкий
Зависимость от социальных сетей	русские	–	–	–	–
	тувинцы	2,00	1,55	2,59	средний
Зависимость от смартфона	русские	–	–	–	–
	тувинцы	2,40	1,67	3,42	высокий
Недифференцированная интернет-зависимость	русские	–	–	–	–
	тувинцы	1,93	1,33	2,79	средний

Из всей группы включенных в исследование подростков и молодежи Тувы значимыми факторами риска для обследованных тувинской этнической принадлежности (без учета возраста и пола) было патологическое пользование Интернетом (ППИ) или генерализованная интернет-зависимость) и

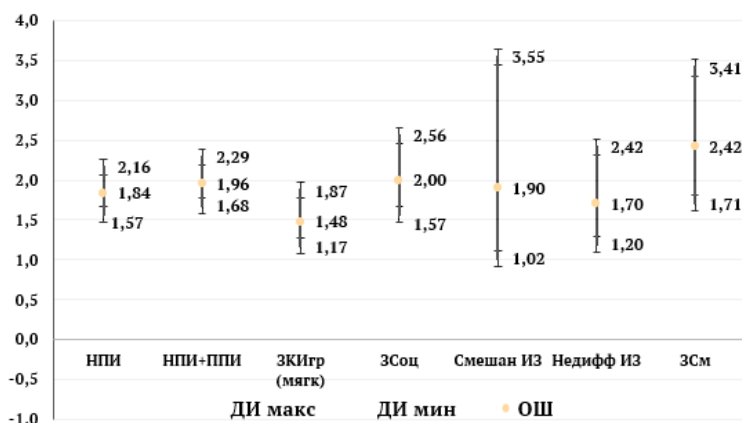

Рисунок 3. Вклад различных видов онлайн-поведения в риск развития рецидивирующей головной боли (РГБ) у подростков и молодежи Тувы (без учета их возрастно-половой и этнической принадлежности). Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал.

Figure 3. The contribution of various types of online behavior to the risk of recurrent headache (RH) in adolescents and young people of Tuva (without taking into account their age, gender and ethnicity). Note: «ОШ» is the ratio of chances (in units), «ДИ макс» is the maximum confidence interval, «ДИ мин» is the minimum confidence interval.

проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона). Для аналогичного контингента обследованных — также без учета возраста и пола, но русской этнической принадлежности, информативным предиктором риска РГБ было проблемное использование компьютерных игр (зависимость от компьютерных игр). При наличии одновременно одинаковых предикторов РГБ в обеих сравниваемых группах (русские, тувинцы), тувинцы имели более высокие значения ОШ для показателя НПИ — соответственно 1,86 и 1,65 усл. ед. и для показателя Деадаптивное пользование Интернетом (НПИ+ППИ) — 2,0 и 1,66 усл. ед., а лица русской этнической принадлежности имели большую величину ОШ для показателя Проблемное использование компьютерных игр — соответственно 2,27 и 1,44 усл. ед. (табл. 3).

Рисунок 3 иллюстрирует факторы риска рецидивирующей головной боли (РГБ), проанализированные по данным онлайн-тестирования всей группы включенных в исследование лиц подростково-юношеской популяции Тувы, и верифицированные без учета возрастного-половой и этнической принадлежности.

Установлено, что наибольший вклад в вероятность развития РГБ у подростков и лиц молодого возраста Тувы (в случае оценки этого риска для всей группы, включенных в обследование лиц, без учета их возрастного-половой и этнической принадлежности) вносят такие особенности их онлайн-поведения, как проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона) и проблемное использование социальных сетей (зависимость от социальных сетей), что подтверждено величиной ОШ данных показателей, превышающих величину 2,0 усл. ед.

Обсуждение

Ряд исследований ученых были посвящены изучению и анализу различных аспектов использования сети Интернет населением Республики Тыва (Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022). В наших, более ранних публикациях (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023), были представлены результаты изучения распространенности различных вариантов пользования Интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ), патологического (ППИ) и особенностей потребляемого интернет-контента у подростков г. Кызыла (столицы Республики Тыва) разной возрастного-половой и этнической принадлежности, однако не была исследована информативная значимость особенностей онлайн-поведения представителей молодого поколения Тувы, не оценена роль этих показателей в качестве предикторов, факторов риска развития рецидивирующих головных болей что, несомненно, является актуальной проблемой, требующей своего решения, что и подвигло нас к изучению указанных выше аспектов.

В исследованиях ряда авторов анализировались различные факторы, ассоциированные с основными видами первичной головной боли (ГБН, мигрени), однако, как правило, эти работы не касались изучения роли особенностей сетевого поведения у лиц с цефалгиями. Так, Р. Зивадиновым с соавторами (Zivadinov et al., 2003) были оценены следующие провоцирующие факторы возникновения мигрени и головной боли напряжения в течение жизни у 5173 жителей Хорватии 15–65 лет: стресс, нарушения сна, привычки питания, менструальный цикл, пероральные контрацептивы, продукты питания, афферентная стимуляция, изменения погодных условий и температуры, частые путешествия и физическая активность. Наиболее распространенными факторами, провоцирующими мигрень и ГБН, были стресс и частые путешествия. Стресс (отношение шансов (ОШ) 1,4, 95% доверительный интервал (ДИ) 1,17, 1,69) был связан с мигренью, тогда как физическая активность (ОШ 0,72, 95% ДИ 0,59, 0,87) была связана с ГБН.

В исследовании И. Г. Измайловой с соавторами (Izmailova et al., 2011) изучены распространенность, характер и факторы риска детской головной боли (ГБ) по данным анкетирования 1074 учащихся общеобразовательных школ города Астрахани. Периодическая ГБ отмечалась у 42,1% детей. Преобладали головная боль, вызванная физической нагрузкой (30,6%) и мигрень (7,8%). У девушек-подростков преобладали частые (хронические) ГБ, вызванные физической нагрузкой, мигрень и их сопутствующие формы. Отмечалась высокая коморбидность первичной ГБ с другими психосоматическими расстройствами, преимущественно с вегетативной дисфункцией и эмоциональными расстройствами. Факторами риска частой (хронической) ГБ были плохой семейный анамнез (семейные психогении, семейный анамнез боли, низкий социально-экономический статус семьи) и школьный стресс. Распространенность ГБ в данном исследовании (42,1%) оказалась сопоставимой с результатами нашего исследования (44,8%).

Тем не менее, в небольшом числе исследований оценивалась роль интернет-пользования в генезе головных болей у подростков. Так, целью работы И. Монтаньи с соавторами (Montagni et al., 2016) была оценка чрезмерного времяпровождения перед экраном при использовании электронных устройств (смартфон, планшет) у 4927 французских студентов с немигренозной головной болью и мигренью, средний возраст участников — 20,8 лет, 75,5% составляли женщины. Результаты показали, что отношение шансов (ОШ) (95% ДИ) составило 1,37 (1,14–1,66) для мигрени в сравнении со студентами без головной боли и с малым временем воздействия экрана. Эта связь была несколько сильнее для мигрени без ауры (ОШ = 1,50, 95% ДИ 1,19–1,89). При этом авторы не обнаружили значимой связи между пребыванием перед экраном и немигренозной головной болью.

В нашем же исследовании была проанализирована и установлена информативная значимость и величина вклада в риск развития РГБ большого числа показателей онлайн-поведения в качестве предикторов рецидивирующей цефалгии для всей обследованной в Туве группы подростково-юношеского возраста. Подтверждением сказанного, служат представленные на рисунке 3 значения ОШ и их доверительных интервалов (включены только статистически значимые показатели).

Следует отметить, что не во всех ранее проведенных исследованиях, были указания о наличии более частых головных болей у пользователей Интернетом. В рамках споров о том, может ли частое использование электронных гаджетов оказывать неблагоприятное воздействие на здоровье, особенно на головные боли, являющихся одной из наиболее частых жалоб на здоровье у подростков, было проведено исследование А. Милде-Буч с соавторами (Milde-Busch et al., 2010). Авторами оценена связь между частым использованием электронных средств и распространенностью различных типов головной боли у 1025 подростков г. Мюнхена (Германия) в возрасте 13–17 лет. Связи оценивались с помощью моделей логистической регрессии, скорректированных с учетом возрастной группы, пола, семейного положения и социально-экономического статуса. За исключением связи между ежедневным прослушиванием музыки и общей головной болью, авторы не выявили никаких устойчивых связей между использованием электронных средств и различными типами головной боли.

Целью исследования М. К. Хавьера с соавторами (Xavier et al., 2015), было определение распространенности головной боли и ее ассоциация с чрезмерным использованием электронных устройств и игр у 954 португальских подростков 14–19 лет обоего пола. Для логического анализа использовалась бинарная и полиномиальная логистическая регрессия с уровнем значимости 5%. Распространенность головной боли составила 80,6%. Чрезмерное использование электронных устройств оказалось фактором риска (OR=1,21) возникновения головной боли. Субъекты в возрасте 14–16 лет реже жаловались на головные боли (ОШ= 0,64). У 17,9% подростков наблюдалась головная боль напряжения, у 19,3% — мигрень и у 43,4% — другие виды головной боли. Чрезмерное использование цифрового оборудования, электронных игр оказались факторами риска развития мигрени (ОШ $\geq$ 1,84). В итоге, авторами отмечена высокая распространенность головной боли у подростков и частое использование ими электронных устройств. Выявлена связь между чрезмерным использованием электронных устройств и наличием головной боли, и эта привычка расценена авторами в качестве фактора риска, особенно значимая для развития мигрени.

В нашем исследовании общая распространенность головных болей среди всех включенных в исследование лиц подростково-юношеского возраста (независимо от их этнической принадлежности), проживающих в Туве, была значительно ниже (44,8%) в сравнении с данными указанных выше авторов (80,6%). В отличие от исследования М. К. Хавьера, нами была проанализирована распространенность головных болей не только общая, но и в зависимости от типа течения цефалгий: редкие цефалгии отмечены у 37,0%, частые — у 6,7% и не было цефалгических эпизодов в анамнезе у 56,3%. Кроме того, в отличие от исследования М. К. Хавьера с соавторами, нами проведена дифференцированная оценка в качестве факторов риска цефалгии не только патологического пользования Интернетом (ППИ) в целом, но и его специфических форм, причем с учетом возрастнo-половой и этнической принадлежности, что является новым подходом в изучении предикторов развития головных болей в подростково-юношеских популяциях, в том числе — в Туве.

По результатам проведенного нами регрессионного анализа с оценкой риска РГБ во всей группе включенных в исследование подростков и молодежи Тувы, двумя наиболее значимыми предикторами рецидивирующих цефалгий для обследованных тувинской этнической принадлежности (без учета возраста и пола) оказались патологическое пользование Интернетом (ППИ, или генерализован-

ная интернет-зависимость) и проблемное использование смартфона (или зависимость от смартфона). Для аналогичного контингента обследованных русской этнической принадлежности (также без учета возраста и пола) информативным фактором риска РГБ было проблемное использование компьютерных игр (или зависимость от компьютерных игр). При наличии одновременно одинаковых предикторов РГБ в обеих сравниваемых группах (русские, тувинцы), тувинцы имели более высокие значения ОШ для показателя НПИ — соответственно 1,86 и 1,65 усл. ед. и для показателя «Деадаптивное пользование Интернетом» (НПИ+ППИ) — 2,0 и 1,66 усл. ед., а лица русской этнической принадлежности имели большую величину ОШ для показателя «Проблемное использование компьютерных игр» — соответственно 2,27 и 1,44 усл. ед.

Вероятно, для объяснения данного факта могут быть приняты во внимание особенности менталитета представителей тувинской и русской этнической принадлежности. Известно, что формирование менталитета происходит под влиянием четырех основных факторов: климатогеографических условий проживания, социально-экономических условий жизни, религии и специфических особенностей национального воспитания. Выявленные различия показателей риска РГБ для подростков и молодежи Тувы различных возрастно-половых и этнических групп свидетельствуют о необходимости продолжения научного поиска в данном направлении. В частности, необходима детализация и комплексный анализ потребляемого зависимыми пользователями интернет-контента, в том числе — при использовании современных электронных гаджетов.

Заключение

Принципиальное значение в совершенствовании диагностики первичной цефалгии у подростков и лиц молодого возраста имеет использование диагностических критериев международной классификации головной боли¹, разработанных ведущими экспертами в изучении данной патологии. Для профилактики и лечения головной боли важен учет клинической формы цефалгии, ассоциированных заболеваний и прогностических факторов. Мониторинг предикторов и пусковых факторов головной боли, ассоциированной с особенностями онлайн-поведения, может стать важным шагом в профилактике и лечении первичной цефалгии, поскольку их предотвращение позволит уменьшить частоту и тяжесть цефалгических эпизодов у интернет-зависимых пользователей.

Проведенное нами в Туве широкомасштабное скрининговое исследование, включающее онлайн-тестирование 2772 лиц подростково-юношеского возраста с использованием *Google Forms* скрининговой анкеты и ряда международно признанных опросников (С.-Н. Чена и др.), реализовано с целью изучения распространённости рецидивирующей головной боли (РГБ). Определена роль особенностей сетевого поведения как факторов риска цефалгии, установлена частота встречаемости и структура РГБ в группах обследованных, различающихся по полу, возрасту и этнической принадлежности. Выявлена достаточно высокая общая распространённость РГБ среди всей группы включенных в исследование лиц, что свидетельствует об актуальности проблемы РГБ, ассоциированной с дезадаптивным онлайн-поведением, для подростково-молодежной популяции Республики Тыва.

Впервые получены данные об информативной значимости и величине вклада показателей онлайн-поведения (ППИ и его специфических форм: проблемного использования компьютерных игр, смартфона и социальных сетей) в риск развития РГБ у тувинских подростков и молодежи с позиций возрастно-половых и этнических различий. Высокий уровень распространённости РГБ и верифицированные нами факторы риска цефалгии, ассоциированные с дезадаптивным онлайн-поведением представителей подростково-юношеской популяции Тувы, свидетельствует о необходимости разработки профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику патологического пользования Интернетом для предупреждения и эффективной коррекции рецидивирующей цефалгии, как наиболее частого вида функциональных соматических расстройств в подростково-молодежной среде пользователей Интернетом для сохранения здоровья подростково-юношеского населения Республики Тыва.

¹ Headache Classification Committee of the International Headache Society (IHS). The International Classification of Headache Disorders, 3rd edition (2018) // Cephalalgia. Vol. 38. № 1. P. 1–211. DOI: <https://doi.org/10.1177/0333102417738202>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиджанова, Д. А., Маджидова, Ё. Н., Нурмухамедова, М. А. (2017) Патогенетические механизмы развития головной боли напряжения у детей и принципы ее профилактики // Сибирское медицинское обозрение. № 1. С. 5–10.
- Егоров, А. Ю. (2015) Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 33. № 4. С. 4. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/pomer01.php (дата обращения: 18.02.2024)
- Есин, О. Р. (2023) Современные принципы профилактики первичных головных болей у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. Т. 123. № 5. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202312305131>
- Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>
- Котова, О. В., Беляев, А. А., Акарачкова, Е. С. (2020) Головная боль напряжения: клиника, диагностика, лечение // Consilium Medicum. Т. 22. № 9. С. 68–70. DOI: <https://doi.org/10.26442/20751753.2020.9.200458>
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Осипова, В. В. (2018) Первичные головные боли в практике невролога и терапевта. М. : ГЭОТАР-Медиа. 104 с.
- Реброва, О. Ю. (2002) Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. М. : Медиа Сфера. 305 с.
- Табеева, Г. Р., Фокина, Н. М. (2016) Возможности превентивной терапии частой эпизодической головной боли напряжения // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 116. № 1. С. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20161161134-39>
- Шнайдер, Н. А., Кондратьев, А. В., Шульмин, А. В. (2015) Эпидемиология головных болей [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22811> (дата обращения: 15.03.2024).
- Чутко, Л. С., Корнишина, Т. А., Сурушкина, С. Ю., Яковенко, Е. А., Анисимова, Т. И., Волов, М. Б. (2018) Синдром вегетативной дисфункции у детей и подростков // Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov. Vol. 118. № 1. P. 43–49. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20181181143-49>
- Эвэрт, Л. С., Потупчик, Т. В., Реушева, С. В., Зайцева, О. И., Паничева, Е. С. (2016а) Этнические и возрастнополовые особенности рецидивирующих болевых синдромов у школьников Сибири // Профилактическая медицина. Т. 19. № 4. С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed201619428-32>
- Эвэрт, Л. С., Реушева, С. В., Зайцева, О. И., Паничева, Е. С., Потупчик, Т. В. (2016б) Этиопатогенетические аспекты и факторы риска дорсалгий у детей и подростков // Российский педиатрический журнал. Т. 19. № 6. С. 380–384.
- Эвэрт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>
- Al-Hashel, J. Y., Ahmed, S. F., Alroughani, R. (2017) Prevalence of primary headache disorders in Kuwait // Neuroepidemiology. Vol. 48. P. 138–46. DOI: <https://doi.org/10.1159/000478892>
- Blume, H. K. (2017) Childhood headache: a brief review // Pediatric Annals. Vol. 46. № 4. P. e155–e165. DOI: <https://doi.org/10.3928/19382359-20170321-02>
- Çaksen, H. (2021) Electronic Screen Exposure and Headache in Children // Annals of Indian Academy of Neurology. Vol. 24. № 1. P. 8–10. DOI: https://doi.org/10.4103/aian.AIAN_972_20
- Cao, Hui, Ying, Sun, Yuhui, Wan, Jiahu, Hao, Fangbiao, Tao (2011) Problematic Internet use in Chinese adolescents and its relation to psychosomatic symptoms and life satisfaction // BMC Public Health Volume. Article 802. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-802>
- Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>
- Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 13. № 3. Article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S. R., Bourgeois, J. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016 // *Addictive Behaviors*. Vol. 75. P. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Friedrichsdorf, S. J., Giordano, J., Dakoji, K. D., Warmuth, A., Daughtry, C., Schulz, C. A. (2016) Chronic Pain in Children and Adolescents: Diagnosis and Treatment of Primary Pain Disorders in Head, Abdomen, Muscles and Joints (Review) // *Children*. Vol. 3. Article 42. DOI: <https://doi.org/10.3390/children3040042>

Hinton, D., Kirk, S. (2016) Families' and healthcare professionals' perceptions of healthcare services for children and young people with medically unexplained symptoms: a narrative review of the literature // *Health Social Care Community*. Vol. 24. № 1. P. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.1111/hsc.12184>

Izmailova, I. G., Belopasov, V. V., Korol'kova, V. S., Shvarts, M. N. (2011) Headache in the population of schoolchildren: prevalence, pattern, risk factors // *Hygiene and Sanitation*. № 6. P. 44–47. (In Russ.). PMID: 22250391

Kumar, R. (2014) Internet addiction and psychosomatic symptoms among engineering students // *Indian Journal of Psychiatry*. Vol. 17. № 2. P. 387–394.

Kwon, M., Kim, D. J., Cho, H., Yang, S. (2013) The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents // *PLoS One*. Vol. 8. Article e83558. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M., Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // *Journal of Media Psychology*. Vol. 12. № 1. P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Malas, N., Ortiz-Aguayo, R., Giles, L., Ibeziako, P. (2017) Pediatric Somatic Symptom Disorders // *Current Psychiatry Report*. Vol. 19. № 2. P. 11. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11920-017-0760-3>

Milde-Busch, A., von Kries, R., Thomas, S., Heinrich, S., Straube, A., Radon, K. (2010) The association between use of electronic media and prevalence of headache in adolescents: results from a population-based cross-sectional study // *BMC Neurology*. Vol. 9. № 10. Article 12. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2377-10-12>

Mohapatra, S., Deo, S. J. K., Satapathy, A., Rath, N. (2014) Somatoform disorders in children and adolescents // *Psychiatry*. Vol. 17. № 1. P. 19–24. Reprinted from the German Journal of Psychiatry <http://www.gipsy.uni-goettingen.de>

Montagni, I., Guichard, E., Carpenet, C., Tzourio, C., Kurth, T. (2016) Screen time exposure and reporting of headaches in young adults: A cross-sectional study // *Cephalalgia*. Vol. 36. № 11. P. 1020–1027. DOI: <https://doi.org/10.1177/0333102415620286>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. (2016). The Social Media Disorder Scale // *Computers in Human Behavior*. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wober, C., Wober-Bingol, C., Uluduz, D., Aslan, T. S., Uygunoglu, U., Tüfekçi, A., Alp, S. I., Duman, T., Sürgün, F., Emir, G. K., Demir, C. F., Balgetir, F., Özdemir, Y. B., Auer, T., Siva, A., Steiner, T. J. (2018) Undifferentiated headache: broadening the approach to headache in children and adolescents, with supporting evidence from a nationwide school-based cross-sectional survey in Turkey // *The Journal of Headache and Pain*. Vol. 19. № 1. Article 18. DOI: <https://doi.org/10.1186/s10194-018-0847-1>

Xavier, M. K., Pitangui, A. C., Silva, G. R., Oliveira, V. M., Beltrão, N. B., Araújo, R. C. (2015) Prevalence of headache in adolescents and association with use of computer and videogames // *Cien Saude Colet*. Vol. 20. № 11. P. 3477–3486. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-812320152011.19272014>

Zivadnov, R., Willheim, K., Sepic-Grahovac, D., Jurjevic, A., Bucuk, M., Brnabic-Razmilic, O., Relja, G., Zorzon, M. (2003) Migraine and tension-type headache in Croatia: a population-based survey of precipitating factors // *Cephalalgia*. Vol. 23. № 5. P. 336–343. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1468-2982.2003.00544.x>

Дата поступления: 21.03.2024 г.

Дата принятия: 25.04.2024 г.

REFERENCES

Alidzhanova, D. A., Madzhidova, E. N. and Nurmukhamedova, M. A. (2017) The pathogenetic mechanisms of tension-type headaches in children and principles of its prevention. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–10. (In Russ.).

Egorov, A. Yu. (2015) Modern views on Internet addiction and approaches to its correction. *Meditsinskaja psikhologija v Rossii*, vol. 33, no. 4, article 4. [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (access date: 18.02.2024). (In Russ.).

Esin, O. R. (2023) Modern principles of primary headaches prevention in children and adolescents. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 123, no. 5, pp. 31–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202312305131>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169-179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kotova, O. V., Beliaev, A. A. and Akarachkova, E. S. (2020) Tension headache: clinic, diagnosis, treatment. *Consilium Medicum*, vol. 22, no. 9, pp. 68–70. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26442/20751753.2020.9.200458>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Osipova, V. V. (2018) *Primary headaches in the practice of a neurologist and therapist*. Moscow, GEOTAR-Media. 104 p. (In Russ.).

Rebrova, O. Iu. (2002) *Statistical analysis of medical data. Application of the STATISTICA application software package*. Moscow, Media Sfera. 305 p. (In Russ.).

Tabeeva, G. R. and Fokina, N. M. (2016) Possibilities of preventive therapy in frequent episodic tension-type headache. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 116, no. 1, pp. 34–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20161161134-39>

Shnaider, N. A., Kondrat'ev, A. V. and Shul'min, A. V. (2015) Epidemiology of headaches. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 6 [online] Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22811> (access date: 15.03.2024). (In Russ.).

Chutko, L. S., Kornishina, T. A., Surushkina, S. Iu., Iakovenko, E. A., Anisimova, T. I. and Volov, M. B. (2018) Syndrome of autonomic dysfunction in children and adolescents. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 118, no. 1, pp. 43–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20181181143-49>

Evert, L. S., Potupchik, T. V., Reusheva, S. V., Zaitseva, O. I. and Panicheva, E. S. (2016a) Ethnicity, age, and gender in Siberian schoolchildren with recurrent pain syndromes. *Profilakticheskaiia meditsina*, vol. 19, no. 4, pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed201619428-32>

Evert, L. S., Reusheva, S. V., Zaitseva, O. I., Panicheva, E. S. and Potupchik, T. V. (2016b) Etiopathogenetical aspects and risk factors for in children and adolescents. *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal*, vol. 19, no. 6, pp. 380–384. (In Russ.).

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Al-Hashel, J. Y., Ahmed, S. F. and Alroughani, R. (2017) Prevalence of primary headache disorders in Kuwait. *Neuroepidemiology*, vol. 48, pp. 138–46. DOI: <https://doi.org/10.1159/000478892>

Blume, H. K. (2017) Childhood headache: a brief review. *Pediatric Annals*, vol. 46, no. 4, article e155–e165. DOI: <https://doi.org/10.3928/19382359-20170321-02>

Çaksen, H. (2021) Electronic Screen Exposure and Headache in Children. *Annals of Indian Academy of Neurology*, vol. 24, no. 1, pp. 8–10. DOI: https://doi.org/10.4103/aian.AIAN_972_20

Cao, Hui, Ying, Sun, Yuhui, Wan, Jiahu, Hao and Fangbiao, Tao (2011) Problematic Internet use in Chinese adolescents and its relation to psychosomatic symptoms and life satisfaction. *BMC Public Health Volume*, article 802. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-802>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M. and Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S. R. and Bourgeois, J. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016. *Addictive Behaviors*, vol. 75, pp. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Friedrichsdorf, S. J., Giordano, J., Dakoji, K. D., Warmuth, A., Daughtry, C. and Schulz, C. A. (2016) Chronic Pain in Children and Adolescents: Diagnosis and Treatment of Primary Pain Disorders in Head, Abdomen, Muscles and Joints (Review). *Children*, vol. 3, article 42. DOI: <https://doi.org/10.3390/children3040042>

Hinton, D. and Kirk, S. (2016) Families' and healthcare professionals' perceptions of healthcare services for children and young people with medically unexplained symptoms: a narrative review of the literature. *Health Social Care Community*, vol. 24, no. 1, pp. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.1111/hsc.12184>

- Izmailova, I. G., Belopasov, V. V., Korol'kova, V. S. and Shvarts, M. N. (2011) Headache in the population of school-children: prevalence, pattern, risk factors. *Hygiene and Sanitation*, no. 6, pp. 44–47. (In Russ.). PMID: 22250391
- Kumar, R. (2014) Internet addiction and psychosomatic symptoms among engineering students. *Indian Journal of Psychiatry*, vol. 17, no. 2, pp. 387–394.
- Kwon, M., Kim, D. J., Cho, H. and Yang, S. (2013) The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents. *PLoS One*, vol. 8, article e83558. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>
- Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. and Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. *Journal of Media Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>
- Malas, N., Ortiz-Aguayo, R., Giles, L. and Ibeziako, P. (2017) Pediatric Somatic Symptom Disorders. *Current Psychiatry Report*, vol. 19, no. 2, article 11. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11920-017-0760-3>
- Milde-Busch, A., von Kries, R., Thomas, S., Heinrich, S., Straube, A. and Radon, K. (2010) The association between use of electronic media and prevalence of headache in adolescents: results from a population-based cross-sectional study. *BMC Neurology*, vol. 9, no. 10, article 12. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2377-10-12>
- Mohapatra, S., Deo, S. J. K., Satapathy, A. and Rath, N. (2014) Somatoform disorders in children and adolescents. *Psychiatry*, vol. 17, no. 1, pp 19–24.
- Montagni, I., Guichard, E., Carpenet, C., Tzourio, C. and Kurth, T. (2016) Screen time exposure and reporting of headaches in young adults: A cross-sectional study. *Cephalalgia*, vol. 36, no. 11, pp. 1020–1027. DOI: <https://doi.org/10.1177/0333102415620286>
- van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S. and Valkenburg, P. M. (2016). The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>
- Wober, C., Wober-Bingol, C., Uluduz, D., Aslan, T. S., Uygunoglu, U., Tüfekçi, A., Alp, S. I., Duman, T., Sürgün, F., Emir, G. K., Demir, C. F., Balgetir, F., Özdemir, Y. B., Auer, T., Siva, A. and Steiner, T. J. (2018) Undifferentiated headache: broadening the approach to headache in children and adolescents, with supporting evidence from a nationwide school-based cross-sectional survey in Turkey. *The Journal of Headache and Pain*, vol. 19, no. 1, article 18. DOI: <https://doi.org/10.1186/s10194-018-0847-1>
- Xavier, M. K., Pitangui, A. C., Silva, G. R., Oliveira, V. M., Beltrão, N. B. and Araújo, R. C. (2015) Prevalence of headache in adolescents and association with use of computer and videogames. *Cien Saude Colet*, vol. 20, no. 11, pp. 3477–3486. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-812320152011.19272014>
- Zivadinov, R., Willheim, K., Sepic-Grahovac, D., Jurjevic, A., Bucuk, M., Brnabic-Razmilic, O., Relja, G. and Zorzon, M. (2003) Migraine and tension-type headache in Croatia: a population-based survey of precipitating factors. *Cephalalgia*, vol. 23, no. 5, pp. 336–343. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1468-2982.2003.00544.x>

Submission date: 21.03.2024.

Acceptance date: 25.04.2024.

Гендерно-этнические особенности потребления интернет-контента среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска

Роман А. Яскевич

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН;

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация,

Анжелика А. Федорова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Юлия Р. Костюченко

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

В статье анализируются особенности потребляемого интернет-контента (игровой, социально-сетевой, смешанной и недифференцированной интернет-аддикции) в сравнительном аспекте среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска с различной половой и этнической принадлежностью. Материалами анализа выступили результаты тестирования студентов методом случайной выборки в сентябре 2022 — мае 2023 г. и охватило 977 респондентов.

Установлено, что среди студенческой молодежи г. Кызыла чаще встречались лица, имеющие зависимость по всем вышеперечисленным формам интернет-аддикции. Особое внимание уделено вопросу о влиянии этнической принадлежности на формирование различных форм интернет-аддикции у студенческой молодежи г. Кызыла. К этническим особенностям можно отнести наличие большей частоты различных форм потребляемого интернет-контента, включавшего: игровую (11,1% vs 10,2%), социально-сетевую (9,2% vs 6,4%) и недифференцированную (12,3% vs 10,6%) интернет-зависимость среди студентов тувинской национальности в сравнении с русскими студентами.

Установлены различия по полу распространенности различных видов интернет-аддикции: игровой и смешанной выше у тувинцев-юношей, социально-сетевой и недифференцированной выше у девушек-тувинок.

Ключевые слова: студент; Тува; Кызыл; Красноярск; Интернет; интернет-аддикция; потребляемый контент; тувинцы; русские

Для цитирования:

Яскевич Р. А., Федорова А. А., Костюченко Ю. Р. Гендерно-этнические особенности потребления интернет-контента среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 44-59. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.3>

Яскевич Роман Анатольевич — доктор медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН; доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПО Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адреса: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г; 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. E-mail: holter-24@yandex.ru

Федорова Анжелика Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. E-mail: fedorova_aa@khsu.ru

Костюченко Юлия Ринатовна — младший научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: axmeldinova@mail.ru

The gender and ethnic characteristics of Internet content consumption among student youth in Kyzyl and Krasnoyarsk

Roman A. Yaskevich

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center
“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”;
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation,

Angelica A. Fedorova

Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Yulia R. Kostyuchenko

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center
“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
Russian Federation

The article analyzes the characteristics of the Internet content consumed (gaming, social networks, mixed and undifferentiated Internet addiction) among students in Kyzyl and Krasnoyarsk, with different gender and ethnic backgrounds. The analysis is based on the results of a survey conducted among 977 students between September 2022 and May 2023.

It was found that students in Kyzyl have a higher prevalence of all types of Internet addiction compared to students in Krasnoyarsk. The study also focuses on the influence of ethnic background on the development of different forms of Internet addiction among students in Kyzyl. Specifically, it was observed that Tuvan students have a higher frequency of consuming various types of internet content, including gaming (11.1% vs. 10.2%), social networking (9.2% vs. 6.4%), and undifferentiated addiction (12.3% vs. 10.6%). Gender differences in the prevalence of different types of internet addiction have been identified: gaming and combined addiction are more common among Tuvan boys, while social network and unspecified addiction are more prevalent among Tuvan girls.

Keywords: student; Tuva; Kyzyl; Krasnoyarsk; Internet; Internet addiction; consumed content; Tuvans; Russians

For citation:

Yaskevich R. A., Fedorova A. A. and Kostyuchenko Yu. R. The gender and ethnic characteristics of Internet content consumption among student youth in Kyzyl and Krasnoyarsk. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 44-59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.3>

YASKEVICH, Roman Anatolyevich, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; Associate Professor, Department of Pro-paedeutics of Internal Diseases and Therapy, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voino-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation. Postal addresses: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk; 1 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. E-mail: holter-24@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4033-3697

FEDOROVA, Angelika Alekseevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, Katanov Khakass State University. Postal addresses: 90 Lenina Av., 655017, Russia, Abakan. E-mail: fedorova_aa@khsu.ru

KOSTYUCHENKO, Yulia Rinatovna, Junior Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. E-mail: axmeldinova@mail.ru

Введение

В последние годы Интернет стал важнейшим научным и развлекательным инструментом для людей по всему миру (Tang et al., 2018; Cheng et al., 2021; Verlinden et al., 2021; Xiao, Peng, Liao, 2022). Интернет предоставляет быстрый и простой способ поиска информации и общения с другими людьми, и благодаря своему мультимедийному и интерактивному характеру он влияет на большую часть современной жизни человека (Хасанова, Котова, 2017; Яковлев и др., 2020; Zeng et al., 2021).

С широким развитием цифровых технологий люди стали чаще использовать платформы социальных сетей для доступа к новостям, информации и развлечениям, публикации фотографий, выражения своего мнения, поиска друзей и т. д. (Зотова, Розанов, 2020; Cheng et al., 2021; Xiao, Peng, Liao, 2022). По данным интернет-портала Global Overview Report¹, в настоящее время в мире насчитывается 4,76 миллиарда пользователей социальных сетей, что составляет 59,4% от общей численности населения планеты.

Однако чрезмерное и компульсивное² использование социальных сетей может привести к зависимости от них, что может оказывать пагубное воздействие на повседневную жизнь во многих её аспектах (Kuss, Griffiths, 2017; Huang, 2022; Shannon et al., 2022; Tereshchenko, 2023). Так, крупнейшее на сегодняшний день международное исследование, посвященное изучению распространенности зависимости от социальных сетей, проведенное К. Ченг с соавторами, показало, что глобальные показатели распространенности этой формы интернет-аддиктивного поведения составляют от 5% до 25% в зависимости от используемых критериев (Cheng et al., 2021). Согласно данным В. Хензел и А. Хаканссона, 17,4% пользователей социальных сетей страдают от той или иной формы проблемного использования социальных сетей, и это наиболее распространено среди подростков и лиц юношеского возраста (Henzel, Håkansson, 2021).

Таким образом, изучение контент-структуры сетевого поведения среди студенческой молодежи разных регионов, в том числе с учетом половой и этнической принадлежности, является актуальным направлением научного поиска, конечная цель которого — обоснование и разработка эффективных методов коррекции и профилактики игровой, социально-сетевой и других видов интернет-аддикции у данной категории населения.

Особую актуальность представляет изучение распространенности и особенностей потребляемого интернет-контента среди студенческой молодежи Российской Федерации и, в частности, проживающей на территории Сибирского региона, ввиду малочисленности исследований, посвященных данной проблеме. Имеющиеся исследования в основном были посвящены изучению и анализу различных аспектов использования Интернета населением Республики Тыва (Ламажаа, 2021), обзору интернет-ресурсов, в которых представлен тувинский язык (Ондар и др., 2023), изучению сетевой идентичности студенческой молодежи Республики Тыва (Кекеева и др., 2022), исследованию взаимосвязи уровня одиночества с интернет-зависимостью у тувинской молодежи (Куулар, 2021), и изучению распространенности различных вариантов пользования Интернетом и особенностей потребляемого интернет-контента у подростков Республики Тыва разной возрастно-половой и этнической принадлежности (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023). Однако до настоящего времени исследований, посвященных изучению гендерно-этнических особенностей потребляемого интернет-контента среди студенческой молодежи г. Кызыла, в сравнительном аспекте не проводилось.

Цель настоящей работы заключалась в изучении особенностей потребляемого интернет-контента: игровой, социально-сетевой, смешанной и недифференцированной интернет-аддикции (ИА) в сравнительном аспекте среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска с различной половой и этнической принадлежностью. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие *задачи*: оценить особенности структуры потребляемого подростками интернет-контента (игровой, смешанной и недифференцированной зависимости, зависимости от социальных сетей); провести сравнительный анализ частоты различных видов ИА с учетом этнической и половой принадлежности и местом проживания; сравнить полученные данные с результатами других авторов и данными собственных, ранее проведенных исследований.

¹Digital 2023: Global Overview Report [Электронный ресурс] // Global Digital Insights. 2023 URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 15.03.2024).

²Компульсивное, т. е. многократно повторяющееся.

Материал и методы исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках научной тематики «Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера» (НИИ МПС) — обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. ЕГИСУ № 124020100064-6), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (руководители — член-корр. РАН В. Т. Манчук, проф. С. Ю. Терещенко). Результаты исследования являются одним из выполняемых фрагментов указанной выше научной темы.

Настоящее исследование проводилось с учетом этических принципов, применяемых в медицинских исследованиях с участием человека в качестве их субъекта, определяемых требованиями Хельсинкской Декларации¹. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование.

Эмпирическими данными для анализа послужили результаты тестирования студентов г. Кызыла и г. Красноярска в период с сентября 2022 г. по май 2023 г. Объектом исследования были сформированные случайным образом группы студентов, обучающихся Тувинском государственном университете (ТувГУ), г. Кызыл, Республика Тыва и в Красноярском государственном медицинском университете имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации (КрасГМУ), г. Красноярск.

Общее число студентов, которым были розданы опросники на русском языке, включало 1000 человек. Численность студентов, корректно заполнивших все опросники и включенных в статистический анализ, составила 977 чел., из них 651 (66,6%) девушек и 326 (33,4%) юношей. Медиана (Me) возраста обследованных составила 20,0 [19,0; 20,0] лет.

Дизайн исследования включал изучение среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска особенностей потребления интернет-контента: игровой, социально-сетевой, смешанной и недифференцированной ИА в сравнительном аспекте. Проводился анализ изучаемых показателей в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом места проживания, этнической и половой принадлежности (табл. 1).

Таблица 1. Группы студентов, участвующих в исследовании
Table 1. Groups of students participating in the study

Группы обследованных студентов	
По месту проживания	
1 гр. Студенты г. Кызыла	n=743; 76,05%
2 гр. Студенты г. Красноярска	n=234; 23,95%
По этнической принадлежности	
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы)	n=478; 48,93%
2 гр. Студенты г. Кызыла (русские)	n=265; 27,12%
3 гр. Студенты г. Красноярска (русские)	n=234; 23,95%
По полу	
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) юноши	n=158; 16,17%
2 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) девушки	n=320; 32,75%
3 гр. Студенты г. Кызыла (русские) юноши	n=103; 10,54%

¹ World Medical Association Declaration of Helsinki: Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects // JAMA. 2013, Nov 27; 310(20): 2191–2194. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2013.281053>

4 гр. Студенты г. Кызыла (русские) девушки	n=162; 16,58%
5 гр. Студенты г. Красноярска (русские) юноши	n=65; 6,65%
6 гр. Студенты г. Красноярска (русские) девушки	n=169; 17,3%

Для оценки особенностей потребляемого интернет-контента анализировались наличие и частота игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, смешанной интернет-зависимости (сочетание игровой зависимости и зависимости от социальных сетей) и недифференцированной ИА (лица с суммарным баллом по шкале CIAS ≥ 65 , не имеющие игровой зависимости и зависимости от социальных сетей). Наличие зависимости от компьютерных игр (или игровой зависимости) определялось с использованием опросника для оценки игровой зависимости «Game Addiction Scale for Adolescents» (GASA) (Lemmens, Valkenburg, Peter, 2009), включающего 7 вопросов. Согласно протоколу оценки игровой интернет-аддикции выделяли строгие критерии (если на любые 4 (или более) из 7 вопросов обследуемый ответил — «часто» или «очень часто») и нестрогие (или мягкие) критерии игровой зависимости (если на любые 4 (или более) из 7 вопросов обследуемый ответил — «иногда», «часто» или «очень часто»). Наличие зависимости от социальных сетей оценивалось при помощи опросника зависимости от социальных сетей «The Social Media Disorder Scale» (SMDS) (van den Eijden, Lemmens, Valkenburg, 2016), состоящего из 9 вопросов, касающихся поведенческих расстройств, вызванных чрезмерным использованием сайтов социальных сетей. На каждый вопрос предлагалось два варианта ответа: «да» или «нет». Пять или более положительных ответов из девяти указывали на наличие проблемного использования социальных сетей.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы Statistica 6.0 for Windows (StatSoft Inc., США) № EXXR202F256520FAN10. Анализ вида распределения количественных признаков проводился с помощью критерия Шапиро-Уилка. При несоответствии характера распределения признака закону нормального распределения обработка данных проводилась с помощью непараметрических методов статистического анализа: критерия Манна-Уитни (для независимых групп). При множественных сравнениях количественных показателей согласно критерию Краскела-Уоллиса определялись межгрупповые различия, затем проводились попарные сравнения с помощью критерия Манна-Уитни с поправкой Бонферрони. Количественные значения представлены в виде медианы (Me) и интерквартильного интервала [Q_1 ; Q_3]. Оценка сравнения качественных показателей проводилась с использованием критерия χ^2 (chi-square) Пирсона. Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson). Критический уровень статистической значимости при проверке нулевой гипотезы принимали при 95% уровне значимости ($p < 0,05$).

Результаты

Согласно полученным данным, установлено, что из всех обследованных студентов (г. Кызыла и г. Красноярска) суммарная доля зависимых от компьютерных игр в общей группе включенных в обследование лиц составила 10,03% (98/977, ДИ=8,3%-12,1%), доля со смешанной ИА — 2,46% (24/977, ДИ=1,7–3,6%), с недифференцированной ИА — 10,64% (104/977, ДИ=8,9–12,7%) и 7,68% (75/977, ДИ=6,2–9,5%) из числа всех обследованных имели зависимость от социальных сетей.

Территориальные различия по частоте потребляемого контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска представлены в *таблице 2*. Как следует из ее данных, студенты Республики Тыва отличались значительно большей частотой по всем вышеперечисленным формам ИА. Статистически значимых различий по частоте отдельных форм ИА между студентами г. Кызыла и г. Красноярска выявлено не было.

Анализ этнических различий потребления контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска выявил значительное преобладание игровой, социально-сетевой и недифференцированной ИА среди студентов тувинской этнической принадлежности в сравнении с русскими студентами, проживающими как в г. Кызыле, так и г. Красноярске (*табл. 3*). Количество лиц, имеющих смешанный вариант

ИА отмечался чаще среди русских студентов, проживающих в г. Кызыле, в сравнении со студентами тувинской этнической принадлежности и русскими, проживающими в г. Красноярске.

Таблица 2. Структура потребляемого контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска
Table 2. The structure of the content consumed by the students of Kyzyl and Krasnoyarsk

Группы обследованных студентов	Потребляемый контент								Всего	
	ИИЗ		ССИЗ		СИЗ		НИЗ			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Студенты г. Кызыла	80	10,8 8,7–13,2	61	8,2 6,4–10,4	22	3,0 2,0–4,4	86	11,6 9,5–14,1	743	100,0
2 гр. Студенты г. Красноярска	18	7,7 4,9–11,8	14	6,0 3,6–9,8	2	1,0 0,2–3,1	18	7,7 4,9–11,8	234	100,0
p1-2 (χ^2)	p=0,172		p=0,265		p=0,069		p=0,093			

Прим.: ИИЗ — игровая интернет-зависимость; ССИЗ — социально-сетевая интернет-зависимость; СИЗ — смешанная интернет-зависимость; НИЗ — недифференцированная интернет-зависимость.

Таблица 3. Структура потребляемого контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска разной этнической принадлежности
Table 3. The structure of the content consumed by students of Kyzyl and Krasnoyarsk, taking into account ethnicity

Группы обследованных студентов	Потребляемый контент								Всего	
	ИИЗ		ССИЗ		СИЗ		НИЗ			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы)	53	11,1 8,6–14,2	44	9,2 6,9–12,1	13	2,7 1,6–4,6	59	12,3 9,7–15,6	478	100,0
2 гр. Студенты г. Кызыла (русские)	27	10,2 7,1–14,4	17	6,4 4,0–10,0	9	3,4 1,8–6,3	28	10,6 7,4–14,8	265	100,0
3 гр. Студенты г. Красноярска (русские)	18	7,7 4,9–11,8	14	6,0 3,6–9,8	2	1,0 0,2–3,1	18	7,7 4,9–11,8	234	100,0
p1-2 (χ^2)	p=0,705		p=0,185		p=0,602		p=0,471			
p1-3 (χ^2)	p=0,155		p=0,139		p=0,104		p=0,061			
p2-3 (χ^2)	p=0,331		p=0,842		p=0,054		p=0,268			

Прим.: ИИЗ — игровая интернет-зависимость; ССИЗ — социально-сетевая интернет-зависимость; СИЗ — смешанная интернет-зависимость; НИЗ — недифференцированная интернет-зависимость.

Гендерные различия потребления контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска представлены в таблице 4.

Установлено, что зависимость от социальных сетей чаще отмечалась среди девушек тувинской этнической принадлежности в сравнении с юношами-тувинцами и русскими девушками, проживающими как в г. Кызыле, так и в г. Красноярске. Частота данной разновидности интернет-контента также чаще встречалась среди русских девушек обоих городов в сравнении с юношами аналогичных этнических групп. В свою очередь, частота игровой ИА была наибольшей среди юношей всех этнических групп, однако наибольшая частота была характерна для тувинских юношей.

Таблица 4. Структура потребляемого контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска разных полов
Table 4. The structure of the content consumed by students of Kyzyl and Krasnoyarsk, taking into account gender

Группы обследованных студентов	Потребляемый контент								Всего	
	ИИЗ		ССИЗ		СИЗ		НИЗ			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) юноши	25	15,8 11,0–22,3	10	6,3 3,5–11,3	7	4,4 2,2–8,9	14	8,9 5,4–14,3	158	100,0
2 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) девушки	26	8,1 5,6–11,6	34	10,6 7,7–14,5	6	1,9 0,9–4,0	45	14,1 10,7–18,3	320	100,0
3 гр. Студенты г. Кызыла (русские) юноши	11	10,7 6,1–18,1	3	2,9 1,0–8,2	1	1,0 0,2–5,3	10	9,7 5,4–17,0	103	100,0
4 гр. Студенты г. Кызыла (русские) девушки	15	9,3 5,7–14,7	14	8,6 5,2–14,0	10	6,2 3,4–11,0	17	10,5 6,7–16,2	162	100,0
5 гр. Студенты г. Красноярска (русские) юноши	7	10,8 5,3–20,6	3	4,6 1,6–12,7	0	0,0 0,0–5,6	4	6,2 2,4–14,8	65	100,0
6 гр. Студенты г. Красноярска (русские) девушки	11	6,5 3,7–11,3	11	6,5 3,7–11,3	2	1,2 0,3–4,2	14	8,3 5,0–13,4	169	100,0
p1-2 (χ^2)	p=0,010		p=0,127		p=0,106		p=0,104			
p3-4 (χ^2)	p=0,705		p=0,064		p=0,039		p=0,837			
p5-6 (χ^2)	p=0,273		p=0,584		p=0,378		p=0,584			
p1-3 (χ^2)	p=0,239		p=0,215		p=0,113		p=0,817			
p1-5 (χ^2)	p=0,328		p=0,617		p=0,085		p=0,500			
p3-5 (χ^2)	p=0,985		p=0,562		p=0,426		p=0,417			
p2-4 (χ^2)	p=0,673		p=0,492		p=0,013		p=0,269			
p2-6 (χ^2)	p=0,521		p=0,134		p=0,566		p=0,062			
p4-6 (χ^2)	p=0,353		p=0,463		p=0,015		p=0,490			

Прим.: ИИЗ — игровая интернет-зависимость; ССИЗ — социально-сетевая интернет-зависимость; СИЗ — смешанная интернет-зависимость; НИЗ — недифференцированная интернет-зависимость.

Частота смешанной ИА в исследованных группах имела определенную закономерность. Если среди тувинских юношей ее частота была выше в сравнении с девушками, тогда как у русских студентов обоих городов данный тип ИА встречался чаще среди девушек. Недифференцированная ИА преобладала у девушек всех этнических групп, однако наибольшая частота была характерна для студенток тувинской этнической принадлежности (табл. 4).

Обсуждение

Изучение особенностей контент-структуры сетевого поведения среди студенческой молодежи разных регионов, в том числе с учетом половой и этнической принадлежности, является важным аспектом в решении проблемы предупреждения развития игровой, социально-сетевой и других видов ИА.

Согласно полученным данным, установлено, что из всех обследованных студентов (г. Кызыла и г. Красноярска) суммарная доля зависимых от компьютерных игр в общей группе включенных в обследование лиц составила 10,0%, доля с социально-сетевой ИА — 7,7%, со смешанной ИА — 2,5% и с недифференцированной ИА — 10,6% соответственно. При этом студенты Республики Тыва отличались значительно большей частотой по всем вышеперечисленным формам ИА: игровой (10,8% vs 7,7%), социально-сетевой (8,2% vs 6,0%), смешанной (3,0% vs 1,0%) и недифференцированной (11,6% vs 7,7%).

Анализ этнических различий потребляемого контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска выявил значительное преобладание игровой (11,1%), социально-сетевой (9,2%) и недифференцированной (12,3%) ИА среди студентов тувинской этнической принадлежности в сравнении с русскими студентами, проживающими как в г. Кызыле (10,2%; 6,4%; 10,6%), так и г. Красноярске (7,7%; 6,0%; 7,7%).

Установлено, что зависимость от социальных сетей чаще отмечалась среди девушек тувинской этнической принадлежности (10,6%) в сравнении с юношами-тувинцами (6,3%) и русскими девушками, проживающими как в г. Кызыле (8,6%), так и в г. Красноярске (6,5%). Частота данной разновидности интернет-контента также чаще встречалась среди русских девушек обоих городов (8,6% и 6,5%) в сравнении с юношами аналогичных этнических групп (2,9% и 4,6%). В свою очередь частота игровой ИА была наибольшей среди юношей всех этнических групп: студенты-тувинцы г. Кызыла (15,8% vs 8,1%); студенты-русские г. Кызыла (10,7% vs 9,3%); студенты-русские г. Красноярск (10,8% vs 6,5%). Однако, наибольшая частота была характерна для тувинских юношей (15,8%).

При сопоставлении полученных данных о территориальных, этнических и гендерных особенностях, распространенности социально-сетевой и игровой ИА с результатами проведенных ранее исследований были получены похожие закономерности. Так, данные метаанализа с подгрупповым анализом схем классификации зависимости от социальных сетей с участием 34 798 респондентов из 32 стран, охватывающих семь регионов мира, показали, что распространенность зависимости от социальных сетей варьировала от 5 до 25% при среднем значении 24% и зависела от используемой схемы классификации (Cheng et al., 2021). Общая распространенность зависимости от социальных сетей среди 280 студентов-медиков медицинского факультета в Стамбуле, по данным У. Сайили с соавторами, составила 6,1%, 4,8% у мужчин и 7,4% у женщин (Sayili et al., 2023). В крупном перекрестном онлайн-исследовании среди студентов высших учебных заведений Словении распространенность симптомов зависимости от социальных сетей составила 4,6%, причем женщины демонстрировали более высокий процент, чем мужчины (Žmavc et al., 2022). По данным исследования Дж. Чжао с соавторами, 2,9% обследованных студентов государственного университета в Китае соответствовали критериям зависимости от социальных сетей по шкале BSMAS. Распространенность зависимости от социальных сетей в исследовании Дж. Чжао с соавторами среди женщин была выше, чем у мужчин (4,3% vs 1,2%) (Zhao et al., 2022). Однако, согласно данным исследования М. А. Алфайя с соавторами, среди обследованных студентов-медиков в Саудовской Аравии скорректированный линейный регрессионный анализ показал, что у обучающихся мужского пола зависимость от социальных сетей была выше, чем у их коллег-женщин (Alfaya et al., 2023).

Исследования показывают, что проблемное использование социальных сетей связано со многими социологическими, психологическими и физиологическими проблемами (Hussain et al., 2020; Xiao, Peng, Liao, 2022; Yigiter, Demir, Dogan, 2023). Несмотря на растущее распространение социальных сетей в жизни людей, их влияние на субъективное благополучие пользователей является источником беспокойства во всем мире и требует проведения современных исследований по изучению влияния социальных сетей в психическое здоровье человека (Pellegrino, Stasi, Bhatiazevi, 2022).

Широкое использование видеоигр как формы развлечения среди молодежи во всем мире становится все более очевидным. Многочисленные исследования показали, что значительная часть детей и подростков тратит значительную часть времени бодрствования на электронные развлечения, включая видеоигры (Feng et al., 2017; Lopez-Fernandez et al., 2014; Rehbein et al., 2015). Несмотря на то, что

видеоигры в целом безопасны и могут оказывать полезные физические, когнитивные и социальные эффекты, чрезмерная увлеченность этим типом сетевого контента связана с рядом негативных последствий, таких как нарушения сна, одиночество, проблемы в отношениях, потеря работы, неадекватное питание и физическая форма (Hawi, Samaha, Griffiths, 2018; Ünal, Gökler, Turan, 2022).

Признание потенциального влияния видеоигр на психическое здоровье привело к включению зависимости от компьютерных игр Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2022 г. в Международную классификацию болезней 11-го пересмотра (МКБ-11) под названием «игровое расстройство» (6C51, 6C51.0, 6C51.1)¹. В настоящее время чрезмерное пристрастие к видеоиграм рассматривается как заболевание, требующее специального лечения. Существующий и быстро расширяющийся объем научных исследований, посвященных изучению игровой интернет-аддикции предполагает, что это состояние связано с комплексом физических, эмоциональных и поведенческих проблем, включая плохое качество сна, избыточный вес, низкую успеваемость, агрессивное поведение, депрессию и тревожность, а также значительную финансовую нагрузку из-за регулярной траты реальных денег на виртуальные внутриигровые активы (Hawi, Samaha, Griffiths, 2018; Martín-Fernández et al., 2017; Sharma, 2016; Thomée et al., 2015; Kim et al., 2016). Вызывающие особую тревогу психосоциальные последствия игровой ИА наряду с её потенциально негативным влиянием на развитие детей и подростков подкрепляют необходимость лучшего понимания и дальнейшего изучения этого состояния (Verlinden et al., 2021).

На сегодняшний день результаты исследований, посвященных изучению распространенности игровой ИА являются весьма разнородными (Khrad et al., 2022). Распространенность зависимости от компьютерных игр по данным различных исследований варьирует от 1,2% до 14,6% в зависимости от страны, возраста выборки и методологии исследования (Lopez-Fernandez et al., 2014; Rehbein et al., 2015). В целом, средняя распространенность, основанная на исследованиях за последние два десятилетия, оценивается в 4,7% (Feng et al., 2017).

Объединенный показатель распространенности игровых расстройств в регионе Юго-Восточной Азии, выявленный в исследовании Д. Чайя с соавторами (Chia et al., 2020), составил 10,1% и был существенно выше, чем в других регионах мира. В исследовании Н. Сакиб с соавторами, в котором приняли участие 276 индийских и пакистанских учащихся, посещающих международные средние школы в Саудовской Аравии, показало, что распространенность игровой зависимости составила 16% (Saquib et al., 2017). В исследовании, проведенном в Ливане с участием 10 ливанских средних школ, сообщалось о распространенности игровой зависимости в 9,2% (Hawi, Samaha, Griffiths, 2018). Среди женщин, посещающих колледжи в Объединенных Арабских Эмиратах, распространенность игровой ИА при строгих пороговых значениях составила 1,45% и 18,2% при мягких пороговых значениях (Verlinden et al., 2021). Среди студентов колледжей в США распространенность проблемного использования компьютерных игр отмечалось у 10% обследованных (Stevens et al., 2020). Объяснением наблюдаемых различий в показателях распространенности игровой ИА может быть использование разных шкал для её измерения с разными отрезными точками и разные группы населения (Khrad et al., 2022).

Показатели общей распространенности игровой ИА, полученные в нашем исследовании, была выше, чем результаты, представленные в предыдущих исследованиях: 8,8% среди студентов-медиков университета Саудовской Аравии (Al Asqah et al., 2020), 9,3% среди студентов египетского университета (Elnahas et al., 2018) и 9% среди студентов-медиков и стоматологов в Индии (Aggarwal, Pandian, 2019). Кроме того, два исследования в Саудовской Аравии выявили 15,8% и 5% распространенность игровой ИА среди учащихся-подростков (Rajab et al., 2020; Saquib et al., 2017). Однако другие исследования выявили меньшую распространенность: 5,3% среди студентов университетов США (Ohayon, Roberts, 2021), 5,9% среди южнокорейских подростков (Yu, Cho, 2016), 2,1% среди китайских студентов средних школ и университетов (Shu et al., 2019) и 1,2% среди немецких подростков (Rehbein et al., 2015).

Среди немногочисленных исследований, проведенных в России по данному направлению, похожие закономерности, согласующиеся с нашими результатами, были получены в работах наших кол-

¹ 6C51.0 Gaming disorder, predominantly online [Электронный ресурс] // ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics. 2023. URL: <https://icd.who.int/browse/2024-01/mms/en#338347362> (дата обращения: 15.03.2024).

лег (Эверт, Потупчик, Костюченко, 2022; Эверт, Серен-оол, Сат, 2023). Среди подростков г. Кызыла распространенность в общей выборке обследованных составила: игровой (5,2% — по строгим и 17,1% — по мягким критериям), социально-сетевой (13,9%), смешанной (9,2%) и недифференцированной (5,4%) ИА соответственно (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023). Анализ половых различий игровой ИА у тувинских подростков выявил значительное преобладание этого онлайн-контента только у тувинцев-мальчиков в сравнении с тувинками-девочками. Зависимостью от социальных сетей значительно чаще характеризовались девочки, чем мальчики, это касалось как русских (14,3% и 4,4%), так и тувинских (19,8% и 9,3%) подростков (там же: 244). Среди подростков мальчиков г. Абакана, как среди хакасов, так и среди русских показатели распространенности зависимости от онлайн-игр были выше, чем среди девочек. В то же время такой вид аддикции, как зависимость от социальных сетей, статистически значимо чаще выявлялся у девочек во всех этнических группах (Эверт, Потупчик, Костюченко, 2022).

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования, включающего тестирование 743 студентов г. Кызыла и 234 студентов г. Красноярска с использованием опросников GASA и SMD5, впервые получены данные об особенностях структуры потребляемого контента (зависимости от социальных сетей, игровой, смешанной и недифференцированной зависимости) с позиций территориальных, гендерных и этнических различий. Контент-структура сетевого поведения у тувинских и русских студентов, обучающихся в г. Кызыле включает большую зависимость от онлайн-игр у юношей, более выраженное стремление к общению в социальных сетях и наличие недифференцированной ИА — у девушек. Однако, анализ этнических различий потребления контента студентами г. Кызыла и г. Красноярска выявил значительное преобладание игровой, социально-сетевой и недифференцированной ИА среди студентов тувинской этнической принадлежности в сравнении с русскими студентами, проживающими как в г. Кызыле, так и г. Красноярске.

По нашему мнению, теоретическое значение проведенного исследования состоит в том, что его результаты вносят свой вклад в полученные ранее отечественными и зарубежными исследователями сведения об особенностях структуры потребляемого контента у студентов различных стран и регионов с учетом гендерной и этнической принадлежности.

Высокий уровень распространенности всех изучаемых в данном исследовании форм ИА среди тувинской студенческой молодежи свидетельствует об актуальности продолжения изучения данной проблемы с целью разработки в дальнейшем профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику игровой, социально-сетевой, смешанной и недифференцированной ИА для сохранения здоровья молодежи Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зотова, Д. В., Розанов, В. А. (2020) Патологическое использование и зависимость от социальных сетей — анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Т. 10. № 2. С. 158–183. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
- Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>
- Куулар, С. Д. О. (2021) Особенности интернет-зависимости среди молодежи г. Кызыла // Профилактика девиантного поведения: материалы III международной научно-практической конференции (6–11 октября 2021 года) / под науч. ред. М. Г. Чухровой. Новосибирск : Изд-во АНО ДПО «Сибирь. Наука. Интеллект». 105 с. С. 69–72.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>
- Хасанова, И. И., Котова, С. С. (2017) Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. Т. 19. № 4. С. 146–168. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-146-168>

Эверт, Л. С., Потупчик, Т. В., Костюченко, Ю. Р. (2022) Характеристика онлайн-поведения и структуры потребляемого контента у подростков Абакана различных возрастно-половых групп и этнической принадлежности // *Acta biomedica scientifica*. Т. 7. № 2. С. 243–260. DOI: <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.25>

Эверт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Яковлев, А. Н., Чупрова, Н. А., Вантей, В. Б., Долгих, Н. Н., Трусова, А. В., Кибитов, А. О. (2020) Возрастные аспекты интернет-зависимости: сравнительный анализ лиц юношеского возраста и молодых взрослых // *Вопросы наркологии*. Т. 193. № 10. С. 74–78. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_10_74

Aggarwal, A., Pandian, J. (2019) Internet gaming disorder in undergraduate medical and dentistry students // *CHRIS-MED Journal of Health and Research*. Vol. 6. № 4. P. 237–241.

Al Asqah, M. I., Al Orainey, A. I., Shukr, M. A., Al Oraini, H. M., Al Turki, Y. A. (2020) The prevalence of internet gaming disorder among medical students at King Saud University, Riyadh, Saudi Arabia. A cross-sectional study // *Saudi medical journal*. Vol. 41. № 12. P. 1359–1363. DOI: <https://doi.org/10.15537/smj.2020.12.05584>

Alfaya, M. A., Abdullah, N. S., Alshahrani, N. Z., Alqahtani, A. A. A., Algethami, M. R., Al Qahtani, A. S. Y., Aljunaid, M. A., Alharbi, F. T. G. (2023) Prevalence and Determinants of Social Media Addiction among Medical Students in a Selected University in Saudi Arabia: A Cross-Sectional Study // *Healthcare (Basel)*. Vol. 11. № 10. Article 1370. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare11101370>

Cheng, C., Lau, Y., Chan, L., Luk, J. W. (2021) Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values // *Addictive Behaviors*. Vol. 117. Article 106845. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>

Chia, D. X. Y., Ng, C. W. L., Kandasami, G., Seow, M. Y. L., Choo, C. C., Chew, P. K. H., Lee, C., Zhang, M. W. B. (2020) Prevalence of Internet Addiction and Gaming Disorders in Southeast Asia: A Meta-Analysis // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. № 7. Article 2582. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17072582>

Elnahas, G., Elella, E. A., Hewedi, D., Elhabiby, M., Elkholy, H., Mansour, O., Baiummy, S. (2018) Problematic online gaming among a sample of university students in Egypt // *Addictive Disorders & Their Treatment*. Vol. 17. № 4. P. 161–167. DOI: <https://doi.org/10.1097/ADT.000000000000141>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S., Bourgeois, J. (2017) Internet gaming disorder: trends in prevalence 1998–2016 // *Addictive Behaviors*. Vol. 75. Article 17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Hawi, N. S., Samaha, M., Griffiths, M. D. (2018) Internet gaming disorder in Lebanon: relationships with age, sleep habits, and academic achievement // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 7. P. 70–78. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.16>

Henzel, V., Håkansson, A. (2021) Hooked on virtual social life. Problematic social media use and associations with mental distress and addictive disorders // *PLoS One*. Vol. 16. № 4. Article e0248406. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248406>

Huang, C. A. (2022) Meta-analysis of the problematic social media use and mental health // *International Journal of Social Psychiatry*. Vol. 68. № 1. P. 12–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020764020978434>

Hussain, Z., Wegmann, E., Yang, H., Montag, C. (2020) Social networks use disorder and associations with depression and anxiety symptoms: a systematic review of recent research in China // *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Article 211. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00211>

Khrad, H., Marhoomi, A., Alkhiri, A., Al-Shamrani, A., Bajabir, D., Mosli, M. (2022) Prevalence of Internet Gaming Disorder among Saudi Arabian university students: relationship with psychological distress // *Heliyon*. Vol. 8. № 12. Article e12334. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e12334>

Kim, N., Hwang, R.S.S.-H., Choi, J.-S., Kim, D.-J., Demetrovics, Z., Király, O., Nagygyörgy, K., Griffiths, M. D., Hyun, S. Y., Youn, H. C., Choi, S. W. (2016) Characteristics and psychiatric symptoms of Internet gaming disorder among adults using self-reported DSM-5 criteria // *Psychiatry Investigation*. Vol. 13. № 1. P. 58–66. DOI: <https://doi.org/10.4306/pi.2016.13.1.58>

Kuss, D. J., Griffiths, M. D. (2017) Social Networking Sites and Addiction: Ten Lessons Learned // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 14. Article 311. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph14030311>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M., Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // *Media Psychology*. Vol. 12. № 1. P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Lopez-Fernandez, O., Honrubia-Serrano, M. L., Baguley, T., Griffiths, M. D. (2014) Pathological video game playing in spanish and british adolescents: towards the exploration of internet gaming disorder symptomatology // *Computers in Human Behavior*. Vol. 41. P. 304–312. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.10.011>

Martín-Fernández, M., Matalí, J. L., García-Sánchez, S., Pardo, M., Lleras, M., Castellano-Tejedor, C. (2017) Adolescents with internet gaming disorder (IGD): profiles and treatment response adolescentes con trastorno por juego en internet (IGD): perfiles y respuesta al tratamiento // *Adicciones*. Vol. 29. P. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.20882/adicciones.890>

Ohayon, M. M., Roberts, L. (2021) Internet gaming disorder and comorbidities among campus-dwelling U.S. university students // *Psychiatry research*. Vol. 302. Article 114043. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2021.114043>

Pellegrino, A., Stasi, A., Bhatiasevi, V. (2022) Research trends in social media addiction and problematic social media use: A bibliometric analysis // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Article 1017506. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1017506>

Rajab, A. M., Zaghoul, M. S., Enabi, S., Rajab, T. M., Al-Khani, A. M., Basalah, A., Alchalati, S. W., Enabi, J., Aljundi, S., Billah, S. M. B., Saquib, J., Al Mazrou, A., Saquib, N. (2020). Gaming addiction and perceived stress among Saudi adolescents // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 11. Article 100261. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2020.100261>

Rehbein, F., Kliem, S., Baier, D., Mößle, T., Petry, N. M. (2015) Prevalence of internet gaming disorder in German adolescents: diagnostic contribution of the nine DSM-5 criteria in a state-wide representative sample // *Addiction*. Vol. 110. № 5. P. 842–851. DOI: <https://doi.org/10.1111/add.12849>

Saquib, N., Saquib, J., Wahid, A., Ahmed, A. A., Dhuhayr, H. E., Zaghoul, M. S., Ewid, M., Al-Mazrou, A. (2017) Video game addiction and psychological distress among expatriate adolescents in Saudi Arabia // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 6. P. 112–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.09.003>

Sayili, U., Pirdal, B. Z., Kara, B., Acar, N., Camcioglu, E., Yilmaz, E., Can, G., Erginoz, E. (2023) Internet Addiction and Social Media Addiction in Medical Faculty Students: Prevalence, Related Factors, and Association with Life Satisfaction // *Journal of Community Health*. Vol. 48. № 2. P. 189–198. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10900-022-01153-w>

Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P. J., Hellemans, K. G., Guimond, S. (2022) Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis // *JMIR Ment Health*. Vol. 9. № 4. Article e33450. DOI: <https://doi.org/10.2196/33450>

Sharma, M. K. (2016) Video game addiction and life style changes: implications for caregivers burden // *Indian Journal of Psychological Medicine*. Vol. 38. P. 150–151. DOI: <https://doi.org/10.4103/0253-7176.178811>

Shu, M. Y., Ivan Jacob, A. P., Meng Xuan, Z., Anise, M. S. W. (2019). Psychometric validation of the Internet Gaming Disorder-20 Test among Chinese middle school and university students // *Journal of behavioral addictions*. Vol. 8. № 2. P. 295–305. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.8.2019.18>

Stevens, C., Zhang, E., Cherkerzian, S., Chen, J. A., Liu, C. H. (2020) Problematic internet use/computer gaming among US college students: prevalence and correlates with mental health symptoms // *Depression and Anxiety*. Vol. 37. № 11. P. 1127–1136. DOI: <https://doi.org/10.1002/da.23094>

Tang, C. S. K., Wu, A. M. S., Yan, E. C. W., Ko, J. H. C., Kwon, J. H., Yogo, M., Gan, Y. Q., Koh, Y. Y. W. (2018) Relative risks of Internet-related addictions and mood disturbances among college students: a 7-country/region comparison // *Public Health*. Vol. 165. P. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.09.010>

Tereshchenko, S. Y. (2023) Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review // *World Journal of Psychiatry*. Vol. 13. № 5. P. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>

Thomé, S., Lissner, L., Hagberg, M., Grimby-Ekman, A. (2015) Leisure time computer use and overweight development in young adults — a prospective study // *BMC Public Health*. Vol. 15. Article 839. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2131-5>

Ünal, E., Gökler, M. E., Turan, Ş. (2022) An Evaluation of the Factors Related to Internet Gaming Disorder in Young Adults // *Addiction & Health*. Vol. 14. № 4. P. 279–287. DOI: <https://doi.org/10.34172/ahj.2022.1381>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale // *Computers in Human Behavior*. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Verlinden, M., Thomas, J., Almansoori, M. H. A. A., Wanigaratne, S. (2021) Gaming Disorder and Well-Being Among Emirati College Women // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 12. Article 659508. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.659508>

Xiao, W., Peng, J., Liao, S. (2022) Exploring the Associations between Social Media Addiction and Depression: Attentional Bias as a Mediator and Socio-Emotional Competence as a Moderator // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. № 20. Article 13496. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph192013496>

Yigiter, M. S., Demir, S., Dogan, N. (2023) The Relationship Between Problematic Social Media Use and Depression: A Meta-Analysis Study // *Current Psychology*. Vol. 43. P. 7936–7951. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04972-9>

Yu, H., Cho, J. (2016). Prevalence of Internet Gaming Disorder among Korean Adolescents and Associations with Non-psychotic Psychological Symptoms, and Physical Aggression // *American Journal of Health Behavior*. Vol. 40. № 6. P. 705-716. DOI: <https://doi.org/10.5993/AJHB.40.6.3>

Zeng, G., Zhang, L., Fung S. F., Li J., Liu, Y. M., Xiong, Z. K., Jiang, Z. Q., Zhu, F. F., Chen, Z. T., Luo, S. D., Yu, P., Huang, Q. (2021) Problematic Internet Usage and Self-Esteem in Chinese Undergraduate Students: The Mediation Effects of Individual Affect and Relationship Satisfaction // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. № 13. Article 6949. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136949>

Zhao, J, Jia, T., Wang, X., Xiao, Y., Wu, X. (2022) Risk Factors Associated with Social Media Addiction: An Exploratory Study // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Article 1372. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.837766>

Žmavc, M., Šorgo, A., Gabrovec, B., Crnkovič, N., Cesar, K., Selak, Š. (2022) The Protective Role of Resilience in the Development of Social Media Addiction in Tertiary Students and Psychometric Properties of the Slovenian Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. № 20. Article 13178. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph192013178>

Дата поступления: 23.03.2024 г.

Дата принятия: 25.04.2024 г.

REFERENCES

Zotova, D. V. and Rozanov, V. A. (2020) Pathological use and dependence on social networks — analysis from the position of phenomenology of addictive behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 10, no. 2, pp. 158-183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169-179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kuular, S. D. O. (2021) Features of Internet addiction among the youth of Kyzyl. In: *Prevention of deviant behavior: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (October 6–11, 2021) / ed. by M. G. Chukhrova*. Novosibirsk, Sibir'. Nauka. Intellekt. 105 p. Pp. 69–72. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) [Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2023) The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Khasanova, I. I. and Kotova, S. S. (2017) The correlations of the internet addiction between coping and deviant behaviour of students. *The Education and science journal*, vol. 19, no. 4, pp. 146–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-146-168>

Evert, L. S., Potupchik, T. V. and Kostiuchenko, Iu. R. (2022) Characteristics of online behavior and structure of consumed content in Abakan adolescents of different age, groups and ethnicity. *Acta Biomedica Scientifica*, vol. 7, no. 2, pp. 243–260. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.25>

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Iakovlev, A. N., Chuprova, N. A., Vantei, V. B., Dolgikh, N. N., Trusova, A. V. and Kibitov, A. O. (2020) Age-related aspects of internet addiction: a comparative analysis of adolescents and young adults. *Journal of addiction problems*, vol. 193, no. 10, pp. 74–78. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_10_74

Aggarwal, A. and Pandian, J. (2019) Internet gaming disorder in undergraduate medical and dentistry students. *CHRISMED Journal of Health and Research*, vol. 6, no. 4, pp. 237–241.

Al Asqah, M. I., Al Orainey, A. I., Shukr, M. A., Al Oraini, H. M. and Al Turki, Y. A. (2020) The prevalence of internet gaming disorder among medical students at King Saud University, Riyadh, Saudi Arabia. A cross-sectional study. *Saudi medical journal*, vol. 41, no. 12, pp. 1359–1363. DOI: <https://doi.org/10.15537/smj.2020.12.05584>

Alfaya, M. A., Abdullah, N. S., Alshahrani, N. Z., Alqahtani, A. A. A., Algethami, M. R., Al Qahtani, A. S. Y., Aljunaid M. A. and Alharbi, F. T. G. (2023) Prevalence and Determinants of Social Media Addiction among Medical Students in a Selected University in Saudi Arabia: A Cross-Sectional Study. *Healthcare (Basel)*, vol. 11, no. 10, article 1370. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare11101370>

Cheng, C., Lau, Y., Chan, L. and Luk, J. W. (2021) Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. *Addictive Behaviors*, vol. 117, article 106845. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>

Chia, D. X. Y., Ng, C. W. L., Kandasami, G., Seow, M. Y. L., Choo, C. C., Chew, P. K. H., Lee, C. and Zhang, M. W. B. (2020) Prevalence of Internet Addiction and Gaming Disorders in Southeast Asia: A Meta-Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, np. 7, article 2582. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17072582>

Elnahas, G., Elella, E. A., Hewedi, D., Elhabiby, M., Elkholy, H., Mansour, O. and Baiumy, S. (2018) Problematic online gaming among a sample of university students in Egypt. *Addictive Disorders & Their Treatment*, vol. 17, no. 4, pp. 161-167. DOI: <https://doi.org/10.1097/ADT.0000000000000141>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S. and Bourgeois, J. (2017) Internet gaming disorder: trends in prevalence 1998–2016. *Addictive Behaviors*, vol. 75, article 17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Hawi, N. S., Samaha, M. and Griffiths, M. D. (2018) Internet gaming disorder in Lebanon: relationships with age, sleep habits, and academic achievement. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, pp. 70–78. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.16>

Henzel, V. and Håkansson, A. (2021) Hooked on virtual social life. Problematic social media use and associations with mental distress and addictive disorders. *PLoS One*, vol. 16, no. 4, article e0248406. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248406>

Huang, C. A. (2022) Meta-analysis of the problematic social media use and mental health. *International Journal of Social Psychiatry*, vol. 68, no. 1, pp. 12–35. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020764020978434>

Hussain, Z., Wegmann, E., Yang, H. and Montag, C. (2020) Social networks use disorder and associations with depression and anxiety symptoms: a systematic review of recent research in China. *Frontiers in Psychology*, vol. 11, article 211. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00211>

Khrad, H., Marhoomi, A., Alkhiri, A., Al-Shamrani, A., Bajabir, D. and Mosli, M. (2022) Prevalence of Internet Gaming Disorder among Saudi Arabian university students: relationship with psychological distress. *Heliyon*, vol. 8, no. 12, article e12334. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e12334>

Kim, N., Hwang, R. S. S.-H., Choi, J.-S., Kim, D.-J., Demetrovics, Z., Király, O., Nagygyörgy, K., Griffiths, M. D., Hyun, S. Y., Youn, H. C. and Choi, S. W. (2016) Characteristics and psychiatric symptoms of Internet gaming disorder among adults using self-reported DSM-5 criteria. *Psychiatry Investigation*, vol. 13, no. 1, pp. 58–66. DOI: <https://doi.org/10.4306/pi.2016.13.1.58>

Kuss, D. J. and Griffiths, M. D. (2017) Social Networking Sites and Addiction: Ten Lessons Learned. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 14, article 311. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph14030311>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. and Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. *Media Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Lopez-Fernandez, O., Honrubia-Serrano, M. L., Baguley, T. and Griffiths, M. D. (2014) Pathological video game playing in Spanish and British adolescents: towards the exploration of internet gaming disorder symptomatology. *Computers in Human Behavior*, vol. 41, pp. 304–312. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.10.011>

Martín-Fernández, M., Matalí, J. L., García-Sánchez, S., Pardo, M., Lleras, M. and Castellano-Tejedor, C. (2017) Adolescents with internet gaming disorder (IGD): profiles and treatment response. *Adicciones*, vol. 29, pp. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.20882/adicciones.890>

Ohayon, M. M. and Roberts, L. (2021) Internet gaming disorder and comorbidities among campus-dwelling U.S. university students. *Psychiatry Research*, vol. 302, article 114043. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2021.114043>

Pellegrino, A., Stasi, A. and Bhatiazevi, V. (2022) Research trends in social media addiction and problematic social media use: A bibliometric analysis. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, article 1017506. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1017506>

Rajab, A. M., Zaghoul, M. S., Enabi, S., Rajab, T. M., Al-Khani, A. M., Basalah, A., Alchalati, S. W., Enabi, J., Aljundi, S., Billah, S. M. B., Saquib, J., Al Mazrou, A. and Saquib, N. (2020). Gaming addiction and perceived stress among Saudi adolescents. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 11, article 100261. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2020.100261>

Rehbein, F., Kliem, S., Baier, D., Mößle, T. and Petry, N. M. (2015) Prevalence of internet gaming disorder in German adolescents: diagnostic contribution of the nine DSM-5 criteria in a state-wide representative sample. *Addiction*, vol. 110, no. 5, pp. 842–851. DOI: <https://doi.org/10.1111/add.12849>

Saquib, N., Saquib, J., Wahid, A., Ahmed, A.A., Dhuhayr, H.E., Zaghoul, M.S., Ewid, M. and Al-Mazrou, A. (2017) Video game addiction and psychological distress among expatriate adolescents in Saudi Arabia. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 6, pp. 112–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.09.003>

Sayili, U., Pirdal, B. Z., Kara, B., Acar, N., Camcioglu, E., Yilmaz, E., Can, G. and Erginoz, E. (2023) Internet Addiction and Social Media Addiction in Medical Faculty Students: Prevalence, Related Factors, and Association with Life Satisfaction. *Journal of Community Health*, vol. 48, no. 2, pp. 189–198. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10900-022-01153-w>

Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P. J., Hellemans, K. G. and Guimond, S. (2022) Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR Ment Health*, vol. 9, no. 4, article e33450. DOI: <https://doi.org/10.2196/33450>

Sharma, M. K. (2016) Video game addiction and life style changes: implications for caregivers burden. *Indian Journal of Psychological Medicine*, vol. 38, pp. 150–151. DOI: <https://doi.org/10.4103/0253-7176.178811>

Shu, M. Y., Ivan Jacob, A. P., Meng Xuan, Z. and Anise, M. S. W. (2019) Psychometric validation of the Internet Gaming Disorder-20 Test among Chinese middle school and university students. *Journal of behavioral addictions*, vol. 8, no. 2, pp. 295–305. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.8.2019.18>

Stevens, C., Zhang, E., Cherkerzian, S., Chen, J. A. and Liu, C. H. (2020) Problematic internet use/computer gaming among US college students: prevalence and correlates with mental health symptoms. *Depression and Anxiety*, vol. 37, no. 11, pp. 1127–1136. DOI: <https://doi.org/10.1002/da.23094>

Tang, C. S. K., Wu, A. M. S., Yan, E. C. W., Ko, J. H. C., Kwon, J. H., Yogo, M., Gan, Y. Q. and Koh, Y. Y. W. (2018) Relative risks of Internet-related addictions and mood disturbances among college students: a 7-country/region comparison. *Public Health*, vol. 165, pp. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.09.010>

Tereshchenko, S. Y. (2023) Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review. *World Journal of Psychiatry*, vol. 13, no. 5, pp. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjpp.v13.i5.160>

Thomé, S., Lissner, L., Hagberg, M. and Grimby-Ekman, A. (2015) Leisure time computer use and overweight development in young adults — a prospective study. *BMC Public Health*, vol. 15, article 839. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2131-5>

Ünal, E., Gökler, M. E. and Turan, Ş. (2022) An Evaluation of the Factors Related to Internet Gaming Disorder in Young Adults. *Addiction & Health*, vol. 14, no. 4, pp. 279–287. DOI: <https://doi.org/10.34172/ahj.2022.1381>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S. and Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Verlinden, M., Thomas, J., Almansoori, M. H. A. A. and Wanigaratne, S. (2021) Gaming Disorder and Well-Being Among Emirati College Women. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 12, article 659508. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.659508>

Xiao, W., Peng, J. and Liao, S. (2022) Exploring the Associations between Social Media Addiction and Depression: Attentional Bias as a Mediator and Socio-Emotional Competence as a Moderator. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 20, article 13496. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph192013496>

Yigiter, M. S., Demir, S. and Dogan, N. (2023) The Relationship Between Problematic Social Media Use and Depression: A Meta-Analysis Study. *Current Psychology*, vol. 43, pp. 7936–7951. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04972-9>

Yu, H. and Cho, J. (2016). Prevalence of Internet Gaming Disorder among Korean Adolescents and Associations with Non-psychotic Psychological Symptoms, and Physical Aggression. *American Journal of Health Behavior*, vol. 40, no. 6, pp. 705–716. DOI: <https://doi.org/10.5993/AJHB.40.6.3>

Zeng, G., Zhang, L., Fung S. F., Li J., Liu, Y. M., Xiong, Z. K., Jiang, Z. Q., Zhu, F. F., Chen, Z. T., Luo, S. D., Yu, P. and Huang, Q. (2021) Problematic Internet Usage and Self-Esteem in Chinese Undergraduate Students: The Mediation Effects of Individual Affect and Relationship Satisfaction. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 13, article 6949. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136949>

Zhao, J, Jia, T., Wang, X., Xiao, Y. and Wu, X. (2022) Risk Factors Associated with Social Media Addiction: An Exploratory Study. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, article 1372. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.837766>

Žmavc, M., Šorgo, A., Gabrovec, B., Crnkovič, N., Cesar, K. and Selak, Š. (2022) The Protective Role of Resilience in the Development of Social Media Addiction in Tertiary Students and Psychometric Properties of the Slovenian Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS). *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 20, article 13178. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph192013178>

Submission date: 23.03.2024.

Acceptance date: 25.04.2024.

Гендерно-этнические особенности интернет-аддикции среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска

Роман А. Яскевич

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера —
обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН;

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого,
Российская Федерация,

Игорь И. Хамнагадаев

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

В статье анализируется распространенность различных паттернов интернет-аддиктивного поведения в сравнительном аспекте среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска. Выводы исследования базируются на основе анализа результатов тестирования студентов двух городов. Обследование проводилось методом случайной выборки в период с сентября 2022 г. по май 2023 г. и охватило 993 респондента обоего пола, заполнивших опросник Chen Internet addiction Scale (CIAS) в адаптации В. Л. Малыгина и К. А. Феклисова.

Представлен сравнительный анализ частоты различных паттернов и выраженности симптомов интернет-аддиктивного поведения в группах, различающихся по месту проживания, этнической принадлежности (тувинцы, русские) и полу.

Установлено, что среди студенческой молодежи г. Кызыла чаще встречались лица, имеющие выраженный и устойчивый паттерн интернет-аддиктивного поведения в сравнении со студентами г. Красноярска: 11,9 vs 7,9%. Особое внимание уделено вопросу о влиянии этнической принадлежности на формирование интернет-аддиктивного поведения у студенческой молодежи г. Кызыла. Этническими особенностями была большая частота выраженного и устойчивого паттерна интернет-аддиктивного поведения у тувинских студентов г. Кызыла в сравнении с русскими студентами: 12,4 vs 10,9%. Гендерные различия включали большую встречаемость интернет-аддикции среди тувинских девушек — 14,4% в сравнении с тувинскими юношами — 8,6% и русскими девушками — 12,7%.

Ключевые слова: студент; Тува; Кызыл; Красноярск; Интернет; интернет-зависимость; интернет-аддикция; тувинцы; русские

Для цитирования:

Яскевич Р. А., Хамнагадаев И. И. Гендерно-этнические особенности интернет-аддикции среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 60-74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.4>

Яскевич Роман Анатольевич — доктор медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН; доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПУ Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адреса: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г; 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. E-mail: holter-24@yandex.ru

Хамнагадаев Игорь Иосифович — доктор медицинских наук, профессор кафедры госпитальной терапии медицинского института Белгородского государственного национального исследовательского университета. Адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. Эл. адрес: khamnaga@yandex.ru

Gender and ethnic features of Internet addiction among the student youth of Kyzyl and Krasnoyarsk

Roman A. Yaskevich

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center
“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”;
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation,

Igor I. Khamnagadaev

Belgorod State University, Russian Federation

The article analyzes the prevalence of various patterns of Internet addictive behavior in a comparative aspect among students in Kyzyl and Krasnoyarsk. The study's conclusions are based on an analysis of the results of tests conducted on students from both cities. The survey was conducted through random sampling between September 2022 and May 2023, covering 993 participants of both genders who completed the Chen Internet Addiction Scale (CIAS) questionnaire, adapted by V. L. Malygin and K. A. Feklisov.

A comparative analysis of the frequency and severity of different patterns of Internet-addictive behaviors among groups differing in residence, ethnicity, and gender is presented. It was found that students in Kyzyl had a higher prevalence of more severe and persistent patterns of internet addiction compared to students in Krasnoyarsk, with 11.9% vs 7.9%, respectively. Special attention is paid to the issue of the influence of ethnicity on the development of Internet addiction among student youth in Kyzyl. The study found that ethnic characteristics are associated with a higher frequency of Internet addictive behavior, with Tuvan students in Kyzyl exhibiting a more pronounced and stable pattern than Russian students (12.4% vs 10.9%). Gender differences were also observed, with a higher incidence of Internet addiction among Tuvan girls (14.4%) compared to Tuvan boys (8.6%) and Russian girls (12.7%).

Keywords: student; Tuva; Kyzyl; Krasnoyarsk; Internet; Internet addiction; Tuvans; Russians

For citation:

Yaskevich R. A. and Khamnagadaev I. I. Gender and ethnic features of Internet addiction among the student youth of Kyzyl and Krasnoyarsk. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 60-74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.4>

YASKEVICH, Roman Anatolyevich, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; Associate Professor, Department of Propædeutics of Internal Diseases and Therapy, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voino-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation. Postal addresses: 3g Partizana Zheleznaya St., 660022, Russia, Krasnoyarsk; 1 Partizana Zheleznaya St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. E-mail: holter-24@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4033-3697

KHAMNAGADAEV, Igor Iosifovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Hospital Therapy, Medical Institute, Belgorod State University. Postal address: 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia. E-mail: khamnaga@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8541-0364

Введение

За последнее десятилетие с быстрым развитием современных технологий интернет стал неотъемлемой и незаменимой частью жизни большинства людей в мире, а также легко доступным для представителей всех социально-экономических групп (Meng et al., 2022). По данным интернет-портала DataReportal¹, общее количество пользователей Интернетом в мире за последний год выросло на 3,7% и на конец 2023 г. составляло 5,3 миллиарда (65,7%). Интернет предоставляет быстрый и простой способ поиска информации и общения с другими людьми, и благодаря своему мультимедийному и интерактивному характеру он влияет на большую часть современной жизни человека (Хасанова, Котова, 2017; Яковлев и др., 2020). Однако чрезмерное или неограниченное использование Интернета сводит на нет многие его положительные преимущества и может привести к формированию интернет-аддикции (зависимости) также называемой «проблемным использованием Интернета» или «патологическим использованием Интернета»².

Кроме того, установлено, что распространенность интернет-аддикции (ИА) выше у подростков и молодых людей, которые в силу возрастной незрелости наиболее уязвимы для разного рода негативных воздействий (Колесников, Мельник, Теплова, 2019; Семёнова и др., 2022) приводящих к выраженному дискомфорту и патологическим расстройствам, вызывающим различные психологические, образовательные и профессиональные проблемы (Коновалов, Божкова, 2021). Согласно данным проведенных ранее исследований, частота проблемного использования Интернета среди молодежи составляет от 1,98% до 35,8% и имеет зависимость от пола, возраста и этнической принадлежности обследуемых (Семёнова и др., 2020; Karus et al., 2021; Salarvand et al., 2022).

В современном обществе сложилась ситуация, когда студенчество становится одной из самых незащищенных от интернет-зависимости социальных групп, поскольку условия его учебы и социализации в вузе проходят на фоне бесплатного и обязательного использования сети Интернет как инструмента учебной деятельности (Топильская, 2021). Проведенные исследования подчеркивают важность изучения ИА у студентов университетов, поскольку они чаще, чем население в целом, используют Интернет (Авхачева, 2021; Хасанова, Котова, 2017) и более предрасположены для её развития (Ванюшина, Гончарова, 2017; Di et al., 2019).

Особую актуальность представляет изучение ИА среди студенческой молодежи Российской Федерации и, в частности, проживающей на территории Южной и Восточной Сибири, ввиду малочисленности исследований, посвященных данной проблеме. Имеющиеся исследования, проведенные в Республике Тыва в основном были посвящены изучению и анализу различных аспектов использования Интернета населением Республики Тыва (Ламажаа, 2021), обзору интернет-ресурсов, в которых представлен тувинский язык (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023), изучению сетевой идентичности студенческой молодежи Республики Тыва (Кекеева и др., 2022) и изучению распространенности различных вариантов пользования Интернетом и особенностей потребляемого интернет-контента у подростков Республики Тыва разной возрастно-половой и этнической принадлежности (Эвэрт, Серен-оол, Сат, 2023). Однако до настоящего времени исследований, посвященных изучению гендерно-этнических особенностей интернет-аддиктивного поведения среди студенческой молодежи г. Кызыла в сравнительном аспекте с использованием опросника CIAS не проводилось.

Цель настоящей работы заключалась в изучении распространенности различных паттернов интернет-аддиктивного поведения в сравнительном аспекте среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска с различной половой и этнической принадлежностью. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: изучить уровни ИА среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска в зависимости от половой, этнической принадлежности и места проживания; оценить выраженность симптомов интернет-зависимого поведения среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска в зависимости от половой, этнической принадлежности и места проживания обследуемых; сравнить полученные данные с результатами других авторов.

¹ Digital 2023: Global Overview Report [Электронный ресурс] // Global Digital Insights. 2023 URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 07.03.2024).

Мальгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011. См. также: Zeng et al., 2021.

Материал и методы исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках научной тематики «Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера» (НИИ МПС) — обособленного подразделения «Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. ЕГИСУ № 124020100064-6), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (руководители — член-корр. РАН В. Т. Манчук, проф. С. Ю. Терещенко). Результаты исследования являются одним из выполняемых фрагментов указанной выше научной темы. Настоящее исследование проводилось с учетом этических принципов, применяемых в медицинских исследованиях с участием человека в качестве их субъекта, определяемых требованиями Хельсинской Декларации¹. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование.

Источником информации для работы послужили результаты тестирования студентов г. Кызыла и г. Красноярска в период с сентября 2022 г. по май 2023 г. *Объектом исследования* были сформированные случайным образом группы студентов, обучающихся в Тувинском государственном университете (ТувГУ), г. Кызыл, Республика Тыва и в Красноярском государственном медицинском университете имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации (КрасГМУ), г. Красноярск.

Общее число студентов, которым были розданы опросники на русском языке, составило 1000 чел. Численность студентов, корректно заполнивших опросники и включенных в статистический анализ, составила 993 чел., из них 660 (66,5%) девушек и 333 (33,5%) юношей. Медиана (Me) возраста обследованных 20,0 [19,0; 20,0] лет.

Дизайн исследования включал изучение среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска уровней ИА и анализ выраженности симптомов интернет-зависимого поведения. Проводился анализ изучаемых показателей в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом места проживания обследуемых: 1 гр. — студенты г. Кызыла (n=765; 77,04%), 2 гр. — студенты г. Красноярска (n=228; 22,96%); этнической принадлежности: 1 гр. — студенты г. Кызыла (тувинцы) (n=490; 49,35%), 2 гр. — студенты г. Кызыла (русские) (n=275; 27,69%), 3 гр. — студенты г. Красноярска (русские) (n=228; 22,96%) и половой принадлежности: 1 гр. — студенты г. Кызыла (тувинцы) юноши (n=163; 16,41%), 2 гр. — студенты г. Кызыла (тувинцы) девушки (n=327; 32,93%), 3 гр. — студенты г. Кызыла (русские) юноши (n=109; 10,98%), 4 гр. — студенты г. Кызыла (русские) девушки (n=166; 16,72%), 5 гр. — студенты г. Красноярска (русские) юноши (n=61; 6,14%), 6 гр. — студенты г. Красноярска (русские) девушки (n=167; 16,82%).

Оценка уровня ИА проводилась с использованием шкалы С.-Х. Чена Chen Internet Addiction Scale (CIAS) (Chen et al., 2003) в адаптации В. Л. Малыгина и К. А. Феклисова². Рассчитанный общий балл по шкале CIAS в диапазоне от 27 до 42 оценивался как адаптивное использование Интернета, от 43 до 64 баллов — как склонность к возникновению интернет-зависимого поведения и 65 баллов и выше — как выраженный и устойчивый паттерн ИА. Шкала CIAS также позволяет измерять как специфические (интегральные) (IAS) симптомы интернет-аддикции (толерантность (Tol), абстинентный синдром (Wit), компульсивность (Com)), так и психологические аспекты (RP), такие как способность управлять своим временем (TM) и наличие внутриличностных проблем (IH).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы Statistica 6.0 for Windows (StatSoft Inc., США) № EXXR202F256520FAN10. Анализ вида распределения количественных признаков проводился с помощью критерия Шапиро-Уилка. При несоответствии характера распределения признака закону нормального распределения обработка данных проводилась с помощью непараметрических методов статистического анализа: критерия Манна-Уитни (для

¹ World Medical Association Declaration of Helsinki — Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects, 2013.

² Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.

независимых групп). При множественных сравнениях количественных показателей согласно критерию Краскела-Уоллиса определялись межгрупповые различия. Затем проводились попарные сравнения с помощью критерия Манна-Уитни с поправкой Бонферрони. Количественные значения представлены в виде медианы (Me) и интерквартильного интервала [Q₁; Q₃]. Оценка сравнения качественных показателей проводилась с использованием критерия χ^2 (chi-square) Пирсона. Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ) оцененного по методу Уилсона (Wilson). Критический уровень статистической значимости при проверке нулевой гипотезы принимали при 95% уровне значимости ($p < 0,05$).

Результаты

Согласно полученным данным, установлено, что из всех обследованных студентов (г. Кызыла и г. Красноярск) у 10,98% (109/993, ДИ=9,2-13,1%) были выявлены признаки ИА. 34,94% (347/993, ДИ=32,0-38,0%) обследуемых были склонны к интернет-зависимости. У 54,08% (537/993, ДИ=51,0-57,2%) обследованных признаков интернет-зависимости не обнаружено.

Территориальные различия уровней интернет-аддикции среди студентов г. Кызыла и г. Красноярск представлены в таблице 1.

Таблица 1. Уровни интернет-аддикции среди студентов г. Кызыла и г. Красноярск
Table 1. Levels of Internet addiction among students of Kyzyl and Krasnoyarsk

Группы обследованных студентов	Уровни интернет-аддикции (ИА)						Всего	
	Без ИА		Склонные к ИА		Интернет-аддикты			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Студенты г. Кызыла	426	55,7 52,1–59,2	248	32,4 29,2–35,8	91	11,9 9,8–14,4	765	100,0
2 гр. Студенты г. Красноярск	111	48,7 42,3–55,1	99	43,4 37,1–49,9	18	7,9 5,1–12,1	228	100,0
p1-2 (χ^2)	$\chi^2=3,47, p=0,063$		$\chi^2=9,35, p=0,002$		$\chi^2=2,88, p=0,089$			

Как следует из указанной таблицы, студенты Республики Тыва отличались значительно большей частотой ИА, в то время как среди студентов г. Красноярск чаще встречались лица склонные к ИА.

Таблица 2. Выраженность симптомов интернет-зависимого поведения среди студентов г. Кызыла и г. Красноярск

Table 2. The severity of symptoms of Internet-dependent behavior among students of Kyzyl and Krasnoyarsk

Группы обследованных студентов	Симптомы интернет-аддиктивного поведения (баллы)						
	Com	Wit	Tol	IH	TM	IAS	RP
1 гр. Студенты г. Кызыла	8 5–10	8 5–11	7 5–10	9 7–14	7 6–10	23 17–30	17 13–24
2 гр. Студенты г. Красноярск	8 6–10	9 6–11	8 6–10	10 8–13	8 6–11	25 20,5–31	18 14–22
p1-2	p=0,118	p=0,006	p=0,003	p=0,769	p=0,137	p=0,003	p=0,261

Прим.: Com — компульсивные симптомы; Wit — симптомы отмены; Tol — симптомы толерантности; IH — психологические и соматические проблемы; TM — проблемы с управлением временем; IAS — интегральные симптомы; RP — негативные последствия.

Проведенный анализ выраженности симптомов интернет-зависимого поведения у студентов г. Кызыла и г. Красноярска показал, что в обеих группах обследованных на первый план выходят психологические и соматические проблемы (ИН), далее симптомы абстиненции (Wit), компульсивные симптомы (Com), трудности управления временем (ТМ) и повышение толерантности (Тol) (табл. 2). Выраженность специфических симптомов (IAS) таких как симптомы отмены (Wit) и толерантности (Тol) была статистически значимо выше у студентов г. Красноярска.

Этнические различия по уровням ИА среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска иллюстрирует таблица 3.

Таблица 3. Уровни интернет-аддикции среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска с учетом этнической принадлежности

Table 3. Levels of Internet addiction among students of Kyzyl and Krasnoyarsk, taking into account ethnicity

Группы обследованных студентов	Уровни интернет-аддикции (ИА)						Всего	
	Без ИА		Склонные к ИА		Интернет-аддикты			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы)	270	55,1 50,7–59,4	159	32,4 28,5–36,7	61	12,4 9,8–15,7	490	100,0
2 гр. Студенты г. Кызыла (русские)	156	56,7 50,8–62,5	89	32,4 27,1–38,1	30	10,9 7,7–15,1	275	100,0
3 гр. Студенты г. Красноярска (русские)	111	48,7 42,3–55,1	99	43,4 37,1–49,9	18	7,9 5,1–12,1	228	100,0
p1-2 (χ^2)	$\chi^2=0,19, p=0,664$		$\chi^2=0,00, p=0,981$		$\chi^2=0,40, p=0,528$			
p1-3 (χ^2)	$\chi^2=2,57, p=0,109$		$\chi^2=8,14, p=0,043$		$\chi^2=3,30, p=0,069$			
p2-3 (χ^2)	$\chi^2=3,24, p=0,072$		$\chi^2=6,51, p=0,011$		$\chi^2=1,31, p=0,252$			

Установлено, что лица, имеющие ИА, чаще встречались среди студентов тувинской этнической принадлежности в сравнении с русскими студентами, проживающими как в г. Кызыле, так и г. Красноярске. При этом число лиц с ИА было больше среди русских студентов г. Кызыла в сравнении с проживающими в г. Красноярске.

Несмотря на то, что количество лиц с ИА было выше среди студентов г. Кызыла, как среди лиц тувинской этнической принадлежности, так и среди русских, выраженность таких симптомов интернет-аддиктивного поведения, как симптомы толерантности (Тol) и отмены (Wit) была статистически значимо выше среди студентов г. Красноярска (табл. 4).

Таблица 4. Выраженность симптомов интернет-зависимого поведения среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска в зависимости от этнической принадлежности

Table 4. The severity of symptoms of Internet-dependent behavior among students of Kyzyl and Krasnoyarsk, depending on ethnicity

Группы обследованных студентов	Симптомы интернет-аддиктивного поведения (баллы)						
	Com	Wit	Tol	ИН	ТМ	IAS	RP
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы)	8 5–11	8 5–11	7 5–10	10 7–14	7 6–10	23 17–31	17 13–24

2 гр. Студенты г. Кызыла (русские)	8 6–10	8 6–11	7 5–9	9 7–13	8 6–10	23 17–29	17 14–23
3 гр. Студенты г. Красноярска (русские)	8 6–10	9 6–11	8 6–10	10 8–13	8 6–11	25 20,5–31	18 14–22
p1-2	p=0,589	p=0,219	p=0,917	p=0,341	p=0,292	p=0,487	p=0,973
p1-3	p=0,108	p=0,003	p=0,005	p=0,924	p=0,077	p=0,003	p=0,294
p2-3	p=0,270	p=0,075	p=0,008	p=0,403	p=0,503	p=0,022	p=0,337

Прим.: Com — компульсивные симптомы; Wit — симптомы отмены; Tol — симптомы толерантности; IH — психологические и соматические проблемы; TM — проблемы с управлением временем; IAS — интегральные симптомы; RP — негативные последствия.

Гендерные различия уровней ИА среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска представлены в таблице 5.

Таблица 5. Уровни интернет-аддикции среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска с учетом половой принадлежности

Table 5. Levels of internet addiction among students of Kyzyl and Krasnoyarsk, taking into account gender

Группы обследованных студентов	Уровни интернет-аддикции (ИА)						Всего	
	Без ИА		Склонные к ИА		Интернет-аддикты			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) юноши	99	60,7 53,1–67,9	50	30,7 24,1–38,1	14	8,6 5,2–13,9	163	100,0
2 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) девушки	171	52,3 46,9–57,6	109	33,3 28,4–38,6	47	14,4 11,0–18,6	327	100,0
3 гр. Студенты г. Кызыла (русские) юноши	66	60,6 51,2–69,2	34	31,2 23,3–40,4	9	8,3 4,4–15,0	109	100,0
4 гр. Студенты г. Кызыла (русские) девушки	90	54,2 46,6–61,6	55	33,1 26,4–40,6	21	12,7 8,4–18,6	166	100,0
5 гр. Студенты г. Красноярска (русские) юноши	30	49,2 37,1–61,4	27	44,3 32,5–56,7	4	6,6 2,6–15,7	61	100,0
6 гр. Студенты г. Красноярска (русские) девушки	81	48,5 41,0–56,0	72	43,1 35,8–50,7	14	8,4 5,1–13,6	167	100,0
p1-2 (χ^2)	$\chi^2=3,13, p=0,077$		$\chi^2=0,35, p=0,554$		$\chi^2=3,34, p=0,068$			

p3-4 (χ^2)	$\chi^2=1,08, p=0,299$	$\chi^2=0,11, p=0,737$	$\chi^2=1,31, p=0,253$	
p5-6 (χ^2)	$\chi^2=0,01, p=0,928$	$\chi^2=0,02, p=0,877$	$\chi^2=0,20, p=0,651$	
p1-3 (χ^2)	$\chi^2=0,00, p=0,976$	$\chi^2=2,43, p=0,119$	$\chi^2=2,06, p=0,151$	
p1-5 (χ^2)	$\chi^2=0,01, p=0,928$	$\chi^2=3,63, p=0,057$	$\chi^2=2,90, p=0,088$	
p3-5 (χ^2)	$\chi^2=0,01, p=0,923$	$\chi^2=0,25, p=0,619$	$\chi^2=0,16, p=0,689$	
p2-4 (χ^2)	$\chi^2=0,16, p=0,686$	$\chi^2=0,64, p=0,425$	$\chi^2=1,09, p=0,297$	
p2-6 (χ^2)	$\chi^2=0,00, p=0,964$	$\chi^2=4,55, p=0,033$	$\chi^2=3,52, p=0,061$	
p4-6 (χ^2)	$\chi^2=0,27, p=0,600$	$\chi^2=3,66, p=0,056$	$\chi^2=1,61, p=0,204$	

Установлено, что ИА чаще встречались среди студентов женского пола во всех обследуемых группах. При этом наибольшая частота была выявлена среди девушек г. Кызыла тувинской этнической принадлежности. Наименьшая частота лиц с ИА выявлена среди юношей г. Красноярска.

Проведенный анализ выраженности симптомов интернет-зависимого поведения у студентов г. Кызыла и г. Красноярска в зависимости от половой принадлежности показал, что во всех группах обследованных на первый план выходят психологические и соматические проблемы (ИИ) (табл. 6). При этом среди девушек, не зависимо от этнической принадлежности и места проживания, значения выраженности данных симптомов в баллах было наибольшими в сравнении с юношами.

Таблица 6. Выраженность симптомов интернет-зависимого поведения среди студентов г. Кызыла и г. Красноярска в зависимости от половой принадлежности

Table 6. The severity of symptoms of internet-dependent behavior among students of Kyzyl and Krasnoyarsk, depending on gender

Группы обследованных студентов	Симптомы интернет-аддиктивного поведения (баллы)						
	Com	Wit	Tol	ИИ	ТМ	IAS	RP
1 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) юноши	7 5-10	7 5-10	7 4-9	9 7-13	7 5-10	21 15-29	16 13-24
2 гр. Студенты г. Кызыла (тувинцы) девушки	8 5-11	8 5-11	8 5-10	10 7-14	7 6-10	24 17-31	17 13-24
3 гр. Студенты г. Кызыла (русские) юноши	8 6-10	8 6-10	7 5-9	9 7-13	8 6-10	23 17-28	17 14-22
4 гр. Студенты г. Кызыла (русские) девушки	8 7-11	9 6-11	8 6-10	10 8-13	8 6-11	25 21-32	18 14-22

5 гр. Студенты г. Красноярска (русские) юноши	8 7–11	9 6–11	8 6–10	10 8–13	8 6–11	25 21–32	18 14–22
6 гр. Студенты г. Красноярска (русские) девушки	8 7–11	9 6–11	8 6–10	10 8–13	8 6–11	25 21–32	18 14–22
p1-2	p=0,003	p=0,046	p=0,005	p=0,171	p=0,177	p=0,011	p=0,119
p3-4	p=0,628	p=0,434	p=0,114	p=0,651	p=0,457	p=0,337	p=0,951
p5-6	p=0,003	p=0,819	p=0,233	p=0,650	p=0,827	p=0,180	p=0,852
p1-3	p=0,228	p=0,124	p=0,484	p=0,896	p=0,075	p=0,202	p=0,403
p1-5	p=0,983	p=0,004	p=0,049	p=0,863	p=0,097	p=0,056	p=0,281
p3-5	p=0,316	p=0,079	p=0,167	p=0,766	p=0,860	p=0,309	p=0,729
p2-4	p=0,987	p=0,571	p=0,923	p=0,338	p=0,998	p=0,848	p=0,628
p2-6	p=0,098	p=0,107	p=0,075	p=0,702	p=0,341	p=0,043	p=0,650
p4-6	p=0,096	p=0,395	p=0,083	p=0,508	p=0,424	p=0,087	p=0,382

Прим.: Com — компульсивные симптомы; Wit — симптомы отмены; Tol — симптомы толерантности; ИИ — психологические и соматические проблемы; ТМ — проблемы с управлением временем; IAS — интегральные симптомы; RP — негативные последствия.

Обсуждение

Изучение особенностей пребывания студенческой молодежи в сети Интернет, безусловно, является важным аспектом в решении проблемы предупреждения ИА, в том числе — в различных регионах проживания и этнических группах интернет-пользователей. По данным настоящего исследования, в общей группе включенных в обследование студентов г. Кызыла у 11,9% были выявлены признаки ИА. 32,4% обследуемых были склонны к интернет-зависимости. У 55,7% обследованных признаков интернет-зависимости не обнаружено. Среди обследованных студентов г. Красноярска у 7,9% обследованных отмечалась ИА, 43,4% лиц имели склонность к интернет-аддиктивному поведению, и у 48,7% обследованных этой группы ИА выявлено не было.

При сопоставлении полученных данных с результатами проведенных ранее исследований похожее закономерности были отмечены в выборках европейской молодежи и подросткового сообщества, где распространенность ИА составила от 4 до 10% (Lopez-Fernandez, Kuss, 2020). Данные крупного метаанализа 70 исследований, в общей сложности охвативших 122 454 студента университетов в Китае, свидетельствуют о растущей распространенности ИА среди китайских студентов, которая в настоящее время достигает порядка 11,3% (Li et al., 2018). Общие показатели распространенности ИА среди 8067 студентов колледжей дневной формы обучения в возрасте 18–30 лет из семи стран/регионов, включающих Сингапур, Гонконг/Макао, Тайвань, материковый Китай, Южную Корею, Японию и США, составили 8,9%. Наибольшая распространенность ИА в этом исследовании отмечалась среди студентов Японии — 12,9% и материкового Китая — 13,8%, а наименьшая — 5,7% среди студентов Гонконга/Макао (Tang et al., 2018).

Однако наши данные о частоте ИА были ниже в сравнении с результатами исследования (Куулар, 2021), согласно которых среди старшеклассников общеобразовательной школы и студентов-первокурсников ТувГУ у 35% обследованных диагностировался низкий уровень ИА, у 40% средний уровень и у 25% высокий уровень ИА. Различия в показателях распространенности могут быть объяснены различиями в инструментах оценки и пороговых значениях, использованных в опросах,

а также составом участников исследования. Согласно результатам исследования (Li et al., 2018) при использовании диагностического опросника Янга, состоящего из 8 пунктов, модифицированного диагностического опросника Янга, состоящего из 10 пунктов, теста на интернет-зависимость, состоящего из 20 пунктов и шкалы CIAS общая распространенность ИА составила 8,4%, 9,3%, 11,2% и 14,0% соответственно (там же). Суммарная распространенность ИА среди студентов по данным М. В. Б. Чжан с соавторами составила 30,1% и значительно варьировала в зависимости от используемого опросника: по шкале CIAS — 5,2%, при использовании теста YIAT — 32,2% (Zhang et al., 2018).

В вышеупомянутом исследовании (Куулар, 2021) автор использовала тест на интернет-аддикцию Т. А. Никитиной и А. Ю. Егорова, тогда как в нашем исследовании частота ИА среди студентов г. Кызыла составила 11,9% при использовании шкале CIAS.

В соответствии с результатами настоящего исследования, этническими особенностями распространенности ИА была большая её частота среди студентов тувинской этнической принадлежности — 12,4% в сравнении с русскими студентами, проживающими как в г. Кызыле — 10,9%, так и г. Красноярске — 7,9%. При этом по числу лиц, склонных к ИА, среди тувинских и русских студентов г. Кызыла различий выявлено не было. Полученные данные о высокой частоте ИА среди студентов тувинской этнической принадлежности сопоставимы с показателями распространенности ИА среди студентов Японии (12,9%), установленными К. С. К. Тан с соавторами (Tang et al., 2018), так как использовалась единая методика по определению ИА (шкала интернет-зависимости Чена) и имелась общая принадлежность к монголоидной расе.

Похожие закономерности также были получены Л. С. Эверт с коллегами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023). Согласно их данным, у тувинских подростков в сравнении с русскими отмечалась большая частота как неадаптивного (54,0% vs 40,5%), так и патологического (15,4% vs 10,4%) пользования Интернетом. В одном из исследований, учитывающих этнический фактор ИА, при обследовании 1470 студентов колледжа с близкими социально-культурными условиями жизни и по единому протоколу, показана большая частота ИА у представителей азиатской расы (8,6 %) в сравнении с неазиатами (3,8 %) (Yates, Gregor, Naviland, 2012). Аналогичная тенденция к большей распространённости ИА у подростков хакасской этнической принадлежности в сравнении с их русскими сверстниками была установлена и в исследовании Л. С. Эверт с соавтрами (Эверт, Потупчик, Костюченко, 2022).

Помимо региона проживания и этнической принадлежности, появляется все больше свидетельств о том, что на развитие ИА у студентов могут влиять различные социально-демографические факторы, такие как пол, возраст и социально-экономический статус (Kuss et al., 2014). В нашем исследовании было установлено, что ИА чаще встречалась среди студентов женского пола во всех обследуемых группах. При этом наибольшая частота была выявлена среди девушек г. Кызыла тувинской этнической принадлежности — 14,4%. Наименьшая частота лиц с ИА выявлена среди юношей г. Красноярска — 6,6%.

Однако следует отметить, что проведенные ранее исследования, касающиеся влияния пола на ИА у студентов, дали противоречивые результаты (Alamgir, Faizania, Ahmed, 2017; Marzill et al., 2020; Tang et al., 2018; Sayili, Vehid, Erginöz, 2021; Shao et al., 2018; Shen et al. 2020). Большинство исследований показало, что частота ИА была выше у юношей студентов, а мужской пол рассматривается как фактор риска формирования интернет-аддиктивного поведения (Li et al., 2018; Tang et al., 2018; Shao et al., 2018). Однако данная тенденция выявлена не во всех проведенных ранее исследованиях. Так, в ряде исследований (Alamgir, Faizania, Ahmed, 2017; Marzill et al., 2020) не было обнаружено взаимосвязи ИА с полом. Тем не менее наличие установленных в настоящем исследовании гендерных различий согласуется с результатами ряда исследований, проведенных в России (Семенова и др., 2020; Эверт и др., 2021; Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) и за рубежом (Chiu, Hong, Chiu, 2013).

По данным исследования Л. С. Эверт с соавторами частота патологического пользования Интернетом была выше среди девочек тувинской этнической принадлежности (17,8%) в сравнении с мальчиками (12,7%) (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023). Возможным объяснением существования гендерных различий частоты ИА среди студентов, вероятно, могут быть как особенности методологических подходов при проведении опроса, так и наличие социально-экономических и этнокультурных особенностей обследуемого контингента.

Заклучение

Таким образом, в ходе проведенного исследования, включающего тестирование 765 студентов г. Кызыла, по шкале CIAS была установлена высокая частота интернет-аддиктивного поведения, имеющая этнические и гендерные особенности. Студенты Республики Тыва отличались значительно большей частотой интернет-аддикции, в сравнении со студентами г. Красноярска. Лица, имеющие интернет-аддикцию, чаще встречались среди студентов тувинской этнической принадлежности в сравнении с русскими студентами, проживающими как в г. Кызыле, так и г. Красноярске. Интернет-аддикция чаще встречалась среди студентов женского пола во всех обследуемых группах. При этом наибольшая частота была выявлена среди девушек г. Кызыла тувинской этнической принадлежности.

Высокий уровень распространенности ИА среди тувинской студенческой молодежи свидетельствует об актуальности продолжения изучения данной проблемы с целью разработки в дальнейшем профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику ИА с целью сохранения здоровья молодежи Республики Тыва.

В свою очередь, студенты, не достигшие уровня сформированного и устойчивого паттерна ИА (склонные к ИА), являются целевой группой, которой необходимо оказание своевременной медико-психологической помощи, что позволит улучшить прогноз и предупредить формирование ИА и ассоциированных с ней патологических состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авхачева, Н. А. (2021) Сравнительная оценка вероятности развития интернет-зависимости среди студентов-первокурсников и студентов-выпускников // Тенденции развития науки и образования. № 77–2. С. 147–151. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-09-2021-73>

Ванюшина, Е. А., Гончарова, М. А. (2017) Современные тенденции формирования интернет-зависимости у студентов медицинского университета // Бюллетень науки и практики. № 3 (16). С. 134–138. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.399182>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Колесников, В. Н., Мельник, Ю. И., Теплова, Л. И. (2019) Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. Т. 1. № 33. С. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0104>

Коновалов, А. А., Божкова, Е. Д. (2021) Влияние современной цифровой среды на психическое здоровье (обзор) // Медицинский альманах. № 1 (66). С. 6–15.

Куулар, С. Д. О. (2021) Особенности интернет-зависимости среди молодежи г. Кызыла // Профилактика девиантного поведения: материалы III международной научно-практической конференции (6–11 октября 2021 года) / под науч. зед. М. Г. Чухровой. Новосибирск : Изд-во АНО ДПО «Сибирь. Наука. Интеллект». 105 с. С. 69–72.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Семёнова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Шубина, М. В. (2022) Характеристика психического статуса интернет-зависимых подростков: гендерные и возрастные особенности // Профилактическая медицина. Т. 25. № 8. С. 83–89. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Топильская, О. А. (2021) Оценка уровня интернет-аддикции у студенческой молодежи: диагностический инструментарий // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. Т. 20. № 1 (47). С. 52–60. DOI: [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1\(47\)-52-60](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1(47)-52-60)

Хасанова, И. И., Котова, С. С. (2017) Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // *Образование и наука*. Т. 19. № 4. С. 146–168. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-146-168>

Эверт, Л. С., Потупчик, Т. В., Костюченко, Ю. Р. (2022) Характеристика онлайн-поведения и структуры потребляемого контента у подростков Абакана различных возрастно-половых групп и этнической принадлежности // *Acta biomedica scientifica*. Т. 7. № 2. С. 243–260. DOI: <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.25>

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Костюченко, Ю. Р., Семенова, Н. Б. (2021) Гендерные особенности пространственности и структуры паттернов различных видов онлайн-поведения у подростков Абакана // *Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*. Т. 55. № 3. С. 101–109. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2021-56-3-101-109>

Эверт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Яковлев, А. Н., Чупрова, Н. А., Вантей, В. Б., Долгих, Н. Н., Трусова, А. В., Кибитов, А. О. (2020) Возрастные аспекты интернет-зависимости: сравнительный анализ лиц юношеского возраста и молодых взрослых // *Вопросы наркологии*. Т. 193. № 10. С. 74–88. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_10_74

Alamgir, K. M., Faizania, S., Ahmed, R. T. (2017) Effect of gender and physical activity on internet addiction in medical students // *Pakistan Journal of Medical Sciences*. Vol. 33. P. 191–194. DOI: <https://doi.org/10.12669/pjms.331.11222>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // *Chinese Journal of Psychology*. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Chiu, S., Hong, F. Y., Chiu, S. L. (2013) An analysis on the correlation and gender difference between college students' internet addiction and mobile phone addiction in Taiwan // *ISRN Addiction*. Vol. 2013. Article 360607. DOI: <https://doi.org/10.1155/2013/360607>

Di, Z., Gong, X., Shi J., Ahmed, H. O. A., Nandi, A. K. (2019) Internet addiction disorder detection of Chinese college students using several personality questionnaire data and support vector machine // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 10. Article 100200. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2019.100200>

Kapus, K., Nyulas, R., Nemeskeri, Z., Zadori, I., Muity, G., Kiss, J., Feher, A., Fejes, E., Tibold, A., Feher, G. (2021) Prevalence and Risk Factors of Internet Addiction among Hungarian High School Students // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. № 13. Article 6989. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136989>

Kuss, D. J., Griffiths, M. D., Karila, L., Billieux, J. (2014) Internet addiction: A systematic review of epidemiological research for the last decade // *Current Pharmaceutical Design*. Vol. 20. № 25. P. 4026–4052. DOI: <https://doi.org/10.2174/13816128113199990617>

Li, L., Xu, D. D., Chai, J. X., Wang, D., Li, L., Zhang, L., Lu, L., Ng, C. H., Ungvari, G. S., Mei, S. L., Xiang, Y. T. (2018) Prevalence of internet addiction disorder in Chinese university students: a comprehensive meta-analysis of observational studies // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 7. P. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.53>

Lopez-Fernandez, O., Kuss, D. J. (2020) Preventing harmful internet use-related addiction problems in Europe: a literature review and policy options // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. Article 3797. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113797>

Marzill, E., Cerniglia, L., Ballarotto, G., Cimino, S. (2020) Internet addiction among young adult university students: the complex interplay between family functioning, impulsivity, depression, and anxiety // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. Article 8231. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17218231>

Meng, S. Q., Cheng, J. L., Li, Y. Y., Yang, X. Q., Zheng, J. W., Chang, X. W., Shi, Y., Chen, Y., Lu, L., Sun, Y., Bao, Y. P., Shi, J. (2022) Global prevalence of digital addiction in general population: A systematic review and meta-analysis // *Clinical Psychology Review*. Vol. 92. Article 102128. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128>

Salarvand, S. N., Albatineh, A., Dalvand, S., Baghban, Karimi E., Ghanei, Gheshlagh R. (2022) Prevalence of Internet Addiction Among Iranian University Students: A Systematic Review and Meta-analysis // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 25. № 4. P. 213–222. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2021.0120>

Sayili, U., Vehid, S., Erginöz, E. (2021) Problematic internet use in turkish high school students: prevalence and related factors // *American Journal of Health Behavior*. Vol. 45. P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.5993/AJHB.45.1.3>

Shao, Y. J., Zheng, T., Wang, Y. Q., Liu, L., Chen, Y., Yao, Y. S. (2018) Internet addiction detection rate among college students in the People's Republic of China: a meta-analysis // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. Vol. 12. Article 25. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13034-018-0231-6>

Shen, Y., Wang, L., Huang, C., Guo, J., De Leon, S.A., Lu, J., Luo, X., Zhang, X. Y. (2020) Sex differences in prevalence, risk factors and clinical correlates of internet addiction among Chinese college students // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 279. P. 680–686. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.10.054>

Tang, C. S. K., Wu, A. M. S., Yan, E. C. W., Ko, J. H. C., Kwon, J. H., Yogo, M., Gan, Y. Q., Koh, Y. Y. W. (2018) Relative risks of Internet-related addictions and mood disturbances among college students: a 7-country/region comparison // *Public Health*. Vol. 165. P. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.09.010>

Yates, T. M., Gregor, M. A., Haviland, M. G. (2012) Child maltreatment, alexithymia, and problematic internet use in young adulthood // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 15. № 4. P. 219–225. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0427>

Zeng, G., Zhang, L., Fung, S. F., Li, J., Liu, Y. M., Xiong, Z. K., Jiang, Z. Q., Zhu, F. F., Chen, Z. T., Luo, S. D., Yu, P., Huang, Q. (2021) Problematic Internet Usage and Self-Esteem in Chinese Undergraduate Students: The Mediation Effects of Individual Affect and Relationship Satisfaction // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. № 13. Article 6949. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136949>

Zhang, M. W. B., Lim, R. B. C., Lee, C., Ho, R. C. M. (2018) Prevalence of Internet Addiction in Medical Students: a Meta-analysis // *Academic Psychiatry*. Vol. 42. № 1. P. 88–93. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40596-017-0794-1>

Дата поступления: 14.03.2024 г.

Дата принятия: 25.04.2024 г.

REFERENCES

Avkhacheva, N. A. (2021) Comparative assessment of the probability of developing Internet addiction among first-year and graduate students. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, no. 77–2, pp. 147–151. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-09-2021-73>

Vaniushina, E. A. and Goncharova, M. A. (2017) The modern trends of forming internet additional disorder between students of medical university. *Biulleten' nauki i praktiki*, no. 3 (16), pp. 134–138. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.399182>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kolesnikov V. N., Mel'nik, Iu. I. and Teplova L. I. (2019) Internet activity and problematic Internet use in adolescence. *National Psychological Journal*, vol. 1, no. 33, pp. 34–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0104>

Konovalov, A. A. and Bozhkova, E. D. (2021) Impact of the modern digital environment on mental health. *Meditinskii al'manakh*, no. 1 (66), pp. 6–15. (In Russ.).

Kuular, S. D. O. (2021) Features of Internet addiction among the youth of Kyzyl. In: *Prevention of deviant behavior: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (October 6–11, 2021)* / ed. by M. G. Chukhrova. Novosibirsk, Sibir'. Nauka. Intellekt. 105 p. Pp. 69–72. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2023) The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of internet-addiction among adolescents of central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S. and Shubina, M. V. (2022) Characteristics of the mental status of internet-addicted adolescents: aspects of gender and age. *Russian Journal of Preventive Medicine*, vol. 25, no. 8, pp. 83–89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Topil'skaia, O. A. (2021) Assessment of internet addiction level among students: diagnostic tools. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus*, vol. 20, no. 1 (47), pp. 52–60. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1\(47\)-52-60](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-1(47)-52-60)

Khasanova, I. I. and Kotova, S. S. (2017) The correlations of the internet addiction between coping and deviant behaviour of students. *The Education and science journal*, vol. 19, no. 4, pp. 146–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-146-168>

Evert, L. S., Potupchik, T. V. and Kostiuchenko, Iu. R. (2022) Characteristics of online behavior and structure of consumed content in Abakan adolescents of different age, groups and ethnicity. *Acta Biomedica Scientifica*, vol. 7, no. 2, pp. 243–260. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.25>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Kostiuchenko, Iu. R. and Semenova, N. B. (2021) Gender prevalence and pattern structure of various online behaviors among adolescents in Abakan. *V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, vol. 55, no. 3, pp. 101–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2021-56-3-101-109>

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Yakovlev, A. N., Chuprova, N. A., Vantei, V. B., Dolgikh, N. N., Trusova, A. V. and Kibitov, A. O. (2020) Age-related aspects of internet addiction: a comparative analysis of adolescents and young adults. *Journal of addiction problems*, vol. 193, no. 10, pp. 74–88. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_10_74

Alamgir, K. M., Faizania, S., Ahmed, R. T. (2017) Effect of gender and physical activity on internet addiction in medical students. *Pakistan Journal of Medical Sciences*, vol. 33, pp. 191–194. DOI: <https://doi.org/10.12669/pjms.331.11222>

Chen, S-H., Weng, L-J., Su, Y-J., Wu, H-M. and Yang, P-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Chiu, S., Hong, F. Y. and Chiu, S. L. (2013) An analysis on the correlation and gender difference between college students' internet addiction and mobile phone addiction in Taiwan. *ISRN Addiction*, vol. 2013, article 360607. DOI: <https://doi.org/10.1155/2013/360607>

Di, Z., Gong, X., Shi, J., Ahmed, H. O. A. and Nandi, A. K. (2019) Internet addiction disorder detection of Chinese college students using several personality questionnaire data and support vector machine. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 10, article 100200. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2019.100200>

Kapus, K., Nyulas, R., Nemeskeri, Z., Zadori, I., Muity, G., Kiss, J., Feher, A., Fejes, E., Tibold, A. and Feher, G. (2021) Prevalence and Risk Factors of Internet Addiction among Hungarian High School Students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 13, article 6989. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136989>

Kuss, D. J., Griffiths, M. D., Karila, L. and Billieux, J. (2014) Internet addiction: A systematic review of epidemiological research for the last decade. *Current Pharmaceutical Design*, vol. 20, no. 25, pp. 4026–4052. DOI: <https://doi.org/10.2174/13816128113199990617>

Li, L., Xu, D. D., Chai, J. X., Wang, D., Li, L., Zhang, L., Lu, L., Ng, C. H., Ungvari, G. S., Mei, S. L. and Xiang, Y. T. (2018) Prevalence of internet addiction disorder in Chinese university students: a comprehensive meta-analysis of observational studies. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, pp. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.53>

Lopez-Fernandez, O. and Kuss, D. J. (2020) Preventing harmful internet use-related addiction problems in Europe: a literature review and policy options. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, article 3797. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113797>

Marzill, E., Cerniglia, L., Ballarotto, G. and Cimino, S. (2020) Internet addiction among young adult university students: the complex interplay between family functioning, impulsivity, depression, and anxiety. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, article 8231. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17218231>

Meng, S. Q., Cheng, J. L., Li, Y. Y., Yang, X. Q., Zheng, J. W., Chang, X. W., Shi, Y., Chen, Y., Lu, L., Sun, Y., Bao, Y. P. and Shi, J. (2022) Global prevalence of digital addiction in general population: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, vol. 92, article 102128. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128>

Salarvand, S. N., Albatineh, A., Dalvand, S., Karimi, E. B., Gheshlagh, R. G. (2022) Prevalence of Internet Addiction Among Iranian University Students: A Systematic Review and Meta-analysis. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 25, no. 4, pp. 213–222. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2021.0120>

Sayili, U., Vehid, S. and Erginöz, E. (2021) Problematic internet use in Turkish high school students: prevalence and related factors. *American Journal of Health Behavior*, vol. 45, pp. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.5993/AJHB.45.1.3>

Shao, Y. J., Zheng, T., Wang, Y. Q., Liu, L., Chen, Y. and Yao, Y. S. (2018) Internet addiction detection rate among college students in the People's Republic of China: a meta-analysis. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, vol. 12, article 25. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13034-018-0231-6>

Shen, Y., Wang, L., Huang, C., Guo, J., De Leon, S. A., Lu, J., Luo, X. and Zhang, X. Y. (2020) Sex differences in prevalence, risk factors and clinical correlates of internet addiction among Chinese college students. *Journal of Affective Disorders*, vol. 279, pp. 680–686. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.10.054>

Tang, C. S. K., Wu, A. M. S., Yan, E. C. W., Ko, J. H. C., Kwon, J. H., Yogo, M., Gan, Y. Q. and Koh, Y. Y. W. (2018) Relative risks of Internet-related addictions and mood disturbances among college students: a 7-country/region comparison. *Public Health*, vol. 165, pp. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.09.010>

Yates, T. M., Gregor, M. A. and Haviland, M. G. (2012) Child maltreatment, alexithymia, and problematic internet use in young adulthood. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 15, no. 4, pp. 219–225. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0427>

Zeng, G., Zhang, L., Fung, S. F., Li, J., Liu, Y. M., Xiong, Z. K., Jiang, Z. Q., Zhu, F. F., Chen, Z. T., Luo, S. D., Yu, P. and Huang, Q. (2021) Problematic Internet Usage and Self-Esteem in Chinese Undergraduate Students: The Mediation Effects of Individual Affect and Relationship Satisfaction. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 13, article 6949. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136949>

Zhang, M. W. B., Lim, R. B. C., Lee, C. and Ho, R. C. M. (2018) Prevalence of Internet Addiction in Medical Students: a Meta-analysis. *Academic Psychiatry*, vol. 42, no. 1, pp. 88–93. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40596-017-0794-1>

Submission date: 14.03.2024.

Acceptance date: 25.04.2024.

Боли в спине у подростков и молодежи Республики Тыва, ассоциации с интернет-зависимым поведением

Лидия С. Эверт

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера —
обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН;

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Наталья Ю. Гришкевич, Светлана А. Бахшиева

Красноярский государственный медицинский университет

имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация,

Диана А. Сат

Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва,
Российская Федерация

В статье анализируются распространенность и структура болей в спине (дорсалгий) у подростков и молодежи, проживающих на территории Республики Тыва. Проблема связывается с особенностями онлайн-поведения и потребляемым интернет-контентом. Неспецифическая боль в спине является актуальной и распространенной проблемой здоровья среди подростково-молодежных популяций многих стран мира. Значимость данной проблемы обусловлена частой коморбидностью болей в спине (различных отделах позвоночника) с патологическим использованием Интернетом.

Выводы исследования основаны на анализе результатов онлайн-тестирования тувинских подростков и молодежи. Обследования проводились методом случайной выборки в период с января 2023 г. по январь 2024 г. Было охвачено 2853 чел., заполнивших скрининговую анкету и три психометрических инструмента (шкала интернет-зависимости CIAS), опросники для верификации зависимости от социальных сетей и игровой зависимости, зависимости от смартфона.

Представлен сравнительный анализ показателей онлайн-поведения и интернет-контента в группах, различающихся по полу, этнической принадлежности (тувинцы, русские) и наличию дорсалгий. Выявлена большая частота встречаемости патологического (21,6% и 8,8%) и неадаптивного (50,7% и 41,8%) пользования Интернетом у лиц с дорсалгиями, чем с их отсутствием. Аналогичной была направленность изменений данных показателей среди тувинцев и русских с наличием и отсутствием дорсалгий.

Как русские, так и представители тувинского этноса, с дорсалгиями различной локализации, отличались большей частотой таких видов интернет-контента, как зависимость от компьютерных игр, социальных сетей, смешанной интернет-зависимостью, а тувинцы с болями в спине чаще русских сверстников характеризовались недифференцированной интернет-зависимостью и зависимостью от смартфона. В группах с дорсалгиями и без дорсалгий значимых гендерных различий анализируемых показателей не выявлено.

Ключевые слова: Тува; подросток; молодежь; тувинцы; русские; онлайн-поведение; интернет; боль в спине; дорсалгия

Для цитирования:

Эверт Л. С., Гришкевич Н. Ю., Бахшиева С. А., Сат Д. А. Боли в спине у подростков и молодежи Республики Тыва, ассоциации с интернет-зависимым поведением // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 75-102. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.5>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН; профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адреса: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г; 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

Гришкевич Наталья Юрьевна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры детских болезней с курсом постдипломного образования Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. Эл. адрес: grishkevitch@mail.ru

Бахшиева Светлана Алексеевна — ассистент кафедры сестринского дела и клинического ухода Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. Эл. адрес: s.bahshieva@mail.ru

Сат Диана Алдын-ооловна — врач-невролог, кинезитерапевт, заведующая лабораторией оздоровительных технологий и реабилитации Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2А. Эл. адрес: diana_1986_07@mail.ru

Article

Back pain in adolescents and young people of the Republic of Tuva, associations with Internet addictive behavior

Lydia S. Evert

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center
“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”;

Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Natalia Yu. Grishkevich, Svetlana A. Bakhshieva

Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation,

Diana A. Sat

Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article analyzes the prevalence and structure of back pain (dorsalgia) among adolescents and young adults living in the Republic of Tuva, Russia. The problem relates to the specific features of online behavior and the content consumed on the Internet. Nonspecific back pain is a significant and widespread health issue among adolescent and young populations in many countries worldwide. The importance of this issue is due to its frequent association with pathological Internet use.

The conclusions of the study are based on the analysis of the results from online testing among Tuvan adolescents and young people. The surveys were conducted through random sampling between January 2023 and January 2024, and 2,853 participants completed a screening questionnaire as well as three psychometric instruments: the CIAS Internet Addiction Scale, questionnaires to verify dependence on social media and gaming, and dependence on smartphones.

A comparative analysis of online behavior and Internet content indicators in groups that differ in gender, ethnicity (Tuvan and Russian), and the presence or absence of dorsalgia is presented. The analysis found that there was a higher prevalence of pathological (21.6% vs. 8.8%) and maladaptive Internet use (50.7% vs. 41.8%) among individuals with dorsalgia compared to those without. The direction of change in these indicators was similar among Tuvans and Russians, regardless of whether they had dorsalgia or not.

Russians and representatives of the Tuvan ethnic group with dorsalgias (back pain) of different localization were characterized by a higher frequency of dependence on computer games and social networks, as well as mixed Internet addiction. Tuvans with back pain were also more likely to be characterized by undifferentiated Internet addiction and smartphone addiction compared to their Russian peers. No significant gender differences were found in the analyzed indicators among the groups with and without dorsalgia.

Keywords: Tuva; teenager; youth; Tuvans; Russians; online behavior; Internet; back pain; dorsalgia

For citation:

Evert L. S., Grishkevich N. Yu., Bakhshieva S. A. and Sat D. A. Back pain in adolescents and young people of the Republic of Tuva, associations with Internet addictive behavior. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 75-102. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.5>

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; Professor, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, Katanov Khakass State University. Postal addresses: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk; 90 Lenina Av., 655017, Russia, Abakan. E-mail: lidiya_evert@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0665-7428

GRISHKEVICH, Natalya Yurievna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University. Postal address: 1 Partizana Zheleznyaka St., Krasnoyarsk, Russian Federation 660022. E-mail: grishkevitch@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8643-201X

BAKSHIEVA, Svetlana Alekseevna, Assistant Professor, Department of Nursing and Clinical Care, Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University. Postal address: 1 Partizana Zheleznyaka St., Krasnoyarsk, Russian Federation 660022. E-mail: s.bahshieva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2709-8373

SAT, Diana Aldyn-oolovna, Neurologist, Kinesitherapist, Head, Laboratory of Health Technologies and Rehabilitation, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Ministry of Health of the Republic of Tuva. Postal address: 2a Kechil-oola St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: diana_1986_07@mail.ru

Введение

Актуальной проблемой здоровья подростков и молодежи многих стран мира в последние годы становятся функциональные соматические расстройства (Cerutti et al., 2016), наиболее значимыми представителями которых являются рецидивирующие боли в спине (дорсалгии). Как показали результаты исследований ряда авторов (Костюченко и др., 2022, 2023; Эверт, Потупчик, Костюченко, 2021; Azevedo, Ribeiro, Machado, 2023), неспецифические боли в спине, локализующиеся в различных отделах позвоночника (шейном, грудном, поясничном), могут быть связаны с патологическим использованием Интернетом (ППИ) и его специфическими формами: проблемным использованием компьютерных игр (Tsang et al., 2023; Cankurtaran et al., 2022), социальных сетей (Bozzola et al., 2022), смартфонов (In et al., 2021; Xie et al., 2017) и их сочетаниями (Frosch et al., 2022; Arca, Oğuzöncül, 2024).

В последние десятилетия отмечается прогрессирующий рост интернет-зависимости в подростково-молодежных популяциях многих стран мира (Егоров и др., 2020; Эверт, Серен-оол, Сат, 2023; Avila et al., 2020; Becirovic, Pajevic, 2020; Mari et al., 2023). Интернет стал играть доминирующую роль в разных сферах жизни человека, являясь основным каналом общения, источником информации, образовательным инструментом и центром развлечений (Семенова и др., 2020). Легкая доступность современных электронных гаджетов и многообразие потребляемого интернет-контента привлекают внимание подростков и молодежи, часто отрицательно сказываясь на их физическом (Семенова и др., 2020; Zhou et al., 2022; Aziz et al., 2024) и психическом (Soulioti et al., 2018) здоровье.

Результаты многочисленных исследований показывают, что дезадаптивное онлайн-поведение, неконтролируемое использование электронных гаджетов ведут к развитию интернет-зависимости у части пользователей и нередко связаны с нарушением их соматического здоровья (Эверт и др., 2020; Wang et al., 2021) и психического благополучия (Tan et al., 2016), с возникновением широкого круга личностных (Müller et al., 2017), межличностных (Lee, Nam, 2018), социальных проблем (Zhang et al., 2017), высоким риском суицидального поведения (Любов, Палаева, 2018).

Концептуальное видение рассматриваемой в статье проблематики основывается на теоретических подходах, включая представления о функциональных соматических расстройствах, частыми проявлениями которых являются рецидивирующие боли в спине неспецифической этиологии (дорсалгии), об их ассоциации с различными формами интернет-зависимого поведения молодежи и особенностями потребляемого интернет-контента.

Функциональные соматические расстройства (ФСР) у подростков и молодежи являются актуальной медико-социальной проблемой в связи с их широкой распространенностью (Cerutti et al., 2016), негативным влиянием на качество жизни и высокой вероятностью трансформации в хронические формы психосоматической патологии (Bohman, Laftman, Cleland, 2018). Они представляют группу болезненных состояний, появляющихся в результате взаимодействия психических и физиологических факторов. ФСР выражаются физическими (соматическими) симптомами, несоизмеримыми с данными объективных физикальных обследований, результатами функциональных и лабораторных исследований, несопоставимы с количеством предъявляемых пациентом жалоб и его анамнезом (Burton et al., 2020). В большинстве случаев предъявляемые жалобы имеют функциональный характер и не обусловлены органическими или воспалительными процессами в органах и тканях организма.

Характерной особенностью ФСР является их коморбидность¹ в рамках структуры нарушений данного спектра (Hung et al., 2016), а также частые коморбидные ассоциации с расстройствами психоэмоционального (Bohman et al., 2018; Xue et al., 2023) и психопатологического статуса. Однако исследования ассоциаций ФСР с особенностями онлайн-поведения немногочисленны (Эверт и др., 2021).

Наиболее значимыми в структуре ФСР являются такие расстройства, как рецидивирующие боли в спине (дорсалгии). Дорсалгия — это боль в спине, независимо от происхождения, характера, сопутствующих симптомов и точной локализации болевого синдрома. Все типы болей в спине можно делят на две большие категории — боль вертеброгенного происхождения (причина боли — патология позвоночника) и боль, истинная причина которой лежит за пределами позвоночного столба, или невертеброгенная дорсалгия (психогенная, миофасциальный синдром, миозит) (Костюченко и др.,

¹ Коморбидность — сосуществование у одного пациента двух или более заболеваний, синдромов или психических расстройств, связанных между собой единым патогенетическим механизмом или совпадающих по времени.

2022, 2023; Wang et al., 2023). В зависимости от локализации, принято выделять три основных вида боли в спине: цервикалгия, торакалгия, люмба́лгия. В ряде случаев выделяют комбинированные типы боли (цервикоторакалгия или цервикодорсалгия). Интенсивность боли варьирует в пределах от умеренной до крайне интенсивной.

К сожалению, в нашей стране изучению распространенности функциональных соматических расстройств (и рецидивирующих болей в спине, в частности), ассоциированных с интернет-зависимым поведением подростков и молодежи, уделяется недостаточное внимание, а исследования, посвященные изучению данных аспектов, крайне немногочисленны. В доступной нам литературе мы нашли только единичные работы, посвященные изучению проблемы онлайн-поведения в Республике Тыва — российском регионе, интересующем нас (Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022). Однако, данные работы были посвящены только особенностям пользования Интернетом, в частности — пользованию социальными сетями, и не касались проблем здоровья у интернет-пользователей. В то же время, важно отметить, что проблема интернет-зависимости затрагивает многие аспекты, не только особенности ее распространенности в различных странах, регионах, возрастно-половых и этнических группах. Безусловно, актуальным аспектом данной проблемы является и изучение влияния интернет-зависимого поведения пользователей (особенно молодого поколения) на их соматическое здоровье и психоэмоциональное состояние. Исследования, посвященные изучению роли дезадаптивного онлайн-поведения на возникновение функциональных соматических расстройств (в том числе — болей в спине) единичны, а исследований такой направленности в Республике Тыва нам найти не удалось.

В связи с этим нами предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы в изучении данной проблемы. Нами проведено исследование, целью которого было изучение распространенности болей в спине, их ассоциаций с особенностями онлайн-поведения и потребляемым интернет-контентом у подростков (15–18 лет) и молодежи (19–21 лет) Тывы — представителей всех этнических групп, с учетом возрастно-половой и этнической принадлежности.

Для реализации этой цели сформулированы следующие задачи: изучить распространенность и структуру рецидивирующих болей в спине (дорсалгий) во всей группе, включенных в исследование лиц подростково-юношеского возраста; проанализировать частоту встречаемости дорсалгий различной локализации в группах, различающихся по этнической и половой принадлежности; исследовать ассоциации дорсалгий с различными видами онлайн-поведения и специфическими формами патологического пользования Интернетом (зависимостью от компьютерных игр, от социальных сетей, от смартфона); сравнить полученные данные с результатами других авторов и данными собственных, ранее проведенных исследований.

Материал и методы исследования

Результаты, обсуждаемые в данной работе, являются частью большого исследования, выполненного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) «Федерального исследовательского центра “Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук”» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 121022600087-7), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.) и темы НИР «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064-6), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, согласовано с администрацией учебных заведений.

Эмпирическими данными для анализа послужили результаты скрининговых обследований, проведенных в Республике Тыва с января 2023 г. по январь 2024 г. Объектом исследования были случайные выборки подростков 12–18 лет и лиц юношеского возраста (19–21 лет) — учащихся средних

общеобразовательных школ и лицеев, средних специальных учебных заведений (колледжи, техникумы) и студентов 1–2 курсов Тувинского государственного университета, проживающих в городах: Кызыл (столица Республики Тыва), Шагонар, Ак-Довурак, Чадан, Туран, а также жителей сельских регионов Тувы — кожуунов (Кызылского, Чеди-Хольского, Дзун-Хемчикского, Каа-Хемского, Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского, Монгун-Тайгинского, Улуг-Хемского, Чаа-Хольского, Эрзинского, Пий-Хемского, Тандинского, Тес-Хемского, Тоджинского и др.). Обследование проводилось методом онлайн-тестирования с использованием *Google Forms* скрининговой анкеты и 3-х психометрических опросников (на русском и тувинском языках). Общее число обследованных составило 2853 чел. В трех случаях получен отказ пройти тестирование. В анализ включено 2850 чел., из них 1230 (43,2%) мальчиков и 1620 (56,8%) девочек; медиана (Me) возраста обследованных 15,0 [14,0; 16,0] лет.

Дизайн исследования включал изучение у обследованных групп сравнения следующих показателей: особенностей онлайн-поведения — адаптивного пользования Интернетом (АПИ), неадаптивного пользования Интернетом (НПИ), патологического пользования Интернетом (ППИ) и потребляемого интернет-контента (или специфических форм ППИ): проблемного использования компьютерных игр (игровой зависимости), проблемного использования социальных сетей (зависимости от социальных сетей), проблемного использования смартфона (зависимость от смартфона), смешанной и недифференцированной форм ППИ. В статистический анализ включались только корректно заполненные опросники, в которых тестируемыми были даны ответы на все вопросы. Анализировали показатели в общей группе включенных в исследование лиц и давших ответы на все вопросы, включенные в каждый из опросников с учетом наличия ($n=509$) и отсутствия ($n=2266$) дорсалгий, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом наличия/отсутствия дорсалгий и *пола*: мальчики ($n=1156$), девочки ($n=1536$) *возраста*: 12-14 лет ($n=1032$), 15–18 лет ($n=1641$), 19–21 лет ($n=176$) и *этнической принадлежности*: тувинцы ($n=2342$) и русские ($n=351$).

В процессе исследования мы применяли термины: адаптивное пользование Интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и патологическое пользование Интернетом (ППИ), используемые при проведении международных медико-социальных исследований онлайн-поведения подростковых и молодежных популяций (Durkee et al., 2016). Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Для оценки особенностей потребляемого пользователями интернет-контента проводили анализ наличия и частоты встречаемости игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, смешанной ИЗ (сочетание игровой зависимости и зависимости от социальных сетей) и недифференцированной интернет-зависимости (лица с ППИ и суммарным CIAS-баллом по шкале Чена ≥ 65 , не имеющие игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, но с преобладанием других видов онлайн-активности). Наличие зависимости от компьютерных игр (или игровой зависимости) определялось с использованием опросника «Game Addiction Scale for Adolescents» («Шкала игровой зависимости для подростков») (Lemmens, Valkenburg, Peter, 2009), включающего 7 вопросов. При этом мы использовали политетический подход, согласно которому проблемное использование игр оценивалось по следующим критериям: при вариантах ответа «Никогда» и «Редко» на 7 вопросов опросника, делали вывод об отсутствии зависимости от игр, при наличии ≥ 4 -х ответов «Иногда», «Часто» и «Очень часто» — делали вывод о наличии проблемного использования игр (или игровой зависимости), верифицированного по «мягким» (не строгим) критериям, при наличии ≥ 4 -х ответов «Часто» и «Очень часто» — считали подтвержденным наличие проблемного использования игр, верифицированного по «строгим» критериям.

Наличие зависимости от социальных сетей оценивалось по опроснику «The Social Media Disorder Scale» («Шкала расстройств в социальных сетях») (van den Eijnden, Lemmens, Valkenburg, 2016), состоящего из 9 вопросов. Сумма набранных тестируемым баллов опросника ≥ 5 являлась основанием верифицировать наличие у него проблемного использования социальных сетей (или зависимости от социальных сетей).

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.

Наличие проблемного использования смартфона (зависимость от смартфона — ЗСм) оценивали по оригинальной англоязычной версии опросника «The Smartphone Addiction Scale: Development and Validation of a Short Version for Adolescents» (SAS-SV) (Kwon et al., 2013). Шкала опросника включает 10 пунктов и используется для определения уровня зависимости от смартфона у пользователей обоих полов, а также для выявления группы риска. По итогам заполнения шкалы опросника подсчитывался суммарный балл, набранный тестируемым, далее проводилась его оценка по критериям, предусмотренным авторами данного опросника: величина >31 балла для юношей и >33 баллов — для девушек, позволяли диагностировать наличие у них проблемного использования смартфона (зависимости от смартфона).

Для выявления рецидивирующих болей в спине (дорсалгий) и верификации типа их течения (с учетом частоты болевых эпизодов) использовалась скрининговая анкета, разработанная С. Ю. Терещенко¹. Критерием редких дорсалгий было наличие 1–2 эпизодов болей в спине в течение месяца, частых — более 2-х эпизодов в месяц.

При *статистической обработке* полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Распространенность болей в спине у подростков и молодежи Тувы

На первом этапе мы проанализировали частоту встречаемости болей в спине (дорсалгий) у всех 2853 включенных в исследование подростков и молодежи, при этом, три скрининговые анкеты оказались заполнены некорректно и в статистический анализ было включено 2850 анкет. По результатам проведенного анализа установлено, что дорсалгии в анамнезе отмечались у 18,4% (523/2850, ДИ=17,0–19,8%) и не беспокоили боли в спине 81,6% (2327/2850, ДИ=80,2–83,0%) обследованных. У 16,9% всех обследованных эпизоды дорсалгий были частыми (чаще 2-х раз в месяц) и у 44,0% — редкими (1–2 раза в месяц). Наиболее частой локализацией болей в спине был шейный отдел позвоночника — 35,2% (1003/2850, ДИ=33,5–37,0%), второе ранговое место занимали боли в поясничном отделе позвоночника — 23,6% (673/2850, ДИ=22,1–25,2%), реже регистрировались боли в грудном отделе позвоночника — 15,8% (451/2850, ДИ=14,5–17,2%) и у 11,4% (325/2850, ДИ=10,3–12,6%) обследованных отмечалось сочетание дорсалгий различных локализаций.

Наличием дорсалгий чаще характеризовались девочки и девушки — 23,5% (381/1620, ДИ=21,5–25,6%), реже отмечались боли в спине различной локализации у обследованных мужского пола (мальчиков и юношей) — 11,6% (142/1228, ДИ=9,9–13,5%). Девочки и девушки отличались более частой локализацией болей в шейном отделе позвоночника — 39,7% (643/1620, ДИ=37,3–42,1%) против 29,3% (360/1228, ДИ=26,8–31,9%) у лиц мужского пола. Частота встречаемости болей в грудном отделе позвоночника была сопоставимой у обследованных мужского — 14,8% (182/1228, ДИ=12,9–16,9%) и женского — 16,6% (269/1620, ДИ=14,9–18,5%) пола. Среди девочек и девушек была выше распространенность болей в поясничном отделе позвоночника — 29,2% (473/1620, ДИ=27,0–31,5%) против 16,3% (200/1228, ДИ=14,3–18,5%) среди мальчиков и юношей, выше была у обследованных женского пола и распространенность сочетанных дорсалгий — 14,9% (242/1620, ДИ=13,3–16,8%) против 6,8% (83/1228, ДИ=5,5–8,3%) у лиц мужского пола.

Общую распространенность дорсалгий в трех возрастных группах (без разделения по локализации болей) иллюстрирует *рисунок 1*.

¹ Способ оценки риска развития расстройств психосоматического спектра у школьников коренного и некоренного населения Хакасии / Авторы технологии: д. м. н. Эверт Л. С., д. м. н., проф. Терещенко С. Ю., м. н. с. Костюченко Ю. Р., к. б. н. Чудинова О. В. Красноярск; Абакан, 2021. 33 с.

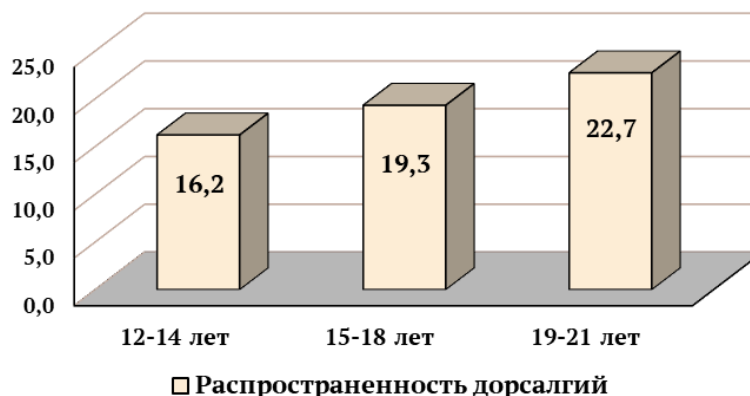

Рисунок 1. Общая распространенность дорсалгий (без учета локализации болей) в различных возрастных группах подростков и молодежи Тувы, в %.

Figure 1. The general prevalence of dorsalgia (excluding the localization of pain) in various age groups of adolescents and youth of Tuva, in %.

Прим.: 1 гр. — 12–14 лет, 2 гр. — 15–18 лет, 3 гр. — 19–21 лет. Статистическая значимость различий (p) между сравниваемыми группами: p1-2=0,0443, $\chi^2=4,04$; p1-3=0,0332, $\chi^2=4,54$; p2-3=0,2703, $\chi^2=1,22$

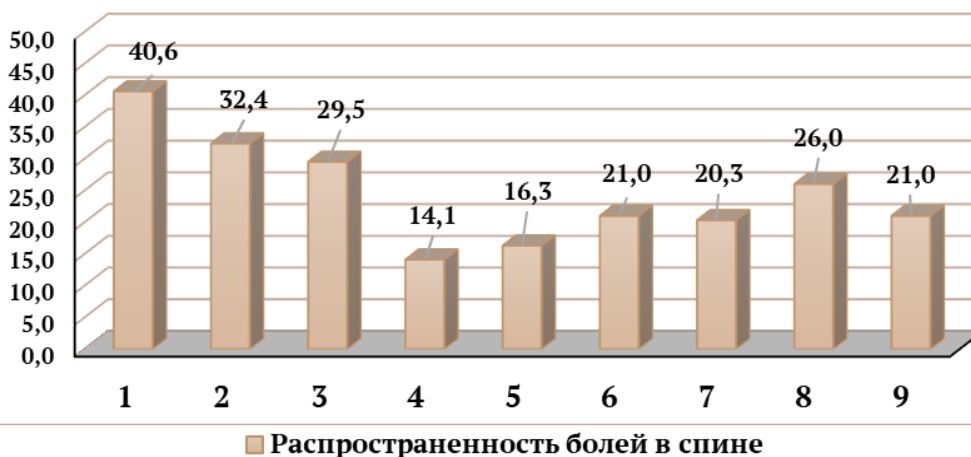

Рисунок 2. Распространенность болей в спине различной локализации в 3-х возрастных группах подростков и молодежи Тувы, в %.

Figure 2. The prevalence of back pain of various localization in 3 age groups of adolescents and youth of Tuva, in %.

Прим.: 1 — боли в шейном отделе позвоночника (возраст 12–14 лет), 2 — боли в шейном отделе позвоночника (возраст 15–18 лет), 3 — боли в шейном отделе позвоночника (возраст 19–21 лет); 4 — боли в грудном отделе позвоночника (возраст 12–14 лет), 5 — боли в грудном отделе позвоночника (возраст 15–18 лет), 6 — боли в грудном отделе позвоночника (возраст 19–21 лет); 7 — боли в поясничном отделе позвоночника (возраст 12–14 лет), 8 — боли в поясничном отделе позвоночника (возраст 15–18 лет), 9 — боли в поясничном отделе позвоночника (возраст 19–21 лет).

Как следует из представленных на рисунке 1 данных, распространенность болей в спине с возрастом нарастала — с 16,2% в возрастной группе 12–14 лет, 19,3% — в 15–18 лет до 22,7% в возрастной группе 19–21 лет. При этом выявленные различия анализируемого показателя подтверждены статистически значимыми величинами показателя p для сравниваемых групп (рис. 1).

Структура распространенности болей в спине различной локализации в 3-х возрастных группах отражена на рисунке 2.

Проведенный нами статистический анализ показал, что шейная локализация дорсалгий статистически значимо чаще регистрировалась в младшей (12–14 лет) возрастной группе, снижаясь в возрасте 15–18 и 19–21 лет (p1-2<0,0001, $\chi^2=18,50$; p1-3=0,0054, $\chi^2=7,73$; p2-3=0,4379, $\chi^2=0,60$).

Напротив, частота встречаемости болей в грудном отделе позвоночника нарастала с возрастом, достигая статистически значимых различий между младшей и старшей возрастной группой ($p_{1-3}=0,0187$, $\chi^2=5,53$). Рост эпизодов болей грудной локализации имел место как в средней, так и старшей возрастной группе, хотя выявленные различия не достигали уровня статистической значимости ($p_{1-2}=0,1286$, $\chi^2=2,31$; $p_{2-3}=0,1135$, $\chi^2=2,50$).

Возрастная динамика болей в поясничном отделе позвоночника имела в целом направленность, аналогичную таковой при дорсалгиях грудной локализации: отмечен рост дорсалгий в поясничной области в средней возрастной группе в сравнении с младшей ($p_{1-2}=0,0007$, $\chi^2=11,63$), а их частота в младшей и старшей возрастной группе были сопоставимы ($p_{1-3}=0,8144$, $\chi^2=0,06$), статистически значимо не различалась и распространенность болей в поясничном отделе позвоночника в средней и старшей возрастной группе ($p_{2-3}=0,1485$, $\chi^2=2,09$) (рис. 2).

У 11,4% всех включенных в исследование лиц регистрировалось наличие сочетаний дорсалгий различной локализации (шейный + грудной и /или шейный + поясничный отдел позвоночника, а также другие сочетанные локализации болей). При этом значимые различия частоты встречаемости сочетанных дорсалгий имели место только между младшей (7,6%) и средней (13,9%, $p_{1-2}<0,0001$, $\chi^2=25,09$) возрастной группой. Распространенность сочетанных дорсалгий в старшей возрастной группе составляла 10,8% ($p_{1-3}=0,1441$, $\chi^2=2,13$; $p_{2-3}=0,2544$, $\chi^2=1,30$).

Рисунок 3 иллюстрирует распространенность болей в спине в группах обследованных, различающихся по этнической принадлежности (русских и тувинцев).

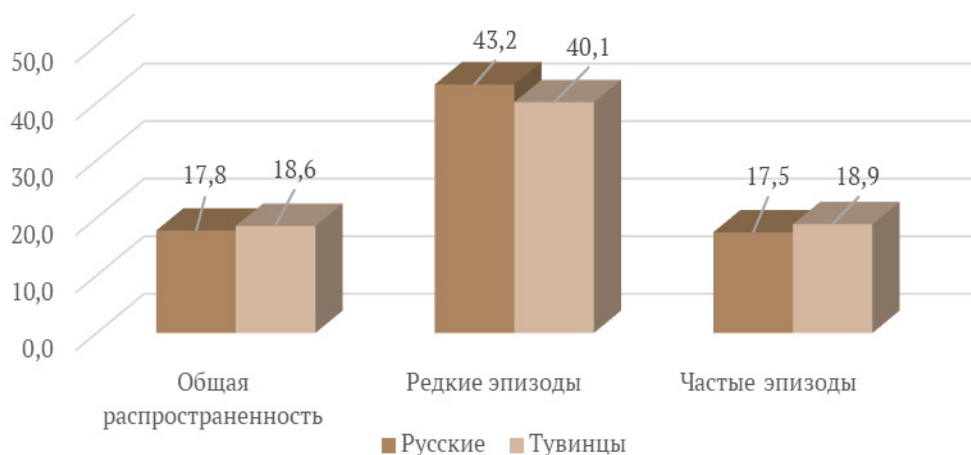

Рисунок 3. Распространенность болей в спине у подростков и молодежи Тувы с различной этнической принадлежностью, в %.

Figure 3. The prevalence of back pain in Tuvan adolescents and youth with different ethnicities, in %.

Результаты сравнительного анализа распространенности болей в спине в группах обследованных с различной этнической принадлежностью (русской и тувинской) не выявили статистически значимых различий как общей распространенности дорсалгий среди русских и тувинцев, так и градаций дорсалгий по частоте болевых эпизодов (редких — 1–2 раза в месяц, и частых — чаще 2-х раз в месяц) (рис. 3).

Значимых различий частоты встречаемости дорсалгий среди русских и тувинцев в зависимости от локализации болей также выявлено не было. Так, распространенность болей в шейном отделе позвоночника оказалась сопоставимой среди обследованных русской (33,5%) и тувинской (35,5%, $p_{1-2}=0,4635$, $\chi^2=0,54$) этнической принадлежности, сопоставимыми были и показатели дорсалгий грудной (соответственно 14,0% и 16,0%; $p_{1-2}=0,3468$, $\chi^2=0,89$) и сочетанной (соответственно 13,5% и 11,0%; $p_{1-2}=0,1792$, $\chi^2=1,80$) локализации в группах сравнения. Исключение составили боли в поясничном отделе позвоночника, распространенность которых была выше среди лиц русской этнической принадлежности (28,4%) в сравнении с группой тувинской этнической принадлежности (22,9%, $p_{1-2}=0,0253$, $\chi^2=5,00$).

Ассоциации болей в спине с особенностями онлайн-поведения

Результаты статистического анализа коморбидных ассоциаций различных видов интернет-зависимого поведения (или патологического пользования Интернетом) в зависимости от наличия или отсутствия болей в спине (дорсалгий) иллюстрирует *таблица 1*.

Таблица 1. Структура онлайн-поведения у подростков и молодежи с наличием и отсутствием дорсалгий (в общей группе обследованных и группах, различающихся по этнической принадлежности)

Table 1. The structure of online behavior in adolescents and young people with and without dorsalgia (in the general group of surveyed and groups differing by ethnicity)

Группы обследованных	Онлайн-поведение у подростков и молодежи						P
	(а) АПИ		(в) НПИ		(с) ППИ		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
В общей группе обследованных							
1 гр. Без дорсалгии (n=2266)	1119	49,4 (47,3–51,4)	947	41,8 (39,8–43,8)	200	8,8 (7,7–10,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
2 гр. С дорсалгией (n=509)	141	27,7 (24,0–31,7)	258	50,7 (46,4–55,0)	110	21,6 (18,3–25,4)	ав<0,0001 ас=0,0242 вс<0,0001
Всего (n= 2775)	1260	45,4 (43,6–47,3)	1205	43,4 (41,6–45,3)	310	11,2 (10,1–12,4)	ав=0,1373 ас<0,0001 вс<0,0001
p1-2; χ ²	<0,0001 ; 78,81		0,0001 ; 13,39		<0,0001 ; 68,46		
В группах, различающихся по этнической принадлежности							
1 гр. Русские с дорсалгией (n=62)	22	35,4 (24,7–47,9)	30	48,4 (36,4–60,6)	10	16,2 (9,0–27,2)	ав=0,1454 ас=0,0138 вс=0,0001
2 гр. Русские без дорсалгии (n=289)	175	60,5 (54,8–66,0)	96	33,3 (28,0–38,8)	18	6,2 (4,0–9,6)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
3 гр. Тувинцы с дорсалгией (n=436)	115	26,3 (22,5–30,7)	221	50,7 (46,0–55,4)	100	23 (19,2–27,1)	ав<0,0001 ас=0,2386 вс<0,0001
4 гр. Тувинцы без дорсалгии (n=1906)	899	47,2 (44,9–49,4)	826	43,3 (41,1–45,6)	181	9,5 (8,3–10,9)	ав=0,0175 ас<0,0001 вс<0,0001
Всего (n=2693)	1211	45 (43,1–46,9)	1173	43,5 (41,7–45,4)	309	11,5 (10,3–12,7)	ав=0,2972 ас<0,0001 вс<0,0001
p1-2; χ ²	0,0003 ; 13,03		0,0239 ; 5,10		0,0090 ; 6,82		
p3-4; χ ²	<0,0001 ; 62,47		0,0054 ; 7,76		<0,0001 ; 60,70		
p1-3; χ ²	0,1329; 2,26		0,7346; 0,11		0,2267; 1,46		
p2-4; χ ²	<0,0001 ; 18,00		0,0012 ; 10,55		0,0714; 3,25		

Прим.: Значения показателя «р», выделенные жирным шрифтом, являются статистически значимыми.

Как следует из представленных в *таблице 1* данных, наличие дорсалгий в общей группе включенных в исследование подростков и молодежи Тувы, ассоциировано с наличием у них дезадаптивных видов онлайн поведения — неадаптивного (НПИ) и патологического (ППИ), значительно чаще встречающихся у лиц с эпизодами болей в спине в анамнезе. Данный факт подтверждается величиной показателя *p* (статистическая значимость различий по критерию χ^2 Пирсона) и значениями самого критерия χ^2 Пирсона, указанными в *таблице 1*. Напротив, адаптивное пользование Интернетом (АПИ) значимо чаще регистрировалось среди обследованных, не имеющих болей в спине (различия также статистически значимы) (*табл. 1*).

Следует отметить, что как среди лиц русской, так и тувинской этнической принадлежности, выявлена высоко значимая ассоциация и неадаптивного, и патологического пользования Интернетом, с наличием дорсалгий, а их отсутствие ассоциировано с адаптивным использованием Интернетом, что также подтверждено значениями *p* и χ^2 Пирсона при анализе межгрупповых различий (*табл. 1*).

По результатам сравнительного анализа этнических различий ассоциаций дорсалгий с видами онлайн-поведения установлено отсутствие статистически значимых взаимосвязей наличия эпизодов болей в спине среди обследованных с одинаковыми видами сетевого поведения. В то же время, такой вид онлайн-поведения, как НПИ, значительно чаще регистрировалось у обследованных тувинской этнической принадлежности без болей в спине в анамнезе в сравнении с аналогичной группой лиц русской этнической принадлежности (соответственно 43,3% против 33,3%, $p=0,0012$, $\chi^2=10,55$) и, наоборот, отсутствие дорсалгий среди тувинцев без дорсалгий реже ассоциировалось у них с наличием адаптивного пользования Интернетом в сравнении с русскими (соответственно 47,2 и 60,5%, $p<0,0001$, $\chi^2=18,00$). Частота встречаемости патологического пользования Интернетом у лиц тувинской этнической принадлежности без дорсалгий превышала аналогичный показатель среди лиц без дорсалгий русской этнической принадлежности, хотя выявленные различия не были статистически значимыми (соответственно 9,5% и 6,2%, $p=0,0714$, $\chi^2=3,25$) (*табл. 1*).

В *таблице 2* представлены результаты сравнительного анализа особенностей ассоциаций болей в спине с видами онлайн-поведения подростков и молодежи Тувы в зависимости от половой и этнической принадлежности.

Таблица 2. Структура онлайн-поведения у подростков и молодежи наличием и отсутствием дорсалгий (в группах, различающихся по этнической принадлежности и полу)
 Table 2. The structure of online behavior in adolescents and young people with and without dorsalgia (in groups differing by ethnicity and gender)

Группы обследованных	Онлайн-поведение у подростков и молодежи						P
	(a) АПИ		(в) НПИ		(с) ППИ		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
<i>В группе с русской этнической принадлежностью</i>							
1 гр. Мальчики с дорсалгией (n=19)	7	36,8 (19,1–59,0)	9	47,2 (27,3–68,3)	3	16,0 (5,5–37,6)	ав=0,5111 ас=0,1406 вс=0,0363
2 гр. Мальчики без дорсалгии (n=136)	92	67,6 (59,4–74,9)	40	29,4 (22,4–37,6)	4	3,0 (1,1–7,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
3 гр. Девочки с дорсалгией (n=43)	15	34,9 (22,4–49,8)	21	48,8 (34,6–63,2)	7	16,3 (8,1–30,0)	ав=0,1897 ас=0,0480 вс=0,0013
4 гр. Девочки без дорсалгии (n=153)	83	54,2 (46,3–61,9)	56	36,6 (29,4–44,5)	14	9,2 (5,5–14,8)	ав=0,0019 ас<0,0001 вс<0,0001

Всего (n=351)	197	56,1 (50,9–61,2)	126	5,9 (31,1–41,0)	28	8,0 (5,6–11,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
p1-2; χ^2	0,0088 ; 6,86		0,1148; 2,49		0,0115 ; 6,36		
p3-4; χ^2	0,0248 ; 5,03		0,1466; 2,11		0,1818; 1,78		
p1-3; χ^2	0,8819; 0,02		0,9150; 0,01		0,9615; 0,00		
p2-4; χ^2	0,0200 ; 5,44		0,1952; 1,68		0,0293 ; 4,75		
<i>В группе с тувинской этнической принадлежностью</i>							
1 гр. Мальчики с дорсалгией (n=117)	37	31,6 (23,9–40,5)	57	48,7 (39,8–57,7)	23	19,7 (13,5–27,8)	ав=0,0077 ас=0,0361 вс<0,0001
2 гр. Мальчики без дорсалгии (n=884)	423	47,9 (44,6–51,1)	389	44,0 (40,8–47,3)	72	8,1 (6,5–10,1)	ав=0,1047 ас<0,0001 вс<0,0001
3 гр. Девочки с дорсалгией (n=319)	78	24,5 (20,1–29,5)	164	51,4 (45,9–56,8)	77	24,1 (19,8–29,1)	ав<0,0001 ас=0,9264 вс<0,0001
4 гр. Девочки без дорсалгии (n=1021)	476	46,6 (43,6–49,7)	436	42,7 (39,7–45,8)	109	10,7 (8,9–12,7)	ав=0,0750 ас<0,0001 вс<0,0001
Всего (n=2341)	1014	43,3 (41,3–45,3)	1046	44,7 (42,7–46,7)	281	12,0 (10,7–13,4)	ав=0,3461 ас<0,0001 вс<0,0001
p1-2; χ^2	0,0009 ; 10,95		0,3351; 0,93		0,0001 ; 16,15;		
p3-4; χ^2	< 0,0001		0,0063 ; 7,45		< 0,0001		
p1-3; χ^2	0,1321; 2,27		0,6183; 0,25		0,3242; 0,97		
p2-4; χ^2	0,5918; 0,29		0,5676; 0,33		0,0603; 3,53		

Прим.: Значения показателя «р», выделенные жирным шрифтом, являются статистически значимыми.

Среди обследованных с русской этнической принадлежностью значимые ассоциации дорсалгий выявлены с патологическим пользованием Интернетом (ППИ) в группе мальчиков – 16,0% против 3,0% ($p=0,0115$; $\chi^2=6,36$), также чаще регистрировалось ППИ среди русских девочек, имеющих эпизоды болей в спине в анамнезе в сравнении с девочками без дорсалгий (16,3% и 9,2%), но различия не были статистически значимыми. В то же время, ППИ среди русских девочек без дорсалгий встречалось значительно чаще, чем у русских мальчиков без дорсалгий (табл. 2).

Адаптивное пользование Интернетом (АПИ) значительно чаще ассоциировалось с отсутствием болей в спине, как среди мальчиков, так и девочек русской этнической принадлежности. Среди обследованных без дорсалгий реже отмечалось АПИ у русских девочек в сравнении с русскими мальчиками, также без дорсалгий (соответственно 54,2% и 67,6%; $p=0,0200$, $\chi^2=5,44$) (табл. 2).

Среди обследованных тувинской этнической принадлежности значительно чаще наличие дорсалгий ассоциировалось с патологическим пользованием Интернетом (ППИ) как у мальчиков, так и девочек. Неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) чаще имело высоко значимую ассоциацию с наличием дорсалгий в группе тувинских девочек и тенденцию к ассоциации данного вида онлайн-поведения с наличием дорсалгий среди мальчиков-тувинцев. Адаптивное пользование Интернетом (АПИ) статистически значимо чаще было ассоциировано с отсутствием болей в спине среди лиц тувинского этноса, как мальчиков, так и девочек (табл. 2).

Таблица 3 иллюстрирует особенности ассоциаций дорсалгий со специфическими формами патологического пользования Интернетом (ППИ), в том числе — с учетом этнических различий.

Таблица 3. Специфические формы патологического пользования Интернетом (ППИ) у подростков и молодежи с наличием и отсутствием дорсалгий (в общей группе обследованных и группах, различающихся по этнической принадлежности)
 Table 3. Specific forms of pathological use Internet access (ППИ) in adolescents and young people with and without dorsalgia (in the general group of the surveyed and groups differing by ethnicity)

Группа	Специфические формы ППИ у подростков и молодежи						p
	(a) Игровая зависимость (по строгим критериям)		(b) Зависимость от социальных сетей		(c) Смешанная форма ППИ		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
<i>В общей группе обследованных</i>							
1 гр. С дорсалгией	35/412 (7,8)	5,7–10,7	102/403 (20,2)	16,9–23,9	17/427 (3,8)	2,4–6,0	a-b < 0,0001 a-c = 0,0109 b-c < 0,0001
2 гр. Без дорсалгии	82/1970 (4,0)	3,2–4,9	199/2036 (8,9)	7,8–10,2	25/2001 (1,2)	0,8–1,8	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
Всего	117/2382 (4,7)	3,9–5,6	301/2439 (11,1)	9,9–12,2	42/2428 (1,7)	1,3–2,3	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	p = 0,0005 , $\chi^2=12,09$		p < 0,0001 , $\chi^2=53,73$		p = 0,0001 $\chi^2 = 14,67$		
<i>В группах, различающихся по этнической принадлежности</i>							
1 гр. Русские с дорсалгией	6/52 (10,4)	4,8–20,8	8/54 (12,9)	6,7–23,4	3/55 (5,2)	1,8–14,1	a-b = 0,6626 a-c = 0,2978 b-c = 0,1425
2 гр. Русские без дорсалгии	10/258 (3,7)	2,0–6,7	14/274 (4,8)	2,9–8,0	2/266 (0,8)	0,2–2,7	a-b = 0,5125 a-c = 0,0195 b-c = 0,0037
3 гр. Тувинцы с дорсалгией	28/350 (7,5)	5,2–10,5	93/339 (21,5)	17,9–25,6	14/361 (3,7)	2,2–6,2	a-b < 0,0001 a-c = 0,0281 b-c < 0,0001
4 гр. Тувинцы без дорсалгии	71/1647 (4,1)	3,3–5,2	180/1696 (9,5)	8,3–11,0	23/1669 (1,4)	0,9–2,0	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
Всего	115/2307 (4,8)	4,0–5,7	295/2363 (11,1)	10,0–12,3	42/2351 (1,8)	1,3–2,4	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	0,0069 ; $\chi^2=7,29$		0,0180 ; $\chi^2=5,60$		0,0129 ; $\chi^2=6,19$		
$p_{3-4} (\chi^2)$	0,0129 ; $\chi^2=6,18$		<0,0001 ; $\chi^2=47,94$		0,0017 ; $\chi^2=9,84$		
$p_{1-3} (\chi^2)$	0,5726; $\chi^2=0,32$		0,1153; $\chi^2=2,48$		0,5995; $\chi^2=0,28$		
$p_{2-4} (\chi^2)$	0,0504 ; $\chi^2=3,83$		0,0088 ; $\chi^2=6,86$		0,4060; $\chi^2=0,69$		

Прим.: Значения показателя «p», выделенные жирным шрифтом, являются статистически значимыми.

Из всех включенных в исследование лиц, игровая зависимость, верифицированная по строгим критериям, значительно чаще регистрировалась среди подростков и молодежи с дорсалгиями — у 7,8% против 4,0% в группе без дорсалгий ($p = 0,0005$, $\chi^2=12,09$). Общая распространенность данного вида зависимости составила 4,7% (табл. 3).

Наличие дорсалгий значительно чаще было ассоциировано с игровой зависимостью, как среди лиц русской, так и тувинской этнической принадлежности, в то же время, статистически значимой взаимосвязи болей в спине с игровой зависимостью в обеих сравниваемых группах не выявлено. Этнические особенности ассоциации болей в спине с игровой зависимостью включали более частую ее встречаемость среди обследованных тувинского этноса без дорсалгий в сравнении с аналогичной группой с русской этнической принадлежностью (4,1% против 3,7%, $p=0,0504$, $\chi^2=3,83$) (табл. 3).

К специфическим формам патологического пользования Интернетом относится и зависимость от социальных сетей (или проблемное использование социальных сетей). Относительно распространенности проблемного использования социальных сетей выявлена высоко значимая ассоциация данного вида зависимости с наличием дорсалгий у обследованных (20,2% и 8,9%, $p<0,0001$, $\chi^2=53,73$). Общая распространенность зависимости от социальных сетей среди всех включенных в исследование лиц, составила 11,1%. Установлена высоко значимая ассоциация зависимо от социальных сетей поведения с наличием у обследованных болей в спине в обеих группах сравнения, различающихся этнической принадлежностью: 12,9% против 4,8%, $p=0,0180$; $\chi^2=5,60$ — в группе русского этноса и 21,5% против 9,5%, $p<0,0001$; $\chi^2=47,94$ — в группе тувинского этноса (табл. 3).

Этнической особенностью ассоциации болей в спине с зависимостью от социальных сетей была более высокая распространенность проблемного использования социальных сетей у обследованных без дорсалгий с тувинской (9,5%), чем русской (4,8%, $p=0,0088$; $\chi^2=6,86$) этнической принадлежностью. Также чаще регистрировалась зависимость от социальных сетей среди лиц тувинского этноса с дорсалгиями (21,5%), чем в аналогичной группе русского этноса (12,9%, $p=0,1153$; $\chi^2=2,48$), хотя имеющиеся различия не достигали уровня статистической значимости. (табл. 3).

Смешанная форма ППИ (наличие одновременно проблемного использования компьютерных игр и социальных сетей) отмечалась значительно чаще в группе с дорсалгиями, чем в их отсутствие (соответственно 3,8% против 1,2%, $p=0,0001$, $\chi^2=14,67$). Ее общая распространенность среди всех включенных в исследование лиц составила 1,7%. Более тесная ассоциация данной формы зависимости выявлена с наличием, чем отсутствием у обследованных болей в спине, как русских (5,2% против 0,8%, $p=0,0129$; $\chi^2=6,19$), так и тувинцев (3,7% против 1,4%, $p=0,0017$; $\chi^2=9,84$). В целом, смешанная форма ППИ была более редким видом дезадаптивного онлайн-поведения и статистически значимых этнических различий ее ассоциации с наличием или отсутствием дорсалгий у обследованных лиц выявлено не было (табл. 3).

Ассоциации рассмотренных выше форм патологического пользования Интернетом с наличием или отсутствием у обследованных лиц болей в спине, были проанализированы нами в группах, различающихся не только этнической, но и половой принадлежностью. Результаты данного сравнительного анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4. Специфические формы патологического пользования Интернетом (ППИ) у подростков и молодежи с наличием и отсутствием дорсалгий (в группах с различной этнической и половой принадлежностью)
Table 4. Specific forms of pathological use Internet access (ППИ) in adolescents and young people with and without dorsalgia (in groups with different ethnicity and gender)

Группа	Специфические формы ППИ у подростков и молодежи						p
	(a) Игровая зависимость (по строгим критериям)		(b) Зависимость от социальных сетей		(c) Смешанная форма ППИ		
	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	n (%)	ДИ, %	
В группе с русской этнической принадлежностью							
1 гр. Мальчики с дорсалгией	2/17 (10,5)	2,9–31,4	0/19 (0,0)	0,0–16,8	0/19 (0,0)	0,0–16,8	a-b = 0,1462 a-c = 0,1462 b-c -
2 гр. Мальчики без дорсалгии	3/126 (2,3)	0,8–6,6	0/135 (0,0)	0,0–2,8	0/129 (0,0)	0,0–2,9	a-b = 0,0748 a-c = 0,0815 b-c -

3 гр. Девочки с дорсалгией	4/35 (10,3)	4,1–23,6	8/35 (18,6)	9,7–32,6	3/36 (7,7)	2,7–20,3	a-b = 0,2855 a-c = 0,6920 b-c = 0,1476
4 гр. Девочки без дорсалгии	7/132 (5,0)	2,5–10,0	14/139 (9,2)	5,5–14,8	2/137 (1,4)	0,4–5,1	a-b = 0,1741 a-c = 0,0902 b-c = 0,0038
Всего	16/310 (4,9)	3,0–7,8	22/328 (6,3)	4,2–9,3	5/321 (1,5)	0,7–3,5	a-b = 0,4371 a-c = 0,0147 b-c = 0,0016
$p_{1-2} (\chi^2)$	$p = 0,0647, \chi^2=3,47$		–		–		
$p_{3-4} (\chi^2)$	$p = 0,2331, \chi^2=1,43$		$p = 0,0827, \chi^2=3,01$		$p = \mathbf{0,0367}, \chi^2 = 4,36$		
$p_{1-3} (\chi^2)$	$p = 0,9747, \chi^2=0,00$		$p = \mathbf{0,0440}, \chi^2=4,06$		$p = 0,2144, \chi^2 = 1,54$		
$p_{2-4} (\chi^2)$	$p = 0,2421, \chi^2=1,37$		$p = \mathbf{0,0003}, \chi^2=12,98$		$p = 0,1715, \chi^2 = 1,87$		
<i>В группе с тувинской этнической принадлежностью</i>							
1 гр. Мальчики с дорсалгией	8/101 (7,3)	3,8–13,8	19/97 (16,4)	10,7–24,2	1/107 (0,9)	0,2–5,1	a-b = 0,0370 a-c = 0,0178 b-c = 0,0001
2 гр. Мальчики без дорсалгии	47/802 (5,5)	4,2–7,3	67/807 (7,7)	6,1–9,6	13/825 (1,6)	0,9–2,6	a-b = 0,0754 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
3 гр. Девочки с дорсалгией	20/249 (7,4)	4,9–11,2	74/242 (23,4)	19,1–28,4	13/254 (4,9)	2,9–8,2	a-b < 0,0001 a-c = 0,2166 b-c < 0,0001
4 гр. Девочки без дорсалгии	24/844 (2,8)	1,9–4,1	113/888 (11,3)	9,5–13,4	10/843 (1,2)	0,6–2,1	a-b < 0,0001 a-c = 0,0176 b-c < 0,0001
Всего	99/1996 (4,7)	3,9–5,7	273/2034 (11,8)	10,6–13,2	37/2029 (1,8)	1,3–2,5	a-b < 0,0001 a-c < 0,0001 b-c < 0,0001
$p_{1-2} (\chi^2)$	0,4461; $\chi^2=0,58$		0,0017 ; $\chi^2=9,80$		0,6124; $\chi^2=0,26$		
$p_{3-4} (\chi^2)$	0,0005 ; $\chi^2=12,04$		< 0,0001 ; $\chi^2=29,00$		0,0002 ; $\chi^2=13,81$		
$p_{1-3} (\chi^2)$	0,9744; $\chi^2=0,00$		0,1147; $\chi^2=2,49$		0,0682; $\chi^2=3,33$		
$p_{2-4} (\chi^2)$	0,0039 ; $\chi^2=8,31$		0,0079 ; $\chi^2=7,06$		0,5011; $\chi^2=0,45$		

Прим.: Значения показателя «p», выделенные жирным шрифтом, являются статистически значимыми.

Среди лиц русской этнической принадлежности игровая зависимость, верифицированная по строгим критериям, чаще регистрировалась среди обследованных с дорсалгиями в анамнезе, как девочек/девушек, так и мальчиков/юношей, но выявленные различия не были статистически значимыми (табл. 4). В то же время, у девочек/девушек тувинского этноса выявлена статистически значимая ассоциация данной формы интернет-зависимого поведения с наличием дорсалгий, что иллюстрирует более частая встречаемость игровой зависимости у девочек/девушек тувинской этнической принадлежности с дорсалгиями (7,4%) в сравнении с их сверстницами без дорсалгий (2,8%, $p=0,0005$; $\chi^2=12,04$). У мальчиков-тувинцев с дорсалгиями проблемное использование компьютерных игр (игровая зависимость) отмечалась также чаще, чем в группе без дорсалгий, но различия не достигали уровня статистической значимости (табл. 4).

Следует отметить, что этнических различий ассоциаций болей в спине с проблемным использованием компьютерных игр (игровой зависимостью) при последовательном сравнении групп с одинаковой половой принадлежностью, но разной этнической принадлежностью, нами не выявлено. Общая частота встречаемости игровой зависимости среди подростков и молодежи русского этноса составила 4,9%, среди обследованных тувинского этноса — 4,7%.

Что касается распространенности проблемного использования социальных сетей (зависимости от социальных сетей), то половых различий среди лиц русской этнической принадлежности выявлено не было. Тогда как сравнительный анализ аналогичного показателя у обследованных тувинского этноса показал статистически значимую ассоциацию данной формы интернет-зависимого поведения с наличием болей в спине (дорсалгий) как у девочек/девушек, так и у мальчиков/юношей, тувинского этноса: наличие дорсалгий у них было ассоциировано с более высокой частотой встречаемости зависимости от социальных сетей (табл. 4).

Этнические различия ассоциации зависимости от социальных сетей с наличием или отсутствием дорсалгий, выявлены при сравнительном анализе русских и тувинцев мужского пола без болей в спине: более частой распространенностью зависимости от социальных сетей отличались мальчики/юноши тувинского этноса без дорсалгий в анамнезе (7,7% против 0,0%; $p=0,0009$, $\chi^2=11,09$). У обследованных женского пола статистически значимым различий по этнической принадлежности не было.

Общая распространенность зависимости от социальных сетей составила 6,3% среди обследованных русской и 11,8% — тувинской этнической принадлежности ($p=0,0021$; $\chi^2=9,48$). Полученные данные свидетельствуют о наличии этнических различий в распространенности проблемного использования социальных сетей (без учета половой принадлежности) более часто встречающегося у подростков и юношей тувинского этноса (табл. 4).

По аналогичному алгоритму нами были проанализированы ассоциации с дорсалгиями и другого вида интернет-зависимости — смешанной формы патологического пользования Интернетом (онлайн-поведения). Половых различий частоты встречаемости смешанной формы ППИ среди обследованных как русского, так и тувинского этноса, выявлено не было. В то же время, у девочек/девушек с русской этнической принадлежностью имела место статистически значимая ассоциация смешанной интернет-зависимости с наличием у них дорсалгий (7,7% и 1,4%, $p=0,0367$; $\chi^2=4,36$), аналогично, значимая взаимосвязь смешанной формы интернет-зависимости с наличием дорсалгий выявлена и у девочек/девушек тувинского этноса (4,9% и 1,2%, $p=0,0002$; $\chi^2=13,81$) (табл. 4).

Общая распространенность смешанной формы ППИ (без учета половой принадлежности) составила 1,5% среди подростков и юношей русского этноса и 1,8% — среди их сверстников с тувинской этнической принадлежностью ($p=0,7425$; $\chi^2=0,11$). Этнических различий в распространенности смешанной формы патологического пользования Интернетом (без учета половой принадлежности) среди подростков и юношей русского и тувинского этноса не выявлено (табл. 4).

Общая распространенность зависимого от смартфона поведения (независимо от наличия или

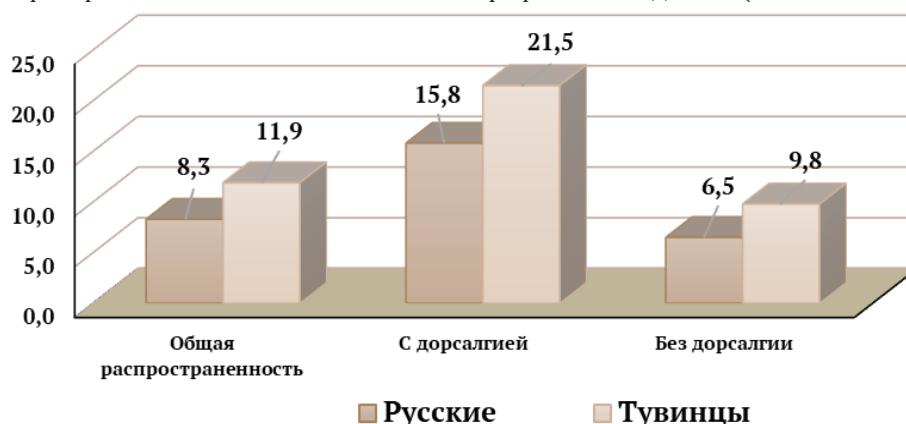

Рисунок 4. Распространенность зависимого от смартфона поведения среди подростков и молодежи русского и тувинского этноса с наличием и отсутствием дорсалгий, в %.

Figure 4. Prevalence of smartphone-dependent behavior among teenagers and youth of the Russian and Tuva ethnic groups with the presence and absence of dorsalgias, in %.

отсутствия болей в спине) составила 8,3% среди обследованных русского и 11,9% — тувинского этноса ($p=0,2873$; $\chi^2=1,13$). Распространенность проблемного использования смартфона (зависимости от смартфона) как одной из специфических форм патологического пользования Интернетом, в целом, была выше у обследованных с тувинской этнической принадлежностью (рис. 4). Статистически значимыми были различия данного показателя в группе обследованных тувинского этноса с дорсалгиями в анамнезе в сравнении без таковых (21,5% и 9,8%, $p<0,0001$; $\chi^2=26,32$).

Анализ особенностей ассоциации проблемного использования смартфона с наличием дорсалгий у обследованных, с учетом их половой принадлежности, не выявил статистически значимой взаимосвязи данных показателей как в группе девочек, так и мальчиков русской этнической принадлежности. Следует указать, что среди обследованных русского этноса (независимо от наличия или отсутствия дорсалгий) зависимость от смартфона регистрировалась только у девочек и не выявлялось данного вида зависимости у мальчиков (13,1% и 0,0%, $p=0,0252$; $\chi^2=5,01$). Выявлена статистически значимая ассоциация зависимо от смартфона поведения с наличием дорсалгий у девочек/девушек тувинской этнической принадлежности в сравнении их сверстницами без дорсалгий в анамнезе (соответственно 24,0% и 10,7%, $p<0,0001$; $\chi^2=21,20$).

Этнических различий общей распространенности проблемного использования смартфона (без учета половой принадлежности) среди подростков и юношей русского и тувинского этноса не выявлено, не установлено также этнических различий частоты встречаемости данного показателя и при сравнении групп с одинаковой половой принадлежностью.

Рисунок 5 иллюстрирует распространенность недифференцированной формы патологического пользования Интернетом (ППИ) у подростков и молодежи Тувы с наличием и отсутствием болей в спине (дорсалгий), с учетом этнической и половой принадлежности.

Представленные на рисунке 5 данные иллюстрируют наличие ассоциации недифференцированной формы дезадаптивного онлайн-поведения с наличием болей в спине (дорсалгий) во всей группе включенных в исследование подростков и молодежи Тувы, а также в группах, различающихся этнической и половой принадлежностью.

Распространенность данного вида интернет-зависимого поведения составила 3,7% среди обследованных русской этнической принадлежности и выше она была среди лиц тувинского этноса (7,1%, $p=0,0300$; $\chi^2=4,71$).

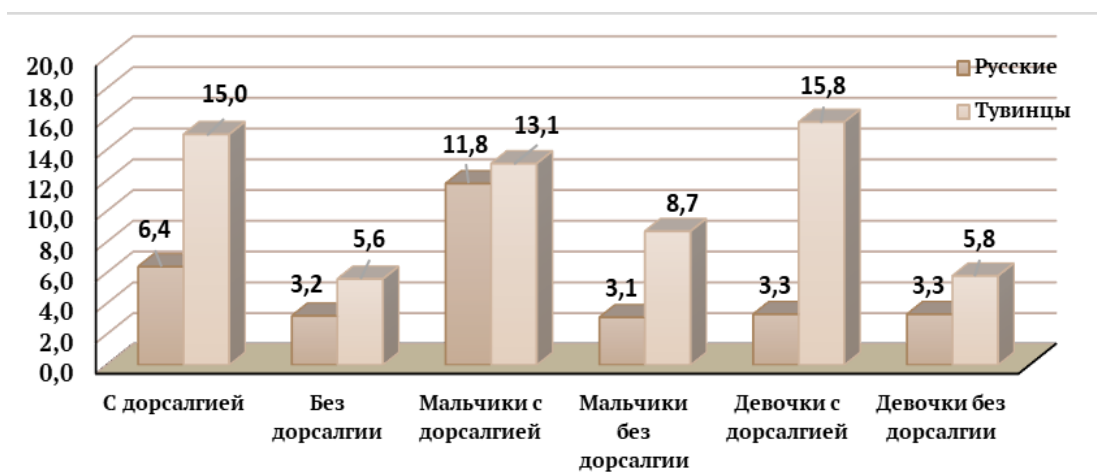

Рисунок 5. Распространенность недифференцированной формы ППИ среди подростков и молодежи русского и тувинского этноса с наличием и отсутствием дорсалгий, в %
 Figure 5. Prevalence of undifferentiated form of pathological use of the Internet among adolescents and youth of the Russian and Tuvan ethnic groups with the presence and absence of dorsalgias, in %

Обсуждение

В зарубежной литературе последних лет при изучении психосоматических расстройств все чаще используется термин «функциональные соматические симптомы» или «функциональные соматические расстройства» (ФСР). Они проявляются физическими (соматическими) симптомами, несоизмеримыми с данными объективных физикальных обследований, результатами функциональных и лабораторных исследований, несопоставимы с количеством предъявляемых пациентом жалоб и его анамнезом (Burton et al., 2020). Распространенность ФСР различна у подростков разного возраста, пола и этнической принадлежности. Во многих исследованиях показан рост числа ФСР с возрастом, девочки во всех возрастных группах чаще предъявляют жалобы на боли различной локализации (Bohman, Laftman, Cleland, 2018). Наиболее значимыми в структуре ФСР являются такие расстройства как рецидивирующие головные боли (РГБ) и боли в спине (дорсалгии) различной локализации (в шейном, грудном, поясничном отделах позвоночника).

Периодические боли в спине отмечаются у подростков достаточно часто (Kim, Green, 2008). Частота встречаемости боли в спине нарастает с возрастом и пубертатным развитием детей (Hebert et al., 2019). В подростковом возрасте их распространенность практически сопоставима с таковой у взрослых. В подавляющем большинстве случаев боль в спине у подростков носит неспецифический характер, т. е. ее развитие не связано с угрожающим жизни системным заболеванием или травмой. Часто причинами боли в спине являются скелетно-мышечные нарушения (Верткин и др., 2018: Электр. ресурс). Повторяющиеся эпизоды болей в спине (особенно интенсивных) часто являются причиной пропусков учебных занятий и снижения академической успеваемости, ведут к нарушению психоэмоционального статуса и ухудшению качества жизни подростков (Santos et al., 2023).

Скелетно-мышечные боли (СМБ) чрезвычайно распространены и составляют примерно 1/3 всех острых и хронических болевых синдромов. Зачастую боль в спине является следствием образа жизни. Современные подростки и молодые взрослые, часто и длительно пользующиеся гаджетами, проводят много времени в одной позе с наклоненной вперед головой, сгорбленной спиной. Уже через час у них может появиться дискомфорт в мышцах. Важной составляющей синдрома пользователей компьютером (The Computer User's Syndrome) являются нарушения функций опорно-двигательной системы, которые в основном обусловлены гиподинамией в сочетании с длительным вынужденным положением тела. Эти нарушения проявляются дискомфортом в области шеи, плеч, запястий, болями в различных отделах позвоночника, ранним развитием остеохондроза и синдрома лучезапястного канала. Со временем может формироваться искривление позвоночника (сколиоз) или шейных позвонков (при использовании более компактного гаджета — планшета, телефона).

Большинство исследований и клинических руководств посвящены боли в спине у взрослых пациентов. В то же время, результаты современных исследований указывают на высокую распространенность болей в спине и среди подростков (Сергеев, Екушева, 2019). Анализ факторов, ассоциированных с болью в спине в детской популяции, проведенный К. Франц и соавторами, показал, что в школьном возрасте риск развития боли в спине выше у девочек, кроме того, он выше у детей, которые много времени проводят за компьютером, а также имеют аффективные (тревожные) расстройства и наличие болей в спине у ближайших родственников (Franz et al., 2017).

В результате проведенного нами исследования были выявлены особенности распространенности и структуры рецидивирующих болей в спине (дорсалгий) и их ассоциаций с различными видами онлайн-поведения и потребляемым интернет-контентом у подростков и молодежи Тувы. Установлено, что дорсалгии в анамнезе отмечались у 18,4% и не беспокоили боли в спине 81,6% обследованных. У 16,9% всех обследованных эпизоды дорсалгий были частыми (чаще 2-х раз в месяц) и у 44,0% — редкими (1–2 раза в месяц). Наиболее частой локализацией болей в спине был шейный отдел позвоночника — 35,2%, второе ранговое место занимали боли в поясничном отделе позвоночника — 23,6%, реже регистрировались боли в грудном отделе позвоночника — 15,8% и у 11,4% обследованных отмечалось сочетание дорсалгий различных локализаций.

Наличием дорсалгий чаще характеризовались девочки и девушки — 23,5%, реже отмечались боли в спине различной локализации у обследованных мужского пола (мальчиков и юношей) — 11,6%. Девочки и девушки отличались более частой локализацией болей в шейном отделе позвоночника — 39,7% против 29,3% у лиц мужского пола. Частота встречаемости болей в грудном отделе позвоночника была сопоставимой у обследованных мужского — 14,8% и женского — 16,6% пола.

По нашим данным, распространенность болей в поясничном отделе позвоночника была выше среди девочек и девушек — 29,2% против 16,3% среди мальчиков и юношей, выше была у обследованных женского пола и распространенность *сочетанных* дорсалгий — 14,9% против 6,8% у лиц мужского пола. В исследовании китайских ученых из Шанхая выявлено, что значительно больше девочек (44,5%) сообщали о наличии болей в шее по сравнению с мальчиками (36,8%). Кроме того, значительно больше девочек (36,2%) сообщали о наличии болей в поясничном отделе по сравнению с мальчиками (29,8%) (Shan et al., 2013). В целом, факт более частых болей в спине у девочек/девушек в сравнении с мальчиками/юношами подтверждается и результатами нашего исследования, а установленная китайскими исследователями распространенность болей в шейном отделе позвоночника у девушек (44,5%) сопоставима с полученными нами данными (39,7%).

Общая распространенность болей в пояснице у бразильских подростков составила 46,7% (95% ДИ: от 44,27 до 49,11); у мальчиков распространенность составила 42,0% (95% ДИ: от 36,63 до 43,41), а у девочек — 58,0% (95% ДИ: от 49,73 до 56,51) (Bento et al., 2020). По данным нашего исследования, общая частота встречаемости дорсалгий в поясничном отделе позвоночника была ниже (23,6%) в сравнении с бразильскими подростками (46,7%). Вместе с тем, боли поясничной локализации регистрировались также чаще у бразильских девочек (58,0%), чем у бразильских мальчиков (42,0%).

П. О’Салливан с соавторами установили, что боль в поясничном отделе распространена уже в возрасте 14 лет: 30% девочек-подростков и 26% мальчиков-подростков сообщили о боли в поясничной области за последний месяц (O’Sullivan et al., 2017). Боль в пояснице широко распространена и среди шведских подростков, при этом выше распространенность болей данной локализации также среди девочек, чем мальчиков (Sundell, Bergström, Larsén, 2019).

По нашим данным, распространенность болей в спине с возрастом нарастала — с 16,2% в возрастной группе 12–14 лет, 19,3% — в 15–18 лет до 22,7% в 19–21 лет. Результаты исследования Ф. Балаге с соавторами также продемонстрировали доказательства существенного увеличения вероятности возникновения болей в спине с возрастом. Авторы доказали это динамикой роста количественных значений показателя отношения шансов (ОШ) боли в спине с возрастом — с 2,79 в возрастной группе 10–12 лет до 16,5 в возрастной группе 16–20 лет (Balagué, Troussier, Salminen, 1999). Нарастание частоты эпизодов болей поясничной локализации с возрастом отмечено и П. О’Салливан с соавторами: у молодых людей в возрасте от 17 до 22 лет распространенность болей в поясничном отделе позвоночника за последний месяц значительно увеличилась с 32% до 45% (O’Sullivan et al., 2017). Наличие аналогичной тенденции к учащению болей в спине с возрастом подтверждают и результаты работы Р. Рой с соавторами, которые свидетельствуют об увеличении распространенности болей в спине у подростков старшего возраста по сравнению с младшими (14,5% у 11-летних, 19,6% у 13-летних и 25,5% у 15-летних) (Roy et al., 2022).

В настоящей работе проанализирована и представлена также *возрастная* динамика распространенности дорсалгий среди обследованных нами контингентов. Так, шейная локализация дорсалгий значительно чаще отмечалась в младшей (12–14 лет) возрастной группе, снижаясь в возрасте 15–18 и 19–21 лет ($p_{1-2} < 0,0001$; $p_{1-3} = 0,0054$; $p_{2-3} = 0,4379$). Напротив, частота встречаемости болей в грудном отделе позвоночника нарастала с возрастом, достигая статистически значимых различий между младшей и старшей возрастной группой ($p_{1-3} = 0,0187$). Рост эпизодов болей грудной локализации имел место как в средней, так и старшей возрастной группе, хотя выявленные различия не достигали уровня статистической значимости.

Возрастная динамика болей в поясничном отделе позвоночника имела в целом направленность, аналогичную таковой при дорсалгиях грудной локализации: отмечен рост дорсалгий в поясничной области в средней возрастной группе в сравнении с младшей ($p_{1-2} = 0,0007$), а их частота в младшей и старшей возрастной группе были сопоставимы ($p_{1-3} = 0,8144$), статистически значимо не различалась и распространенность болей в поясничном отделе позвоночника в средней и старшей возрастной группе ($p_{2-3} = 0,1485$). У 11,4% всех включенных в исследование лиц регистрировалось наличие сочетаний дорсалгий различной локализации (шейный + грудной и /или шейный + поясничный отдел позвоночника, а также другие сочетанные локализации болей). При этом значимые различия частоты встречаемости сочетанных дорсалгий имели место только между младшей (7,6%) и средней (13,9%, $p_{1-2} < 0,0001$) возрастной группой. Распространенность сочетанных дорсалгий в старшей возрастной группе составляла 10,8% ($p_{1-3} = 0,1441$, $\chi^2 = 2,13$; $p_{2-3} = 0,2544$).

Результаты проведенного нами сравнительного анализа распространенности болей в спине в группах обследованных с различной *этнической* принадлежностью (русской и тувинской) не выявили статистически значимых различий как общей распространенности дорсалгий среди русских и тувинцев, так и градаций дорсалгий по частоте болевых эпизодов (редких — 1–2 раза в месяц, и частых — чаще 2-х раз в месяц). Значимых различий частоты встречаемости дорсалгий среди русских и тувинцев в зависимости от локализации болей также выявлено не было. Исключение составили боли в поясничном отделе позвоночника, распространенность которых была выше среди лиц русской этнической принадлежности (28,4%) в сравнении с группой тувинской этнической принадлежности (22,9%, $p_{1-2}=0,0253$).

Важным разделом нашего исследования было изучение ассоциаций болей в спине с особенностями онлайн-поведения лиц с дорсалгиями в анамнезе. Было установлено, что наличие дорсалгий в общей группе включенных в исследование подростков и молодежи Тувы, ассоциировано с наличием у них дезадаптивных видов онлайн поведения — неадаптивного (НПИ) и патологического (ППИ), значительно чаще встречающихся у лиц с эпизодами болей в спине. Следует отметить, что как среди лиц русской, так и тувинской этнической принадлежности, выявлена высоко значимая ассоциация и неадаптивного, и патологического пользования Интернетом, с наличием дорсалгий, а отсутствие дорсалгий ассоциировано с адаптивным использованием Интернетом, что также подтверждено значениями p и χ^2 Пирсона при анализе межгрупповых различий. Выявленная нами взаимосвязь дорсалгий с дезадаптивными видами онлайн-поведения подтверждается и данными, приводимыми Г. Янг с соавторами, которые в своем исследовании доказали, что тяжелая интернет-зависимость связана с более высоким риском скелетно-мышечных болей у первокурсников китайских колледжей (Yang et al., 2019).

Результаты сравнительного анализа *этнических* различий ассоциаций дорсалгий с видами онлайн-поведения среди обследованных с одинаковыми видами сетевого поведения таковых не выявили. В то же время, такой вид онлайн-поведения, как НПИ, значительно чаще регистрировался у обследованных тувинской этнической принадлежности без болей в спине в сравнении с аналогичной группой лиц русской этнической принадлежности (соответственно 43,3% против 33,3%, $p=0,0012$) и, наоборот, отсутствие дорсалгий среди тувинцев без дорсалгий реже ассоциировалось у них с наличием адаптивного пользования Интернетом в сравнении с русскими (соответственно 47,2 и 60,5%, $p<0,0001$).

Сравнительный анализ особенностей ассоциаций болей в спине с видами онлайн-поведения обследованных с учетом их половой и этнической принадлежности, показал, что среди лиц с русской этнической принадлежностью имели место значимые ассоциации дорсалгий с патологическим использованием Интернетом (ППИ) в группе мальчиков — 16,0% против 3,0% в отсутствие дорсалгий ($p=0,0115$). Адаптивное использование Интернетом (АПИ) значительно чаще ассоциировалось с отсутствием болей в спине, как среди мальчиков, так и девочек русской этнической принадлежности.

Среди обследованных тувинской этнической принадлежности значительно чаще наличие дорсалгий ассоциировалось с ППИ как у мальчиков, так и девочек. Неадаптивное использование Интернетом (НПИ) чаще имело высоко значимую ассоциацию с наличием дорсалгий в группе тувинских девочек и тенденцию к ассоциации данного вида онлайн-поведения с наличием дорсалгий среди мальчиков-тувинцев, адаптивное использование Интернетом статистически значимо чаще было ассоциировано с отсутствием болей в спине среди лиц тувинского этноса, как мальчиков, так и девочек.

Детальный анализ ассоциативных взаимосвязей дорсалгий проведен нами и с основными специфическими формами ППИ, в том числе — с учетом этнических различий обследованных. Было установлено, что из всех включенных в исследование лиц, игровая зависимость, верифицированная по строгим критериям, значительно чаще регистрировалась среди подростков и молодежи с дорсалгиями — у 7,8% против 4,0% в группе без дорсалгий ($p=0,0005$), при этом общая распространенность данного вида зависимости составила 4,7%.

Среди лиц *русской* этнической принадлежности игровая зависимость, верифицированная по строгим критериям, чаще регистрировалась у обследованных с дорсалгиями в анамнезе, как среди девочек/девушек, так и мальчиков/юношей, но выявленные различия не были статистически значимыми. В то же время, у девочек/девушек *тувинского* этноса выявлена статистически значимая ассоциация данной формы интернет-зависимого поведения с наличием дорсалгий, что подтверждается более частой встречаемостью игровой зависимости у девочек/девушек тувинской этнической принадлежности

с дорсалгиями (7,4%) в сравнении с их сверстницами без дорсалгий (2,8%, $p=0,0005$; $\chi^2=12,04$). У мальчиков-тувинцев с дорсалгиями проблемное использование компьютерных игр (игровая зависимость) отмечалась также чаще, чем в группе без дорсалгий, но различия не достигали уровня статистической значимости.

В исследовании малазийских ученых установлено, что продолжительное время компьютерных игр может вызвать у геймеров боли в спине и шее, поскольку они склонны часами сидеть в одном и том же положении во время компьютерных игр, а их мышцы находятся в длительном статическом напряжении (Aziz et al., 2021).

Нигерийскими учеными обнаружена статистически значимая положительная связь между болью в спине и общим баллом шкалы зависимости от компьютерных игр у детей ($P=0,007$). В ходе этого исследования было обнаружено, что длительное использование телефонов и компьютеров для игр усиливает боль в шее у детей средней школы. (Cankurtaran et al., 2022).

В нашем исследовании *этнические* особенности ассоциации болей в спине с игровой зависимостью включали более частую ее встречаемость среди обследованных тувинского этноса без дорсалгий в сравнении с аналогичной группой без дорсалгий русской этнической принадлежности (4,1% против 3,7%, $p=0,0504$). Однако, несмотря на более тесную в целом ассоциацию дорсалгий с игровой зависимостью, как среди русских, так и тувинцев, статистически значимой взаимосвязи болей в спине с игровой зависимостью в обеих сравниваемых группах не выявлено.

К специфическим формам патологического пользования Интернетом относится и зависимость от социальных сетей (или проблемное использование социальных сетей). Общая распространенность зависимости от социальных сетей среди всех включенных в исследование лиц, составила 11,1%. Общая распространенность зависимости от социальных сетей составила 6,3% среди обследованных русской и 11,8% — тувинской этнической принадлежности ($p=0,0021$). Полученные данные свидетельствуют о наличии этнических различий в распространенности проблемного использования социальных сетей (без учета половой принадлежности) более часто встречающегося у подростков и юношей тувинского этноса.

Нами выявлена статистически значимая ассоциация данного вида зависимости с наличием дорсалгий у обследованных (20,2% и 8,9%, $p<0,0001$). Установлена высоко значимая ассоциация зависимо-го от социальных сетей поведения с наличием у обследованных болей в спине в сравнении с отсутствием дорсалгий в обеих группах сравнения, различающихся этнической принадлежностью: 12,9% против 4,8%, $p=0,0180$ — в группе русского этноса и 21,5% против 9,5%, $p<0,0001$ — в группе тувинского этноса.

Этническая особенность ассоциации болей в спине с зависимым от социальных сетей поведением была представлена более частой встречаемостью данного вида зависимости среди лиц тувинского этноса с дорсалгиями (21,5%), чем в аналогичной группе русского этноса (12,9%, $p=0,1153$), хотя различия не были статистически значимыми. Вместе с тем, выявлена статистически значимая ассоциация данной формы интернет-зависимого поведения с наличием болей в спине (дорсалгий) как у девочек/девушек, так и у мальчиков/юношей, тувинского этноса: наличие дорсалгий у них было ассоциировано с более высокой частотой встречаемости зависимости от социальных сетей.

По аналогичному алгоритму нами были проанализированы ассоциации с дорсалгиями и другого вида интернет-зависимости — *смешанной формы* патологического пользования Интернетом (онлайн-поведения). Общая распространенность смешанной формы ППИ (без учета половой принадлежности) была сопоставима у лиц русского (1,5%) и тувинского (1,7%) этноса. Смешанная форма ППИ (наличие одновременно проблемного использования компьютерных игр и социальных сетей) отмечалась значительно чаще в группе с дорсалгиями, чем в их отсутствие (соответственно 3,8% и 1,2%, $p=0,0001$). Ее общая распространенность среди всех включенных в исследование лиц составила 1,7%. Половых различий частоты встречаемости смешанной формы ППИ среди обследованных как русского, так и тувинского этноса, выявлено не было.

Более тесная ассоциация данной формы зависимости выявлена с наличием, чем отсутствием у обследованных болей в спине, как русских (5,2% и 0,8%, $p=0,0129$), так и тувинцев (3,7% и 1,4%, $p=0,0017$). При этом, у девочек/девушек с русской этнической принадлежностью имела место статистически значимая ассоциация смешанной интернет-зависимости с наличием у них дорсалгий (7,7% и 1,4%, $p=0,0367$), аналогично, значимая взаимосвязь смешанной формы интернет-зависимости с наличием

дорсалгий выявлена и у девочек/девушек тувинского этноса (4,9% и 1,2%, $p=0,0002$). В целом, смешанная форма ППИ была более редким видом дезадаптивного онлайн-поведения и статистически значимых этнических различий ее ассоциации с наличием или отсутствием дорсалгий у обследованных лиц выявлено не было.

По данным опросов, проведенным Е. Мари с соавторами, женщины более склонны к зависимости от социальных сетей (Mari et al., 2023). Данную тенденцию подтверждают и результаты исследования, проведенного Р. Свенссон с соавторами, согласно которым девочки набирали значительно более высокие баллы по показателю использования социальных сетей ($t=11,47$, $p < 0,001$), а также по чатам ($t=5,14$, $p < 0,001$), онлайн-общению ($t=9,49$), $p < 0,001$) и самопрезентации ($t=11,01$, $p < 0,001$) (Svensson, Johnson, Olsson, 2022).

Распространенность *проблемного использования смартфона* как одной из специфических форм ППИ, в целом, была выше у обследованных с тувинской этнической принадлежностью. Общая распространенность зависимого от смартфона поведения (независимо от наличия или отсутствия болей в спине) составила 8,3% среди обследованных русского и 11,9% — тувинского этноса ($p=0,2873$). Статистически значимыми были различия данного показателя в группе обследованных тувинского этноса с дорсалгиями в сравнении с лицами без дорсалгий (21,5% и 9,8%, $p < 0,0001$).

Среди обследованных русского этноса (независимо от наличия или отсутствия дорсалгий) зависимость от смартфона регистрировалась только у девочек и не выявлялось данного вида зависимости у мальчиков (13,1% и 0,0%, $p=0,0252$). Выявлена статистически значимая ассоциация зависимого от смартфона поведения с наличием дорсалгий у девочек/девушек тувинской этнической принадлежности в сравнении их сверстницами без дорсалгий в анамнезе (соответственно 24,0% и 10,7%, $p < 0,0001$).

В исследовании Л. Б. Кейрос с соавторами у подростков со скелетно-мышечными болями (СМБ) чаще встречалось использование ими мобильных телефонов. Наиболее частой локализацией болей у них была спина, шея и плечи. Частота использования сотового телефона (93% против 0,81%, $p = 0,003$) и одновременного использования как минимум двух электронных носителей (компьютера, электронной игры, Интернета, сотового телефона и/или телевидения; 80% против 0,67%, $p = 0,011$) была значительно выше у подростков со скелетно-мышечной болью в сравнении с лицами без СМБ (Queiroz et al., 2018).

Кроме результатов сравнительного анализа указанных выше специфических форм ППИ, нами выявлено наличие ассоциации *недифференцированной формы* ППИ с наличием болей в спине (дорсалгий) во всей группе включенных в исследование подростков и молодежи Тувы, а также в группах, различающихся этнической и половой принадлежностью. Распространенность данного вида интернет-зависимого поведения составила 3,7% среди обследованных русской этнической принадлежности и выше она была среди лиц тувинского этноса (7,1%, $p=0,0300$).

Сопоставив результаты выполненной нами работы с данными других исследователей, мы можем констатировать, что наши данные подтверждают приводимые ими сведения о наличии коморбидных ассоциаций функциональных соматических расстройств, в том числе — рецидивирующих дорсалгий, с различными видами интернет-зависимого поведения (Straker et al., 2018; Xie, Szeto, Dai, 2017).

Заключение

Несмотря на противоречивость исследований, неоспорим тот факт, что боли в спине (дорсалгии) являются весьма распространенным расстройством, в том числе, в подростково-юношеских популяциях. Во всем мире отмечается их прогрессирующий рост. В связи с этим, особую актуальность приобретают комплексные, мультидисциплинарные исследования, результаты которых крайне востребованы в целях профилактики и ранней диагностики данных видов расстройств.

Чрезвычайно актуальны исследования, направленные на изучение взаимосвязей болей в спине с различными эндогенными и экзогенными влияниями, с оценкой их информативной значимости в качестве предикторов и факторов риска развития данных видов функциональной патологии. Значимым этиологическим фактором возникновения болей в спине у подростков и молодежи является патологическое пользование Интернетом и его специфические формы (проблемное использование компьютерных игр, социальных сетей, смартфона). Безусловно, важными аспектами является учет региональных, возрастно-половых и этнических факторов, а также особенностей потребляемого он-

лайн-контента. Результаты проведенного нами в Туве широкомасштабного скринингового исследования, включавшего онлайн-тестирование 2853 подростков и молодежи, выявили достаточно высокую распространенность болей в спине среди обследованных, что свидетельствует об актуальности проблемы дорсалгий для подростковой популяции Республики Тыва.

Впервые получены данные об особенностях взаимосвязей дорсалгий с различными видами онлайн-поведения и структурой потребляемого интернет-контента у подростков и молодежи Тувы с позиций возрастного-половых и этнических различий. Выявлены высоко значимые ассоциации дорсалгий с дезадаптивным онлайн-поведением подростков и молодежи Республики Тыва.

Высокий уровень распространенности болей в спине и их ассоциаций с интернет-зависимым поведением свидетельствует о необходимости разработки профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику дезадаптивного онлайн-поведения и ассоциированных с ним болевых синдромов (в том числе — болей в спине), и в целом — на сохранение здоровья подростково-юношеского населения Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верткин, А. Л., Каратеев, А. Е., Кукушкин, М. Л., Парфёнов, В. А., Яхно, Н. Н., Кнорринг, Г. Ю., Мартынов, А. И. (2018) Ведение пациентов с болью в спине для терапевтов и врачей общей практики (клинические рекомендации) [Электронный ресурс] // Терапия. Т. 2. №. 20. С. 8–17. URL: <https://therapy-journal.ru/ru/archive/article/36103> (дата обращения: 17.01.2024).

Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин, А. Е., Понизовский, П. А., Вантей, В. Б., Громыко, Д. И., Долгих, Н. В., Ерофеева, Н. А., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. А., Магомедова, Е. А., Нечаева, А. И., Пашкевич, Н. В., Семенова, Ю. В., Сидоров, А. А., Ханьков, В. В., Кибитов, А. А., Крупицкий, Е. М., Шмуклер, А. Б., Кибитов, А. О. (2020) Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Костюченко, Ю. Р., Потупчик, Т. В., Эверт, Л. С., Дубровский, Ю. А., Усольцева, Е. И., Лосева, Н. И. (2022) Функциональные соматические расстройства у подростков с различным онлайн-поведением (на примере Красноярск) // Врач. Т. 33. № 12. С. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.29296/25877305-2022-12-04>

Костюченко, Ю. Р., Потупчик, Т. В., Эверт, Л. С., Паничева, Е. С. (2023) Скелетно-мышечные боли у подростков с рецидивирующей цефалгией: возрастно-половые особенности, лечение и профилактика // Врач. Т. 34. № 11. С. 67–74.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Любов, Е. Б., Палаева, Р. И. (2018) «Молодые» суициды и интернет: хороший, плохой, злой // Суицидология. Т. 9. № 2. С. 72–81.

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Сергеев, А. В., Екушева, Е. В. (2019) Боль в спине у детей и подростков // РМЖ. Т. 27. № 9. С. 28–32.

Эверт, Л. С., Потупчик, Т. В., Костюченко, Ю. Р. (2021) Рецидивирующие боли в спине у подростков с разными видами онлайн-поведения // Врач. Т. 32. № 5. С. 74–80. DOI: <https://doi.org/10.29296/25877305-2021-05-14>

Эверт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Психосоматическая коморбидность у подростков Красноярск с различными видами онлайн-поведения // Профилактическая медицина. Т. 23. № 2. С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20202302178>

Arca, M., Oğuzöncül, A. F. (2024) Frequency of internet addiction and impact on the musculoskeletal system in high school students // Current Psychology. Vol. 43. P. 11559–11568. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-023-05271-z>

Avila, G. B., Dos Santos, E. N., Jansen, K., Barros, F. C. (2020) Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: prevalence and associated factors // *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*. Vol. 42. № 4. P. 302–310. DOI: <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2019-0098>

Azevedo, N., Ribeiro, J. C., Machado, L. (2023) Back pain in children and adolescents: a cross-sectional study // *European Spine Journal*. Vol. 32. № 9. P. 3280–3289. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00586-023-07751-z>

Aziz, M., Chemnad, K., Al-Harashseh, S., Abdelmoneium, A. O., Bagdady, A., Hassan, D. A., Ali, R. (2024) The influence of adolescents essential and non-essential use of technology and Internet addiction on their physical and mental fatigues // *Scientific Reports*. Vol. 14, P. 1745. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-51655-x>

Aziz, N., Nordin, M. J., Abdulkadir, S. J., Salih, M. M. M. (2021) Digital Addiction: Systematic Review of Computer Game Addiction Impact on Adolescent Physical Health // *Electronics*. Vol. 10. № 9. P. 996. DOI: <https://doi.org/10.3390/electronics10090996>

Balagué, F., Troussier, B., Salminen, J. J. (1999) Non-specific low back pain in children and adolescents: risk factors // *European Spine Journal*. Vol. 8. № 6. P. 429–438. DOI: <https://doi.org/10.1007/s005860050201>

Bento, T. P. F., Cornelio, G. P., Perrucini, P. O., Simeão, S. F., Conti, M. H., de Vitta, A. (2020) Low back pain in adolescents and association with sociodemographic factors, electronic devices, physical activity and mental health // *The Journal of Pediatrics*. Vol. 96. Issue 6. P. 717–724. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2019.07.008>

Becirovic, E., Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence – Pandemic Knocking Door // *Psychiatr Danub*. Vol. 32. № 3. P. 382–385.

Bohman, H., Laftman, S. B., Cleland, N. (2018) Somatic symptoms in adolescence as a predictor of severe mental illness in adulthood: a long-term community-based follow-up study // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. № 12. P. 42. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13034-018-0245-0>

Bozzola, E., Spina, G., Agostiniani, R., Barni, S., Russo, R., Scarpato, E., Di Mauro, A., Di Stefano, A. V., Caruso, C., Corsello, G., Staiano, A. (2022) The Use of Social Media in Children and Adolescents: Scoping Review on the Potential Risks // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. № 16. P. 9960. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19169960>

Burton, C., Fink, P., Henningsen, P., Löwe, B., Winfried Rief on behalf of the EURONET-SOMA Group (2020) Functional somatic disorders: discussion paper for a new common classification for research and clinical use // *BMC Medicine*. Vol. 18. № 1. Article 34. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12916-020-1505-4>

Cankurtaran, F., Menevşe, Ö., Namlı, A., Kızıltoprak, H. Ş., Altay, S., Duran, M., Demir, E. B., Şahan, A. A., Ekşi, C. (2022) The impact of digital game addiction on musculoskeletal system of secondary school children // *Nigerian Journal of Clinical Practice*. Vol. 25. № 2. P. 153–159. DOI: https://doi.org/10.4103/njcp.njcp_177_20

Cerutti, R., Presaghi, F., Spensieri, V., Valastro, C., Guidetti, V. (2016) The Potential Impact of Internet and Mobile Use on Headache and Other Somatic Symptoms in Adolescence. A Population-Based Cross-Sectional Study // *Headache*. Vol. 56. № 7. P. 1161–70. DOI: <https://doi.org/10.1111/head.12840>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // *Chinese Journal of Psychology*. Vol. 45. No. 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 13. № 3. P. 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Franz, C., Moller, N. C., Korsholm, L., Jespersen, E., Hebert, J. J., Wedderkopp, N. (2017) Physical activity is prospectively associated with spinal pain in children (CHAMPS Study-DK) // *Scientific Reports*. Vol. 7. № 1. Article 11598. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-11762-4>

Frosch, M., Mauritz, M. D., Bielack, S., Blödt, S., Dirksen, U., Dobe, M., Geiger, F., Häfner, R., Höfel, L., Hübner-Möhler, B., von Kalle, T., Lawrenz, B., Leutner, A., Mecher, F., Mladenov, K., Norda, H., Stahlschmidt, L., Steinborn, M., Stücker, R., Trauzeddel, R., Trollmann, R., Wager, J., Zernikow, B. (2022) Etiology, Risk Factors, and Diagnosis of Back Pain in Children and Adolescents: Evidence- and Consensus-Based Interdisciplinary Recommendations // *Children*. Vol. 9. № 2. Article 192. DOI: <https://doi.org/10.3390/children9020192>

Hebert, J. J., Leboeuf-Yde, C., Franz, C., Lardon, A., Hestbæk, L., Manson, N., Wedderkopp, N. (2019) Pubertal development and growth are prospectively associated with spinal pain in young people (CHAMPS study-DK) // *European Spine Journal*. Vol. 28. № 7. P. 1565–1571.

In, T.-S., Jung, J.-H., Jung, K.-S., Cho, H.-Y. (2021) Spinal and Pelvic Alignment of Sitting Posture Associated with Smartphone Use in Adolescents with Low Back Pain // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. P. 8369. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18168369>

Kim, H. J., Green, D. W. (2008) Adolescent back pain // *Current Opinion in Pediatrics*. Vol. 20. Article 37. DOI: <https://doi.org/10.1097/MOP.0b013e3282f357fe>

Kwon, M., Kim, D. J., Cho, H., Yang, S. (2013) The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents // *PLoS One*. Vol. 8. Article e83558. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>

Lee, G., Ham, O. K. (2018) Behavioral and psychosocial factors associated with suicidal ideation among adolescents // *Nursing and Health Sciences*. Vol. 20. № 3. P. 394–401. DOI: <https://doi.org/10.1111/nhs.12422>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M., Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // *Journal of Media Psychology*. Vol. 12. № 1. P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Mari, E., Biondi, S., Varchetta, M., Cricenti, C. (2023) Gender differences in internet addiction: A study on variables related to its possible development // *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2022.100247>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction // *Journal of Clinical Psychiatry*. Vol. 78. № 3. P. e244–e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

O'Sullivan, P., Smith, A., Beales, D., Straker, L. (2017) Understanding Adolescent Low Back Pain From a Multidimensional Perspective: Implications for Management // *Journal of Orthopaedic & Sports Physical Therapy*. Vol. 47. № 10. P. 741–751. DOI: <https://doi.org/10.2519/jospt.2017.7376>

Queiroz, L. B., Lourenço, B., Silva, L. E. V., Lourenço, D. M. R., Silva, C.A. (2018) Musculoskeletal pain and musculoskeletal syndromes in adolescents are related to electronic devices // *Jornal de Pediatria*. Vol. 94. № 6. P. 673–679. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jpmed.2017.09.006>

Roy, R., Galán, S., Sánchez-Rodríguez, E., Racine, M., Solé, E., Jensen, M. P., Miró, J. (2022) Cross-National Trends of Chronic Back Pain in Adolescents: Results From the HBSC Study, 2001–2014 // *Journal of Pain*. Vol. 23. № 1. P. 123–130.

Santos, E. d. S., Bernardes, J. M., Vianna, L. S., Ruiz-Frutos, C., Gómez-Salgado, J., Alonso, M. S., Noll, M., Dias, A. (2023) The Impact of Low Back Pain on the Quality of Life of Children between 6 and 12 Years of Age // *Healthcare*. Vol. 11. Article 948. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare11070948>

Shan, Z, Deng, G, Li, J, Li, Y, Zhang, Y, Zhao, Q (2013) Correlational Analysis of neck/shoulder Pain and Low Back Pain with the Use of Digital Products, Physical Activity and Psychological Status among Adolescents in Shanghai // *PLoS ONE*. Vol. 10. № 8. Article e78109. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078109>

Soulioti, E., Stavropoulos, V., Christidi, S., Papastefanou, Y., Roussos, P. (2018) The relationship of internet addiction with anxiety and depressive symptomatology // *Psychiatriki*. Vol. 29. № 2. P. 160–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.22365/jpsych.2018.292.160>

Straker, L., Harris, C., Joosten, J., Howie, E. K. (2018) Mobile technology dominates school children's IT use in an advantaged school community and is associated with musculoskeletal and visual symptoms // *Ergonomics*. Vol. 61. № 5. P. 658–669. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00140139.2017.1401671>

Svensson, R., Johnson, B., Olsson, A. (2022) Does gender matter? The association between different digital media activities and adolescent well-being // *BMC Public Health*. Vol. 22. № 1. P. 273. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-12670-7>

Sundell, C-G., Bergström, E., Larsén, K. (2019) Low back pain and associated disability in Swedish adolescents // *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. Vol. 29. P. 393–399.

Tan, Y., Chen, Y., Lu, Y., Li, L. (2016) Exploring associations between problematic internet use, depressive symptoms and sleep disturbance among southern chinese adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 13. № 3. Article 313. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph13030313>

Tsang, S. M. H., Cheing, G. L. Y., Lam, A. K. C., Siu, A. M. H., Pang, P. C. K., Yip, K. C., Chan, J. W. K., Jensen, M. P. (2023) Excessive use of electronic devices among children and adolescents is associated with musculoskeletal symptoms, visual symptoms, psychosocial health, and quality of life: a cross-sectional study // *Frontiers in Public Health*. Vol. 11. Article 1178769. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fpubh.2023.1178769>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. (2016). The Social Media Disorder Scale // *Computers in Human Behavior*. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wang, R., Yang, S., Yan, Y., Tian, Y., Wang, P. (2021) Internet gaming disorder in early adolescents: gender and depression differences in a latent growth model // *Healthcare*. Vol. 9. № 9. Article 1188. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare9091188>

Wang, R., Yin, Y., Zhang, H., Pan, L., Zhu, Y., Wang, M., Huang, Z., Wang, W., Deng, G. (2023) Risk factors associated with the prevalence of neck and shoulder pain among high school students: a cross-sectional survey in China // *BMC Musculoskeletal Disorders*. Vol. 24. № 1. Article 641. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12891-023-06656-8>

Xie, Y., Szeto, G., Dai, J. (2017) Prevalence and risk factors associated with musculoskeletal complaints among users of mobile handheld devices: a systematic review // *Applied Ergonomics*. Vol. 59. P. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apergo.2016.08.020>

Yang, G., Cao, J., Li, Y., Cheng, P., Liu, B., Hao, Z., Yao, H., Shi, D., Peng, L., Guo, L., Ren, Z. (2019) Association Between Internet Addiction and the Risk of Musculoskeletal Pain in Chinese College Freshmen – A Cross-Sectional Study // *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. Article 1959. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01959>

Zhang, F., Zhang, T., Xiong, J., Chen, J. (2017) Gender differences in cluster pattern of health-risk behaviors among rural middle school students in Tujia-Miao Autonomous Prefecture of Xiangxi // *Wei Sheng Yan Jiu*. Vol. 46. № 5. P. 767-771.

Zhou, M., Zhu, W., Sun, X., Huang, L. (2022) Internet addiction and child physical and mental health: Evidence from panel dataset in China // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 309. P. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.04.115>

Xue, Y., Xue, B., Zheng, X., Shi, L., Liang, P., Xiao, S., Dong, F., Zhang, J., Chen, Y., Liu, Y., Qin, Z., Zhang, C. (2023) Associations between internet addiction and psychological problems among adolescents: description and possible explanations // *Frontiers in Psychology*. № 14. Article 1097331. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1097331>

Дата поступления: 24.04.2024 г.

Дата принятия: 25.04.2024 г.

REFERENCES

Vertkin, A. L., Karateev, A. E., Kukushkin, M. L., Parfenov, V. A., Iakhno, N. N., Knorring, G. Iu. and Martynov, A. I. (2018) Curation of patients with back pain for physicians and general practitioners (Clinical recommendations). *Therapy*, vol. 2, no. 20, pp. 8–17. [online] Available at: <https://therapy-journal.ru/ru/archive/article/36103> (access date: 17.01.2024). (In Russ.).

Egorov, A. Iu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Vantei, V. B., Gromyko, D. I., Dolgikh, N. V., Erofeeva, N. A., Pozdniak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. A., Magomedova, E. A., Nechaeva, A. I., Pashkevich, N. V., Semenova, Iu. V., Sidorov, A. A., Khanykov, V. V., Kibitov, A. A., Krupitskii, E. M., Shmukler, A. B. and Kibitov, A. O. (2020) Clinical and psychological features of people with internet dependence: experience of a pilot study. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169-179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kostiuchenko, Iu. R., Potupchik, T. V., Evert, L. S. Dubrovskii, Iu. A., Usol'tseva, E. I. and Loseva, N. I. (2022) Functional somatic disorders in adolescents with various online behavior (on the example of the city of Krasnoyarsk). *Vrach*, vol. 33, no. 12, pp. 21–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29296/25877305-2022-12-04>

Kostiuchenko, Iu. R., Potupchik, T. V., Evert, L. S. and Panicheva, E. S. (2023) Musculoskeletal pain in adolescents with recurrent cephalgia: age and sex features, treatment and prevention. *Vrach*, vol. 34, no. 11, pp. 67–74. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Liubov, E. B. and Palaeva, R. I. (2018) Suicides of youth and internet: the good, the bad and the ugly. *Suicidology*, vol. 9, no. 2, pp. 72–81. (In Russ.).

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of internet-addiction among adolescents of central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

- Sergeev, A. V. and Ekusheva, E. V. (2019) Back pain in children and adolescents. *RMJ*, vol. 27, no. 9, pp. 28–32. (In Russ.).
- Evert, L. S., Potupchik, T. V. and Kostiuchenko, Iu. R. (2021) Recurrent back pain in adolescents with different types of online behavior. *Vrach*, vol. 32, no. 5, pp. 74–80. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29296/25877305-2021-05-14>
- Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>
- Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Psychosomatic comorbidity in Krasnoyarsk adolescents with various types of online behavior. *Russian Journal of Preventive Medicine*, vol. 23, no. 2, pp. 78–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20202302178>
- Arca, M. and Oğuzöncül, A. F. (2024) Frequency of internet addiction and impact on the musculoskeletal system in high school students. *Current Psychology*, vol. 43, pp. 11559–11568. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-023-05271-z>
- Avila, G. B., Dos Santos, E. N., Jansen, K. and Barros, F. C. (2020) Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: prevalence and associated factors. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, vol. 42, no. 4, pp. 302–310. DOI: <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2019-0098>
- Azevedo, N., Ribeiro, J. C. and Machado, L. (2023) Back pain in children and adolescents: a cross-sectional study. *European Spine Journal*, vol. 32, no. 9, pp. 3280–3289. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00586-023-07751-z>
- Aziz, M., Chemnad, K., Al-Harashseh, S., Abdelmoneium, A. O., Bagdady, A., Hassan, D. A. and Ali, R. (2024) The influence of adolescents essential and non-essential use of technology and Internet addiction on their physical and mental fatigues. *Scientific Reports*, vol. 14, article 1745. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-51655-x>
- Aziz, N., Nordin, M. J., Abdulkadir, S. J. and Salih, M. M. M. (2021) Digital Addiction: Systematic Review of Computer Game Addiction Impact on Adolescent Physical Health. *Electronics*, vol. 10, no. 9, article 996. DOI: <https://doi.org/10.3390/electronics10090996>
- Balagué, F., Troussier, B. and Salminen, J. J. (1999) Non-specific low back pain in children and adolescents: risk factors. *European Spine Journal*, vol. 8, no. 6, pp. 429–438. DOI: <https://doi.org/10.1007/s005860050201>
- Bento, T. P. F., Cornelio, G. P., Perrucini, P. O., Simeão, S. F., Conti, M. H. and de Vitta, A. (2020) Low back pain in adolescents and association with sociodemographic factors, electronic devices, physical activity and mental health. *The Journal of Pediatrics*, vol. 96, issue 6, pp. 717–724. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2019.07.008>
- Besirovis, E. and Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door. *Psychiatr Danub*, vol. 32, no. 3, pp. 382–385.
- Bohman, H., Laftman, S. B. and Cleland, N. (2018) Somatic symptoms in adolescence as a predictor of severe mental illness in adulthood: a long-term community-based follow-up study. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, no. 12, article 42. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13034-018-0245-0>
- Bozzola, E., Spina, G., Agostiniani, R., Barni, S., Russo, R., Scarpato, E., Di Mauro, A., Di Stefano, A. V., Caruso, C., Corsello, G. and Staiano, A. (2022) The Use of Social Media in Children and Adolescents: Scoping Review on the Potential Risks. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 16, article 9960. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19169960>
- Burton, C., Fink, R., Henningsen, R., Löwe, B. and Winfried Rief on behalf of the EURONET-SOMA Group (2020) Functional somatic disorders: discussion paper for a new common classification for research and clinical use. *BMC Medicine*, vol. 18, no. 1, article 34. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12916-020-1505-4>
- Cankurtaran, F., Menevşe, Ö., Namlı, A., Kızıltoprak, H. Ş., Altay, S., Duran, M., Demir, E. B., Şahan, A. A. and Ekşi, C. (2022) The impact of digital game addiction on musculoskeletal system of secondary school children. *Nigerian Journal of Clinical Practice*, vol. 25, no. 2, pp. 153–159. DOI: https://doi.org/10.4103/njcp.njcp_177_20
- Cerutti, R., Presaghi, F., Spensieri, V., Valastro, C. and Guidetti, V. (2016) The Potential Impact of Internet and Mobile Use on Headache and Other Somatic Symptoms in Adolescence. A Population-Based Cross-Sectional Study. *Headache*, vol. 56, no. 7, pp. 1161–70. DOI: <https://doi.org/10.1111/head.12840>
- Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>
- Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M. and Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Franz, C., Moller, N. C., Korsholm, L., Jespersen, E., Hebert, J. J. and Wedderkopp, N. (2017) Physical activity is prospectively associated with spinal pain in children (CHAMPS Study-DK). *Scientific Reports*, vol. 7, no. 1, article 11598. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-11762-4>

Frosch, M., Mauritz, M. D., Bielack, S., Blödt, S., Dirksen, U., Dobe, M., Geiger, F., Häfner, R., Höfel, L., Hübner-Möhler, B., von Kalle, T., Lawrenz, B., Leutner, A., Mecher, F., Mladenov, K., Norda, H., Stahlschmidt, L., Steinborn, M., Stücker, R., Trauzeddel, R., Trollmann, R., Wager, J. and Zernikow, B. (2022) Etiology, Risk Factors, and Diagnosis of Back Pain in Children and Adolescents: Evidence- and Consensus-Based Interdisciplinary Recommendations. *Children*, vol. 9, no. 2, article 192. DOI: <https://doi.org/10.3390/children9020192>

Hebert, J. J., Leboeuf-Yde, C., Franz, C., Lardon, A., Hestbæk, L., Manson, N. and Wedderkopp, N. (2019) Pubertal development and growth are prospectively associated with spinal pain in young people (CHAMPS study-DK). *European Spine Journal*, vol. 28, no. 7, pp. 1565–1571.

In, T.-S., Jung, J.-H., Jung, K.-S. and Cho, H.-Y. (2021) Spinal and Pelvic Alignment of Sitting Posture Associated with Smartphone Use in Adolescents with Low Back Pain. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, article 8369. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18168369>

Kim, H. J. and Green, D. W. (2008) Adolescent back pain. *Current Opinion in Pediatrics*, vol. 20, article 37. DOI: <https://doi.org/10.1097/MOP.0b013e3282f357fe>

Kwon, M., Kim, D. J., Cho, H. and Yang, S. (2013) The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents. *PLoS One*, vol. 8, article e83558. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>

Lee, G. and Ham, O. K. (2018) Behavioral and psychosocial factors associated with suicidal ideation among adolescents. *Nursing and Health Sciences*, vol. 20, no. 3, pp. 394–401. DOI: <https://doi.org/10.1111/nhs.12422>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. and Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. *Journal of Media Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Mari, E., Biondi, S., Varchetta, M. and Cricenti, C. (2023) Gender differences in internet addiction: A study on variables related to its possible development. *Computers in Human Behavior Reports*, vol. 9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2022.100247>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giral, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, no. 3, article e244-e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

O'Sullivan, P., Smith, A., Beales, D. and Straker, L. (2017) Understanding Adolescent Low Back Pain From a Multi-dimensional Perspective: Implications for Management. *Journal of Orthopaedic & Sports Physical Therapy*, vol. 47, no. 10, pp. 741–751. DOI: <https://doi.org/10.2519/jospt.2017.7376>

Queiroz, L. B., Lourenço, B., Silva, L. E. V., Lourenço, D. M. R. and Silva, C.A. (2018) Musculoskeletal pain and musculoskeletal syndromes in adolescents are related to electronic devices. *Jornal de Pediatria*, vol. 94, no. 6, pp. 673–679. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jpmed.2017.09.006>

Roy, R., Galán, S., Sánchez-Rodríguez, E., Racine, M., Solé, E., Jensen, M. P. and Miró, J. (2022) Cross-National Trends of Chronic Back Pain in Adolescents: Results From the HBSC Study, 2001–2014. *Journal of Pain*, vol. 23, no. 1, pp. 123–130.

Santos, E. d. S., Bernardes, J. M., Vianna, L. S., Ruiz-Frutos, C., Gómez-Salgado, J., Alonso, M. S., Noll, M. and Dias, A. (2023) The Impact of Low Back Pain on the Quality of Life of Children between 6 and 12 Years of Age. *Healthcare*, vol. 11, article 948. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare11070948>

Shan, Z., Deng, G., Li, J., Li, Y., Zhang, Y., Zhao, Q. (2013) Correlational Analysis of neck/shoulder Pain and Low Back Pain with the Use of Digital Products, Physical Activity and Psychological Status among Adolescents in Shanghai. *PLoS ONE*, vol. 10, no. 8, article e78109. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078109>

Soulioti, E., Stavropoulos, V., Christidi, S., Papastefanou, Y. and Roussos, P. (2018) The relationship of internet addiction with anxiety and depressive symptomatology. *Psychiatriki*, vol. 29, no. 2, pp. 160–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.22365/jpsych.2018.292.160>

Straker, L., Harris, C., Joosten, J. and Howie, E. K. (2018) Mobile technology dominates school children's IT use in an advantaged school community and is associated with musculoskeletal and visual symptoms. *Ergonomics*, vol. 61, no. 5, pp. 658–669. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00140139.2017.1401671>

Svensson, R., Johnson, B. and Olsson, A. (2022) Does gender matter? The association between different digital media activities and adolescent well-being. *BMC Public Health*, vol. 22, no. 1, pp 273. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-12670-7>

Sundell, C.-G., Bergström, E. and Larsén, K. (2019) Low back pain and associated disability in Swedish adolescents. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*, vol. 29, pp. 393–399.

Tan, Y., Chen, Y., Lu, Y. and Li, L. (2016) Exploring associations between problematic internet use, depressive symptoms and sleep disturbance among southern chinese adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, article 313. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph13030313>

Tsang, S. M. H., Cheing, G. L. Y., Lam, A. K. C., Siu, A. M. H., Pang, P. C. K., Yip, K. C., Chan, J. W. K. and Jensen, M. P. (2023) Excessive use of electronic devices among children and adolescents is associated with musculoskeletal symptoms, visual symptoms, psychosocial health, and quality of life: a cross-sectional study. *Frontiers in Public Health*, vol. 11, article 1178769. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fpubh.2023.1178769>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S. and Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wang, R., Yang, S., Yan, Y., Tian, Y. and Wang, P. (2021) Internet gaming disorder in early adolescents: gender and depression differences in a latent growth model. *Healthcare*, vol. 9, no. 9, article 1188. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare9091188>

Wang, R., Yin, Y., Zhang, H., Pan, L., Zhu, Y., Wang, M., Huang, Z., Wang, W. and Deng, G. (2023) Risk factors associated with the prevalence of neck and shoulder pain among high school students: a cross-sectional survey in China. *BMC Musculoskeletal Disorders*, vol. 24, no. 1, article 641. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12891-023-06656-8>

Xie, Y., Szeto, G. and Dai, J. (2017) Prevalence and risk factors associated with musculoskeletal complaints among users of mobile handheld devices: a systematic review. *Applied Ergonomics*, vol. 59, pp. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apergo.2016.08.020>

Yang, G., Cao, J., Li, Y., Cheng, P., Liu, B., Hao, Z., Yao, H., Shi, D., Peng, L., Guo, L. and Ren, Z. (2019) Association Between Internet Addiction and the Risk of Musculoskeletal Pain in Chinese College Freshmen – A Cross-Sectional Study. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 1959. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01959>

Zhang, F., Zhang, T., Xiong, J. and Chen, J. (2017) Gender differences in cluster pattern of health-risk behaviors among rural middle school students in Tujia-Miao Autonomous Prefecture of Xiangxi. *Wei Sheng Yan Jiu*, vol. 46, no. 5, pp. 767–771.

Zhou, M., Zhu, W., Sun, X. and Huang, L. (2022) Internet addiction and child physical and mental health: Evidence from panel dataset in China. *Journal of Affective Disorders*, vol. 309, pp. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.04.115>

Khue, Y., Xue, B., Zheng, X., Shi, L., Liang, P., Xiao, S., Dong, F., Zhang, J., Chen, Y., Liu, Y., Qin, Z. and Zhang, C. (2023) Associations between internet addiction and psychological problems among adolescents: description and possible explanations. *Frontiers in Psychology*, no. 14, article 1097331. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1097331>

Submitted date: 24.04.2024.

Acceptance date: 25.04.2024.

Интернет-зависимость у лиц подростково-юношеского возраста (обзор литературы)

Татьяна В. Потупчик

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого,
Российская Федерация,

Анна В. Мантикова

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова Российская Федерация,

Людмила В. Лаптева

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера —
обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация,

Ольга В. Чудинова

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова Российская Федерация

В статье представлен систематический обзор и анализ литературы, освещающей основные аспекты формирования интернет-зависимого поведения у лиц подростково-юношеского возраста. Рассмотрены российские и зарубежные публикации, включающие результаты исследований распространенности интернет-зависимости (ИЗ) 2010–2023 гг., оценки ее влияния на соматическое и нервно-психическое здоровье интернет-пользователей. Особое внимание в работе уделено эпидемиологическим, клинико-функциональным и нейробиологическим аспектам интернет-зависимого поведения в подростково-юношеских популяциях, влиянию данного вида расстройства и его специфических форм (зависимости от компьютерных игр, социальных сетей, смартфона) на соматическое и нервно-психическое здоровье интернет-зависимых пользователей.

Констатирован значительный рост неконтролируемого пользования интернетом среди подростков и молодежи многих стран (особенно в период пандемии COVID-19), подчеркнута значимость ИЗ среди подростково-молодежных популяций как актуальной медико-социальной и психолого-педагогической проблемы. Продемонстрирована значительная вариабельность общей распространенности ИЗ в различных странах/регионах и ее взаимосвязь с возрастом, полом и этнической принадлежностью обследованных контингентов. Установлен факт изучения в большинстве исследований общей (генерализованной) ИЗ, без выделения ее специфических форм, что диктует необходимость детализации структуры ИЗ и определения влияния отдельных ее компонентов на здоровье молодых пользователей сети интернет. Отмечена малочисленность исследований распространенности ИЗ у подростков и молодежи городской и сельской местности, недостаточность внимания к этническим аспектам ИЗ, крайняя малочисленность исследований ИЗ в национальных республиках Российской Федерации.

Подчеркнута относительная малочисленность и фрагментарность исследований по выявлению факторов риска ИЗ, определению информативной значимости и величине вклада большого числа показателей (медико-биологических, клинико-функциональных, метаболических и психосоциальных), как высоковероятных предикторов интернет-зависимого поведения. Сделан вывод о необходимости разработки единых методологических подходов при изучении эпидемиологических аспектов ИЗ, важности использования информативных международно-признанных тестовых опросников.

Ключевые слова: подростково-юношеский возраст; Интернет; онлайн-поведение; зависимость; обзор

Для цитирования:

Потупчик Т. В., Мантикова А. В., Лаптева Л. В., Чудинова О. В. Интернет-зависимость у лиц подростково-юношеского возраста (обзор литературы) // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 103-118. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.6>

Потупчик Татьяна Витальевна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры фармакологии и клинической фармакологии с курсом постдипломного образования Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. Эл. адрес: potupchik_tatyana@mail.ru

Мантикова Анна Владимировна — преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92. Эл. адрес: psychologistmantika@gmail.com

Лаптева Людмила Владимировна — ведущий научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: prale201217@gmail.com

Чудинова Ольга Владимировна — кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры, заведующая кафедрой общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: chudinova_olga@mail.ru

Internet addiction in adolescents (literature review)

Tatiana V. Potupchik

Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation,

Anna V. Mantikova

Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Lyudmila V. Lapteva

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center

“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Russian Federation,

Olga V. Chudinova

Katanov Khakass State University, Russian Federation

The article provides a systematic review and analysis of literature on the main aspects of Internet-dependent behavior among adolescents. It considers both Russian and foreign publications, including research on the prevalence of Internet addiction (IA) from 2010 to 2023 and its impact on somatic and neuropsychiatric health. Special attention is given to the epidemiological, clinical, functional, and neurobiological aspects of Internet-dependent behavior among adolescents, as well as the impact of this disorder and its specific manifestations (such as dependence on computer games, social media, and smartphones) on the physical and mental health of Internet users.

A significant increase in unregulated Internet use among adolescents and young people in many countries has been noted, especially during the COVID-19 pandemic. This has led to an emphasis on the importance of Internet use among these populations as a significant medical, social, psychological, and pedagogical issue.

Significant variability in the prevalence of IA has been observed across different countries and regions, as well as its relationship with the age, gender, and ethnicity of those surveyed. Most studies have focused on the general IA, without distinguishing between specific forms. This highlights the need for a more detailed understanding of IA's structure and the impact of its components on young Internet users' health. The lack of studies on the prevalence of IA among adolescents and young people in urban and rural areas, as well as insufficient attention to its ethnic aspects and the extremely limited number of studies on IA in the national republics of the Russian Federation, were noted.

The relative lack and fragmented nature of research on identifying risk factors, determining the informational significance and contribution of a wide range of indicators (biomedical, clinical-functional, metabolic, and psychosocial), as highly probable predictors of Internet-dependent behavior, is emphasized. It is concluded that there is a need to develop unified methodological approaches to studying the epidemiological aspects of this condition, and the importance of using internationally recognized informative test questionnaires is highlighted.

Keywords: adolescence; Internet; online behavior; addiction; review

For citation:

Potupchik T. V., Mantikova A. V., Lapteva L. V. and Chudinova O. V. Internet addiction in adolescents (literature review). *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 103-118. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.6>

POTUPCHIK, Tatyana Vitalievna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor; Department of Pharmacology and Clinical Pharmacology with a course of postgraduate education; Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University. Postal address: 1 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. E-mail: potupchik_tatyana@mail.ru

MANTIKOVA, Anna Vladimirovna, Lecturer, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, Katanov Khakass State University. Postal address: 92 Lenina St., 655017, Abakan, Russian Federation. E-mail: psychologistmantika@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6429-228X

LAPTEVA, Lyudmila Vladimirovna, Leading researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: prale201217@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0898-7201

CHUDINOVA, Olga Vladimirovna, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenina Av., 655017, Russia, Abakan. E-mail: chudinova_olga@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2659-1593

Введение

Подростковый возраст — это критический период развития коры головного мозга, который определяется характерными формами поведения, включающими высокий уровень принятия риска, исследования, поиск новизны и сенсаций, социальное взаимодействие и игровое поведение¹. В настоящее время на жизнь подростков все большее влияние оказывает Интернет. Хотя в нем много положительных сторон, существуют также риски, связанные с чрезмерным употреблением и зависимостью. По определению английского психолога М. Гриффитса «интернет-зависимость — это нехимическая поведенческая зависимость, которая включает в себя взаимодействие человек-машина (компьютер-интернет)» (Griffiths, 2000: 211).

Важно своевременно распознавать клинические признаки и симптомы интернет-зависимости (ИЗ) и ее неблагоприятные последствия (Jorgenson, Hsiao, Yen, 2016). Из-за специфической пластичности нейронов в подростковом возрасте интернет-зависимость (ИЗ) представляет риск для психического здоровья молодежи и может привести к негативным последствиям в повседневной жизни. Учеными обсуждается замедленное развитие идентичности подростков, их представления о себе и адаптивных социальных отношениях: подростки с ИА часто страдают от потери контроля, чувства гнева, симптомов дистресса, социальной замкнутости и семейных конфликтов (Cerniglia et al., 2017).

Все большее внимание в мире уделяется значительно возросшему уровню ИЗ именно среди подростков (Kuss, Lopez-Fernandez, 2016). Многие авторы считают, что ИЗ среди подростков и молодежи — актуальная медико-социальная и психолого-педагогическая проблема, требующая неотложного решения (Moawad, Ebrahim, 2016; Pednekar, Tung, 2017; Schneider, King, Delfabbro, 2017; Егоров и др., 2020).

В связи с этим, целью нашего исследования было проведение обзора российской и зарубежной литературы по изучению распространенности ИЗ, ее влияния на здоровье и проведенным исследованиям нейротрофического фактора головного мозга (англ. *brain-derived neurotrophic factor*, BDNF) при ИЗ у подростков и лиц молодого возраста.

Для достижения цели был проведен систематический поиск в базах данных: CyberLeninka, eLibrary, PubMed, Cochrane library, SAGE Premier, Springer, Wiley Journals, Airiti за последние 10 лет (2013–2023 гг.)

Распространенность интернет-зависимости в мире

В большинстве исследований проводилось изучение общей (генерализованной) ИЗ или патологического пользования Интернетом (ППИ), без выделения специфических форм ППИ, к которым относятся: проблемное использование компьютерных игр (или игровая ИЗ), проблемное использование социальных сетей (или зависимость от социальных сетей), проблемное использование смартфона (зависимость от смартфона), а также смешанная форма ППИ. Изучение ИЗ проводилось в различных странах, а внутри стран — в различных регионах.

Исследования с использованием диагностического опросника Young для выявления ИЗ, проведенные в 11 странах Евросоюза более 10 лет назад среди подростков, показали, что общая распространенность ИЗ составляла 4,4% и варьировала в зависимости от страны и пола (Durkee et al., 2012).

По данным межнациональных исследований, распространенность ИЗ у подростков европейских стран составляла от 4,4% в Италии, 5,1% — в Германии, 7,2% — в Испании, 8,7% — в Румынии, до 11,5% — в Эстонии (Kaess et al., 2014).

Исследования, проведенные с начала пандемии COVID-19, показали значительный рост проблемного использования компьютерных игр и социальных сетей, что связано с длительным периодом изоляции людей, связанным с пандемией. Средняя распространенность ИЗ, по данным немецких исследователей, составила 43,7% (Paulus et al., 2022).

Последние данные, представленные в систематическом обзоре с участием респондентов из 32 стран, показывают высокую этногеографическую гетерогенность распространенности ИЗ в пределах 5–26% (Cheng et al., 2021).

¹ Завалишина О. В., Загуменных Н. А., Постоева Е. Н. Интернет-аддикция — одна из актуальных проблем современности // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 105. С. 226–235.

Уровень распространенности ИЗ в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (2014) составлял — 6,2% в Японии, 9,7% в Южной Корее, 14,1% в Малайзии, 16,4% в Гонконге и 21,1% на Филиппинах (Mak et al., 2014), 21,2% во Вьетнаме (Tran et al., 2017), среди китайских студентов — оценивался как 15,2–21,3% (Chi, Lin, Zhang, 2016; Long et al. 2016).

Проведенный систематический обзор и мета-анализ распространенности ИЗ среди студентов колледжей азиатских стран показал, что общая распространенность ИЗ среди азиатских студентов колледжей составила 24,3% (95% доверительный интервал (ДИ): 19,8–29,5%) (Duc et al., 2024).

Был проведен систематический обзор и метаанализ распространенности ИА в африканских странах, в которых приняли участие 13 365 чел. из Египта, Эфиопии, Марокко, Нигерии, Южной Африки, Танзании и Туниса в период с 2013 по 2021 г. Средний возраст участников варьировался от 14,8 до 26,1 лет. Общий показатель распространенности ИА составил 40,3% (95% ДИ: 32,2–48,7%). Общая распространенность в Северной Африке составила 44,6% (95% ДИ: 32,9–56,7%), что значительно выше, чем распространенность в странах Африки к югу от Сахары, которая составила 31,0% (95% ДИ: 25,2–37,1%) (Endomba et al., 2022).

Дифференцированной оценке структуры ИЗ уделять внимание стали несколько позже (Effat et al., 2019; Семенова и др., 2022). Данные распространенности зависимости от социальных сетей, полученные авторами опросника Social Media Disorder Scale (SMDS), составили у подростков Нидерландов 7,3–11,6%, у финских подростков — 9,4% (Paakkari et al., 2021).

Оценка уровня проблемного использования Интернета среди выборки египетских подростков показала: 42,3% студентов страдали легкой ИЗ, 35,1% — умеренной ИЗ и 3,6% — тяжелой ИЗ. У 34,3% отмечалось проблемное использование социальных сетей (Duc et al., 2024).

В 2020 г. был проведен мета-регрессионный анализ, данные которого показали, что общая распространенность интернет-зависимости и игровых расстройств в 7 из 11 стран Юго-Восточной Азии составила 20,0% (95% ДИ: 14,5–27,0%) и 10,1% (95% ДИ: 7,3–13,8%) соответственно (Chia et al., 2020).

Во многих исследованиях одновременно с анализом общей распространенности генерализованной ИЗ в группах, анализировалась ее частота в группах, различающихся по возрасту, полу, этнической принадлежности. Проведенные исследования выявили распространенность ИЗ среди подростков в Германии до 20%. Были выявлены два пика в показателях распространенности, указывающих на самый высокий риск ИЗ в возрастных группах 15–16 и 19–21 год (Lindenberg et al., 2018). Проведенное исследование среди школьников в возрасте 14–18 лет в Сербии (2015), показало, что распространенность ИЗ составила 18,7% (Nikolić et al., 2015). ИЗ была выявлена у 19,1% венгерских старшеклассников (Karus et al., 2021).

Аналитическое и поперечное исследование было проведено в Испании. Выборка включала 1285 участников в возрасте 11–18 лет. Исследователи выделяли четыре профиля использования Интернета (использование без проблем, регулятор настроения, проблемное использование Интернета и серьезное проблемное использование). Распространенность последних двух профилей составила 18,5% и 4,9% соответственно (Machimbarrena et al., 2019).

По данным проведенного многоцентрового перекрестного исследования в Китае, 33,2% подростков в возрасте от 11 до 20 лет соответствовали критериям ИЗ (Tang et al., 2020). Распространенность ИА в странах Персидского залива среди подростков и молодых людей в возрасте до 25 лет составила 33%; она была значительно выше среди женщин, чем среди мужчин (мужчины — 24%, женщины — 48%, $P = 0,05$) и значительно увеличилась с течением времени ($P < 0,05$) (Al-Khani et al., 2021).

Вместе с тем, достаточно малочисленны исследования, в которых определена информативная значимость и величина вклада изученных авторами показателей, как высоковероятных предикторов ППИ, подтвержденных использованием современных информативных методов оценки риска развития ИЗ и ее специфических форм, в том числе — с определением количественных значений показателя отношения шансов (ОШ) и их доверительных интервалов (ДИ).

Исследование Е. Зевде и коллег (Zewde et al., 2022) показало, что почти треть учащихся университетов и средних школ в Африке зависимы от Интернета. Общая распространенность ИЗ среди студентов составила 34,53% (95% ДИ: 26,83–42,23). Мужской пол (ОШ = 1,92, 95% ДИ: 1,43–2,57), проживание в городе (ОШ = 2,32, 95% ДИ: 1,19–4,53) и продолжительность ежедневного пользования Интернетом более 4 часов (ОШ = 2,25, 95% ДИ: 1,20–4,21) были в значительной степени связаны с ИЗ среди подростков.

Мета-анализ, в котором были отобраны 104 исследования, показал высокий риск игровой интернет-зависимости среди подростков (ОШ = 7,59, 95% ДИ: 5,24–10,9), при этом не было обнаружено различий между полами в отношении риска, связанного с возрастом (Allami et al., 2021).

Многофакторный логистический регрессионный анализ по результатам исследования, проведенного среди студентов университетов в Бангладеш (Banna et al., 2023), показал следующие данные: интернет-зависимость (ОШ для умеренной зависимости = 2,15 и тяжелой зависимости = 3,95), симптомы депрессии (ОШ = 3,04) и тревоги (ОШ = 2,06) были связаны с повышенным риском расстройств пищевого поведения у участников исследования.

Многомерный регрессионный анализ, проведенный среди студентов университета в Хартуме (Судан) в возрасте 18–22 лет (Mohamed et al., 2024), показал, что у женщин риск интернет-зависимости был в 1,9 раза выше (ОШ = 1,87, $p = 0,033$). Психологический дистресс был связан с более высоким риском ИЗ в 6,36 раза по сравнению со студентами, не испытывающими таких проблем (ОШ = 6,368, $p < 0,001$).

Перекрестное исследование среди 253 подростков, проживающих в г. Сфакс на юге Туниса (Ben et al., 2019), продемонстрировало высокую распространенность ИЗ (43,9%). Средний возраст интернет-зависимых составил 16,34 года, мужской пол был наиболее представлен (54,1%) и повышал риск интернет-зависимости (ОШ = 2,805). Средняя продолжительность общения среди интернет-зависимых составляла 4,6 часа в день и была в значительной степени связана с интернет-зависимостью ($P < 0,001$). У большинства подростков, страдающих ИЗ (86,5%), была обнаружена социальная активность. Тип онлайн-активности был достоверно связан с ИЗ ($P = 0,03$ и ОШ = 3,256). Сообщается и о других поведенческих зависимостях: 35,13% — о чрезмерном использовании видеоигр и 43,25% — о патологических покупках. Эти два типа поведения были в значительной степени связаны с ИЗ (соответственно, $P = 0,001$ и $P = 0,002$ при ОШ = 3,283).

Метаанализ, проведенный по результатам поиска в десяти электронных базах данных (Wang et al., 2022), показал, что ИЗ положительно коррелировала с употреблением алкоголя ($r = 0,35$; 95% ДИ 0,32–0,37) и курением ($r = 0,12$; 95% ДИ 0,10–0,15) и была связана с повышенным риском суицидального поведения (ОШ = 1,95; 95% ДИ: 1,65–2,30), употреблением алкоголя (ОШ = 1,75; 95% ДИ: 1,65–1,85) и курением (ОШ = 1,63; 95% ДИ: 1,54–1,72) среди подростков.

Перекрестное исследование, в котором приняли участие 253 студента университета Амбо, регион Оромия, Эфиопия (Umeta et al., 2022), показало, что у 201 студента (79%) была выявлена интернет-аддикция (ИА). Наличие собственного компьютера, доступа в Интернет дома и учетной записи электронной почты было в 2 раза более рискованным для развития ИА по сравнению с их коллегами с ОШ = 2,615 (95% ДИ: 1,118–5,956), при значении $P = 0,022$, ОШ = 2,154 (95% ДИ = 1,054–4,405). Значение $P = 0,35$ и ОШ = 2,154 (95% ДИ: 1,054–4,405) при значении $P=0,035$ соответственно. Кроме того, у тех, кто использует Интернет для получения новостей, вероятность развития ИА была в 2,5 раза выше, чем у тех, кто этого не делает: ОШ = 2,551 (95% ДИ: = 1,225–5,349) при значении $P=0,013$. Использование Интернета для научных исследований и образования снижает риск ИА в 0,7 раза: ОШ = 0,323 (95% ДИ: 0,120–0,868), при значении $P=0,025$.

Приведенные выше сведения показывают, что в течение последних лет исследования многих авторов не только были посвящены распространенности интернет-зависимого поведения; все больший акцент исследователи стали делать на определении информативной значимости и количественной оценке вклада изучаемых ими показателей, интерпретации показателей с точки зрения их роли как высоковероятных предикторов или факторов риска патологического пользования Интернетом. В подтверждение этого исследователи стали все шире использовать современные математические методы оценки риска развития ИЗ и ее специфических форм (логистический регрессионный анализ, метод логистической регрессии), в том числе — с определением количественных значений показателя отношения шансов (ОШ) и его доверительных интервалов (ДИ).

Распространенность интернет-зависимости в Российской Федерации

По мере распространения и развития информационных технологий возрастает и количество интернет-зависимых людей, что обуславливает необходимость выявления степени такой зависимости среди молодежи, а также определения средств профилактики ИЗ среди категорий, составляющих группу риска. Чаще всего это дети, подростки, девушки и юноши до 25 лет (Патрушева, 2018).

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹, в 2019 г. 98% подростков России в возрасте 14–17 лет пользовались Интернетом каждый день. В основном подростки пользуются социальными сетями ежедневно с целью общения со сверстниками, просмотра ленты новостей и развлекательных видео; 76% опрошенных подростков в социальных сетях слушают музыку, а 75% — предпочитают общаться с друзьями и просматривать новости. По мнению самих подростков, опрошенных ВЦИОМ, социальные сети не имеют никакого влияния на них. Среди них 22% ответили, что социальные сети несут негативное влияние, а 19% — считают, что положительное (Смоленцева, 2021).

Имеются лишь немногочисленные работы, посвященные изучению распространенности ИЗ в России. Анализ распространенности ИЗ среди московских подростков показал, что она присутствует у 4,3% обследованных, а 29,3% находятся в группе риска (Мальгин, Хомерики, Антоненко, 2015). ИЗ выявлена у 12% из 527 обследованных студентов университетов в г. Уфе, Республика Башкирия (Бакиров, 2015), у 12% подростков на Дальнем Востоке², достигая 38% в ряде других российских регионов (Титова, Катков, Чугунов, 2014).

Изучение распространенности ИЗ и структуры потребляемого контента было проведено у подростков Центральной Сибири в 2019 г. (Эверт и др., 2020). В исследовании приняли участие 3012 подростка (45,8% мальчиков и 54,2% девочек) в возрасте 12–18 лет. Генерализованная ИЗ наблюдалась у 6,9% подростков, адаптивное пользование Интернетом отмечалось у 49,4% подростков, неадаптивное — у 43,6%. Распространенность ИЗ увеличивалась с возрастом: с 6,0% у подростков 12–14 лет до 8,0% — у подростков 15–18 лет ($p=0,0324$).

Проблемное использование компьютерных игр регистрировалось у 11% подростков, проблемное использование социальных сетей — у 8,0%, смешанная форма ППИ — у 2,6% и недифференцированная ИЗ наблюдалась у 2,8% подростков. Исследование продемонстрировало, что у младших подростков чаще формируется игровая ИЗ (12,2%), ИЗ от социальных сетей (9,3%) и смешанная форма ППИ (3,3%). Для старших подростков была более характерна недифференцированная ИЗ (39,5%) (там же).

В другом исследовании (Tereshchenko et al., 2022) показана распространенность генерализованной ИЗ среди подростков Центральной Сибири, которая составила 7,2%. Для оценки распространенности игровой формы ИЗ использовался опросник GASA, по его результатам игровая форма ИЗ наблюдалась у 10,4% подростков; распространенность ИЗ, оцененная на основе результатов опросника SMDS, составила 8%.

Распространенность различных вариантов пользования Интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ), патологического (ППИ) изучалась у подростков Тувы (Эверт и др., 2023). В исследовании приняли участие 1659 чел. разной возрастно-половой и этнической принадлежности. Оценка результатов, полученных по данным опросника для верификации зависимости от социальных сетей и игровой зависимости, проводилась с использованием шкалы CIAS. Результаты исследования показали, что АПИ регистрировалось у 34,3%, НПИ наблюдалось у 51,3% и ППИ — у 14,4% подростков. В структуре потребляемого интернет-контента регистрировались: проблемное использование социальных сетей у 13,9% подростков; игровая ИЗ — у 5,2%; смешанная ИЗ — у 9,2% и недифференцированная ИЗ — у 5,4% обследованных подростков, при отсутствии значимых этнических различий. Распространенность различных видов ИЗ в зависимости от пола имела различия: игровая ИЗ чаще была представлена среди тувинцев-мальчиков, недифференцированная ИЗ — среди девочек; проблемным использованием социальных сетей чаще характеризовались девочки, как тувинской, так и русской этнической принадлежности; среди мальчиков ИЗ от соцсетей чаще регистрировалась в группе тувинской, чем русской этнической принадлежности.

Проведенное авторами исследование выявило достаточно высокую распространенность патологического и неадаптивного пользования Интернетом среди подростков Кызыла, что свидетельствует об актуальности проблемы интернет-зависимости для подростковой популяции Респуб-

¹ ВЦИОМ: почти 90% российских подростков ежедневно используют соцсети [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2019, 16 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3906205> (дата обращения: 26.02.2024).

² Рагулина М. В. Эмоциональное неблагополучие интернет-зависимых подростков // Научные тенденции: Педагогика и психология: сборник научных трудов по материалам XII международной научно-практической конференции. СПб.: ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. Ч. 2. С. 38–42. DOI: <https://doi.org/10.18411/spc-04-12-2017-24>

лики Тыва. Значимым результатом данного исследования были впервые полученные данные об особенностях структуры потребляемого контента (зависимости от социальных сетей, игровой, смешанной, недифференцированной зависимости), у подростков Кызыла с позиций возрастного-половых и этнических различий. По мнению авторов данного исследования, выявленный ими высокий уровень распространенности интернет-зависимого поведения у тувинских подростков доказывает важность и необходимость разработки комплексных профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику дезадаптивного пользования Интернетом, направленных на сохранение здоровья детско-подросткового населения Тывы.

Влияние ИЗ на здоровье подростков и лиц молодого возраста

Интернет-зависимость (ИЗ) является актуальной проблемой общественного здравоохранения не только вследствие высокой распространенности среди подростков, но и частой коморбидности¹ с психическими расстройствами (Bozkurt et al., 2013; Kaess et al., 2014; Li et al., 2023).

Многие авторы указывают на ассоциацию ИЗ с нарушениями психического здоровья, в том числе с употреблением психоактивных веществ (Rücker et al., 2015; Karacic, Oreskovic, 2017), социальной тревогой (Ko et al., 2014), аффективными расстройствами (Park et al. 2013; Lau et al. 2018; Peng et al., 2022), суицидальным поведением (Marchant et al., 2017, Pan, Yeh, 2018). Отмечалось, что чрезмерное использование Интернета также связано с личностными расстройствами, низкой самооценкой, импульсивностью, расстройством настроения (Tripathi, 2017).

По мере нарастания степени ИЗ происходят негативные изменения в физическом развитии и физической подготовленности подростков и молодых людей. Чрезмерное использование компьютера приводит к малоподвижности, а в сочетании с нерациональным питанием, способствует ожирению и избыточной массе тела. У таких интернет-пользователей часто встречаются заболевания органов зрения (происходит ухудшение зрения, возникает дисплейный синдром, или синдром «сухого глаза»), опорно-двигательного аппарата (искривления позвоночника, нарушения осанки), пищеварительной и нервной систем. Состояние здоровья интернет-зависимых подростков гораздо хуже, чем у независимых от Интернета учащихся (Патрушева, 2018).

Интернет-зависимые подростки характеризуются значительными нарушениями качества ночного сна и чрезмерной дневной сонливостью, что требует соответствующей психологической коррекции (Tereshchenko et al., 2021). Исследование, проведенное среди испанских подростков, показало, что подростки, страдающие от ИЗ, чаще употребляют алкоголь, табак, каннабис, седативные средства и новые психоактивные вещества (Fernández-Aliseda et al., 2020).

Польскими исследователями было обнаружено, что подростки и лица молодого возраста с ИЗ характеризуются значительно более высокой выраженностью обсессивно-компульсивных, конверсионных, тревожных и депрессивных симптомов (Potembska, Pawłowska, Szymańska, 2019). Интернет-зависимые лица, проживающие в сельской местности, имели значительно более серьезные психопатологические симптомы, в основном обсессивно-компульсивные, ипохондрические и фобические, по сравнению с их городскими сверстниками.

В период с января по июнь 2018 г. было проведено исследование влияния ИЗ на образ жизни подростков Турции (Kaça, Dalgiç, 2021), которое показало, что подростки с разведенными родителями и подростки, у которых плохие отношения с членами семьи и друзьями, имели более высокие показатели ИЗ.

У египетских студентов-подростков с ИЗ самыми распространенными психическими расстройствами были серьезные депрессивные эпизоды (9,3%), генерализованное тревожное расстройство (7,7%), алкогольная зависимость (4,4%), синдром дефицита внимания и гиперактивности (4,4%), социальная фобия (4%) (Duc et al., 2024).

Нейротрофический фактор мозга (BDNF) играет важную роль в развитии мозга и обеспечении синаптической пластичности. При аддиктивных расстройствах уровни BDNF в плазме и сыворотке крови могут отражать концентрацию BDNF в ЦНС и, косвенно, процессы в ЦНС (Palma-Álvarez et

¹ Коморбидность — сосуществование у одного пациента двух или более заболеваний, синдромов или психических расстройств, связанных между собой единым патогенетическим механизмом или совпадающих по времени.

al., 2017). У ИЗ-подростков с нарушением психоэмоционального статуса отмечается более низкое содержание BDNF в плазме крови (Solé-Morata et al., 2022). Выявлены генетические маркеры риска ИЗ, функциональный полиморфизм rs6265 гена BDNF увеличивает вероятность развития ИЗ в 2,7 раза (Demirci et al., 2023).

Заключение

Проведенный нами анализ публикаций отечественных и зарубежных исследований, касающихся изучения интернет-зависимого поведения лиц подростково-юношеского возраста, показал, что исследователи различают распространенность ИЗ в различных странах в зависимости от региона и структуры потребляемого контента. По данным зарубежных исследований, наибольшая распространенность ИЗ регистрировалась в странах Ближнего Востока и Африки. В России исследования в целом проводились и анализировались с тех же позиций, что и за рубежом. Частота встречаемости ИЗ у подростков варьировала в зависимости от региона.

Приведенные выше данные иллюстрируют значительную вариабельность распространенности ИЗ в подростково-молодежных популяциях различных стран, зависящую, вероятно, не только от этногеографических, социокультурных и возрастно-половых особенностей, но и применяемого различными исследователями диагностического инструментария и критериев оценки полученных данных.

Вместе с тем, следует отметить малочисленность работ, направленных на изучение распространенности ИЗ у подростков и молодежи *городской и сельской* местности, недостаточно внимания уделялось *этническим* аспектам ИЗ, единичными были исследования ИЗ в *национальных республиках* РФ.

В работе представлены сведения об исследованиях, свидетельствующих о негативном влиянии ИЗ на здоровье подростков и лиц молодого возраста. Показано, что у подростков с ИЗ чаще встречается повышенная масса тела и ожирение, малоподвижность, нарушения качества ночного сна, значительно более выражены обсессивно-компульсивные, конверсионные, тревожные и депрессивные расстройства; они чаще подвержены употреблению алкоголя, табака и психоактивных веществ.

Считаем необходимым подчеркнуть малочисленность и фрагментарность исследований, посвященных изучению большого спектра потенциальных факторов риска и маркеров (социально-биологических, клинично-функциональных, регуляторных, метаболических, социально-экономических, этнических и культурологических) различных форм интернет-зависимого поведения, актуальность и важность продолжения научного поиска в данном направлении.

В перспективе, особую актуальность приобретает разработка единых методологических подходов при изучении эпидемиологических аспектов ИЗ, использование информативных международно-признанных тестовых опросников. Чрезвычайно важно унифицировать психометрический инструментарий и критерии оценки полученных данных для возможности проведения корректного сравнительного анализа результатов исследований, полученных исследователями различных стран.

Кроме того, считаем, что необходима обоснованная мотивация и обучение подростков и молодежи, направленные на ограничение чрезмерного использования Интернета и устранение связанных с этим факторов риска. Необходимы эффективные программы повышения осведомленности, которые могут быть инициированы органами образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакиров, Л. Р. (2015) Психометрические показатели Интернет-аддикции у студентов-пользователей компьютером // Неврологический вестник. Т. 47. № 2. С. 94–96.

Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин А. Е., Позниовский, П. А., Вантей В. Б., Громыко Д. И., Долгих, Н. В., Ерофеева, Н. А., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. А., Магомедова, Е. А., Нечаева, А. И., Пашкевич, Н. В., Семенова, Ю. В., Сидоров, А. А., Ханьков, В. В., Кибитов, А. А., Крупицкий, Е. М., Шмуклер, А. Б., Кибитов, А. О. (2020) Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Мальгин, В. Л., Хомерики, Н. С., Антоненко, А. А. (2015) Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 30. № 1. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_1_30/nomer10.php (дата обращения: 26.02.2024).

Патрушева, Л. В. (2018) Степень компьютерной зависимости студентов АмГУ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 82. С. 107–110.

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Шубина, М. В. (2022) Характеристика психического статуса интернет-зависимых подростков: гендерные и возрастные особенности // Профилактическая медицина. Т. 25. № 8. С. 90–96. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Смоленцева, Ю. Н. (2021) Интернет-зависимость молодежи: постановка проблемы // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. Т. 5. № 1. С. 192–203.

Титова, В. В., Катков, А. Л., Чугунов, Д. Н. (2014) Интернет-зависимость: причины и механизмы формирования. Диагностика, подходы к лечению и профилактике // Педиатр. Т. 5. № 4. С. 132–139. DOI: <https://doi.org/10.17816/PED54132-139>

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Эверт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254 DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Al-Khani, A. M., Saquib, J., Rajab, A. M., Khalifa, M. A., Almazrou, A., Saquib, N. (2021) Internet addiction in Gulf countries: A systematic review and meta-analysis // Journal of Behavioral Addictions. Vol. 10. № 3. P. 601–610. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.2021.00057>

Allami, Y., Hodgins, D. C., Young, M., Brunelle, N., Currie, S., Dufour, M., Flores-Pajot, M. C., Nadeau, L. (2021) A meta-analysis of problem gambling risk factors in the general adult population // Addiction. Vol. 116. № 11. P. 2968–2977. DOI: <https://doi.org/10.1111/add.15449>

Banna, M. H. A., Akter, S., Kabir, H., Brazendale, K., Sultana, M. S., Alshahrani, N. Z., Ahinkorah, B. O., Salihu, T., Azhar, B. S., Hassan, M. N. (2023) Internet addiction, depressive symptoms, and anxiety symptoms are associated with the risk of eating disorders among university students in Bangladesh // Scientific Reports. Vol. 13. № 1. Article 20527. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-47101-z>

Bozkurt, H., Coskun, M., Ayaydin, H., Adak, I., Zoroglu, S. S. (2013) Prevalence and patterns of psychiatric disorders in referred adolescents with Internet addiction // Psychiatry and Clinical Neurosciences. V. 67. № 5. P. 352–359. DOI: <https://doi.org/10.1111/pcn.12065>

Cerniglia, L., Zoratto, F., Cimino, S., Laviola, G., Ammaniti, M., Adriani, W. (2017) Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. Vol. 76. № Pt A. P. 76174–76184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.12.024>

Cheng, C., Lau, Y. C., Chan, L., Luk, J. W. (2021) Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values // Addictive Behaviors. № 117. Article 106845. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>

Chi, X., Lin, L., Zhang, P. (2016) Internet Addiction among college students in China: Prevalence and psychosocial correlates // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. Vol. 19. № 9. P. 567–573. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0234>

Chia, D. X. Y., Ng, C. W. L., Kandasami, G., Seow, M. Y. L., Choo, C. C., Chew, P. K. H., Lee, C., Zhang, M. W. B. (2020) Prevalence of Internet Addiction and Gaming Disorders in Southeast Asia: A Meta-Analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 17. № 7. Article 2582. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17072582>

Demirci, E., Tastepe, N., Ozmen, S., Kilic, E. (2023) The Role of BDNF and NPY Levels, Effects of Behavioral Systems and Emotion Regulation on Internet Addiction in Adolescents // Psychiatric Quarterly. Vol. 94. № 2. P. 605–616. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11126-023-10046-7>

Duc, T. Q., Chi, V. T. Q., Huyen, N. T. H., Quang, P. N., Thuy, B. T., Nguyen, D. I. (2024) Growing propensity of internet addiction among Asian college students: meta-analysis of pooled prevalence from 39 studies with over 50,000 participants // Public Health. Vol. 227. № 6. P. 250–258. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.11.040>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J. P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors // *Addiction*. Vol. 107. № 12. P. 2210–2222. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Effat, S., Azab, H., Aly, H., Mahmoud, O. (2019) The Relationship between Anxiety, Depression, and Problematic Internet Use among a Sample of university students in Egypt // *Sohag Medical Journal*. Vol. 23. № 1. P. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.21608/smj.2019.41384>

Endomba, F. T., Demina, A., Meille, V., Ndoadoumgue, A. L., Danwang, C., Petit, B., Trojak, B. (2022) Prevalence of internet addiction in Africa: A systematic review and meta-analysis // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 11. № 3 P. 739–753. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.2022.00052>

Fernández-Aliseda, S., Belzunegui Eraso, A., Pastor Gosálbez, I., Valls-Fonayet, F. (2020) Compulsive Internet and Prevalence Substance Use among Spanish Adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. № 23. Article 8747. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17238747>

Griffiths, M. (2000) Does Internet and Computer «Addiction» Exist? Some Case Study Evidence // *Cyber-Psychology & Behavior*. Vol. 3. № 2. P. 211–218. DOI: <https://doi.org/10.1089/109493100316067>

Jorgenson, A. G., Hsiao, R. C., Yen, C. F. (2016) Internet Addiction and Other Behavioral Addictions // *Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America*. Vol. 25. № 3. P. 509–520. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chc.2016.03.004>

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žibera, J., Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours // *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 23. № 11. P. 1093–1020. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kapus, K., Nyulas, R., Nemeskeri, Z., Zadori, I., Muity, G., Kiss, J., Feher, A., Fejes, E., Tibold, A., Feher, G. (2021) Prevalence and Risk Factors of Internet Addiction among Hungarian High School Students // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. № 13. Article 6989. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136989>

Karacic, S., Oreskovic, S. (2017) Internet Addiction and Mental Health Status of Adolescents in Croatia and Germany // *Psychiatr Danub*. Vol. 29. № 3. P. 313–321. DOI: <https://doi.org/10.24869/psyd.2017.313>

Kaya, A., Dalgiç, A. I. (2021) How does Internet Addiction Affect Adolescent Lifestyles? Results from a School-Based Study in the Mediterranean Region of Turkey // *Journal of Pediatric Nursing: Nursing Care of Children and Families*. № 59. P. e38–e43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2021.01.021>

Ko, C. H., Liu, T. L., Wang, P. W., Chen, C. S., Yen, C. F., Yen, J. Y. (2014) The exacerbation of depression, hostility, and social anxiety in the course of Internet addiction among adolescents: a prospective study // *Comprehensive Psychiatry*. Vol. 5 № 6. P. 1377–1384. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2014.05.003>

Kuss, J. D., Lopez-Fernandez, O. (2016) Internet addiction and problematic Internet use: A systematic review of clinical research // *World Journal of Psychiatry*. Vol. 6. № 1. P. 143–176. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjpv.6.i1.143>

Lau, J. T. F., Walden, D. L., Wu, A. M. S., Cheng, K. M., Lau, M. C. M., Mo, P. K. H. (2018) Bidirectional predictions between Internet addiction and probable depression among Chinese adolescents // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 7. № 3. P. 633–643. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.87>

Li, S., Wu, Z., Zhang, Y., Xu, M., Wang, X., Ma, X. (2023) Internet gaming disorder and aggression: A meta-analysis of teenagers and young adults // *Frontiers in Public Health*. № 11. Article 1111889. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1111889>

Lindenberg, K., Halasy, K., Szász-Janócha, C., Wartberg, L. (2018) A Phenotype Classification of Internet Use Disorder in a Large-Scale High-School Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 15. № 4. Article 733. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15040733>

Long, J., Liu, T. Q., Liao, Y. H., Qi, C., He, H. Y., Chen, S. B., Billieux, J. (2016) Prevalence and correlates of problematic smartphone use in a large random sample of Chinese undergraduates // *BMC Psychiatry*. Vol. 16. № 1. Article 408. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-016-1083-3>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H., Ho R. C. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents // *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 42. № 7. P. 1237–1245. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Machimbarrena, J. M., González-Cabrera, J., Ortega-Barón, J., Beranuy-Fargues, M., Álvarez-Bardón, A., Tejero, B. (2019) Profiles of Problematic Internet Use and Its Impact on Adolescents' Health-Related Quality of Life // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. № 20. Article 3877. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16203877>

Marchant, A., Hawton, K., Stewart, A., Montgomery, P., Singaravelu, V., Lloyd, K., Purdy, N., Daine, K., John, A. (2017) A systematic review of the relationship between internet use, self-harm and suicidal behaviour in young people: The good, the bad and the unknown // *PLoS One*. Vol. 12. № 8. Article e0181722. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0181722>

Moawad, G. E., Ebrahim, G. G. S. (2016) The relationship between use of technology and parent-adolescents social relationship // *Journal of Education and Practice*. Vol. 7. № 14. P. 168–178.

Mohamed, K. O., Soumit, S. M., Elseed, A. A., Allam, W. A., Soomit, A. M., Humeda, H. S. (2024) Prevalence of Internet Addiction and Its Associated Risk Factors Among Medical Students in Sudan: A Cross-Sectional Study // *Cureus*. Vol. 16. № 2. Article e53543. DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.53543>

Nikolić, M., Colonesi, C., de Vente, W., Bögels, S. M. (2015). Blushing in Early Childhood: Feeling Coy or Socially Anxious? // *Emotion*. № 7. P. 1–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/emo0000131>

Paakkari, L., Tynjälä, J., Lahti, H., Ojala, K., Lyyra, N. (2021) Problematic Social Media Use and Health among Adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. № 18. Article 1885. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18041885>

Palma-Álvarez, R. F., Ros-Cucurull, E., Amaro-Hosey, K., Rodriguez-Cintas, L., Grau-López, L., Corominas-Roso, M., Sánchez-Mora, C., Roncero, C. (2017) Peripheral levels of BDNF and opiate-use disorder: literature review and update // *Reviews in the Neurosciences*. Vol. 28. № 5. P. 499–508. DOI: <https://doi.org/10.1515/revneuro-2016-0078>

Pan, P. Y., Yeh, C. B. (2018) Internet Addiction among Adolescents May Predict Self-Harm/Suicidal Behavior: A Prospective Study // *The Journal of Pediatrics*. № 197. P. 262–267. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2018.01.046>

Park, S., Hong, K. E., Park, E. J., Ha, K. S., Yoo, H. J. (2013) The association between problematic internet use and depression, suicidal ideation and bipolar disorder symptoms in Korean adolescents // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 47. № 2. P. 153–159. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867412463613>

Paulus, F. W., Joas, J., Gerstner, I., Kühn, A., Wenning, M., Gehrke, T., Burckhart, H., Richter, U., Nonnenmacher, A., Zemlin, M., Lücke, T., Brinkmann, F., Rothoef, T., Lehr, T., Möhler, E. (2022) Problematic Internet Use among Adolescents 18 Months after the Onset of the COVID-19 Pandemic // *Children*. Vol. 9. № 11. Article 1724. DOI: <https://doi.org/10.3390/children9111724>

Pednekar, N., Tung, S. S. (2017) Role of parent and peer attachment, and family environment in discriminating between adolescents in low and high problematic internet use groups // *International Journal of Indian Psychology*. Vol. 4. № 3. DOI: <https://doi.org/10.25215/0403.010>

Peng, C., Guo, T., Cheng, J., Wang, M., Rong, F., Zhang, S., Tan, Y., Ding, H., Wang, Y., Yu, Y. (2022) Sex differences in association between Internet addiction and aggression among adolescents aged 12 to 18 in mainland of China // *Journal of Affective Disorders*. № 312. P. 198–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.06.026>

Potembska, E., Pawłowska, B., Szymańska, J. (2019) Psychopathological symptoms in individuals at risk of Internet addiction in the context of selected demographic factors // *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*. Vol. 26. № 1. P. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.26444/aaem/81665>

Rücker, J., Akre, C., Berchtold, A., Suris, J. C. (2015) Problematic Internet use is associated with substance use in young adolescents // *Acta Paediatrica*. Vol. 104. № 5. P. 504–507. DOI: <https://doi.org/10.1111/apa.12971>

Schneider, L. A., King, D. L., Delfabbro, P. H. (2017) Family factors in adolescent problematic Internet gaming: a systematic review // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 6. № 3. P. 321–333. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.6.2017.035>

Solé-Morata, N., Baenas, I., Etxandi, M., Granero, R., Forcales, S. V., Gené, M., Barrot, C., Gómez-Peña, M., Menchón, J. M., Ramoz, N., Gorwood, P., Fernández-Aranda, F., Jiménez-Murcia, S. (2022) The role of neurotrophin genes involved in the vulnerability to gambling disorder // *Scientific Reports*. Vol. 12. № 1. Article 6925. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-10391-w>

Tang, J., Ma, Y., Lewis, S. P., Chen, R., Clifford, A., Ammerman, B. A., Gazimbi, M. M., Byrne, A., Wu, Y., Lu, X., Chang, H., Kang, C., Tiemeier, H., Yu, Y. (2020) Association of Internet Addiction With Nonsuicidal Self-injury Among Adolescents in China // *JAMA Network Open*. Vol. 3. № 6. Article e206863. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.6863>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Smolnikova, M., Shubina, M., Gorbacheva, N., Moskalenko, O. (2021) Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. № 19. Article 10397. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph181910397>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Semenova, N., Shubina, M., Gorbacheva, N., Novitckii, I., Moskalenko, O., Lapteva, L. (2022) Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19 № 13. Article 7593. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19137593>

Tran, B. X., Huong, L. T., Hinh, N. D., Nguyen, L. H., Le, B. N., Nong, V. M., Thuc, V. T., Tho, T. D., Latkin, C., Zhang, M. W., Ho, R. C. (2017) A study on the influence of internet addiction and online interpersonal influences on health-related quality of life in young Vietnamese // *BMC Public Health*. Vol. 17. № 1. Article 138. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-016-3983-z>

Tripathi, A. (2017) Impact of internet addiction on mental health: an integrative therapy is needed // *Integrative Medicine International*. № 4. P. 215–222. DOI: <https://doi.org/10.1159/000491997>

Umeta, G. T., Regasa, S. D., Taye, G. M., Ayeno, H. D., Tefera, G. M. (2022) Prevalence of Internet Addiction and its Correlates Among Regular Undergraduate Medicine and Health Science Students at Ambo University. Cross-Sectional Study // *Substance Use: Research and Treatment*. № 16. Article 11782218221080772. DOI: <https://doi.org/10.1177/11782218221080772>

Wang, J., Hao, Q. H., Tu, Y., Peng, W., Wang, Y., Li, H., Zhu, T. M. (2022) Assessing the Association Between Internet Addiction Disorder and Health Risk Behaviors Among Adolescents and Young Adults: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Front Public Health*. № 10. P. 809232. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.809232>

Zewde, E. A., Tolossa, T., Tiruneh, S. A., Azanaw, M. M., Yitbarek, G. Y., Admasu, F. T., Ayehu, G. W., Amare, T. J., Abebe, E. C., Muche, Z. T., Fentie, T. A., Zemene, M. A., Melaku, M. D. (2022) Internet Addiction and Its Associated Factors Among African High School and University Students: Systematic Review and Meta-Analysis // *Frontiers in Psychology*. № 13. Article 847274. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.847274>

Дата поступления: 16.03.2024 г.

Дата принятия: 25.04.2024 г.

REFERENCES

Bakirov, L. R. (2015) Psychometric indicators of Internet addiction in computer user students. *Neurologicheskii vestnik*, vol. 47, no. 2, pp. 94–96. (In Russ.).

Egorov, A. Iu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Nikolishin A. E., Ponzovskii, P. A., Vantei V. B., Gromyko D. I., Dolgikh, N. V., Erofeeva, N. A., Pozdnyak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. A., Magomedova, E. A., Nechaeva, A. I., Pashkevich, N. V., Semenova, Iu. V., Sidorov, A. A., Khanykov, V. V., Kibitov, A. A., Krupitskii, E. M., Shmukler, A. B. and Kibitov, A. O. (2020) Clinical and psychological features of people with internet dependence: experience of a pilot study. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Malygin, V. L., Khomeriki, N. S. and Antonenko, A. A. (2015) Individually-psychological qualities of adolescents as risk-factors for development of internet-addictive behaviour. *Meditinskaiia psikhologiya v Rossii*, vol. 30, no. 1, article 7 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_1_30/nomer10.php (access date: 26.02.2024). (In Russ.).

Patrusheva, L. V. (2018) The degree of computer dependence of AmSU students. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 82, pp. 107–110. (In Russ.).

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S. and Shubina, M. V. (2022) Characteristics of the mental status of internet-addicted adolescents: aspects of gender and age. *Russian Journal of Preventive Medicine*, vol. 25, no. 8, pp. 90–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Smolentseva, Yu. N. (2021) Internet addiction of young people: problem statement. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriia i praktika*, vol. 5, no. 1, pp. 192–203. (In Russ.).

Titova, V. V., Katkov, A. L. and Chugunov, D. N. (2014) Internet Addiction: Causes, Formation Mechanisms, Diagnosis, Treatment and Prevention Approaches. *Pediatrician*, vol. 5, no. 4, pp. 132–139. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17816/PED54132-139>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Al-Khani, A. M., Saquib, J., Rajab, A. M., Khalifa, M. A., Almazrou, A. and Saquib, N. (2021) Internet addiction in Gulf countries: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 10, no. 3, pp. 601–610. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.2021.00057>

Allami, Y., Hodgins, D. C., Young, M., Brunelle, N., Currie, S., Dufour, M., Flores-Pajot, M. C. and Nadeau, L. (2021) A meta-analysis of problem gambling risk factors in the general adult population. *Addiction*, vol. 116, no. 11, pp. 2968–2977. DOI: <https://doi.org/10.1111/add.15449>

Banna, M. H. A., Akter, S., Kabir, H., Brazendale, K., Sultana, M. S., Alshahrani, N. Z., Ahinkorah, B. O., Salihu, T., Azhar, B. S. and Hassan, M. N. (2023) Internet addiction, depressive symptoms, and anxiety symptoms are associated with the risk of eating disorders among university students in Bangladesh. *Scientific Reports*, vol. 13, no. 1, article 20527. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-47101-z>

Bozkurt, H., Coskun, M., Ayaydin, H., Adak, I. and Zoroglu, S. S. (2013) Prevalence and patterns of psychiatric disorders in referred adolescents with Internet addiction. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, vol. 67, no. 5, pp. 352–359. DOI: <https://doi.org/10.1111/pcn.12065>

Cerniglia, L., Zoratto, F., Cimino, S., Laviola, G., Ammaniti, M. and Adriani, W. (2017) Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, vol. 76, no. Pt A, pp. 76174–76184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.12.024>

Cheng, C., Lau, Y. C., Chan, L. and Luk, J. W. (2021) Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. *Addictive Behaviors*, no. 117, article 106845. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>

Chi, X., Lin, L. and Zhang, P. (2016) Internet Addiction among college students in China: Prevalence and psychosocial correlates. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 19, no. 9, pp. 567–573. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0234>

Chia, D. X. Y., Ng, C. W. L., Kandasami, G., Seow, M. Y. L., Choo, C. C., Chew, P. K. H., Lee, C. and Zhang, M. W. B. (2020) Prevalence of Internet Addiction and Gaming Disorders in Southeast Asia: A Meta-Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 7, article 2582. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17072582>

Demirci, E., Tastepe, N., Ozmen, S. and Kilic, E. (2023) The Role of BDNF and NPY Levels, Effects of Behavioral Systems and Emotion Regulation on Internet Addiction in Adolescents. *Psychiatric Quarterly*, vol. 94, no. 2, pp. 605–616. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11126-023-10046-7>

Duc, T. Q., Chi, V. T. Q., Huyen, N. T. H., Quang, P. N., Thuy, B. T. and Nguyen, D. I. (2024) Growing propensity of internet addiction among Asian college students: meta-analysis of pooled prevalence from 39 studies with over 50,000 participants. *Public Health*, vol. 227, no. 6, pp. 250–258. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.11.040>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J. P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W. and Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors. *Addiction*, vol. 107, no. 12, pp. 2210–2222. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Effat, S., Azab, H., Aly, H. and Mahmoud, O. (2019) The Relationship between Anxiety, Depression, and Problematic Internet Use among a Sample of university students in Egypt. *Sohag Medical Journal*, vol. 23, no. 1, pp. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.21608/smj.2019.41384>

Endomba, F. T., Demina, A., Meille, V., Ndoadoumgue, A. L., Danwang, C., Petit, B. and Trojak, B. (2022) Prevalence of internet addiction in Africa: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 11, no. 3, pp. 739–753. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.2022.00052>

Fernández-Aliseda, S., Belzunegui-Eraso, A., Pastor-Gosálbez, I. and Valls-Fonayet, F. (2020) Compulsive Internet and Prevalence Substance Use among Spanish Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 23, article 8747. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17238747>

Griffiths, M. (2000) Does Internet and Computer «Addiction» Exist? Some Case Study Evidence. *CyberPsychology & Behavior*, vol. 3, no. 2, pp. 211–218. DOI: <https://doi.org/10.1089/109493100316067>

Jorgenson, A. G., Hsiao, R. C. and Yen, C. F. (2016) Internet Addiction and Other Behavioral Addictions. *Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America*, vol. 25, no. 3, pp. 509–520. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chc.2016.03.004>

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C. Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J. and Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 23, no. 11, pp. 1093–1020. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kapus, K., Nyulas, R., Nemeskeri, Z., Zadori, I., Muity, G., Kiss, J., Feher, A., Fejes, E., Tibold, A. and Feher, G. (2021) Prevalence and Risk Factors of Internet Addiction among Hungarian High School Students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 13, article 6989. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18136989>

Karacic, S. and Oreskovic, S. (2017) Internet Addiction and Mental Health Status of Adolescents in Croatia and Germany. *Psychiatr Danub*, vol. 29, no. 3, pp. 313–321. DOI: <https://doi.org/10.24869/psyd.2017.313>

Kaya, A. and Dalgıç, A. I. (2021) How does Internet Addiction Affect Adolescent Lifestyles? Results from a School-Based Study in the Mediterranean Region of Turkey. *Journal of Pediatric Nursing: Nursing Care of Children and Families*, no. 59, pp. e38–e43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2021.01.021>

Ko, C. H., Liu, T. L., Wang, P. W., Chen, C. S., Yen, C. F. and Yen, J. Y. (2014) The exacerbation of depression, hostility, and social anxiety in the course of Internet addiction among adolescents: a prospective study. *Comprehensive Psychiatry*, vol. 5, no. 6, pp. 1377–1384. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2014.05.003>

Kuss, J. D. and Lopez-Fernandez, O. (2016) Internet addiction and problematic Internet use: A systematic review of clinical research. *World Journal of Psychiatry*, vol. 6, no. 1, pp. 143–176. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjp.v6.i1.143>

Lau, J. T. F., Walden, D. L., Wu, A. M. S., Cheng, K. M., Lau, M. C. M. and Mo, P. K. H. (2018) Bidirectional predictions between Internet addiction and probable depression among Chinese adolescents. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 3, pp. 633–643. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.87>

Li, S., Wu, Z., Zhang, Y., Xu, M., Wang, X. and Ma, X. (2023) Internet gaming disorder and aggression: A meta-analysis of teenagers and young adults. *Frontiers in Public Health*, no. 11, article 1111889. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1111889>

Lindenberg, K., Halasy, K., Szász-Janocha, C., Wartberg, L. (2018) A Phenotype Classification of Internet Use Disorder in a Large-Scale High-School Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 15, no. 4, article 733. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15040733>

Long, J., Liu, T. Q., Liao, Y. H., Qi, C., He, H. Y., Chen, S. B. and Billieux, J. (2016) Prevalence and correlates of problematic smartphone use in a large random sample of Chinese undergraduates. *BMC Psychiatry*, vol. 16, no. 1, article 408. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-016-1083-3>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H. and Ho R. C. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*, vol. 42, no. 7, pp. 1237–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Machimbarrena, J. M., González-Cabrera, J., Ortega-Barón, J., Beranuy-Fargues, M., Álvarez-Bardón, A. and Tejero, B. (2019) Profiles of Problematic Internet Use and Its Impact on Adolescents' Health-Related Quality of Life. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 16, no. 20, article 3877. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16203877>

Marchant, A., Hawton, K., Stewart, A., Montgomery, P., Singaravelu, V., Lloyd, K., Purdy, N., Daine, K. and John, A. (2017) A systematic review of the relationship between internet use, self-harm and suicidal behaviour in young people: The good, the bad and the unknown. *PLoS One*, vol. 12, no. 8, article e0181722. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0181722>

Moawad, G. E. and Ebrahim, G. G. S. (2016) The relationship between use of technology and parent-adolescents social relationship. *Journal of Education and Practice*, vol. 7, no. 14, pp. 168–178.

Mohamed, K. O., Soumit, S. M., Elseed, A. A., Allam, W. A., Soomit, A. M. and Humeda, H. S. (2024) Prevalence of Internet Addiction and Its Associated Risk Factors Among Medical Students in Sudan: A Cross-Sectional Study. *Cureus*, vol. 16, no. 2, article e53543. DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.53543>

Nikolić, M., Colonnese, C., de Vente, W. and Bögels, S. M. (2015). Blushing in Early Childhood: Feeling Coy or Socially Anxious? *Emotion*, no. 7, pp. 1–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/emo0000131>

Paakkari, L., Tynjälä, J., Lahti, H., Ojala, K. and Lyyra, N. (2021) Problematic Social Media Use and Health among Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, no. 18, article 1885. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18041885>

Palma-Álvarez, R. F., Ros-Cucurull, E., Amaro-Hosey, K., Rodriguez-Cintas, L., Grau-López, L., Corominas-Roso, M., Sánchez-Mora, C. and Roncero, C. (2017) Peripheral levels of BDNF and opiate-use disorder: literature review and update. *Reviews in the Neurosciences*, vol. 28, no. 5, pp. 499–508. DOI: <https://doi.org/10.1515/revneuro-2016-0078>

Pan, P. Y. and Yeh, C. B. (2018) Internet Addiction among Adolescents May Predict Self- Harm/Suicidal Behavior: A Prospective Study. *The Journal of Pediatrics*, no. 197, pp. 262–267. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2018.01.046>

Park, S., Hong, K. E., Park, E. J., Ha, K. S. and Yoo, H. J. (2013) The association between problematic internet use and depression, suicidal ideation and bipolar disorder symptoms in Korean adolescents. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, vol. 47, no. 2, pp. 153–159. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867412463613>

Paulus, F. W., Joas, J., Gerstner, I., Kühn, A., Wenning, M., Gehrke, T., Burckhart, H., Richter, U., Nonnenmacher, A., Zemlin, M., Lücke, T., Brinkmann, F., Rothoef, T., Lehr, T. and Möhler, E. (2022) Problematic Internet Use among Adolescents 18 Months after the Onset of the COVID-19 Pandemic. *Children*, vol. 9, no. 11, article 1724. DOI: <https://doi.org/10.3390/children9111724>

Pednekar, N. and Tung, S. S. (2017) Role of parent and peer attachment, and family environment in discriminating between adolescents in low and high problematic internet use groups. *International Journal of Indian Psychology*, vol. 4, no. 3. DOI: <https://doi.org/10.25215/0403.010>

Peng, C., Guo, T., Cheng, J., Wang, M., Rong, F., Zhang, S., Tan, Y., Ding, H., Wang, Y. and Yu, Y. (2022) Sex differences in association between Internet addiction and aggression among adolescents aged 12 to 18 in mainland of China. *Journal of Affective Disorders*, no. 312, pp. 198–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.06.026>

Potembska, E., Pawłowska, B. and Szymańska, J. (2019) Psychopathological symptoms in individuals at risk of Internet addiction in the context of selected demographic factors. *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*, vol. 26, no. 1, pp. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.26444/aaem/81665>

Rücker, J., Akre, C., Berchtold, A. and Suris, J. C. (2015) Problematic Internet use is associated with substance use in young adolescents. *Acta Paediatrica*, vol. 104, no. 5, pp. 504–507. DOI: <https://doi.org/10.1111/apa.12971>

Schneider, L. A., King, D. L. and Delfabbro, P. H. (2017) Family factors in adolescent problematic Internet gaming: a systematic review. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 6, no. 3, pp. 321–333. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.6.2017.035>

Solé-Morata, N., Baenas, I., Etxandi, M., Granero, R., Forcales, S. V., Gené, M., Barrot, C., Gómez-Peña, M., Menchón, J. M., Ramoz, N., Gorwood, P., Fernández-Aranda, F. and Jiménez-Murcia, S. (2022) The role of neurotrophin genes involved in the vulnerability to gambling disorder. *Scientific Reports*, vol. 12, no. 1, article 6925. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-10391-w>

Tang, J., Ma, Y., Lewis, S. P., Chen, R., Clifford, A., Ammerman, B. A., Gazimbi, M. M., Byrne, A., Wu, Y., Lu, X., Chang, H., Kang, C., Tiemeier, H. and Yu, Y. (2020) Association of Internet Addiction With Nonsuicidal Self-injury Among Adolescents in China. *JAMA Network Open*, vol. 3, no. 6, article e206863. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.6863>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Smolnikova, M., Shubina, M., Gorbacheva, N. and Moskalenko, O. (2021) Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 19, article 10397. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph181910397>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Semenova, N., Shubina, M., Gorbacheva, N., Novitckii, I., Moskalenko, O. and Lapteva, L. (2022) Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 13, article 7593. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19137593>

Tran, B. X., Huong, L. T., Hinh, N. D., Nguyen, L. H., Le, B. N., Nong, V. M., Thuc, V. T., Tho, T. D., Latkin, C., Zhang, M. W. and Ho, R. C. (2017) A study on the influence of internet addiction and online interpersonal influences on health-related quality of life in young Vietnamese. *BMC Public Health*, vol. 17, no. 1, article 138. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-016-3983-z>

Tripathi, A. (2017) Impact of internet addiction on mental health: an integrative therapy is needed. *Integrative Medicine International*, no. 4, pp. 215–222. DOI: <https://doi.org/10.1159/000491997>

Umeta, G. T., Regasa, S. D., Taye, G. M., Ayeno, H. D. and Tefera, G. M. (2022) Prevalence of Internet Addiction and its Correlates Among Regular Undergraduate Medicine and Health Science Students at Ambo University. Cross-Sectional Study. *Substance Use: Research and Treatment*, no. 16, article 11782218221080772. DOI: <https://doi.org/10.1177/11782218221080772>

Wang, J., Hao, Q. H., Tu, Y., Peng, W., Wang, Y., Li, H. and Zhu, T. M. (2022) Assessing the Association Between Internet Addiction Disorder and Health Risk Behaviors Among Adolescents and Young Adults: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Front Public Health*, no. 10, pp. 809232. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.809232>

Zewde, E. A., Tolossa, T., Tiruneh, S. A., Azanaw, M. M., Yitbarek, G. Y., Admasu, F. T., Ayehu, G. W., Amare, T. J., Abebe, E. C., Muche, Z. T., Fentie, T. A., Zemene, M. A. and Melaku, M. D. (2022) Internet Addiction and Its Associated Factors Among African High School and University Students: Systematic Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Psychology*, no. 13, article 847274. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.847274>

Submission date: 16.03.2024.

Acceptance date: 25.04.2024.

Психологические проблемы у подростков Республики Тыва с разными видами онлайн-поведения

Ольга И. Зайцева, Сергей Ю. Терещенко, Татьяна А. Колодяжная, Жанна Г. Зайцева

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение
ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

В статье анализируется структура психологических проблем у подростков с разными видами онлайн-поведения, проживающих в Республике Тыва. Эмпирической базой исследования являются результаты психологического опроса, проведенного авторами в апреле — мае 2022 г. и в апреле — мае 2023 г. в республике. Было обследовано 265 чел. (173 тувинцев и 92 русских). Диагностическим инструментарием для исследований выступает скрининговый вопросник «Сильные стороны и трудности» Р. Гудмана (Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ), R. Goodman).

Для всех обследованных подростков установлено увеличение психологических проблем по мере нарастания нежелательных признаков интернет-зависимости. Выявлены доминирующие психологические проблемы у подростков с одинаковыми вариантами онлайн-поведения в зависимости от этнической принадлежности, гендерных и возрастных различий. Преобладающими психологическими проблемами у подростков-тувинцев служат проблемы общения со сверстниками (23,1–42,4%). Психологическими проблемами возрастного плана у них выступают также проблемы общения со сверстниками (в 2,0–2,5 раза чаще, 36,6–43,2%) в группах подростков 12–14 лет с адаптивным и неадаптивным использованием Интернетом. При дифференциации по полу не лучшие показатели демонстрируют девочки с неадаптивным использованием Интернетом в сравнении с мальчиками этой же группы: эмоциональные расстройства в 2,2 раза чаще (39,1%) и проблемы общения со сверстниками в 2,1 раза чаще (43,4%). Для русских подростков с неадаптивным использованием Интернетом свойственны проблемы общения со сверстниками (27,9%), общие психологические проблемы (25,5%) и трудности адаптации (20,9%).

Ключевые слова: Республика Тыва; подросток; тувинцы; русские; онлайн-поведение; интернет-зависимость

Для цитирования:

Зайцева О. И., Терещенко С. Ю., Колодяжная Т. А., Зайцева Ж. Г. Психологические проблемы у подростков Республики Тыва с разными видами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 119–135. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7>

Зайцева Ольга Исаевна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: 1081959@mail.ru

Терещенко Сергей Юрьевич — доктор медицинских наук, профессор, руководитель клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: legise@mail.ru

Колодяжная Татьяна Александровна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: tat2360955@mail.ru

Зайцева Жанна Геннадьевна — младший научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: 89831549968@mail.ru

Psychological problems in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior

Olga I. Zaitseva, Sergei Yu. Tereshchenko, Tatiana A. Kolodiazhnaya, Zhanna G. Zaitseva

Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center

“Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Russian Federation

The article analyzes the psychological problems of adolescents with different online behaviors in the Republic of Tuva. It is based on the results of two psychological surveys conducted by the author in April and May of 2022 and 2023, respectively, in the republic. A total of 265 participants (173 Tuvan and 92 Russian) were surveyed. The screening questionnaire “Strengths and Difficulties” by R. Goodman was used for this study.

For all surveyed adolescents, an increase in psychological problems was found to be an undesirable sign of Internet addiction. Dominant psychological issues have been identified among adolescents with similar online behaviors, depending on ethnic, gender, and age differences.

The most prevalent psychological problems among Tuvan adolescents were communication issues with peers (23.1–42.4%). Additionally, psychological issues related to the age group were also communication problems with peers, occurring 2 to 2.5 times more frequently (36.6–43.2%) among adolescents aged 12–14 with adaptive and maladaptive Internet use.

When differentiating by gender, girls with maladaptive internet use do not exhibit the best indicators compared to boys in the same group. Emotional disorders are 2.2 times more common (39.1%), and communication issues with peers are 2.1 times more prevalent (43.4%). Russian teenagers with maladaptive Internet use experience problems communicating with their peers, general psychological issues, and difficulties adapting. These issues affect 27.9%, 25.5%, and 20.9% of teenagers, respectively.

Keywords: Republic of Tuva; teenager; Tuvans; Russians; online behavior; Internet addiction

For citation:

Zaitseva O. I., Tereshchenko S. Yu., Kolodyazhnaya T. A. and Zaytseva Z. G. Psychological problems in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 119-135. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7>

ZAITSEVA, Olga Isaevna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: 1081959@mail.ru *ORCID ID: 0000-0001-7199-2308*

TERESHCHENKO, Sergey Yuryevich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Head, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: legise@mail.ru *ORCID ID: 0000-0002-1605-7859*

KOLODYAZHNAYA, Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: tat2360955@mail.ru

ZAYTSEVA, Zhanna Gennadiyevna, Junior Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Postal address: 3 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: 89831549968@mail.ru

Введение

За последнее десятилетие интернет стал неотъемлемой частью жизни для большинства населения. Необходимым и привлекательным интернет оказался для современных подростков, являясь средством общения и источником информации, важным элементом их социализации (Семенова и др., 2020; Эверт и др., 2020; Кекеева и др., 2022; Jiang et al., 2022). Однако чрезмерное использование Интернета опосредованно оказывает неблагоприятное влияние на личностные установки и межличностные взаимоотношения (Рыбакова, 2017; Хуторянская, Петрова, Нургалиева, 2019: Электр. ресурс; Miao et al., 2018; Peterka-Bonetta et al., 2019). В такой ситуации может развиваться особая форма аддиктивного поведения — интернет-зависимость. Интернет-зависимость (ИЗ) — это тип поведенческой зависимости, которой сопутствуют такие синдромы, как импульсивность, депрессия, тревожность и обсессивно-компульсивные расстройства и формируется часто в подростковом возрасте (Слободская, Гудман, Рябиченко, 2006; Alimoradi et al., 2019).

Общеизвестно, что подростковый возраст характеризуется психологической перестройкой и сопровождается высокой эмоциональной нестабильностью и повышенной тревожностью. В этом возрасте стойкий неуспех, невозможность самореализации на определенном уровне могут оказаться одной из ведущих причин развития психологического неблагополучия и ИЗ-поведения (Макарова, Резников, 2020; Куприянчук, Ладухина, Лисовцева, 2022: Электр. ресурс; Шубина, Терещенко, Горбачева, 2022; Москаленко, 2023; Vesirovic, Pajevic, 2020).

В этой связи концептуальное видение анализируемой в статье проблемы основывается на теоретико-методологических подходах, базирующихся на современных нейрофизиологических и генетических данных формирования ИЗ-поведения и взаимосвязи с психоэмоциональным состоянием человека. При этом мы интерпретируем полученный научный материал с учетом знаний психологии подросткового возраста и специфики поведения подростков в интернет-пространстве.

В контексте изучаемой проблемы заслуживают внимания работы авторов (Heinze et al., 2016), рассматривающих ИЗ-поведение и сопутствующие ему отклонения в психоэмоциональной сфере как закономерную ответную реакцию организма на стресс. Подтверждением тому является напряжение механизмов вегетативной регуляции и гипоталамо-гипофиз-надпочечниковой системы у индивидов с ИЗ. Эти универсальные стресс-лимитирующие системы обеспечивают начало, развитие и поддержание интернет-зависимости, что в полной мере согласуется с учением Г. Селье о стрессе (Kaess et al., 2017). Методами нейровизуализации установлена морфологическая составляющая интернет-зависимости, а именно, структурные изменения областей мозга, ответственные за управляющие функции: принятие решений, когнитивный контроль, память (Ko et al., 2014).

Очевидна актуальность генетического исследования проблемного использования Интернета (Кибитов, Трусова, Егоров, 2019; Кибитов и др., 2020). Публикации по данному вопросу малочисленны и противоречивы. Исследователи полагают, что генетическая изменчивость может помочь объяснить влияние интернет-зависимости на познание, эмоции и аддиктивное поведение (Tereshchenko, Kasparov, 2019; Vaccaro, Potenza, 2019; Doh et al., 2020).

Особого внимания заслуживают данные гендерного различия в паттернах и особенностях ИЗ-поведения подростков. У ИЗ-подростков выявлено дифференцированное влияние по полу на вредные привычки и школьную успеваемость (Su et al., 2019): среди девочек-подростков характер взаимоотношений «учитель-ученик» имеет тесную связь с интернет-зависимостью; в то время как среди мальчиков-подростков эта категория отношений касается одноклассников (Tomaszek, Muchacka-Sumerman, 2019).

Республика Тыва в контексте психического здоровья подрастающего поколения в условиях активного внедрения в повседневную жизнь Интернета является регионом, представляющим особый интерес. Это связано, прежде всего, с тем, что среди субъектов Российской Федерации Республика Тыва остается одним из депрессивных в социально-экономическом развитии регионом (Балакина, Бегзи, 2016). Сложная обстановка в регионе негативно влияет на психоэмоциональное благополучие подрастающего поколения Республики Тыва, повышая уровень тревожности, усиливая неуверенность и формируя девиантные формы поведения у подростков (Севек, Солян, Севек, 2016). Наиболее «уязвимыми» в плане нарушения поведенческой интеграции и смещения поведения в сторону дезадаптивных моделей, включая ИЗ-поведение, оказываются тувинские подростки. Это обусловлено этнокультурными особенностями, своеобразием эмоциональной сферы тувинцев и специфичностью

реагирования в стрессовых ситуациях (Семенова, 2015; Ооржак, 2019; Ламажаа, 2021; Трошкина, Ой-дуп, Делекова, 2024; Ондар, Донгак, Монгуш, 2023).

В настоящей работе нами предпринята попытка провести исследование, целью которого явилась оценка психологического статуса подростков г. Кызыла (Республики Тыва) с разным поведением в сети Интернет с учетом этнической принадлежности, возрастных и гендерных различий.

Для реализации поставленной цели сформулированы следующие задачи: изучить распространенность различных видов онлайн-поведения (адаптивное пользование Интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и патологическое пользование Интернетом (интернет-зависимость, ИЗ)) у подростков Кызыла (Республика Тыва); выявить психологические проблемы у подростков разного этноса (тувинцы, русские) в зависимости от вида онлайн-поведения с учетом возраста, гендерной принадлежности; провести сравнительный анализ психологических проблем у представителей анализируемых этнических групп с одинаковыми видами онлайн-поведения; сопоставить результаты с данными других авторов.

Материал и методы исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. № ЕГИСУ ЕГИСУ № 124020100064-6), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководители — член-корр. РАН, д. м. н., профессор В. Т. Манчук и д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Результаты исследования являются фрагментами выполняемой и указанной выше научной темы. Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН.

После получения информированного согласия родителей ученики были уведомлены о добровольности и конфиденциальности исследования. Респондентам предложено заполнить анкеты, вопросы в которых изложены на русском языке. В случае возникновения у респондентов затруднений в понимании вопросов анкеты учитель и исследователь имели возможность разъяснить их смысл. Анкетирование проводилось в течение одного урока в присутствии учителя и исследователя. При заполнении опросника учащиеся сообщали место рождения и национальность, включая национальность родителей. В исследуемые выборки включались субъекты, имеющие родителей соответствующей национальной принадлежности на основе данных опроса.

Источником информации для работы служили результаты психологического обследования, проведенного в столице Республике Тыва (г. Кызыл) в апреле — мае 2022 г. и в апреле — мае 2023 г. Объектом исследования являлись случайные выборки подростков (12–18 лет), обучающихся в трех общеобразовательных учреждениях г. Кызыла. Общая выборка составила 265 школьников: 173 представителя тувинского этноса (75 мальчиков и 98 девочек) и 92 чел. русского этноса (44 мальчика и 48 девочек). Анализировались полученные данные в двух возрастных группах: 12–14 лет и 15–18 лет, а также учитывались гендерные и этнические различия. Дизайн исследования включал изучение у подростков разных этнических групп структуру онлайн-поведения (АПИ, НПИ, ИЗ) и характеристику психоэмоциональной сферы подростков в зависимости от вида онлайн-поведения.

Интернет-зависимость подростков оценивали с помощью методики «Теста интернет-зависимости Чена» (шкала CIAS) (Chen et al., 2003) в адаптации В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова¹.

Опросник включает 26 утверждений, каждое из которых оценивается по 4-балльной шкале Лайкерта: «совсем не подходит» (1 балл), «слабо подходит» (2 балла), «частично подходит» (3 балла) и «полностью подходит» (4 балла).

Согласно нормативным интервалам теста выделяют следующие варианты интернет-зависимого поведения:

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М : МГМСУ, 2011.

— от 27 баллов до 42 — адаптивное пользование Интернетом (АПИ, отсутствие интернет-зависимого поведения);

— от 43 баллов до 65 — неадаптивное пользование Интернетом (НПИ, склонность к возникновению интернет-зависимого поведения/доаддиктивный этап);

— от 66 баллов и выше — обоснованно можно констатировать наличие интернет-зависимого поведения (ИЗ, злоупотребление Интернетом).

Данная методика была апробирована российскими исследователями, которые подтвердили высокую точность заявленных показателей интернет-зависимого поведения с высокой степенью надежности¹.

Для оценки психоэмоционального состояния подростков с различными видами онлайн-поведения использовался скрининговый вопросник, предложенный профессором Лондонского института психиатрии Р. Гудманом, «Сильные стороны и трудности» (Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ), R. Goodman) (Goodman, 2001).

В имеющихся публикациях показана высокая корреляция с клиническими психиатрическими обследованиями (Goodman, Scott, 1999; Ford et al., 2009; Малыгин, Хомерики, Антоненко, 2015). Русский вариант опросников Р. Гудмана апробирован на подростках коренных жителей Азиатского Севера (якутах), где показал также свою высокую информативность (Мартынова, Семенова, 2011).

Опросник Р. Гудмана «Сильные стороны и трудности» охватывает наиболее распространенные эмоциональные и поведенческие проблемы, сгруппированные в 5 шкалах и одна шкала суммарная:

1. Шкала «Общие психологические проблемы» суммирует все. Общий балл ≥ 16 по данной шкале. В опроснике помимо вопросов, позволяющих оценить выраженность эмоциональных и поведенческих расстройств у подростков, включены вопросы, оценивающие сильные стороны подростка;

2. Шкала «Эмоциональные расстройства»: учитывается при регистрации ≥ 6 баллов по данной шкале. Характеризует любое состояние, при котором эмоциональные реакции являются неадекватными ситуации, в которой они возникают. Эмоциональные расстройства включают депрессивные состояния, тревожность, страхи и связанные с ними психосоматические проявления: боли и неприятные ощущения, не имеющие определенной органической причины, а также невротические симптомы: тики, обкусывание ногтей, заикание и другие. Их связывают с внутренними проблемами и с чрезмерным контролем поведения;

3. Шкала «Отклонения в поведении»: учитывается при регистрации ≥ 5 баллов по социальной шкале и отражает недостаточный самоконтроль. Понятие «отклонения в поведении» включает в себя повторяющееся стойкое поведение, при котором нарушаются права других людей, или важные возрастные нормы и правила. Отклонения в поведении включают: ложь, воровство, прогулы школы, побеги из дома, намеренную порчу чужого имущества, жестокость по отношению к животным, насилие, организацию драк. Эмоциональные расстройства и отклонения в поведении часто сопутствуют друг другу, снижением успеваемости в школе и, в итоге, приводят к снижению приспособленности;

4. Шкала «Гиперактивность»: учитывается при регистрации ≥ 7 баллов по данной шкале отражает энергичную, неадекватную двигательную активность (расторможенность, импульсивность), связанную преимущественно с нарушением внимания (невнимательность);

5. Шкала «Проблемы общения со сверстниками»: учитывается при регистрации ≥ 4 баллов по данной шкале. Оценивает наличие трудностей во взаимоотношениях с другими детьми: отсутствие друзей, сложности в совместных играх и занятиях;

6. Шкала «Просоциальное поведение»: учитывается при регистрации ≤ 4 баллов по данной шкале. Отражает адаптированность подростка к предлагаемым условиям, соблюдение моральных норм и правил, дружеское сотрудничество с другими детьми. Как правило, оценкам шкалы «просоциальное поведение» сопутствуют низкие баллы по шкалам «проблемы с поведением» и «проблемы со сверстниками» (Goodman, 2001: 1338–1341).

Интерпретация полученных результатов осуществлялась следующим образом: после суммирования баллов по всем шкалам вместе и по отдельным шкалам опросника, полученные резуль-

¹ Там же.

таты сопоставляются с таблицей оценки результатов опросника. При отчете учитывают нормальные значения и значения, имеющие отклонения от нормы.

Результаты интервьюирования подростков г. Кызыла выступали источником статистической информации и затем создавались электронные базы данных. При статистической обработке полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (95% ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson), для малых выборок – двусторонний точный критерий Фишера. Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Структура онлайн-поведения подростков г. Кызыла

По критериям опросника «Шкала интернет-зависимости Чена» были сформированы группы подростков из двух основных этносов Тувы – русские и тувинцы. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Структура онлайн-поведения у подростков г. Кызыла
Table 1. Structure of online behavior among adolescents in Kyzyl

Анализируемые группы	АПИ (≤42 б.)		НПИ (43б.-64б.)		ИЗ (≤65 б.)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Подростки- тувинцы	65	37,6 30,6–44,9	75	43,3 36,1–50,8	33	19,1 13,9–25,5
2. Подростки- русские	44	47,8 37,8–57,9	43	46,7 36,8–56,8	5	5,5 2,4–12,1
Р по χ^2	$\chi^2=2,61$; $P_{1-2}=0,1063$		$\chi^2=0,28$; $P_{1-2}=0,5975$		$\chi^2=8,02$; $P_{1-2}=0,0460$	

Среди представителей тувинской части выборки почти одинаковыми по численности (без статистически значимых различий) были группы респондентов-тувинцев с адаптивным (АПИ) и неадаптивным (НПИ) использованием Интернетом. Меньшей по численности была группа тувинских подростков с ИЗ-поведением в сравнении с подростками-тувинцами с АПИ (подростки-тувинцы с АПИ: 37,6%; 65 чел.; 95% ДИ 30,6–44,9 и подростки-тувинцы с ИЗ: 19,1%; 33 чел.; 95% ДИ 13,9–25,5; $\chi^2=14,58$; $P=0,0001$) и с подростками-тувинцами с НПИ (подростки-тувинцы с НПИ: 43,3%; 75 чел.; 95% ДИ 36,1–50,8 и подростки-тувинцы с ИЗ: 19,1%; 33 чел.; 95% ДИ 13,9–25,5; $\chi^2=23,75$; $P<0,001$).

Схожее с респондентами-тувинцами распределение видов онлайн-поведения наблюдается у представителей русской части выборки. Одинаково многочисленными были группы русских подростков с АПИ и с НПИ. Небольшой по численности была группа русских школьников с ИЗ-поведением как в сравнении с русскими подростками с АПИ (русские подростки с АПИ: 47,8%; 44 чел.; 95% ДИ 37,8–57,9 и русские подростки с ИЗ: 5,5%; 5 чел.; 95% ДИ 2,4–12,1; $\chi^2=14,58$; $P=0,0001$), так и с русскими подростками с НПИ (русские подростки с НПИ: 46,7%; 43 чел.; 95% ДИ 36,8–56,8 и русские подростки с ИЗ: 5,5%; 5 чел.; 95% ДИ 2,4–12,1; $\chi^2=23,75$; $P<0,001$). Отличительной особенностью тувинских респондентов служит большая численность подростков с ИЗ-поведением в тувинской выборке против русских подростков в аналогичной выборке ($P=0,0460$).

Структура психологических проблем у подростков-тувинцев с разными типами онлайн-поведения

Частота психологических проблем у подростков-тувинцев г. Кызыла с разными вариантами пользования Интернетом представлена в *таблице 2*.

*Таблица 2. Психологические проблемы у тувинских подростков с разными типами онлайн-поведения, в %
Table 2. Psychological problems among Tuvan adolescents with different types of online behavior, in %*

Показатели	АПИ (≤42 б.) n=65	НПИ (43–64 б.) n=75	ИЗ (≤65б.) n=33	χ^2	P по χ^2
	[1]	[2]	[3]		
Общие психологические проблемы (≥16 б.)	7,7 3,4–16,8	17,3 10,4–27,4	39,4 24,6–56,4	2,89 14,67 6,1	$P_{1-2}=0,0892$ $P_{1-3}=0,0001$ $P_{2-3}=0,0135$
Эмоциональные проблемы (≥6 б.)	6,2 2,5–14,8	12,0 6,5–21,3	42,4 27,2–59,3	1,41 19,20 12,66	$P_{1-2}=0,2346$ $P_{1-3}=0,0001$ $P_{2-3}=0,0004$
Проблемы с поведением (≥5 б.)	7,6 3,4–16,8	8,0 3,7–16,4	15,2 6,7–31,1	1,39 1,28	$P_{1-3}=0,2383$ $P_{2-3}=0,2577$
Гиперактивность (≥7б.)	–	5,3 2,2–12,9	15,2 6,7–31,1	2,89	$P_{2-3}=0,0890$
Проблемы со сверстниками (≥4 б.)	23,1 14,5–34,7	36,0 26,1–47,3	42,4 27,2–59,3	2,77 3,93	$P_{1-2}=0,0961$ $P_{1-3}=0,0474$
Просоциальное поведение (≤4 б.)	21,5 13,3–33,0	20,0 12,5–30,4	24,2 12,8–41,2	0,90 0,25	$P_{1-2}=0,7618$ $P_{2-3}=0,6199$

Среди подростков-тувинцев с АПИ независимо от возраста и пола самыми распространенными были проблемы со сверстниками, наблюдаемые не реже чем у каждого четвертого подростка (15 чел., 23,1%). Второй по частоте — проблемы, фиксируемые по фактору «просоциальное поведение», характеризующие трудности адаптации в реальных условиях (14 чел.; 21,5%). Остальные анализируемые психологические проблемы регистрируются в одинаково небольшом проценте случаев (6,7–7,7%). У подростков-тувинцев с НПИ в сравнении с аналогичной группой подростков с АПИ наблюдается тенденция к росту проблем со сверстниками ($P=0,0961$), а также общих психологических проблем ($P=0,0892$). На относительно стабильном уровне у них в сопоставлении с респондентами-тувинцами с ОПИ остаются проблемы с адаптацией, определяемые по шкале «просоциальное поведение» (15 чел., 20,0%) и эмоциональные проблемы (9 чел., 12,0%). Редко встречаемыми психопатологическими синдромами оказываются проблемы с поведением (6 чел., 8,0%) и синдром гиперактивности (4 чел., 5,3%). Необходимо отметить, что накопление признаков интернет-зависимости в структуре подростковой личности сопровождается ростом психопатологических синдромов у них.

В группе ИЗ подростков-тувинцев наблюдается стремительный рост общих психологических проблем в сравнении с респондентами с АПИ ($P=0,0001$) и с НПИ ($P=0,0135$), эмоциональных проблем в сравнении с респондентами с АПИ ($P=0,0001$) и с НПИ ($P=0,0004$), проблем со сверстниками в сопоставлении с респондентами с АПИ ($P=0,0474$). Частота остальных анализируемых психопатологических синдромов остается стабильной и не имеет статистически значимых различий с респондентами с АПИ и с НПИ.

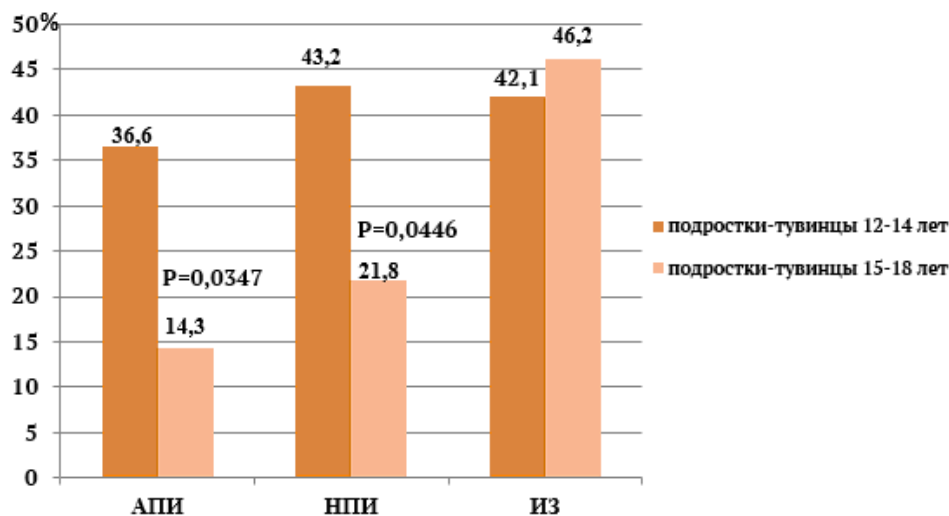

Диаграмма 1. Частота психологических проблем по шкале «проблемы со сверстниками» у подростков-тувинцев с разными типами онлайн-поведения в зависимости от возраста, в %.
Diagram 1. Frequency of psychological problems on the “problems with peers” scale among Tuva adolescents with different types of online behavior depending on age, in %.

Далее мы анализировали частоту психологических проблем у подростков-тувинцев с разными типами онлайн-поведения с учетом возрастных групп. Результаты представлены в диаграмме 1.

У подростков-тувинцев с разными типами онлайн-поведения установлены психологические особенности возрастного порядка, достигающие степени статистической значимости по шкале «проблемы со сверстниками». У подростков-тувинцев 12–14 лет с АПИ в 2,5 раза чаще встречаются с проблемами со сверстниками в сравнении с подростками-тувинцами 15–18 лет этой же группы (P=0,0347). Аналогичную динамику показателей шкалы «проблемы со сверстниками» (в 2 раза чаще) демонстрируют респонденты вышеозначенных возрастных категорий в группе с НПИ (P=0,0446). У подростков-тувинцев с ИЗ возрастных различий по изучаемым показателям выявлено не было.

Следующим этапом мы проанализировали распространенность психологических проблем среди подростков-тувинцев с разными типами онлайн-поведения с учетом гендерной принадлежности. Статистически значимые результаты обнаружены в группе подростков-тувинцев с НПИ. У девочек-тувинок с НПИ в 2,2 раза чаще встречаются эмоциональные проблемы в сравнении с мальчиками-тувинцами с НПИ (девочки-тувинки с НПИ: 39,1%; 18 чел.; 95% ДИ 26,3–53,6 и мальчики-тувинцы с НПИ: 17,2%; 5 чел.; 95% ДИ 7,7–34,7; $\chi^2=4,01$; P=0,0453). Кроме того у девочек-тувинок с НПИ в 2,1 раза чаще регистрируются проблемы со сверстниками в сопоставлении с мальчиками-тувинцами с НПИ (девочки-тувинки с НПИ: 43,4%; 20 чел.; 95% ДИ 31,1–57,8 и мальчики-тувинцы с НПИ: 20,6%; 6 чел.; 95% ДИ 9,93–38,56; $\chi^2=4,08$; P=0,0434).

Структура психологических проблем у русских подростков с разными типами онлайн-поведения

Структура психологических проблем у русских подростков г. Кызыла (столицы Республики Тыва) с разными типами онлайн-поведения. представлена в таблице 3.

Среди русских подростков с АПИ независимо от возраста и гендерной принадлежности анализируемые психопатологические синдромы встречаются в небольшом проценте случаев и указаны по степени убывания: общие психологические проблемы (4 чел.; 9,1%), с одинаковой частотой эмоциональные проблемы и проблемы со сверстниками (3 человека; 6,8%), проблемы с адаптацией (2 чел.; 4,5%), а проблемы с поведением и гиперактивностью не были зарегистрированы.

Таблица 3. Психологические проблемы у русских подростков с разными типами онлайн-поведения, в %
Table 3. Psychological problems among Russian adolescents with different types of online behavior, in %

Показатели	АПИ (≤42 б.) n=44	НПИ (43–64 б.) n=43	χ^2	P по χ^2
Общие психологические проблемы (≥16 б.)	[1]	[2]	4,14	P ₁₋₂ =0,0418
	9,1 3,7–21,2	25,5 14,9–40,3		
Эмоциональные проблемы (≥6 б.)	6,8 2,4–18,2	23,2 13,2–37,8	3,42	P ₁₋₂ =0,0644
Проблемы с поведением (≥5б.)	–	11,6 5,2–24,5		
Гиперактивность (≥7б.)	–	13,9 6,64–27,3		
Проблемы со сверстниками (≥ 4 б.)	6,8 2,4–18,2	27,9 16,7–42,7	5,38	P ₁₋₂ =0,0112
Просоциальное поведение (≤4 б.)	4,5 1,3–15,1	20,9 11,4–35,3	5,23	P ₁₋₂ =0,0264

Русские подростки с НПИ демонстрируют рост всех анализируемых категорий психологических проблем в сравнении с респондентами с АПИ. Представители русской части выборки с НПИ статистически значимо чаще в сравнении с индивидами с АПИ из этой же выборки испытывают проблемы со сверстниками (P=0,0112), а также общие психологические проблемы (P=0,0418), проблемы с адаптацией (P=0,0264). В группе русских респондентов с НПА прослеживается выраженная тенденция к увеличению частоты эмоциональных проблем в сравнении с русскими подростками с АПИ (P=0,0644). Дополнительными психологическими проблемами у респондентов с НПА из русской части выборки следует считать появление симптомов гиперактивности (6 чел., 13,9%) и проблем с поведением (5 чел., 11,6%), не наблюдаемых у интервьюированных этнических русских с АПИ. Среди представителей русской части выборки не было выявлено статистически значимых различий по частоте психологических проблем возрастного и гендерного порядка. В русской части выборки группа подростков с ИЗ-поведением была крайне малочисленной. Психологические проблемы в этой группе встречались в единичных случаях и нами не рассматривались.

Обсуждение

Проведенные исследования по изучению онлайн-поведения у школьников подросткового возраста г. Кызыла (Республика Тыва) с использованием опросника «Шкала интернет-зависимости Чена» установили одинаково высокую частоту дезадаптивного пользования Интернетом у представителей тувинского этноса (подростки-тувинцы с НПИ: 43,3%, 75 чел.) и у индивидов русского этноса (русские подростки с НПИ: 46,7%, 43 чел.). В то же время частота ИЗ-поведения среди тувинских подростков в 3,5 раза была выше в отличие от русских подростков (подростки-тувинцы с ИЗ: 19,1%, 33 чел. и русские подростки с НПИ: 5,0%, 5 чел.; P=0,0460). Несомненно, формирование интернет-зависимости во многом обусловлено многообразием причин, а именно, психологическими свойствами личности, уровнем социальной напряженности, низким уровнем жизни, и другими объективными причинами. Однако, по мнению авторитетных ученых, нельзя не принимать во внимание то, что во всех случаях Интернет является фоном для их развития (Мальгин, Хомерики, Антоненко, 2011).

Аналізу данного положения посвящено наше дальнейшее исследование.

Изучение психологического статуса подростков Кызыла с онлайн-поведением при помощи скринингового опросника Р. Гудмана «Сильные стороны и трудности» (SDQ) выявила «уязвимые», проблемные стороны психоэмоционального состояния подростков Кызыла в зависимости от типа онлайн-поведения. Несомненно, обнаруженные в рамках одного региона возрастные и гендерные

особенности, а также этнические различия частоты психопатологических синдромов у подростков Тувы с разными типами онлайн-поведения не являются исключительными. Поэтому необходимым условием для их объективной оценки является сравнение полученного нами научного материала с результатами других авторов.

Наши исследования подтверждают бытующее у специалистов мнение, что наличие признаков интернет-зависимости у индивида, в том числе и у подростков, сопровождается ростом числа отклонений в психологическом статусе (Макарова, Резников, 2020; Becirovic, Pajevic, 2020; Jiang et al., 2022; Hong et al., 2023).

Результаты текущего исследования убедительно демонстрируют высокую распространенность психопатологических синдромов в группе подростков с интернет-зависимостью на популяции тувинских подростков г. Кызыла. Среди тувинских подростков с ИЗ общие психологические проблемы регистрируются чаще в 5,3 раза в сопоставлении с респондентами-тувинцами с АПИ и в 2,3 раза — с подростками-тувинцами с НПИ. Проблемы эмоционального характера у тувинских подростков с ИЗ регистрируются в 6,8 раза чаще в сравнении с аналогичной группой подростков с АПИ и в 3,5 раза — с респондентами с НПИ. Представители тувинской части выборки с ИЗ в 1,8 раза чаще демонстрируют проблемы со сверстниками в сравнении с ровесниками с АПИ, а также синдром гиперактивности у них фиксируется чаще в 2,8 раза в сравнении с подростками с АПИ. Аналогичная динамика психологических показателей наблюдается у русских подростков с разными типами онлайн-поведения.

Исходя, из представленных выше данных следует, что психопатологические синдромы среди подростков с АПИ, как представителей тувинской части выборки, так и русской части выборки, регистрируются существенно реже. Учащиеся-тувинцы с НПИ по числу регистрируемых психопатологических синдромов занимают промежуточное положение. Их отличительным признаком от подростков с АПИ в полной мере может служить рост в 2,2 раза числа индивидов с общими психологическими проблемами, в 1,5 раза — с проблемами эмоционального характера, а также наличие дополнительного психопатологического синдрома — гиперактивности (5,3%), отсутствующего у респондентов с АПИ.

Выявленная нами динамика ухудшения психологического состояния у подростков г. Кызыла по мере накопления в психологическом статусе признаков ИЗ, согласуется с данными литературы (Егоров и др., 2020). В последнее десятилетие в научной литературе все чаще появляются сведения отечественных и зарубежных авторов, констатирующих связь психопатологических симптомов (гиперактивности, эмоциональных и поведенческих нарушений) с массивным потреблением медиа-источников (Хуторянская, Петрова, Нурғалиева, 2019; Куприянчук, Ладухина, Лисовцева, 2022: Электр. ресурс; Шубина, Терещенко, Горбачева, 2022; Durkee et al., 2016; Wasserman, 2016; Müller et al., 2017; Hong et al., 2023). При этом авторы делают акцент на то, что лучшие параметры здоровья сочетаются с более низкими показателями интернет-зависимости, а ухудшение здоровья связано с более высокими показателями интернет-зависимости (Karacic, Oreskovic, 2017).

В соответствии с результатами настоящего исследования, этническими особенностями изучаемых характеристик была изначально большая частота психопатологических синдромов у подростков-тувинцев в сравнении с русскими подростками, наиболее выраженная в группе респондентов с АПИ. Тувинские подростки с АПИ в 3,3 раза чаще испытывают трудности коммуникации в отличие от своих русских ровесников (проблемы со сверстниками у тувинских респондентов с АПИ — 23,1% против аналогичной группы русских школьников — 6,8%, $P=0,0477$), а также в 4,7% раза чаще у них встречаются проблемы с адаптацией (учащиеся-тувинцы с АПИ: 21,5%; и русские школьники с АПИ: 4,5%; $P=0,0290$).

Безусловно, обнаруженные нами неблагоприятные тенденции в состоянии психологического здоровья тувинских подростков, имеют многоаспектную этиологию: большее присутствие ряда нежелательных факторов социального и материально-бытового плана в целом в Туве в сочетании с индивидуально-типологическими (генетически детерминированными) свойствами личности тувинских подростков. В научной литературе есть сведения об ассоциации ряда неблагоприятных психологических характеристик (тревоги, депрессии) с полиморфизмом наиболее изученного в этом плане гена транспортера серотонина (5-HTT gene-linked promoter region, 5-HTTLPR) (Kano et al., 2012; Гуреев и др., 2014). Имеются исследования по интересующей нас проблеме, выполненные в Республике Тыва (Савостьянов и др., 2014). Учеными-генетиками из г. Новосибирска была

найдена взаимосвязь полиморфизма гена транспортера серотонина (5-HTT gene-linked promoter region, 5-HTTLPR) с психопатологическими синдромами у жителей Сибири: этнических русских и представителей тувинского этноса. Ученые обнаружили достоверно высокий уровень личностной тревожности у носителей генотипа SS, регистрируя высокую частоту S-аллель гена 5-HTT среди этнических тувинцев. Невысокий уровень личностной тревожности наблюдается у носителей генотипа LL, высокая частота которого (L-аллель гена 5-HTT) встречается у русских.

Однако современная наука связывает проблему этнопсихологического своеобразия индивида и его поведение в социуме не только со спецификой генетического фона, но и с социокультурными условиями. Достойны внимания в этом плане работы, например, Л. Н. Ооржак, Ч. К. Ламажаа, Т. М. Трошкиной, в которых авторы освещают этнокультурно-психологические особенности тувинских подростков: уважительное отношение к старшим, приверженность семейным традициям, эмоциональную сдержанность и личную скромность, не позволяющую демонстрировать свои знания и умения, спокойствие и медлительность. Исследователи связывают наличие этих характерологических черт с мировоззрением и традиционной культурой тувинского народа (Ооржак, 2019; Ламажаа, 2021; Трошкина, Ойдуп, Дилекова, 2024).

Возрастными особенностями изучаемых характеристик по результатам данного исследования является большая частота психопатологических синдромов у младших подростков-тувинцев (12-14 лет) в отличие от старших тувинских подростков (15-18 лет). У подростков-тувинцев 12-14 лет с АПИ в 2,5 раза чаще регистрируются проблемы со сверстниками (проблемы со сверстниками у тувинских подростков 12-14 лет с АПИ — 36,6% и тувинские подростки 15-18 лет с АПИ — 14,3%; $P=0,0347$). Нарастание в 2 раза частоты проблем со сверстниками наблюдается у младших подростков-тувинцев с НПИ в сравнении со старшими подростками-тувинцами с НПИ (проблемы со сверстниками у тувинских подростков 12-14 лет с НПИ — 43,2% и тувинские подростки 15-18 лет с НПИ — 21,8%; $P=0,0446$). Полученные нами результаты согласуются с данными других исследователей, оценивающих этот возрастной период как самый трудный, связанный с физической и психофизиологической перестройкой организма, приходящейся в основном на 11-14 лет (Макарова, Резников, 2020; Jiang et al., 2022). В то же время наличие интернет-зависимого поведения у подростков характеризуется ростом нежелательных симптомов в психологическом статусе и способствует нивелированию патопсихологических различий, связанных с возрастом. Это подтверждается отсутствием различий между младшими и старшими тувинскими подростками в группе с интернет-зависимостью.

Результаты нашего исследования позволили выявить распространенность психологических проблем среди подростков-тувинцев с разными типами онлайн-поведения с учетом гендерной принадлежности, наиболее четко определяемые в группе подростков-тувинцев с НПИ. У девочек-тувинок с НПИ в 2,2 раза чаще наблюдаются эмоциональные проблемы в сравнении с мальчиками-тувинцами с НПИ (девочки-тувинки с НПИ: 39,1% и мальчики-тувинцы с НПИ: 17,2%; $P=0,0453$), а также у них в 2,1 раза чаще регистрируются проблемы общения со сверстниками в отличие от мальчиков-тувинцев с НПИ (девочки-тувинки с НПИ: 43,4 % и мальчики-тувинцы с НПИ: 20,6%; $P=0,0434$). Схожие паттерны гендерных различий ранее обнаруживались в отечественных (Прайзендорф, 2022) и зарубежных исследованиях (Durkee et al., 2016; Wasserman, 2016; Su et al., 2019).

Заключение

В настоящее время наблюдается стремительное развитие Интернета и возрастает его влияние на образ жизни современного человека. Особенно это касается современных подростков, зачастую общающихся в сети Интернета на стыке реальности и виртуального мира. Диагностическое тестирование с помощью опросника «Шкала интернет-зависимости Чена» позволило установить частоту дезадаптивных форм онлайн-поведения у подростков г. Кызыла (Республика Тыва), а тщательное изучение их психоэмоционального статуса посредством вопросника «Сильные стороны и трудности» Р. Гудмана обнаружило возросшую частоту психологических проблем у подростков с дезадаптивными типами онлайн-поведения. Тем самым подтверждена концепция опосредованного нежелательного влияния дезадаптивных форм онлайн-поведения подростков на их психоэмоциональное состояние. Чрезвычайно необходимы эти исследования в Сибири, где компактно проживают многонациональные сибирские этносы, в том числе и тувинцы, со свойственными генетическими особенностями и этнокультурными характеристиками.

Результаты проведенного в Туве психологического исследования выявили среди подростков-тувинцев достаточно высокую распространенность дезадаптивных форм поведения в сети Интернет и, соответственно, большую частоту психопатологических синдромов у этой категории пользователей Интернета. Непростая сложившаяся ситуация свидетельствует об актуальности проблемы психологического здоровья для подростковой популяции Республики Тыва.

Впервые получены данные о структуре психологических проблем у подростков Кызыла разными типами онлайн-поведения с позиций возрастного-половых и этнических различий.

Высокий уровень распространенности психологических проблем и их взаимосвязь с интернет-зависимым поведением у тувинских подростков позволяет лучше понять масштабы данной проблемы, что необходимо для разработки эффективных стратегий ранней диагностики и профилактики дезадаптивного пользования Интернетом, всесторонней поддержки и помощи подросткам Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балакина, Г. Ф., Бегзи, А. Д. (2016) Экономика Тувы: возможные стратегии развития. Кызыл : ТИКОПР СО РАН. 380 с.

Гуреев, А. С., Ким, А. А., Санина, Е. Д., Ширманов, В. И., Кошечкин, В. А., Балановский, О. П., Янковский, Н. К., Боринская, С. А. (2014) Распределение частот *vntg* аллелей локуса 5-*httlpr* гена транспортера серотонина в населении Евразии и Африки // Экологическая генетика человека. № 3. Т. 12. С. 71–86.

Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин, А. Е., Понизовский, П. А., Вантей, В. Б., Громыко, Д. И., Долгих, Н. В., Ерофеева, Н. А., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. А., Магомедова, Е. А., Нечаева, А. И., Пашкевич, Н. В., Семенова, Ю. В., Сидоров, А. А., Ханьков, В. В., Кибитов, А. А., Крупицкий, Е. М., Шмуклер, А. Б., Кибитов, А. О. (2020) Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Кибитов, А. О., Трусова, А. В., Егоров, А. Ю. (2019) Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты // Вопросы наркологии. Т. 174. № 3. С. 22–47. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_3_22

Кибитов, А. О., Чупрова, Н. А., Гречаный, С. В., Соловьева, М. Г., Бродянский, В. М., Меркулова Т. В., Николишин А. Е., Солдаткин В. А., Яковлев А. Н., Илюк Р. Д., Крупицкий Е. М., Шмуклер А. Б., Егоров А. Ю. (2020) Генетические маркеры риска выраженности симптомов и проявлений интернет-зависимости по шкале CIAS: предварительные результаты // Вопросы наркологии. Т. 184. № 1. С. 60–82. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Куприянчук, Е. В., Ладухина, М. В., Лисовцева, В. М. (2022) Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимостью [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. Т. 10. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/01psmn422.html> (дата обращения: 14.04.2024).

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Макарова, И. А., Резников, С. А. (2020) Организация профилактики интернет-зависимости подростков в современной школе // Вопросы педагогики. Т. 6. № 2. С. 143–146.

Малыгин, В. Л., Хомерики, Н. С., Антоненко, А. А. (2015) Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 30. № 1. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer10.php (дата обращения: 20.03.2024).

Мартынова, Т. Ф., Семенова, Н. Б. (2011) Применение опросника Гудмана для оценки психического здоровья детей, проживающих на крайнем Севере // Тюменский медицинский журнал. № 2. С. 40–41.

Москаленко, О. Л. (2023) Интернет-зависимость: факторы риска и индивидуально-психологические особенности подростков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. Т. 15. № 5. С. 389–412. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-5-948>

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Ооржак, Л. Н. (2019) Влияние национально-психологических особенностей тувинцев на взаимоотношения в коллективе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. Т. 8. № 5А. С. 38–47.

Прайзендорф, Е. С. (2022) Половая идентичность девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // Педагогика и просвещение. № 2. С. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.35661>

Рыбакова, О. С. (2017) Законодательное регулирование обеспечения безопасности ребенка в интернет-пространстве // Правовая информатика. № 4. С. 49–54.

Савостьянов, А. Н., Науменко, В. С., Синяков, Н. А., Львова, М. Н., Левин, Е. А., Залешин, М. С., Кавай-оол, У. Н. (2014) Взаимосвязь уровня тревожности с полиморфными вариантами гена серотонинового транспортера у русских и тувинцев // Вавиловский журнал генетики и селекции. Т. 18. № 4–3. С. 1268–1280.

Севек, В. К., Соян, Ш. Ч., Севек, Р. М. (2016) Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. № 9. С. 141–144.

Семенова, Н. Б. (2015) Характеристика когнитивных функций у детей тувинцев этнические и территориальные различия // Вопросы психологии. № 6. С. 18–27.

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Слободская, Е. Р. Гудман, Р., Рябиченко, Т. И. (2006) Психосоциальные факторы эмоциональных проблем и отклонений в поведении подростков // Психиатрия. № 2. С. 28–36.

Трошкина, И. Н., Ойдуп, Т. М., Дилекова, С. Д. (2024) Семейные ценности населения республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 166–183. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Хуторянская, Т. В., Петрова, Л. Г., Нурғалиева, А. М. (2019) Социально-психологические особенности подростков с разной степенью интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/73pdmn319.html> (дата обращения: 10.04.2024).

Шубина, М. В., Терещенко, С. Ю., Горбачева, Н. Н. (2022) Частота встречаемости головных болей у детей с интернет-зависимостью // Российский журнал боли. Т. 20. № 4. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17116/pain2022200416>

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Alimoradi, Z., Lin, C.-Y., Broström, A., Bülow, P. H., Bajalan, Z., Griffiths, M. D., Ohayon, M. M., Pakpour, A. H. (2019) Internet addiction and sleep problems: a systematic review and meta-analysis // Sleep Medicine Reviews. Vol. 47. № 6. P. 51–61. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.smrv.2019.06.004>

Becirovic, E., Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence – Pandemic Knocking Door // Psychiatr Danub. Vol. 32. № 3. P. 382–385.

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // Journal of Medical Internet Research. Vol. 22. № 7. e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 13. № 3. P. 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Ford, J. K. B., Ellis, G. M., Olesiuk, P. F., Balcomb, K. C. (2009) Linking killer whale survival and prey abundance: food limitation in the oceans' apex predator // Biology Letters. Vol. 6. P. 139–142. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsbl.2009.0468>

Goodman, R. (2001) Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ) // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. Vol. 40. № 11. P. 1337–1345. DOI: <https://doi.org/10.1097/00004583-200111000-00015>

Goodman, R., Scott, S. (1999) Comparing the Strengths and Difficulties Questionnaire and the Child Behavior Checklist: is small beautiful? // Journal of Abnormal Child Psychology. Vol. 27. № 1. P. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1022658222914>

Heinze, K., Lin, A., Reniers, R., Wood, S. J. (2016) Longer-term increased cortisol levels in young people with mental health problems // Psychiatry Research Vol. 236. P. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.025>

Hong, Y. N., Hwang, H., Starcevic, V., Choi, T. Y., Kim, T. H., Han, D. H. (2023) Which is more stable and specific: DSM-5 internet gaming disorder or ICD-11 gaming disorder? A longitudinal study // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. Vol. 77. № 4. P. 213–222. DOI: <https://doi.org/10.1111/pcn.13522>

Jiang, M. Zh., Y., Wang, J., Hua, L., Chen, Y., Yao, Y., Jin, Y. (2022) Serial Multiple Mediation of the Correlation Between Internet Addiction and Depression by Social Support and Sleep Quality of College Students During the COVID-19 Epidemic // *Psychiatry Investigation*. Vol. 19. № 1. P. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.30773/pi.2021.0147>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F., Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder // *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 77. P. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

Kano, M., Mizuno, T., Kawano, Y. Aoki, M. (2012) Serotonin transporter gene promoter polymorphism and alexithymia // *Neuropsychobiology*. Vol. 65. № 2. P. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.1159/000329554>

Karacic, S., Oreskovic, S. (2017) Internet addiction through the phase of adolescence: a questionnaire study // *JMIR Mental Health*. Vol. 4. № 2. article e11. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.5537>

Ko, C.-H., Hsieh, T.-J., Chen, C.-Y., Hsieh, T.-J., Chen, Ch.-Y., Yen, Ch.-F., Chen, C.-S., Yen, J.-Y., Wang, P.-W., Liu, G.-Ch. (2014) Altered brain activation during response inhibition and error processing in subjects with internet gaming disorder: a functional magnetic imaging study // *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. Vol. 264. P. 661–672. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00406-013-0483-3>

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M., Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 7. P. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction // *Journal of Clinical Psychiatry*. Vol. 78. № 3. e244–e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M., Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students // *Addictive Behaviors*. Vol. 89. № 2. P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Su, W., Kiraly, O., Demetrovics, Z., Potenza, M. N. (2019) Gender moderates the partial mediation of impulsivity in the relationship between psychiatric distress and problematic online gaming: online survey // *JMIR Mental Health*. Vol. 6. № 3. Article e10784. DOI: <https://doi.org/10.2196/10784>

Tereshchenko, S., Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents // *Behavioral Sciences*. Vol. 6. № 9. P. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs9060062>

Tomaszek, K., Muchacka-Cymerman, A. (2019) Sex differences in the relationship between student school burnout and problematic Internet use among adolescents // *International Journal of Environment Public Health*. Vol. 21. № 16. Article 4107. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16214107>

Vaccaro, A. G., Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 10. P. 405–415. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00405>

Wasserman, D. (2016) Review of health and risk-behaviours, mental health problems and suicidal behaviours in young Europeans on the basis of the results from the EU-funded Saving and Empowering Young Lives in Europe (SEYLE) study // *Psychiatria Polska*. Vol. 50. № 6. P. 1093–1107. DOI: <https://doi.org/10.12740/PP/66954>

Дата поступления: 19.04.2024 г.

Дата принятия: 29.04.2024 г.

REFERENCES

Balakina, G. F. and Begzi, A. D. (2016) *Tuva's economy: possible development strategies*. Kyzyl, TIKOPR SO RAN. 380 p. (In Russ.).

Gureev, A. S., Kim, A. A., Sanina, E. D. Shirmanov, V.I., Koshechkin, V.A., Balanovskii, O.P., Iankovskii, N.K. and Borinskaia, C.A. (2014) Frequency distribution of vntnr alleles of the 5-httlpr locus of the serotonin transporter gene in the population of Eurasia and Africa. *Ekologicheskaiia genetika cheloveka*, no. 3, vol. 12, pp. 71–86. (In Russ.).

Egorov, A. Iu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Nikolishin, A. E., Ponzovskii, P. A., Vantei, V. B., Gromyko, D. I., Dolgikh, N. V., Erofeeva, N. A., Pozdniak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. A., Magomedova, E. A., Nechaeva, A. I., Pashkevich, N. V., Semenova, Iu. V., Sidorov, A. A., Khanykov, V. V., Kibitov, A. A., Krupitskii, E. M., Shmukler, A. B. and Kibitov, A. O. (2020) Clinical and psychological features of people with internet dependence: experience of a pilot study. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V., Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kibitov, A. O., Trusova, A. V. and Egorov, A. Iu. (2019) Internet addiction: clinical, biological, genetic and psychological aspects. *Journal of addiction problems*, vol. 174, no. 3, pp. 22–47. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_3_22

Kibitov, A. O., Chuprova, N. A., Grechanyi, S. V., Solov'eva, M. G., Brodianskii, V. M., Merkulova T. V., Nikolishin A. E., Soldatkin V. A., Iakovlev A. N., Iliuk R. D., Krupitskii E. M., Shmukler A. B. and Egorov A. Iu. (2020) Assessing genetic risk markers for the severity of the symptoms and manifestations of internet addiction using the cias scale: preliminary results. *Journal of addiction problems*, vol. 184, no. 1, pp. 60–82. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Kuprianchuk, E. V., Ladukhina, M. V. and Lisovtseva, V. M. (2022) Individually psychological characteristics of adolescents with internet dependence. *World of Science. Pedagogy and psychology*, vol. 10, no. 4 [online] Available at: <https://mir-nauki.com/01psmn422.html> (access date: 14.04.2024). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Makarova, I. A. and Reznikov, S. A. (2020) Organization of prevention of Internet addiction of adolescents in a modern school. *Voprosy pedagogiki*, vol. 6, no. 2, pp. 143–146. (In Russ.).

Malygin, V. L., Khomeriki, N. S. and Antonenko, A. A. (2015) Individually-psychological qualities of adolescents as risk-factors for development of internet-addictive behaviour. *Meditinskaiia psikhologiya v Rossii*, vol. 30, no. 1, article 7 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer10.php (access date: 20.03.2024). (In Russ.).

Martynova, T. F. and Semenova, N. B. (2011) The use of the Goodman questionnaire to assess the mental health of children living in the Far North. *Tiumenskii meditsinskii zhurnal*, no. 2, pp. 40–41. (In Russ.).

Moskalenko, O. L. (2023) Internet dependence: risk factors and individual psychological characteristics of adolescents. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, vol. 15, no. 5, pp. 389–412. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-5-948>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2023) The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Oorzhak, L. N. (2019) The influence of the national psychological characteristics of Tuvans on the relationship in the team. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol. 8, no. 5A, pp. 38–47. (In Russ.).

Praizendorf, E. S. (2022) Sexual identity of girls and boys of younger adolescence. *Pedagogy and education*, no. 2, pp. 116–133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.35661>

Rybakova, O. S. (2017) Legislative regulation of child safety in the Internet space. *Pravovaia informatika*, no. 4, pp. 49–54. (In Russ.).

Savost'ianov, A. N., Naumenko, V. S., Siniakov, N. A., L'vova, M. N., Levin, E. A., Zaleshin, M. S. and Kavai-ool, U. N. (2014) The relationship of anxiety levels with polymorphic variants of the serotonin transporter gene in Russians and Tuvans. *Vavilovskii zhurnal genetiki i seleksii*, vol. 18, no. 4–3, pp. 1268–1280. (In Russ.).

Sevek, V. K., Soian, Sh. Ch. and Sevek, R. M. (2016) Social well-being of youth in the republic of Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 141–144. (In Russ.).

Semenova, N. B. (2015) Characteristics of cognitive functions in Tuvan children ethnic and territorial differences. *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 18–27. (In Russ.).

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. And Shubina, M. V. (2020) Prevalence of internet-addiction among adolescents of central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Slobodskaiia, E. R. Gudman, R. and Riabichenko, T. I. (2006) Psychosocial factors of emotional problems and behavioral abnormalities in adolescents. *Psikhiatriia*, no. 2, pp. 28–36.

Troshkina, I. N., Oidup, T. M. and Dilekova, S. D. (2024) Family values of the population of the republics of Southern Siberia in the estimates of the Altaians, Tuvans, Khakass (according to the data of the sociological study of 2022). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 166–183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Khutorianskaia, T. V., Petrova, L. G. and Nurgalieva, A. M. (2019) Socio-psychological characteristics of adolescents with varying degrees of Internet addiction. *World of Science. Pedagogy and psychology*, no. 3 [online] Available at: <https://mir-nauki.com/73pdmn319.html> (access date: 10.04.2024). (In Russ.).

Shubina, M. V., Tereshchenko, S. Iu. and Gorbacheva, N. N. (2022) Incidence of headaches in children with Internet addiction disorder. *Russian Journal of Pain*, vol. 20, no. 4, pp. 6–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/pain2022200416>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Alimoradi, Z., Lin, C.-Y., Broström, A., Bülow, P. H., Bajalan, Z., Griffiths, M. D., Ohayon, M. M. and Pakpour, A. H. (2019) Internet addiction and sleep problems: a systematic review and meta-analysis. *Sleep Medicine Reviews*, vol. 47, no. 6, pp. 51–61. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.smr.2019.06.004>

Besirovis, E. and Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door. *Psychiatr Danub*, vol. 32, no. 3, pp. 382–385.

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M. and Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Ford, J. K. B., Ellis, G. M., Olesiuk, P. F. and Balcomb, K. C. (2009) Linking killer whale survival and prey abundance: food limitation in the oceans' apex predator. *Biology Letters*, vol. 6, pp. 139–142. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsbl.2009.0468>

Goodman, R. (2001) Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ). *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 40, no. 11, pp. 1337–1345. DOI: <https://doi.org/10.1097/00004583-200111000-00015>

Goodman, R. and Scott, S. (1999) Comparing the Strengths and Difficulties Questionnaire and the Child Behavior Checklist: is small beautiful? *Journal of Abnormal Child Psychology*, vol. 27, no. 1, pp. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1022658222914>

Heinze, K., Lin, A., Reniers, R. and Wood, S. J. (2016) Longer-term increased cortisol levels in young people with mental health problems. *Psychiatry Research*, vol. 236, pp. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.025>

Hong, Y. N., Hwang, H., Starcevic, V., Choi, T. Y., Kim, T. H. and Han, D. H. (2023) Which is more stable and specific: DSM-5 internet gaming disorder or ICD-11 gaming disorder? A longitudinal study. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, vol. 77, no. 4, pp. 213–222. DOI: <https://doi.org/10.1111/pcn.13522>

Jiang, M. Zh., Y., Wang, J., Hua, L., Chen, Y., Yao, Y., Jin, Y. (2022) Serial Multiple Mediation of the Correlation Between Internet Addiction and Depression by Social Support and Sleep Quality of College Students During the COVID-19 Epidemic. *Psychiatry Investigation*, vol. 19, no. 1, pp. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.30773/pi.2021.0147>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F. and Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder. *Psychoneuroendocrinology*, vol. 77, pp. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

Kano, M., Mizuno, T., Kawano, Y. and Aoki, M. (2012) Serotonin transporter gene promoter polymorphism and alexithymia. *Neuropsychobiology*, vol. 65, no. 2, pp. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.1159/000329554>

Karacic, S. and Oreskovic, S. (2017) Internet addiction through the phase of adolescence: a questionnaire study. *JMIR Mental Health*, vol. 4, no. 2, article e11. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.5537>

Ko, C.-H., Hsieh, T.-J., Chen, C.-Y., Hsieh, T.-J., Chen, Ch.-Y., Yen, Ch.-F., Chen, C.-S., Yen, J.-Y., Wang, P.-W. and Liu, G.-Ch. (2014) Altered brain activation during response inhibition and error processing in subjects with internet gaming disorder: a functional magnetic imaging study. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, vol. 264, pp. 661–672. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00406-013-0483-3>

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M. and Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 7, pp. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, no. 3, article e244-e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M. and Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students. *Addictive Behaviors*, vol. 89, no. 2, pp. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Su, W., Kiraly, O., Demetrovics, Z. and Potenza, M. N. (2019) Gender moderates the partial mediation of impulsivity in the relationship between psychiatric distress and problematic online gaming: online survey. *JMIR Mental Health*, vol. 6, no. 3, article e10784. DOI: <https://doi.org/10.2196/10784>

Tereshchenko, S. and Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents. *Behavioral Sciences*, vol. 6, no. 9, pp. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs9060062>

Tomaszek, K. and Muchacka-Cymerman, A. (2019) Sex differences in the relationship between student school burnout and problematic Internet use among adolescents. *International Journal of Environment Public Health*, vol. 21, no. 16, article 4107. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16214107>

Vaccaro, A. G. and Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 10, pp. 405–415. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00405>

Wasserman, D. (2016) Review of health and risk-behaviours, mental health problems and suicidal behaviours in young Europeans on the basis of the results from the EU-funded Saving and Empowering Young Lives in Europe (SEYLE) study. *Psychiatria Polska*, vol. 50, no. 6, pp. 1093–1107. DOI: <https://doi.org/10.12740/PP/66954>

Submission date: 19.04.2024.

Acceptance date: 29.04.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.3.8

Статья

Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения

Татьяна А. Фотекова, Евгения Н. Власова, Светлана В. Митрухина

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Российская Федерация,

Чочагай Н. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются проблемы психоэмоционального состояния подростков и молодежи Республики Тыва, которые различаются видами пользования Интернетом: адаптивным, неадаптивным и патологическим. Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн тестирования, проводившегося методом случайной выборки в 2023 г. (1028 чел.: 76 русских и 952 тувинцев). Для оценки психоэмоционального состояния лиц, включенных в исследование, использовался Симптоматический опросник SCL-90-R, нацеленный на выявление девяти симптоматических конструктов. Анализируются показатели трех из них: тревожности, депрессивности и соматизации, отражающей дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции.

Представлен сравнительный анализ показателей в группах, различающихся по онлайн-поведению и этнической принадлежности. Установлено, что для русской части выборки, независимо от варианта онлайн-поведения, характерен более высокий уровень соматизации (у 28,9% русских и 24,4% тувинцев), депрессивности (20% и 11,9%) и тревожности (25,4% и 12,1%).

Выявлены различия у представителей сравниваемых этнических групп с одинаковым онлайн-поведением. Как среди русских, так и среди тувинцев с патологическим вариантом пользования сети Интернет, чаще встречаются выраженные уровни соматизации, тревожности и депрессии. Этнические различия проявились в большей численности лиц с высоким уровнем соматизации и депрессии в группе русских с адаптивным онлайн-поведением в сравнении со сверстниками-тувинцами с аналогичным типом поведения. Высоким уровнем тревожности чаще характеризовались русские подростки и лица молодого возраста с патологическим вариантом пользования сети Интернет (71,4% и 28,6%).

Ключевые слова: Тува; подросток; молодежь; онлайн-поведение; тувинцы; русские; тревожность; соматизация; депрессия

Для цитирования:

Фотекова Т. А., Власова Е. Н., Митрухина С. В., Монгуш Ч. Н. Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 136-158. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

Фотекова Татьяна Анатольевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: fotekova@yandex.ru

Власова Евгения Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: vlasova6510@gmail.com

Митрухина Светлана Владимировна — старший преподаватель кафедры фундаментальной медицины Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: mitruhina_sv@khsu.ru

Монгуш Чочагай Николаевна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии Тувинского государственного университета, Российская Федерация. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: chochagai_84@mail.ru

The severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and youth with different online behaviors in Tuva

Tatiana A. Fotekova, Evgenia N. Vlasova, Svetlana V. Mitrukhina

Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Chochagai N. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the issues of the psycho-emotional state of adolescents and young people in the Republic of Tuva, who differ in the types of Internet use: adaptive, maladaptive, and pathological. The study was based on the results of an online survey conducted by random sampling in 2023, including 1028 participants: 76 Russians and 952 Tuvans. To assess the psychological well-being of the individuals involved in the study, the SCL-90-R questionnaire was used, which identifies nine different symptoms. Three of these symptoms were analyzed: anxiety, depression, and somatization, which reflect the distress caused by feelings of physical discomfort.

A comparative analysis of indicators among groups differing in online behavior and ethnicity is presented. The Russian part of the sample, regardless of the online behavior variant, was characterized by higher levels of somatization (28.9% of Russians and 24.4% of Tuvans), depression (20% and 11.9%), and anxiety (25.4% and 12.1%).

Differences were also revealed among representatives of the compared ethnic groups with similar online behavior. Among both Russians and Tuvans with a pathological use of the Internet, higher levels of somatization, anxiety, and depression were more common. Ethnic differences manifested in a higher number of people with high somatization and depression levels in the Russian group with adaptive online behavior compared to the Tuvan group with similar behavior. Anxiety levels were more frequently observed among Russian adolescents and young adults with a pathological online behavior pattern (71.4% and 28.6%).

Keywords: Tuva; teenager; youth; online behavior; Tuvans; Russians; anxiety; somatization; depression

For citation:

Fotekova T. A., Vlasova E. N., Mitrukhina S. V. and Mongush Ch. N. The severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and youth with different online behaviors in Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 136-158 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

FOTEKOVA, Tatyana Anatolyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of General Professional Disciplines, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenin Av., 655017, Abakan, Russia. E-mail: fotekova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2484-6049

VLASOVA, Evgeniya Nikolaevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General Professional Disciplines, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenin Av., 655017, Abakan, Russia. E-mail: vlasova6510@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5320-5232

MITRUKHINA, Svetlana Vladimirovna, Senior lecturer, Department of Fundamental Medicine, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenin Av., 655017, Abakan, Russia. E-mail: mitrukhina_sv@khsu.ru

ORCID ID: 0000-0002-8484-3210

MONGUSH, Chochagai Nikolaevna, Candidate of Psychological Sciences, Head, Department of Psychology, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: chochagai_84@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5746-8235

Введение

По данным отчёта ООН «Мировые демографические перспективы» 2024 г.¹, сегодня на Земле проживает 8,08 млрд человек. Количество уникальных пользователей мобильных телефонов на начало 2024 г. составило 5,61 млрд. Более 66% всех жителей нашей планеты пользуются Интернетом, общее число интернет-пользователей в мире составляет 5,35 млрд². Представители самой молодой возрастной группы чаще используют социальные сети, чем чаты и мессенджеры.

Ряд исследований, проведенных в последнее время, раскрывают некоторые особенности использования сети Интернет в зависимости от этнокультурных различий.

Масштабный проект по изучению распространенности интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири (трех регионов — Хакасия, Тува и Красноярск) был реализован учеными НИИ медицинских проблем Севера ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» г. Красноярск (Семёнова и др., 2020; Эwert и др., 2020).

При этом в смежных научных дисциплинах уже появились работы, посвящённые изучению особенностей использования сети Интернет населением Республики Тыва (Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022). Т. Ц. Дугарова исследовала особенности стрессоустойчивости бурятских и тувинских подростков в условиях активного использования Интернета (Дугарова, 2015). Было показано, что тревожность у подростков бурятских и тувинских этносов находится на высоком уровне. В работе Л. С. Эwert с соавторами, направленной на изучение распространённости различных видов сетевого поведения у подростков Кызыла, утверждается, что в подростковой популяции Республики Тыва имеет место достаточно высокая распространённость патологического и неадаптивного пользования Интернетом (Эwert, Серен-оол, Сат, 2023).

Можно предполагать, что тревожность, депрессивность и склонность к соматизации имеют также этнические особенности.

Культурные различия в преобладании соматических или психологических симптомов дистресса обсуждаются в культурной психопатологии. Многочисленные исследования показали более высокие показатели соматизации у людей южно- и восточноазиатского происхождения (Hsu, Folstein, 1997; Zhou et al., 2011). Есть даже концепция «западной психологизации» и «азиатской соматизации» (Fagnu, 1982). Считается, что, например, китайцы значительно сильнее подчеркивают соматические симптомы при проявлении депрессии по сравнению с людьми западноевропейского происхождения.

Этнические различия в распространённости депрессивных и тревожных расстройств изучались среди различных этнических групп в Амстердаме (Нидерланды) (de Wit et al., 2008). Исследовалась популяционная выборка из 321 голландца, 231 турка, 191 марокканца, 87 жителей Суринама. Взвешенная распространённость депрессивных и/или тревожных расстройств за 1 месяц составила 6,6% (голландцы), 18,7% (турки), 9,8% (марокканцы) и 1,2 % (суринамцы/антильцы). Авторы пришли к выводу, что этнические различия в распространённости не могут быть объяснены только социально-экономическими факторами, следовательно этническая принадлежность является независимым предиктором возникновения психических расстройств. В целом показатели распространённости симптомов депрессии выше среди этнических меньшинств в значительной части европейских стран (Missinne, Bracke, 2012).

Целью нашего исследования было определение выраженности тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков (15–18 лет) и молодежи (19–21 лет) Тувы — представителей тувинского и русского этносов, в зависимости от вида онлайн-поведения и этнической принадлежности. Возрастно-половые различия при этом не учитывались.

В качестве задач рассматривался анализ распространённости типов онлайн-поведения, выявление выраженности соматизации, тревоги и депрессии у пользователей с адаптивным, неадаптивным и патологическим поведением в сети, а также определение этнических особенностей в изучаемых характеристиках.

¹Digital 2024: Global Overview Report [Электронный ресурс] // DataReportal — Global Digital Insights. 2024, 31 января. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 01.04.2024).

²Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] // WebCanape. 2024, 7 февраля. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 01.04.2024).

Обзор литературы

Распространенность патологического и проблемного использования Интернета оценивается по-разному. По некоторым данным она составляет 1,6% и 24,6% соответственно (Munpo et al., 2017). Интернет-зависимость рассматривают как мультифакториальное заболевание, в основе которого лежат нейробиологические и социокультурные причины (Kaess et al., 2017; Doh et al., 2020). Зависимость может проявляться в чрезмерном использовании сети Интернет, смартфонов и увлечения компьютерными играми. На основе анализа 53 исследований, проведенных в период с 2009 по 2019 гг., в которых приняли участие 226 247 участников из 17 разных стран, были сделаны выводы о том, что всемирная распространенность игрового расстройства составила 3,05%, или 1,96% по более строгим критериям. Эти оценки обладают значительной вариабельностью. Распространенность игрового расстройства во всем мире сопоставима с обсессивно-компульсивным расстройством и некоторыми зависимостями, связанными с психоактивными веществами (Тао et al., 2010; Yen et al., 2008; Stevens et al., 2021). Коморбидность¹ интернет-аддикции с другими психическими и поведенческими расстройствами в целом остается сходной коморбидности других аддикций. Среди интернет-зависимых отмечается более высокий уровень аффективных нарушений с преобладанием депрессии и обсессивно-компульсивных расстройств (Yen et al., 2008; Ko et al., 2008; Shapira et al., 2000; Young, 2013).

Поскольку подростки в силу возрастной незрелости префронтальной коры мозга не обладают сформированной произвольной регуляцией своего поведения, они более склонны к аддиктивному поведению, включая интернет-зависимость (King et al., 2013; Mak et al., 2014; Müller et al., 2015). По некоторым оценкам, 4,4% подростков в Европе страдают ею (Durkee et al., 2012). Исследование на двух репрезентативных выборках немецких подростков (N=9 293; 12–19 лет) показало, что интернет-зависимость встречалась у 2,6% из них (Müller et al. 2015, 2017). В своем систематическом обзоре В. Фенг и др. (Feng et al., 2017) приводят оценки распространенности игровой зависимости в диапазоне от 0,7% до 15,6% среди детей школьного возраста. Мета-анализ 16 исследований подростков, показал, что оценка распространенности составила 4,6% (Fam, 2018).

Существуют также многочисленные исследования зависимо от Интернета поведения в странах Азии. Так, К. К. Мак и др. (Mak et al., 2014) приводят обзор, где анализируется и сравнивается распространенность интернет-поведения и зависимости у подростков в шести азиатских странах — Китае, Гонконга, Японии, Южной Кореи, Малайзии и Филиппин. Владения смартфонами составляет в среднем 62%, цифры варьируются от 41% в Китае до 84% в Южной Корее. 11% подростков в Китае и 39% в Японии участвуют в онлайн-играх. В Гонконге наибольшее количество подростков ежедневно общаются или используют Интернет (68%). Интернет-зависимость на Филиппинах соответствует 21%.

Россия — одна из самых обширных пользовательских аудиторий в мире. При этом семь из десяти человек в возрасте 12–26 лет являются активными пользователями, что в два раза больше по сравнению с людьми более старшего возраста². Распространенность патологического поведения в Интернете среди подростков и молодых людей в нашей стране по результатам ряда исследований, проведенных в разных регионах варьирует от 6,8% до 23,6% (Трусова и др., 2019; Семенова и др., 2020). По данным Л. С. Эверт с соавторами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) патологический тип пользования сетью у подростков и молодых людей г. Кызыла (Тыва) соответствует 14,4%.

Предполагается, что вариабельность показателей распространенности объясняется влиянием демографических и культурных факторов.

Сформировавшаяся интернет-зависимость вызывает пагубные последствия и снижает качество социального и личностного функционирования, а также может сопровождаться нарушениями психического и физического здоровья (Трусова и др., 2019; Солдатова, Илюхина, 2021; Rumpf, 2018; Kuss, 2015). Это может привести и к физическому самоповреждению, и к цифровому селф-харму (*self-harm* 'самоповреждение'), которое связано с низкой самооценкой личности и уровнем ее социаль-

¹ Коморбидность — сосуществование у одного пациента двух или более заболеваний, синдромов или психических расстройств, связанных между собой единым патогенетическим механизмом или совпадающих по времени.

² Королькова С. Ю. Социальная активность молодежи // Молодой ученый. 2015. № 12.2. С. 39–40.

ной и/или академической тревожности (Макарова, 2023), к депрессии, импульсивности и обсессивно-компульсивным симптомам, бессоннице (Лановая, Фадеева, 2021), снижению социальной активности или нарушениям социальной адаптации (Лановая, Фадеева, 2021; Шакун, Лановая, Фадеева, 2022; Солодников, Зайцева, 2021), одиночеству и межличностным конфликтам (Özaslan et al., 2022), нарушению пищевого поведения, включая избыточный вес, снижению качества жизни (Stiglic, Viner, 2019).

Оценка уровня интернет-зависимости с учетом черт личности в соответствии с моделью «Большой пятерки» Косты и Маккрея показала, что добросовестность отрицательно коррелировала с интернет-зависимостью, в то время как открытость опыту способствовала этому (Peterka-Bonetta et al., 2019; Kuss et al., 2013, 2014). Также в этих исследованиях была установлена положительная связь между нейротизмом и интернет-зависимостью, но не между интернет-зависимостью и экстраверсией. В другом исследовании описаны депрессивность, тревожность, враждебное отношение к окружающим, агрессивность, импульсивность, психотическое поведение, застенчивость и нарушения самооценки (Rachubińska et al., 2021).

Среди сопутствующих проблем, связанных с интернет-зависимостью, сообщалось о депрессии, социальной тревожности, синдроме дефицита внимания / гиперактивности, враждебном и агрессивном поведении (Carli et al., 2013, Ko et al., 2012), а также о связи между симптомами интернет-зависимости и такими личностными особенностями как алекситимия, низкая экстраверсия, высокий нейротизм, психотизм, импульсивность и травматические переживания (Schimmenti et al., 2017). Д. Касс и др. (Kuss et al. 2013) относят повышенный нейротизм и низкую стоворчивость к факторам риска в отношении чрезмерного использования Интернета, тогда как депрессия, синдром дефицита внимания/гиперактивности и агрессия связаны со склонностью к зависимостям.

На основе использования Миннесотского многофазного личностного опросника для подростков (MMPI-A) на выборке из 224 старшеклассников обнаружены специфические психологические аспекты, касающиеся настроения и психотической зоны, а также низкая самооценка, проблемы в семье, школе и поведении у субъектов с патологическим использованием Интернета (Munno et al., 2017).

Исследование, проведенное на выборке из 714 учащихся средних школ в Южной Корее, также показало, что такие клинические характеристики, как СДВГ-симптомы, агрессивность, депрессия и тревога сыграли важную роль в тяжести интернет-зависимости (Jeong et al., 2020). В частности, аффективные компоненты, такие как депрессия и тревога, были достоверно связаны с чрезмерным использованием сети и смартфонов, тогда как агрессия, выражение гнева влияли только на чрезмерное использование Интернета.

М. А. Богомолова и Т. С. Бузина выявили, что повышение вероятности интернет-зависимого поведения подростков положительно коррелирует с высокими показателями тревоги в связи с оценкой окружающих, в ситуациях самовыражения, во взаимоотношениях с родителями (Богомолова, Бузина, 2018).

Многие отечественные авторы отмечают, что интернет-зависимость в среде подростков и юношей затрудняет социализацию, препятствует способности сделать карьеру, создать семью (Короленко, Дмитриева, 2001; Короленко, Лоскутова, 2004; Войскунский, 2015; Малыгин и др., 2015; и др.¹). Есть данные о том, что социальная тревожность, стремление к избеганию межличностных контактов и импульсивность оказывают значимое влияние на риск формирования интернет-зависимости (Трусова и др., 2020ab). Низкая добросовестность и высокий негативный аффект были идентифицированы как стабильные корреляты интернет-зависимости и, следовательно, могут рассматриваться как факторы риска (Müller et al., 2017). Вероятно, тревогу и депрессию следует считать значимыми предикторами патологического онлайн-поведения (Jeong et al., 2020).

Последствия интернет-зависимости способствует возникновению проблем со здоровьем. Была выявлена значительная положительная корреляция между интернет-зависимостью и психосоматическими расстройствами (Fatemeh et al., 2020; Лифинцева, Животягин, 2012). По данным опросника SCL-90-R, более 52% подростков отметили у себя разнообразные соматические симптомы (Лифинцева, Животягин, 2012).

¹ Кулаков С. А. Диагностика и психотерапия аддиктивного поведения у подростков: учеб.-метод. пособие. М.; СПб.: Фолиум, 1998.

Организация и методы исследования

Вначале исследования выявлялась распространенность различных видов онлайн-поведения: адаптивное пользование Интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и патологическое пользование Интернетом (ППИ) у подростков и молодых людей, проживающих в Республике Тыва с учетом их этнической принадлежности.

Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн-тестирования, проводившегося методом случайной выборки в период с января по сентябрь 2023 г. и охватившего 1028 чел., в том числе — 76 представителей русского этноса и 952 представителя тувинского этноса, постоянно проживающих на территории Республики Тыва. Проведение исследования было согласовано с Министерством здравоохранения Республики Тыва и подтверждено соответствующим письмом Минздрава. Вторым этапом в организации исследования было информирование и получение согласия руководителей средних общеобразовательных школ, средне-специальных учебных заведений (колледжей, техникумов, училищ) и студентов 1–2 курсов Тувинского государственного университета. В соответствии с общепринятой в медико-биологических исследованиях возрастной периодизацией, к подростковому возрасту относили лиц 15–18 лет, к юношескому возрасту — лиц 19–21 лет.

Первый фрагмент онлайн-ссылки включал информацию о гарантии конфиденциальности полученных при тестировании сведений и неразглашении персональных данных с указанием соответствующих законов Российской Федерации. После ознакомления с данной информацией тестируемый давал в онлайн-ссылке согласие на прохождение тестирования и приступал к ответам на вопросы соответствующих опросников. Согласно закону РФ, лицам, достигшим 15-летнего возраста, предоставлено право самим дать согласие (или несогласие) на анкетирование и обследование, письменного информированного согласия родителей (или законных представителей) в данном случае не требуется.

В нашей работе проведение тестирования предполагало два варианта: в стенах учебного заведения (преимущественно, для учащихся 8–9 классов) или в домашних условиях (для учащихся 10–11 классов и студентов). Этническая принадлежность тестируемого определялась по этнической принадлежности его матери. По окончании онлайн-тестирования исследователями создана электронная база данных в формате Excel и сформированы группы сравнения по этнической принадлежности (русские и тувинцы). В случае не предусмотренного исследованием заполнения тестов лицами старше 21 года и/или не проживающих постоянно на территории Республики Тыва, результаты их тестирования в статистическую обработку не включались.

Нашим исследованием было предусмотрено изучение наличия и степени выраженности тревожно-депрессивных состояний и соматизации в сформированной случайным образом подростково-юношеской выборке Тувы в зависимости от особенностей онлайн-поведения и этнической принадлежности лиц, включенных в исследование. Сравнительный анализ возрастно-половых различий исследуемых характеристик психоэмоционального спектра планируется провести нами в будущем и представить их в будущих публикациях.

Для оценки психоэмоционального состояния лиц, включенных в исследование, использовался Симптоматический опросник SCL-90-R (Symptom Check List-90-Revised), нацеленный на выявление девяти симптоматических конструктов. В статье анализируются показатели трех из них: тревожности, депрессивности и соматизации, отражающей дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции.

При статистической обработке полученных данных применялся модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М.: МГМСУ, 2011.

указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$. В статистический анализ включались только те опросники и шкалы, в которых подростками были даны ответы на все вопросы.

Результаты исследования

Одинаковое количество участников опроса (по 44,6%) характеризовались адаптивным и неадаптивным использованием сети Интернет, у остальных был выявлен патологический тип пользования.

Обнаружены некоторые этнические различия в особенностях поведения в сети. Анализ распределения типов использования сети Интернет среди 952 тувинских подростков и молодых людей показал, что у 416 чел. (43,7%) наблюдается адаптивный тип, у 433 чел. (45,5%) — неадаптивный и у 103 чел. (10,8%) патологический тип.

Среди 76 обследованных русских адаптивное пользование Интернетом обнаружено у 43 чел., что составляет 56,6% русской части выборки, неадаптивный тип характерен для 25 чел. (32,9%), и патологический тип встретился в 8 случаях (10,5%). Сопоставление этих данных показывает, что нет этнических различий в частоте встречаемости патологического типа пользования, однако среди тувинских подростков и молодых людей чаще, чем среди русских встречается неадаптивной тип. Таким образом, у тувинских испытуемых чаще проявляется дезадаптивное онлайн-поведение (НПИ+ППИ — 56,3%) по сравнению с русскими (43,4%).

С учетом данных, описанных в литературе, предполагается, что подростки с дезадаптивным онлайн-поведением могут иметь некоторые личностные особенности, предрасполагающие к возникновению неблагоприятных вариантов поведения в сети, и, возможно, закрепляющиеся и усугубляющиеся в процессе неадаптивного использования сети. К таким особенностям, вероятно, можно отнести склонность к соматизации.

Соматизация — это проявление психического нарушения в виде физических (соматических) симптомов. Расстройства, при которых возможно развитие соматизации, многообразны: от тех, когда симптоматика формируется бессознательно и непроизвольно, до тех, когда симптомы развиваются вполне осознанно. Этот континуум включает: соматические симптомы и связанные с ними расстройства, надуманные болезни, симуляция (не является психическим расстройством). При всех этих расстройствах пациенты обеспокоены в первую очередь соматическими симптомами (таб. 1).

Таблица 1. Уровень соматизации у подростков и молодежи русского и тувинского этносов с различным онлайн-поведением
Table 1. The level of somatization among adolescents and youth of Russian and Tuvan ethnic groups with different online behavior

Группы обследованных	Уровень соматизации						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. — русские с АПИ (n=43)	31	72,1 (57,3–83,3)	3	7,0 (2,4–18,6)	9	20,3 (11,4–35,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0619
2 гр. — русские с НПИ (n=25)	11	44,0 (26,7–62,9)	6	24,0 (11,5–43,4)	8	32,0 (17,2–51,6)	ав=0,1355 ас=0,3821 вс=0,5287

3 гр. — русские с ППИ (n=8)	2	25,0 (7,1–59,1)	1	12,5 (2,2–47,1)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,5218 ас=0,1306 вс=0,0389
4 гр. — тувинцы с АПИ (n=416)	326	78,4 (74,2–82,1)	45	10,8 (8,2–14,2)	45	10,8 (8,2–14,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
5 гр. — тувинцы с НПИ (n=433)	210	48,5 (43,8–53,2)	89	20,5 (17,0–24,6)	134	30,9 (26,8–35,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0005
6 гр. — тувинцы с ППИ (n=103)	32	31,1 (22,9–40,5)	18	17,5 (11,3–25,9)	53	51,5 (41,9–60,9)	ав=0,0229 ас=0,0030 вс<0,0001
Всего (n=1028)	612	59,5 (56,5–62,5)	162	15,8 (13,7–18,1)	254	24,7 (22,2–27,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,0215 ($\chi^2=5,28$)		p1-2=0,0458 ($\chi^2=3,99$)		p1-2=0,3094 ($\chi^2=1,03$)		
p1-3 (χ^2)	p1-3=0,0105 ($\chi^2=6,55$)		p1-3=0,5937 ($\chi^2=0,28$)		p1-3=0,0156 ($\chi^2=5,85$)		
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,3384 ($\chi^2=0,92$)		p2-3=0,4886 ($\chi^2=0,48$)		p2-3=0,1244 ($\chi^2=2,36$)		
p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=81,31$)		p4-5=0,0001 ($\chi^2=15,13$)		p4-5<0,0001 ($\chi^2=51,67$)		
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=86,31$)		p4-6=0,0640 ($\chi^2=3,43$)		p4-6<0,0001 ($\chi^2=89,02$)		
p5-6 (χ^2)	p5-6=0,0014 ($\chi^2=10,21$)		p5-6=0,4823 ($\chi^2=0,49$)		p5-6=0,0001 ($\chi^2=15,41$)		
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,3463 ($\chi^2=0,89$)		p1-4=0,4333 ($\chi^2=0,61$)		p1-4=0,0501 ($\chi^2=3,84$)		
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,6616 ($\chi^2=0,19$)		p2-5=0,6795 ($\chi^2=0,17$)		p2-5=0,9119 ($\chi^2=0,01$)		
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,7199 ($\chi^2=0,13$)		p3-6=0,7189 ($\chi^2=0,13$)		p3-6=0,5469 ($\chi^2=0,36$)		

Прим.: жирным шрифтом выделены p-значения, достигающие уровня статистической значимости.

Из данных таблицы видно, что значительный уровень соматизации присущ 254 (24,7%) обследованным подросткам и молодым людям, приживающим в Республике Тыва, и еще 162 чел. (15,8%) имеют умеренно выраженный уровень. Внутри выборки есть различия, обусловленные типом сетевого поведения и этнической принадлежностью.

У 53 (51,5%, ДИ=41,9–60,9) подростков и молодых людей тувинского этноса с патологическим типом поведения в сети обнаружен высокий уровень соматизации, в то время как аналогичные особенности имеют только 45 их сверстников с адаптивным онлайн-поведением (10,8% ДИ=8,2–14,2).

Для этой категории пользователей более характерен низкий уровень соматизации, он встречается у подавляющего большинства таких участников опроса (78,4%, ДИ=74,2–82,1). Значительно выраженный уровень соматизации присущ 134 подросткам (30,9%, ДИ=26,8–35,5) с неадаптивным интернет-поведением. Как видно, у половины (54,9%) пользователей с дезадаптивным поведением в сети наблюдается умеренно и значительно выраженный уровень соматизации. Статистический анализ подтверждает значимость различий в частоте встречаемости значительного уровня соматизации у тувинских пользователей с ППИ как в сравнении с группой АПИ ($p=0,0001$), так и в сравнении с группой НПИ ($p=0,0001$). Также среди пользователей с неадаптивным поведением значительно чаще фиксируется умеренно выраженный уровень соматизации по сравнению с группой АПИ ($p=0,0001$).

При анализе соответствующих данных в русской части выборки обнаружены аналогичные, но более явные различия. Так среди пользователей типа ППИ 5 чел. (62,5%, ДИ=30,6–86,3) имеют значительный уровень соматизации, а среди пользователей типа НПИ таких 8 (32%, ДИ=17,2–51,6). Различия между группами АПИ и ППИ достоверны на уровне $p=0,0156$. Также в группе русских с НПИ чаще встречается умеренно выраженный уровень соматизации в сравнении со сверстниками с АПИ ($p=0,0458$). А вот низкий уровень соматизации в группах ППИ и НПИ встречается значительно реже, чем среди типа АПИ ($p=0,0105$ и $p=0,0215$ соответственно). В целом у опрошенных русских с дезадаптивным онлайн-поведением в 60,6% выявлен умеренно и значительно выраженный уровень соматизации.

В то же время статистический анализ показывает, что даже среди русских участников опроса с адаптивным поведением в сети значительно выраженный уровень соматизации встречается в два раза чаще, чем среди тувинских испытуемых с таким же типом онлайн-поведения (20,3% и 10,8% и $1-4=0,0501$).

Если рассмотреть показатель соматизации с учетом только этнических различий (таб. 1), то оказывается, что для русской части выборки значительно выраженная соматизация в целом более характерна. Она встречается у 28,9% испытуемых против 24,4% тувинских. При этом умеренно выраженный уровень соматизации характеризует 13% русских и 16% тувинских участников исследования.

Таблица 2. Уровень тревожности у подростков и молодежи русского и тувинского этносов с различным онлайн-поведением

Table 2. Anxiety levels among adolescents and youth of Russian and Tuvan ethnic groups with different online behavior

Группы обследованных	Уровень тревожности						P
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. — русские с АПИ (n=28)	21	75,0 (56,6–87,3)	4	14,3 (5,7–31,5)	3	10,7 (3,7–27,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6862
2 гр. — русские с НПИ (n=24)	14	58,3 (38,8–75,5)	3	12,5 (4,3–31,0)	7	29,2 (14,9–49,2)	ав=0,0009 ас=0,0417 вс=0,1551
3 гр. — русские с ППИ (n=7)	2	28,6 (8,2–64,1)	0	0,0 (0,0–35,4)	5	71,4 (35,9–91,8)	ав=0,1266 ас=0,1088 вс=0,0053
4 гр. — тувинцы с АПИ (n=299)	264	88,3 (84,2–91,5)	26	8,7 (6,0–12,4)	9	3,0 (1,6–5,6)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0031

5 гр. — тувинцы с НПИ (n=380)	253	66,6 (61,7–71,1)	70	18,4 (14,8–22,6)	57	15,0 (11,8–18,9)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,2062
6 гр. — тувинцы с ППИ (n=98)	52	53,1 (43,3–62,6)	18	18,4 (11,9–27,2)	28	28,6 (20,6–38,2)	ав<0,0001 ас=0,0005 вс=0,0919
Всего (n=836)	606	72,5 (69,4–75,4)	121	14,5 (12,3–17,0)	109	13,0 (10,9–15,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3942
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,2015 ($\chi^2=1,63$)		p1-2=0,8508 ($\chi^2=0,04$)		p1-2=0,0924 ($\chi^2=2,83$)		
p1-3 (χ^2)	p1-3=0,0206 ($\chi^2=5,36$)		p1-3=0,2880 ($\chi^2=1,13$)		p1-3=0,0006 ($\chi^2=11,71$)		
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,1656 ($\chi^2=1,92$)		p2-3=0,3250 ($\chi^2=0,97$)		p2-3=0,0434 ($\chi^2=4,08$)		
p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=43,44$)		p4-5=0,0003 ($\chi^2=13,04$)		p4-5<0,0001 ($\chi^2=27,41$)		
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=56,42$)		p4-6=0,0081 ($\chi^2=7,01$)		p4-6<0,0001 ($\chi^2=57,06$)		
p5-6 (χ^2)	p5-6=0,0130 ($\chi^2=6,16$)		p5-6=0,9902 ($\chi^2=0,00$)		p5-6=0,0017 ($\chi^2=9,81$)		
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,0444 ($\chi^2=4,04$)		p1-4=0,3272 ($\chi^2=0,96$)		p1-4=0,2256 ($\chi^2=1,47$)		
p2-5 (χ^2)	p2-5<0,0001 ($\chi^2=16,63$)		p2-5=0,4647 ($\chi^2=0,53$)		p2-5=0,0653 ($\chi^2=3,40$)		
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,2104 ($\chi^2=1,57$)		p3-6=0,2129 ($\chi^2=1,55$)		p3-6=0,0183 ($\chi^2=5,57$)		

Прим.: жирным шрифтом выделены p-значения, достигающие уровня статистической значимости.

Значительный уровень тревожности характеризует 109 (13%) участников исследования, умеренный уровень обнаружен у 121 чел. (14,5%).

Анализ этнических особенностей показывает, что тревожность также больше присуща русским испытуемым, приживающим в Республике Тыва. Значительный уровень тревожности выявлен у 25,4% русских участников опроса и только у 12,1% — тувинских. Особенно заметны различия по этому показателю в группах с патологическим типом поведения в сети Интернет. 71,4% (ДИ=35,9–91,8%) русских пользователей с таким типом онлайн-поведения характеризуются значительно выраженной тревожностью, в то время как тувинцы с аналогичным типом пользования высоко тревожны только в 28,6% (ДИ=20,6–38,2%). Эти различия статистически достоверны ($p=0,0183$). Умеренный уровень тревожности чуть чаще демонстрируют тувинцы (14,7 и 11,9%).

Уровень тревожности заметно различается в зависимости от типа онлайн-поведения. Так значительный уровень тревоги чаще наблюдается у русских пользователей с ППИ в сравнении с группами АПИ и НПИ ($p=0,0006$ и $p=0,0434$). В тувинской части выборки по этому параметру достоверно различа-

ются все три пользовательских типа (таб. 2). Также, из таблицы видно, что тувинские опрошенные с АПИ чаще характеризуются низким уровнем тревожности по сравнению с русскими участниками с таким же типом онлайн-поведения (88,3% и 75%, $p=0,0444$). Такая тенденция просматривается и в группах пользователей с НПИ (66,6% и 58,3%, $p<0,0001$).

Таблица 3. Уровень депрессии у подростков и молодежи русского и тувинского этносов с различным онлайн-поведением

Table 3. Depression levels in adolescents and youth of Russian and Tuvan ethnic groups with different online behavior

Группы обследованных	Уровень депрессии						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. – русские с АПИ (n=36)	30	83,3 (68,1–92,1)	3	8,3 (2,9–21,8)	3	8,3 (2,9–21,8)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
2 гр. – русские с НПИ (n=26)	16	61,5 (42,5–77,6)	4	15,4 (6,2–33,5)	6	23,1 (11,0–42,1)	ав=0,0006 ас=0,0050 вс=0,4816
3 гр. – русские с ППИ (n=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. – тувинцы с АПИ (n=357)	322	90,2 (86,7–92,9)	26	7,3 (5,0–10,5)	9	2,5 (1,3–4,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0032
5 гр. – тувинцы с НПИ (n=422)	300	71,1 (66,6–75,2)	61	14,4 (11,4–18,1)	61	14,4 (11,4–18,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
6 гр. – тувинцы с ППИ (n=105)	38	36,2 (27,6–45,7)	32	30,5 (22,5–39,8)	35	33,3 (25,0–42,8)	ав=0,3798 ас=0,6638 вс=0,6569
Всего (n=954)	709	74,3 (71,5–77,0)	126	13,2 (11,2–15,5)	119	12,5 (10,5–14,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6319
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,0530 ($\chi^2=3,75$)		p1-2=0,3867 ($\chi^2=0,75$)		p1-2=0,1039 ($\chi^2=2,64$)		
p1-3 (χ^2)	p1-3=0,0068 ($\chi^2=7,33$)		p1-3=0,3976 ($\chi^2=0,72$)		p1-3=0,0003 ($\chi^2=12,91$)		
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,2311 ($\chi^2=1,43$)		p2-3=0,2376 ($\chi^2=1,39$)		p2-3=0,0371 ($\chi^2=4,34$)		

p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=43,87$)	p4-5=0,0015 ($\chi^2=10,03$)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=33,68$)	
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=137,55$)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=39,76$)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=89,40$)	
p5-6 (χ^2)	p5-6<0,0001 ($\chi^2=44,52$)	p5-6=0,0001 ($\chi^2=14,85$)	p5-6<0,0001 ($\chi^2=20,11$)	
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,1992 ($\chi^2=1,65$)	p1-4=0,8183 ($\chi^2=0,05$)	p1-4=0,0534 ($\chi^2=3,73$)	
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,2998 ($\chi^2=1,08$)	p2-5=0,8961 ($\chi^2=0,02$)	p2-5=0,2315 ($\chi^2=1,43$)	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,9408 ($\chi^2=0,01$)	p3-6=0,0652 ($\chi^2=3,40$)	p3-6=0,0963 ($\chi^2=2,77$)	

Прим.: жирным шрифтом выделены p-значения, достигающие уровня статистической значимости.

Среди опрошенных подростков и молодых людей, проживающих в Туве, значительный уровень депрессии обнаружен у 12,5%, умеренный уровень – у 13,2%.

Депрессивность больше характерна для русских испытуемых. Значительный ее уровень выявлен у 20% из них, еще 10% имеют умеренный уровень выраженности по шкале депрессии. Среди опрошенных представителей тувинского этноса значительный уровень депрессии отличает 11,9% молодых пользователей сети и умеренный – 13,5%.

Особенно заметны различия по показателям депрессии в группах с патологическим типом пользования. В русской группе более половины таких подростков и молодых людей (62,5%) имеют значительный уровень выраженности этого признака, в то время как среди тувинских сверстников из группы ППИ значительный уровень депрессии встречается в два раза реже и составляет всего 33,3% от общей численности этой группы. Однако различия не достигают уровня статистической достоверности.

Если провести сравнения внутри этнических групп, то становится заметно, что в русской части выборки значительный уровень депрессии существенно преобладает в группе ППИ по сравнению с группой АПИ ($p=0,0003$) и группой НПИ ($p=0,0371$). Среди тувинских участников исследования обнаружены статистически достоверные различия в частоте встречаемости значительного уровня депрессии между всеми группами, выделенными с учетом типа онлайн-поведения (таб. 3). Справедливо и обратное утверждение: низкий уровень депрессии чаще всего выявляется у испытуемых с адаптивным типом поведения. Они составляют 83,3% в русской группе АПН и 90,2% в тувинской.

Обсуждение результатов

Полученные при исследовании подростков и молодых людей, проживающих в Республике Тыва, данные свидетельствуют о том, что 44,6% из них характеризуются неадаптивным использованием Интернет, а у 10,8% выявлен патологический тип пользования. Если сравнить эти показатели с результатами исследований, полученных зарубежными авторами, то можно заметить, что число подростков и молодых людей с ППИ в нашей выборке выше, чем в некоторых европейских странах (4,4-8,7%) (Kaess et al., 2014), сопоставима с показателями Китая (9,6%), Южной Кореи (9,7%) и ниже, чем в Гонконге (16,4%) и на Филиппинах (21,1%) (Mak et al., 2014).

Данные, полученные при обследовании российских школьников в возрасте от 15 до 18 лет, совпадают с нашими и соответствуют 10,4% (Трусова и др., 2020b). Есть также результаты, характеризующие онлайн-поведение подростков соседних с Тувой регионах. Среди почти трех тысяч школьников 12–18 лет из г. Красноярска пользователей с патологическим типом обнаружено лишь 6,8%, в то время как адаптивное пользование встречалось чаще (50,3%) (Семенова и др., 2020).

В нашей выборке было две этнические группы — тувинцы и русские. Поэтому одной из задач исследования было прослеживание этнических различий. По полученным данным среди представителей тувинского этноса у 45,5% обнаружен неадаптивный и у 10,8% патологический тип онлайн-поведения. У молодых русских, живущих в Туве, неадаптивный тип пользования выявлен в 32,9%, и патологический тип встретился в 10,5% случаев. Как видно, различия касаются неадаптивного типа, который чаще наблюдался у тувинцев (45,5% и 32,9%). Т. е. у тувинских участников исследования в целом чаще встречается дезадаптивное онлайн-поведение (56,3%) по сравнению с русскими (43,4%).

Ранее этнические особенности также были описаны Л. С. Эверт и соавторами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) для Хакасии, Якутии и Тувы. В частности, была обнаружена большая распространенность дезадаптивных видов онлайн-поведения у тувинских подростков в сравнении с русскими. ППИ обнаружено у 15,4% тувинцев и 10,4% русских. В Республике Якутия эта тенденция выражена еще более отчетливо, соотношение якутов и русских с ППИ соответствует 24,3% и 6,1%. Интересно, что в Хакасии различий в частоте встречаемости патологического пользования сетью между русскими и хакасскими подростками практически нет (8,2% и 8,4%). Из трех указанных регионов в Хакасии в процентном отношении проживает наименьшее количество представителей титульной нации. Так только 10,3%¹ жителей Хакасии являются хакасами, в то время как в Якутии якутов 47,1%, а в Туве процент тувинского населения соответствует 83,1%². Кроме того, 90% жителей Хакасии считают русский язык родным, т. е. хакасы в значительной степени ассимилированы в русскую культуру, возможно поэтому и различий в интернет-поведении между русскими и хакасскими подростками нет, в отличие от Якутии и Тувы.

Основной нашей задачей было проанализировать выраженность тревожности, депрессивности и склонности к соматизации у подростков и молодых людей, живущих в Туве с учетом специфики поведения в сети.

В целом выявлено, что проявления всех этих характеристик нарастает по мере патологизации онлайн-поведения. Значительный и умеренный уровень соматизации обнаружен у 40,5% участников исследования. Склонность к соматизации минимальна у обследованных с адаптивным поведением в сети, она в значительной степени выражена только у 12% и в умеренной у 10,7% входящих в эту группу подростков и молодых людей, в то время как среди пользователей группы НПИ умеренный и значительный уровни соматизации характерны уже для 32,7%, а в группе пользователей с типом ППИ для 52,2%.

Последствия интернет-зависимости являются кумулятивными, и способствуют возникновению физических, психических, социальных проблем и проблем со здоровьем. Соматические симптомы служат культурными идиомами дистресса во многих этнокультурных группах (Kirmayer, 2001). При соматическом дистрессе проявляются межнациональные различия. Для русской части выборки значительно выраженная соматизация оказалась в целом более характерна. Она встречается у 28,9% испытуемых против 24,4% тувинских. Кажется, склонность к соматизации больше проявляется у русских подростков и молодых людей, вошедших в выборку, даже если их онлайн-поведение адаптивно. У таких русских пользователей значительно выраженный уровень соматизации встречается в два раза чаще, чем среди тувинцев с таким же типом поведения в сети.

В других исследованиях с использованием тех же диагностических инструментов у более 52% подростков, включенных в социальные сети, также были выявлены разнообразные соматические симптомы. Чуть менее 60% подростков отмечали наличие у себя тревожных проявлений в диапазоне от легкой до тяжелой степени. Как считают А. А. Лифинцева и Р. Р. Животягин, это может свидетельствовать о формирующейся у подростков тревожности личностного свойства, или о наличии у них ситуативной тревоги, обусловленной определёнными обстоятельствами, чаще всего связанными с межличностным общением (Лифинцева, Животягин, 2012).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения по муниципальным образованиям Хакасии [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 01.04.2024).

² Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 01.04.2024).

Значительный уровень тревожности характеризует 13% участников нашего исследования, умеренный уровень обнаружен у 14,5%. Тревожность также коррелирует с типом онлайн-поведения. Подростки и молодые люди с типом НПИ в 18,1% имеют умеренный, а в 16,1% значительный уровень тревоги. ППИ сопровождается умеренной тревогой у 17,1% и значительно выраженной у 31,4% опрошенных.

Тревожность, как и склонность к соматизации, также больше присуща русским испытуемым, проживающим в Республике Тыва. Значительный уровень тревожности выявлен у 25,4% русских участников опроса и только у 12,1% тувинских. Здесь связь с типом онлайн поведения еще более явная: 71,4% русских пользователей с патологическим типом поведения в сети характеризуются значительно выраженной тревожностью, в то время как тувинцы с аналогичным типом пользования высоко тревожны только в 28,6%. Вероятно, активное использование Интернета с одной стороны есть следствие устойчивой и выраженной тревожности у таких подростков, с другой стороны, регулярное пребывание в сети не способствует решению реальных проблем, что может усугублять тревожность.

Анализ выраженности депрессии у членов выборки выявил ее значительный уровень у 12,5% и умеренный — у 13,2%. Эта характеристика также связана с онлайн-поведением. У 14,5% подростков с неадаптивным поведением в сети наблюдается умеренный, и у 15% — значительно выраженный уровень депрессии. При патологическом типе пользования эти значения возрастают до 28,3% умеренной и 35,4% — значительной депрессии. Для сравнения в группе АПИ умеренная депрессия присуща только 7,3%, а значительная лишь — 3,1%

Депрессивность также больше характерна для русских испытуемых. Значительный ее уровень выявлен у 20% из них, еще 10% имеют умеренный уровень выраженности. Среди опрошенных представителей тувинского этноса значительный уровень депрессии обнаружен у 11,9% и умеренный — у 13,5%. Особенно заметны различия в группах с патологическим использованием сетью. 62,5% русских и 33,3% тувинцев их группы ППИ имеют значительно выраженную депрессию.

Таким образом мы видим, что русские молодые пользователи Интернет, проживающие в Республике Тыва, отличаются от тувинских сверстников с аналогичным онлайн-поведением более выраженной соматизацией, тревогой и депрессией.

Для понимания причин выявленных особенностей можно обратить внимание на несколько факторов. Во-первых, социально-экономические условия являются важными факторами риска (Missinne, Bracke, 2012), при этом Республика Тыва относится к регионам России с самым низким уровнем денежных доходов населения. Следовательно социально-экономическая ситуация здесь имеет стрессогенный характер (Пермякова и др., 2022). Однако это условие является общим для всех этнических групп, проживающих на данной территории, и может объяснять выявленную склонность к соматизации, тревогу и депрессию как у русских, так и у тувинских участников исследования.

Во-вторых, тувинское население республики на этой территории является коренным, поэтому, несмотря на суровые природно-экологические условия, имеет более высокий уровень адаптации. Л. К. Будук-оол изучала особенности адаптации к обучению русских и тувинских студентов, проживающих в Туве (Будук-оол, 2013). По ее данным, тувинцы характеризовались высоким уровнем физического состояния, свидетельствующим о более совершенных физиологических механизмах адаптации по сравнению с русскими. Также тувинцы отличались от русских иными адаптивными стратегиями, у них процесс адаптации определялся меньшим числом внутри- и межуровневых связей, т. е. был более экономичным. Русские же демонстрировали стабильно неэкономичный тип приспособительных реакций, сопровождающийся снижением физиологических резервов организма.

В третьих, в составе населения Республики Тыва преобладают тувинцы, русские образуют этническое меньшинство. В республике двухкомпонентная двуязычная языковая модель (Михальченко, 2015), при этом представители титульного этноса, составляя абсолютное большинство, предпочитают общаться на родном языке. По данным М. С. Туракаева, русские в этом регионе достаточно часто сталкиваются с неуважительным отношением к себе и своему национальному языку, что не может не сказываться на их социальном самочувствии (Туракаев, 2022).

Аналогичные данные получены при сопоставлении соматизации, тревожности и депрессивности в исследованиях других этнических групп, оказывающихся в меньшинстве среди коренного населения (Hoge et al., 2006; Rask et al., 2016; Dreher et al., 2017; Nissen et al., 2021; Bohland et al., 2024).

Представляет интерес дальнейшее исследование личностных особенностей интернет-пользователей с учетом их этнической принадлежности, а также возраста и пола.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что распространённость патологического пользования Интернетом в Республике Тыва в целом сопоставима с аналогичными показателями, полученными в исследованиях на других территориях.

Подтверждена связь онлайн-поведения с уровнем соматизации, тревоги и депрессии. Эти характеристики нарастают по мере патологизации онлайн поведения. Возможно, имеющиеся у подростков и молодых людей психологические проблемы и трудности социальной адаптации компенсируются смещением активности в сеть Интернет, что в свою очередь способствует нарастанию тревоги, депрессии и склонности к соматизации.

Обнаруженные этнические различия сводятся к большей выраженности соматизации, тревоги и депрессии у русских подростков и молодых людей, проживающих в Республике Тыва в сравнении с тувинскими сверстниками с аналогичными типами поведения в сети. Особенно явно различия заметны в группе пользователей с патологическим поведением в Интернете. Этнические различия в данном случае в первую очередь можно объяснить тем, что русские в Тыве составляют явное этническое меньшинство, что снижает уровень психологического комфорта и ухудшает социальное самочувствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомолова М. А., Бузина Т. С. (2018) Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2018_2_49/nomer02.php (дата обращения: 01.04.2024).

Будук-оол, Л. К. (2013) Особенности адаптации к обучению студентов Республики Тыва // Экология человека. № 5. С. 54–60.

Войсункинский А. Е. (2015) Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в интернете [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 4. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php (дата обращения: 01.04.2024).

Дугарова, Т. Ц. (2015) Особенности стрессоустойчивости бурятских и тувинских подростков // Вестник Тувинского государственного университета. № 1 Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 133–136.

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В. (2001) Психосоциальная аддиктология. Новосибирск : Олсиб. 251 с.

Короленко, Ц. П., Лоскутова, В. А. (2004) Интернет-зависимость в русскоязычном секторе интернета // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. № 3 (113). С. 45–51.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Лановая, А. М., Фадеева, Е. В. (2021) Распространённость проблемного использования электронных средств связи среди подростков и молодежи в Российской Федерации // Вопросы психического здоровья детей и подростков. Т. 21. № 2. С. 96–104.

Лифинцева, А. А., Животягин, Р. Р. (2012) Связь характеристик социальных сетей подростков с уровнем их психосоматического здоровья [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. Т. 1. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2012_n2/52619 (дата обращения: 01.04.2024).

Макарова, Е. А. (2023) Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети интернет // Вестник Таганрогского института управления и экономики. № 1. С. 49–55.

Мальгин, В. Л. Меркурьева, Ю. А., Искандирова, А. Б., Пахтусова, Е. Е., Прокофьева, А. В. (2015) Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 4 (33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php (дата обращения: 01.04.2024).

Михальченко, В. Ю. (2015) Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М. : б. и. 179 с. С. 14–31.

Пермякова, Е. Ю., Бацевич, В. А., Красильникова, В. А., Зимица, С. Н., Хафизова, А. А., Юдина, А. М., Ясина, О. В., Клинюшин, А. А., Синева, И. М. (2022) Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 237–252. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эврт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Солдатова, Г. У., Илюхина, С. Н. (2021) Аутодеструктивный онлайн-контент: особенности оценки и реагирования подростков и молодежи // Консультативная психология и психотерапия. Т. 29. № 1. С. 66–91.

Солодников, В. В., Зайцева, А. С. (2021) Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 1. С. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

Трусова, А. В., Гречаный, С. В., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. Ю., Кибитов, А. О. (2019) Психологические факторы риска интернет-зависимости: данные пилотного исследования здоровых молодых взрослых // Социальная и клиническая психиатрия. Т. 29. № 3. С. 23–29.

Трусова, А. В., Гречаный, С. В., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Чупрова, Н. А., Николишин, А. Е., Поздновский, П. А., Кибитов, А. А., Вантей, В. Б. и др. (2020a) Предикторы развития интернет-аддикции: анализ психологических факторов // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. № 1. С. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-1-72-82>

Трусова, А. В., Канашов, А. Е., Ангеловский, А. А., Варакосова, Е. Л., Жидкова, Т. С., Сафонова, А. В., Лукманова, З. Г., Бердецких, Е. И., Абрамец, М. А., Пескишева, Л. Ю. (2020b) Гендерные различия индивидуально-психологических характеристик у подростков с различным уровнем проявлений интернет-зависимого поведения // Вопросы наркологии. № 4. С. 45–62.

Туракаев, М. С. (2022) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Шакун, Е. Ю., Лановая, А. М., Фадеева, Е. В. (2022) Зависимость и проблемное использование интернета среди девушек и женщин: распространенность, основные проявления, диагностические инструменты (обзор российских исследований) // Консультативная психология и психотерапия. Т. 30. № 2. С. 45–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300204>

Эврт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Эврт, Л. С., Серен-оол С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Bohland, H. K., Kimbel, R., Kegel, P., Dietz, P., Koestner, C., Letzel, S., Kurmeyer, C., Jesuthasan, J., Schouler-Ocak, M., Zier, U. (2024) Depression and anxiety in female refugees from East Africa and the Middle East displaced to Germany: cross-sectional results of the female refugee study, taking sociodemographic and migration-related factors into account // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 14. Article 1303009. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1303009>

Carli, V., Durkee, T., Wasserman, D., Hadlaczky, G., Despalins, R., Kramarz, E., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Brunner, R., Kaess, M. (2013) The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review // *Psychopathology*. Vol. 46. Issue 1. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1159/000337971>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // *Chinese Journal of Psychology*. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

de Wit, M. A., Tuinebreijer, W. C., Dekker, J., Beekman, A. J., Gorissen, W. H., Schrier, A. C., Penninx, B. W., Komproe, I. H., Verhoeff, A. P. (2008) Depressive and anxiety disorders in different ethnic groups: a population based study among native Dutch, and Turkish, Moroccan and Surinamese migrants in Amsterdam // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 43. P. 905–912. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-008-0382-5>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. № 7. Article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Dreher, A., Hahn, E., Diefenbacher, A., Nguyen, M. H., Böge, K., Burian, H., Dettling, M., Burian, R., Ta, T. M. T. (2017) Cultural differences in symptom representation for depression and somatization measured by the PHQ between Vietnamese and German psychiatric outpatients // *Journal of Psychosomatic Research*. Vol. 102. P. 71–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2017.09.010>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J. P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors // *Addiction*. Vol. 107. Issue 12. P. 2210–2222. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Fam, J. Y. (2018) Prevalence of internet gaming disorder in adolescents: A meta-analysis across three decades // *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 59. Issue 5. P. 524–531. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12459>

Fanny, M. (1982) Cheung Psychological symptoms among Chinese in urban Hong Kong // *Social Science & Medicine*. Vol. 16. Issue 14. P. 1339–1344. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(82\)90029-6](https://doi.org/10.1016/0277-9536(82)90029-6)

Fatemeh, F., Sadeghian, E., Shamsaei, F., Tapak, L. (2020) The relationship between internet addiction and psychosomatic disorders in Iranian undergraduate nursing students: a cross-sectional study // *Journal of Addictive Diseases*. Vol. 38. Issue 2. P. 164–169. DOI: <https://doi.org/10.1080/10550887.2020.1732180>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S., Bourgeois, J. A. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016 // *Addictive Behaviors*. Vol. 75. P. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Hoge, E. A., Tamrakar, S. M., Christian, K. M., Mahara, N., Nepal, M. K., Pollack, M. H., Simon, N. M. (2006) Cross-cultural differences in somatic presentation in patients with generalized anxiety disorder // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 194 (12). P. 962–966. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000243813.59385.75>

Hsu, L. K., Folstein, M. F. (1997) Somatoform disorders in Caucasian and Chinese Americans // *The Journal of Nervous & Mental Disease*. Vol. 185(6). P. 382–387. DOI: <https://doi.org/10.1097/00005053-199706000-00004>

Jeong, B., Lee, J. Y., Kim, B. M., Park, E., Kwon, J. G., Kim, D. J., Lee, Y., Choi, J. S., Lee, D. (2020) Associations of personality and clinical characteristics with excessive Internet and smartphone use in adolescents: A structural equation modeling approach // *Addictive Behaviors*. Vol. 110. P. 106485. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106485>

Jeong, H., Lee, H. K., Kwon, Y. S., Yim, H. W., Lee, S. Y. (2020) Gaming disorder and bidirectional relationships with aggression and impulsivity // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 31. P. 69–75.

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J., Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours // *European Child Adolescent Psychiatry*. Vol. 23. № 11. P. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F., Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder // *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 77. P. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

King, D. L., Delfabbro, P. H., Zwaans, T., et al. (2013) Clinical features and axis I comorbidity of Australian adolescent pathological Internet and video game users // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 47. P. 1058–1067. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867413491>

Kirmayer, L. J. (2001) Cultural variations in the clinical presentation of depression and anxiety: implications for diagnosis and treatment // *Journal of Clinical Psychiatry*. Vol. 62. Suppl 13. P. 22–28; discussion 29–30.

Ko, C. H., Yen, J. Y., Chen, C. S., Chen, C. C., Yen, C. F. (2008) Psychiatric comorbidity of internet addiction in college students: an interview study // *CNS Spectrums*. Vol. 13. Issue 2. P. 147–153. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1092852900016308>

Ko, C. H., Yen, J. Y., Yen, C. F., Chen, C. S., Chen, C. C. (2012) The association between Internet addiction and psychiatric disorder: a review of the literature // *European Psychiatry*. Vol. 27. Issue 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2010.04.011>

Kuss, D. J., Griffiths, M. D. (2015) Internet Addiction: A Real Addiction? // *Internet Addiction in Psychotherapy. Palgrave Studies in Cyberpsychology. Series Ed. J. Binder. London : Palgrave Pivot. P. 54–104. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137465078_4*

Kuss, D. J., van Rooij, A. J., Shorter, G. W., Griffiths, M. D., van de Mheen, D. (2013) Internet addiction in adolescents: Prevalence and risk factors // *Computers in Human Behavior. Vol. 29. Issue 5. P. 1987–1996. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.04.002>*

Kuss, D. J., Shorter, G. W., van Rooij, A. J., van de Mheen, D., Griffiths, M. D. (2014) The Internet addiction components model and personality: Establishing construct validity via a nomological network // *Computers in Human Behavior. Vol. 39. P. 312–321. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.07.031>*

Mak, K. K., Lai, C. M., Watanabe, H., Kim, D. I., Bahar, N., Ramos, M., Young, K. S., Ho, R. C., Aum, N. R., Cheng, C. (2014) Epidemiology of internet behaviors and addiction among adolescents in six Asian countries // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. Vol. 17. Issue 11. P. 720–728. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0139>*

Missinne, S, Bracke, P. (2012) Depressive symptoms among immigrants and ethnic minorities: a population based study in 23 European countries // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. Vol. 47. Issue 1. P. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-010-0321-0>*

Munno, D., Cappellin, F., Saroldi, M., Bechon, E., Guglielmucci, F., Passera, R., Zullo, G. (2017) Internet Addiction Disorder: Personality characteristics and risk of pathological overuse in adolescents // *Psychiatry Research. Vol. 248. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2016.11.008>*

Müller, K. W., Janikian, M., Dreier, M., Wölfling, K., Beutel, M. E., Tzavara, C., Richardson, C., Tsitsika, A. (2015) Regular gaming behavior and internet gaming disorder in European adolescents: Results from a cross-national representative survey of prevalence, predictors, and psychopathological correlates // *European Child & Adolescent Psychiatry. Vol. 24. P. 565–574. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-014-0611-2>*

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in Adolescence: A Combined Approach to Investigate Psychopathology and Development-Specific Personality Traits Associated With Internet Addiction // *Journal of Clinical Psychiatry. Vol. 78. Issue 3. P. e244–e251. DOI: <https://doi.org/10.4088/JCP.15m10447>*

Nissen, A., Cauley, P., Saboonchi, F., Andersen, A., Solberg, Ø. (2021) Mental health in adult refugees from Syria resettled in Norway between 2015 and 2017: a nationwide, questionnaire-based, cross-sectional prevalence study // *European Journal of Psychotraumatology. Vol. 12. Issue 1. Article 1994218. DOI: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1994218>*

Özaslan, A., Yildirim, M., Güney, E., Güzel, H., Işeri, E. (2022) Association Between Problematic Internet Use, Quality of Parent-Adolescents Relationship, Conflicts, and Mental Health Problem // *International Journal of Mental Health and Addiction. Vol. 20. P. 2503–2519. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00529-8>*

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Elhai, J. D., Montag, C. (2019) Personality Associations With Smartphone and Internet Use Disorder: A Comparison Study Including Links to Impulsivity and Social Anxiety // *Frontiers in Public Health. Vol. 7. Article 127. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2019.00127>*

Rachubińska, K., Cybulska, A., Szkup, M., Grochans, E. (2021) Analysis of the relationship between personality traits and Internet addiction // *European Review for Medical and Pharmacological Sciences. Vol. 25. № 6. P. 2591–2599. DOI: https://doi.org/10.26355/eurrev_202103_25422*

Rask, S., Suvisaari, J., Koskinen, S., Koponen, P., Mölsä, M., Lehtisalo, R., Schubert, C., Pakaslahti, A., Castaneda, A. E. (2016) The ethnic gap in mental health: A population-based study of Russian, Somali and Kurdish origin migrants in Finland // *Scandinavian Journal of Public Health. Vol. 44. Issue 3. P. 281–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/1403494815619256>*

Rumpf, H. J., Achab, S., Billieux, J., Bowden-Jones, H., Carragher, N., Demetrovics, Z., Higuchi, S., King, D. L., Mann, K., Potenza, M., Saunders, J. B., et al. (2018) Including gaming disorder in the ICD-11: The need to do so from a clinical and public health perspective // *Journal of Behavioral Addictions. Vol. 7. Issue 3. P. 556–561. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.59>*

Schimmenti, A., Passanisi, A., Caretti, V., La Marca, L., Granieri, A., Iacolino, C., Gervasi, A. M., Maganuco, N. R., Billieux, J. (2017) Traumatic experiences, alexithymia, and Internet addiction symptoms among late adolescents: A moderated mediation analysis // *Addictive Behaviors. Vol. 64. P. 314–320. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2015.11.002>*

Shapira, N. A., Goldsmith, T. D., Keck, P. E. Jr, Khosla, U. M., McElroy, S. L. (2000) Psychiatric features of individuals with problematic internet use // *Journal of Affective Disorders. Vol. 57. Issue 1–3. P. 267–272. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0165-0327\(99\)00107-X](https://doi.org/10.1016/S0165-0327(99)00107-X)*

Stevens, M. W., Dorstyn, D., Delfabbro, P. H., King, D. L. (2021) Global prevalence of gaming disorder: A systematic review and meta-analysis // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 55. Issue 6. P. 553–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867420962851>

Stiglic, N., Viner, R. M. (2019) Effects of screentime on the health and well-being of children and adolescents: a systematic review of reviews // *BMJ Open*. Vol. 9. Issue 1. Article e023191. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023191>

Tao, R., Huang, X., Wang, J., Zhang, H., Zhang, Y., Li, M. (2010) Proposed diagnostic criteria for internet addiction // *Addiction*. Vol. 105. Issue 3. P. 556–564. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02828.x>

Yen, J. Y., Ko, C. H., Yen, C. F., Chen, S. H., Chung, W. L., Chen, C. C. (2008) Psychiatric symptoms in adolescents with internet addiction: comparison with substance use // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. Vol. 62. Issue 1. P. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1819.2007.01770.x>

Young, K. S. (2013) Treatment outcomes using CBT-IA with Internet-addicted patients // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 2. № 4. P. 209–215. DOI: <https://doi.org/10.1556/jba.2.2013.4.3>

Zhou, X., Dere, J., Zhu, X., Yao, S., Chentsova-Dutton, Y. E., Ryder, A. G. (2011) Anxiety symptom presentations in Han Chinese and Euro-Canadian outpatients: is distress always somatized in China? // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 135. Issue 1–3. P. 111–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2011.06.049>

Дата поступления: 19.04.2024 г.

Дата принятия: 07.05.2024 г.

REFERENCES

Bogomolova M. A. and Buzina T. S. (2018) Internet addiction: forming aspects and psychological correction opportunities. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, no. 2 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2018_2_49/nomer02.php (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Buduk-ool, L. K. (2013) Features of adaptation to the education of students of the Republic of Tuva. *Ekologiya cheloveka*, no. 5, pp. 54–60. (In Russ.).

Voiskunskii A. E. (2015) Theories of addiction and presence related to behavior on the Internet. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, no. 4 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Dugarova, T. Ts. (2015) Features of stress resistance of Buryat and Tuvan teenagers. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 133–136. (In Russ.).

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Korolenko, Ts. P. and Dmitrieva, N. V. (2001) *Psychosocial addictology*. Novosibirsk, Olsib. 251 p. (In Russ.).

Korolenko, Ts. P. and Loskutova, V. A. (2004) Internet addiction in the Russian-speaking Internet sector. *Biulleten' Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk*, no. 3 (113), pp. 45–51. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lanovaia, A. M. and Fadeeva, E. V. (2021) Prevalence of electronic communication devices problematic use among adolescents and young adults in the Russian Federation. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov*, vol. 21, no. 2, pp. 96–104. (In Russ.).

Lifintseva, A. A. and Zhivotiagin, R. R. (2012) The relation between characteristics of social networks of adolescents and the level of their psychosomatic health. *Clinical Psychology and Special Education*, vol. 1, no. 2 [online] Available at: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2012_n2/52619 (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Makarova, E. A. (2023) Self-harming behavior of children and adolescents on the Internet. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniia i ekonomiki*, no. 1, pp. 49–55. (In Russ.).

Malygin, V. L. Merkur'eva, Iu. A., Iskandirova, A. B., Pakhtusova, E. E. and Prokof'eva, A. V. (2015) Specific features of value orientations in adolescents with Internet addictive behaviour. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, no. 4 (33) [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Mikhal'chenko, V. Iu. (2015) The language situation and language policy in modern Russia. In: *The linguistic situation in Europe at the beginning of the XXI century* : collection of reviews / ed. by N. N. Troshin. Moscow, s. n. 179 p. Pp. 14–31.

Permiakova, E. Iu., Batsevich, V. A., Krasil'nikova, V. A., Zimina, S. N., Khafizova, A. A., Iudina, A. M., Iasina, O. V., Kliniushin, A. A. and Sineva, I. M. (2022) A comparison of morphofunctional adaptation of student youth in Kyzyl and Moscow (under different ethical and environmental conditions). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 237–252. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Soldatova, G. U. and Iliukhina, S. N. (2021) Self-destructive online content: features of attitude and response of adolescents and youth. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, vol. 29, no. 1, pp. 66–91. (In Russ.).

Solodnikov, V. V. and Zaitseva, A. S. (2021) Usage of Social Networks and Socialization of Russian Teenagers. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, vol. 9, no. 1, pp. 23–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

Trusova, A. V., Grechanyi, C. V., Pozdniak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. Iu. and Kibitov, A. O. (2019) Psychological risk factors for internet addiction: findings of a pilot investigation in healthy young adults. *Sotsial'naia i klinicheskaja psixiatriia*, vol. 29, no. 3, pp. 23–29. (In Russ.).

Trusova, A. V., Grechanyi, S. V., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Chuprova, N. A., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Kibitov, A. A., Vantei, V. B. Et al. (2020a) Internet addiction predictors: analysis of psychological factors. *V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, no. 1, pp. 72–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-1-72-82>

Trusova, A. V., Kanashov, A. E., Angelovskii, A. A., Varakosova, E. L., Zhidkova, T. S., Safonova, A. V., Lukmanova, Z. G., Berdetskikh, E. I., Abramets, M. A. and Peskisheva, L. Iu. (2020b) Gender differences in individual psychological characteristics of adolescents with different levels of internet addiction symptoms. *Voprosy narkologii*, no. 4, pp. 45–62. (In Russ.).

Turakaev, M. S. (2022) Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: the cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Shakun, E. Iu., Lanovaia, A. M. and Fadeeva, E. V. (2022) Addiction and Problematic Internet Use among Girls and Young Women: Prevalence, Main Features and Measures (A Review of Russian Studies). *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 30, no. 2, pp. 45–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300204>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Evert, L. S., Seren-ool S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Bohland, H. K., Kimbel, R., Kegel, P., Dietz, P., Koestner, C., Letzel, S., Kurmeyer, C., Jesuthasan, J., Schouler-Ocak, M. and Zier, U. (2024) Depression and anxiety in female refugees from East Africa and the Middle East displaced to Germany: cross-sectional results of the female refugee study, taking sociodemographic and migration-related factors into account. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1303009. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1303009>

Carli, V., Durkee, T., Wasserman, D., Hadlaczky, G., Despalins, R., Kramarz, E., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Brunner, R. and Kaess, M. (2013) The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review. *Psychopathology*, vol. 46, issue 1, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1159/000337971>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

de Wit, M. A., Tuinebreijer, W. C., Dekker, J., Beekman, A. J., Gorissen, W. H., Schrier, A. C., Penninx, B. W., Komproe, I.H. and Verhoeff, A. P. (2008) Depressive and anxiety disorders in different ethnic groups: a population based study among native Dutch, and Turkish, Moroccan and Surinamese migrants in Amsterdam. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 43, pp. 905–912. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-008-0382-5>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Dreher, A., Hahn, E., Diefenbacher, A., Nguyen, M. H., Böge, K., Burian, H., Dettling, M., Burian, R. and Ta, T. M. T. (2017) Cultural differences in symptom representation for depression and somatization measured by the PHQ between Vietnamese and German psychiatric outpatients. *Journal of Psychosomatic Research*, vol. 102, pp. 71–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2017.09.010>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J. P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W. and Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors. *Addiction*, vol. 107, issue 12, pp. 2210–2222. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Fam, J. Y. (2018) Prevalence of internet gaming disorder in adolescents: A meta-analysis across three decades. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 59, issue 5, pp. 524–531. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12459>

Fanny, M. (1982) Cheung Psychological symptoms among Chinese in urban Hong Kong. *Social Science & Medicine*, vol. 16, issue 14, pp. 1339–1344. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(82\)90029-6](https://doi.org/10.1016/0277-9536(82)90029-6)

Fatemeh, F., Sadeghian, E., Shamsaei, F. and Tapak, L. (2020) The relationship between internet addiction and psychosomatic disorders in Iranian undergraduate nursing students: a cross-sectional study. *Journal of Addictive Diseases*, vol. 38, issue 2, pp. 164–169. DOI: <https://doi.org/10.1080/10550887.2020.1732180>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S. and Bourgeois, J. A. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016. *Addictive Behaviors*, vol. 75, pp. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Hoge, E. A., Tamrakar, S. M., Christian, K. M., Mahara, N., Nepal, M. K., Pollack, M. H. and Simon, N. M. (2006) Cross-cultural differences in somatic presentation in patients with generalized anxiety disorder. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, vol. 194 (12), pp. 962–966. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000243813.59385.75>

Hsu, L. K. and Folstein, M. F. (1997) Somatoform disorders in Caucasian and Chinese Americans. *The Journal of Nervous & Mental Disease*, vol. 185(6), pp. 382–387. DOI: <https://doi.org/10.1097/00005053-199706000-00004>

Jeong, B., Lee, J. Y., Kim, B. M., Park, E., Kwon, J. G., Kim, D. J., Lee, Y., Choi, J. S. and Lee, D. (2020) Associations of personality and clinical characteristics with excessive Internet and smartphone use in adolescents: A structural equation modeling approach. *Addictive Behaviors*, vol. 110, article 106485. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106485>

Jeong, H., Lee, H. K., Kwon, Y. S., Yim, H. W. and Lee, S. Y. (2020) Gaming disorder and bidirectional relationships with aggression and impulsivity. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 31, pp. 69–75.

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J. and Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours. *European Child Adolescent Psychiatry*, vol. 23, no. 11, pp. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F. and Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder. *Psychoneuroendocrinology*, vol. 77, pp. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

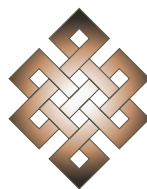
King, D. L., Delfabbro, P. H., Zwaans, T., et al. (2013) Clinical features and axis I comorbidity of Australian adolescent pathological Internet and video game users. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, vol. 47, pp. 1058–1067. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867413491>

Kirmayer, L. J. (2001) Cultural variations in the clinical presentation of depression and anxiety: implications for diagnosis and treatment. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 62, issue 13, pp. 22–28; discussion 29–30.

Ko, C. H., Yen, J. Y., Chen, C. S., Chen, C. C. and Yen, C. F. (2008) Psychiatric comorbidity of internet addiction in college students: an interview study. *CNS Spectrums*, vol. 13, issue 2, pp. 147–153. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1092852900016308>

Ko, C. H., Yen, J. Y., Yen, C. F., Chen, C. S. and Chen, C. C. (2012) The association between Internet addiction and psychiatric disorder: a review of the literature. *European Psychiatry*, vol. 27, issue 1, pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2010.04.011>

Kuss, D. J. and Griffiths, M. D. (2015) Internet Addiction: A Real Addiction? In: *Internet Addiction in Psychotherapy*. Palgrave Studies in Cyberpsychology. Series Ed. J. Binder. London, Palgrave Pivot. P. 54–104. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137465078_4

Kuss, D. J., van Rooij, A. J., Shorter, G. W., Griffiths, M. D. and van de Mheen, D. (2013) Internet addiction in adolescents: Prevalence and risk factors. *Computers in Human Behavior*, vol. 29, issue 5, pp. 1987–1996. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.04.002>

Kuss, D. J., Shorter, G. W., van Rooij, A. J., van de Mheen, D. and Griffiths, M. D. (2014) The Internet addiction components model and personality: Establishing construct validity via a nomological network. *Computers in Human Behavior*, vol. 39, pp. 312–321. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.07.031>

Mak, K. K., Lai, C. M., Watanabe, H., Kim, D. I., Bahar, N., Ramos, M., Young, K. S., Ho, R. C., Aum, N. R. and Cheng, C. (2014) Epidemiology of internet behaviors and addiction among adolescents in six Asian countries. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 17, issue 11, pp. 720–728. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0139>

Missinne, S. and Bracke, P. (2012) Depressive symptoms among immigrants and ethnic minorities: a population based study in 23 European countries. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 47, issue 1, pp. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-010-0321-0>

Munno, D., Cappellin, F., Saroldi, M., Bechon, E., Guglielmucci, F., Passera, R. and Zullo, G. (2017) Internet Addiction Disorder: Personality characteristics and risk of pathological overuse in adolescents. *Psychiatry Research*, vol. 248, pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2016.11.008>

Müller, K. W., Janikian, M., Dreier, M., Wölfling, K., Beutel, M. E., Tzavara, C., Richardson, C. and Tsitsika, A. (2015) Regular gaming behavior and internet gaming disorder in European adolescents: Results from a cross-national representative survey of prevalence, predictors, and psychopathological correlates. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 24, pp. 565–574. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-014-0611-2>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in Adolescence: A Combined Approach to Investigate Psychopathology and Development-Specific Personality Traits Associated with Internet Addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, issue 3, article e244–e251. DOI: <https://doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Nissen, A., Cauley, P., Saboonchi, F., Andersen, A. and Solberg, Ø. (2021) Mental health in adult refugees from Syria resettled in Norway between 2015 and 2017: a nationwide, questionnaire-based, cross-sectional prevalence study. *European Journal of Psychotraumatology*, vol. 12, issue 1, article 1994218. DOI: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1994218>

Özaslan, A., Yildirim, M., Güney, E., Güzel, H. and Işeri, E. (2022) Association Between Problematic Internet Use, Quality of Parent-Adolescents Relationship, Conflicts, and Mental Health Problem. *International Journal of Mental Health and Addiction*, vol. 20, pp. 2503–2519. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00529-8>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Elhai, J. D. and Montag, C. (2019) Personality Associations with Smartphone and Internet Use Disorder: A Comparison Study Including Links to Impulsivity and Social Anxiety. *Frontiers in Public Health*, vol. 7, article 127. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2019.00127>

Rachubińska, K., Cybulska, A., Szkup, M. and Grochans, E. (2021) Analysis of the relationship between personality traits and Internet addiction. *European Review for Medical and Pharmacological Sciences*, vol. 25, no. 6, pp. 2591–2599. DOI: https://doi.org/10.26355/eurrev_202103_25422

Rask, S., Suvisaari, J., Koskinen, S., Koponen, P., Mölsä, M., Lehtisalo, R., Schubert, C., Pakaslahti, A. and Castaneda, A. E. (2016) The ethnic gap in mental health: A population-based study of Russian, Somali and Kurdish origin migrants in Finland. *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 44, issue 3, pp. 281–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/1403494815619256>

Rumpf, H. J., Achab, S., Billieux, J., Bowden-Jones, H., Carragher, N., Demetrovics, Z., Higuchi, S., King, D. L., Mann, K., Potenza, M., Saunders, J. B., et al. (2018) Including gaming disorder in the ICD-11: The need to do so from a clinical and public health perspective. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, issue 3, pp. 556–561. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.59>

Schimmenti, A., Passanisi, A., Caretti, V., La Marca, L., Granieri, A., Iacolino, C., Gervasi, A. M., Maganuco, N. R. and Billieux, J. (2017) Traumatic experiences, alexithymia, and Internet addiction symptoms among late adolescents: A moderated mediation analysis. *Addictive Behaviors*, vol. 64, pp. 314–320. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2015.11.002>

Shapira, N. A., Goldsmith, T. D., Keck, P. E. Jr., Khosla, U. M. and McElroy, S. L. (2000) Psychiatric features of individuals with problematic internet use. *Journal of Affective Disorders*, vol. 57, issue 1–3, pp. 267–272. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0165-0327\(99\)00107-x](https://doi.org/10.1016/s0165-0327(99)00107-x)

Stevens, M. W., Dorstyn, D., Delfabbro, P. H. and King, D. L. (2021) Global prevalence of gaming disorder: A systematic review and meta-analysis. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, vol. 55, issue 6, pp. 553–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867420962851>

Stiglic, N. and Viner, R. M. (2019) Effects of screentime on the health and well-being of children and adolescents: a systematic review of reviews. *BMJ Open*, vol. 9, issue 1, article e023191. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023191>

Tao, R., Huang, X., Wang, J., Zhang, H., Zhang, Y. and Li, M. (2010) Proposed diagnostic criteria for internet addiction. *Addiction*, vol. 105, issue 3, pp. 556–564. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02828.x>

Yen, J. Y., Ko, C. H., Yen, C. F., Chen, S. H., Chung, W. L. and Chen, C. C. (2008) Psychiatric symptoms in adolescents with internet addiction: comparison with substance use. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, vol. 62, issue 1, p. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1819.2007.01770.x>

Young, K. S. (2013) Treatment outcomes using CBT-IA with Internet-addicted patients. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 2, no. 4, pp. 209–215. DOI: <https://doi.org/10.1556/jba.2.2013.4.3>

Zhou, X., Dere, J., Zhu, X., Yao, S., Chentsova-Dutton, Y. E. and Ryder, A. G. (2011) Anxiety symptom presentations in Han Chinese and Euro-Canadian outpatients: is distress always somatized in China? *Journal of Affective Disorders*, vol. 135, issue 1–3, pp. 111–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2011.06.049>

Submission date: 19.04.2024.

Acceptance date: 07.05.2024.

Влияние экранного времени на систему кровообращения у детей и подростков (обзор исследований в регионах мира)

Елена Ю. Емельянчик

*Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого
Минздрава России, Российская Федерация,*

Людмила В. Лаптева

*Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера —
обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация,*

Снежана Б.-Е. Куулар

Кызылская центральная кожуунная больница, Российская Федерация

В статье представлен обзор научных исследований влияния экранного времени на основные показатели состояния сердечно-сосудистой системы у детей. Рассматривались результаты публикаций, посвященные оценке влияния экранного времени на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы и метаболизм у детей в разных регионах мира (опубликованные в период с 2018 по 1 марта 2024 г.).

Анализ результатов исследований проведен с учетом географического расположения территорий. Получены данные о негативном влиянии экранного времени на факторы сердечно-сосудистого риска: отклонения пищевого поведения, укорочение сна, низкую физическую активность, повышение артериального давления и увеличение содержания атерогенных липидов в сыворотке крови детей. В популяции школьников монголоидной расы обнаружена корреляция между «проблемным» использованием экранных медиа и ожирением, более выраженная у мальчиков.

Ключевые слова: *дети; электронное время; артериальная гипертензия; ожирение; дислипидемия*

Для цитирования:

Емельянчик Е. Ю., Лаптева Л. В., Куулар С. Б.-Т. Влияние экранного времени на систему кровообращения у детей и подростков (обзор исследований в регионах мира) // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 159-173. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.9>

Емельянчик Елена Юрьевна — доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии Института последипломного образования Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1. Эл. адрес: lenacor@mail.ru

Лаптева Людмила Владимировна — ведущий научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук». Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: prale201217@gmail.com

Куулар Снежана Базыр-Тараевна — врач невролог Кызылской центральной кожуунной больницы. Адрес: 667901, Россия, Республика Тыва, Кызылский кожуун, пгт. Каа-Хем, уд. Шахтерская, д. 4. Эл. адрес: kuular.9352@gmail.com

The effect of screen time on the circulatory system in children and adolescents (a review of studies in the regions of the world)

Elena Yu. Emelianchik

Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation,

Lyudmila V. Lapteva

*Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center
"Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences",
Russian Federation,*

Snezhana B.-T. Kuular

Kyzyl Central Kozhuun Hospital, Russian Federation

The article provides an overview of scientific research on the impact of screen time on children's cardiovascular health. It considers the results of studies published between 2018 and March 1st, 2024, which assess the effects of screen time on functional state, metabolism, and cardiovascular health in children from different regions around the world.

The analysis takes into account geographical location when considering research findings. Negative effects of screen use on cardiovascular health include eating disorders, sleep deprivation, decreased physical activity, elevated blood pressure, and increased levels of atherogenic lipids in children's blood. In Mongoloid children, there is a correlation between problematic screen use and obesity, especially among boys.

Keywords: children; electronic time; arterial hypertension; obesity; dyslipidemia

For citation:

Emelianchik E. Yu., Lapteva L. V. and Kuular S. B.-T. The effect of screen time on the circulatory system in children and adolescents (a review of studies in the regions of the world). *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 159-173 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.9>

EMELYANCHIK, Elena Yurievna, Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Pediatrics, Institute of Post-graduate Education, Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University. Postal address: 1 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: lenacor@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5013-2480

LAPTEVA, Lyudmila Vladimirovna, Leading Researcher, Clinical department of Somatic and Mental Health of children, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences". Postal address: 1 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: prale201217@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0898-7201

KUULAR, Snezhana Bazyr-Taraevna, Pediatric Neurologist, Kyzyl Central Kozhuun Hospital. Postal address: 4 Shakhterskaya St., Kaa-Khem, Kyzyl kozhuun, Republic of Tuva, 667901, Russia. E-mail: kuular.9352@gmail.com

Введение

Человечество XXI века интенсивно учится для того, чтобы справляться с глобальными вызовами времени, общества и природы. Кризис мировой экономики и политическая поляризация мира, пандемии и расшифровка генома, природные катаклизмы и деградация экологии Земли — эти проблемы требуют все большего объема знаний от каждого следующего поколения. Книги все реже рассматриваются как основной источник информации, поскольку повсеместно и во всех отраслях происходит цифровизация новых фактов и сведений. Это определяет их важность и обеспечивает доступность, поэтому обучение без использования сети Интернет в настоящее время не представляется возможным.

Но образованием возможности Всемирной паутины не исчерпываются. «Обратной стороной медали» применения Интернета являются общение в социальных мессенджерах, компьютерные игры и развлечения, которые по объему временной вовлеченности аудитории часто приобретают форму интернет-зависимости. Наиболее остро проблемное использование гаджетов проявляется у подростков и молодых людей, что стало предметом медицинских исследований в течение последних 25 лет (Семенова и др., 2020; Doh, 2020).

Важным аспектом данной работы является всесторонняя оценка влияния экранного времени (ЭВ) на здоровье растущего поколения. Наиболее распространенной группой хронических неинфекционных заболеваний, которые определяют максимальный вклад в структуру смертности, являются сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ). Именно поэтому факторы риска, формирующие болезни системы кровообращения, находятся в центре внимания медицинской общественности. Традиционные модифицируемые факторы риска прочно вошли в практическую работу врачей амбулаторного звена в виде шкал для оценки сердечно-сосудистого риска. По данным отчета Всемирной организации здравоохранения 2023 г.¹, первое место в списке факторов риска занимает артериальная гипертензия (АГ) — с ней связано 10,8 миллионов смертей в мире. На втором месте по частоте ассоциаций с неблагоприятными исходами — гиперхолестеринемия, а на шестом, после загрязнения воздуха, табакокурения и диабета — избыточная масса тела.

Исследования влияния ЭВ на здоровье молодых пользователей представляют иногда различные точки зрения. Наиболее часто изучается психологическое воздействие не только экранного времени, но и рекламной информации, модулирующей поведение детей и подростков (Hu et al., 2019); связь между проблемным использованием технологий и стрессом, негативной самооценкой и депрессивными состояниями вплоть до суицидальных намерений (Idrees et al., 2024); а также с гиперактивностью, нарушениями сна, увеличением синтеза дофамина на фоне видеоигр и сопутствующей агрессивностью, рисками антисоциального и опасного поведения (Khan, Lee, Horwood, 2022, Lisaak, 2018). Особую тревогу вызывают сведения о высокой и растущей распространенности интернет-зависимости и неадаптивного компьютерного поведения у школьников (Эверт и др., 2020). Значительное число оригинальных работ и обзоров посвящено анализу корреляций ЭВ и артериальной гипертензии, избыточной массы тела и нарушений жирового обмена с накоплением атерогенных фракций транспортных частиц холестерина у детей и молодых людей (Roomi et al., 2024, Pankova et al., 2021).

С точки зрения общества и врачей педиатров важен вопрос — в какой степени неконтролируемое пользование гаджетами оказывает влияние на развитие АГ и других факторов риска ССЗ у детей, и насколько эта проблема актуальна в разных странах? Этот вопрос приобретает особую актуальность с учетом распространенности АГ в России, ее показатель у взрослого населения по данным эпидемиологического исследования «ЭССЕ» достигает 39,7% (Ерина и др., 2019).

Возможна ли организация образования и развлечения детей с помощью электронных гаджетов в безопасном режиме?

Ответы на данные вопросы позволят более точно выстроить тактику индивидуального наблюдения за детьми, своевременно выявлять симптомы проблемного использования ЭВ и связанных

¹ World Heart Report / Di Cesare M., Bixby H., Gaziano T., Hadeed L., Kabudula Ch., McGhie D. V., Mwangi J., Pervan B., Perel P., Piñeiro D., Taylor S., Pinto F. [Электронный ресурс] // World Heart Federation. 2023. URL: <https://world-heart-federation.org/wp-content/uploads/World-Heart-Report-2023.pdf> (дата обращения: 04.10.2023).

с ним сердечно-сосудистых нарушений, а также успешно проводить профилактику кардиометаболических заболеваний.

Целью данной работы стал анализ исследований, изучающих вклад экранного времени в формирование сердечно-сосудистых и метаболических рисков у детей и подростков: артериальной гипертензии, избыточной массы тела и ожирения, гиперхолестеринемии с учетом регионального аспекта.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели были проанализированы три электронные базы данных — Springer, PubMed и Embase. Рассматривались исследования о взаимосвязи между временем, проведенным перед экраном и развитием сердечно-сосудистых и метаболических нарушений, опубликованные в интервале от 2018 г. до 1 марта 2024 г. Для поиска использовались ключевые слова «артериальная гипертензия», «педиатрический», «дети», «ожирение», «гиперхолестеринемия», «метаболический», «смартфон», «смартфоны», «компьютер», «экранное время», «arterial hypertension», «pediatric», «children», «obesity», «hypercholesterolemia», «metabolic», «smartphone», «computer», «time screen».

Критерии включения: публикации, в которых объектом исследования являются дети в возрасте от 2 до 22 лет, проводится оценка экранного времени, артериального давления, физического развития, то есть нескольких параметров здоровья.

Анализ проведен с учетом региональных особенностей данной проблемы. Большинство исследований, включая работы, сгруппированные в метаанализы, проведены в странах Восточно-Европейского, Северо-Американского регионов и Юго-Восточной Азии. Вероятно, это связано с тем, что высокие темпы технологического развития в этих странах сделали более доступным повсеместное использование интернет-ресурсов.

Влияние длительного экранного времени на развитие АГ у детей

Артериальная гипертензия, которая рассматривается как центральный фактор риска тяжелых инвалидирующих сердечно-сосудистых заболеваний, является также и самостоятельным хроническим неинфекционным заболеванием. Рост распространённости АГ по мере взросления детей вызывает закономерный интерес к тем причинам, которые способствуют нарушению регуляции сосудистого тонуса. С этих позиций мы обратили внимание на связь величин ЭВ с повышением артериального давления (АД) в разных возрастных группах, и попытались выделить региональные особенности данной проблемы.

Максимальное число работ по изучению корреляции длительности ЭВ с физиологическими параметрами у детей проведено в странах Восточной Европы, включая Россию (г. Москва).

У детей младших возрастных групп отчётливой взаимосвязи ЭВ с повышенным уровнем АД не было выявлено. Так, в исследовании Х. Сиванесан (Sivanesan et al., 2020), включившем самых юных обследуемых (средний возраст — 52 мес.), гипотеза о влиянии ЭВ на систолическое АД (САД) не подтвердилась. Возможно, это связано с возрастом детей, в котором значительно реже встречается артериальная гипертензия, а также с меньшей увлечённостью малышей электронными гаджетами. Не исключено влияние на результат ограничений анализа: исследование поперечного типа предполагало однократное измерение АД, и обследовалась социальная группа с прожиточным уровнем семей выше среднего, что делает невозможной интерполировать полученные данные на всю популяцию (табл. 1).

Скандинавское исследование клинического значения ЭВ в группе дошкольников, проведённое по анкетам родителей, выявило связь повышенного АД преимущественно с вечерним использованием гаджетов, кроме того, авторы описали некоторое повышение АД — на 0,55 перцентиле на каждый дополнительный час ЭВ (Schmidt-Persson et al., 2020). В 66 московских школах у детей 1–4 классов было обнаружено некоторое увеличение систолического АД, больше у девочек на этапе внедрения компьютерного обучения, но в дальнейшем негативных сдвигов АД у них не отмечено. В то же время, авторы обнаружили нарушение вегетативного баланса в пользу симпатической активации, наиболее выраженное у мальчиков в весенний период обучения (Pankova et al., 2021). Это необходимо учитывать как положительный результат, поскольку симпатическая активация является стартовым механизмом формирования АГ у детей (Агапитов, Черепнин, 2019).

Таблица 1. Характеристика и результаты исследований влияния экранного времени на артериальную гипертензию у детей

Table 1. The characteristics and results of studies on the effect of screen time on hypertension in children

Автор, год публикации страна	Число детей	Возраст детей, лет	Тип исследования	ЭВ (час)	Факторы	R, P
Sivanesan, H., 2020 (Европейские страны)	1317	3–5	Когортное поперечное	1,5	Связь ЭВ с повышенным АД не выявлена	0,421, 0,03
Schmidt-Persson J., 2020 (Европейские страны)	964	3–5	Когортное поперечное	> 1, 2–6 дн. /нед.	Рост percentиля АД на 0,55 при увеличении ЭВ на 1 час; связь АГ с ЭВ перед сном	ОШ 1,57
Pankova N.B., 2021 (Россия)	4084	7–12	Когортное поперечное	–	Увеличение САД у девочек	–
Reis L.N. 2023–2024 (Бразилия)	186	6–11	Когортное наблюдательное	–	Замена 1 часа ЭВ на ФА приводит к снижению ИМТ, САД, лептина	–
Roomi M, 2024 (Северная Индия)	210 75,2% — юноши	21,4	Кросс-секционное исследование	ИМТ<24,9 > 4 > 6,5 > 8 ИМТ>24,9 > 4 > 6,5 > 8	Распространенность АГ – 35,8% Выражена корреляция АГ и высокого ИМТ	ОШ 1,17 1,86 1,87 1,30 3,23 2,86

Прим.: R – коэффициент корреляции, P – достоверность коэффициента R, ОШ – коэффициент относительного риска (отношение шансов), АД – артериальное давление, ЭВ – электронное время.

Более отчетливые нарушения сосудистого тонуса установлены у детей в Южной Америке – в проспективном наблюдательном исследовании Л. Н. Рейс и соавторов, которые проводили оценку физической активности и адаптированности к физическим нагрузкам по тесту 6-минутной ходьбы, с оценкой дневной активности с помощью акселерометра, а также с последующим расширением объема двигательной активности (Reis et al., 2024). Авторы описали повышение АД у школьников младшего возраста на фоне интернет-зависимости, а также получили положительную клиническую динамику в виде снижения систолического и диастолического АД, процента жировой массы и окружности талии при замене одного часа ЭВ умеренной либо интенсивной физической активностью. Эти изменения сопровождались увеличением уровня лептина – «гормона сытости», который имеет свойство подавлять синтез нейропептида Y – главного стимулятора аппетита, снижающего энергозатраты организма (см.: Андреевская, Марьянович, 2019). То есть связь величины ЭВ и уровня АД у детей была доказана от обратного.

Но самые убедительные данные о связи ЭВ и АД были получены в исследовании, проведенном в Северной Индии. Под наблюдением находились подростки-студенты медицинского колледжа, преимущественно юноши. Прицельное изучение корреляции ЭВ и артериальной гипертензии у подростков в Северной Индии представляет интерес из-за жёстких критериев включения: были исключены из исследования курильщики, подростки с АГ или когда-либо принимавшие антигипертензивные препараты. Учитывались факторы, оказывающие влияние на уровень АД — физическая активность и ИМТ. Авторы установили высокую распространенность АГ у подростков — 35,8%, которая особенно часто встречалась среди обследуемых с избыточной массой тела и ожирением. Как максимально опасное для формирования АГ было обозначено экранное время более 390 минут в день (6,5 часов) (Roomi et al., 2024). Важно отметить, что эта группа обследуемых была самой старшей, и в ней был выявлен максимально высокий процент подростков с АГ — 35,8%.

Роль избыточного экранного времени в развитии ожирения у детей

Учитывая тесную причинно-следственную связь ожирения с гиподинамией у детей и с развитием АГ, параллельно рассматривались литературные источники, которые анализировали влияние ЭВ на избыточную прибавку детей в массе (табл. 2).

Три исследования, проведенные в восточно-европейских детских популяциях, показали достоверную положительную корреляцию экранного времени и ожирения у детей. В исследовании А. Картанья-Уэсо с соавторами проведено изучение ЭВ у наблюдаемых от 2 до 14 лет и был установлен «опасный порог» — 180 минут и более — который связан с развитием ожирения у детей (Cartanya-Hueso et al., 2021).

У ирландских школьников развитие избыточной массы и ожирения отмечалось, начиная с двухчасового порога ЭВ (O'Brien, Issartel, Belton, 2018). Анализ активности ирландских школьников был максимально объективным: авторы сопоставили данные анкетирования детей и акселерометров, которые принимали импульсы действия от мышц бедра для учёта физической активности.

Метаанализ, включавший несколько исследований из Бангладеш, Пакистана, некоторых стран Европы показал, что распространённость избыточной массы и ожирения у мальчиков составила 25%, а у девочек достигла 29,4%, показатели также имели тесную связь с величиной ЭВ (Ghasemirad et al., 2023). Наблюдение детей от 3 до 17 лет в стационаре с трёхкратным измерением АД выявило, что максимальные значения АД и ИМТ определяются в группе пациентов с наибольшей продолжительностью ЭВ (Stabouli et al., 2022).

Таблица 2. Результаты исследований по оценке связи экранного времени и развития избыточной массы тела или ожирением у детей

Table 2. The results of studies assessing the relationship between screen time and the development of overweight or obesity in children

Автор, год публикации, страна	Число детей	Возраст детей, лет	Тип исследования	ЭВ (час)	Факторы	ОШ
Cartanya-Hueso A., 2021 (Испания)	4528	2–14	Когортное поперечное	> 2 > 3	Увеличение избыточной массы и ожирения	1,41 1,18
O'Brien W., 2018 (Ирландия)	169 м:д = 113/56	13	Когортное поперечное наблюдение	> 2	Повышен риск избыточной массы и ожирения не зависимо от пола обследуемых	1,67 (1,48 1,88)

Stabolu S., 2022 (Греция)	101	3–17	Когортное поперечное	Мальчики – 3,9 Девочки – 2,84	Повышение АД, связанное со старшим возрастом и ожирением	1,18
Ghasemirad M., 2023 (Пакистан, Бангладеш, страны Европы)	12653	10–19	Метаанализ 9 исследований	> 2	Увеличение окружности талии у мальчиков	1,19 (1,02– 1,39)
Ma Z., 2021 (Китай)	8419	9–18	Когортное наблюдательное	Проблемное исп-ие	Связь со статусом ожирения чаще у мальчиков (37,1% против 19,4% у девочек)	1,046 (1,018– 1,075)
Chang R.Y., 2023 (Тайвань)	8387	2–6	Когортное наблюдательное 2016–2019 гг.	2–4 г. – >1 5–6 л. – >2 >3	ЭВ > 3 часов связано с тяжелым ожирением	0,421
Ikeda I., 2024 (Япония)	2242 (1278 девочек)	11–14	Когортное проспективное	> 3	Аддитивная связь ЭВ с ожирением у девочек, исчезает при снижении ЭВ	6,79 (3,11– 14,81)
Semar R., 2022 (Индия)	100	5	Когортное наблюдательное трехлетнее	> 3	Рост ожирения у детей в младшем школьном возрасте	–
Singh A.R., 2023 (Индия)	728	15-19	Когортное поперечное	> 6	Связь с абдоминальным ожирением у мальчиков	–

Прим.: ОШ – коэффициент относительного риска (отношение шансов), ИМТ – индекс массы тела, АД – артериальное давление, ЭВ – электронное время.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают три когортных исследования из стран Восточной Азии (Китай, Тайвань, Япония). Примечательно, что в них в общей сложности приняли участие около 19 тысяч детей разного возраста и пола. Авторы выявили наиболее выраженные отклонения физического развития в связи с негативным влиянием длительного ЭВ. Многоцентровое исследование, проведенное в Шанхае, показало связь проблемного использования смартфона с ожирением, вдвое чаще определяемую у мальчиков (Ma, Wang, Li, 2020).

Крупное трёхлетнее наблюдение дошкольников в Тайване с комплексной оценкой физического развития детей по индексу массы тела (ИМТ), качеству и длительности сна, количеству и объёму потребляемых порций, установило прямую сильную связь продолжительности ЭВ (особенно просмотра телевидения) с ожирением у детей. Длительное ЭВ и избыток веса у детей также были связаны с низким образовательным уровнем и ожирением у лиц, которые осуществляли уход за детьми, то есть, родителей и опекунов (Chang et al., 2023). Учёные сделали важный вывод о том, что ЭВ тормозит моторное развитие малышей, документировали развитие дислипидемии у них, ассоциированной с дефицитом физической активности. Подтверждением влияния ЭВ на избыточную массу у детей

стала японская публикация о снижении ИМТ при ограничении пользования электронными гаджетами (Ikeda et al., 2024).

Наблюдение за индийскими дошкольниками определило разностороннее негативное влияние чрезмерного ЭВ у детей младше 5 лет на физическую активность и пищевое поведение. Учёными было выявлено эмоциональное переедание, отсроченные реакции насыщения, суетливость в еде. Среди 100 детей школьного возраста 52% наблюдаемых использовали гаджеты более 4 часов в день, помимо школьных занятий и онлайн-занятий. ЭВ детей было прямо пропорционально ЭВ родителей ($P < 0,05$), отрицательно коррелировало с физической активностью детей ($P < 0,01$) и к 8 годам формировало избыточную массу тела и ожирение, которые прямо зависели от размера ЭВ ($P < 0,05$) (Semar, Bakshi, 2022).

И ещё одно нежелательное последствие увеличения ЭВ обнаружено в данном исследовании — родители использовали запрет на использование гаджетов как наказание, но не воспринимали это как суровую меру. Тогда как дети воспринимали такой запрет как нечто невозможное, немыслимое и катастрофичное, то есть у детей формировались признаки тяжёлой эмоциональной зависимости от электронных гаджетов.

В работе А. Р. Сингх с соавторами у подростков с величиной ЭВ более 6 часов выявлен симптом, ассоциированный с метаболическим синдромом и острыми сердечно-сосудистыми заболеваниями — абдоминальное ожирение (Singh et al., 2023).

Кардиометаболические нарушения и величина электронного времени у детей

В ходе анализа литературных источников мы выделили ряд из них, анализирующих влияние ЭВ на комплекс кардиометаболических параметров. В числе этих показателей были уровень АД, индекса массы тела (ИМТ), окружности талии (ОТ), показатели липидного спектра, негативная динамика которых ассоциирована с атеросклерозом, а также маркеры углеводного обмена, характеризующие инсулинорезистентность.

Европейские исследования установили у детей 3–5 лет по мере увеличения просмотра телевизионных передач и развлекательного (игрового) контента на компьютерах и в смартфонах повышение концентрации холестерина не-липопротеинов высокой плотности (не-ЛВП) (Sivanesan et al., 2020) (табл. 3). Данный показатель объединяет все транспортные частицы, переносящие аполипопротеин В и формирующие атеросклеротическое повреждение сосудистой стенки (Сергиенко, 2023). Скандинавское динамическое наблюдение детей школьного возраста установило связь гиподинамии на фоне онлайн занятий/развлечений с тенденцией к росту АД, увеличению окружности талии и развитию дислипидемии со снижением ЛВП и увеличением уровня триглицеридов (ТТ), что рассматривается как значимые факторы кардиометаболического риска (Vanderloo et al., 2020). Обследование испанских школьников установило не только значимое отклонение ИМТ, но и характерную для ожирения дислипидемию и нарушение толерантности к углеводам (Hernandez-Luengo et al., 2021).

Таблица 3. Характеристика и результаты исследований по изучению кардиометаболического риска у детей в зависимости от величины ЭВ
 Table 3. The characteristics and results of studies studying cardiometabolic risk in children depending on the value of screen time (ЭВ)

Автор, год публикации, страна	Число детей	Возраст, лет	Тип исследования	ЭВ (час)	Факторы	R, P
Sivanesan H., 2020 (Скандинавские страны)	1317	3–5	Когортное поперечное	0,8 – 1,5	ЭВ повышает уровень не-ЛВП	0,039 0,001

Vanderloo M., 2020 (Скандинавские страны)	567	7–12	Когортное наблюдательное	> 2	Прямая связь ЭВ с повышением АД, окружностью талии, уровнем ТГ и обратная — с ЛВП	–
Hernández-Luengo M., 2021 (Испания)	560	8–11	Кросс-секционный анализ	>3	Наиболее значимая связь ЭВ у мальчиков с повышенным АД, процентом жира, высоким ОХС и глюкозой	
Nagata J. M., 2023 (Япония)	7105	11–14	Когортное проспективное 24-летнее	2,86 ± 0,08	Через 24 г. у 43,4% участников — ожирение, у 8,4% - диабет, у 31,8% - АГ, у 14,9% - гиперлипидемия	ОШ 1,17 1,09
Farhangi M.A., 2023 (Европа, страны Юго-Восточной Азии)	151763	3–18	Метаанализ	> 2	На 8% повышается риск развития АГ при увеличении ЭВ на 47 минут в день; когнитивные и личностные нарушения	ОШ 1,5

Прим.: R — коэффициент корреляции, P — достоверность коэффициента R, ОШ — коэффициент относительного риска (отношение шансов), АД — артериальное давление, ЭВ — электронное время.

Наше внимание привлекло крупное продольное исследование влияния ЭВ на здоровье у детей из Восточной Азии, продолжавшееся в течение 24 лет, с 1994 по 2018 гг. Авторы показали, что к 35-39 годам участники наблюдения страдали ожирением в 43,4% случаев и у 8,4% документирован диабет 2 типа, в значительном количестве случаев отмечались АГ и дислипидемии. Это позволило сделать вывод о закреплении негативного влияния избыточного ЭВ на липидный и углеводный обмен, начиная от детских лет до периода взрослой жизни (Nagata et al., 2023).

Метаанализ, включивший 20 работ по оценке связи повышения АД у детей с использованием электронных устройств (из которых 11 были проведены в детских популяциях стран Юго-Восточной Азии), изучившие также влияние ЭВ на показатели липидного и углеводного обмена как основных факторов сердечно-сосудистого риска (Farhangi et al., 2023). Было установлено, что мальчики проводят больше времени за экранными устройствами, чем девочки, и что дети в более высоких категориях просмотра телепередач и общего использования экранных медиа имеют худшие показатели САД, метаболизма глюкозы (повышенные уровни HbA1c), низкие показатели холестерина ЛВП и повышенные — триглицеридов. Кроме того, у мальчиков определена корреляция более высоких значений времени просмотра телевизора с увеличением массы тела, формированием инсулинорезистентности, которая в сочетании с дислипидемией приводит к росту показателя метаболического индекса. В ряде работ показано снижение академической успеваемости у детей с наибольшими показателями электронного времени.

Обсуждение

До недавнего времени использование телевидения, компьютеров и смартфонов детьми носило преимущественно развлекательный характер. Но во время пандемии Covid-19 общение в онлайн мессенджерах и онлайн обучение получили очень широкое распространение. При этом у взрослых, которые воспитывают детей, у преподавателей и общества в целом нет единого мнения о пользе и вреде данного явления.

Анализ научной медицинской литературы за последние 5 лет показывает, что ученые наблюдают устойчивый тренд в увеличении экранного времени у детей по мере взросления. Тот факт, что изучение данного показателя в европейских исследованиях включает детей от 2-летнего возраста сам по себе вызывает удивление и тревогу. В разных странах появляются «нормы» электронного времени, как правило, не более 2 часов¹.

Анализ выявленных публикаций был проведен, включая обследуемых от раннего возраста до 22 лет. Экранное время увеличивалось в возрастных группах от 2–5 лет к 6–11 и 12–18 годам в 4–5,5 раз: от 1–2 часов у малышей до 7–8 часов и даже более у студентов 18–22 лет.

Региональные особенности проблемы избытка ЭВ у детей характеризуют число публикаций — большинство исследований проведены в странах Европы и Северной Америки. Тем не менее, прослеживается растущий интерес к этому вопросу и в регионе Юго-Восточной Азии. Основным отличием этих работ стало более детальное изучение причин проблемного использования электронных гаджетов у детей, а также комплексная оценка последствий проблемного использования Интернета, в некоторых случаях — достаточно отдалённых по времени.

Второй характеристикой региональных отличий являются установленные в популяциях Юго-Восточной Азии большая вовлечённость мальчиков в видеоигры и большее среди них число детей с избыточной массой тела, с акцентом на абдоминальное ожирение. По мнению большинства исследователей, безопасным использованием ЭВ следует считать не более 2 часов у школьников и не более 1 часа у дошкольников при условии высокого качества интернет-контента².

Благодаря научным исследованиям, проведённым в популяциях региона Восточной Азии, стало очевидным, что влияние ЭВ на здоровье детей оказалось гораздо более многогранным, чем было заявлено в нашем поиске по ключевым словам. По влиянию на сосудистый тонус установлена отчётливая зависимость роста систолического АД от ЭВ, который начинается у младших школьников и достигает высокой распространённости АД у подростков и молодых людей (до 35,8%). Уровень доказательств взаимосвязи ЭВ с гиподинамией и ожирением оказался очень высоким, поскольку авторы использовали инструментальные методы определения физической активности детей, а для характеристики избыточной массы использовали не только антропометрические данные, но и результаты биоимпедансометрии, т. е. оценивали процентный состав тела, включая висцеральный жир. Среди условий, которые способствуют формированию интернет-зависимости у детей и могут быть устранены, ряд авторов выделили проблемное поведение у взрослых, осуществляющих уход и воспитание детей.

Комплексная оценка воздействия ЭВ у школьников установила опасные отклонения метаболизма в виде увеличения атерогенных фракций липидов и развития инсулинорезистентности, что в сочетании с АД и ожирением формируют метаболический синдром. Тревожным результатом проблемного использования гаджетов является прогрессирующее снижение когнитивных функций, а также выработка и закрепление агрессивных и аутоагрессивных эмоциональных реакций у подростков (Hutton et al., 2020).

Заключение

Таким образом, проблема избыточного использования электрических гаджетов у детей приобрела серьёзный масштаб по влиянию на детское здоровье, связана с увеличением кардиоваскулярного

¹ Recommended Screen Time for Preschoolers: Exploring the Guidelines [Электронный ресурс] // TGS. 2024. URL: www.thegardnerschool.com/blog/how-much-is-too-much-when-it-comes-to-screen-time (дата обращения: 15.09.2023).

² Там же.

риска. Она заслуживает разработки и внедрения комплекса профилактических мер в процесс образования и воспитания детей. В странах Юго-Восточной Азии исследования влияния ЭВ были наиболее подробными и установили максимальную распространённость кардиометаболических нарушений: артериальной гипертензии, абдоминального ожирения, инсулинорезистентности и атерогенных дислипидемий.

Профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, наиболее успешная в детском возрасте, включает расширение двигательной активности, сбалансированное питание, адаптацию к стрессовым факторам, и в том числе разумное использование образовательных и развлекательных интернет-ресурсов. Учитывая генетическое родство народов тюркской группы, а также полигенный характер артериальной гипертензии, ожирения и атеросклеротических заболеваний, необходимо учитывать особенности физического развития и формирования здоровья у детей с проблемным использованием электронных гаджетов, выявленные в Японии, Тайване и Китае. То есть, целесообразно обратить внимание учителей и родителей в регионах России, где проживают народы тюркской гаплогруппы (тувинцы, хакасы, якуты, буряты, казахи, чуваша и т. д.) на проблему осознанного использования интернет-ресурсов: ограничение до 1 часа в день экранного времени у детей дошкольного и младшего школьного возраста, и до двух часов в день — у школьников. Важны семейный и общественный подходы к решению данной проблемы, с обязательным участием взрослых членов семьи и преподавателей, но без эмоциональной напряжённости запретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапитов, Л. И., Черепнин, И. В. (2019) Диагностика и лечение артериальной гипертензии у детей и подростков в свете новых клинических рекомендаций Американской академии педиатрии // *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. Т. 64. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2019-64-4-114-127>
- Андреевская, М. В., Марьянович, А. Т. (2019) Лептин в регуляции потребления пищи // *Российские медицинские исследования*. Т. 4. № 4. С. 33–38.
- Ерина, А. М., Ротарь, О. П., Солнцев, В. Н., Шальнова, С. А., Деев, А. Д., Баранова, Е. И., Конради, А. О., Бойцов, С. А., Шляхто, Е. В. (2019) Эпидемиология артериальной гипертензии в Российской Федерации — важность выбора критериев диагностики // *Кардиология*. Т. 59. № 6. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.18087/cardio.2019.6.2595>
- Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эврт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири // *Здравоохранение Российской Федерации*. Т. 64. № 1. С. 36–44.
- Сергиенко, И. В. (2023) Российские клинические рекомендации по нарушению липидного обмена 2024 г. Что нового? // *Русский медицинский журнал*. № 4. С. 12–16.
- Эврт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // *Бюллетень сибирской медицины*. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>
- Cartanyà-Hueso, À., Lidón-Moyano, C., Martín-Sánchez, J. C., González-Marrón, A., Pérez-Martín, H., Martínez-Sánchez J. M. (2021) Association between recreational screen time and excess weight and obesity assessed with three sets of criteria in Spanish residents aged 2–14 years // *Anales de Pediatría*. Vol. 97. Issue 5. P. 333–341. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.anpede.2021.09.004>
- Chang, R. Y., Chen, T. L., Yeh, C. C., Chen, C. H., Wang, Q. W., Toung, T., Liao, C. C. (2023) Risk of Obesity Among Children Aged 2–6 Years Who Had Prolonged Screen Time in Taiwan: A Nationwide Cross-Sectional Study // *Clinical Epidemiology*. Vol. 15. P. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.2147/CLEP.S382956>
- Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. № 7. Article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>
- Farhangi, M. A., Fathi, A. E., Manzouri, A., Rashnoo, F., Shakarami, A. (2023) Prolonged screen watching behavior is associated with high blood pressure among children and adolescents: a systematic review and dose-response meta-analysis // *Journal of Health, Population and Nutrition*. Vol. 42. № 1. Article 89. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41043-023-00437-8>

Ghasemirad, M., Ketabi, L., Fayyazishishavan, E., Hojati, A., Maleki, Z. H., Gerami, M. H., Moradzadeh, M., Fernandez, J. H. O., Akhavan-Sigari, R. (2023) The association between screen use and central obesity among children and adolescents: a systematic review and meta-analysis // *Journal of Health, Population and Nutrition*. Vol. 42. № 1. Article 51. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41043-023-00391-5>

Hernández-Luengo, M., Álvarez-Bueno, C., Alfonso, M. E. V., Tébar, A. R., Notario-Pacheco, B., Martínez-Vizcaino, V. (2021) Association between Screen Time and Cardiometabolic Risk Factors and Academic Achievement among Children // *International Journal Pediatric Research*. № 7. P. 081. DOI: <https://doi.org/10.23937/2469-5769/1510081>

Hu, J., Ding, N., Yang, L. Ma, Y., Wen, D. (2019) Association between television viewing and early childhood overweight and obesity: a pair-matched case-control study in China // *BMC Pediatrics*. Vol. 19. Article 184. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12887-019-1557-9>

Hutton, J. S., Dudley, J., Horowitz-Kraus, T., DeWitt, T., Holland, S. K. (2020) Associations between screen-based media use and brain white matter integrity in preschool-aged children // *JAMA Pediatr*. Vol. 174. № 1. Article e193869. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2019.3869>

Idrees, B., Sampasa-Kanyinga, H., Hamilton, H. A., Chaput, J. P. (2024) Associations between problem technology use, life stress, and self-esteem among high school students // *BMC Public Health*. Vol. 24. Article 492. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-024-17963-7>

Ikeda, I., Fujihara, K., Yoshizawa, S.M., Takeda, Y. Ishiguro, H, Yamada, H.M, Horikawa, C., Matsubayashi, Y., Yamada, T., Ogawa, Y., Sone, H. (2024) Association between screen time, including that for smartphones, and overweight/obesity among children in Japan: NICE EVIDENCE Study 4 // *Endocrine Journal*. Vol. 71. Issue 2. P. 171–179. DOI: <https://doi.org/10.1507/endocrj.EJ23-0343>

Khan, A., Lee, E. Y., Horwood, S. (2022) Adolescent screen time: associations with school stress and school satisfaction across 38 countries // *European Journal of Pediatrics*. Vol. 181. P. 2273–2281. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00431-022-04420-z>

Lissak, G. (2018) Adverse physiological and psychological effects of screen time on children and adolescents: Literature review and case study // *Environmental Research*. Vol. 164. P. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2018.01.015>

Ma, Z., Wang, J., Li, J. (2021) The association between obesity and problematic smartphone use among school-age children and adolescents: a cross-sectional study in Shanghai // *BMC Public Health*. Vol. 21. Article 2067. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-021-12124-6>

Nagata, J. M., Lee, C. M., Lin, F., Ganson, K. L., Gabirel, K. P., Testa, A., Jackson, D. B., Dooley, E. E. (2023) Screen Time from Adolescence to Adulthood and Cardiometabolic Disease: a Prospective Cohort Study // *Journal of General Internal Medicine*. Vol. 38. № 8. P. 1821–1827. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11606-022-07984-6>

O'Brien, W., Issartel, J., Belton, S. (2018) Relationship between Physical Activity, Screen Time and Weight Status among Young Adolescents // *Sports*. Vol. 6. № 3. Article 57. DOI: <https://doi.org/10.3390/sports6030057>

Pankova, N. B., Alchinova, I. B., Kovaleva, O. I., Lebedeva, M. A., Khlebnikova, N. N., Cherepov, A. B., Noskin, L. A., Karganov, M. Y. (2021) Effects of Screen Time and Season on Cardiovascular System Indicators in Primary Schoolchildren // *Human Physiology*. Vol. 47. P. 628–638. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0362119721060086>

Reis, L. N., Reuter, C.P., Okely, A., Brand, C., Fochesatto, C. F., Martins, C. M. L., Mota, J., Gayam, A. C. A., Gaya, A. R. (2024) Replacing screen time, with physical activity and sleep time: influence on cardiovascular indicators and inflammatory markers in Brazilian children // *Journal de Pediatria*. Vol. 100. Issue 2. P. 149–155. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpmed.2023.10.007>

Roomi, A. M. H. A., Srivastava, A., Girdhar, N., Jha, C., Thakur, S. (2024) A Study of the Correlation Between Screen Time and Hypertension Among Young Adults in North India: A Cross-Sectional Analysis // *Cureus*. Vol. 16. № 1. Article e51667. DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.51667>

Schmidt-Persson, J., Rasmussen, M., Neland, M., Grontved, A. (2020) Screen-based media use and blood pressure in preschool-aged children: A prospective study in the Odense Child Cohort // *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 49. Issue 5. P. 485–502. DOI: <https://doi.org/10.1177/1403494820914823>

Semar, R., Bakshi, N. (2022) Correlation of Screen Time With Eating Behavior Among School-Going Children Aged 8 to 10 Years in East Delhi, India. *Journal of Indian Association for Child and Adolescent Mental Health*. Vol. 18. Issue 4. P. 283–289. DOI: <https://doi.org/10.1177/09731342221144877>

Singh, A. R., Devi L. R., Devi, C. B., Chanu, S. L., Singh, L. G., Meitei, S. Y. (2023) Screen Time and Its Association with Body Adiposity and Hypertension among the Schoolgoing Adolescents of Manipur, Northeast India // *Journal Health Allied Sciences NU*. Vol. 13. P. 343–348. DOI: <https://doi.org/10.1055/s-0042-1755598>

Sivanesan, H., Vanderloo, L. M., Keown-Stoneman, C. D. G., Parkin, P. C., Maguire, J. L., Birken, C. S. (2020) The association between screen time and cardiometabolic risk in young children // *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. Vol. 17. Article 41. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-020-00943-6>

Stabouli, S., Antza, Ch., Vareta, G. Sideras, L., Kostis, V. (2022) Screen Time and Blood Pressure in Children and Adolescents: The Role of Obesity // *Biomedical Journal of Scientific & Technical Research*. Vol. 45. Issue 5. P. 36941–36948. DOI: <https://dx.doi.org/10.26717/BJSTR.2022.45.007278>

Vanderloo, M., Keown-Stoneman, C. D. G., Sivanesan, H., Parkin, P. C., Maguire, J. L. (2020) Association of screen time and cardiometabolic risk in school-aged children // *Preventive Medicine Reports*. Vol. 20. Article 101183. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.904509>

Дата поступления: 26.03.2024 г.

Дата принятия: 14.05.2024 г.

REFERENCES

Agapitov, L. I. and Cherepnin, I. V. (2019) Diagnostics and treatment of arterial hypertension in children and adolescents, overview of new clinical guidelines of the American Academy of Pediatrics. *Rossiyskiy Vestnik Perinatologii i Pediatrii (Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics)*, vol. 64, no. 4, pp. 114–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2019-64-4-114-127>

Andreevskaya, M. V. and Mar'ianovich, A. T. (2019) Leptin in food intake regulation. *Russian Biomedical Research*, vol. 4, no. 4, pp. 33–38. (In Russ.).

Erina, A. M., Rotar', O. P., Solntsev, V. N., Shal'nova, S. A., Deev, A. D., Baranova, E. I., Konradi, A. O., Boitsov, S. A. and Shliakhto, E. V. (2019) Epidemiology of Arterial Hypertension in Russian Federation – Importance of Choice of Criteria of Diagnosis. *Kardiologiya*, vol. 59, no. 6, pp. 5–11. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18087/cardio.2019.6.2595>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of internet-addiction among adolescents of central siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Sergienko, I. V. (2023) Russian clinical guidelines for lipid metabolism disorders 2024 What's new? *Russkii meditsinskiy zhurnal*, no. 4, pp. 12–16. (In Russ.).

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Cartanyà-Hueso, À., Lidón-Moyano, C., Martín-Sánchez, J. C., González-Marrón, A., Pérez-Martín, H. and Martínez-Sánchez J. M. (2021) Association between recreational screen time and excess weight and obesity assessed with three sets of criteria in Spanish residents aged 2–14 years. *Anales de Pediatría*, vol. 97, issue 5, pp. 333–341. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.anpede.2021.09.004>

Chang, R. Y., Chen, T. L., Yeh, C. C., Chen, C. H., Wang, Q. W., Toung, T. and Liao, C. C. (2023) Risk of Obesity Among Children Aged 2–6 Years Who Had Prolonged Screen Time in Taiwan: A Nationwide Cross-Sectional Study. *Clinical Epidemiology*, vol. 15, pp. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.2147/CLEP.S382956>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Farhangi, M. A., Fathi, A. E., Manzouri, A., Rashnoo, F. and Shakarami, A. (2023) Prolonged screen watching behavior is associated with high blood pressure among children and adolescents: a systematic review and dose-response meta-analysis. *Journal of Health, Population and Nutrition*, vol. 42, no. 1, article 89. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41043-023-00437-8>

Ghasemirad, M., Ketabi, L., Fayyazishishavan, E., Hojati, A., Maleki, Z. H., Gerami, M. H., Moradzadeh, M., Fernandez, J. H. O. and Akhavan-Sigari, R. (2023) The association between screen use and central obesity among children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *Journal of Health, Population and Nutrition*, vol. 42, no. 1, article 51. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41043-023-00391-5>

Hernández-Luengo, M., Álvarez-Bueno, C., Alfonso, M. E. V., Tébar, A. R., Notario-Pacheco and B., Martínez-Vizcaino, V. (2021) Association between Screen Time and Cardiometabolic Risk Factors and Academic Achievement among Children. *International Journal Pediatric Research*, no. 7, article 081. DOI: <https://doi.org/10.23937/2469-5769/1510081>

Hu, J., Ding, N., Yang, L. Ma, Y. and Wen, D. (2019) Association between television viewing and early childhood overweight and obesity: a pair-matched case-control study in China. *BMC Pediatrics*, vol. 19, article 184. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12887-019-1557-9>

Hutton, J. S., Dudley, J., Horowitz-Kraus, T., DeWitt, T. and Holland, S. K. (2020) Associations between screen-based media use and brain white matter integrity in preschool-aged children. *JAMA Pediatr*, vol. 174, no. 1, article e193869. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2019.3869>

Idrees, B., Sampasa-Kanyinga, H., Hamilton, H. A. and Chaput, J. P. (2024) Associations between problem technology use, life stress, and self-esteem among high school students. *BMC Public Health*, vol. 24, article 492. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-024-17963-7>

Ikeda, I., Fujihara, K., Yoshizawa, S. M., Takeda, Y., Ishiguro, H., Yamada, H. M., Horikawa, C., Matsubayashi, Y., Yamada, T., Ogawa, Y. and Sone, H. (2024) Association between screen time, including that for smartphones, and overweight/obesity among children in Japan: NICE EVIDENCE Study 4. *Endocrine Journal*, vol. 71, issue 2, pp. 171–179. DOI: <https://doi.org/10.1507/endocrj.EJ23-0343>

Khan, A., Lee, E. Y. and Horwood, S. (2022) Adolescent screen time: associations with school stress and school satisfaction across 38 countries. *European Journal of Pediatrics*, vol. 181, pp. 2273–2281. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00431-022-04420-z>

Lissak, G. (2018) Adverse physiological and psychological effects of screen time on children and adolescents: Literature review and case study. *Environmental Research*, vol. 164, pp. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2018.01.015>

Ma, Z., Wang, J. and Li, J. (2021) The association between obesity and problematic smartphone use among school-age children and adolescents: a cross-sectional study in Shanghai. *BMC Public Health*, vol. 21, article 2067. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-021-12124-6>

Nagata, J. M., Lee, C. M., Lin, F., Ganson, K. L., Gabirel, K. P., Testa, A., Jackson, D. B. and Dooley, E. E. (2023) Screen Time from Adolescence to Adulthood and Cardiometabolic Disease: a Prospective Cohort Study. *Journal of General Internal Medicine*, vol. 38, no. 8, pp. 1821–1827. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11606-022-07984-6>

O'Brien, W., Issartel, J. and Belton, S. (2018) Relationship between Physical Activity, Screen Time and Weight Status among Young Adolescents. *Sports*, vol. 6, no. 3, article 57. DOI: <https://doi.org/10.3390/sports6030057>

Pankova, N. B., Alchinova, I. B., Kovaleva, O. I., Lebedeva, M. A., Khlebnikova, N.N., Cherepov, A. B., Noskin, L. A. and Karganov, M. Y. (2021) Effects of Screen Time and Season on Cardiovascular System Indicators in Primary School-children. *Human Physiology*, vol. 47, pp. 628–638. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0362119721060086>

Reis, L. N., Reuter, C. P., Okely, A., Brand, C., Fochesatto, C. F., Martins, C. M. L., Mota, J., Gayam, A. C. A. and Gaya, A. R. (2024) Replacing screen time, with physical activity and sleep time: influence on cardiovascular indicators and inflammatory markers in Brazilian children. *Journal de Pediatria*, vol. 100, issue 2, pp. 149–155. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpmed.2023.10.007>

Roomi, A. M. H. A., Srivastava, A., Girdhar, N., Jha, C. and Thakur, S. (2024) A Study of the Correlation Between Screen Time and Hypertension Among Young Adults in North India: A Cross-Sectional Analysis. *Cureus*, vol. 16, no. 1, article e51667. DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.51667>

Schmidt-Persson, J., Rasmussen, M., Neland, M. and Grontved, A. (2020) Screen-based media use and blood pressure in preschool-aged children: A prospective study in the Odense Child Cohort. *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 49, issue 5, pp. 485–502. DOI: <https://doi.org/10.1177/1403494820914823>

Semar, R. and Bakshi, N. (2022) Correlation of Screen Time With Eating Behavior Among School-Going Children Aged 8 to 10 Years in East Delhi, India. *Journal of Indian Association for Child and Adolescent. Mental Health*, vol. 18, issue 4, pp. 283–289. DOI: <https://doi.org/10.1177/09731342221144877>

Singh, A. R., Devi L. R., Devi, C. B., Chanu, S. L., Singh, L. G. and Meitei, S. Y. (2023) Screen Time and Its Association with Body Adiposity and Hypertension among the School-Going Adolescents of Manipur, Northeast India. *Journal Health Allied Sciences NU*, vol. 13, pp. 343–348. DOI: <https://doi.org/10.1055/s-0042-1755598>

Sivanesan, H., Vanderloo, L. M., Keown-Stoneman, C. D. G., Parkin, P. C., Maguire, J. L. and Birken, C. S. (2020) The association between screen time and cardiometabolic risk in young children. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*, vol. 17, article 41. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-020-00943-6>

Stabouli, S., Antza, Ch., Vareta, G. Sideras, L. and Kostis, V. (2022) Screen Time and Blood Pressure in Children and Adolescents: The Role of Obesity. *Biomedical Journal of Scientific & Technical Research*, vol. 45, issue 5, pp. 36941–36948. DOI: <https://dx.doi.org/10.26717/BJSTR.2022.45.007278>

Vanderloo, M., Keown-Stoneman, C. D. G., Sivanesan, H., Parkin, P. C. and Maguire, J. L. (2020) Association of screen time and cardiometabolic risk in school-aged children. *Preventive Medicine Reports*, vol. 20, article 101183. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.904509>

Submission date: 26.03.2024.

Acceptance date: 14.05.2024.

Concerts and other activities of Tuvan musicians in the 1990s mediated by Bernard Kleikamp via his companies Paradox Concert Agency and Pan Records

Bernard Kleikamp

Independent scholar, Netherlands

The article is based on a chronological review of the author's work with musicians from Tuva during the 1990s. He is a producer and ethnomusicologist. From 1978 to 2003, he organized concerts through Paradox Concerts, during which more than 500 concert tours were held, resulting in a total of over 5,000 performances.

During this period, the author brought Tuvan music to listeners in 13 different countries on five continents, hosting over 200 events including concerts, festivals, workshops, educational programs, live radio broadcasts, television appearances, CD productions, modern operas (Noach), ballets (Aurora), and joint multimedia projects with artists from various cultures (Vox, Voices of God, Globe Orchestra). Additionally, interviews, university research programs, and studio recordings were conducted for CDs and radio.

Keywords: *Tuvan music; Tuvan musician; Tuvan band; tour; concert; throat singing; Tuvan throat singing*

For citation:

Kleikamp B. Concerts and other activities of Tuvan musicians in the 1990s mediated by Bernard Kleikamp via his companies Paradox Concert Agency and Pan Records. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 174-190. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.10>

KLEIKAMP, Bernard, Independent scholar, Netherlands. E-mail: bernard@panrecords.nl

Клейкамн Бернад — независимый исследователь, Нидерланды. Эл. адрес: bernard@panrecords.nl

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья

Концерты и другая деятельность тувинских музыкантов в 1990-е годы при посредничестве Бернарда Клейкампа через его компании Paradox Concert Agency и Pan Records**Бернард Клейкамп**

Независимый исследователь, Нидерланды

В основе статьи лежит хронологический обзор работы автора (продюсера, этномузыковеда) с музыкантами из Тувы в 1990-е годы. Он организовывал концерты через Paradox Concerts с 1978 по 2003 гг. За это время было организовано более 500 концертных туров, в общей сложности более 5000 концертов.

В 1990-е годы автор познакомил с творчеством тувинских музыкантов слушателей из 13 стран на пяти континентах. В общей сложности было проведено более 200 мероприятий: концерты, фестивали, мастер-классы, образовательные программы для школ, прямое радио, прямое телевидение, производство компакт-дисков, современная опера (Ноах), современная балет («Аврора»), совместные мультимедийные проекты с музыкантами разных культур (Vox, Voices of God, Globe Orchestra), интервью, университетские исследовательские программы (Лейден, Амстердам, Монреаль) и студийные записи для компакт-дисков и/или радио.

Ключевые слова: тувинская музыка; тувинский музыкант; тувинская группа; гастроль; концерт; горловое пение; тувинское горловое пение

Для цитирования:

Kleikamp B. Concerts and other activities of Tuvan musicians in the 1990s mediated by Bernard Kleikamp via his companies Paradox Concert Agency and Pan Records // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 174-190. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.10>

Introduction

Initially, this text was not intended as an article. It was originally meant to be an appendix following one of my papers on Tuvan musicians, “The Tuva Ensemble CDs of Pan Records”¹, that’s why it does not have the structure of a paper. But the appendix started to lead its own life.

I started mediating concerts through Paradox Concerts in 1978 and stopped in 2003. In those 25 years I organised an estimated 500 concert tours, with an aggregate total of 5000+ concerts. Usually during a concert tour I would visit the first or second concert, then often one in the middle, and always the last one as well, unless I would accompany the musicians abroad as tour-manager in which case I would be present at all the concerts.

In 2003 I decided it was enough as far as organising concerts was concerned. At the time of writing though, I am still involved with Pan Records, a record company for traditional and ethnic music (www.panrecords.nl).

I brought Tuvan musicians and Tuvan music to thirteen countries on five continents in the 1990s, totalling 200+ activities: concerts, festivals, workshops, educational programs for schools, live radio, live TV,

¹ Kleikamp B. The Tuva Ensemble CDs of Pan Records. In: Presentation at the 8th Symposium of the ICTM Study Group on Music of the Turkic Speaking World, 4–9 September 2022, Issyk Kul, Kyrgyzstan. The proceedings of the conference are to be published by the Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty, Kazakhstan, 2024. (forthcoming).

CD-productions, modern opera (Noach), modern ballet (Aurora), cooperative multimedia projects with musicians from various cultural backgrounds (Vox, Voices of God, Globe Orchestra), interviews, university research programs (Leiden, Amsterdam, Montréal), and studio recordings for CD and/or radio. I witnessed, and was an instrumental part of, the rise in attention of Tuvan throat singing.

Before a concert tour I always asked the Tuvan musicians to prepare a concert program of 90 minutes, divided into two sets of 45 minutes, because that was the most usual situation. I had nothing to do with making the concert program, that was all done by the musicians themselves.

An average concert program in a music club or a theater in Europe would be twice 45 minutes, with an intermission halfway. Sometimes the program would be one set of 30 minutes plus one set of 45 minutes or the other way around. In festivals a set could have a length of 60 minutes. At open air festivals, like at the festivals in Canada, a set would be 25 or 30 minutes in length, and an ensemble would daily do two or more sets or workshops at different locations on the festival premises. So on an average day at a Canadian open air festival the ensemble would perform a number of sets between 11 am (opening of the festival) and 11 pm (closing of the festival). Live radio or television would usually require just one or two songs, and was often supplemented with an interview.

The story of how I first got in touch with the Tuva Ensemble and started to work with them is found in my essay: "The Tuva Ensemble CDs of Pan Records"¹. The cooperation lasted practically until I retired from mediating concerts. Below is a chronological overview of my work with Tuvan musicians in the 1990s.

My research on Tuvan music has also been published in a number of articles (Kleikamp, Tumat, 2023; et al.²).

A chronological overview

1991

February

Tuva Ensemble participating in the Vox Festival.

Vox Festival was a project of the Rotterdam Art Foundation (Rotterdamse Kunststichting) to present ensembles with special vocal techniques. Taking part in this project and presenting a "Mondiaal Stempnorama" ("Worldwide Panorama of Voices") were Bisserov Sisters (Bulgaria), Batwa Ekonda (Zaire), Tuva Ensemble (Tuva), Kandia Kouyate (Mali), Mugam trio Jabbar Karyagdy (Azerbaijan).

Musicians: Gennadi Tumat, Kaigal-ool Khovalyg, Kongar-ool Ondar.

Manager: Vladimir Orus-ool (TuvaVostok).

Netherlands, Belgium, Germany.

12 February. Zuiderpershuis, Antwerp, Belgium.

13 February. Paleis voor de Schone Kunsten, Brussels, Belgium.

14 February. Cologne, Germany.

16 February. Stadsschouwburg, Kortrijk, Belgium.

17 February. Korzo, The Hague, Netherlands.

18 February. Stadsschouwburg, Nijmegen, Netherlands.

¹ Ibid.

² Kleikamp B. Songs and overtone singing from Tuva. Liner notes to four CDs on the Pan Records label., 2020. Revised, edited, and combined liner notes from 1991, 1992, 2000, and 2002; Kleikamp B. Is the Rebgong flat drum a shaman drum? *Academia.edu* [online] 2021. Available at: https://www.academia.edu/63781353/Is_the_Rebgong_flat_drum_a_shaman_drum; Kleikamp, B. Presentation at the 27th ICTM Colloquium at Shanghai Conservatory, 28–29 December 2020. *Drums and Drum Ensembles along the Great Silk Road*. Ed. by Xiao Mei and Gisa Jähnichen. Berlin, Logos Verlag, 2021. Pp. 59–66. (This essay has a paragraph on Tuvan throat singer Stas Danmaa meeting a native American shaman during the Tuva Ensemble's July 1992 concert tour in North America); Kleikamp B. The biblical flood and its overtones: the opera of Noach with the participation of Tuvan throat-singers. Presentation at the 2nd Symposium of the ICTM Study Group on Global History of Music, 7–9 June 2023 at Antonio Pasqualino International Puppet Museum, Palermo, Italy. The proceedings of the conference are to be published by Edizioni Museo Pasqualino, Palermo, Italy, 2025. (forthcoming).

20 February. Oosterpoort, Groningen, Netherlands.

21 February. De Doelen, Rotterdam, Netherlands.

23 February (daytime). Socia Media Studio, The Hague, Netherlands. Recordings for CD: “Tuva—Voices from the Land of the Eagles”, Pan Records no. 2005 (1991) (photo 1).

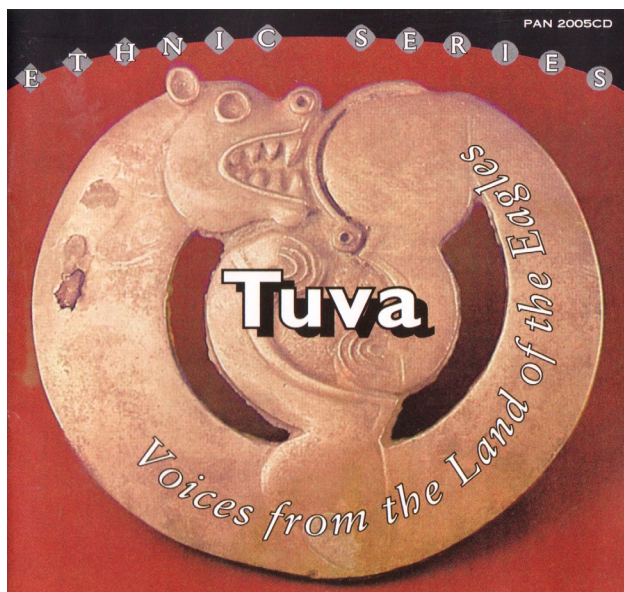

Photo 1. Front of Pan Records CD no. 2005. Photo from the author's personal archive.
 Фото 1. Обложка компакт-диска Pan Records № 2005. Фото из личного архива автора.

23 February. Muziekcentrum Vredenburg, Utrecht, Netherlands.

24 February. Tropen Instituut (Tropical Institute), Amsterdam, Netherlands (photo 2).

Photo 2. 24 February 1991. Tropen Instituut (Tropical Institute), Amsterdam, Netherlands.
 From left to right: Kaigal-ool Khovalyg, Kongar-ool Ondar, Gennadi Tumat. Photo by author.
 Фото 2. 24 февраля 1991 года. Тропический институт, Амстердам, Нидерланды.
 Слева направо: Кайгал-оол Ховалыг, Конгар-оол Ондар, Геннадий Тумат. Фото автора.

July

Tuva Ensemble

Musicians: Gennadi Tumat, Kaigal-ool Khovalyg, Anatolii Kuular.

Manager: Vladimir Orus-ool (TuvaVostok).

Germany

5 July. WDR Folk Festival, Cologne, Germany. Live TV.

1992

March, April

Tuva Ensemble

Musicians: Gennadi Tumat, Kaigal-ool Khovalyg, Kongar-ool Ondar, Anatolii Kuular, Damba-Dorju Sat, Stanislav (Stas) Danmaa, Sergey Ondar, Ivan Saryglar, Boris Kherlii, Radomir Mongush, Maryam Sat.

Manager: Vladimir Orus-ool (TuvaVostok).

Netherlands, Belgium, Germany

25 March. Paleis voor de Schone Kunsten, Brussels, Belgium.

26 March. Theater Romein, Leeuwarden, Netherlands.

27 March. Muziekcentrum Vredenburg, Utrecht, Netherlands.

28 March. De Oosterpoort, Groningen, Netherlands.

29 March (morning). VPRO Television «Reiziger in Muziek» (live, 20 minutes), Amsterdam, Netherlands.

29 March (lunchtime). Avro Radio (live, one song), Amsterdam, Netherlands.

31 March. Theater Noorderligt, Tilburg, Netherlands.

1 April. Überseemuseum, Bremen, Germany.

2 April. Ijsbreker, Amsterdam, Netherlands (photo 3).

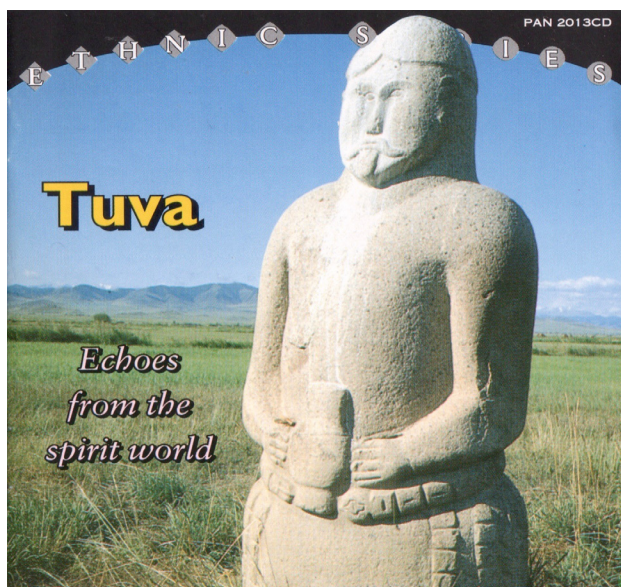

Photo 3. 2 April 1992. Ijsbreker, Amsterdam, Netherlands. 8 members of Tuva Ensemble. From left to right: Sergey Ondar, Stas Danmaa, Anatolii Kuular, Kongar-ool Ondar, Kaigal-ool Khovalyg, Damba-Dorzhu Sat, Ivan Saryglar, Gennadi Tumat. Photo by author.

Фото 3. 2 апреля 1992 года. Эйсбрекер, Амстердам, Нидерланды. 8 участников ансамбля «Тыва». Слева направо: Сергей Ондар, Стас Данмаа, Анатолий Куулар, Конгар-оол Ондар, Кайгал-оол Ховалыг, Дамба-Доржу Сат, Иван Сарыглар, Геннадий Тумат. Фото автора.

Live recordings from this concert were used for the CD (tracks 1–11): “Tuva – Echoes from the Spirit World”, Pan Records no. 2013 (1992) (*photo 4*).

*Photo 4. Front of Pan Records CD no. 2013. Photo by Ralph Leighton.
Фото 4. Обложка компакт-диска Pan Records № 2013. Фото Ральфа Лейтона.*

3 April. Berg en Dal, Nijmegen, Netherlands

4 April. Kölner Funkhaus, WDR Radio, Cologne, Germany.

June, July

Tuva Ensemble

Musicians: Gennadi Tumat, Anatolii Kuular, Stanislav (Stas) Danmaa, Sergey Ondar, Ivan Saryglar.

Manager: Vladimir Orus-ool (TuvaVostok) (He did not travel with the ensemble this trip).

Netherlands, Germany.

22 June. Oerol Festival (concerts at West Brandaris and at Bostheater, Formerum), Terschelling Island, Netherlands.

24 June. Melkweg, Amsterdam, Netherlands.

25 June. Documenta, Kassel, Germany.

3 July. Interviews with researchers of Leiden University, Netherlands.

5 July. Bosvreugd, Tilburg, Netherlands.

July

Tuva Ensemble

Musicians: Gennadi Tumat, Anatolii Kuular, Stanislav (Stas) Danmaa, Sergey Ondar, Ivan Saryglar.

Accompanied by: Bernard Kleikamp.

USA, Canada

8 July. Amphitheater, Chautauqua Institution, Chautauqua, NY, USA. Concert introduced by Ted Levin.

First ever concert of an ensemble of Tuvan musicians in the USA (see my essay: Kleikamp, 2022).

9–12 July. Concerts & workshops at Winnipeg Folk Festival, Winnipeg, MB, Canada.

16 July. Musiques et Traditions du Monde, Montréal, QC, Canada. See *photo 5*.

17–19 July. Concerts & workshops at Vancouver Folk Festival, Vancouver, BC, Canada (*photo 5*).

21 July. The Music Gallery, Toronto, ON, Canada.

December

Tuva Ensemble

Musicians: Gennadi Tumat, German Kuular, Damba-Dorju Sat, Sergey Khuragan.

Manager: Vladimir Orus-ool (TuvaVostok).

Netherlands

Photo 5. 16 July 1992. Musiques et Traditions du Monde, Montréal, QC, Canada. From left to right: Anatolii Kuular, Sergey Ondar, Ivan Saryglar. Stas Danmaa (seen on the back), Gennadi Tumat. Photo by author.

Фото 5. 16 июля 1992 года. Музыка и традиции мира, Монреаль, Квебек, Канада.

Слева направо: Анатолий Куулар, Сергей Ондар, Иван Сарыглар, Стас Данмаа (позади), Геннадий Тумат. Фото автора.

10–31 December. Rehearsals and performances of Zwarting (“Abyss”, act 2 of “Noach an Opera off Genesis”). Rehearsals took place at Bimhuis, Amsterdam, Netherlands.

Zwarting (Abyss) was staged at the following dates and venues. The Tuvan musicians would also perform a short set (25 minutes) at the various locations.:

19 December. Bimhuis (old location), Amsterdam, Netherlands.

20 December. Theater Korzo, Den Haag, Netherlands.

21 December. O42, Nijmegen, Netherlands.

23 December. De Oosterpoort, Groningen, Netherlands.

1993

April

Tuva Ensemble

Musicians: Gennadi Tumat, Stanislav (Stas) Danmaa, German Kuular, Alexander Salchak.

Interpreter: Rada Chakar.

Netherlands, Germany, Belgium, Portugal

13 April. Muziekcentrum Eindhoven, Netherlands.

14 April. O42, Nijmegen, Netherlands.

- 15 April. Paradiso, Amsterdam, Netherlands.
 17 April. De Doelen, Rotterdam, Netherlands.
 18 April. Stadsschouwburg, Antwerp, Belgium.
 20 April. WDR Radio, Studio Nedeltshev, Cologne, Germany. Recordings for CD (tracks 1, 2, 3, 4, 8, 12, 15): Tuva — Tuvinian¹ Singers and Musicians. Chöömej Throat-Singing from the Center of Asia. World Network / WDR no. 21. Network Medien 55.833 (1993).
 21 April. Korzo, The Hague, Netherlands.
 22 April. Rasa, Utrecht, Netherlands.
 23 April. Muziekcentrum, Enschede, Netherlands.
 24 April. Aagtenkapel, Amersfoort, Netherlands.
 28 April. Orient Foundation, Lisbon, Portugal.
 July, August
 Tuva Ensemble (pre-Huun Huur Tu line-up)
 Kaigal-ool Khovalyg, Alexander Bapa, Sayan Bapa, Anatolii Kuular, Radomir Mongush, Kongar-ool Ondar.
 Accompanied by Rein Spoorman (6–24 July); Bernard Kleikamp (2–8 August)
 USA, Canada
 6 July. 10th Ann Arbor Summer Festival. Demonstration/workshop, in: Ann Arbor School for the Performing Arts.
 7 July (lunchtime). 10th Ann Arbor Summer Festival. Demonstration/workshop, in: Power Center.
 7 July. 10th Ann Arbor Summer Festival: A Celebration of the Voice, in: Power Center, Ann Arbor, MI, USA. Presentations 6+7 July by Ted Levin.
 8 July. Russian Festival, World Financial Center, New York, NY, USA. Presentation by Ted Levin.
 9–11 July. Concerts & workshops at Winnipeg Folk Festival, Winnipeg, MB, Canada.
 13–15 July. Workshops with storyteller Kira van Deusen, at Hornby Island off Vancouver Island, BC, Canada.
 16–18 July. Concerts & workshops at Vancouver Folk Festival, Vancouver, BC, Canada (*photo 6*).

Photo 6. 18 July 1992. Concert at Vancouver Folk Festival, Vancouver, BC, Canada.

From left to right: Ivan Saryglar, Stas Danmaa, Anatolii Kuular, Sergey Ondar, Gennadi Tumat. Photo by author.

Фото 6. 18 июля 1992 года. Концерт на Ванкуверском фольклорном фестивале, Ванкувер, Британская Колумбия, Канада.

Слева направо: Иван Сарыглар, Стас Данмаа, Анатолий Куулар, Сергей Ондар, Геннадий Тумат. Фото автора.

¹Tuvan (singers). — *ed.*

- 20 July. Market Square, Granville Island, Vancouver, BC, Canada.
 22 July. Town concert, Calgary, AB, Canada.
 24 July. Calgary Folk Festival, Calgary, AB, Canada.
 25 July – 1 August: in USA with Friends of Tuva, Ralph Leighton.
 2 August. Town concert, Canmore, AB, Canada.
 5–6 August. World Symposium on Choral Music, Vancouver, BC, Canada.
 Workshop on August 5, Concerts on August 6.
 7–8 August. Concerts & workshops at Edmonton Folk Festival, Edmonton, AB, Canada (*photo 7*).
 9 August and after. With Friends of Tuva in California, USA. Meeting Frank Zappa.

Photo 7. 7 August 1993. Edmonton Folk Festival, Canada. From left to right: Radomir Mongush, Sayan Bapa, Kaigal-ool Khovalyg, Anatolii Kuular, Alexander Bapa, Kongar-ool Ondar. Photo by author.
 Фото 7. 7 августа 1993 года. Эдмонтонский фольклорный фестиваль, Канада. Слева направо: Радомир Монгуш, Саян Бапа, Кайгал-оол Ховалыг, Анатолий Куулар, Александр Бапа, Конгар-оол Ондар. Фото автора.

1994

May

Ay Kherel (ensemble)

Musicians: Gennadi Tumat, Vladimir Soyano, Orlan Chudekpen, Leonid Oorzhak.

Interpreter: Rada Chakar.

USA, Canada

5 May. Erskine and American Church, Montréal, QC, Canada.

7 May. St. Jean Baptiste Church, Montréal, QC, Canada.

10 May. Caltech, Pasadena, CA, USA (with Friends of Tuva).

11 May. Bowers Museum, Santa Ana, CA, USA (with Friends of Tuva).

14 May. Myer Horowitz Theatre, University of Alberta, Edmonton, AB, Canada.

15 May. The Music Gallery, Toronto, ON, Canada (+ CBC Radio recording).

The concert was produced by Ann McKeigan. David Quinney was the recording engineer.

Broadcast on 16 July 1995 in CBC radio “Two New Hours”, in a program on “overtone throat singing”, presented by Richard Paul and Rei Uyeyama.

May, June

Ay Kherel (ensemble)

Musicians: Gennadi Tumat, Vladimir Soyán, Orlan Chudekpen, Leonid Oorzhak.

Interpreter: Rada Chakar.

Netherlands

27 May. Muziekcentrum Vredenburg, Utrecht, Netherlands.

28 May. De X, Leiden, Netherlands.

17 May – 10 June. Daytime rehearsals at Stadsschouwburg, Amsterdam, Netherlands of “Noach, an opera off Genesis”. Composer: Guus Jansen. Libretto: Friso Haverkamp. Art Work: Karel Appel. Produced by: Nederlandse Opera Stichting.

The roles of the Tuvan musicians in the opera were to be the voices of the elements.

I have written about the opera Noach and the Tuvan singers’ part in “The biblical flood and its overtones: the opera of Noach with the participation of Tuvan throat-singers”.

16 (try-out), 17, 18, 19, 20, 21 June. Holland Festival: six performances of the opera Noach at Stadsschouwburg, Amsterdam, Netherlands.

June, July

Ay Kherel (ensemble)

Musicians: Gennadi Tumat, Vladimir Soyán, Orlan Chudekpen, Leonid Oorzhak.

Interpreter: Rada Chakar.

Hungary, Austria, Germany

23 June. Diozesan Museum, Cologne, Germany.

25 June. Folk Festival, Tilos az A, Budapest, Hungary.

28 June. Folk Festival, Kultur Zentrum Wolkenstein, Stainach, Austria.

30 June. Recordings in Hotel in Rudolstadt with portable digital equipment. Some of these recordings were released on Gennadi Tumat’s CD “My Homeland Övür”.

1–3 July. Concerts at Rudolstadt Folk Festival, Germany (1x concert on 1 July and 2x concert on 2 July). Recorded by WDR-Radio.

1 track of the WDR recordings was released on LP: “25 Jahre Rudolstadt 1991–2015”. Heideck HD 2015–1 (2015).

9 September. Last date: 17 September. The Playhouse, Adelaide, Australia. Modern Ballet. The Australian Dance Theatre premiere of “Aurora”, by choreographer and director Meryl Tankard. One of the parts in the ballet was danced on track 3 (“Tying Siirtuktiilerining Yry”) of Tuva—Voices from the land of the Eagles (Pan 2005, 1991). Aurora is “A re-working and a re-telling of elements of the Sleeping Beauty tale... traditional versus unconventional ballet images and dance patterns”.

1995

June

Release by the French record label Silex of the CD “Musiques Traditionnelles d’Asie Centrale: Chants Harmoniques Touvas” Code: Y225222. This CD is a compilation of the 2 Tuva Ensemble CDs of Pan Records. Although verbal agreements between Pan Records and Silex were made, the agreement was never signed by Silex and royalties were never paid, so this Silex release is essentially a pirate edition. Silex was a daughter company of Auvidis. Both companies have ceased to exist in the intervening years.

June

Ay Kherel (ensemble)

Musicians: Gennadi Tumat, Omak Tumat, Dydyrach-ool Mongush, Nadejda Kuular.

Interpreter: Rada Chakar.

Singapore.

9 June (breakfast time). AM Television, Singapore (*photo 8*).

Photo 8. 9 June 1995. AM Television, Singapore. From left to right: two presenters from Singapore television, Rada Chakar (interpreter), Dydyrach-ool Mongush, Nadejda Kuular, Omak Tumat, Gennadi Tumat.

Photo from the author's personal archive.

Фотография 8. 9 июня 1995 года. Телевидение АМ, Сингапур. Слева направо: два ведущих сингапурского телевидения, Рада Чакар (переводчица), Дыдыраш-оол Монгуш, Надежда Куулар, Омак Тумат, Геннадий Тумат. Фото из личного архива автора.

9 June. Workshop at National Arts Council, Singapore.

11–12 June. Festival of Asian Arts, Jubilee Hall, Singapore.

August, September, October

Ay Kherel (some venues used the name Tuva Ensemble in their publicity).

Musicians: Gennadi Tumat, Nadejda Kuular, Stanislav (Stas) Danmaa, Sergey Ondar, Omak Tumat.

Interpreter: Rada Chakar.

Netherlands, Germany, Belgium, Luxembourg, Switzerland.

25 August. Festival Oude Muziek, Muziekcentrum Vredenburg, Utrecht, Netherlands.

27 August (afternoon). Bosvreugd Tilburg, Netherlands.

27 August (evening). Uitmarkt, Nieuwe De La Mar Theater, Amsterdam, Netherlands

28 August. Festival Oude Muziek, Rasa / Radio, Utrecht, Netherlands.

29 August. Festival Oude Muziek, Rasa, Utrecht, Netherlands.

31 August. Studio recordings at Socia Media, The Hague, Netherlands.

05 September. Salle Alhambra, Festival La Batie, Ateliers d'Ethnomusicologie, Geneva, Switzerland.
Swiss Radio live broadcast. Double concert with Tran Quang Hai.

14 September. Studio recording at Socia Media, The Hague, Netherlands.

15 September (lunchtime). NOS Radio, Hilversum, Netherlands.

15 September. Matrix, Rotterdam, Netherlands.

17 September. Beauforthuis Austerlitz, Netherlands.

- 20 September. Stadsschouwburg, Nijmegen, Netherlands.
 21 September. Muziekcentrum Frits Philips, Eindhoven, Netherlands.
 23 September. Oude Mariakerk, Deventer, Netherlands.
 24 September. De Warande, Turnhout + BRT-radio recording, Belgium. 1 track on CD “Warande Express”, Pan Records, Pan 1997WAR (1996).
 27 September. Musikhochschule, Wuppertal, Germany.
 28 September. Muziekschool, Winterswijk, Netherlands.
 30 September. Folkclupp Letzebuerg, In: Saal Sang & Klang, Luxembourg, Luxembourg.
 1 October (afternoon). Korzo, The Hague, Netherlands. Recorded by Concertzender.
 1 October (evening). Paradiso, Amsterdam, Netherlands.

1996

May

Tuva Ensemble

Musicians: Nadejda Kuular, Vladimir Mongush, Boris Mongush, Aldyn-ool Sevek.

Interpreter: Rada Chakar.

Norway

28 May 1996: interview for Norwegian Television, at Bergen Jazz Festival.

30 May 1996: Jazz Festival, Bergen, Norway.

31 May 1996 Cosmopolite, Miloud, Oslo, Norway.

October

Tuva Ensemble

Musicians: Vladimir Mongush, Boris Mongush, Nadejda Kuular.

Interpreter: Rada Chakar.

Netherlands, Germany

10 October. Stadsschouwburg, Nijmegen, Netherlands.

11 October. Folktreff, in: Bennohaus, Münster, Germany.

12 October: Aagtenkapel, Amersfoort, Netherlands.

15 October. De Oosterpoort, Groningen, Netherlands.

17 October. Muziekcentrum, Enschede, Netherlands.

19 October. Odeon, Zwolle, Netherlands.

20 October. Theater Bis, 's Hertogenbosch, Netherlands.

October, November

Tuva Ensemble

Musicians: Vladimir Mongush, Boris Mongush, Nadejda Kuular.

Interpreter: Rada Chakar.

Canada

26–28 October. Three 3,5 hr. workshops at Cooper Building, Montréal, QC, Canada.

29 October (morning). Research at a scientific institute of the University of Montréal, by miniature camera to film vocal chords during overtone singing. Researcher and workshop organiser: Bernard Dubreuil, Montréal, QC, Canada.

29 October. Salle Claude Champagne of the Vincent d'Indy School of Music, University of Montréal, Montréal, QC, Canada.

1 November. St. Andrew's-Wesley Church, Vancouver, BC, Canada.

2 November. Vancouver, BC, Canada.

6 November. Music Gallery, Toronto, ON, Canada.

7 November. Canadian Museum of Civilization (+ CBC-Radio recording), Hull, Gatineau, QC, Canada.

1997

November

Tuva Ensemble

Musicians: Vladimir Mongush, Boris Mongush, Nadejda Kuular.

Interpreter: Rada Chakar.

Accompanied by Bernard Kleikamp in Austria.

Netherlands, Austria

23 November. Amsterdam, editorial work by Mark van Tongeren for Nadejda Kuular's CD.

24 November (daytime). Recordings by Bernard Kleikamp for Nadejda Kuular's CD with portable digital equipment in a conference room at the Renaissance Hotel, Vienna, Austria.

24 November: Mozart Saal at Wiener Konzerthaus, Vienna, Austria.

27–29 November: Recordings for Nadejda Kuular's CD in Socia Media Studio, The Hague, Netherlands.

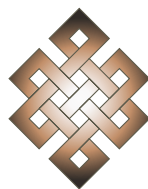
28 November: Soeterijn Theater at Tropen Instituut, Amsterdam, Netherlands.

30 November: Musis Sacrum, Arnhem, Netherlands.

Photo 9. 28 December 1998, Amsterdam, Netherlands. From left to right: Otkun Dostay, Kara-Kat Soyan, Boris Mongush, Vladimir Mongush, Nadejda Kuular. Photo by Hans van den Boogaard. Photo from the author's personal archive.
 Фото 9. 28 декабря 1998 года, Амстердам, Нидерланды. Слева направо: Откун Достай, Кара-Кат Соян, Борис Монгуш, Владимир Монгуш, Надежда Куулар. Фото Ханса ван ден Бугаарда. Фото из личного архива автора.

1998–1999

December

Tuva Ensemble

Musicians: Vladimir Mongush, Boris Mongush, Nadejda Kuular, Otkun Dostay, Kara-kat Soyán (*photo 9*).

Interpreter: Rada Chakar.

Netherlands

Rehearsals and performances at Nederlandse Opera, Waterlooplein, Amsterdam, Netherlands for Noach, an opera off Genesis. Produced by: Nederlandse Opera Stichting. Nadejda Kuular was not taking part in Noach.

4 December – 9 January. Mondays to Fridays daytime rehearsals for Noach.

10 (try-out), 12, 13, 15, 16, 17, 19, 20, 21 January. Performances of Noach (in Stadschouwborg, Amsterdam).

22 January – 30 January. Film production of Noach by NPS Television.

Extra concerts in this period for Tuva Ensemble:

4 December. VARA-TV ‘Kopspijkers’ (one song: Yoreel Yry), Amsterdam, Netherlands.

7 December. Nijmegen. Rehearsal for Globe Orchestra Project in 1999.

11 December. Schouwborg, Winterwijk, Netherlands.

12 December. Theater Romein, Leeuwarden, Netherlands.

16 December. De Vereeniging, Nijmegen, Netherlands.

18 December. Tropen Instituut, Amsterdam, Netherlands. See photo.

19 December. Virus Festival, De Oude Ulo, Leek, Netherlands.

20 December. Festival Weekend “Verlichting. Kunst als Prothese”. Het Tijdelijk Museum, in the former theatre Prins van Oranje, Goes, Netherlands.

24 December. Paradox, Tilburg, Netherlands.

30 December. Studio recordings for Nadejda Kuular’s CD, Muziektheater, Amsterdam, Netherlands.

19 januari (lunchtime). Stadhuis (Boekmanzaal), Amsterdam, Netherlands.

31 januari. Bimhuis, Amsterdam, Netherlands – concert with the complete Noach cast.

1999

May

Tuva Ensemble.

Musicians: Otkun Dostay, Sergey Ondar, Kara-kat Soyán.

Interpreter: Rada Chakar.

Accompanied by Bernard Kleikamp.

Morocco

22–25 May. El Badia Palace, Marrakesh, Morocco. Filming for video documentary + audio recordings (3 songs) for CD-production.

Taking part in André Heller’s project “Voices of God” were twelve ensembles from different cultural backgrounds, with something “spiritual” in their repertoires, among whom were Inuit throat singers, Hopi native Americans, Tuvans, Bulgarian women....

A 4-CD-set of the project was released by ORF (no. ORF-CD 223) in 1999 with the title “Voices of God / Stimmen Gottes”. A DVD was also in the planning, but that was never released.

October – November

Tuva Ensemble (participating in the Globe Orchestra project, with musicians from Bulgaria, Uganda, Tuva, and Netherlands).

Musicians: Otkun Dostay, Nadejda Kuular, Sergey Ondar (*photo 10*, during rehearsal).

Interpreter: Rada Chakar.

Netherlands, Belgium, Germany.

*Photo 10. 27 October 1999. Rehearsal at Sancta Maria, Nijmegen, Netherlands.
From left to right: Otkun Dostay, Nadejda Kuular, Sergey Ondar. Photo from the author's personal archive.
Фото 10. 27 октября 1999 года. Репетиция в церкви Санта-Мария, Неймеген, Нидерланды.
Слева направо: Откун Достай, Надежда Куулар, Сергей Ондар. Фото из личного архива автора.*

22 October. Chassé Theater, Breda, Netherlands. Tuva Ensemble.

24–29 October. Rehearsals for Globe Orchestra, at Sancta Maria, Nijmegen, Netherlands.

All following concerts are by Globe Orchestra.

29 October. Korzo, The Hague, Netherlands

1 November (daytime). Educational concert at Dominicus College, Nijmegen, Netherlands

3 November. WDR-Radio, Haus der Jugend, Wuppertal, Germany.

4 November. Zuiderpershuis, Antwerp, Belgium

5 November (daytime). Educational Concert at Staring College, Lochem, Netherlands.

5 November. 013, Tilburg, Netherlands.

6 November. De Oosterpoort, Groningen, Netherlands.

7 November. Festival: Music Meeting, Nijmegen, Netherlands.

8 November (daytime). Educational concert at Ludger College, Doetinchem, Netherlands.

2000

Release of Pan Records CD no. 2090: Gennadi Tumat. *My Homeland Övür / Alys Churtum Övür Charyy. Overtone singing from Tuva*. The CD contains recordings from the period 1986–1995, most of these recorded during concert tours at concerts and in studio circumstances in the first half of the 1990s in Europe (*photo 11*).

2002

Release of Pan Records CD no. 200: Nadejda Kuular. *Khöndergey. Songs from Tuva*. The CD contains recordings from the period 1975-1998, most of these recorded during concert tours in studio circumstances in the second half of the 1990s in Europe (*photo 12*).

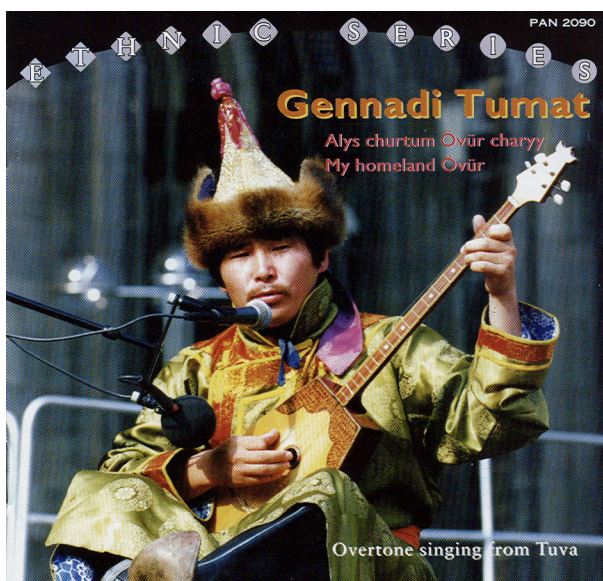

Photo 11. Front of Pan Records CD no. 2090. Photo by Hajo Hohl of Gennadi Tumat performing in front of the Cathedral in Cologne, Germany, at the WDR Folk Festival, 5 July 1991. Photo from the author's personal archive.
 Фотография 11. Обложка компакт-диска Pan Records № 2090. На фотографии, сделанной Хайо Хохлом, Геннадий Тумат выступает перед кафедральным собором в Кельне, Германия, на фольклорном фестивале WDR, 5 июля 1991 года. Фото из личного архива автора.

Photo 12. Front of Pan Records CD no. 200. Photo by Hans van den Boogaard, 28 December 1998, Amsterdam. From left to right: Boris Mongush, Nadejda Kuular, Vladimir Mongush. Photo from the author's personal archive.
 Фото 12. Обложка компакт-диска Pan Records № 200. Фото Ханса ван ден Бугаарда, 28 декабря 1998 года, Амстердам. Слева направо: Борис Монгуш, Надежда Куулар, Владимир Монгуш. Фото из личного архива автора.

This appendix was compiled in June 2020, and expanded and corrected in early 2024.

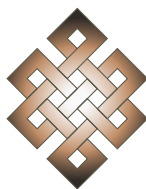
REFERENCES

Kleikamp, B. (2022) The First USA Performance of Tuvan Throat Singers. *Asian-European Music Research Journal*, 9, pp. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.30819/aemr.9-10>

Kleikamp, B. and Tumat, Ch. (2023) The Tuvan khöömei throat singing and its igil accompaniment as instrument of nature. *Studia Instrumentorum Musicae Popularis 8, (New Series)*, p. 19–30.

Submission date: 01.02.2024.

Accepted date: 24.02.2024.

Святые топонимы Тувы: лексико-семантические группы

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются наименования святых топонимов Тувы, под которыми понимаются топонимы мест, природных объектов, которые почитаются тувинцами как святые, обладающие особой силой. Часть из них прямо содержит терминологию святости, но есть и такие, в названиях которых не присутствуют такие термины, однако, в них есть и другие термины, косвенно означающие определенное ценностное отношение.

Источниковой базой исследования послужили географические наименования некоторых святых топонимов, информация, полученная от жителей — информантов, собранных автором в научных экспедициях на территории Республики Тыва, личные воспоминания о жизни старшего поколения семьи автора — уроженки с. Дон-Терезин Барун-Хемчикского района.

При анализе наименований рассмотрены следующие лексико-семантические группы: наименования святых источников, рек и озер, наименования святых перевалов и курганов, наименования святых стойбищ, наименования святых лесных угодий. В каждой группе даны примеры, приведены пояснения местных жителей, особенности характеристики мест.

Ключевые слова: ономастика; топоним; святость; святое место; Тува; тувинцы; тувинский язык

Для цитирования:

Сувандии Н. Д. Святые топонимы Тувы: лексико-семантические группы // Новые исследования Тувы. 2024. № 3, С. 191-202. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Sacred toponyms of Tuva: lexical and semantic groups

*Nadezhda D. Suvandii**Tuvan State University, Russian Federation*

The article analyzes the names of sacred toponyms in Tuva, which are places or natural objects revered by the Tuvan people as having special power. Some of these names directly contain terms related to holiness, while others do not, but they do contain other terms that indirectly indicate a sense of sacredness.

The research was based on the geographical names of certain sacred toponyms, as well as information gathered from residents of the area through scientific expeditions in the Republic of Tuva. The author also drew on personal memories from the older generation of their family, who were native to the village of Don-Teresin in the Barun-Khemchik district. When analyzing the names, several lexical and semantic groups were considered: names of sacred springs, rivers, lakes, names of sacred passes and hills, names of religious camps, and names of forest areas. Examples were given for each group, along with explanations from residents and descriptions of the characteristics of these places.

Keywords: *onomastic; toponymic; sacred; holyness; Tuva; Tuvan people; Tuvan language*

For citation:

Suvandii N. D. Sacred toponyms of Tuva: lexical and semantic groups. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 191-202 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>

Введение

В тувинском языке из всех разделов ономастики наиболее полно исследованными являются топонимы, которым посвятила свои труды Б. К. Ондар (Ондар, 2004, 2007, 2008, 2011; и др.). Кроме того имеется немало работ, рассматривающих самые разные аспекты топонимии Тувы (Татаринцев, 1973, 1977, и др.; Кара-оол, 2018, 2019, 2020; Сувандии, Кара-оол, 2020; и др.).

В тувинской ономастической системе встречается немало географических наименований, которые являются особо чтимыми народом независимо от того, относятся ли они к культовым местам или нет. Наименования этих святых мест отражают историческое прошлое этноса, его традиции; они показывают, что эти территории для людей данной культуры являются очень важными, почитаемыми. Данный аспект изучения топонимов пока не затрагивался исследователями.

Целью данной работы является анализ наименований *ыдыктыг черлер* ‘святых мест’ — святых топонимов — в тувинском языке, выявление их основных лексико-семантических групп. Причем святыми топонимами мы называем не только те, которые содержат в наименовании термин *ыдык*, но и те, которые не включают данное слово, но при этом считаются людьми святыми.

Источниковой базой исследования послужили географические наименования, информация, собранная автором во время научных экспедиций с 1999–2024 гг. на территории Республики Тыва от жителей — информантов, примеры топонимов, извлеченные из топонимического словаря Б. К. Ондар (Ондар, 2007), а также наименования из личных воспоминаний семьи автора — уроженки с. Дон-Терезин Барун-Хемчикского района.

Из истории изучения

В различных словарях можно увидеть следующие значения слова *ыдыктыг* 'святой' по отношению к географическим наименованиям.

Если говорить о значении святости в русском языке, то в большом толковом словаре В. И. Даля *святой* трактуется как духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный¹. В большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова есть следующие значения слова *святой* по отношению к географическим наименованиям: «глубоко чтимый, исключительный по своей важности, благородству; высокий, почетный»².

В тувинском языке слово *ыдык* 'святыня; святой' имеет такие значения: 1. 1) *уст.* 'священный ошейник' (надеваемый на шею животного); 2) 'святыня'; 2. 1) *уст.* 'священный'; *ыдык ок* 'священная стрела'; 2) *поэт.* 'святой, священный'; *ыдык чуртум* 'моя священная родина'³.

Святые топонимы рассматривались в некоторых работах этнографического и исторического характера. Так, А. Семенов исследовал скальные навесы с рисунками, которые назывались горными святилищами, служившими местами обитания горных духов (Семенов, 2010: 140–146). А. Базырчап проанализировала традиционную культуру тувинского народа, связанную с верованиями и сакральными местами⁴. Г. Копелиович рассмотрела аржааны — целебные источники как важную часть культурно-религиозного ландшафта республики (Копелиович, 2018). М. Монгуш и Е. Монгуш выполнили сравнительный анализ культовых мест в культурных ландшафтах Бурятии и Тувы (Монгуш М., Монгуш Е., 2015). Священные места тувинцев, проживающих в сомоне Цагаан-Нуур Монголии, рассмотрены в работе Е. Айыжы и А.-Х. Базырчап (Айыжы, Базырчап, 2014). Ч. Адыгбай и А. Конгу рассмотрели отдельные аспекты функционирования буддийских монастырей, в том числе затрагивая вопросы сакральной топонимики (Адыгбай, Конгу, 2016). Л. Кара-оол собрала профессиональную лексику в топонимах Тувы (Кара-оол, 2021).

Поскольку понимание тувинцами святости в целом имеет огромное значение в культуре, мы рассматриваем *ыдык* как концепт тувинской культуры, который имеет и определенные словоформы, и наполнен большим ценностным значением, а также является важным социальным регулятором деятельности людей (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023; Тува. Родная ... , 2023: 112–127). В наших работах мы рассмотрели и лексику тувинского языка, связанную с пониманием *ыдык*. Мы также упомянули и ряд наименований святых мест, тем не менее, специально на этом не останавливались и не углублялись.

В связи с этим анализ наименований святых мест Тувы является актуальным вопросом и тувинской ономастики, и в целом тувинского языка и культуры.

Опираясь на тот факт, что места имеют разные масштабы, представляют собой разные объекты, мы разделили наименования *ыдыктыг черлер* 'святых мест' на четыре лексико-семантические группы: наименования святых источников, рек и озер; наименования святых гор, перевалов и курганов; наименования святых лесных угодий; наименования святых стойбищ.

Наименования святых источников, рек и озер

Тува богата *аржаанами* 'целебными источниками', большими и малыми реками, а также солеными лечебными озерами. Многие из них для народа являются *ыдыктыг* 'святыми' в связи с тем, что традиционно тувинцы лечились с помощью воды, да и в настоящее время немалая часть как сельского населения, так и городского, каждое лето отдыхают и лечатся там. Тувинцы считали, что они не только выполняют оздоровительную функцию, но и находятся под покровительством местных духов, поэтому очень бережно относились к ним, называя их *ыдыктыг* 'святыми'.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд., испр. и значит. доп. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1903. Т. 4. С. 161–162.

² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 1165.

³ Тувинско-русский словарь / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 592.

⁴ Базырчап А.-Х. О. Традиционные верования и святилища (сакральные места) тувинцев: типология и современное состояние: автореф. дисс... к. филол. н. М., 2002.

Далее остановимся на наименованиях некоторых святых топонимов, связанных с водными источниками.

Бел-Аржааны — целебный источник недалеко от с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района, название которого образовано от слов *бел* ‘склон’¹ и *аржааны* ‘минеральный целебный источник’², т. е. букв. ‘целебный источник на склоне’. Один из наших информаторов³ говорит, что, по словам его предков, в древние времена на местности, где находится сейчас аржаан, с неба упал улу ‘дракон’⁴ и разбился вдребезги. Из жидких частей тела улу образовался минеральный источник с девятью разными свойствами, который, как считают люди, лечит глаза, внутренние органы, суставы, женские органы и др. В настоящее время на территории аржаана построены небольшие домики, имеются юрты, в которых в летнее время отдыхают и лечатся очень много народа с разных кожуунов (районов) республики. В топонимическом словаре Б. Ондар указывает: *Бел* — мин. ист. вбл. н. п. Кызыл-Даг Бай-Тайг.; мест. Монгун-Тайг., Улуг-Хем., Эрзин., Тес-Хем. и др.; *бел* ‘талия, поясница; склон, косогор’, др.-тюрк. *bel* ‘поясница; холм’, алт. *бел* ‘поясница; седловина, низкий перевал в горах’, хак. *пил* ‘спина, поясница, талия; седловина’, монг. *бэл* ‘косогор, подножие, склон (горы), наклонные равнины’ — минеральный источник у подножия гор (Ондар, 2007 : 151).

Ажыг-Кара-Суг-Аржааны — святой целебный источник, который находится недалеко от Бел-Аржааны Бай-Тайгинского района, образованный от слов *ажыг* ‘кислый, горький’⁵, *кара* ‘черный’⁶, *суг* ‘вода’⁷ и *аржааны* ‘целебный источник’, т. е. букв. ‘кислый черный целебный источник’. По словам нашего информатора⁸, это соленый, солончаковый целебный источник, в окрестностях которого имеется очень много летних и зимних стойбищ. Хозяева данных стойбищ говорят, что их предки всегда пили воду из этого целебного источника и никогда не болели. В настоящее время чабаны, которые живут там, готовят еду на этой же воде, никогда не употребляют соль. Почти никогда не болеют. Каждый год весной они обязательно освещают святой источник, поклоняются ему.

Ыдыктыг-Хөлчүк — небольшое озеро, находящееся на склоне горы Дунчу в местечке Мунгаш-Ак в Барун-Хемчикском кожууне, название которого напрямую образовано от слов *ыдыктыг* ‘святой’ и *хөлчүк* ‘пруд’⁹, букв. ‘святой пруд’. Наш информант¹⁰, который проживает на стойбище в данной местности, говорит, когда он был маленьким, его родители каждый год в конце весны проводили *саң салыры* ‘обряд окуривания’. Как он помнит, взрослые детям говорили, что кормят хозяев священного озера. В настоящее время вся их семья также почитает это озеро.

Сүт-Хөл — святое озеро в Сут-Хольском кожууне Тувы, название которого образовано от слов *сүт* ‘молоко’¹¹ и *хөл* ‘озеро’¹², букв. ‘молочное озеро’. Наш информант¹³ говорит, что данное озеро святое, в нем нельзя купаться, женщинам нельзя даже входить в озеро, это считается большим грехом, ведь озеро сравнивается с молоком — одним из основных видов белой пищи, которых почитают тувинцы. Б. Ондар отметила в топонимическом словаре:

«*Сут-Хөл* — оз., кожуун; *сүт* ‘молоко’, *хөл* ‘озеро’; букв. молочное озеро... О происхождении гидронима существует множество легенд. В давние времена жила на берегу старуха-колдунья, которая готовила целебные отвары, производила заклинания, насылала грозу на тайгу. Сут-Хольские чабаны покорили ее своей щедрой душой. Однажды выплеснула колдунья большой чан молока в озеро, и стало оно белым-бело, словно молоко. По другой легенде, на берегу озера жил старик, который сушил корни живородной гречишки и этим питался. Корни по вкусу напоминали молоко. Третья легенда утверждает, что в озере обитает чудовище — бык. Когда он выплывает, то озеро бурлит и шумит» (Ондар, 2007: 368–369).

¹ Тувинско-русский словарь / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 98.

² Там же. С. 68.

³ Бышкак Елена Оскуровна, 1960 г. р., пенсионер, чабан, с Бел-Аржааны Бай-Тайгинского района.

⁴ Тувинско-русский словарь ... С. 439.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Там же. С. 389.

⁸ Серен Андрей Мичеевич, 1960 г. р., пенсионер, проживает в г. Кызыле.

⁹ Тувинско-русский словарь ... С. 490.

¹⁰ Монгуш Ак-оол Маадыр-оолович, 1939 г. р., пенсионер, чабан, мест. Ыдыктыг-Хөлчүк Барун-Хемчикского района.

¹¹ Тувинско-русский словарь ... С. 394.

¹² Там же. С. 488.

¹³ Куулар Роза Бораевна, 1957 г. р., пенсионер, проживает в с. Бора-Тайга Сут-Хольского района.

Ыдык-Кара-Суг — ручей недалеко от весеннего стойбища в местечке Одуруг Барун-Хемчикского кожууна. Образовано название от слов *ыдык* ‘святой’, *кара* ‘черный’¹ и *суг* ‘вода’², букв. ‘святая черная вода’. Наш информант³, предки которого проживали на этой местности, и сам в настоящее время там живет и выращивает свой скот, рассказал, что для него, для его семьи это святая речка. Мать его рассказывала, когда она была маленькая, прошел обильный ливень, который смыл все, что встречалось на его пути. У людей ливнем унесло и юрту, и весь домашний скот, а сами хозяева остались живыми, только забравшись на гору. На следующее утро, когда они проснулись, небо полностью прояснилось. Вдруг они заметили, что недалеко от их стойбища вытекает ручеек, прозрачный и чистый. Он говорит, что сейчас этот святой ручеек так и течет возле стойбища и является источником питья не только для людей, но и всего скота. Поэтому местные жители считают, что данный святой ручей сохраняет жизнь потомков этого рода.

Таким образом, в группу данных топонимов мы относим названия водных ресурсов, в составе которых есть напрямую слово *ыдык* или которые трактуются местными жителями как *ыдык* в связи с определенной ценностью согласно традициям, легендам, поверьям. Поэтому мы относим их к святым топонимам.

Наименования святых гор, перевалов и курганов

Тува окружена горными хребтами и нагорьями, где зимой и летом, осенью и весной стадами пасется скот. Они также покрыты густыми лесами со множеством видов пропитания и для животных, и для людей.

Бай-Тайга — святая тайга Тувы в Бай-Тайгинском районе, которой издавна и до сегодняшнего дня поклоняются все жители республики. Название образовано от *бай* ‘богатый’⁴ и *тайга* ‘тайга’⁵, т. е. ‘богатая тайга’. По данным нашего информатора⁶, на склоне этой богатой тайги жили его предки. По его воспоминаниям, вокруг Бай-Тайги жили богатые люди, которые преподносили тайге разного рода вещи (конское снаряжение, сундуки, украшения и др.). Если какой-нибудь представитель пожилого возраста богатых семей умирал, то его тело поднимали на вершину тайги и хоронили там. Тем самым захоронения знатных людей отличались от бедных. Также на гору нельзя было подниматься женщинам. Как говорили люди, хозяйкой тайги является очень суровая женщина.

И в настоящее время Бай-Тайге поклоняются не только жители данных мест, района, но и всей Тувы. Каждый год в июне проводится освящение мест, на которое съезжаются буддийские монахи и население со всей республики. Женщины на вершину так и не поднимаются, они остаются на склоне, убирают территорию, чтобы сохранить экологию для будущего поколения и совершают обряды преклонения оттуда.

Сарыг-Хая — гора с большими скалами, находящаяся недалеко от Бел-Аржааны Бай-Тайгинского района. Название образовано от слов *сарыг* ‘желтый’⁷ и *хая* ‘скала’⁸, т. е. ‘желтая скала’. Наш информатор⁹ рассказал, что в данной скалистой местности имеется горная порода — агальматолит (тув. *чонардаш*), поэтому народ считает ее святой. На данную святую гору любой желающий не поднимается, туда едут только мастера-камнерезы. Причем, для того, чтобы попросить камень у хозяев горы, нужно проводить специальные обряды (Ооржак, 2018: 216–218). Подъехав к скалистой горе, на его склоне обязательно нужно побрызгать молоко в три разные стороны, повесить *кадак* — тонкий мягкий шелк в виде широкой ленты (Ламажаа, Шаймерденова, 2024) или *чалама* — разноцветные ленты или куски ткани (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 347–349). Затем, поднявшись на гору, также нужно побрызгать молоко, произнести слова с просьбой о том, чтобы разрешили добыть немного камня. И только

¹ Тувинско-русский словарь ... С. 226.

² Там же. С. 389.

³ Ооржак Виктор Комбуевич, 1965 г. р., чабан, проживающий в м. Одуруг Барун-Хемчикского района.

⁴ Тувинско-русский словарь ... С. 85.

⁵ Там же. С. 403.

⁶ Серен Андрей Мичеевич, 1960 г. р., пенсионер, проживает в г. Кызыле, уроженец с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

⁷ Тувинско-русский словарь ... С. 369.

⁸ Там же. С. 471.

⁹ Тойбухаа Юрий Салчакович, 1959 г. рождения, камнерез.

после этого камнерезы спускаются между большими скалами вниз на то место, где лежат камни и оттуда выкапывают их. Как сказал информатор, камня много брать нельзя, если он долго пролежит, то вырезать из него фигуру будет очень трудно, поэтому каждый раз для новой работы нужно ехать за агальматолитом. Мастера в почтенном возрасте воспитывают молодое поколение бережному отношению к дарам природы, экологии в целом.

Узук-Арт — перевал в Барун-Хемчикском кожууне. Название образовано от *узук* ‘разрыв’¹ и *арт* ‘перевал’², т. е. ‘разрыв перевал’. Данный перевал находится среди высоких гор по дороге в реку Ак. На склоне высоких гор во время нашей поездки находилось стойбище молодых чабанов. Хозяин стойбища³ рассказал, что его бабушка и дедушка, жившие здесь, говорили ему: перевал считается святым, потому что находится на «разрыве» между реками Алаш и Ак; реки сливаются у подножия перевала. Поэтому предки и почитали данный перевал. Сейчас и их внуки продолжают эту традицию.

Сүме-Даа — небольшая гора в Чаа-Хольском кожууне. Название образовано от слов *сүме* ‘совет’⁴ и *даг* ‘гора’⁵. Информант⁶ сказала нам, что все нойоны (князья) близлежащих территорий к Чаа-Холю собирались на этой горе, обсуждали насущные вопросы. Поэтому горе и было дано такое название. В настоящее время данная гора остается святой для жителей Чаа-Хольского кожууна.

Бижиктиг-Хая — святая гора с большими плоскими скалами в Чаа-Хольском кожууне. Топоним образован от *бижиктиг* ‘с надписями’⁷ и *хая* ‘скала’⁸, т. е. ‘скала с надписями’. По словам информанта⁹, на этих плоских камнях имелись и до сих пор сохраняются рисунки (петроглифы), а также там есть и надписи на непонятном языке. Ее родители не разрешали детям там пасти овец и коз, говорили, что это святая гора, на нее нельзя подниматься. В настоящее время чабаны, проживающие на склонах этой горы, почитают эту святую местность и проводят там обряды очищения.

Хорумнуг-Оймак — святой топоним, находящийся в местечке Сай-Хонаш в Барун-Хемчикском районе. Название образовано от слов *хорумнуг* ‘с грудой камней; с надмогильным курганом’¹⁰ и *оймак* ‘прогалина, поляна’¹¹, букв. ‘прогалина с грудой камней’. По данным нашего информатора¹², в давние времена здесь жил богатый род. Его представители хоронили умерших методом возведения каменных курганов.

«Когда мы были маленькими, — вспоминает С. Д. Дамбыра, — наш отец каждое лето с нами ездил в эту местность, где берет свое начало река Ак. Окрестности здесь богаты различными ягодами, которых мы собирали. Он нам говорил, что это святая местность, который кормит всех, кто живет на ней».

Нынешние жители Хорумнуг-Оймак продолжают традиции почитания, в разных уголках местности имеются специальные сооружения для повязывания кадаков и чалама.

В названиях горных местностей также можно отметить наличие двух типов названий: содержащих непосредственно слово *ыдык*, и тех, в названии которых нет данного слова, тем не менее тувинцы знают о святости мест и продолжают относиться к ним соответственно.

Наименования святых лесных угодий

Одним из основных богатств Республики Тыва являются леса, которые играют особую роль жизни кочевого народа. С древних времен тувинцы кормились и лечились разными видами растений. И в настоящее время тувинцы продолжают заниматься собирательством растений и их даров. Нами зафиксировано немало святых географических наименований лесных угодий, которые почитаются народом.

¹ Тувинско-русский словарь ... С. 445.

² Там же. С. 69.

³ Куулар Артыш Станиславович, 1978 г. р., чабан, Барун-Хемчикский район.

⁴ Тувинско-русский словарь ... С. 393.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ Сундуй Валентина Ховалыговна, 1954 г. р., пенсионер, уроженка м. Бош-Даг Овюрского района.

⁷ Тувинско-русский словарь ... С. 102.

⁸ Там же. С. 471.

⁹ Сундуй Валентина Ховалыговна.

¹⁰ Тувинско-русский словарь ... С. 485.

¹¹ Там же. С. 316.

¹² Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1946 г. р., пенсионер, уроженка с. Аянгаты Барун-Хемчикского района.

Шарланныг — святая местность в Бай-Тайгинском районе, название произошло от слова *шарлан* ‘осина’¹. Информант² рассказала, что на небольшой горе, находящейся недалеко от Бел-Аржааны возле сумона Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района, есть святая местность, где растут семь осин. Интересна местность тем, что на каменистой горе растут только осины, никаких других деревьев. Помимо чабанов, проживающих в окрестностях, семи осинам приезжают поклониться все жители кожууна. Как говорят старожилы, если поклониться этим осинам, дальнейшая жизнь человека станет благополучной. По словам нашего информанта, она с супругом тоже специально ездила на эту святую местность, когда возникали в жизни проблемы, и действительно, по ее мнению, это поклонение принесло хорошие результаты.

Каттыг-Арыг — святой лесной массив в местечке Мунгаш-Ак в Барун-Хемчикском кожууне. Название образовано от слов *каттыг* ‘с ягодами’³ и *арыг* ‘лес’⁴, букв. ‘лес с ягодами’. Данный лес находится возле реки Ак, он очень богат различными видами ягод. По воспоминаниям информанта⁵, когда идешь за ягодами, нужно обязательно брать с собой белую пищу, наливать в сосуд молочный чай, чтобы поклониться хозяину леса и поднести свое подношение перед сбором ягод.

«Один раз, когда мы пришли без подношения, — вспоминает С. Д. Дамбыра, — не смогли собрать ягоду, так как к какому бы кусту ни подходили, нам встречались змеи, и испугавшись, мы ушли домой. Когда рассказали об этом родителям, они нам напомнили, если идешь чего-то просить у природы, нужно сначала преподнести его хозяину свое подношение. Теперь я думаю, что лес действительно святой, как говорил нам отец, и хозяином его была змея».

Чеди-Тей-Алаагы — лесной массив возле реки Хемчик недалеко от с. Тээли Бай-Тайгинского кожууна. Образовано географическое наименование от слов *чеди* ‘семь’⁶, *тей* ‘холм, сопка’⁷ и *алаак* ‘лесная поляна’⁸ букв. ‘лесная поляна на семи холмах’. Как рассказала нам информант⁹, ту поляну жители села считают святой, из-за того, что рядом находятся семь почти одинаковых холмиков. При этом к ним люди боятся подходить из-за того, что в летнее время в них очень много *дунчу* ‘змеиных гнезд’¹⁰. Жители села Тээли там пасут мелкий рогатый скот, но эти змеи, как говорят хозяева, животных не трогают. А в лесу Чеди-Тей-Алаагы растет очень много различных грибов. Грибники перед их сбором поклоняются хозяевам местности, только после этого начинают собирать их.

Чыдыг-Арыг — густой лес в местечке Алдыы-Кара-Суг в Барун-Хемчикском кожууне от слов *чыдыг* ‘тухлый, вонючий, гнилой’¹¹ и *арыг* ‘лес, лесной’¹², букв. ‘вонючий, гнилой лес’. По словам информатора¹³, жители близлежащих стойбищ считают его святым в связи с тем, что в нем растет очень много различных ягод, которыми питались тувинцы. И сегодня, прежде, чем пойти собирать дары природы, важно сделать свое подношение хозяевам святого леса.

Ыдык-Дыттыг-Арыг — лесной массив на холме большой тайги Дунчу в Барун-Хемчикском районе. Топоним образован от слов *ыдык* ‘святой, священный’, *дыттыг* ‘лиственничный’¹⁴ и *арыг* ‘лес’¹⁵. Наш информатор¹⁶ рассказал нам, что в этом лесу растут одни лиственницы, старые и высохшие, которые используются для постройки кошар и для других хозяйственных нужд. Святым лес считают от того, что там есть очень старое своеобразное дерево, из одного корня которого выросли лиственница, тополь и кедр.

¹ Тувинско-русский словарь ... С. 410.

² Дамбыра Сесенмаа Дарыевна.

³ Тувинско-русский словарь ... С. 231.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Дамбыра Сесенмаа Дарыевна.

⁶ Тувинско-русский словарь ... С. 524.

⁷ Там же. С. 410.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1961 г. р., пенсионер.

¹⁰ Толковый словарь тувинского языка: в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1: А–Й. С. 515.

¹¹ Тувинско-русский словарь ... С. 553.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Монгуш Алдын Каралдаевич, 1959 г. р., пенсионер.

¹⁴ Тувинско-русский словарь ... С. 195.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Куулар Чечек Салгын-ооловна, 1954 г. р., пенсионер.

В святых топонимах леса и лесных местностей также отмечаются топонимы разного типа, святость которых до сих пор признается населением.

Святые топонимы, связанные с нечистыми силами

В географических наименованиях Тувы немало таких, в которых отражаются представления народа о нечистой силе и злых духах. При этом во время сбора материала мы не раз встречали информаторов, почитающих топонимы, связанные с нечистой силой и злыми духами. Речь идет не о поклонении, а о признании особой силы мест, которые необходимо почитать и вести себя осторожно, соблюдать правила. Тем самым мы также относим их к святым топонимам. К нечистым силам, по мнению информаторов, относятся места, связанные с представлениями об *аза* 'черт'¹, *четкер* 'злой дух, дьявол'² и др.

Назовем подобные топонимы.

Азалыг-Кыйыг — открытая местность возле реки Хемчик и леса на дороге между г. Ак-Довурак и деревней Дон-Терезин в Барун-Хемчикском районе. Топоним образован от слов *азалыг* 'похожий на черта, как черт' и *кыйыг* 'боковая сторона, окрестность; угол'³, букв. 'окрестность с чертями'.

Как нам рассказывал наш отец⁴, поздно вечером он верхом на лошади ехал с Ак-Довурака в деревню. Когда он подъехал к этой местности, лошадь встала на одном месте и стояла долго, не шевелясь.

«Тогда я понял, — говорил он, — что черт-хозяин местности спутал мою лошадь. А до этого времени, когда люди говорили о том, когда едешь на этой местности поздно вечером, обязательно лошадь встанет, его спутывает черт-хозяин, я не верил, поэтому и поздно ехал, задержавшись по делам. Вспомнил слова уже встречавшихся с подобным случаем, спустился с лошади и ударил *кымчы*⁵ между ногами лошади, чтобы распутать *кижен*⁶».

Азалыг-Арт — небольшой перевал недалеко от населенного пункта Усть-Элегес Кызылского района. Название образовано от слов *азалыг* 'похожий на черта, как черт' и *арт* 'перевал'⁷, букв. 'перевал с чертом'. Информант⁸ нам рассказала, что однажды ночью после двух часов выехала с супругом из Кызыла в Бай-Тайгу. Когда супругу захотелось спать, они решили немного поспать в машине на том перевале недалеко от Усть-Элегеста.

«Вдруг во сне мне послышалось, что стучат в окно. Вижу красиво одетых людей, которые поют песни. Проснулась, слышу, что действительно в окно стучат. Я испугалась, стала смотреть, но никого не было. Разбудила супруга и мы быстро уехали оттуда. На следующий день на работе я рассказала об этом коллегам. Они мне и сказали, что на этом перевале нельзя останавливаться ночью. Там в древние времена хоронили людей и их духи каждую ночь обязательно там поют и шумят. Поэтому его и называют Азалыг-Арт. Жители Баян-Кола поклоняются этому перевалу в связи с тем, что на нем похоронены их предки».

Четкерлиг-Баалык — небольшая святая горка недалеко от местности Тарбаганниг-Ой в Барун-Хемчикском кожууне. Топоним образован от *четкер* 'миф. злой дух, дьявол'⁹ и *баалык* 'седловина горы'¹⁰, букв. 'седловина горы со злым духом'. По словам нашего информанта¹¹, его родители поведали детям рассказ о том, что на этой горке после захода солнца иногда появляется большое, похожее на человека существо с одним глазом. Поэтому люди всегда поклонялись данной местности, старики наказывали, чтобы дети тоже освящали его. Поэтому местные жители продолжают эту традицию.

¹ Тувинско-русский словарь ... С. 45.

² Там же. С. 529.

³ Толковый словарь тувинского языка ... С. 313.

⁴ По словам нашей старшей сестры — Дамбыра Сесенмы Дарыевны, 1946 г. р., пенсионер.

⁵ Т. е. кнутом. Тувинско-русский словарь ... С. 277.

⁶ Т. е. пути. Тувинско-русский словарь ... С. 239.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Информация Дамбыра Сесенмы Дарыевны.

⁹ Тувинско-русский словарь ... С. 529.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Ооржак Виктор Комбуевич, 1965 г. р., чабан, проживающий в м. Одуруг Барун-Хемчикского района.

Ыглаар-Хая — святая гора в местечке Дулаан-Кара недалеко от села Дон-Терезин Барун-Хемчикского кожууна. Название образовано от слов *ыглаар* ‘плакать’¹ и *хая* ‘скала’², букв. ‘плачущая скала’. По воспоминаниям нашего информатора³, чабаны вечерами старались обходить эту гору, потому что на ней слышен плач маленького ребенка. Когда поближе подходят, чтобы увидеть, кто плачет, плач слышится все дальше и дальше. Из-за этого никто и не видел, кто там плачет. Поэтому все чабаны, проживающие там, гору считают святой, поклоняются ей.

Таким образом, к категории святых топонимов относятся не только те, которые обозначают места положительной силы и значения. К ним можно причислять и те, которые означают наличие силы и негативной. Признавая эту силу, тувинцы также поклонялись этим местам, освящали, тем самым уже не прося благословения, а стараясь отводить от себя эту силу.

Наименования святых стойбищ

Тувинцы с давних времен выращивали скот методом отгонного животноводства, в связи с чем меняют стойбища несколько раз в год. Каждый *аал* ‘аал, селение, табор’⁴, три-четыре юрты родственников с совместным скотом, имеет свои определенные *хонаш* ‘стойбища, кочевья’⁵. Насколько я знаю, наши родители вместе с двумя семьями дальних родственников также перекочевывали в зимнее, летнее, весеннее и осеннее стойбища четыре раза в год. Среди них имелись два стойбища, считавшиеся святыми.

Тарбаганньг-Ой — зимнее стойбище, зимовье в м. Мунгаш-Ак Барун-Хемчикского района. Название образовано от слов *тарбаган* ‘сурок’⁶ и *ой* ‘низина, лощина’⁷. Отец всегда нам говорил, что это стойбище святое. В давние времена в его окрестностях обитало очень много сурков, их мясом лечились от всяких недугов. Он был благодарен судьбе, что расположил там стойбище, где родились и выросли все его дети. Каждый раз, когда мы переезжали весной и осенью, он обязательно «кормил» хозяйина стойбища и зажигал *саң* ‘обряд окуривания’⁸, готовил белую пищу.

Одуруг-Аксы — весеннее и осеннее стойбище, куда мы два раза в год перекочевывали сначала с зимней, а ближе к осени — осенней стоянки. Образован топоним от слов *одуруг* ‘тропинка (в горах)’⁹ и *аксы* ‘место окончания горы’¹⁰, букв. ‘окончание тропинки’. Как я помню, перед нашим отъездом из данного стойбища, наша мать подметала место, где ставили юрту и окуривала *артыш* ‘можжевеловиком’¹¹. Когда мы спрашивали, зачем она это делает, она отвечала, что это наше святое стойбище.

В Тес-Хемском районе, где проживали предки моего супруга, имеется святое стойбище, где в настоящее время живет его брат со своей семьей.

Агар-Дааның-Эдээ — зимнее стойбище, зимовье в м. Агар Тес-Хемского района. Название образовано от слов *агар* ‘течь, струиться’¹², *даг* ‘гора’¹³ и *эдек* ‘подножие’¹⁴, букв. ‘течет в подножии горы’, так как каждую весну на наше стойбище обильно текла вода от подтаявшего снега. Наш информатор¹⁵ объяснил, что это святое стойбище, которое передавалось с поколения в поколение: «Оно свято тем, что *аймак* ‘род, племя’, живя на данной местности, был благополучен, разводил немалое количество скота. Наши родители завещали почитать это место, что мы и стараемся делать».

¹ Тувинско-русский словарь ... С. 501.

² Там же. С. 471.

³ Ооржак Алдын-кыс Хопееовна, 1961 г. р., пенсионер.

⁴ Тувинско-русский словарь ... С. 27.

⁵ Там же. С. 482.

⁶ Там же. С. 408.

⁷ Там же. С. 315.

⁸ Там же. С. 368.

⁹ Тувинско-русский словарь ... С. 314.

¹⁰ Толковый словарь тувинского языка ... С. 44.

¹¹ Тувинско-русский словарь ... С. 71.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ Там же. С. 606.

¹⁵ Сувандии Байыр Максимович, 1963 г. р., пенсионер.

Так, мы полагаем, что к типу святых мест также относятся и стоянки животноводов, поскольку они их считают святыми, также проводят ритуалы, освящают. Они могут не иметь в своих названиях термин *ыдык*, тем не менее имеют значение *ыдык*.

Заклучение

Таким образом, в тувинской топонимии довольно часто используется немало святых топонимов, которые означают места, почитаемые народом, проживающим на них. Часть из них прямо содержит терминологию святости, но есть и такие, в названиях которых не присутствуют такие термины, однако, в них есть и другие термины, косвенно означающие определенное ценностное отношение.

В результате проведенного исследования нами рассмотрены примеры из основных лексико-семантических групп святых топонимов: наименования святых источников, рек и озер; наименования святых перевалов и курганов, наименования святых лесных угодий; наименования святых стойбищ. Святыми целебными источниками, солеными озерами тувинский народ с давних времен по настоящее время лечат недуги. В святых наименованиях гор, курганов и перевалов сохраняются и передаются традиции и обычаи предков об их почитении. Святые лесные угодья по сей день передают нынешнему поколению уважительное отношение к природе, которая не только кормит народ, но и остается источником жизни народа. Святые наименования стойбищ сохраняют традиционный быт, хозяйственную деятельность народа и передают почитительное к ним отношения молодому поколению, тем самым воспитывая их соблюдению древних обычаев и традиций своего народа.

Изучение святых географических наименований в дальнейшем будет одним из важных сторон воспитания молодого поколения любви и уважительного отношения к своей Родине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыгбай, Ч. О., Конгу, А. А. (2016) Сакральные аспекты буддийских монастырей Тувы // Вестник Калмыцкого университета. № 3 (31). С. 4–12.
- Айыжы, Е. В., Базырчап, А.-Х. О. (2014) Священные места цаатанов в сомоне Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. С. 31–35.
- Кара-оол, Л. С. (2018) Лексические особенности топонимов Овюрского района Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 162–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>
- Кара-оол, Л. С. (2019) Лексика родильных обрядов в топонимах Тувы // Мир науки, культуры, образования. Вып. 3 (76). С. 368–369.
- Кара-оол, Л. С. (2020) Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. № 5 (84). С. 280–284. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00961>
- Кара-оол, Л. С. (2021) Конфессиональная лексика в топонимах Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 52–66. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.5>
- Копелиович, Г. Б. (2018) Аржааны как часть культурно-религиозного ландшафта Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.6>
- Ламажаа, Ч. К., Санчай, Ч. Х., Монгуш, А. В. (2023) Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
- Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Шаймерденова, М. Дж. (2024) Кадак — шарф подношения и освящения (из истории традиции) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 152–176. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>
- Монгуш, М. В., Монгуш, Е. Д. (2015) Культурные места в культурных ландшафтах Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 48–60.
- Ондар, Б. К. (2004) Топонимический словарь Тувы. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета. 256 с.
- Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 550 с.
- Ондар, Б. К. (2008) Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимами Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 296 с.

- Ондар, Б. К. (2011) Русская топонимия Тувы. Кызыл : Редакционно-издательский отдел ТувГУ. 168 с.
- Ооржак, В. О. (2018) Добыча чонар-даша: традиционная технология и элемент экологической культуры тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 210–234. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.12>
- Семенов, А. В. (2010) Горные святилища Тувы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. Вып. 4. С. 140–146.
- Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С. (2020) Словарь странствующей ономастики тувинского языка. Кызыл : Редакция ТувГУ. 64 с.
- Татаринцев, Б. И. (1973) Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : мат. всесоюз. конф. 14–16 июня 1973 г. / ред. коллегия: Э. Г. Беккер и др. Томск : Изд-во Томского университета. 235 с. С. 142–144.
- Татаринцев, Б. И. (1977) О топонимии бассейна р. Каа-Хем // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Тип-я управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тув. АССР. 192 с. С. 88–98.
- Тува. Родная земля (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Дата поступления: 11.06.2024 г.

Дата принятия: 12.07.2024 г.

REFERENCES

- Adygbai, Ch. O. and Kongu, A. A. (2016) Sacred aspects of Buddhist monasteries of Tuva. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 3 (31), pp. 4–12. (In Russ.).
- Aiyzhy, E. V. and Bazyrchep, A.-Kh. O. (2014) Sacred sites of the Tsaatans in the somon of Tsagaannuur of the Khubsugul aimag of Mongolia. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 1, pp. 31–35. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2018) Lexical features of microtoponyms of Ovyur rayon of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 162–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>
- Kara-ool, L. S. (2019) Lexics of maternal rites in toponyms of Tuva. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, issue 3 (76), pp. 368–369. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2020) Animal-related names in tuvinian toponymy. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (84), pp. 280–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00961>
- Kara-ool, L. S. (2021) Confessional Vocabulary in the Toponyms of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 52–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.5>
- Kopeliovich, G. B. (2018) Arzhaans as part of the cultural and religious landscape of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 112–124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.6>
- Lamazhaa, Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush, A. V. (2023) Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 344–370. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K. and Shaimerdenova, M. Dzh. (2024) Kadak is a scarf of offering and consecration (from the history of tradition). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 152–176. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>
- Mongush, M. V. and Mongush, E. D. (2015) Places of worship in the cultural landscapes of Buryatia and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 48–60. (In Russ.).
- Ondar, B. K. (2004) *Toponymic Dictionary of Tuva*. Abakan, Khakass State University Press. 256 p. (In Russ.).
- Ondar, B. K. (2007) *Toponymic Dictionary of Tuva*. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 550 p. (In Russ.).
- Ondar, B. K. (2008) *Tuvan toponymy. Comparative analysis of the toponymy of Tuva with the toponyms of Southern Siberia and other Turkic-speaking territories*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 296 p. (In Russ.).
- Ondar, B. K. (2011) *Russian toponymy of Tuva*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of TuvSU. 168 p. (In Russ.).
- Oorzhak, V. O. (2018) The Extraction of Chonar-Dash: traditional technology and a part of Tuvan environmental culture. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 210–234. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.12>
- Semenov, A. V. (2010) Tuva Mountain Sanctuaries. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, issue 4, pp. 140–146. (In Russ.).

Suvandii, N. D. and Kara-ool, L. S. (2020) *Dictionary of Itinerant Onomastics of the Tuvan language*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of TuvSU. 64 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1973) About the peculiarities of the toponymy of Northeastern Tuva. In: *The origin of the aborigines of Siberia and their languages: mat. the All-Union. Conf. June 14–16, 1973* / editorial board: E. G. Bekker et al. Tomsk, Publishing house of Tomsk University. 235 p. Pp. 142–144. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1977) About the toponymy of the Kaa-Khem River basin. In: *Tuvan language and literature in the post-October period* / ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Printing house of the Department for Publishing, Printing and Book Trade of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 192 p. Pp. 88–98. (In Russ.).

Tuva. Native land (2023) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Submission date: 11.06.2024.

Acceptance date: 12.07.2024.

Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев

Светлана А. Москвичева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Оксана И. Александрова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются типы структур репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры в обыденных представлениях этнических тувинцев, выявляются центральные и периферийные репрезентации в структуре, степень их связанности, наличие кластеров репрезентаций. Эмпирическая часть исследования проводилась в 2022 и 2024 гг. в Тувинском государственном университете, в нем приняли участие более 70 респондентов (этнических тувинцев) в возрасте от 18 до 30 лет. Инструментом исследования послужила комплексная качественно-количественная методика анализа репрезентаций, включающая методы получения нарративов о языке и культуре при помощи эссе, анкетирование, блок математических методов, а также методы анализа и интерпретации.

Выявлено, что структуры репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры имеют ряд существенных отличий. Поле «Тувинская культура» хорошо структурировано, в нем четко выделяется ядро, центр и периферия, а все элементы связаны друг с другом. В структурно-семантическом плане ведущим механизмом является гипонимия. Поле «Тувинский язык» представляет собой слабо организованную атомарную структуру, в которой ведущий тип семантических связей — метафора и атрибутивные оценочные конструкции. Вместе с тем, тувинский язык и тувинская культура в определенном смысле находятся в дополнительном функциональном распределении, поскольку одна из основных функций тувинского языка — это обеспечение связи поколений, то есть сохранение тувинцев как этноса, а основная функция культуры — поддержание горизонтальных связей в обществе, то есть сохранение тувинцев как социума.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинская культура; Тува; тувинцы; репрезентация языка; репрезентация культуры; структура репрезентации; социальное представление

Статья подготовлена в рамках проекта № 050744–0–000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Москвичева С. А., Сувандии Н. Д., Александрова О. И. Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 203–225. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12>

Москвичева Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, директор лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2. Эл. адрес: moskvicheva-sa@rudn.ru

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Александрова Оксана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2. Эл. адрес: alexandrova_oi@pfur.ru

The structures of representations of the Tuvan language and Tuvan culture in the Russian-speaking picture of the world of young Tuvans

Svetlana A. Moskvicheva

RUDN University, Russian Federation,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation,

Oksana I. Alexandrova

RUDN University, Russian Federation

The article presents an analysis of the types of structures of representations of Tuvan language and culture in the daily lives of ethnic Tuvans. The authors identify central and peripheral elements in the structure and the degree of connectivity between them, as well as the presence of clusters of representations. The empirical part of the study was conducted at Tuvan State University in 2022 and 2024, involving more than 70 participants (ethnic Tuvans aged 18–30). The research used a comprehensive qualitative and quantitative approach to analyzing representations, including methods such as essays, questionnaires, and mathematical methods.

It has been revealed that the structures of the representations of the Tuvan language and culture have several significant differences. The field “Tuvan Culture” domain is well-structured, with a clear distinction between the core, center, and periphery, and all elements are connected. Structurally and semantically, hyponymy is the leading mechanism. The field “Tuvan Language” domain is a loosely organized, atomic structure, with metaphor and attributive evaluative constructions as the leading types of semantic connections. At the same time, Tuvan language and culture are in a sense in complementary functional distribution, as one of the main functions of Tuvan is to ensure communication between generations, preserving the Tuvans as an ethnic group, while the main function of culture is to maintain horizontal ties within society, preserving the Tuvans as a social group.

Keywords: Tuvan language; Tuvan culture; Tuva; Tuvans; representation of language; representation of culture; structure of representation; social representation

Financing:

The article was prepared within the framework of project No. 050744-0-000 of the Grant Support System for scientific projects of the RUDN University.

For citation:

Moskvicheva S. A., Suvandii N. D. and Alexandrova O. A. The structures of representations of the Tuvan language and Tuvan culture in the Russian-speaking picture of the world of young Tuvans. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 203–225 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12>

MOSKVITCHEVA, Svetlana Alekseevna, Candidate of Philology, Director, Laboratory “Dynamics of Language in a Minority Situation”, Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Associate Professor, General and Russian Linguistics Department, RUDN University. Postal address: 10/2 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: moskvitcheva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8047-7050

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

ALEKSANDROVA, Oksana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, General and Russian Linguistics Department, RUDN University. Postal address: 10/2 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: alexandrova-oi@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-7246-4109

Введение

В последнее время возрастает интерес науки к исследованию когнитивных структур и ментальных пространств обыденных представлений, связанных с символическим полем языковых ситуаций (Blanchet, 2016; Boudreau, 2016; Costa, 2017; Viaut, 2010; и др.). Российская социолингвистика также обращается к этому вопросу. Например, анализу восприятия языков Южной Сибири посвящена работа Т. Г. Боргояковой и К. А. Покояковой (Боргоякова, Покоякова, 2022). Номенклатуре, типам и, в меньшей степени, типологии репрезентаций языка в связи с культурой посвящено достаточное количество работ (Matthey, 1997; Boyer, 2010; Colonna, 2014). Вместе с тем структура поля репрезентаций языка в обыденном сознании его носителей остается малоизученной (Maurer, Desrousseau, 2013; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022).

Цель данной работы заключается в выявлении и анализе типа структур репрезентаций, связанных с обыденными представлениями молодых тувинцев о тувинском языке и тувинской культуре. В первую очередь нас интересовала степень связности элементов структуры репрезентаций, степень выраженности центра и периферии в данных структурах, наличие ядерных репрезентаций в центре структуры и на перифериях. В настоящей статье представлены результаты анализа структуры репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры в обыденном сознании молодых тувинцев, и предлагается графическая модель данных структур.

Эмпирическая часть исследования, целью которого было выявление структуры репрезентаций тувинского языка, проводилась в 2024 г. Всего в нем приняли участие 63 студента-тувинца Тувинского государственного университета. Исследование структуры репрезентаций тувинской культуры, в котором приняло участие 72 тувинца в возрасте от 18 до 30 лет, было проведено в 2022 г. (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022).

Дизайн данных исследований в целом идентичен и включает пять этапов: написание эссе на тему «Что такое для меня тувинский язык/тувинская культура», формирование анкеты для последующей оценки структуры репрезентаций языка/культуры, анкетирование, применение блока математических методов для анализа данных анкетирования, анализ и интерпретация полученных результатов. При проведении исследования мы работали с информантами-билингвами с разным уровнем и типами билингвизма и билингвальности / транслингвальности¹. Следовательно, полноценный валидный анализ когнитивных структур, к которым относятся и репрезентации, предполагает исследование как тувиноязычной, так и русскоязычной картин мира. Однако объем статьи не позволяет полноценно представить обе картины мира, поэтому мы ограничили наш предмет исследования структурой представлений о данных феноменах у молодых представителей тувинской культуры в их русскоязычной картине мира.

Язык и культура: теоретико-методологические основы исследования

Сопоставление репрезентаций языка и культуры в рамках одной статьи не случайно. Дело в том, что понятия языка и культуры в российском дискурсе связаны настолько тесно, что язык становится основным компонентом культуры и фактически отождествляется с ней. Не случайно в целом ряде законодательных актов Российской Федерации языки и культуры народов Российской Федерации упоминаются рядом².

Вместе с тем, с тридцатых годов XX в. официальный дискурс и практики национального, культурного и языкового строительства, оставаясь положительными по отношению к языкам, преимущественно были ориентированы на поддержку и развитие культур. Престиж и, что важнее, присутствие в социуме форм национальных / этнических культур были безусловны и высшей степени зна-

¹ О соотношении понятий билингвизма/транслингвизма и билингвальности/транслигвальности см.: Бахтиреева, 2016.

² Конституция Российской Федерации. Статья 68. Статья 69. [Электронный ресурс] // Конституция РФ. URL: <https://constrf.ru/razdel-1/glava-3/st-68-krf> (дата обращения: 08.05.2024); Федеральный закон № 74 о «Национально-культурной автономии» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9578/page/1> (дата обращения: 08.05.2024); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 17.05.2024).

чимы на протяжении всего периода существования СССР и после его распада. Что же касается национальных языков, то их функциональный потенциал непрерывно сокращался, а вместе с ним снижался их престиж. Этот процесс явно обозначился в шестидесятые годы XX в. и продолжался до распада СССР. В годы перестройки в стране начался этап языкового активизма и связанного с ним языкового возрождения, которые, однако, не привели к процессам языковой нормализации (в терминах каталонской социолингвистической школы: Aracil, 1976; Vallverdú, 1977; Boyer, 2012). Продолжилась, а во многих случаях и ускорилась, диффузия в области функционирования национальных / этнических языков. При высоких показателях символической лояльности носителей к своим родным языкам инструментальные типы лояльности неизменно снижались (Москвичева, Вио, Замалетдинов, 2023). Сохранность национальных / этнических культур была значительно выше, хотя в этой области шли процессы так называемой «фольклоризации» культуры. В основе этих процессов лежал целый ряд причин экономического, политического, идеологического характера, которые вместе привели к особой концептуализации и структурированию понятия «язык» и «культура».

Согласно нашей гипотезе, обыденные представления тувинцев о тувинской культуре организованы в соответствии со строго упорядоченной латентной, структурой, в которой явно вычленяются отдельные компоненты, центральное и периферийные ядра. Именно наличие данной, хотя и неотрассекционированной в обыденном сознании структуры, приводит к тому, что дефиниция понятия «культура» лежит в поле логических определений, а сам феномен хорошо осознается ее носителями и присваивается ими. Когнитивное поле языка представляет собой атомарную структуру, часто определяется при помощи атрибутивных конструкций аффективной природы или же метафорическими конструкциями. Язык, безусловно, любят, но значительно реже «присваивают».

Такие типы структурирования этих когнитивных полей имеют самое прямое отношение и влияние как на социолингвистическую динамику этнических языков, так и на социокультурную динамику. Также они определяют и эффективность мер по поддержке языков и культур. Представляется, что культурная политика в целом коррелирует со структурой «поля культуры» как в отношении ее компонентов, так и в отношении связей, существующих в структуре. А это означает, что она соответствует представлениям носителей национальных / этнических культур (в том числе и тувинской) относительно того, что нужно делать для ее поддержания. Поле языка оказывается значительно менее определенным, отсюда и неопределенность как в обыденных дискурсах носителей языка о его судьбе (Дырхеева, Цыбенова, 2020), так и в идеологиях языковой политики и формах языкового планирования, которые, как правило, сводятся к попыткам воздействия на функциональный потенциал языка через систему образования (Каплунова, 2022). Думается, что это правильный и, возможно, наиболее эффективный и реалистичный путь сохранения языка, но при условии разработки образовательного контента, соответствующего потребностям носителей языка. Понимание глубинной структуры репрезентаций языка и культуры как раз и может способствовать разработке адекватных ситуации мер по их сохранению, но, главное, их полноценному функционированию в тувинском социуме.

Методология проведения исследования

Для исследования представлений молодых тувинцев о тувинском языке применялась комплексная методика, совмещающая качественные и количественные методы, в том числе включающая математический аппарат для обработки данных анкет и построения графической модели структуры репрезентаций с последующей качественной и количественной интерпретацией полученных результатов¹. Данная методика представляет собой модифицированный вариант многоуровневой методики анализа репрезентаций (Москвичева, Александрова, Бруффардс, 2023) и модифицированную методику комбинированного анализа представлений Б. Морера и П.-А. Деруссо (Maurer, Desrousseaux, 2013). Последняя уже была частично использована в ходе анализа репрезентаций тувинской культуры (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022). Однако следует учесть, что в предыдущем нашем

¹ Математические методы анализа, в частности, статистические методы, широко используются, а часто являются строго обязательными, в современных гуманитарных науках. Особенностью нашего исследования является не столько факт применения математических методов, сколько комплексный подход, включающий, в том числе, количественные методы, к анализу структуры репрезентаций языка и культуры. Методологически близкими к нашим исследованиям являются работы: Maurer, 2011; Urdapilleta, Lo Monaco, 2015; Глухова, Глухов, 2009.

исследовании анализ репрезентации тувинской культуры проводился с целью выявления иерархической структуры поля репрезентаций, поиска ядра структуры, ближней и дальней периферий. Цель данного исследования лежит в иной плоскости и сводится к определению типа структур репрезентаций тувинского языка и культуры, что, в первую очередь, предполагает выявление степени связности ее элементов. Такая постановка вопроса требует модификации применяемых методик при сохранении общих методологических принципов, основные из которых следующие:

1. Предполагается, что репрезентации образуют иерархическую структуру в когнитивном пространстве, которое можно называть полем репрезентаций (в нашем случае поле репрезентаций «Тувинский язык» / «Тувинская культура»);

2. Центр структуры задает норму и смыслы, обеспечивающие стабильность и сохранность поля репрезентаций в социуме, а периферия обеспечивает гибкость и возможность для каждого индивида включиться в процесс присвоения когнем в той форме и области, которые ему ближе;

3. Анализируется когнитивная структура представлений о языке, а не семантика отдельных утверждений;

4. Поскольку речь идет о когнитивной структуре в исследовании используется понятие «когнema», как абстрактный родовой термин для когнитивных структур различного типа, в том числе и для репрезентаций;

5. Понятия «репрезентация» и «представление» используются как синонимы, однако при необходимости сохранить строго терминологический смысл понятий, предпочтение отдается термину «репрезентация»;

6. Когнитивные структуры билингвов на разных языках (в нашем случае — на тувинском и русском) могут быть различными;

7. Методика исследования не направлена на оценивание самих репрезентаций. Ее задачей является ранжирование и структурирование их таким образом, чтобы все репрезентации разделились на два класса с равным количеством репрезентаций справа и слева от 0 по оси X абсцисс;

8. Положительная или отрицательная оценка свидетельствует не о том, насколько «хорошее» или «плохое» явление стоит за данной номинацией, а исключительно о том, какое место занимает данная репрезентация в структуре, насколько она значима и «прототипична» (Rosch, 1978) для молодых тувинцев как часть полей «Тувинская культура» и «Тувинский язык».

Исследование относилось к эмпирико-индуктивному типу и проводилось в пять этапов, которые состояли из формирования анкеты, проведения анкетирования, обработки результатов анкетирования заранее разработанным математическим аппаратом, построения графической модели репрезентаций, интерпретации полученных результатов.

Формирование анкеты и проведение анкетирования

На первом этапе исследования была сформирована анкета по методике, уже использованной для анализа поля репрезентаций тувинской культуры (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022). Для получения первоначального списка представлений о тувинском языке у молодого поколения респондентам в возрасте от 18 до 30 лет было предложено написать небольшие эссе на тему «Что такое для меня тувинский язык».

На написание эссе отводилось 10–15 минут. Всего нами было получено 38 эссе, написанных на русском языке, поскольку анализировалась русскоязычная картина представлений о родном языке и культуре. Необходимое количество текстов эссе определялось уровнем насыщения данных, о котором свидетельствует отсутствие в новых текстах принципиально новых репрезентаций. Далее тексты были проанализированы методом открытого и осевого кодирования (Strauss, Corbin, 1998) для выявления наиболее частотных и репрезентативных классов высказываний о тувинском языке.

В *таблице 1* приведены двадцать утверждений анкеты «Репрезентации тувинского языка», полученные в результате процедур обработки эссе. ИмPLICITно данная анкета содержит четыре класса кодов: «Что есть язык» (когнемы 1 и 20); «Какой он» (когнемы 6 и 16 представляют объективные качества; когнемы 7, 9, 8, 18, 19 — субъективную оценку свойств языка); «Какие у него функции» (когнемы 2 и 10 отражают функцию языка как связи времен, прошлого и будущего; когнемы 11 и 14 —

как связи общества; когнемы 4, 5, 12, 15, 17 репрезентируют основной контент, который транслирует язык); «Как мы относимся к своему языку» (когнемы 3 и 13). В анкете все утверждения были даны в одной из предложенных в эссе оригинальных формулировок.

Отметим, что в анкете не была приведена репрезентация «Тувинский язык — это мой родной язык», которая, безусловно, была самой частотной в текстах эссе. Это сделано вполне осознанно, поскольку одной из задач исследования как раз и было посмотреть содержание и структуру понятия «родной язык», и прямая формулировка утверждения исказила бы структуру представлений о данном феномене. По этой же причине мы избегали репрезентаций типа «Тувинский язык — это мой любимый язык». Как представляется, аффективную компоненту структуры репрезентаций следует искать через косвенные утверждения. В текстах эссе мы не нашли отрицательных характеристик языка, поэтому все когнемы, вошедшие в анкету, положительные и отличаются высокой степенью эмоциональной окрашенности и включенности респондентов.

Таблица 1. Список репрезентации поля «Тувинский язык»
Table 1. List of representations of the field “Tuvan language”

Номер	Репрезентация
1	«Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений»
2	«Связь между прошлым и будущим»
3	«Уважение друг к другу и другим народам»
4	«Отражение нашей самобытной культуры»
5	«Песни, рассказы и сказки наших предков»
6	«Язык с особыми звуками, с тувинской фарингализацией»
7	«Современный язык, который развивается»
8	«Совершенно уникальный и особенный язык, не похожий на другие»
9	«Очень красивый язык»
10	«Связь между предками, связь с моими корнями»
11	«Государственный язык Республики Тыва»
12	«Он выражает любое состояние души: боль, скорбь, радость, разочарование»
13	«Наша гордость»
14	«Инструмент для общения между разными людьми»
15	«Отражение традиций и обычаев нашей Родины»
16	«Влияние монгольского языка — главное отличие от других тюркских языков»
17	«Вся история моего народа»
18	«Богатый язык, в нем тысячи прекрасных слов»
19	«Трудный язык»
20	«Наша природа: степи, горы, леса»

Поскольку исследование нацелено на русскоязычную концептуализацию и сравнение репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры, далее в таблице 2 приводятся утверждения анкеты «Репрезентации тувинской культуры», на основании которой в 2022 г. проводилось исследование структуры репрезентаций поля «Тувинская культура» (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 168).

Таблица 2. Список репрезентаций поля «Тувинская культура»
Table 2. List of representations of the field “Tuvan Culture”

Номер	Репрезентация
1	«Почет и уважение к старшему поколению»
2	«Тувинские песни (теректер, ынакшыл-дыр ол)»
3	«Родной тувинский язык»
4	«Национальный вид спорта хуреш»
5	«Тува- центр Азии»
6	«Обряд хылбык дой»
7	«Гостеприимство и забота о близких»
8	«Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное отношение к ней»
9	«Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»
10	«Традиционные конные скачки»
11	«Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)»

12	«Национальные костюмы, где все продумано до мелочей»
13	«Горловое пение»
14	«Национальные блюда»
15	«Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)»
16	«Национальная игра <i>тевек</i> »
17	«Национальные праздники (<i>Шагаа, Наадым</i>)»
18	«Кочевой образ жизни и скотоводство»
19	«Фестиваль <i>Устуу-Хурээ</i> »
20	«Традиции, передающиеся из поколения к поколению»

Второй этап исследования представлял собой собственно анкетирование и проводился в апреле 2024 г. среди студентов Тувинского государственного университета. Методика проведения анкетирования подробно описана в нашей статье (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 168–169).

Всего было собрано 87 анкет, из которых корректно заполненными оказались 63. Напомним, что респондентам было предложено выбрать четыре утверждения анкеты и оценить их в +2 (как максимально соответствующие представлениям респондента), затем выбрать четыре утверждения и оценить их в –2 (как минимально соответствующие), далее выбрать еще четыре утверждения оценить в +1, и, наконец, еще четыре утверждения следовало оценить в –1, а четыре утверждения должны остаться без оценки. Таким образом, при соблюдении данной методики данные неизбежно поляризуются и относительно равномерно распределяются по шкале между положительными и отрицательными полюсами. Интересно, что во всех анкетах, которые мы были вынуждены признать негодными для дальнейшего анализа, недостаток был один и тот же: более чем четыре утверждения (иногда все) оказались оценены в +2. При этом не было анкет, где оценка –2 фигурировала бы более 4 раз.

Применение математического аппарата к обработке данных

На третьем этапе исследования данные, собранные методом анкетирования, анализировались по трем критериям: индексу оценки репрезентации (маркер значимости репрезентации), индексу консенсуса (маркер отношения группы респондентов) и индексу дистанции (маркер структурной организации и когнитивной близости репрезентаций относительно друг друга) (Maurer, 2013). Из трех перечисленных индексов только первый (индекс оценки) использовался без изменений по сравнению с нашими предыдущими исследованиями и, как и прежде, рассчитывался по формуле среднего арифметического. Второй и третий индексы определены иначе: индекс консенсуса, определяющий степень согласия респондентов в оценке той или иной когнемы, рассчитан по формуле среднего квадратического отклонения, а индекс дистанции между когнемами, ориентированный на респондентов и их общую степень согласия с оценкой той или иной репрезентации, рассчитывался по формуле Морера-Деруссо (Maurer, 2013).

1. Формула для расчета **индекса оценки** репрезентации имела следующий вид:

$$\bar{x}_j = \frac{1}{N} \times \sum_{i=1}^N x_{i,j}$$

Где N означает количество респондентов, а $x_{i,j}$ — оценка одним любым респондентом одной репрезентации.

Индекс оценки показывает, насколько данная репрезентация значима для респондентов. Чем выше его значение, тем более значимой оказывается данная репрезентация для носителей тувинского языка и культуры. В нашем случае максимальное значение показателя оценки составляло +2, минимальное было –2. Индекс оценки является основным показателем при выявлении иерархической структуры поля репрезентаций, а именно ядра структуры и ее ближней и дальней периферий.

2. **Индекс дисперсии оценки (показатель консенсуса)** измеряет степень различий между оценкой индивидами той или иной когнемы и средней оценкой по выборке. Он дает информацию о позиции и установках (аттитюдах) респондентов в отношении репрезентаций и позволяет делать выводы о степени поляризованности мнений. Чем меньше показатели индекса дисперсии оценки, тем выше согласие общества в оценке ее места в структуре репрезентаций, и наоборот.

Индекс дисперсии оценки рассчитывался по формуле среднего квадратического отклонения:

$$\sigma_i = \sqrt{\frac{1}{N} \cdot \sum_{i=1}^N (x_{i,j} - \bar{x}_j)^2}$$

В нашем случае индекс дисперсии оценки измеряется от 0 (полное согласие мнений) до 2 (полное расхождение мнений).

3. **Индекс дистанции** социальных представлений в разных системах расчета применяется в работах по психологии (Abric, 1994; Guimelli, 1994; Jodelet, 1989; и др.), откуда он и был заимствован. В отличие от индекса оценки и индекса консенсуса, которые ориентированы, собственно, на репрезентации и являются математическим выражением их характеристик, индекс дистанции ориентирован на респондентов и оценивает их когнитивное поле. Данный индекс рассчитывается по каждому респонденту отдельно и показывает, какое место те или репрезентации занимают в его сознании. Далее эти данные сводятся по всем респондентам.

Еще раз подчеркнем, что речь не идет о семантической близости анализируемых представлений, хотя семантическая близость безусловно может привести к близкой оценке их места в структуре представлений. Речь идет строго о сравнении места и степени значимости репрезентаций в картине мира респондента без обращения к их семантике. Мы полностью разделяем идеи, высказанные в работах П. Молине, П. Рато и В. Коэн-Скали, к которым индекс дистанции обосновывается исходя из предположения, что если большое количество респондентов одинаково оценивают два различных элемента, это означает, что эти два утверждения в равной степени важны для характеристики объекта, и, следовательно, можно утверждать, что эти два элемента или сходны, или в высокой степени связаны друг с другом (Moliner, Rateau, Cohen-Scali, 2002: 121).

Индекс дистанции вычисляется по формуле:

$$D_{jA,jB} = \sqrt{\frac{1}{N} \cdot \sum_{i=1}^N (x_{i,jA} - x_{i,jB})^2}$$

Где $D_{jA,jB}$ означает индекс дистанции между когнемой jA и когнемой jB , а $x_{i,jA}$ и $x_{i,jB}$ — оценки индивидом x когнем A и B .

Индекс дистанции расположен на отрезке от 0 до 4. Показатель 0 означает максимальную близость репрезентаций, показатель 4 — максимальную дистанцию между репрезентациями.

Итак, индекс дистанции показывает степень близости / удаленности репрезентаций в сознании носителя языка и является необходимым параметром, если решается задача анализа структуры поля социальных представлений, к которым относятся репрезентации языка и культуры, поскольку именно он показывает степень связанности ее элементов.

На четвертом этапе исследования на основании трех индексов была построена графическая модель структуры поля репрезентаций тувинского языка и культуры. Структура репрезентаций тувинской культуры ранее уже анализировалась (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022), однако, в связи с иной целью данного исследования и модификацией методики, мы приняли решение представить новые данные расчетов по структуре представлений о тувинской культуре. В исследовании 2022 г. стояла задача выявить центр и периферию поля представлений о культуре, для решения которой использовались несколько другие методы первичной статистической обработки материала анкет. Форма представления данных также отличалась от той, которую мы предлагаем в данной работе. В статье 2022 г. акцент был смещен на сравнение структуры поля «тувинская культура» у молодого и старшего поколения тувинцев, в данной статье сравниваются структуры представлений о тувинском языке и культуре только у молодого поколения.

Анализ репрезентаций тувинского языка и культуры по трем индексам: индексу оценки репрезентаций, индексу дисперсии оценки и индексу дистанции

1. Индексы оценки репрезентаций

А. «Тувинский язык»

Индекс оценки тувинского языка приведен в *таблице 3*. Цифры в верхней строчке таблицы совпадают с нумерацией репрезентаций в анкете (см. *таб. 1*).

*Таблица 3. Индекс оценки репрезентации «Тувинский язык»
Table 3. Index of assessment of the representation of the field “Tuvan language”*

Репрезентация	19	14	17	7	12	16	20	15	10	9
Показатель	-0,921	-0,889	-0,587	-0,556	-0,397	-0,397	-0,397	-0,222	-0,063	0,079
Репрезентация	18	13	2	3	8	6	11	5	4	1
Показатель	0,159	0,175	0,286	0,333	0,413	0,603	0,651	0,651	0,683	1,476

Предварительный анализ показывает, что репрезентация 1 («Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений») получает наиболее высокую оценку. Между данной когнемой и следующей — 4 («Отражение нашей самобытной культуры») — наблюдается существенный разрыв. Далее, шкала оценки плавно понижается без существенных скачков. Плавное снижение индекса оценки говорит о более или менее равномерном распределении мнений в обществе и достаточно гомогенной структуре репрезентаций, в которой границы между когнемами размыты. Небольшие скачки также отмечаются между репрезентацией 6 («Язык с особыми звуками, с тувинской фарингализацией») и репрезентацией 8 («Совершенно уникальный и особенный язык, не похожий на другие»), а также между 17 («Вся история моего народа») и 14 («Инструмент для общения между разными людьми»). Репрезентации 14 и 19 («Трудный язык») оцениваются существенно ниже остальных, однако, учитывая, что минимальная возможная оценка равна -2, эти показатели не являются экстремально низкими.

Б. «Тувинская культура» (ТК)

В *таблице 4* приведены индексы оценки тувинской культуры. Напомним, что исходные данные были взяты из наших анкет 2022 г. и пересчитаны по изложенной выше методике. Учитывались данные по 72 респондентам 1 возрастной когорты (18–30 лет). Цифры в верхней строчке соответствуют номинациям репрезентаций «Тувинская культура», приведенным в *таблице 2*.

*Таблица 4. Индекс оценки по репрезентации «Тувинская культура»
Table 4. Index of assessment for the representation of the field “Tuvan culture”*

Репрезентация	2	9	19	15	16	18	6	5	7	10
Показатель	-1,83	-1,63	-1,22	-0,47	-0,26	-0,26	-0,19	-0,19	-0,10	0,03
Репрезентация	11	12	14	1	4	20	17	8	13	3
Показатель	0,32	0,35	0,36	0,56	0,68	0,71	0,90	0,93	1,08	1,64

Предварительный анализ данных показывает, что в поле «Тувинская культура» большее количество репрезентаций получает высокую оценку: безусловным лидером является репрезентация 3 («Родной тувинский язык»). Высоко оценивается репрезентация 13 («Горловое пение»), также репрезентация 8 («Природа (...) и бережное отношение к ней») и 17 («Национальные праздники (*Шагаа*, *Наадым*)»). В отличие от когнитивного поля «Тувинский язык» здесь три когнемы получили низкую оценку: репрезентация 2 («Тувинские песни (*теректер*, *ынакшыл-дыр ол*)»), 9 («Конкурс красоты и

мужества «Тажы биле Даңгына»), 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»). В данной методике низкая оценка не обязательно говорит о неприятии феномена, стоящего за репрезентацией, поскольку оценивается, как мы уже сказали, не семантика когнемы как таковой, а ее место в структуре поля репрезентаций. Оценка снижается относительно плавно, однако шаг между когнемами в целом больше, чем в оценках репрезентаций языка. Это свидетельствует о более выраженных границах между когнемами и более четкой структуре репрезентаций. Значимые скачки отмечены между репрезентациями 3 («Родной тувинский язык») и 13 («Горловое пение»), 15 («Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)») и 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»).

Для создания модели, представляющей структуру репрезентаций в зависимости от показателей индекса оценки, предлагается распределить когнемы по трем уровням: $-2 \leq x \leq -1$ низкая оценка (III уровень), $-1 < x \leq +1$ средняя оценка (II уровень), $+1 < x \leq +2$ (высокая оценка) (I уровень). В сводной таблице 5 приведено распределение репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» по трем уровням в зависимости от индекса оценки.

Таблица 5. Распределение по уровням репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» в зависимости от индекса оценки

Table 5. Distribution by levels of representations of the field “Tuvan language” and “Tuvan culture” depending on the assessment index

	Уровень оценки	Репрезентации поля «Тувинский язык»	Репрезентации поля «Тувинская культура»
I.	Высокий $+1 < x \leq +2$	1	3, 13
II.	Средний $-1 < x \leq +1$	4, 5, 11, 6, 8, 3, 2, 13, 18, 9, 10, 15, 20, 16, 12, 7, 17, 14, 19	8, 17, 20, 4, 1, 14, 12, 11, 10, 7, 5, 6, 18, 16, 15
III.	Низкий $-2 < x \leq -1$	–	19, 9, 2

Сравнение данных в таблице 5 показывает наличие существенных различий в распределении репрезентаций по индексу оценки в поле «Тувинская культура» и поле «Тувинский язык». Абсолютное большинство репрезентаций в обоих полях попадают на второй уровень (средняя оценка), однако в поле «Тувинская культура» выделяется ядро поля (когнемы 3 («Родной тувинский язык») и 13 («Горловое пение»)) и дальняя периферия — 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»), 9 («Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»), 2 («Тувинские песни (теректер, ынакшыл-дыр ол)»). В поле «Тувинский язык» имеется одна ядерная репрезентация (1 — «Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений»), но отсутствует важная составляющая структуры, а именно, дальняя периферия.

В структуре репрезентаций языка и культуры дальняя периферия может играть весьма важную прогностическую роль: часто она формирует своеобразное «антиядро», которое при определенных условиях способно задавать новые смыслы и векторы исследуемому полю. Так, например, в случае с полем «Тувинская культура» в зоне дальней периферии оказались репрезентации 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»), 9 («Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»), 2 («Тувинские песни (теректер, ынакшыл-дыр ол)»), которые связаны с использованием традиционной культуры в различных видах культурного досуга и / или творчества. Низкая оценка данных репрезентаций едва ли обусловлена неприятием данных форм культуры обществом. Скорее наоборот, судя по публикациям в Интернете¹ подобные мероприятия вызывают интерес и очень хорошо воспринимаются тувинской, и не только тувинской, общественностью. Важно другое: для молодых тувинцев «настоящая» тувинская культура концептуализируется только как традиционная, то есть идущая из прошлого. Однако

¹ Устуу-Хурээ. 9–11 июля [Электронный ресурс] // Устуу-Хурээ. URL: <http://ustuhure.com/index.php?start=90> (дата обращения: 19.06.2024); Устуу-Хурээ [Электронный ресурс] // Маршруты. URL: <https://www.marshruty.ru/event/ustuhure/> (дата обращения: 18.06.2024).

«антиядро» тувинской культуры может способствовать созданию иного образа культуры или расширению старого. Показательно, что никакого «антиядра» у поля «Тувинский язык» нет и, как мы и предполагали, в настоящих условиях и не может быть: родной язык слишком важное и дорогое понятие для народа, но, в то же время, плохо поддающееся как структуризации, так и дефиниции.

2. Консенсус: индекс дисперсии оценки

Индекс консенсуса измерялся в интервале от |0 до 2|, где 0 соответствует полному согласию в распределении мнений, а 2 — полному несогласию.

А. «Тувинский язык»

Индекс дисперсии оценки по репрезентациям тувинского языка представлен в таблице 6.

Таблица 6. Индекс дисперсии оценки по репрезентациям «Тувинский язык»
Table 6. Index of variance of the assessment for the representations of the field “Tuvan language”

Репрезентация	2	8	13	14	4	16	17	10	20	12
Показатель	1,53	1,39	1,39	1,38	1,37	1,35	1,34	1,33	1,33	1,32
Репрезентация	11	5	9	19	3	15	6	18	7	1
Показатель	1,30	1,30	1,29	1,25	1,24	1,20	1,14	1,12	1,09	0,96

В первом приближении данные говорят, что наибольшее согласие мнений отмечено в отношении репрезентации 1 («Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений»), которая также обладает высоким индексом оценки, что позволяет ее рассматривать в качестве ядерной репрезентации в поле «Тувинский язык». Уровень согласия по подавляющему большинству когнем невысокий. Наибольшие разногласия вызывает оценка репрезентации 2 («Связь между прошлым и будущим»).

Б. «Тувинская культура»

В таблице 7 приведены данные по индексу дисперсии оценки, рассчитанные по формуле среднего квадратического отклонения.

Таблица 7. Индекс дисперсии оценки по репрезентациям «Тувинская культура»
Table 7. Index of variance of the assessment for the representations of the field “Tuvan culture”

Репрезентация	5	20	11	18	8	1	12	6	7	19
Показатель	1,52	1,42	1,40	1,35	1,33	1,32	1,20	1,18	1,11	1,06
Репрезентация	9	10	2	13	3	14	17	15	4	16
Показатель	1,06	1,04	1,02	1,01	1,00	0,98	0,97	0,92	0,89	0,84

Наименьшее значение индекса дисперсии оценки (0,84)¹ в поле «Тувинская культура» имеет репрезентация 16 («Национальная игра тевек»). Высокий уровень согласия наблюдаются также у репрезентаций 4 («Национальный вид спорта хуреш»), 15 («Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)»), 17 («Национальные праздники (Шагаа, Наадым)») и 14 («Национальные блюда»).

При построении модели структуры репрезентаций, совмещающей три индекса, в зависимости от коэффициента дисперсии были выделены пять групп репрезентаций: $1,5 \leq x \leq 2$ — низкий уровень консенсуса (V), $1,2 \leq x < 1,5$ — условно низкий уровень консенсуса (IV), $1 \leq x < 1,2$ — средний уровень консенсуса (III), $0,5 \leq x < 1$ — условно высокий уровень консенсуса (II), $0 < x < 0,5$ (I) — высокий уровень. Такая градация уровней консенсуса в известной степени произвольна и условна. Теоретически, в зависимости от целей и задач исследования можно выбрать другие интервалы. Однако данная гра-

¹ Соответствует высокому уровню согласия.

дация хорошо согласуется с полученными нами данными по разным регионам и удобна в процессе интерпретации данных. В *таблице 8* приведено распределение репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» по пяти уровням в зависимости от уровня консенсуса.

Таблица 8. Распределение по уровням репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» в зависимости от индекса консенсуса

Table 8. Distribution by levels of representations of the fields “Tuvan language” and “Tuvan culture”, depending on the consensus index

	Уровень консенсуса	Репрезентации поля «Тувинский язык»	Репрезентации поля «Тувинская культура»
I.	Высокий $0 < x < 0,5$	–	–
II.	Условно высокий $0,5 \leq x < 1$	1	16, 4, 15, 17, 14
III.	Средний $1 \leq x < 1,2$	7, 18, 6, 15	3, 13, 2, 10, 9, 19, 7, 6, 12
IV.	Условно низкий $1,2 \leq x < 1,5$	3, 19, 9, 5, 11, 12, 20, 10, 17, 16, 4, 14, 13, 8	1, 8, 18, 11, 20
V.	Низкий $1,5 \leq x \leq 2$	2	5

Из *таблицы 8* видно, что репрезентации полей «Тувинский язык» и «Тувинская культура» в зависимости от индекса дисперсии оценки распределяются не симметрично относительно друг друга. Подавляющее большинство (четырнадцать из двадцати) репрезентаций поля «Тувинский язык» оказались на IV уровне (условно низкое согласие). В поле «Тувинская культура» таковых оказалось только пять. На среднем (III) и условно высоком (II) уровнях согласия оказалось четырнадцать репрезентаций поля «Тувинская культура» и только пять поля «Тувинский язык». Высокие показатели индекса дисперсии оценки свидетельствуют об определенной аморфности структуры репрезентаций, поскольку респонденты испытывают колебания и по-разному определяют место в структуре той или иной репрезентации. Напротив, чем ниже показатели индекса дисперсии оценки, тем выше согласие общества относительно места, которое занимает репрезентация в структуре, а следовательно, тем жестче и упорядоченнее сама структура. Поле репрезентаций «Тувинская культура» предстает как более структурированное, чем поле «Тувинский язык».

3. Индекс дистанции между репрезентациями

Теоретически при анализе структуры репрезентаций можно учесть все связи по всем когнемам, но практического смысла в этом нет. Во-первых, в зависимости от целей анализа, наиболее важны или минимальные дистанции, или же, наоборот, максимальные, поскольку именно они выявляют ядерные и системоорганизующие репрезентации. Во-вторых, анализ всех связей сделает работу неоправданно громоздкой, а график-модель нечитаемой. Договоримся, что мы будем учитывать индекс дистанции $< 1,5$ ¹.

А. «Тувинский язык»

Матрица показателей индекса дистанции по всем репрезентациям поля «Тувинский язык» приведена на *рисунке 1*. Чем меньше показатель индекса дистанции, тем выше связь между репрезентациями и тем ближе их места в структуре репрезентаций.

¹ Коэффициент 1,5 использует в своих работах Б. Морер (Maurer, Desrousseau 2013), что позволяет сравнивать результаты нашего анализа с анализом других языковых ситуаций.

	Pen. 1	Pen. 2	Pen. 3	Pen. 4	Pen. 5	Pen. 6	Pen. 7	Pen. 8	Pen. 9	Pen. 10	Pen. 11	Pen. 12	Pen. 13	Pen. 14	Pen. 15	Pen. 16	Pen. 17	Pen. 18	Pen. 19	Pen. 20
Pen. 1	-	-																		
Pen. 2	2,142	-																		
Pen. 3	1,952	1,686	-																	
Pen. 4	1,522	1,972	1,764	-																
Pen. 5	1,709	1,956	1,727	1,553	-															
Pen. 6	1,714	1,755	1,667	1,638	1,464	-														
Pen. 7	2,557	2,236	1,976	2,397	2,303	2,127	-													
Pen. 8	1,795	1,927	1,704	1,777	2,012	1,935	2,119	-												
Pen. 9	2,108	2,164	1,834	2,070	1,860	1,890	1,727	2,250	-											
Pen. 10	2,374	2,116	1,686	2,089	1,856	1,755	2,012	2,078	1,923	-										
Pen. 11	1,773	2,051	2,008	1,782	1,834	1,517	2,160	2,127	2,146	2,089	-									
Pen. 12	2,462	1,964	2,131	2,384	2,225	1,980	1,791	2,051	1,852	1,956	2,047	-								
Pen. 13	1,944	2,299	2,131	1,894	2,016	2,020	2,024	2,157	1,690	2,020	2,024	1,927	-							
Pen. 14	2,984	2,417	2,327	2,803	2,658	2,309	1,363	2,462	2,112	2,197	2,394	2,035	2,327	-						
Pen. 15	2,285	2,070	1,628	1,915	1,741	1,799	1,856	2,047	1,931	1,380	1,864	1,873	1,996	2,204	-					
Pen. 16	2,449	2,320	1,984	2,316	2,078	2,035	1,755	2,020	2,031	1,864	2,168	1,782	2,153	1,940	1,786	-				
Pen. 17	2,576	2,440	2,160	2,254	2,303	2,347	1,604	2,043	1,960	1,931	2,309	1,976	1,553	1,931	1,695	2,070	-			
Pen. 18	1,948	1,834	1,714	1,864	1,768	1,594	1,750	1,911	1,657	1,886	1,695	1,795	1,667	1,927	1,543	1,972	1,839	-		
Pen. 19	2,963	2,443	2,327	2,763	2,529	2,268	1,228	2,364	2,127	2,101	2,243	1,759	2,250	1,425	1,968	1,915	1,695	1,302	-	
Pen. 20	2,631	2,472	2,204	2,443	2,146	2,089	1,681	2,299	1,935	1,881	2,031	1,690	1,911	1,599	1,839	1,834	1,952	1,397	1,750	-

Рисунок 1. Индекс дистанции между репрезентациями «Тувинский язык»
 Figure 1. The index of distance between representations of the field “Tuvan language”

Прим.: В первом столбике и в первой строке матрицы приведены репрезентации языка. Номер репрезентации соответствует номеру в списке репрезентаций (см. таб. 1). Значимые дистанции выделены полужирным шрифтом.

В таблице 9 приведены все пары репрезентаций поля «Тувинский язык», индекс дистанции между которыми не превышает значения 1,5. При построении графика для визуализации структуры репрезентаций поля «Тувинский язык» учитывались данные репрезентации.

Таблица 9. Значимые индексы дистанции между репрезентациями поля «Тувинский язык»
 Table 9. Significant distance indices between representations of the field “Tuvan Language”

Репрезентации	7-19	18-19	10-15	7-14	18-20	14-19	5-6
Индекс	1,228	1,302	1,380	1,363	1,397	1,425	1,464

В поле репрезентаций «Тувинский язык» только в семи парах репрезентаций отмечены тесные связи, означающие близость их позиции в когнитивной структуре. Незначительное количество пар репрезентаций с низкими показателями дистанции также говорит о слабой структурированности данного поля репрезентаций.

Б. Тувинская культура

Перейдем к индексам дистанции поля «Тувинская культура». Матрица показателей индекса дистанции по всем когнемам поля «Тувинский культура» приведена на рисунке 2.

	Pen. 1	Pen. 2	Pen. 3	Pen. 4	Pen. 5	Pen. 6	Pen. 7	Pen. 8	Pen. 9	Pen. 10	Pen. 11	Pen. 12	Pen. 13	Pen. 14	Pen. 15	Pen. 16	Pen. 17	Pen. 18	Pen. 19	Pen. 20
Pen. 1	-	-																		
Pen. 2	2,550	-																		
Pen. 3	1,997	3,093	-																	
Pen. 4	1,658	2,291	1,620	-																
Pen. 5	2,003	2,125	2,438	1,867	-															
Pen. 6	1,965	2,000	2,220	1,599	2,214	-														
Pen. 7	1,491	2,048	2,092	1,590	1,983	1,675	-													
Pen. 8	1,791	2,880	1,700	1,760	2,108	2,342	1,954	-												
Pen. 9	2,452	1,328	3,055	2,264	2,095	1,867	2,003	2,784	-											
Pen. 10	1,958	1,915	2,058	1,424	1,976	1,434	1,572	2,111	1,799	-										
Pen. 11	1,863	2,427	2,111	1,810	1,976	1,944	1,841	2,024	2,424	1,986	-									
Pen. 12	1,976	2,227	1,871	1,477	2,315	1,568	1,882	2,021	2,285	1,620	1,926	-								
Pen. 13	1,954	2,836	1,624	1,349	2,115	2,138	1,990	1,772	2,853	1,897	1,860	1,683	-							
Pen. 14	1,776	2,144	1,886	1,339	1,944	1,586	1,646	1,803	2,048	1,586	1,814	1,462	1,599	-						
Pen. 15	1,848	1,740	2,342	1,675	1,940	1,546	1,518	2,151	1,776	1,312	1,810	1,687	2,024	1,550	-					
Pen. 16	1,848	1,691	2,282	1,481	1,783	1,424	1,384	2,078	1,586	1,374	1,810	1,629	1,969	1,458	1,269	-				
Pen. 17	1,826	2,598	1,687	1,404	1,904	1,841	1,772	1,768	2,430	1,624	1,772	1,687	1,339	1,448	1,871	1,633	-			
Pen. 18	2,078	2,118	2,478	1,822	2,167	1,760	1,961	2,398	2,147	1,620	2,078	2,014	2,000	1,708	1,568	1,612	1,875	-		
Pen. 19	2,297	1,546	2,796	2,021	2,183	1,633	1,803	2,648	1,369	1,675	2,261	2,038	2,469	1,882	1,555	1,354	2,224	1,904	-	
Pen. 20	1,768	2,674	1,908	1,822	2,267	2,144	1,687	2,055	2,598	1,822	2,017	2,048	1,886	1,841	1,768	1,837	1,712	2,000	2,348	-

Рисунок 2. Индекс дистанции между репрезентациями «Тувинская культура»

Figure 2. The index of distance between representations of the field “Tuvan culture”

Прим.: В первом столбике и в первой строке матрицы приведены репрезентации языка. Номер репрезентации соответствует номеру в списке репрезентаций (см. таб. 2). Значимые дистанции выделены полужирным шрифтом.

В таблице 10 приведены пары репрезентаций поля «Тувинская культура» индекс дистанции, между которыми не превышает 1,5.

Таблица 10. Значимые индексы дистанции между репрезентациями поля «Тувинская культура»
Table 10. Significant indices of the distance between representations of the field “Tuvan Culture”

Репрезентация	15-16	10-15	2-9	4-14	13-17	4-13	16-19	9-19	10-16	7-16
Показатель	1,27	1,312	1,328	1,339	1,339	1,349	1,354	1,369	1,374	1,384
Репрезентация	4-17	4-10	6-10	14-17	14-16	4-12	12-14	4-16	1-7	
Показатель	1,404	1,424	1,434	1,448	1,458	1,477	1,462	1,481	1,491	

В отличие от поля репрезентаций «Тувинский язык» поле репрезентаций «Тувинская культура» очень хорошо структурировано: у девятнадцати пар репрезентаций индекс дистанции менее 1,5.

Перейдем к четвертому этапу исследования, который соответствовал построению модели структуры репрезентаций «Тувинский язык» и «Тувинская культура».

Модель структуры репрезентаций «Тувинский язык» и «Тувинская культура»: совмещение трех индексов

На рисунке 3 представлена графическая модель структуры репрезентаций, совмещающая индексы оценки, дисперсии оценки и дистанции для поля репрезентаций «Тувинский язык».

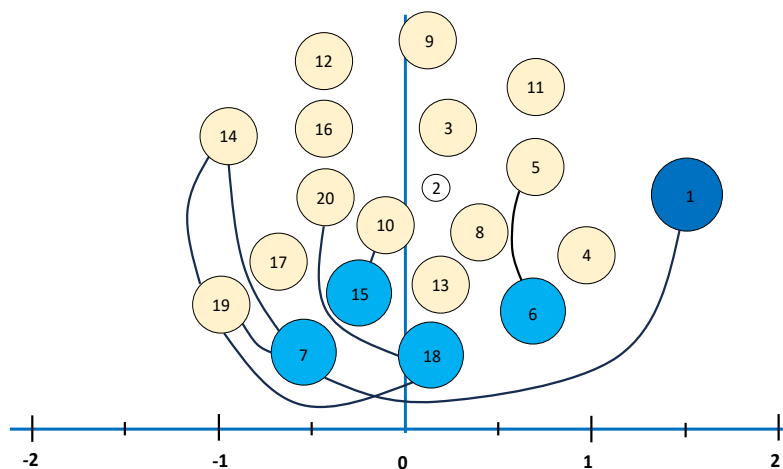

Рисунок 3. Графическая модель структуры репрезентаций поля «Тувинский язык»
 Figure 3. Graphical model of the structure of representations of the field "Tuvan Language"

Прим.: Ось X — показатели индекса оценки от -2 до +2; темно-синий круг — условно высокий уровень консенсуса II ($0,5 \leq x < 1$); голубой круг — средний уровень консенсуса III ($1 \leq x < 1,2$); кремовый круг — условно низкий уровень консенсуса (IV, $1,2 \leq x < 1,5$); белый круг — низкий показатель консенсуса (V, $1,5 \leq x \leq 2$); репрезентации с индексом дистанции меньше 1,5 соединены линиями.

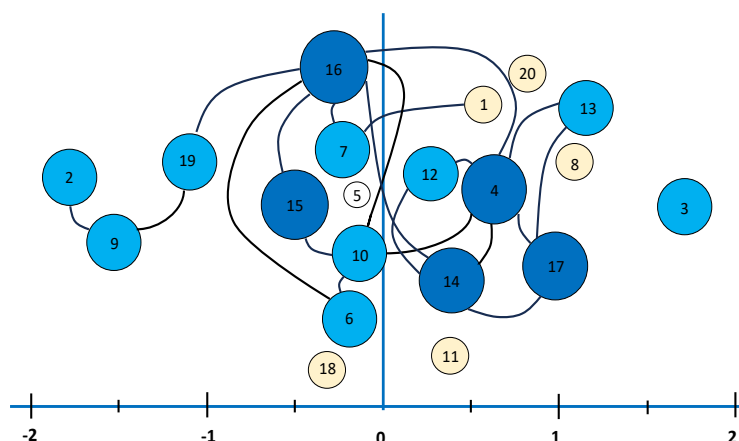

Рисунок 4. Графическая модель структуры репрезентация поля «Тувинская культура»
 Figure 4. Graphical model of the structure of the representation of the field "Tuvan culture".

Прим.: Ось X — показатели индекса оценки от -2 до +2; темно-синий круг — условно высокий уровень консенсуса II ($0,5 \leq x < 1$); голубой круг — средний уровень консенсуса III ($1 \leq x < 1,2$); кремовый круг — условно низкий уровень консенсуса (IV, $1,2 \leq x < 1,5$); белый круг — низкий показатель консенсуса (V, $1,5 \leq x \leq 2$); репрезентации с индексом дистанции меньше 1,5 соединены линиями.

На рисунке 3 единственной рабочей осью является X. Ось ординат Y не использовалась при построении графика. По горизонтали (ось абсцисс X) расположены репрезентации тувинского языка по индексу оценки в интервале от -2 до +2. Показатели индекса консенсуса представлены при помощи размера и цвета круга: одна репрезентация (1) с условно высоким показателем консенсуса (II, $0,5 \leq x < 1$) изображена в круге темно-синего цвета с наибольшим диаметром; четыре когнемы (6, 8, 15, 18) со средним индексом консенсуса (III, $1 \leq x < 1,2$) изображены при помощи голубых кругов меньшего диаметра; когнемы с условно низкими (IV, $1,2 \leq x < 1,5$) показателем консенсуса представлены кругами кремового цвета; когнема 2 с низким показателем консенсуса (V, $1,5 \leq x \leq 2$) представлена в маленьком круге белого цвета.

На *рисунке 4* представлена графическая модель структуры репрезентаций поля «Тувинская культура».

При построении модели структуры репрезентаций тувинской культуры были использованы те же принципы и условные обозначения, что и построении модели структуры репрезентаций тувинского языка на *рисунке 3*.

Обсуждение результатов

На пятом этапе исследования была проделана работа по анализу и интерпретации полученных результатов. При описании организации структуры репрезентаций мы предлагаем учитывать как качественные, так и количественные параметры.

Относительно количественных параметров структуры репрезентаций представляется важным обсудить следующие вопросы:

1. Где преимущественно группируются репрезентации относительно 0 на оси абсцисс: симметрично по центру, со сдвигом вправо или влево;
2. Есть ли существенные выбросы той или иной репрезентации влево или вправо (экстремально высокие или низкие индексы оценки);
3. Какое количество связей (индекс дистанции $< 1,5$) имеется между репрезентациями;
4. Есть ли репрезентации, связанные сразу с несколькими другими репрезентациями и образующие пучки репрезентаций (индекс дистанции $< 1,5$).

Обсуждение качественных параметров предполагает рассмотрение следующих вопросов:

1. Какой тип семантических отношений преобладает в структуре репрезентаций: гипонимия или синонимия (метафорический перенос);
2. Категории какого уровня (высокого, среднего или низкого) (Rosch, 1978) преимущественно выбираются респондентами в качестве репрезентаций;
3. Какой тип репрезентаций является преобладающим: объективный / субъективный, аффективный / эвалюативный, аксиологический / неаксиологический (Kerbrat-Orecchioni 2006).

Тувинский язык. Репрезентации поля «Тувинский язык» группируются по центру графика (*рис. 3*) с небольшим сдвигом вправо от нулевого показателя по индексу оценки. Подавляющее большинство (семнадцать репрезентаций) лежит в интервале от $-0,6$ до $+0,7$, что, в целом, говорит о равно положительном восприятии данных репрезентаций. О равно положительном отношении также свидетельствует факт относительно высоких индексов дисперсии для основной массы репрезентаций ($1,2 \leq x < 1,5$), что говорит о разнообразии оценок когнем поля «Тувинский язык» среди респондентов. Однако это не экстремальные индексы дисперсии, следовательно, в обществе нет поляризации мнений.

В структуре репрезентаций тувинского языка только одна коггема 1 («Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений») имеет высокий индекс оценки (1,476). Эта же репрезентация обладает самым низким индексом дисперсии (0,96), что позволяет считать ее центральным ядром системы репрезентаций. Вместе с тем, у нее нет значимых связей с другими коггемами поля, что говорит о ее атомарности. У данной репрезентации показатели индекса дистанции имеют средние значения от 1,522 (1–4 «Отражение нашей самобытной культуры») до 2,984 (1–14 «Инструмент для общения между разными людьми»), что примерно соответствует индексам по всем другим парам репрезентаций матрицы. Таким образом, будучи центральным ядром представлений о языке, репрезентация 1 не является организующей и управляющей ядерной репрезентацией. Можно предположить, что безусловный выбор респондентами и высокая оценка данной репрезентации обусловлены ее максимально широкой и глубокой семантикой: в ней фокусируются все основные смыслы, связанные с понимаем языка и которые были выявлены в текстах эссе.

Перейдем к семантическому анализу графика структуры репрезентаций тувинского языка (*рис. 3*). Отношение к тувинскому языку абсолютно и безусловно положительное: в первую очередь это близкий и родной язык, язык, которым дорожат и который любят. Вместе с тем, относительно 0 по оси абсцисс формируются два достаточно определенных подмножества репрезентаций: справа от нуля (положительная область) репрезентации более аффективны и субъективны, слева (отрицательная

область) — более рациональны и объективны. Если анализировать атрибутивные конструкции репрезентаций, то в правой части графика язык характеризуется как уникальный (8), красивый (9) и богатый (18), а в левой — как современный (7) и трудный (19).

В правую часть графика попадает объективная характеристика тувинского языка как государственного (11), которая, как показало исследование, является важной для респондентов. Но и в этой репрезентации есть сема субъективно-аффективной оценки: статус государственного языка способствует созданию престижа языка, в том числе росту чувства гордости за свой язык (репрезентация 13).

С тувинским языком связано не только чувство гордости, но и уважение (3), поскольку, он выступает в функции создания и поддержки социальных связей как в синхронии, так и в диахронии. Не случайно в правую часть графика попадает репрезентация 2 («Связь между прошлым и будущим»), определяющая функцию языка как двунаправленную связь общества с прошлым и будущим. Центральная репрезентация 1 также постулирует идею связи прошлого с настоящим.

Важной репрезентацией, объективно характеризующей качество самого языка, является репрезентация 6 — «Тувинская фарингализация»¹. Не менее важен контент, который передает язык (репрезентация 5), связанный с трансляцией культурного наследия. Интересно, что в правой части графика присутствует только одна связь между когнемами и это репрезентации 5 и 6.

В правую часть поля ожидаемо вошла когнема 4 («Отражение нашей самобытной культуры»). Причем она занимает вторую позицию по индексу оценки (0,688). Это еще раз говорит о высоком уровне связи, фактически единстве языка и культуры. Напомним, что в поле тувинской культуры на первую позицию выходит тувинский язык.

Слева от нуля формируется второе подмножество репрезентаций языка, для которого характерна большая рациональность оценок и метафор. Атрибутами языка в левой части графика выступают два оценочных, но не аффективных прилагательных «трудный» (19) и «современный» (7).

В левую область вошли все репрезентации, связанные с коммуникативной функцией языка, вне зависимости от того передается информационный или эмоциональный контент: 12 («Он выражает любое состояние души: боль, скорбь, радость, разочарование») и 14 («Инструмент для общения между разными людьми»). Исследование показывает, что символические функции тувинского языка в поле русскоязычной концептуализации оказываются все-таки более значимыми, чем коммуникативные. Важно, что сдвиг в сторону увеличения значения символических функций произошел не только на уровне языковых практик, но на когнитивном уровне репрезентаций языка. Если вернуться к классическому термину психологии, то речь идет о сдвиге в структуре социальных представлений². А это значит, что меры по поддержке языка, направленные только на языковые практики не будут эффективны.

Далее, в левой части графика ясно очерчивается блок, состоящий из репрезентаций метафорической природы 10 («Связь между предками, связь с моими корнями»), 15 («Отражение традиций и обычаев нашей Родины») и 17 («Вся история моего народа»). Данный блок семантически близок к репрезентации 1, 2 и 4 из правой части графика, но когнемы правой части более абстрактны и семантически емки по сравнению с когнемами левой части. Можно предположить, что именно по этой причине они были оценены более высоко.

Особняком стоит репрезентация 16 («Влияние монгольского языка — главное отличие от других тюркских языков»). Из двух предложенных характеристик собственно языковой структуры (репрезентации 6 и 16) респондентам оказалась ближе «тувинская фарингализация» (6).

Элементы структуры репрезентаций языка связаны слабо. Всего в исследованном поле имеется шесть связей с индексом дистанции меньше 1,5. Четыре из них находятся в левой части графика, одна связывает левую и правую части, одна расположена в правой части. Структура поля атомарна, хотя в ней и имеются три узла связей 7–14 / 7–19 / 7–1; 19–14 / 19–7 / 19–18; 14–19 / 14–7. Связанными

¹ Об особенностях тувинской и тюркской фарингализации см., напр.: Бичелдей, 2001; Фарингализация как ..., 2014.

² Динамике социальных представлений, к которым относятся и репрезентации языка, посвящено большое количество научных публикаций см., напр.: Guimelli, 1988; Abric, 1994; Flament, 1997.

оказываются понятия тувинского языка как инструмента общения, как современного, трудного и богатого языка. Это достаточно интересный результат: возможно идет формирование новых смыслов и нового понимания тувинского языка как языка современного типа с первенством коммуникативной функции. Стоит обратить внимание, что этот язык «трудный»¹, а значит он уже не усваивается спонтанно и его нужно учить. Но пока безусловно более значимо понимание тувинского языка как родного в символической и аффективной функции (правая часть графика).

Тувинская культура. Структура репрезентаций тувинской культуры (рис. 4) является высоко организованной и этим существенно отличается от структуры представлений о тувинском языке. Во-первых, в данной структуре есть безусловное центральное ядро и антиядро на дальней периферии (на графике это занятые крайние левые и правые позиции). Во-вторых, центральная группа репрезентаций формирует два четких подмножества в положительной (справа от нуля) и отрицательной (слева от нуля) областях по оси абсцисс. В-третьих, в каждой из этих областей есть свои организующие центры ядерных периферийных репрезентаций. И, наконец, в-четвертых, в структуре репрезентаций тувинской культуры большое количество связей с низким индексом дистанции между элементами, фактически, все элементы оказываются так или иначе связаны друг с другом.

Таким образом, поле «Тувинская культура» представляет собой эталонный пример высоко организованной структуры репрезентаций. В то время как поле «Тувинский язык» является скорее слабо организованной атомарной структурой.

В структуре репрезентаций «Тувинская культура» наблюдается очевидный сдвиг в правую область, что говорит о преобладании более высоких оценок когнем. Если не учитывать выбросы влево (2, 9, 19) и вправо (3), то репрезентации левой части графической модели расположены в интервале от $-0,47$ (15) до $-0,10$ (7), а правой части от $+0,03$ (10) до $1,08$ (13). При этом справа и слева от нуля количество репрезентаций одинокого и равно десяти.

В поле «Тувинская культура» наибольшую оценку ($+1,64$) получила репрезентация 3 («Родной тувинский язык»). У нее также достаточно высокий индекс консенсуса (1). Это делает ее безусловной центральной ядерной репрезентацией. Как и центральная ядерная репрезентация поля «Тувинский язык» (1), так и репрезентация 3 поля «Тувинская культура» не имеет связей с другими репрезентациями в структуре. Однако индексы дистанции между данной (3) и другими репрезентациями поля «Тувинская культура» показывают, что отсутствие связей в этом случае имеет иную природу и значение. У репрезентации 3 наиболее высокие показатели индекса дистанции между ней и другими когнемами (рис. 2), а это говорит о том, что она занимает особое место в структуре. В нашей статье 2022 г. показано, насколько это значимая репрезентация (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 177), здесь же мы не будем останавливаться на этом подробно.

Выбросы в левой части графической модели структуры репрезентаций поля «Тувинская культура» (рис. 4), а это когнемы 2 («Тувинские песни (теректер, ынакишыл-дыр ол)»), 9 («Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»»), 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»), формируют четко очерченный семантический блок, в который вошли репрезентации, связанные с использованием традиционных форм культуры в современных условиях. Их периферийную позицию в левой части графика можно интерпретировать двояко: возможно, что это незначимые репрезентации, но возможно, и мы склоняемся к этой точки зрения, это важные репрезентации, которые не вписываются в стереотипное понимание культуры, которая должна быть традиционно «народной» в значении близком к фольклорной. Так, например, по нашим исследованиям в поле русской культуры не входят репрезентации, связанные с научными достижениями, техническими свершениями, историческими событиями и спортивными победами (Москвичева, Александрова, Бруффардс, 2023).

При определенном стечении обстоятельств репрезентации, связанные с модернизированными формами культуры (2, 9, 19 или их аналоги) потенциально, как было сказано выше, могут модифицировать смыслы поля «Культура» или же стать ядром нового поля репрезентаций.

Структура репрезентаций поля «Тувинская культура» хорошо организована: всего в поле «Тувинская культура» насчитывается девятнадцать связей с низким индексом дистанции между репрезента-

¹ Репрезентация о тувинском языке как «трудном» присутствовала в эссе, полученных на первом этапе исследования. Ее место в структуре репрезентаций определялось на основании оценок респондентов по общей для всех репрезентаций процедуре. Представление о родном языке как «трудном» требует отдельного исследования.

циями, шестнадцать из которых связывают когнемы центральной части, одна связывает центральную часть и левую периферию, две связи отмечены в левой периферии (рис. 4).

И в левой, и в правой области центральной части есть ядерные репрезентации, формирующие кластеры репрезентаций. Для левой части это когнема 16 («Национальная игра тевек»), для правой части — это когнема 4 («Национальный вид спорта хуреш»). Отметим, что обе репрезентации связаны с физической активностью, игрой, спортом, следовательно, обладают высоким социальным потенциалом объединения через развлечения. Исследуя поле «Тувинская культура» в статье 2022 г., авторы сосредоточили внимание на анализе ядра поля и уделили недостаточно внимания исследованию роли и функций его периферий, что привело к следующему выводу:

«Национальная игра тевек» расположена в зоне неопределённости поля тувинской культуры. Вместе с тем она известна тувинцам, есть целые сообщества любителей этой игры, на различных ресурсах можно найти массу информации как о самой игре, так и игроках. Игра тевек, безусловно, является значимым элементом культуры, но едва ли данная культура может стать центральным элементом этнической или культурной идентичности или действенным мобилизационным ресурсом при проведении кампаний по сохранению и ревитализации тувинской культуры и языка. Культуры же ядра и частично центральной зоны эти функции выполнять могут» (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 179).

Однако сомнения относительно правильности такого вывода остались, поскольку интуитивно чувствовалось, что это важная составляющая тувинской культуры. Да, формально репрезентация-культура находится в зоне неопределённости (отрицательные значения индекса оценки и высокие показатели индекса консенсуса). Но важно не только место когнемы, но и ее связи. Именно поэтому было решено усовершенствовать методологию исследования и ввести индекс дистанции между репрезентациями. Новый подход, в котором в центре проблематики стоит не выявление иерархической структуры поля, а выявление и анализ горизонтальных связей, показал, что сомнения были не напрасны.

В структуре репрезентаций полей «Тувинский язык» и «Тувинская культура» имеются различия в области распределения по индексу консенсуса. Большинство репрезентаций поля «Тувинский язык» попадают в IV группу с условно низкими показателями уровня согласия в обществе ($1,2 \leq x < 1,5$). Репрезентации поля «Культура» в большинстве распределяются в группе II с высоким и в группе III средним индексом консенсуса (таб. 8). Это свидетельствует о большей флюидности и размытости границ между когнемами в поле «Язык» и определенном понимании и ясных границах между когнемами в поле «Культура».

Семантическая структура поля «Тувинская культура» также имеет ряд существенных отличий от структуры поля «Тувинский язык». Основным типом семантических отношений между репрезентациями в поле «Тувинская культура» является гипонимия. Подавляющее большинство когнем (16, 15, 10, 13, 17, 20, 4, 12, 14 и условно 11) — это согипонимы гиперонима культура, обозначающие ее конкретные формы. Вторую значимую и структурированную группу составляют репрезентации, которые можно назвать «Стереотипы поведения». Это репрезентации 1 («Почет и уважение к старшему поколению»), 7 («Гостеприимство и забота о близких»), 18 («Кочевой образ жизни и скотоводство»). В силу преобладания гипонимических связей поле культуры ближе к целому как совокупности totum, поскольку оно характеризуется через его составляющие, в то время как поле языка — как к целостности *отпе* и характеризуется через метафоры и атрибуты.

В правой центральной области графической модели структуры репрезентаций поля «Тувинская культура» выделяются три ядерных когнемы: 4 («Национальный вид спорта хуреш»), 14 («Национальные блюда»), 17 («Национальные праздники (Шагаа, Наадым)»). Все три репрезентации имеют высокий индекс согласия. Все три являются номинациями конкретных форм культуры, иными словами, номинируют конкретные референты, а в структуре их значения преобладает денотативный компонент. Из десяти репрезентаций правой части графика девять номинируют конкретные формы культуры, и одна — репрезентация 1 («Почет и уважение к старшему поколению») — стереотип поведения. Репрезентация 4 («Национальный вид спорта хуреш») связана с шестью другими и ее, как и репрезентации 4 и 17, можно считать ядерными.

В левой части графической модели структуры репрезентаций ядерной репрезентацией является когнема 16 («Национальная игра тевек»), которая связана с семью другими репрезентациями (19, 15, 6, 7, 10, 4) и таким образом формирует кластер репрезентаций. Значимым видится то, что левая и правая область графика связаны.

В правой и левой частях графической модели практически все когнемы оказываются связанными друг с другом, что говорит о высокой структурированности поля культуры. Изолированными в правой части графика являются когнемы 8 («Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное отношение к ней»), 20 («Традиции, передающиеся из поколения к поколению») и 11 («Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)'). В левой части изолированными оказываются когнемы 5 («Тува — центр Азии») и 18 («Кочевой образ жизни и скотоводство»). По всем изолированным когнемам наблюдается высокий уровень разброса мнений. Важно, что у когнем 18 и 5 и 11 при высоком разбросе мнений (ИК 1,35, 1,52 и 1,40 соответственно) показатели индекса оценки расположены недалеко от 0. Это говорит о сильном колебании оценки: для части респондентов это очень важные репрезентации, оцененные ближе к +2, для другой части наоборот. Репрезентации с такими показателями находятся в состоянии динамики, которая может привести или к потере их значимости для общества или же, наоборот, к ее росту. Ответ на данный вопрос могут дать исследовательские интервью.

Заключение

Применение методики многоуровневого комплексного анализа к исследованию структуры репрезентаций полей «Тувинская культура» и «Тувинский язык» у молодого поколения тувинцев выявило значительные различия в их организации как в количественном, так и в качественном аспектах. Прежде всего это касается типа структур. Для поля репрезентаций, связанных с культурой, характерен жесткий, упорядоченный тип структуры, в котором четко выделяется левый (дальняя периферия), правый (центральное ядро) фланги и центр. Репрезентации центральной части, в свою очередь, организованы в кластеры вокруг нескольких ядерных репрезентаций. Абсолютное большинство элементов структуры связаны друг с другом. Также связаны левая (отрицательная) и правая (положительная) части структуры. Структура поля «Тувинский язык» предстает как атомарная. При безусловно положительной оценке языка, о чем свидетельствует общий сдвиг всей структуры вправо, практически отсутствуют связи между элементами. Правая область представлена одной репрезентацией, левая периферия оказывается незанятой.

При оценке структуры репрезентаций важную роль играет его центральная часть. Именно она является гарантом пластичности системы и степени ее обращенности к индивидам. Ядро структуры (правая область на графической модели структуры репрезентаций) задает смыслы и общую ценностную ориентацию, но именно центральные репрезентации обеспечивают включенность носителей языка и/или культуры и делают возможным присвоение ее элементов. Развитый и хорошо организованный центр поля «Тувинская культура» свидетельствует о ее востребованности у носителей и делают эффективными меры по ее поддержке.

Представления о языке и культуре молодого поколения тувинцев по-разному концептуализируются с точки зрения семантической организации поля. Для тувинской культуры характерен гипонимический тип связи, доминирование репрезентаций с преобладанием денотативного компонента в значении, а также явное их распределение по двум основным кластерам: формы культуры и стереотипы поведения, где формы культуры оказываются более значимыми. Среди репрезентаций практически отсутствуют оценочные. Репрезентации языка преимущественно представляют собой атрибутивные или метафорические оценочные конструкции. В их семантике преобладает сигнификативный компонент, а наиболее абстрактная репрезентация является центральным ядром. Таким образом, можно утверждать, что поле тувинской культуры организовано как совокупность *totum*, а поле языка как целостность *omne*. Преобладание аффективных оценок в поле «Тувинский язык» косвенно свидетельствует о процессах языкового сдвига и росте символической функции языка. Поле культуры по преимуществу остается инструментальным и функциональным.

Анализ структур репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира, как представляется, обоснованно подтверждает важное наблюдение о соотношении и функциональном распределении этих понятий. Основной функцией языка является связь поколений. Иными словами, язык выстраивает и сохраняет вертикальные диахронические связи. Основной функцией культуры является связь общества, то есть горизонтальные синхронические связи. Таким образом, язык обеспечивает сохранность общности как народа (этноса), а культура — как социума. Это заключение нуждается в дальнейшей проверке и обсуждении. В первую очередь, необходимо провести аналогичный анализ структур репрезентаций языка и культуры, как они концептуализируются

и понимаются, в тувиноязычной картине мира молодых тувинцев. Без сопоставления и сравнительного анализа двух картин мира любые выводы по структуре репрезентаций билингвов не могут быть полными. Как представляется, это продуктивный путь размышлений.

Благодарности

Авторы статьи выражают свою искреннюю признательность и благодарность к. т. н. Е. Б. Фунтову за помощь в разработке и использовании математического аппарата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтикиреева, У. М. (2016) О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2 (50). С. 76–80.

Бичелдей, К. А. (2001) Фарингализация в тувинском языке. М. : РУДН. 290 с.

Боргоякова, Т. Г., Покоякова, К. А. (2022) Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Глухова, Н. Н., Глухов, В. А. (2009) Системы ценностей финно-угорского суперэтноса. Йошкар-Ола : ООО «Стринг». 275 с.

Дырхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Москвичева, С. А., Вио, А., Замалетдинов, Р. Р. (2023) Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. Т. 27 (3). С. 689–715. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Бруффартс, Н. С. (2023) Концептуализация представлений о русской культуре и культуре России в русском языке // Русистика. Т. 21. № 4. С. 440–456. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-440-456>

Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири) (2014) / И. Я. Селюгина, Н. С. Уртегешев, Т. Р. Рыжикова, И. Д. Дамбыра, С. В. Кечил-оол; отв. ред. Н. Н. Широбокова. Новосибирск : Омега Принт. 312 с.

Abric, J.-C. (1994) Pratiques sociales et représentations. Paris : PUF. 303 с.

Aracil, L. V. (1976) Conflit linguistique et normalisation linguistique dans l'Europe moderne. Cahiers de l'IRSCE : Série A. Études et documents de sociolinguistique (Tom 1). Perpignan : Centre Universitaire de Perpignan. 19 p.

Blanchet, P. (2016) Discriminations : combattre la glottophobie. Paris : Textuel. 191 p.

Boudreau, A. (2016) À l'ombre de la langue légitime. L'Acadie dans la francophonie. Paris : Classiques Garnier. 297 p.

Boyer, H. (ed.) (2010) Pour une épistémologie de la sociolinguistique: actes du colloque international de Montpellier, 10–12 décembre 2009. Limoges : Lambert-Lucas. 427 p.

Boyer, H. (2012) Singularité(s) de la sociolinguistique du domaine catalan. Un repérage épistémologique // Histoire. Épistémologie. Langage. Vol. 34. P. 29–41.

Colonna, R. (ed.). (2014) Les locuteurs et les langues : pouvoirs, non-pouvoirs et contre-pouvoirs, Limoges : Lambert-Lucas. 376 p.

Costa, J. (2017) Faut-il se débarrasser des "idéologies linguistiques"? // Langage & Société. № 160–161. P. 111–127.

Flament, C. (1997) Structure, dynamique et transformation des représentations sociales // Jodelet, D. (ed.) Les représentations sociales. 5ème édition. Paris : PUF. 449 p. P. 224–239.

Guimelli, C. (1994) Pratiques nouvelles, transformation des représentations sociales et Schèmes Cognitifs de Base // Guimelli, C. (ed). Structures et transformations des représentations sociales. Paris : Delachaux et Niestlé. 266 p. P. 171–198.

Jodelet, D. (1989) Les représentations sociales. Paris : P.U.F. 424 p.

Kerbrat-Orecchioni, C. (2006) L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris : Armin Colin. 272 p.

Maurer, B. (2011) Méthodologie d'enquête pour une représentation graphique des composants de la représentation sociale d'une langue // Blanchet, P. et Chardenet, P. (eds.) Guide de recherche en didactique des langues et des cultures : une approche contextualisée. Paris : Édition des archives contemporaines. 523 p. P. 179–192.

Maurer, B., Desrousseaux, P.-A. (2013) Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête. Paris : Édition des archives contemporaines. 124 p.

Matthey, M. (dir.). (1997) Les Langues et leurs images, Neuchâtel : IRDP. 132 p.

Moliner, P., Rateau, P., Cohen-Scali, V. (2002) Les représentations sociales. Pratique des études de terrain. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 230 p.

Rosch, E. (1978) Principles of Categorization // Rosch, E., Lloyd, B. (eds.). Cognition and Categorization. Hilldale, New Jersey : Lawrence Erlbaum. 340 p. P. 27–48.

Strauss, A., Corbin, J. (1998) Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. 2nd ed. SAGE Publication. 312 p.

Urdapilleta, D. L., Lo Monaco, G. (2015) Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // Quality & Quantity. Vol. 49(2). P. 489–507.

Vallverdú, F. (1977) La normalització del catalán modern // Treballs de sociolingüística catalana. № 1. P. 147–155.

Viaut, A. (2010) La notion de besoin linguistique et les langues minoritaires // Darbon, D., Otayek, R., Sadran, P. Altérité et identité, itinéraires croisés. Mélanges offerts à Christian Coulon. Bruxelles : Bruylant. 418 p. P. 401–416.

Дата поступления: 28.05.2024 г.

Дата принятия: 22.06.2024 г.

REFERENCES

Bakhtikireeva, U. M. (2016) About translanguaging and transculturation through the prism of a single linguistic biography. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, no. 2 (50), pp. 76–80. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2001) *Pharyngalization in the Tuvan language*. Moscow, RUDN. 290 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Pokoiakova, K. A. (2022) Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in Southern Siberia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–64 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Glukhova, N. N. and Glukhov, V. A. (2009) *The value systems of the Finno-Ugric superethnos*. Ioshkar-Ola, OOO «String». 275 p. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Kaplunova, M. Ya. (2022) Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Moskvicheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Moskvicheva, S. A., Vio, A. and Zamaletdinov, R. R. (2023) Language representations and language attitudes in the Mishar dialect continuum. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27 (3), pp. 689–715. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Moskvicheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Bruffarts, N. S. (2023) Conceptualization of ideas about Russian culture and the culture of Russia in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 21, no. 4, pp. 440–456. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-440-456>

Pharyngalization as a typological feature of phonological systems (based on the material of the Turkic languages of Southern Siberia) (2014) / I. Ya. Seliutina, N. S. Urtegeshev, T. R. Ryzhikova, I. D. Dambyra, S. V. Kechil-ool; ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk, Omega Print. 312 p. (In Russ.).

Abric, J.-C. (1994) *Pratiques sociales et représentations*. Paris, PUF. 303 p.

Aracil, L. V. (1976) *Conflit linguistique et normalisation linguistique dans l'Europe moderne. Cahiers de l'IRSCÉ : Série A. Études et documents de sociolinguistique* (Tom 1). Perpignan, Centre Universitaire de Perpignan. 19 p.

Blanchet, P. (2016) *Discriminations: combattre la glottophobie*. Paris, Textuel. 191 p.

Boudreau, A. (2016) *À l'ombre de la langue légitime. L'Acadie dans la francophonie*. Paris, Classiques Garnier. 297 p.

Boyer, H. (ed.) (2010) *Pour une épistémologie de la sociolinguistique : actes du colloque international de Montpellier, 10–12 décembre 2009*. Limoges, Lambert-Lucas. 427 p.

Boyer, H. (2012) Singularité(s) de la sociolinguistique du domaine catalan. Un repérage épistémologique. *Histoire. Épistémologie. Langage*, vol. 34, pp. 29–41.

Colonna, R. (ed.) (2014) *Les locuteurs et les langues : pouvoirs, non-pouvoirs et contre-pouvoirs*. Lambert-Lucas. 376 p.

Costa, J. (2017) Faut-il se débarrasser des "idéologies linguistiques"? *Langage & Société*, no. 160–161, pp. 111–127.

Flament, C. (1997) Structure, dynamique et transformation des représentations sociales. In: Jodelet, D. (ed.) *Les représentations sociales*. 5ème édition. Paris, PUF. 449 p. Pp. 224–239.

Guimelli, C. (1994) Pratiques nouvelles, transformation des représentations sociales et Schèmes Cognitifs de Base. Dans: Guimelli, C. (ed) *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris, Delachaux et Niestlé. 266 p. Pp. 171–198.

Jodelet, D. (1989) *Les représentations sociales*. Paris, P.U.F. 424 p.

Kerbrat-Orecchioni, C. (2006) *L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage*. Paris, Armin Colin. 272 p.

Maurer, B. (2011) Méthodologie d'enquête pour une représentation graphique des composants de la représentation sociale d'une langue. Dans: Blanchet, P. et Chardenet, P. (eds.) *Guide de recherche en didactique des langues et des cultures : une approche contextualisée*. Paris, Édition des archives contemporaines. 523 p. Pp. 179–192.

Maurer, B. et Desrousseaux, P.-A. (2013) *Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête*. Paris, Édition des archives contemporaines. 124 p.

Matthey, M. (dir.) (1997) *Les Langues et leurs images*. Neuchâtel, IRDP. 132 p.

Moliner, P., Rateau, P. et Cohen-Scali, V. (2002) *Les représentations sociales. Pratique des études de terrain*. Rennes, Presses Universitaires de Rennes. 230 p.

Rosch, E. (1978) Principles of Categorization. In: Rosch, E. and Lloyd, B. (eds.) *Cognition and Categorization*. Hilldale, New Jersey, Lawrence Erlbaum. 340 p. Pp. 27–48.

Strauss, A. and Corbin, J. (1998) *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. 2nd ed. SAGE Publication. 312 p.

Urdapilleta, D. L. and Lo Monaco, G. (2015) Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods. *Quality & Quantity*, vol. 49(2), pp. 489–507.

Vallverdú, F. (1977) La normalització del catalán modern. *Treballs de sociolingüística catalana*, no. 1, pp. 147–155.

Viaut, A. (2010) La notion de besoin linguistique et les langues minoritaires. Dans: Darbon, D., Otayek, R. et Sadran, P. *Altérité et identité, itinéraires croisés. Mélanges offerts à Christian Coulon*. Bruxelles, Bruylant. 418 p. Pp. 401–416.

Submission date: 28.05.2024.

Acceptance date: 22.06.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.3.13

Статья

Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты

Вадим А. Безвербный, Николай Ю. Микрюков

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация,

Арсений М. Ситковский

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматриваются гендерные и пространственные аспекты межрегиональных образовательных миграций в России за период 2017–2019 годов. Особое внимание уделяется возрастным категориям 15–16 и 17–18 лет. Исследование выявляет тенденции привлекательности регионов для образовательных мигрантов, а также гендерные различия в выборе образовательного пути и последующей трудовой миграции.

Результаты исследования показывают, что многие российские регионы, включая центральную Россию, Ростовскую и Свердловскую области, а также Красноярский и Хабаровский края, привлекательны для образовательной миграции. В то же время, Республика Татарстан и Приморский край несмотря на значительные инвестиции в образовательную инфраструктуру, оказались менее привлекательными. Гендерный анализ выявил, что женская образовательная миграция тяготеет к крупнейшим агломерациям и западным регионам, в то время как мужская миграция часто связана с военным образованием и службой.

Отдельно отмечена ситуация в Республике Тыва, которая представляет собой уникальный кейс в контексте изучаемой тематики. В отличие от других регионов, где женская образовательная миграция часто является маловозвратной, в Тыве наблюдается значительный возврат женщин в возрастной группе 19–25 лет.

В статье предложен ряд рекомендаций для выравнивания гендерных дисбалансов, включая более равномерное распределение ресурсной ренты и инвестиции в диверсификацию экономики страны и регионов.

Ключевые слова: *гендерные исследования; региональная демография; межрегиональная миграция молодежи; образовательная миграция; пространственное развитие; Россия; регион России; Республика Тыва*

Для цитирования:

Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю., Ситковский А. М. Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 226–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13>

Безвербный Вадим Александрович — кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела геоурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: vadim_ispr@mail.ru

Микрюков Николай Юрьевич — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: esorog@mail.ru

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Эл. адрес: omnistat@yandex.ru

Inter-regional educational migrations in Russia in 2017–2019: gender and spatial aspects

Vadim A. Bezverbny, Nikolai Y. Mikryukov

*Institute for Demographic Research — branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,*

Arseniy M. Sitkovskiy

RUDN University, Russian Federation

The article explores the gender and spatial aspects of interregional educational migration in Russia between 2017 and 2019, with a particular focus on young people aged 15–16 and 17–18. The study uncovers trends in the appeal of different regions for educational migrants and identifies gender differences in the choice of educational pathway and subsequent labor mobility.

The results of the study indicate that many Russian regions, including central Russia, the Rostov and Sverdlovsk regions, the Krasnoyarsk Krai and the Khabarovsk Krai, are attractive for educational migration. However, the Republic of Tatarstan and Primorsky Krai, despite significant investment in educational infrastructure, were found to be less so. Gender analysis showed that women's educational migration tended to focus on the largest agglomerations and western regions, while men's migration was often linked to military education and service.

The situation in the Republic of Tuva stands out as a unique case within the context of this study. Unlike in other regions, where female educational migration often has a low return, in Tuva, there is a significant return of young women aged 19–25.

The article proposes several recommendations to address gender imbalances, such as a more equal distribution of resource revenues and investments in economic diversification at the national and regional levels.

Keywords: *gender studies; regional demography; interregional migration; youth migration; educational migration; spatial development; Russia; region of Russia; Republic of Tuva*

For citation:

Bezverbny V. A., Mikryukov N. Y. and Sitkovskiy A. M. Inter-regional educational migrations in Russia in 2017–2019: gender and spatial aspects. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 226–239 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13>

BEZVERBNY, Vadim Aleksandrovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head, Department of geo-urban studies and spatial demography, Institute for Demographic Research — branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: vadim_ispr@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5148-7072

MIKRYUKOV, Nikolay Yurievich, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, Department of geo-urban studies and spatial demography, Institute for Demographic Research — branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: ecoro@mail.ru

SITKOVSKIY, Arseniy Mikhailovich, Junior researcher, Research laboratory “Dynamics of languages in a minority situation”, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: omnistat@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8725-6580

Введение

Гендерные исследования являются сравнительно редким и достаточно сложным направлением в демографических исследованиях, что связано с необходимостью интерпретации полученных результатов с учетом психологических, поведенческих аспектов деятельности мужчин и женщин. Мало изучены гендерные вопросы образовательной миграции. Гендерные диспропорции, формирующиеся в детстве и в результате образовательной миграции, переходят затем в юные, далее — в зрелые возраста. Наличие серьезных гендерных диспропорций в молодых возрастах может приводить к снижению репродуктивного потенциала, а также к другим негативным социальным явлениям.

Важно не только выявить основные гендерные процессы в регионах России, выстроив их в единый хронологический ряд, но и попытаться выяснить причину происходящих явлений, а также предложить способы корректировки ситуации, упорядочивания процессов, переведения их в пропорциональное русло.

В рамках данного исследования под молодежью понимаются лица в возрасте от 15 до 24 лет, что соответствует определению, принятому в социологических исследованиях молодежи и отражает ключевой период формирования образовательных и профессиональных траекторий. Особое внимание уделяется анализу ситуации в Республике Тыва, которая представляет собой уникальный кейс, иллюстрирующий гендерные и пространственные аспекты межрегиональной миграции. Исследование стремится выявить тонкие механизмы, формирующие гендерные диспропорции, и предлагает стратегии для сбалансированного регионального развития.

Целью настоящего исследования является выявление гендерных особенностей в пространственном распределении молодежной образовательной миграции. Предметом исследования являются межрегиональные миграции детей и молодежи в российских регионах в 2017–2019 гг. Различается специфика пространственного распределения миграции для получения среднего специального образования в возрасте 15–16 лет и в возрасте 17–18 лет — для получения высшего. Для достижения поставленной цели авторский коллектив ставит перед собой следующие задачи: провести анализ научной литературы по гендерным исследованиям и межрегиональной миграции, чтобы определить текущее состояние знаний в данной области; разработать методологический подход для анализа межрегиональных образовательных миграций, включая выбор инструментов геоинформатики и критериев для сбора и обработки данных; исследовать гендерные особенности межрегиональной миграции в России среди молодежи 15–16 лет и 17–18 лет, учитывая образовательные и социальные факторы; оценить разницу в численности мужчин и женщин в регионах России в возрастной группе 18–19 лет и 20–24 года, проанализировать ее влияние на демографическую ситуацию; проанализировать уникальные гендерные и пространственные аспекты образовательных миграций в Республике Тыва, выявляя особенности и отличия от других регионов; сформулировать обобщающие выводы исследования, подчеркнуть новизну и практическую значимость полученных результатов для развития демографической науки и региональной политики.

В работе используются открытые данные Росстата по межрегиональной миграции по полу и возрасту с 2017 г. по 2019 г.¹, а также данные переписи населения по регионам за 2021 г.² Данный период характеризуется сравнительно стабильной ситуацией, с 2020 г. на миграции начали оказывать влияние дополнительные факторы, которые могут быть рассмотрены в последующих исследованиях.

В работе использовались методы анализа, сопоставления данных статистики, графический, картографический, районирования, генерализации, индукции, описания. В молодых возрастах в численности населения преобладают мужчины, поэтому закономерно мужское преобладание и в потоках миграции. Преобладание же в миграционных потоках женщин в молодых возрастах говорит о гендерных особенностях миграции, поэтому именно на женской миграции мы остановимся подробнее.

¹ 23320000100030200001 Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.06.2024).

² Таблица 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации / Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 05.06.2024).

Обзор научной литературы

Большое внимание вопросам гендерных исследований уделили в своих работах ученые-демографы: Л. Л. Рыбаковский (Рыбаковский, Мартыненко, 2012), С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, С. Ю. Сивоплясова, М. Н. Храмова (Рязанцев и др., 2018, 2019; Храмова, Рязанцев, 2021). В них говорится о тренде феминизации международной миграции, исследуются вопросы «брачной» эмиграции женщин из России. Вопросы гендерного развития регионов России освещала в своих исследованиях Н. В. Зубаревич¹.

Выделим некоторые исследования, посвященные миграциям именно молодежи, миграциям в молодых возрастах. В исследовании демографов НИУ Высшей школы экономики (Кашницкий, Мкртчян, Лешуков, 2016) рассматриваются миграции молодежи, особое внимание уделено образовательным миграциям, указывается, что многие регионы России оказываются привлекательными для получения образования. Международная и детская миграции в данном исследовании не рассматриваются, но выделен важный аспект миграций военнослужащих, который замечен по данным переписи населения. Остается актуальным для дальнейших исследований вопрос формирования гендерных диспропорций, в том числе с самого детства.

Более подробно гендерные особенности миграции в российских регионах освещены в последующих статьях учеными Н. В. Мкртчян (Мкртчян, 2021) и А. А. Герасимова (Герасимов, 2022). В них отмечается большая миграционная активность женщин для получения образования в молодых возрастах (после 18 лет), перевес в сторону мужчин в международной иммиграции с 2010-х гг., выделен интересный феномен «псевдовозвратной» миграции, которая связана с формальным окончанием регистрации по месту учебы. Указывается на наличие проблемы гендерной несбалансированности потоков миграции, однако остается ниша для выявления гендерных диспропорций в конкретных регионах.

Исследованию последних тенденций межрегиональной образовательной миграции посвящена работа А. В. Дождикова и Е. В. Корниловой (Дождиков, Корнилова, 2023). В нем рассмотрено привлечение образовательной миграции федеральными университетами.

Исследования А. Рождерса и Л. Кастро из Международного института системного анализа отчасти показали большую вовлеченность женщин в процессы образовательной и отчасти даже трудовой миграции в Восточной Европе в конце XX в.²

Работа О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина, А. А. Гребенюк, Т. В. Лебедевой посвящена анализу данных переписей населения 1970–2010 гг. (Воробьева и др., 2016). Говорится о необходимости сдерживания тенденций концентрации населения в крупнейших городах при запуске обширных пространств. В работе С. Ю. Сивоплясовой приводятся социологические данные о желании киргизской молодежи оставаться в родной стране при создании в ней приемлемых социально-экономических условий, что указывает на возможность снижения миграционного оттока путем инвестиций в экономику стран и регионов (Сивоплясова, 2020).

Среди гендерных особенностей детской международной миграции из стран Средней Азии специалисты отмечают большую вовлеченность в нее мальчиков и юношей, тогда как девочки чаще остаются при доме и хозяйстве (Касимова, 2012). В целом многие исследователи отмечают слабую изученность гендерных вопросов демографического развития, что актуализирует дальнейшие исследования в этой сфере.

Вопрос детской миграции рассматривался в статье Н. Ю. Микрюкова (Микрюков, 2023). Эмиграции детства уже меняют гендерную структуру населения в своих поколениях, что сказывается на гендерной структуре поколений при взрослении. Большинство регионов характеризуются миграционной убылью семей с детьми. Следующие после 14 лет миграции в основном связаны с получением образования, о чем говорит их возвратный или «псевдовозвратный» характер.

¹Зубаревич Н. В. Региональные аспекты гендерного равенства [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2005. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit02.php> (дата обращения: 05.06.2024).

²Rogers A., Castro L. J. Model migration schedules [Электронный ресурс] // International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA). 1981. URL: <https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/1543/1/RR-81-030.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

Таким образом, несмотря на значительный вклад ученых в изучение гендерных аспектов межрегиональной миграции в России, остается ряд нерешенных вопросов и недостаточно освещенных тем. В частности, мало исследований, посвященных комплексному анализу гендерных и пространственных особенностей образовательной миграции в контексте социально-экономического развития регионов. Настоящая работа стремится заполнить этот пробел, предлагая новый взгляд на динамику и мотивацию молодежной миграции, а также на влияние гендерных факторов на выбор образовательного пути и последующую трудовую миграцию. Исследование направлено на выявление тонких механизмов, формирующих гендерные диспропорции, и предлагает стратегии для сбалансированного регионального развития, что делает его актуальным и значимым для дальнейшего развития демографической науки и практики регионального управления.

Образовательные миграции

Анализ статистики межрегиональной миграции показывает два крупных ее периода: в возрасте 15–16 лет и в возрасте 17–20 лет. В первом случае миграции связаны с получением среднего профессионального образования, во втором – с получением высшего. Оказалось, что пространственное распределение миграции в возрасте 15–16 лет и в возрасте 17–20 лет значительно различается, а сами миграционные тенденции иногда имеют противоположный характер. Разделим в исследовании эти два периода миграции и проанализируем их по отдельности. Рассмотрим для примера гендерные особенности межрегиональной миграции в Тамбовской и Томской областях (таб. 1).

Таблица 1. Гендерные сальдо межрегиональной миграции в Тамбовской и Томской областях за 2017–2019 гг.¹
Table 1. Gender balances of interregional migration in the Tambov and Tomsk regions for 2017–2019.

Возраст	Тамбовская область		Томская область	
	сальдо миграции по женщинам	сальдо миграции по мужчинам	сальдо миграции по женщинам	сальдо миграции по мужчинам
0	-60	-34	-18	-8
1 год	-68	-82	-60	-56
2 года	-89	-90	-23	-72
3 года	-117	-76	-83	-79
4 года	-25	-55	-57	-65
5 лет	-15	-79	-54	-33
6 лет	-85	-58	-37	-93
7 лет	-25	-23	-58	-40
8 лет	-49	-37	-27	-51
9 лет	-21	-3	-49	-54
10 лет	-36	-40	-71	-55
11 лет	-47	-48	-46	-8
12 лет	-44	-55	-28	-52
13 лет	-2	-5	-2	-26
14 лет	-49	-31	-57	12
15 лет	-46	32	53	35
16 лет	-51	68	243	205

¹ 23320000100030200001 Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.06.2024).

17 лет	-142	-56	849	764
18 лет	-551	-510	1674	1903
19 лет	-68	-171	195	9
20 лет	-61	-85	-689	-693
21 год	92	129	-1330	-1430
22 года	-59	-64	-544	-337
23 года	-89	-147	-460	-482

Прим.: Жирным шрифтом выделены положительные сальдо миграции.

Из таб. 1 следует, что в Тамбовской области имел место постоянный отток населения, кроме возраста 15–16 лет, когда наблюдалось положительное сальдо миграции по мужчинам. Скорее всего, в Тамбовскую область мигрируют юноши для получения среднего специального образования. При этом в этом же возрасте продолжается миграционный отток девушек. В возрасте 17–18 лет наблюдается самый интенсивный миграционный отток из Тамбовской области обоих полов видимо для получения высшего образования в другом регионе. В возрасте 21 года наблюдаются частичные обратные возвраты студентов (положительное сальдо), далее сальдо миграции вновь становится отрицательным.

В Томской области сальдо миграции в детских возрастах отрицательное, но в возрасте 15–19 лет наблюдается миграционный приток, связанный с получением образования в высших и средних специальных школах г. Томска. Причем, в возрасте 15–17 лет наблюдается большой миграционный прирост по девушкам, а в возрасте 18 лет — по юношам. В 21 год наблюдаются самые максимальные отрицательные сальдо, связанные видимо с возвратами студентов, далее миграционная убыль вновь стабилизируется. Таким образом, образовательные миграции довольно легко выделяются в статисти-

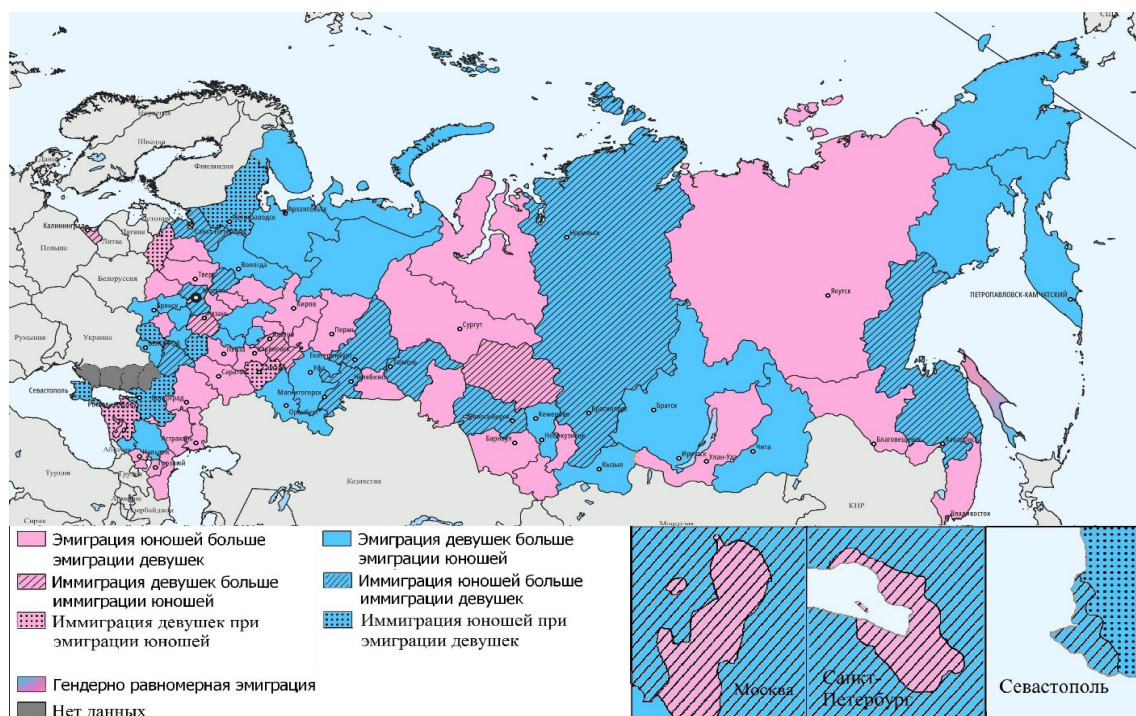

Рис. 1. Гендерные особенности межрегиональной миграции в России в возрасте 15–16 лет в 2017–2019 гг.¹

Fig. 1. Gender characteristics of interregional migration in Russia at the age of 15–16 years in 2017–2019.

¹ Источник данных: 23320000100030200001 Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.06.2024).

ке миграции, их можно подразделить на миграции в 15–16 лет, когда юноши и девушки едут получать среднее специальное образование, и на миграции в 17–18 лет, когда едут за получением высшего образования. В обоих случаях через несколько лет наблюдаются частичные возвраты учившихся, что подтверждает возможность выделения образовательных миграций в особую категорию на данном статистическом материале. Образовательные миграции, так же как и другие типы миграции, обладают собственной гендерной спецификой.

Рассмотрим миграцию в возрасте 15–16 лет, то есть в возрасте окончания 9-го класса и поступления в техникумы и колледжи иногда в другом регионе. В возрасте 15–16 лет во многих регионах происходит изменение характера миграции (рис. 1).

В возрасте 15–16 лет миграционный прирост наблюдается во многих регионах. То есть многие регионы, не будучи привлекательны в общих трендах миграции, оказываются значимы для получения образования. Так, миграционная убыль детей до 14 лет сменяется приростом миграции в возрасте 15–16 лет в Красноярском, Хабаровском краях, Томской, Свердловской, Челябинской, Воронежской, Рязанской областях. Миграционный прирост мужчин при продолжающемся оттоке из региона девушек появляется в республиках Алтай, Хакасия (иммиграция юношей из Тувы), Карелия, в Курской, Тамбовской, Ростовской областях. Иммиграция юношей в Республику Карелия связана скорее всего с наличием в ней Петрозаводского президентского кадетского училища и Карельского кадетского корпуса имени Александра Невского. В Тамбовской области действует Многопрофильный кадетский корпус им. Л. С. Демина, в Курске — Кадетское профессиональное училище № 27. Наоборот, приток девушек при оттоке юношей появляются в Псковской области. Возможно, привлекателен Псковский колледж профессиональных технологий и сервиса в контексте дальнейшего трудоустройства с учетом приграничного положения Псковской области со странами Евросоюза и близости к Санкт-Петербургской агломерации.

Рассмотрим гендерные особенности межрегиональной миграции в возрасте 17–18 лет.

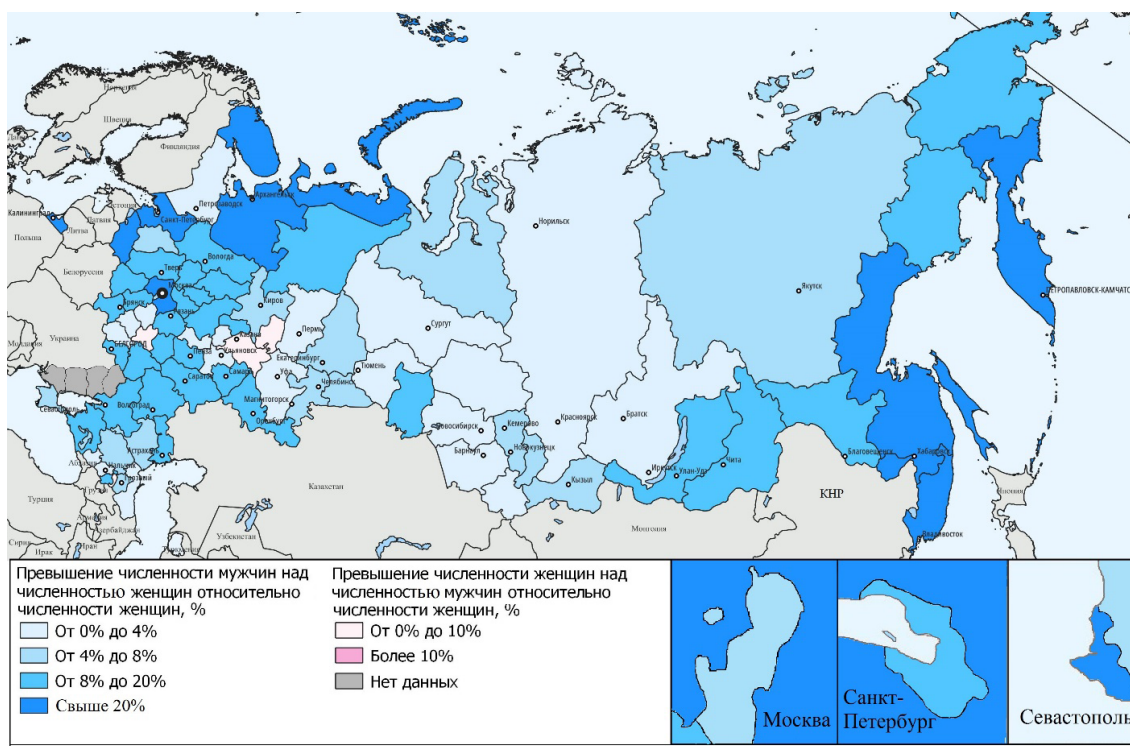

Рис. 2. Гендерные особенности межрегиональной миграции в России в возрасте 17–18 лет в 2017–2019 гг.¹

Fig. 2. Gender characteristics of interregional migration in Russia at the age of 17–18 years in 2017–2019.

¹ Источник данных: 23320000100030200001 Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.06.2024).

Как видно из *рис. 2*, регионов, привлекающих в этом возрасте межрегиональную миграцию, меньше, чем в возрасте 15–16 лет, хотя сам объем миграции больше. Миграционно привлекательными для обоих полов становятся Смоленская, Нижегородская, Ростовская области. Приток юношей при оттоке девушек наблюдается в Самарской области, где находятся вузы авиационно-космической специализации, в Ульяновской, Ивановской областях, что может быть связано с дислоцированием в них соединений воздушно-десантных войск. Наоборот, приток девушек при оттоке юношей в возрасте 17–18 лет наблюдается в Республике Мордовия, что может быть обусловлено значимостью педагогического образования в Мордовском университете и наличием в регионе специализированного лицея для одаренных детей. Исследование А. В. Дождикова отмечает рост миграционной привлекательности для молодежи Республики Мордовия (Дождиков, 2023).

Женщины преобладают в общей иммиграции в направлениях менее популярных у мужчин (санкт-петербургская, а не московская агломерация, Рязанская, Смоленская, Нижегородская области). Заметно, что женщин больше привлекают регионы со сравнительно комфортной, благоприятной городской средой (г. Саранск), ближе к европейским странам (приграничные Смоленская, Псковская области, санкт-петербургская агломерация) с возможностью выезда в Европу, где выше доходы населения и мягче климат, а также крупнейшие города вблизи московской столичной агломерации со сравнительно более теплым климатом (г. Рязань).

Повышенный отъезд девушек наблюдается из примерно половины регионов Европейской России, в основном из Центрального Нечерноземья, Северо-Востока и Поволжья, продолжается повышенная эмиграция девушек из регионов Южной Сибири, Кемеровской области. Наблюдается повышенный отток женщин в возрасте 17–18 лет из республик Татарстан и Башкортостан. По всей видимости города-миллионники в национальных республиках (гг. Казань, Уфа) являются мало привлекательными для образовательной миграции, особенно для женщин; большую роль здесь возможно играет социальная среда. Города Казань и Владивосток, несмотря на значительные федеральные вложения в образовательную инфраструктуру их университетов (Универсиада в Казани, корпуса Дальневосточного федерального университета во Владивостоке), не привлекают студентов в той мере, как это делают другие города — образовательные центры в других регионах. Причины могут лежать в мало привлекательной социальной среде в Республике Татарстан с одной стороны и в бедности, низком уровне жизни в Приморском крае — с другой. Заметен повышенный отъезд женщин из Приморского края и наоборот — их иммиграция в Хабаровский край.

После возвратных образовательных миграций в возрасте примерно 20–24 лет начинается период миграций с целью работы, трудоустройства. Как шла речь в статье о гендерных диспропорциях Н. Ю. Микрюкова (Микрюков, 2023), к возрасту 25–29 лет иммиграция концентрируется лишь в московской, санкт-петербургской, новосибирской агломерациях, Ярославской области Республике Татарстан, причерноморских регионах, и в ресурсных Тюменской области с автономными округами, Сахалинской, Мурманской областях. Таким образом, широкий спектр регионов, привлекавших учащихся в возрасте 15–19 лет, вновь исчезает, иммиграция в детских и трудовых возрастах в 2017–2019 гг. была направлена лишь в три крупнейшие агломерации страны — Республику Татарстан, Ярославскую область (иммиграция из регионов Европейского Севера), а также в причерноморские и ресурсные регионы. Вся остальная часть страны теряла население в миграционном обмене. С одной стороны способность привлекать учащихся из других регионов говорит о высоком образовательном уровне многих региональных высших и средних учебных заведений. Но дальнейшие миграционные тренды говорят о ярко выраженной ресурсно-сырьевой специализации экономики с концентрацией доходов в трех крупнейших агломерациях. Интересен пример Республики Татарстан, в которой наблюдается миграционный прирост в возрасте до 15 лет и с 21 года, но именно в «учебные», «студенческие» 16–20 лет регион характеризуется оттоком населения, несмотря на наличие одного из старейших и сильнейших вузов России — Казанского федерального университета.

Другие виды временной межрегиональной миграции молодежи

Рассмотрим данные о гендерной структуре населения регионов по данным переписи населения за 2021 г. (*рис. 3*).

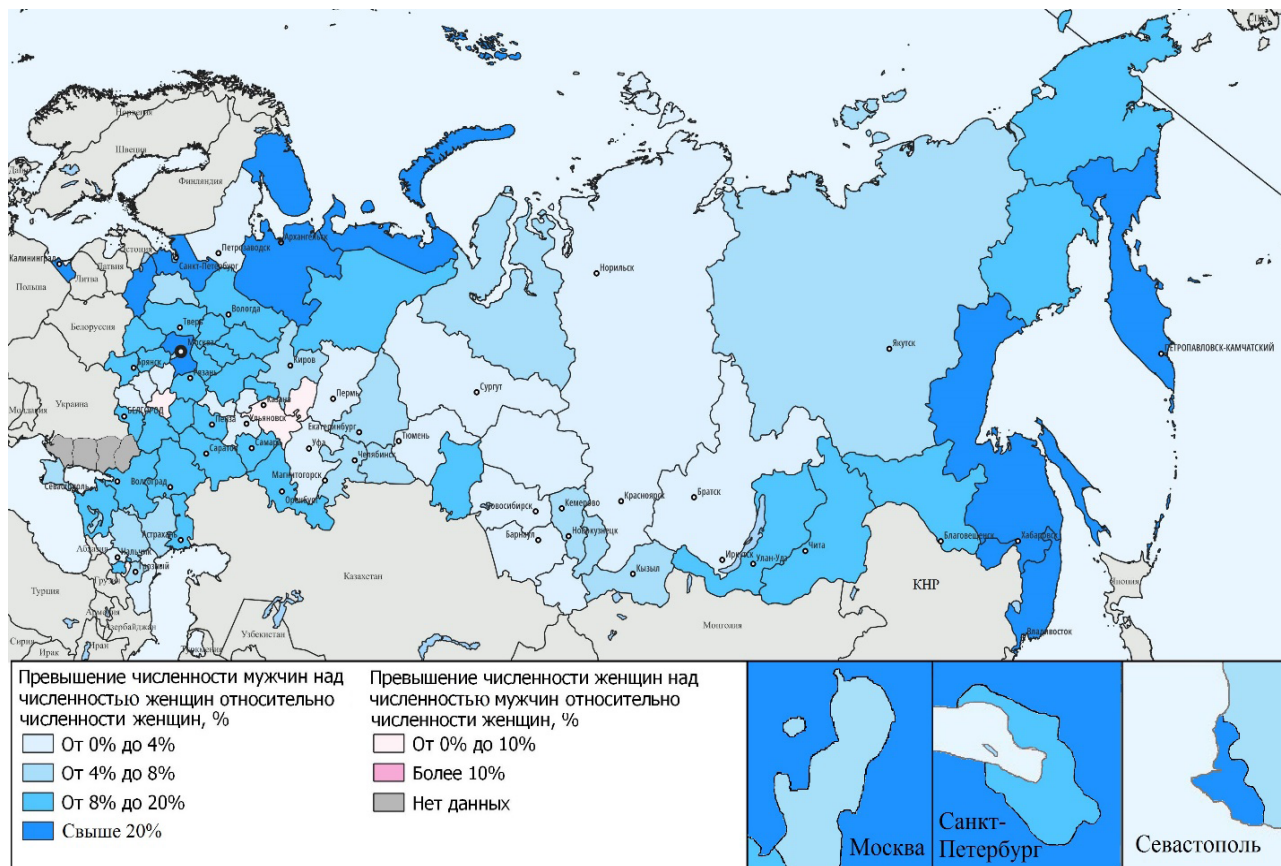

Рис. 3. Разница в численности мужчин и женщин в регионах России в возрастной группе 18–19 лет в 2021 г.¹
 Fig. 3. The difference in the number of men and women in the regions of Russia in the age group of 18–19 years in 2021.

В возрасте 18–19 лет заметно существенное преобладание доли мужчин (свыше 20% от численности женщин в том же поколении) в приграничных и приморских геостратегических регионах особенно на севере и востоке страны, а также в Московской области, г. Севастополе. Статистика Росстата не фиксирует в этом возрасте резкой мужской иммиграции в эти регионы или такого же резкого женского оттока населения из них. Скорее всего, имеет место перемещение мужчин на срочную военную службу, зафиксированное в переписи населения, но не вошедшее в статистику миграций. Об этом уже писали в предыдущих исследованиях, посвященным миграциям молодого населения, И. С. Кашницкий и соавторы (Кашницкий, Мкртчян, Лешуков, 2016). Во многих северных и восточных регионах такое преобладание мужчин сохраняется и в возрасте 20–24 лет (рис. 4).

Сохранение высокой доли мужчин в возрасте 20–24 лет возможно объясняется уже не срочной, а контрактной военной службой. Заметно влияние и международной миграции (Калужская область) на формирование гендерных диспропорций. Из южных регионов в этом возрасте уже начинается отток мужского населения. Еще больше процессы трудовой миграции с Юга на Север выражены в возрастах 25–29 лет, о чем шла речь в статье о гендерных диспропорциях (Микрюков, 2023).

¹ Источник данных: Таблица 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации / Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 05.06.2024).

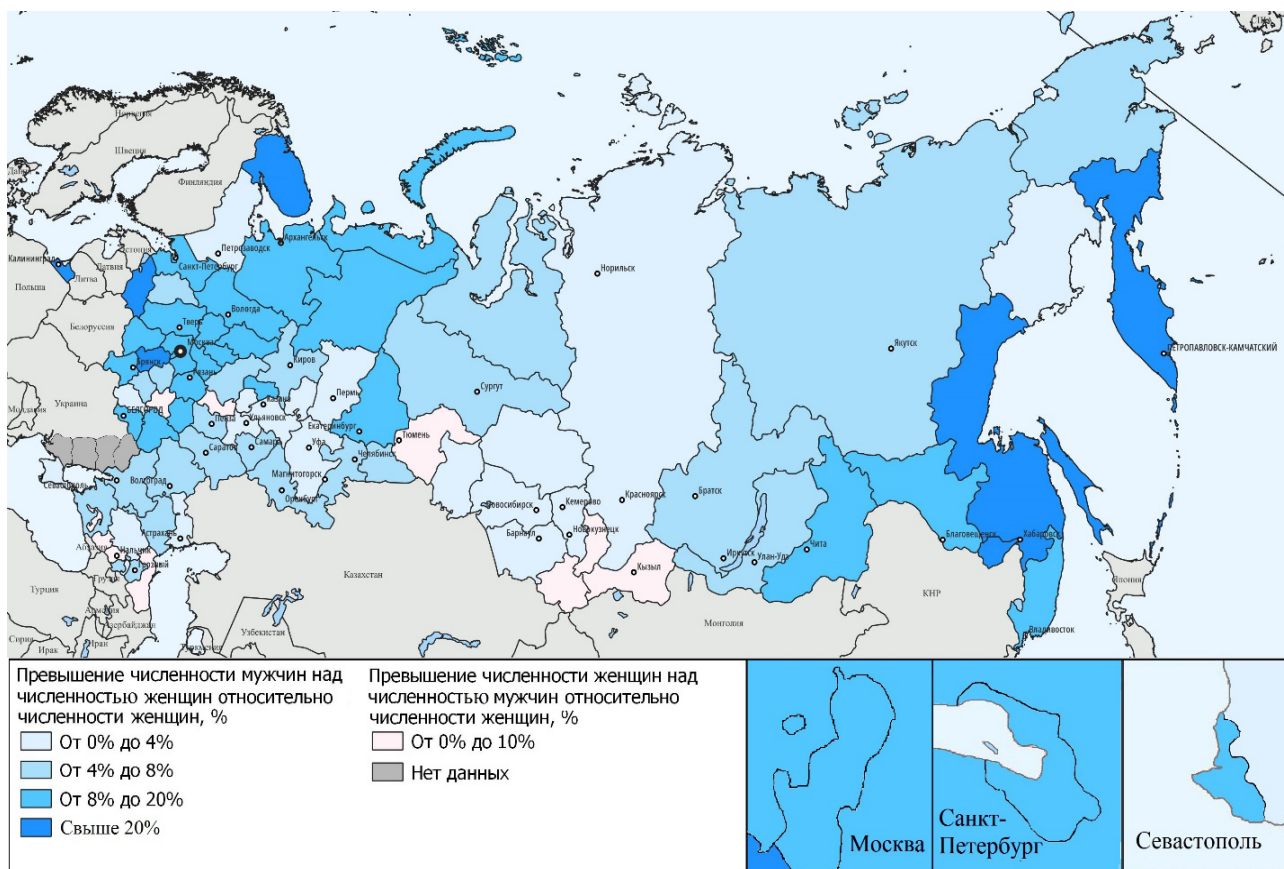

Рис. 4. Разница в численности мужчин и женщин в регионах России в возрастной группе 20–24 лет в 2021 г.¹
 Fig. 4. The difference in the number of men and women in the regions of Russia in the age group of 20–24 years in 2021.

Гендерный и пространственный аспекты образовательных миграций в Республике Тыва (Тыва)

Совершенно уникальный феномен представляет собой картина миграций в Республике Тыва (Тувт), поэтому рассмотрим ситуацию в этом регионе более подробно.

В 2017–2019 гг. в регионе наблюдалась постоянная, интенсивная образовательная эмиграция девушек в возрастах 15–18 лет, а в возрастах 19–25 лет происходит их возврат. Показатели как убыли, так и возврата значительно превышают аналогичные показатели у мужчин, что говорит о гораздо большей мобильности женщин в этом регионе, чем в других регионах России.

Интересен также тот факт, что сальдо прибывающих в 19–25 лет девушек в 1,5 раза больше, чем их отрицательное сальдо в 15–19 лет. Причина может быть в разной численности поколений, но косвенно это может свидетельствовать и о наличии женской межрегиональной иммиграции в регион в этих возрастах. Предыдущие исследования уже фиксировали рост иммиграции, в том числе трудовой в Республику Тыва (Абылкаликов, 2021).

Источник данных: Таблица 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации / Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 05.06.2024 г.)

Таблица. 2. Гендерные сальдо межрегиональной миграции в Республике Тыва за 2017–2019 гг.¹
Table. 2. Gender balances of interregional migration in the Republic of Tuva for 2017–2019.

Возраст	сальдо миграции по женщинам	сальдо миграции по мужчинам	Возраст	сальдо миграции по женщинам	сальдо миграции по мужчинам
0	-25	-24	15 лет	-156	-130
1 год	-25	-49	16 лет	-315	-320
2 года	-53	-35	17 лет	-455	-363
3 года	-30	-54	18 лет	-480	-296
4 года	-33	-55	19 лет	79	32
5 лет	-33	-63	20 лет	276	56
6 лет	-45	-63	21 год	633	387
7 лет	-56	-35	22 лет	411	316
8 лет	-29	-34	23 лет	378	253
9 лет	-30	-17	24 лет	109	99
10 лет	-31	-19	25 лет	76	44
11 лет	-29	-46	26 лет	-35	-5
12 лет	-35	-29	27 лет	-13	12
13 лет	-17	-21	28 лет	-8	-20
14 лет	-23	-22	29 лет	-48	-8

Прим.: Жирным шрифтом выделены положительные сальдо миграции.

Для уточнения необходимо проведение исследований на месте или анализ более подробной статистики по приехавшим и уехавшим.

Уникальность ситуации в республике состоит в том, что в других регионах России образовательная эмиграция женщин маловозвратная. В большинстве регионов наблюдается больший уровень возвратов у мужчин, чем у женщин. В Тыве наблюдается самый интенсивный уровень отъездов и возвратов женщин. Подобные особенности образовательной миграции из Республики Тыва описаны в предыдущих исследованиях (Чернышев и др., 2023; Бадмаева, Натсак, 2021).

В предыдущих исследованиях специалистов по Республике Тыва рассматривались вопросы рынка труда в регионе, отмечалось преобладание женщин в бизнесе (Хертек, 2016). Рост уровня образования в Тыве среди женщин начал опережать мужской уже с 1950-х гг. (Натсак, 2021: 126). В настоящее время уровень занятости среди женщин опередил аналогичный показатель среди мужчин Тывы. При этом нередко женщине приходится совмещать работу с семейными обязанностями. Объяснение данного явления ученые видят не только в повышении роли женщины в обществе, но и в маргинализации мужчин в республике. Алкоголизм, преступность, высокий уровень суицидов возможно являются результатами снижения уровня жизни, а также, что особенно важных для коренных народов, лишения возможности заниматься традиционными видами сельского хозяйства (Семенова, 2017). Как следствие, снижается брачность, рождаемость, растет число одиноких матерей, нарастает кризис традиционной семьи (Доржу, 2011).

Схожие проблемы, но в меньшей степени могут наблюдаться в республиках Алтай, Бурятия, и даже в некоторых регионах Европейской России. Развитие традиционных отраслей сельского хозяйства,

¹ 23320000100030200001 Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.06.2024).

предоставление возможности достойной реализации местной продукции, развитие промыслов по ее переработке позволит разрешить проблему безработицы и маргинализации населения в регионе, укрепит институт традиционной семьи, обеспечит рост как показателей рождаемости, так и продолжительности жизни.

Заключение

Образовательные миграции отличаются собственной гендерной спецификой регионального распределения, выделяются особенности периода миграций для получения среднего профессионального образования в возрасте 15–16 лет и для получения высшего — в возрасте 18–19 лет. В возрасте 15–16 лет преимущественно мужской иммиграцией характеризуются регионы с наличием специализированных кадетских училищ (Республика Карелия, Тамбовская и Курская области). Женская образовательная миграция часто направлена в регионы с наличием ведущих медицинских (Томская область), сервисных (Псковская область), педагогических (Республика Мордовия) учебных заведений, территориально тяготеет ко многим западным, в том числе приграничным регионам (Псковская, Смоленская области, Санкт-Петербургская агломерация), выделяется ее европоцентричный вектор. Образовательный отток девушек, часто маловозвратный, больше распространен в регионах Севера Европейской России, а также из регионов Южной Сибири. Важным фактором преобладания мужчин в северных, восточных регионах страны в возрасте 18–24 лет является срочная, а впоследствии контрактная военная служба.

Многие регионы России характеризуются высоким уровнем среднего специального и высшего образования, привлекают учащихся, студентов из других регионов, однако в дальнейшем продолжают терять население в миграционном обмене. Дальнейшая профессиональная иммиграция после 20 лет концентрируется уже только в очень узком круге российских регионов: в ресурсных (нефтегазовых), в причерноморских регионах и в столичных агломерациях Москвы и Санкт-Петербурга, что говорит о монопрофильной, ресурсодобывающей модели российской экономики с концентрацией сверхдоходов ресурсной ренты в двух столицах.

Образовательная миграция в Республике Тыва выделяется на фоне общероссийских тенденций. В отличие от других регионов, где женская образовательная миграция часто является маловозвратной, в Тыве наблюдается значительный возврат женщин в возрастной группе 19–25 лет. Это может быть связано с повышенным уровнем образования среди женщин региона, начиная с 1950-х гг., и их преобладанием в бизнесе и на рынке труда. Такая тенденция подчеркивает уникальность ситуации в Тыве и указывает на возможность женской межрегиональной иммиграции.

В результате всех названных процессов миграции уже в самых молодых возрастах формируются гендерные дисбалансы во многих регионах. Гендерные дисбалансы приводят к сложностям в создании семейных пар, откладыванию вступления в брак, рождению детей, падению рождаемости. Для исправления дисбалансов, предотвращения оттока женского населения необходимо создание благоприятной для девушек и женщин социальной среды во всех регионах России, в том числе в удаленных, ресурсных, геостратегических. Необходимы кратное увеличение заработных плат, уровня жизни, социальной сферы в регионах путем перераспределения ресурсной ренты, ее инвестирования в экономику регионов, необходима общая диверсификация российской экономики. Для предотвращения оттока населения в западные страны, в том числе женского, необходимо поднятие доходов и уровня жизни населения до уровня европейского во всех регионах страны.

Повышенный уровень женской миграции может свидетельствовать не только о росте социальной роли женщин, но и о росте нагрузки на них, а также о маргинализации мужчин, что особенно актуально в местах проживания коренных народов. Необходимо развитие традиционных форм сельского хозяйства и промыслов, достойной реализации продукции местных производителей. Данные меры повысят уровень занятости в сельской местности, укрепят институт традиционной семьи, будут способствовать росту как показателей рождаемости, так и продолжительности жизни в регионах.

Социальные проблемы могут способствовать маргинализации мужского населения и усилению социальной роли женщин. Развитие традиционных форм сельского хозяйства и промыслов, а также создание условий для достойной реализации продукции местных производителей могут стать ключевыми факторами для решения проблем безработицы, укрепления традиционной семьи и повышения показателей рождаемости и продолжительности жизни в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Воробьева, О. Д., Топилин, А. В., Гребенюк, А. А., Лебедева, Т. В. (2016) Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России // Экономика региона. № 1. С. 175–188.
- Герасимов, А. А. (2022) Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация // Демографическое обозрение. № 1. С. 92–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14575>
- Дождиков, А. В. (2023) Образовательная миграция в Республике Мордовия // Регионология. № 1 (122). С. 182–198. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198>
- Дождиков, А. В., Корнилова, Е. В. (2023) Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования // Высшее образование в России. № 3. С. 67–83. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>
- Доржу, З. Ю. (2011) Тувинская семья: тенденции её жизнедеятельности // Омский научный вестник. № 1 (95). С. 35–38.
- Касымова, С. Р. (2012) Гендерная социализация детей в контексте трудовой миграции из Таджикистана // Диаспоры. № 2. С. 124–148.
- Кашницкий, И. С., Мкртчян, Н. В., Лешуков, О. В. (2016) Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. № 3. С. 169–203. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>
- Микрюков, Н. Ю. (2023) Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. Т. 29. № 4. С. 65–84. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6>
- Мкртчян, Н. В. (2021) Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России // Демографическое обозрение. № 3. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13264>
- Натсак, О. Д. (2021) Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. № 2. С. 120–130. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>
- Рыбаковский, Л. Л., Мартыненко, С. В. (2012) Гендерный аспект глобальной миграции // Социологические исследования. № 4. С. 35–41.
- Рязанцев, С. В., Сивоплясова, С. Ю., Ростовская, Т. К., Бушкова, Л. А. (2018) Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности // Женщина в российском обществе. № 4 (89). С. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>
- Рязанцев, С. В., Ростовская, Т. К., Перемышлин, С. Н. (2019) Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. № 4. С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5>
- Семенова, Н. Б. (2017) Распространенность и факторы риска самоубийств среди коренных народов: обзор зарубежной литературы // Суицидология. № 1 (26). С. 17–38.
- Сивоплясова, С. Ю. (2020) Гендерные особенности миграционного поведения молодежи Центральной Азии и России // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Цифровая полиграфия. 982 с. С. 485–463.
- Хертек, Ш. В. (2016) Женская занятость и безработица в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 9–1 (9). С. 62–65.
- Храмова, М. Н., Рязанцев, С. В. (2018) Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. No 4. С. 1298–1311. DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-4-19>
- Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Дата поступления: 26.05.2024 г.

Дата принятия: 10.06.2024 г.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. (2021) Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Vorob'eva, O. D., Topilin, A. V., Grebeniuk, A. A. and Lebedeva, T. V. (2016) Analysis of migration processes according to population censuses in Russia. *Economy of regions*, no. 1, pp. 175–188. (In Russ.).
- Gerasimov, A. A. (2022) Spatial patterns of age-specific sex ratios in Russian intraregional migration. *Demograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 92–108. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14575>
- Dozhdikov, A. V. (2023) Educational Migration in the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*, no. 1 (122), pp. 182–198. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198>
- Dozhdikov, A. V. and Kornilova, E. V. (2023) Educational Migration of Applicants Among Regions of the Russian Federation as a Data Source for Planning the Higher Education System Development. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 3, pp. 67–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>
- Dorzhu, Z. Yu. (2011) The Tuvan family: trends in its life activity. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 1 (95), pp. 35–38. (In Russ.).
- Kasymova, S. R. (2012) Gender socialization of children in the context of labor migration from Tajikistan. *Diaspory*, no. 2, pp. 124–148. (In Russ.).
- Kashnitskii, I. S., Mkrтчian, N. V. and Leshukov, O. V. (2016) Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Educational Studies Moscow*, no. 3, pp. 169–203. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>
- Mikriukov, N. Yu. (2023) Interregional and international migration as factors of gender disparities in the regions of Russia. *Science. Culture. Society*, vol. 29, no. 4, pp. 65–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6>
- Mkrтчian, N. V. (2021) Sex imbalances in long-term migration flows in Russia. *Demographic Review*, no. 3, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13264>
- Natsak, O. D. (2021) Gender and demographic features of the labor market of the Republic of Tuva: trends and prospects. *Population*, no. 2, pp. 120–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>
- Rybakovskii, L. L., Martynenko, S. V. (2012) The gender aspects of global migration. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 35–41. (In Russ.).
- Riazantsev, S. V., Sivopliasova, S. Iu., Rostovskaia, T. K. and Bushkova, L. A. (2018) Marriage emigration of women from Russia: scale, reasons, features. *Woman in Russian Society*, no. 4 (89), pp. 85–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>
- Riazantsev, S. V., Rostovskaia, T. K. and Peremyshlin, S. N. (2019) Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulation. *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 53–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5>
- Semenova, N. B. (2017) Prevalence and risk factors of suicide among indigenous peoples: a review of foreign literature. *Suitsidologiya*, no. 1 (26), pp. 17–38. (In Russ.).
- Sivopliasova, S. Iu. (2020) Gender-specific migration behavior of youth in Central Asia and Russia. In: *International Demographic Forum: proceedings of the meeting* / ed. by N. V. Iakovenko. Voronezh, Tsifrovaia poligrafia. 982 p. Pp. 485–463. (In Russ.).
- Khertek, Sh. V. (2016) Women's employment and unemployment in the Republic of Tuva. *Sciences of Europe*, no. 9–1 (9), pp. 62–65. (In Russ.).
- Khramova, M. N. and Riazantsev, S. V. (2018) Factors of Emigration from Russia: Regional Features. *Economy of Region*, no. 4, pp. 1298–1311. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-4-19>
- Chernyshev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V. and Petrov, E. Iu. (2023) Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Submission date: 26.05.2024.

Acceptance date: 10.06.2024.

Коммуникативный и лингводидактический потенциал эпистолярных текстов: прикладной аспект (на материале почтовой корреспонденции Д. А. Монгуша — А. С. Аманжолову)

Джемма Б. Аманжолова

Astana IT University, Республика Казахстан,

Аккуралай А. Искендир, Нурсулу Ж. Шаймерденова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируется коммуникативный потенциал эпистолярных текстов и его перспективы для лингводидактики — российской и казахстанской. В качестве материала выступают фрагменты частной переписки (1957–1984 гг.) тувинского ученого-филолога Д. А. Монгуша, адресованные казахстанскому коллеге А. С. Аманжолову. Подробно представлены содержимое семи документов, в том числе двух писем, четырех почтовых открыток, включая и описания конвертов, лицевых и обратных сторон открыток, и одной телеграммы. Тексты впервые вводятся в научный оборот.

В статье обосновывается понятие «элитарная билингвальная личность» и приводятся аргументы в пользу отнесения созданных им русскоязычных текстов в категорию аутентичных. Такой подход рационален в процессе школьного обучения русскому языку и подготовки будущих учителей русского языка и литературы в условиях казахско-русской коммуникативной ситуации Казахстана, поскольку он не игнорирует традиционный подход, но расширяет лингводидактический инструментарий.

Эпистолярные тексты Д. А. Монгуша, адресованные А. С. Аманжолову, имеют перспективы использования в качестве образцов эпистолярного жанра не только на практических школьных занятиях, но и дальнейших проектных исследований в вузовской аудитории, а также для восполнения неизвестных ранее знаний в истории тюркологической науки.

Ключевые слова: эпистолярный жанр; эпистолярный текст; лингводидактический потенциал; коммуникативная ситуация; билингвальная личность; русский язык; русскоязычный текст; тувинский язык; тувиноведение; Доруг-оол Алдын-оолович Монгуш; Алтай Сарсенович Аманжолов; письмо

Работа выполнена и опубликована в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR21882334 «Казахский поэтический корпус: морфологическая и поэтическая разметка стихов Абая» (2023–2025 гг.).

Для цитирования:

Аманжолова Д. Б., Искендир А. А., Шаймерденова Н. Ж. Коммуникативный и лингводидактический потенциал эпистолярных текстов: прикладной аспект (на материале почтовой корреспонденции Д. А. Монгуша — А. С. Аманжолову) // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 240–264. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.14>

Аманжолова Джемма Болатовна — кандидат филологических наук, ассистент-профессор Департамента общеобразовательных дисциплин Astana IT University. Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, пр. Мангилик Ел, 55/11, С1. Эл. адрес: jemma.aman@gmail.com

Искендир Аккуралай Абдиуалиевна — докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: iskendirakkuralaj@gmail.com. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н. Ж. Шаймерденова.

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, исполнительный директор Научно-исследовательского института алтаистики и тюркологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

The communicative and linguodidactic potential of epistolary texts: an applied aspect (based on the material of D. A. Mongush – A. S. Amanzholov's mail correspondence)

Jemma B. Amanzholova

Astana IT University, Republic of Kazakhstan,

Akkuralay A. Iskendir, Nursulu Zh. Shaimerdenova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the communicative potential of epistolary texts and their prospects for linguodidactics – Russian and Kazakh. The material consists of fragments of private correspondence (1957–1984) by the Tuvan scholar – philologist D. A. Mongush addressed to his Kazakh colleague A. S. Amanzholov.

The contents of seven documents are presented in detail, including two letters, four postcards with descriptions of envelopes and front and back sides, and one telegram. These texts are being introduced to scientific circulation for the first time.

The article also substantiates the concept of an “elite bilingual personality” and argues in favor of classifying their Russian-language texts as authentic. It rationalizes the approach to teaching Russian language and training future teachers of Russian in the bilingual Kazakh-Russian communicative bilingual situation of Kazakhstan, as it does not disregard the traditional approach but expands linguistic and didactic tools.

D. A. Mongush's letters to A. S. Amanzholov can be used as examples of the epistolary genre in practical school classes and for further research in university audiences. They can also help to expand previously unknown knowledge about the history of Turkology.

Keywords: *epistolary genre; epistolary text; linguodidactic potential; communicative situation; bilingual personality; Russian language; Russian-language text; Tuvan language; Tuvan studies; Dorug-ool Aldyn-oolovich Mongush; Altai Sarsenovich Amanzholov; letter*

Financing

The work was performed and published within the framework of the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan BR21882334 “Kazakh poetic corpus: morphological and poetic markup of Abai's poems” (2023–2025).

For citation:

Amanzholova J. B., Iskendir A. A. and Shaimerdenova N. Zh. The communicative and linguodidactic potential of epistolary texts: an applied aspect (based on the material of D. A. Mongush – A. S. Amanzholov's mail correspondence). *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 240–264 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.14>

AMANZHLOVA, Jemma Bolatovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of General Education Disciplines, Astana IT University. Postal address: C1 55/11, Mangilik El Av., 010000, Republic of Kazakhstan, Astana. E-mail: jemma.aman@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3153-5169

ISKENDIR, Akkuralay Abdiualievna, Doctoral Student, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: Almaty, 71, al-Farabi Av., 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: iskendirakkuralaj@gmail.com. Research Supervisor: Doctor of Philology, Professor N. Zh. Shaimerdenova.

ORCID ID: 0000-0002-7487-5286

SHAIMERDENOVA, Nursulu Zhamalbekovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Director, Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, al-Farabi Av., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2830-8336

Введение

Эпистолярная литература, созданная представителями разных исторических эпох, территорий, языков, культур, социального статуса, является своеобразным документальным свидетельством бытия *Homo Loguens* (Человека говорящего) на разных этапах его развития. Известные с античных времен тексты в форме письма, телеграммы, открытки, относимые к эпистолярному жанру¹, и сегодня остаются актуальными объектами для исследований в социальных и гуманитарных науках. Так, социологи при проведении качественных исследований обращаются к т. н. «человеческим документам» (письмам, дневникам, воспоминаниям, автобиографии и т. д.)². Современные историки общего профиля, историки искусства, филологи-переводчики и пр. (Князева, 2021) обнаруживают неизвестные ранее источники и вводят их в научный оборот.

В филологии как совокупности наук (языкознание, текстология, литературоведение и др.), эпистолярный, развивавшийся как жанр именно на основе частной переписки, изучается с разных позиций. Определяя эпистолярный текст как «уникальный объект исследования современной лингвистики», ученые отмечают, что «многие его аспекты еще не раскрыты и ждут своих исследователей» (Фесенко, 2008: 141). К категории недостаточно раскрытых мы относим прикладной аспект. Нельзя сказать, что понимание очевидности коммуникативной направленности³ и значимости эпистолярных текстов для лингводидактики и в целом для лингвопедагогики, рассматривающей обучение языку как неотъемлемую часть теории о социализации и воспитания, отсутствует. Несмотря на факт избыточности почтовых отправок на бумажных носителях как формы и средства коммуникации для т. н. «цифровых аборигенов», школьное обучение, включая обучение на дому⁴, не обходится без знакомства с эпистолярным жанром речи и разработок уроков: «Письмо другу», «Напиши письмо другу» и др. В вузовской аудитории обращение к эпистолярному тексту актуально по сию пору. Однако, в российской и казахстанской школьной практике, в процессе подготовки будущих филологов в вузах ощущается тенденция к разработке уроков, направленных на создание текста по заданной структуре, актуализирующей одну сторону познавательной деятельности — совершенствование письменной речи. Более продуктивной представляется тридцатилетняя практика программ по творческому письму в США, Великобритании и Австралии (Дай Фань, 2015: 37), адаптируемых в вузах других стран. Так, отталкиваясь от достижений зарубежных лингводидактов, в вузах Китайской Народной Республики на уроках английского языка китайским учащимся предлагается «написать 7–8 письменных работ на свой выбор, основанных не на художественном вымысле, а на историях из личного опыта» (там же: 36–37). В результате «данный курс помог студентам узнать и самих себя, и своих однокурсников. Они не только усовершенствовали навыки письменной речи, но и научились справляться со своими эмоциями и жизненными ситуациями» (там же: 45). Этот подход, несомненно, продуктивен, но в силу опоры на единоличный опыт он сохраняет монологическую заданность.

Размышляя о двух формах познавательной активности, монологической — познание вещей и любых объектов знания, в том числе и человека — как вещей, и диалогической — познание другого субъекта, М. М. Бахтин, впервые определивший перспективы эпистолярного жанра речи (Бахтин, 1996: 159–206), ввел в единый контекст диалогизм понимания идеи «Я» и «Другого». «Человек изнутри самого себя не может ни понимать себя, ни даже стать собой. <...> Только других я вижу как объекты <...>. Сам для себя я не могу быть объектом» (Демидов, 1999: 105–106). Отсюда более выигрышными представляются перспективы разработки уроков, основанных на историях Другого и соотнесения их с собственным опытом. Кроме того, знакомство с опытом Другого, позволяет учащимся создать представление о том времени, «когда телефон еще не стал ключевым средством коммуникации, а компьютерные технологии (не говоря уже об интернете) находились ‘на расстоянии многих световых лет’» (Хольме, 2021: 22).

¹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1978. С. 176.

² Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 376–377.

³ Коммуникативная направленность — характеристика обучения, имеющего своей целью практическое овладение иностранным языком.

⁴ Черных А. В. Освоение учащимися особенностей эпистолярного жанра в условиях домашнего обучения: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2009.

Материалом нашего исследования являются впервые вводимые в научный оборот эпистолярные тексты известного советского и российского лингвиста-тюрколога Доруг-оола Алдын-ооловича Монгуша (1928–2017) — однокурснику, коллеге и другу, советскому и казахстанскому лингвисту-тюркологу Алтаю Сарсеновичу Аманжолову (1934–2012). Всего это два письма, четыре почтовые открытки, одна телеграмма, т. е. семь текстов¹.

Выбор именно этих почтовых отправлений, полученных адресатом в период с 1957 по 1984 гг., не случаен. Учитывая, что в социально-языковом плане Казахстану на протяжении трех столетий характерна двуязычная — казахско-русская коммуникативная ситуация, полагаем целесообразным подход к обучению, основанный не только на знакомстве с эпистолярным наследием русской элитарной языковой личности, но и этнически нерусской, билингвальной личности на русском языке, созданной в период до-Интернет эпохи со свойственными ей особенностями коммуникации. Таким образом, наш подход обусловлен сложившейся билингвальной ситуацией, образовательными стандартами и качественными изменениями форм и средств коммуникации в цифровую эпоху.

Цель нашего исследования состоит в анализе коммуникативной ситуации и выявлении лингводидактического потенциала эпистолярных русскоязычных текстов билингвальной личности на примере писем Д. А. Монгуша. Под коммуникативной ситуацией в данной работе понимается совокупность обстоятельств, положение и обстановка, в которых совершалось письменное общение. Под лингводидактическим потенциалом понимаются различные способы и возможности использования аутентичных материалов на изучаемом языке в процессе преподавания и изучения иностранного языка, в нашем случае мы рассматриваем перспективы использования русскоязычных эпистолярных текстов этнически нерусской билингвальной личности в процессе преподавания и изучения русского языка в образовании Казахстана.

Общая характеристика источников

Наш интерес к наследию, касающемуся двух ученых, обусловлен, прежде всего, необходимостью введения в научный оборот ранее неизвестной информации в истории развития частного тувинского и казахского языкознания и общей тюркологической науки.

Всего для оцифровки Научно-исследовательский институт тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби получил 7 писем, 13 почтовых открыток и одну телеграмму, отражающих сведения из разных периодов в жизни адресанта и адресата с 1957 по 1984 гг. Из них для статьи рассматриваются тексты, как уже было сказано, семи документов.

Основные вехи профессиональных биографий обоих ученых отражены в ряде биографических публикаций. Доруг-оолу Алдын-ооловичу Монгушу персонально и его вкладу в тувинскую филологию посвящено несколько публикаций коллег в разных изданиях (Серээдар, 2010; Симчит, 2012; Самдан, 2019; и др.²). С информацией, посвященной Алтаю Сарсеновичу Аманжолову, можно ознакомиться также в ряде работ разных исследователей (Бахтикиреева, 2013; и др.³).

Как отмечается в публикациях коллег, Д. А. Монгуш, проработав почти полвека в Тувинском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ТНИЯЛИ), «тесно сотрудничал с такими корифеями отечественного языкознания и тюркологии, как Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев,

¹ Почтовая корреспонденция Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову была передана ученице и коллеге А. С. Аманжолова — одному из соавторов данной статьи Н. Ж. Шаймерденовой — сыном А. С. Аманжолова Е. А. Аманжоловым для оцифровки, хранения и научного исследования в научный архив Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби.

² Монгуш Доруг-оол Алдын-оолович (р. 12.12.1928) // Ученые Тувинского института гуманитарных исследований / сост. М. П. Татаринцева. Кызыл, 2005. С. 88–89; Ушел из жизни тюрколог Доруг-оол Алдын-оолович Монгуш [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2017, 30 октября. URL: <https://www.tuva.asia/9128-mongush.html> (дата обращения: 12.05.2024); Монгуш Доруг-оол Алдын-оолович // Урянхайско-тувинская энциклопедия: в 2 т. Кызыл: ООО «ИП Журналист», 2020. Т. 2. С. 69–70; и др.

³ См.: Аманжолов Алтай Сарсенович: Библиографический указатель / сост.: Н. Ж. Шаймерденова, А. Б. Коразова. Алматы: Қазақ университеті, 2004; См.: Алтай Сәрсенұлы Аманжолов 85 жыл [Электронный ресурс] // Tendri.News. 2019, 2 июня. URL: <https://kaz.tengrinews.kz/article/amanjolov-altay-sarsenulyina-85-jyil-1011/?ysclid=1z582k2b1z32925491> (дата обращения: 12.05.2024); и др.

С. Е. Малов, Э. В. Севортыан, А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков, И. А. Батманов, М. И. Черемисина, Ш. Ч. Сат, М. Д. Биче-оол, Б. И. Татаринцев, З. Б. Чадамба и другие»¹. Среди этих имен тюркологов не упоминается А. С. Аманжолов. Это позволяет нам восполнить эту недостающую информацию в истории развития тюркологии, поскольку «даже небольшой объем введенного в научный оборот эпистолярного материала позволяет выявить специфические черты дискурса переписки» одной личности с другой (Королева, 2017: 170).

Д. А. Монгуш и А. С. Аманжолов в 1952 г. стали студентами Института восточных языков (ныне — Институт стран Азии и Африки) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (причем до поступления в МГУ Д. А. Монгуш закончил Абаканский учительский институт в 1951 г. и работал преподавателем родного языка в Кызылском педагогическом училище). Они учились в одной учебной группе будущих тюркологов до окончания в 1957 г. (фото 1 и 2). Военную подготовку будущие офицеры запаса проходили на военной кафедре МГУ и вместе были на сборах в военном лагере в 1956 г. (фото 3).

Фото 1. Студенты-тюркологи Московского государственного университета, 1954 г.
Крайний справа Алтай Аманжолов, рядом Доруг-оол Монгуш.
Photo 1. Students of Turkology at Moscow State University, 1954.
Altai Amanzholov is on the far right, next to Dorug-ool Mongush.

Фото 2. Студенты-тюркологи за учебниками. МГУ, 1955 г.
Крайний справа Доруг-оол Монгуш, второй слева Алтай Аманжолов.
Photo 2. Students of Turkology at textbooks. Moscow State University, 1955.
Dorug-ool Mongush on the far right, Altai on the second left Amanzholov.

¹ Монгуш Доруг-оол Алдын-оолович (1928–2017) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при правительстве Республики Тыва. 2019, 21 мая. URL: <https://tigpi.ru/mongush-dorug-ool-aldyn-oolovich/?ysclid=Iz82rc4qqm417798747> (дата обращения: 12.05.2024).

*Фото 3. Доруг-оол Монгуш с Алтаем Аманжоловым в военном лагере под Москвой, 1956 г.
Photo 3. Dorug-ool Mongush with Altai Amanzholov in a military camp near Moscow, 1956.*

После учебы каждый из них, уехав на малую родину, продолжал поддерживать связь посредством почтовой корреспонденции.

Д. А. Монгуш в 1962 г. окончил аспирантуру Института языкознания АН СССР. Кандидатскую диссертацию «Формы прошедшего времени в тувинском языке», изданную в г. Кызыле в 1963 г. в виде монографии (Монгуш, 1963), защитил в г. Фрунзе Киргизской ССР в 1964 г. За многолетнюю и плодотворную работу ему было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Тувинской АССР».

А. С. Аманжолов окончил аспирантуру в своей Alma Mater — в МГУ им. М. В. Ломоносова — в 1963 г., защитил кандидатскую диссертацию «Глобальное управление в языке памятников древнетюркской письменности». В 1975 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности». С 1957 г. работал научным сотрудником в Институте языка и литературы АН Казахстана, с 1966 г. преподавал; работал профессором, заведующим кафедрой Казахского государственного университета имени С. М. Кирова (ныне — Казахский национальный университет имени аль-Фараби).

Тексты переписки и особенности коммуникативной ситуации

Специфические характеристики каждого из источников мы рассматриваем в соответствии с нашим определением коммуникативной ситуации.

Согласно выводу известного эпистолога Т. Хольме, любой эпистолярный источник «имеет собственный отчетливый рисунок и свои специфические характеристики» (Хольме, 2021: 23). Отсюда конверт, письмо, открытка, телеграмма анализируются с точки зрения вида и формы почтовой корреспонденции, его содержания, структуры, уточнения даты отправления и интерпретации фрагментов повседневной жизни, профессиональной судьбы личности и социально-культурного контекста, характеризующего положение и обстановку в момент создания текстов. Здесь мы опираемся на мнение известного социолога А. Готлиб о том, что документ — это и любой носитель информации, и репрезентация самого автора, выраженная в его содержании¹.

Письмо от 17 (21) декабря 1957 г. (см. илл. 1-2). Из переданных в научный архив писем Д. А. Монгуша это хронологически является первым. Оно состоит из двух писем, т. к. тувинский ученый в процессе завершения первого письма получил от друга сообщение, поэтому, как он указывает в примечании к своему первому тексту, написал новое письмо с ответами и датировал его 17 декабря 1957 г. Календарный штамп на конверте свидетельствует, что оно было зафиксировано в качестве отправленного почтовым отделением г. Кызыла 21 декабря 1957 г.

¹ Процедуры и методы социологического исследования. Практикум. Кн. 2. Качественное социологическое исследование: учебное пособие / А. С. Готлиб, Я. Н. Крупец, А. М. Алмакаева [и др.]; под общ. ред. А. С. Готлиб. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 106.

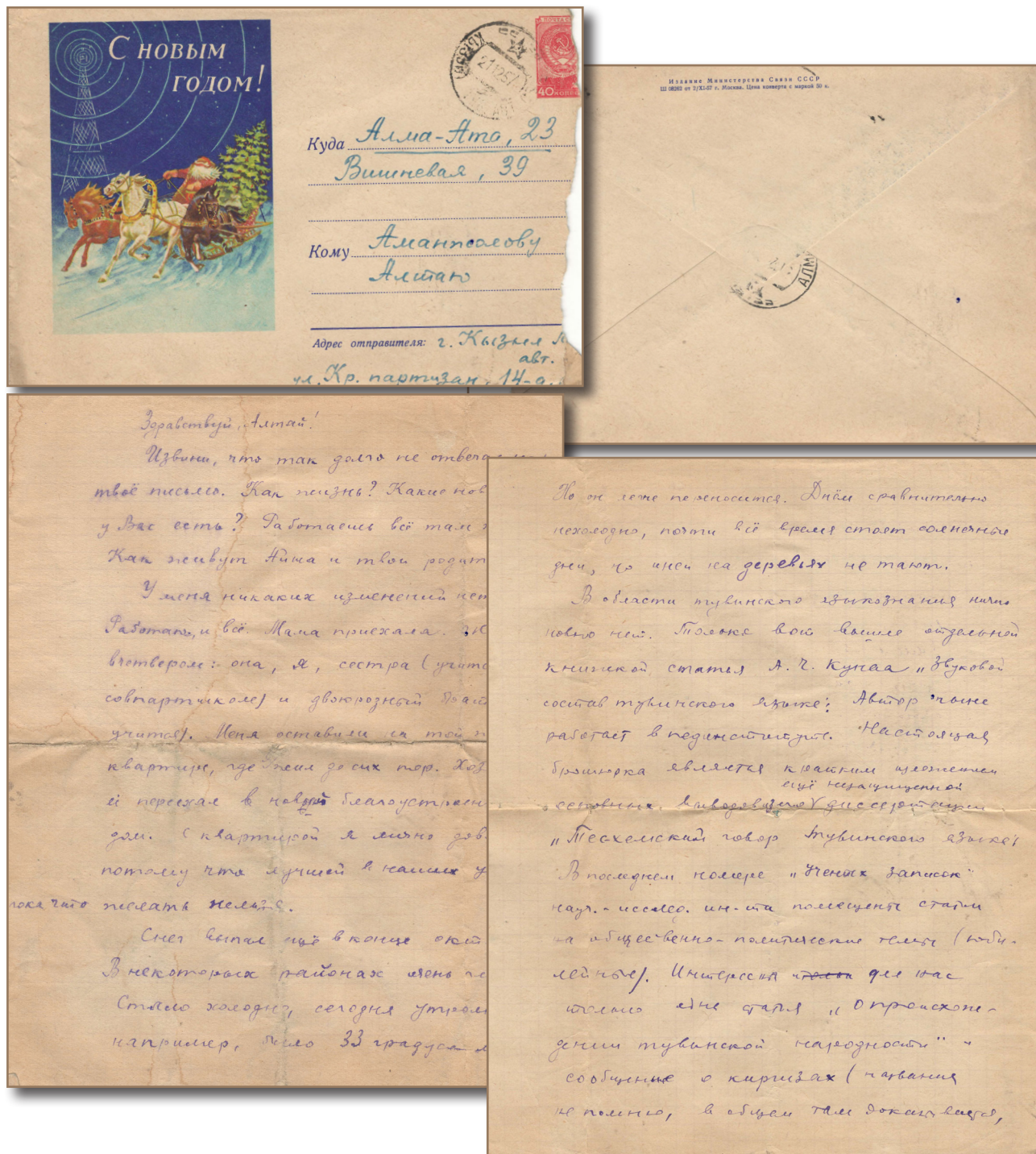

Иллюстрация 1. Конверт с оборотом и 1-2 страницы письма Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 17 декабря, отправленного 21 декабря 1957 г. (коллаж страниц).
 Figure 1. An envelope with a turnover and 1-2 pages of a letter from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated December 17, sent on December 21, 1957. (collage of pages).

Это было уже спустя полгода после окончания МГУ. В этот период вплоть до поступления в аспирантуру в 1959 г. Д. А. Монгуш работал в Тувинском областном институте усовершенствования учителей сначала методистом по родному языку, а затем — заведующим кабинетом родного языка (Серээдар, 2010: 439).

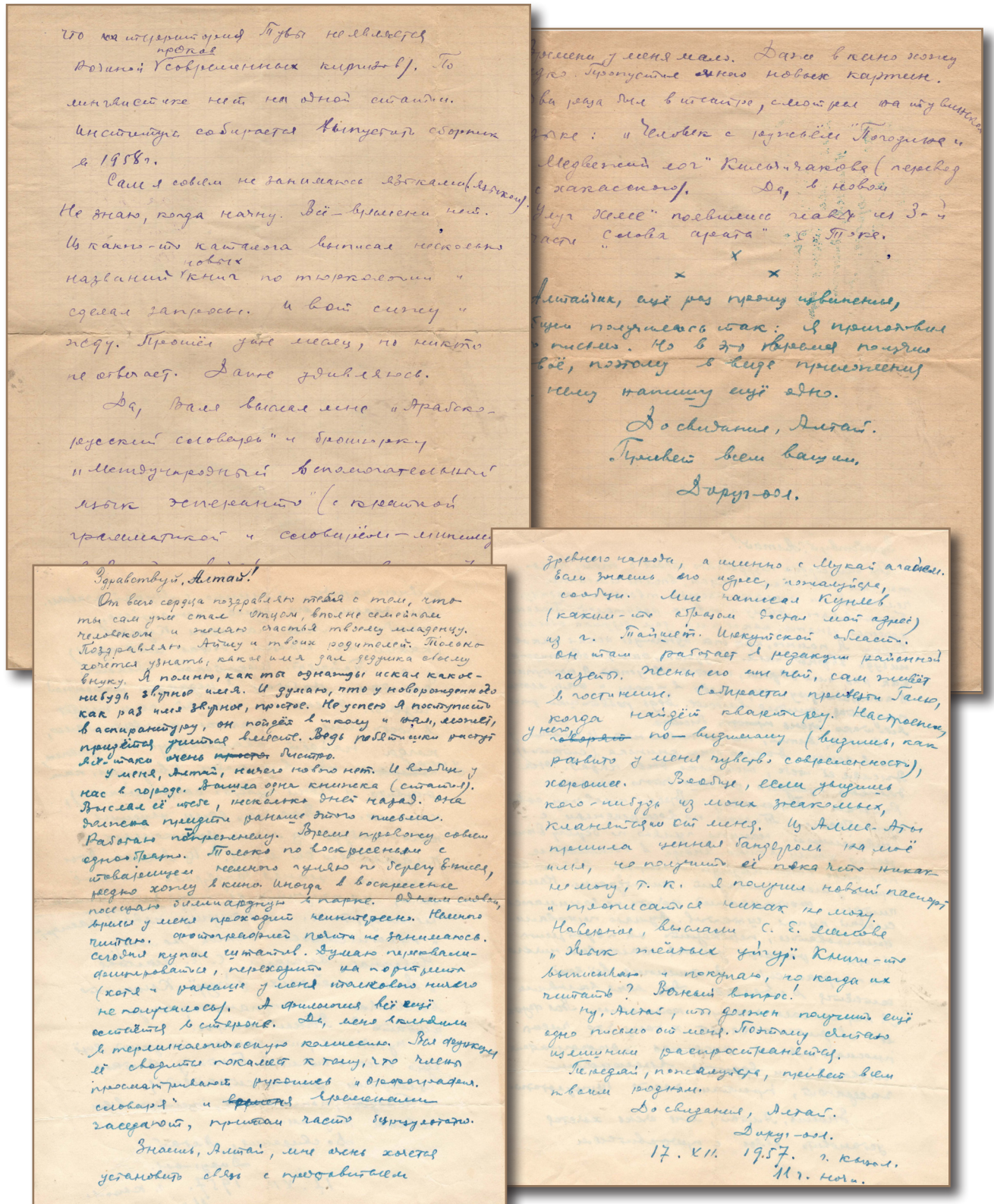
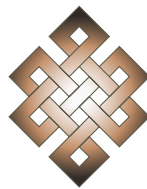

Иллюстрация 2. 3-4 страницы письма и 2 страницы приложения к письму Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 17 декабря, отправленного 21 декабря 1957 г. (коллаж страниц).

Figure 2. 3-4 pages of the letter and 2 pages of the appendix to the letter of D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated December 17, sent on December 21, 1957. (collage of pages).

Почтовый конверт с указанием адреса отправителя и получателя, рисунком, маркой, календарным штемпелем мы рассматриваем как специфическую особенность почтового письма. Штемпель, указывающий на дату отправления и прибытия письма в почтовое отделение по месту назначения, цветной рисунок с изображением запряженной в сани, скачущей по снегу тройки лошадей, Дедом-Морозом с елкой в санях на фоне Телецентра на Шабаловке — главного телевизионного и радиовещательного центра СССР до открытия в 1967 г. телецентра «Останкино», и завершающей надписью «С Новым Годом!», а также марка с изображением советского герба и указанием стоимости (40 копеек), красноречиво свидетельствуют о приближающемся празднике, который повсеместно отмечался на территории огромной страны.

Письмо, по всей видимости, написано чернилами и перьевой ручкой (в 1960-е годы шариковые ручки только входили в обиход советского человека) ровным почерком. По структуре этот текст Д. А. Монгуша, как и другие, логичен и выдержан в рамках норм, сложившихся в традиции почтовых отправлений советского периода. После вводной части, в которой автор приветствует друга, извиняется за задержку с ответом, спрашивается о здоровье адресата и его близких, Д. А. Монгуш пишет о состоянии своего личного и профессионального бытия. К нему приехала мама, живут они четвером с сестрой, которая учится в совпартшколе и двоюродным братом в квартире, которой он «лично доволен, потому что лучшей в наших условиях пока что желать нельзя». Затем Д. А. Монгуш описывает погоду: «Снег выпал еще в конце октября. Стало холодно, сегодня утром, например, было 33 градуса мороза. Но он легко переносится».

Большую по объему часть (страницы 2 и 3) занимает состояние дел в научной сфере. Здесь Д. А. Монгуш сообщает коллеге об отсутствии новых исследований в тувинском языкознании, кроме брошюры А. Ч. Кунаа «Звуковой состав тувинского языка»¹, в которой опубликованы, как он пишет, «основные выводы еще незащищенной её автором диссертации “Тес-хемский говор тувинского языка”»². В те годы отслеживание нового в науке было не скорым делом, но из текста становится понятным, что Д. А. Монгуш внимательно следит за научными событиями, актуальными для тувинского языка и культуры и обоих тюркологов:

«В последнем номере ‘Ученых записок’ науч.-исслед. ин-та помещены статьи на общественно-политические темы (юбилейные). Интересна для нас только одна статья ‘О происхождении тувинской народности’ и сообщение о киргизах (названия не помню), в общем там доказывается, что территория Тувы не является родиной предков современных киргизов³. По лингвистике нет ни одной статьи. Институт собирается выпустить сборник в 1958 г. <...> выписал несколько названий новых книг по тюркологии и сделал запросы. И вот сижу и жду. Прошел уже месяц, но никто не отвечает. Даже удивляюсь. <...> Да, в новом ‘Улуг Хеме’ появились главы из 3-й части ‘Слово арата’ С. Тока»⁴.

Историко-социальный контекст времени написания письма отчетливо проглядывается из оживания Д. А. Монгуша подписных изданий («прошел уже месяц, но никто не отвечает»). В это время только бумажные экземпляры были доступны и пересылались почтовыми отправлениями (посылками, бандеролью), получение которых растягивались на долгие дни, а порой — недели.

Основная часть письма посвящена научным проблемам, волнующих тюркологов. На 3-й странице отправитель пишет:

«Да, Валя выслал мне “Арабско-русский словарь” и брошюрку “Международный вспомогательный язык эсперанто” (с краткой грамматикой и словарём-минимумом)⁵. С Валеи и Лидой переписываюсь. У них вроде всё хорошо. У тебя есть связь с ними?».

¹ Автор дал не точно название работы. Правильно, см.: Кунаа А. Ч. Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл: б. и., 1957.

² А. Ч. Кунаа в 1958 г. защитит кандидатскую диссертацию с темой «Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка».

³ Здесь нет ошибки. Этноним «киргизы» был общепринят в советское время. Этноним «кыргызы», как более отвечающий фонетическому произношению и графическому описанию, стал актуальным после обретения суверенитета, последовавшего после распада СССР (см.: Акерев, 2017).

⁴ Полное издание: Тока С. Слово арата: роман. М.: Современник, 1973.

⁵ Следует отметить, что букву «ё» в своей корреспонденции Д.А. Монгуш всегда пишет в соответствии с её алфавитным написанием.

В конце письма (стр. 4) выясняется, что за полгода после окончания учебы Д. А. Монгушу не удалось выделить достаточно времени для досуга:

«Времени у меня мало. Даже в кино хожу редко. Пропустил много новых картин. Два раза был в театре, смотрел на тувинском языке: ‘Человек с ружьём’ Погодина и ‘Медвежий лог’ Кильчичакова (перевод с хакасского)».

Этот фрагмент иллюстрирует интересы и занятость выпускника МГУ 1957 г. После столичной студенческой жизни, наполненной и учебой, и культурными событиями, спустя полгода, ему важна осмысленность времени, остающейся после работы. Такова была общая установка выпускников университетов советского времени — не отставать от времени, быть в курсе культурной жизни общества, постоянно совершенствовать свой интеллектуальный багаж, выписывать научную литературу, много читать.

Здесь же читатель узнаёт о том, что в процессе подготовки письма к отправке отправитель получил очередное письмо от адресата.

Обращение Д. А. Монгуша к А. С. Аманжолову характеризует уважительное отношение к младшему по возрасту другу (разница между ними была 6 лет), и в целом представляет собой фоновую информацию об этикете общения однокурсников:

«Алтайчик, еще раз прошу извинения, в общем получилось так, я приготовил это письмо. Но в это время получил твоё, поэтому в виде приложения к нему напишу ещё одно. До свидания, Алтай. Привет всем вашим. Доруг-оол».

На двух страницах второго, дополнительного письма, убористым почерком автор дает новую информацию, которая обусловлена содержанием письма адресата. То, что автор считает невозможным оставить новое письмо без ответа (хотя уже написано на 4-х страницах предыдущее), позволяет делать выводы о личностном стержне Д. А. Монгуша, характеризует его как человека предельно ответственного и внимательного, искреннего и чуткого друга.

Казалось бы, он мог продолжить письмо без приветствия, но он начинает со слов: «Здравствуй, Алтай!», причем имя обведено чернилами дважды. И это после «Алтайчик» в заключительной части предыдущего. Но Д. А. Монгуш узнал из только что полученного письма информацию, что не позволяет ему добавить к имени привычный для него уменьшительный суффикс «-чик»:

«От всего сердца поздравляю тебя с тем, что ты сам уже стал отцом <...> и желаю счастья твоему младенцу. Поздравляю Айшу и твоих родителей».

Далее Д. А. Монгуш пишет о событиях, важных для обоих профессиональных и событиях из повседневной жизни.

«Вышла одна книжка (статья). Выслал её тебе, несколько дней назад. Она должна придти¹ раньше этого письма».

Здесь также информация о бандероли:

«Из Алма-Аты² пришла ценная бандероль», «Наверное, выслали С. Е. Малова “Язык жёлтых уйгур”³».

Д. А. Монгуш включен в состав терминологической комиссии, но он критически оценивает процесс работы, не удовлетворен ее продвижением: «часто безрезультатно». Но неудовлетворенность собой в этом письме особенно сквозит: «Время провожу однообразно», и при этом: «по воскресеньям с товарищем немного гуляю по берегу Енисея, редко хожу в кино. Иногда в воскресенье посещаю бильярдную в парке». И снова: «Одним словом, время у меня проходит неинтересно», и это при том, что у него есть увлечение, о котором нам не удалось узнать из других публикаций. «Фотографией почти не занимаюсь», и тут же: «Сегодня купил штатив. Думаю переквалифицироваться, переходить на портреты» и здесь же критический взгляд на себя: («хотя и раньше у меня толкового ничего не получалось»). Высокая требовательность к себе: «Работаю по-прежнему», а ниже: «а филология остаётся в стороне», хотя за неполных полгода столько сделано.

¹ Это не грамматическая ошибка; раньше допускались варианты «придти» и «притти»: слово писали так, как оно произносилось.

² Предыдущее название города Алматы.

³ Очевидно, речь идет о книге: Малов С. Е. Язык желтых уйгуров: Тексты и переводы. М.: Наука, 1967.

В этом же письме Д. А. Монгуш упоминает Куняева, написавшего ему «г. Тайшет, Иркутской области. Он там работает в редакции районной газеты». По всей видимости, речь идет о ныне здравствующем Станиславе Юрьевиче Куняеве (1932), поступившем в один год с Д. А. Монгушем в МГУ – генеральном директоре журнала «Наш современник». Остается пока не выясненным, кого имеет в виду Д. А. Монгуш в данном фрагменте письма:

«Знаешь, Алтай, мне очень хочется установить связь с представителем древнего народа, а именно с Мукай агайем. Если знаешь его адрес, пожалуйста, сообщи».

Заканчивается письмо традиционной в эпистолярном тексте заключительной частью:

«Ну, Алтай, ты должен получить ещё одно письмо от меня. Поэтому считаю излишним распространяться. Передай, пожалуйста, привет всем твоим родным. До свидания, Алтай. Доруг-оол. 17.XII.1957 г. Кызыл. 11 ч. ночи».

Письмо от 6 апреля 1959 г. на 2-х страницах (илл. 3). Датировано адресантом в конце (конверта нет).

Спустя полтора года структура текста не меняется. Д. А. Монгуш придерживается принятого каноно оформления письма. В начале, на 1-й стр. приветствие:

«Здравствуй, Алтай! Извини, что я каждый раз отвечаю на твоё письмо не вовремя. Большое спасибо за книги».

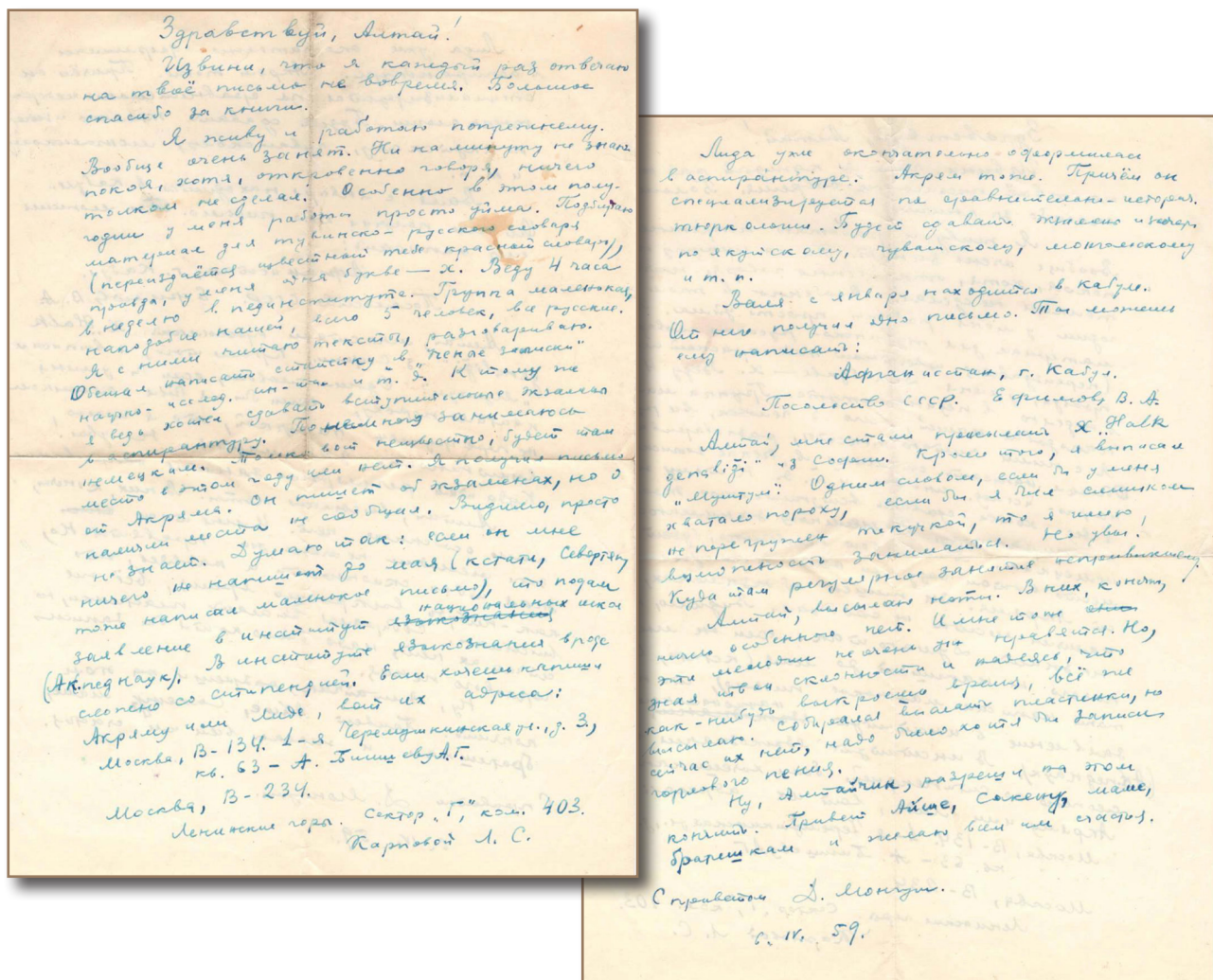
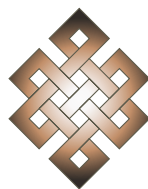

Иллюстрация 3. Письмо Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 6 апреля 1959 г. (коллаж страниц)
Figure 3. Letter from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated April 6, 1959. (collage of pages)

Далее описание текущего состояния дел Д. А. Монгуша:

«Я живу и работаю по-прежнему. Вообще очень занят. Ни на минуту не знаю покоя, хотя откровенно говоря, ничего толком не сделал. Особенно в этом полугодии у меня работы просто уйма. Подбираю материал для тувинско-русского словаря (переиздаётся известный тебе красный словарь), правда, у меня одна буква — х. Веду 4 часа в неделю в пединституте. Группа маленькая, наподобие нашей, всего 5 человек, все русские. Я с ними читаю тексты, разговариваю».

Далее Доруг-оол Алдын-оолович пишет об обещании подготовить статью в «Ученые записки» и изучении немецкого с целью поступления в аспирантуру; о письме авторитетному советскому тюркологу Севортыану¹ по этому вопросу и альтернативе поступления в аспирантуру Института языкознания АН СССР, хотя там, отмечает он, «вроде сложно со стипендией».

Из основной части письма узнаем, что Д. А. Монгуш в обстановке крайней занятости начинает работу по сбору материала для «Тувинского русского словаря». Изыскивает время для чтения научной литературы, в это время ему стали присылать почтой из Софии «Halk genaligi», он оформляет и подписку на узбекский журнал «Муштум»².

Несмотря на загруженность того периода жизни, Д. А. Монгуш не забывает об увлечениях друга:

«Алтай, высылаю ноты. <...> зная твою склонность и надеясь, что как-нибудь выкроешь время, все же высылаю. Собирался выслать пластинки, но сейчас их нет, надо было хотя бы записи горлового пения».

Пластинки или грампластинки (граммофонная пластинка) — аналоговый носитель звуковой информации, используемый с конца XIX в., был самым популярным носителем музыкальных записей, важным инструментом в жизни человека, без которой едва ли мыслилась досуговая жизнь образованных людей практически целое столетие³. Советская интеллигенция расценивала пластинки как важный ресурс для личностного развития и культурного досуга.

Информация в конце письма свидетельствует о том, что Д. А. Монгуш поддерживает связь со своими сокурсниками, одноклассниками, к моменту написания письма уже оформившимися в аспирантуре. Всех он называет по именам:

«Я получил письмо от Акряма. <...> Если хочешь напиши Акряму или Лиде, вот их адреса. <...> Лида уже окончательно оформлена в аспирантуре. Акрям тоже. <...> Валя с января находится в Кабуле. От него получил одно письмо. Ты можешь ему написать: Афганистан, г. Кабул, Посольство СССР. Ефимову В. А.».

Заканчивает письмо Д.А. Монгуш особым обращением к получателю:

«Алтайчик, разреши на этом кончить. Привет Айше, Сакену, маме, братишкам и желаю всем им счастья. С приветом Д. Монгуш. 6.IV.59.».

Почтовая открытка от 23 декабря 1978 г., датирована автором (илл. 4). Открытка, как и письмо, относится к письменной форме межличностной коммуникации, но различаются они объемом вменяемого текста. Как отмечают исследователи, открытка «в советское время использовалась в качестве инструмента массового, идеологического воздействия, а также активно участвовала в образовательных и воспитательных практиках. Однако при этом открытка в реальных процессах коммуникации часто трансформировалась в компактное и эффективное средство межличностного общения» (Ткаченко, 2020: 260).

Мы выбрали четыре открытки Д. А. Монгуша для анализа, но передано из всего было 13. Можно сделать вывод о том, что открытки были компактным и эффективным средством общения в эпистолярной практике Д. А. Монгуша. Аверсная, иллюстрированная сторона этой открытки «гласит» о приближающемся 1979 году. На рисунке — изображение Спасской башни Кремля с часами и падающего снега в обрамлении еловых веток — характерные символы, понятные каждому советскому человеку.

¹ Севортыан Эрванд Владимирович (1901–1978) — советский тюрколог-компаративист, автор «Этимологического словаря тюркских языков» (1978–2008), ставшего главным делом его жизни; был деканом филологического отделения Института восточных языков при МГУ. Очевидно, что Д. А. Монгуш писал ему как декану.

² «Муштум» (узб. *Mushtum*) — советский узбекский литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал.

³ Синеокий О. В. Бит двух цивилизаций : сага о правовой грамзаписи поп-музыки до и после гибели мировой системы социализма. М.: Изд-во ИП Галина Е. Г., 2012.

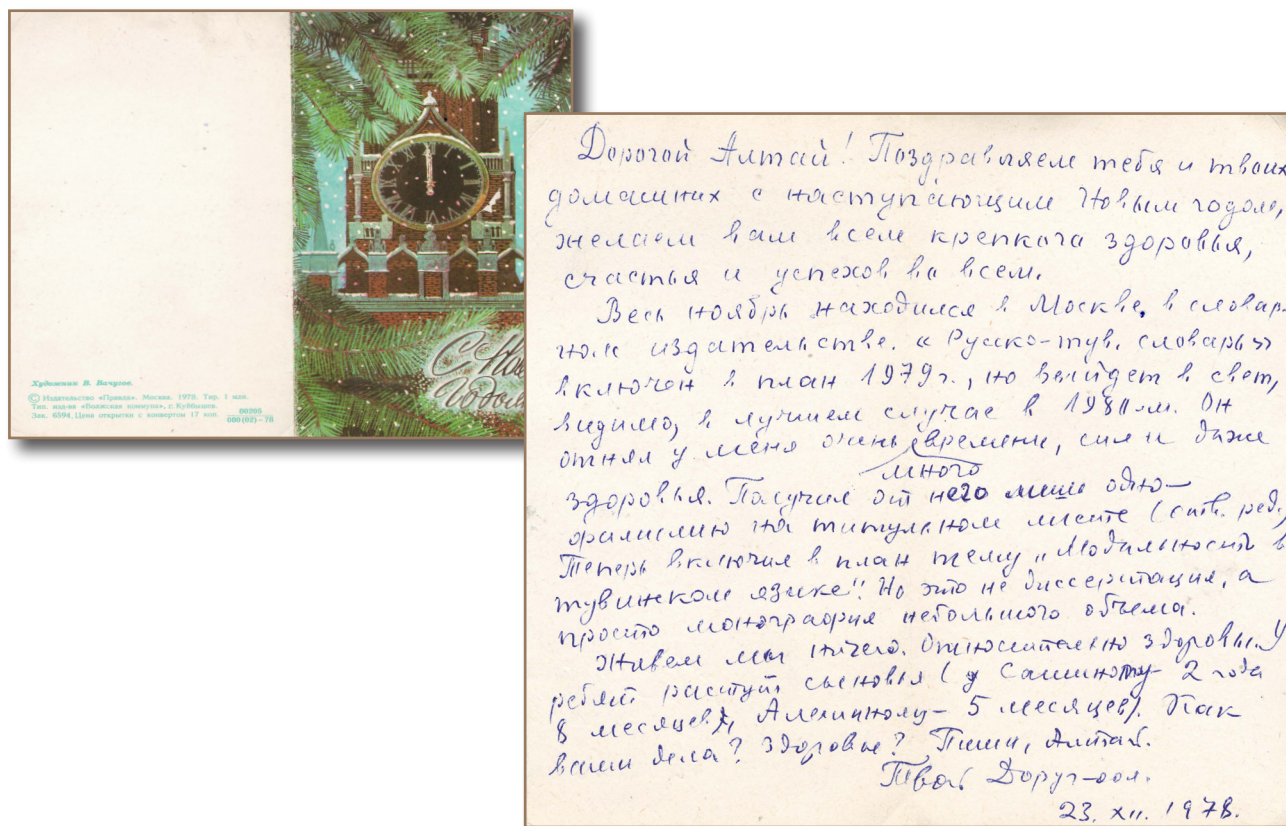

Иллюстрация 4. Открытка от Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 23 декабря 1978 г. (коллаж страниц).
 Figure 4. Postcard from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated December 23, 1978 (collage of pages)

Поздравляя от имени своей семьи семью друга, сообщает, что у его сыновей Саши и Алеши растут собственные сыновья (2 года и 8 месяцев и 5 месяцев к моменту отправления открытки). То есть, в 1978 г. Д. А. Монгушу исполнилось 50 лет и он стал дважды дедушкой.

Важнейшей информацией, характеризующей обстановку в профессиональной сфере, является новость о «Русско-тувинском словаре», включенном в план издательства на 1979 г., который, как полагает Д. А. Монгуш, выйдет в свет

«в лучшем случае в 1980-ом. Он отнял у меня очень много времени, сил и даже здоровья. Получил от него лишь одну фамилию на титульном листе (отв. ред.)¹. Теперь включил в план тему “Модальность в тувинском языке”. Но эта не диссертация, а просто монография небольшого объема».

Из этой информации можно понять о намерении Д. А. Монгуша написать докторскую диссертацию, несмотря на повседневную занятость, отягощенную многолетней, кропотливой и изнуряющей лексикографической работой, и процесс подготовки словаря к изданию, о чем говорят эти строки: «Весь ноябрь находился в Москве в словарном издательстве».

Почтовая открытка от 30 октября 1980 г., датировано отправителем (илл. 5).

Данный источник относится к тому виду почтовых открыток, которые отправляются только в конверте. Она, как и другие открытки этого вида, информирует о художнике рисунка на аверсной стороне, об издательстве «Плакат» в Москве, которому принадлежат права, о номере заказа, цене (3 копейки), тираже в 3 000 000 экземпляров и типографии издательства «Соціалістична Харківщина». Последние два параметра: тираж и название типографии свидетельствуют об идеологической важности праздника — День Октябрьской революции (7 ноября) в советском государстве, а также о едином экономическом, политическом и социокультурном пространстве.

¹ Издание выйдет в 1980 г.: Русско-тувинский словарь = Орус-тыва словарь: 32 000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980.

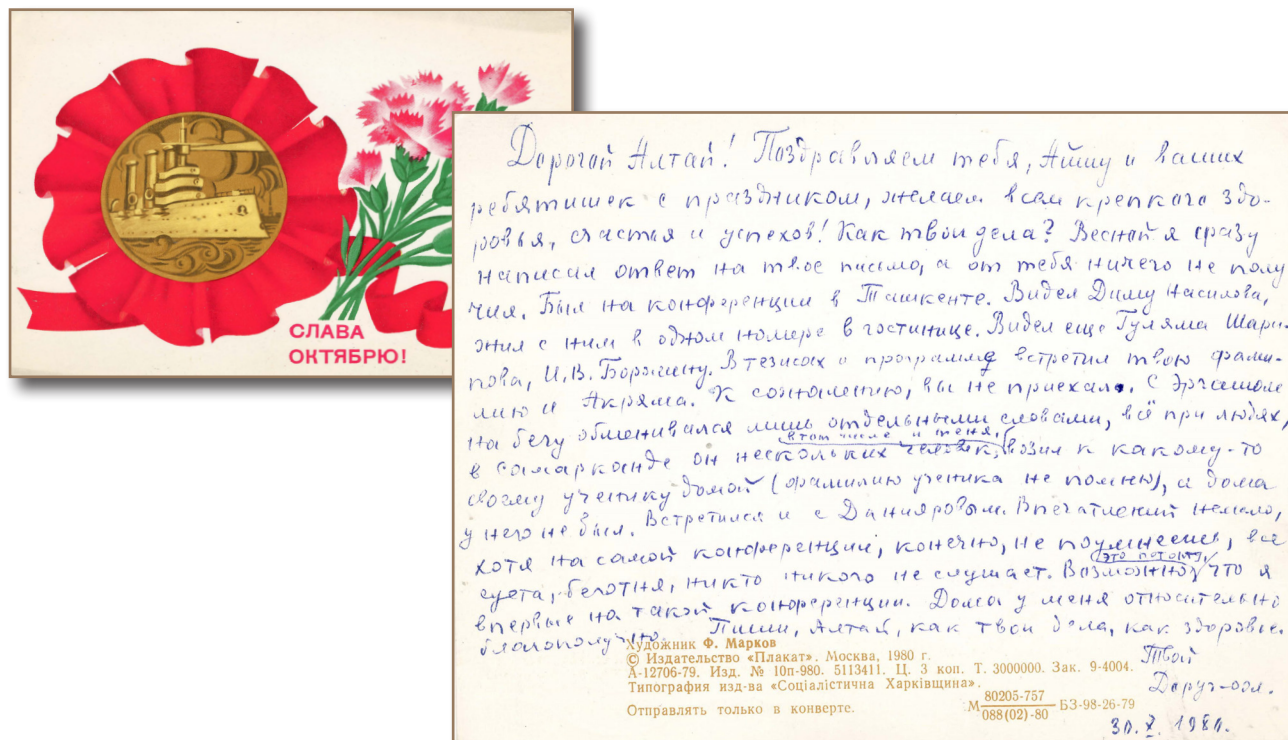

Иллюстрация 5. Открытка от Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 30 октября 1980 г. (коллаж страниц)
 Figure 5. Postcard from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated October 30, 1980 (collage of pages)

Текст этой открытки информативен и значим не только в плане понимания важности советского праздника, но и свидетельствует о желании Д. А. Монгуша как можно скорее уведомить коллегу о важном для обоих тюркологов событии.

Автор традиционно начинает с приветствия, поздравления и пожеланий:

«Дорогой Алтай! Поздравляю тебя и Айшу и ваших ребятишек с праздником, желаем всем крепкого здоровья, счастья и успехов! Как твои дела?».

Основная же часть текста посвящена информации о конференции в Ташкенте, по всей видимости, проходившей в мае 1980 г. и важной для тюркологии, поскольку отправитель пишет о встрече с тюркологом Д. М. Насиловым¹, окончившим тот же Alma Mater на год позже, чем Д. А. Монгуш и А. С. Аманжолов:

«Был на конференции в Ташкенте. Видел Диму Насилова, жил с ним в одном номере в гостинице. Видел еще Гуляма Шарипова, И. В. Бородину».

Сообщается о встрече и с другими участниками конференции. Обнаружив в тезисах и программе конференции имена А. С. Аманжолова и А. Г. Биишева, Д. А. Монгуш выражает сожаление, что те не смогли принять очное участие.

Как видим и в этом тексте, вступительное приветствие и поздравление сменяется основной частью — непременно отражающей обстоятельства и положение в профессиональной жизни и обстановку в конкретный исторический отрезок времени. Актуально и для сегодняшнего дня звучит в завершающей части следующее замечание Д. А. Монгуша о прошедшей конференции, высказанное им 44 года назад: «Впечатлений немало, хотя на самой конференции, конечно, не поумнеешь, все суета, беготня ...». Эта попутная фраза показывает преобладание традиций научных мероприятий, которая продолжает существовать и поныне, когда их участники нередко вместо полноценного научного общения встречаются с заорганизованностью и суетой.

¹ Насилов Дмитрий Михайлович (1935–2017) — российский востоковед, тюрколог, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Российская тюркология».

Иллюстрация 6. Открытка от Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 27 декабря 1980 г. (коллаж страниц)
 Illustration 6. Postcard from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated December 27, 1980 (collage of pages)

Почтовая открытка от 27 декабря 1980 г. датирована автором (илл. 6).

Текст открытки краткий:

«Дорогой Алтай! От души поздравляю тебя, Айшу и всех ваших детей с Новым годом, желаем всем крепкого здоровья, счастья и успехов в работе и учебе. Вышел «Русско-тувинский словарь». Пока не успел, но скоро пришлю тебе. Твой Доруг-оол. 27.XII. 1980».

Этот короткий текст на тематической открытке, как и другие, отражает традицию межличностного общения двух образованных людей, обязательность отправления поздравления с пожеланиями и значимой информацией. Данный источник является документальным свидетельством важного события того периода не только для Д. А. Монгуша, внесшего собственный вклад в его реализацию, и его коллеги и друга, но и для тувинского языковедения и в историю развития тюркологии. Помимо других обязательств и долженствований работа над «Русско-тувинским словарем», отнявшая много времени и сил у Д. А. Монгуша, сделала возможным появление этого научного труда, занимающего особое место не только в тувинской науке и образовании, но и востребованного разно-национальными исследователями в цифровую эпоху.

Почтовая открытка от 9 ноября 1984 г., датирована адресатом А. С. Аманжоловым как полученная в этот день (илл. 7). Эта поздравительная открытка не относится к категории открытых карточек, посылаемых без конверта, поскольку последние были снабжены адресными разметками отправителя и получателя. Уникальные ее детали заключаются в самой разнообразной информации, характеризующей профессиональную жизнь советского ученого последней трети XX в.

После традиционной вступительной части Д. А. Монгуш сообщает о ряде историко-культурных событий в Туве и столице страны:

«У нас в этом году отмечалось 40-летие Советской Тувы. В начале октября в Монголии проходили «Дни СССР в Монголии на примере достижений Тувинской АССР». В Улан-Батор выезжал и наш директор Ю. Л. Аранчын¹. Потом в Москве проводились Дни литературы и искусства Тувы. 19–24 октября я был в Москве для участия в общественно-политических чтениях. В центральной лектории выступал с докладом 1-ый секретарь обкома КПСС. Был и на открытиях Дней литературы и искусства».

¹ Аранчын Юрий Лудужапович (1926–1997) — тувинский историк, организатор науки (см.: Бичелдей, 2023).

Иллюстрация 7. Открытка от Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 9 ноября 1984 г. (коллаг страниц).
Illustration 7. Postcard from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated November 9, 1984 (collage of pages).

И тут же Д. А. Монгуш сокрушается:

«Но юбилей отнял уйму времени. К тому же было много отвлечений. Наш маленький коллектив заготовил для села 10 тонн зеленой массы для скота, 7,5 тонн сена, выкопали 3 гектара картофеля. Словом, видимо, будем отчитываться этими тоннами, гектарами и участием в разных мероприятиях».

Эта информация не только раскрывает личность Д. А. Монгуша, предпочитавшего работу праздникам. Она дает представление об историко-социальных явлениях советского студенчества. Подобные «битвы на полях» — одно из ярких свидетельств социокультурной действительности советского времени. Они происходили не только в Туве. Для научного мира, от студентов и аспирантов до профессоров, это было обычной практикой.

Только, спустя пять лет после даты отправления открытки Д. А. Монгушем была отменена эта практика.

И даже несмотря на сожаление по поводу отрыва от своей научной деятельности, Д. А. Монгуш остается верен своему делу и призванию. Реверсную сторону открытки, не предназначенной для текста, он использует для важной информации:

«Из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС стали свозить во двор ТНИИЯЛИ камни с наскальными рисунками, т. к. они в будущем году окажутся под водой. По этим рисункам М. Дэвлет¹ издала 2 книги, которые тебе, наверное, известны. Эти камни, вернее осколки скал будут где-то размещать. Так что у нас есть что-то новое для тебя. Приезжай, Алтай».

Телеграмма (илл. 8), отправлена 3 июня в 14 часов 22 минуты, год отправления этого источника нами не выявлен. Знакомство с ней позволяет расширить представление учащихся об особенностях текста-сообщения, посылаемого по телеграфу — одному из первых видов связи, использующих электрическую передачу информации. Коммуникативная ситуация этого периода не предполагала домашнего телефона в каждом доме советского человека, не говоря о сотовой, мобильной связи столь привычной в настоящее время. Люди были вынуждены идти в почтовое отделение и отправлять телеграмму.

¹ Дэвлет Марианна Арташировна (1933–2021) — советский-российский археолог, исследователь петроглифов, в т. ч. в Туве.

Иллюстрация 8. Телеграмма от Д. А. Монгуша А. С. Аманжолову от 3 июня (?) г.
 Illustration 8. Telegram from D. A. Mongush to A. S. Amanzholov dated June 3 (?)

Стоимость передачи одного слова для населения СССР в 1980-х годах составляла 5 копеек для обычных телеграмм и 20 для срочных. Теперь телеграммы практически повсеместно заменились электронной почтой и другими гаджет возможностями, прежде всего, сотовым телефоном.

В целях экономии тексты телеграмм были лапидарны по форме и писались «телеграфным стилем», как правило, опускались не только знаки препинания, но и предлоги:

«СВЯЗИ РАЗЛИВОМ РЕК СООБЩЕНИЕ СТАЛО ТРУДНЫМ СОВЕТУЮ ОТЛОЖИТЬ ВЫЕЗД ДНЕЙ ДЕСЯТЬ СООБЩИ РЕШЕНИЕ ПРИВЕТОМ ДОРУГ-ООЛ».

Этот краткий текст дает представление о климатических, погодных условиях в тогдашней Тувинской АССР, вследствие которого выезд и въезд в республику сопрягались с трудностями.

Содержание текста телеграммы позволяет также сделать вывод о профессиональных и личных отношениях Д. А. Монгуша и А. С. Аманжолова. Последний явно собирался приехать к коллеге и другу. И, по всей видимости, было отправлено после предыдущего источника, в котором Д. А. Монгуш писал: «... у нас есть что-то новое для тебя. Приезжай, Алтай».

Подводя основные итоги этого раздела, можно определенно сказать о том, что данные источники дают общую информацию об исторической эпохе второй половины XX века. В совокупности тексты Д. А. Монгуша охватывают историческое время конца т. н. «хрущевской оттепели» (1953–1964), наступившей после сталинского правления, расцвета и упадка последующего периода т. н. «брежневского застоя» (1964–1982), и канун «перестроечного времени» (1982–1984), перед эпохой «горбачевской гласности». Все эти этапы в историко-социальном плане характеризуются устойчивой позицией советского государства с присущей ей централизованной идеологией и политикой, что отчетливо проглядывается через форму и содержание почтовой корреспонденции Д. А. Монгуша.

Социально-языковой контекст этого времени отличал высокий уровень массового инационально-русского двуязычия в СССР. На протяжении этих лет языковая политика государства была направлена на гомогенизацию — русификацию.

Это «не означает, что в СССР проводился намеренный курс на русификацию¹, скорее можно говорить о всемерном продвижении и расширении функциональных возможностей общепонятного для всего го-

¹ Вместе с тем, в тот период в вузах национальных республиках СССР представители других этносов изучали местные языки. В письме от 21 декабря 1957 г. Д. А. Монгуш сообщает, что обучает группу из 5 русских студентов, изучающих тувинский язык. Из этого фрагмента становится очевидным, что в те годы тувинский язык учили не только тувинцы. То есть, политика СССР в 1957 г. ставила целью развития инационально-русского двуязычия в этих республиках.

сударства язык. <...> Достижение всеобщего национально-русского двуязычия, ставшее стандартным лозунгом с 1970-х годов, имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности — советских людей» (Беликов, Крысин, 2001: 289–290).

Таким путем достигалось доминирование русского в языковой культуре образованных представителей разных этносов, обусловившее функционирование русского языка в качестве межличностного, межнационального, межкультурного общения и преимущественного языка науки и образования. Такими билингвальными личностями и являлись тувинец Д. А. Монгуш и казах А. С. Аманжолов — яркие представители тувинской и казахской интеллигенции.

Лингводидактический потенциал эпистолярных текстов

Эпистолярные тексты Д. А. Монгуша информативны, структурно делятся на четко завершенные и логически связанные части, подчинены их целевой задаче — поддержание межличностных отношений.

Композиционно-речевое и логико-семантическое создание текстов демонстрирует высокий уровень овладения нормами русского литературного языка, этических норм частной переписки и в целом культуры межличностного общения. Каждый из них создан с определенной целью и решает конкретную коммуникативную задачу, будь то письмо, телеграмма или открытка. Солидаризируясь с определением *элитарной языковой личности*, данным М. С. Силантьевой¹, полагаем, что Д. А. Монгуша с полным правом можно отнести к *элитарным билингвальным личностям*, а его тексты — к *аутентичным*, поскольку из них можно извлечь различные знания также, как из текстов носителей языка: об этикете общения и этическом кодексе, принятом в культуре изучаемого языка; всякого рода правилах социального поведения и ядерной системе ценностей; об образцах деятельности, поведения, общения, представлениях о различных взаимоотношениях; знаниях о правах и обязанностях членов общества и правилах поведения в быту (Баграмянц, 2013: 250). Отсюда перспективы использования русскоязычных эпистолярных текстов этнически нерусской личности для целевой казахстанской школьной аудитории, изучающей русский язык, представляется нам рациональными.

Учитывая, что русский язык в нашей стране — Казахстане — не утратил весь объем функций, а также тот факт, что подавляющее большинство казахстанцев би(поли)лингвальны, русский язык остается важнейшим средством социализации и воспитания личности в нынешнем казахстанском информационном социуме. Вместе с тем, обобщение нашего лингвопедагогического опыта подводит к неутешительным выводам о том, что речевая деятельность современных учащихся школ далеко не в каждом случае соответствует возрастающим требованиям образовательных стандартов. Обладание достаточным уровнем интеллектуального развития и речевых возможностей не гарантируют достаточный уровень письменной речи. Письменные высказывания современных подростков часто содержат орфографические и текстовые ошибки: лексико-стилистические, структурно-стилистические. Если первые достаточно быстро устранимы с помощью обращения к словарям и возможностям Интернет-технологий, способным быстро предоставить правильное написание той или иной лексической единицы, то с текстовыми гораздо сложнее. Они включают более длинную цепь речемыслительных процедур (осмысление, запоминание, оформление, воспроизводство и трансформирование высказываний, синтезирование их с другими, порождение новых в письменной форме и др.).

Отсюда ощущается необходимость более эффективных методических моделей обучения эпистолярному жанру на основе писем из частной переписки, в которых элементы книжного и разговорного типов речи, совмещаясь, делают их естественными, свободными, понятными. Современные учебники по русскому языку, в частности, утвержденные Министерством образования и науки Рес-

¹ «В качестве дискурсивных доминант элитарной языковой личности выступает высокий уровень культуры, достижение говорящим коммуникативных задач, соблюдение литературных, стилевых и этических норм, стремление к постоянному речевому совершенствованию и коммуникативной ответственности» (см.: Силантьева М. С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе : автореферат дисс. ... канд. филол. н. Пермь, 2012. С. 7.

публики Казахстан, преследуют цель обучения всем видам речевой деятельности (слушание, говорение, чтение, письмо)¹. Анализ учебника русского языка для 5 класса общеобразовательных школ Казахстана показал, что в целом он предоставляет учащимся возможности для формирования коммуникативных навыков и умений. Положительно оценивая вклад авторов — коллег, полагаем, что в разделе, посвященном письменной речевой деятельности, задание «Письмо другу»² нацелено, в основном, на совершенствование письменных навыков. В этом случае учащиеся лишены образцов чужого письменного высказывания, анализ, «компрессия» которого, как показали психолингвисты (см., напр.: Залевская, 2005, 2009, 2016), необходимо для создания собственного. Использование эпистолярных текстов элитарных личностей в качестве исходных образцов также позволят получить представления не только о культурном контексте, традициях межличностного письменного общения в до-цифровую эпоху, но и понимания особенностей частной переписки как особого жанра.

Мы полагаем, что в разделах учебных пособий русского языка нового поколения целесообразно использовать образцы писем известных представителей разных национальностей, написанных на нормированном, кодифицированном русском языке, качественно отличающимися от формирующейся эпистолярной культуры и этикета в современной электронной коммуникации.

При этом формулирование заданий следует соотносить с лингвопедагогической целью, в их основу «должен быть положен принцип максимального раскрытия и развития индивидуальных особенностей обучаемого через стимулирование инициативы и самостоятельности в их познавательной деятельности» (Баграмянц, 2013: 250).

Соответствие этому принципу возможно при условии разработки вопросов и заданий, нацеленных на самостоятельное извлечение из представленных образцов писем самой разнообразной информации, раскрывающей опыт Другого. Так, перспективной представляется возможность их использования в целях получения знаний об особенностях письменного общения между людьми в до-Интернет эпоху, допустимого и недопустимого в межличностном общении образованных людей.

В частности, письма Д. А. Монгуша дают ясное представление о том, что молодые выпускники, ставшие впоследствии известными учеными, живо интересовались новым в науке, помогали друг другу научной литературой, держали в курсе дел в тюркологии, но при этом никогда не забывали узнать о личной жизни членов семьи, родных и близких коллег, которых знали их по именам. Полученные знания позволяют соотносить их с собственной письменной практикой межличностного общения и более осознанно выстраивать собственные коммуникативные стратегии и тактики и выработать критическое осмысление жанрового многообразия (чаты, блоги, интернет-дневники, гостевые книги, форумы и пр.). Стимулирование самостоятельной активности может достигаться посредством задания, нацеливающего их на поиск качественных отличий частной переписки на бумажных носителях от современных электронных. Использование эпистолярных текстов с такой целью имеет перспективу как для разработки уроков в *школьной аудитории*, так и *вузовской*, для студентов самых разных специальностей (филологи, историки, социологи, политологи и др.).

Получение знаний об отсутствующих или не актуальных предметах и явлениях в цифровой действительности способствуют упорядочиванию событий исторического времени в сознании (Герасимов, 2018: 28, 37).

В этом случае продуктивным представляется обращение к идее М. Казиника о создании методики комплексно-волновых уроков ассоциативного мышления³, основанной на метапредметном подходе. Вот как его понимает М. Казиник в изложении преподавателя Н. М. Степановой:

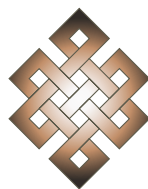
«Сегодняшнее образование формирует у детей клиповое сознание: кусочек знания из одной дисциплины, кусочек из другой. <...> Я считаю, что изучать на ботанике яблоко как растение и потом забыть об этом яблоке — это неправильно. Пусть 15 минут будет яблоко в ботанике, а дальше яблоко в истории изобразительного искусства, яблоко в культурологии и литературе, яблоко в физике. Такой подход

¹ См.: Русский язык. 5 класс. Учебник для общеобразовательных школ. Ч. 1 с изменениями и дополнениями / Е. В. Клокова, О. И. Белозерова, Т. И. Ибраева и др. Астана: Назарбаев Интеллектуальные школы, 2018.

² Там же. С. 87, 95, 104.

³ Иванов И. «Современная школа порождает дичайшую необразованность». Михаил Казиник — о том, почему учат Моцарту, а любят Стаса Михайлова [Электронный ресурс] // Мел. URL: <https://mel.fm/ucheba/uchitelya/1824957-kazinik> (дата обращения: 12.05.2024).

развивает ассоциативное мышление, развивается риторика, речь, развивается способность мыслить и сопоставлять — это очень серьезно. <...> Идеальная школа — это создание панорамного видения, воссоздание мышления во всей ассоциативной связи»¹.

Несмотря на кажущуюся идеалистичность видения этой методики обучения, идеи М. Казиника о метапредметном подходе к изучению того или иного предмета или явления представляются продуктивными и на школьных уроках по творческому письму, и в студенческой аудитории. Начиная с ознакомления с одним объектом (конверт, письмо, открытка, телеграмма) преподаватель нацеливается на развитие у учащихся «панорамного видения» в отношении почтовых отправлений второй половины XX века. Так, например, акцентирование внимания учащихся на том, что почтовый конверт является не только «функциональным контейнером», оболочкой для вкладывания, хранения и пересылки бумаг, но и символом коммуникации расширяет их кругозор, мировидение. Конверт красноречив, его детали (рисунок и марка, календарные штампы), характеризующие коммуникативную ситуацию этого исторического времени, обуславливают обращение к поиску информации из разных областей. Рисунок на конверте, засвидетельствовавший единство общих представлений советских людей, живущих «на шестой части суши» независимо от их этнической принадлежности, как и марка с изображением герба СССР, олицетворяющая один из главных символов советского государства, дают представление о политической, географической, идеологической стороне времени и даже о ценнообразовании в сфере почтовых отправлений (40 копеек, стоимость конверта с маркой — 50 копеек) в советский период.

Дополнительные знания можно получить из оформления Д. А. Монгушем адресов отправителя и получателя на конверте. Например, почерка адресанта, который в школьные годы старательно писал на обязательных уроках правописания в советской школе перьевой ручкой и чернилами. К историческим явлениям такого порядка как ушедшие в историю перьевые ручки и чернила относятся и упоминаемые к тексту пластинки. Это историко-культурное явление также стало избыточным в эпоху возможностей Интернета, когда любое желаемое музыкальное произведение воспроизводится в компьютере или телефоне. Для «цифровых аборигенов» грампластинки выглядят анахронизмом. Исключение могут составить только будущие специалисты — музыковеды и культурологи, коллекционеры, словом, увлеченные люди.

Отдельного внимания заслуживает тема почтовой открытки — компактное и эффективное средство межличностного общения. В качестве учебного материала все четыре открытки Д. А. Монгуша для целевой аудитории значимы и в личностном плане и общественном, и в плане содержательной ценности. Несмотря на меньший относительно письма объем текста, в них содержится информация о ядерной системе ценностей личности Д. А. Монгуша, основанной на его созидательной, профессиональной и научной деятельности.

Эта тема перспективна, прежде всего, в процессе подготовки будущих филологов — учителей русского языка и литературы. В частности, обучающиеся на кафедре русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби на практических занятиях по обязательным дисциплинам «Стилистика», «Культура речи», «Прагмалингвистика» студенты выполняют ряд заданий, в том числе: анализ языковых и стилистических особенностей русских эпистолярных текстов; сравнительный анализ текстов эпистолярного жанра с другими жанрами; создание собственных эпистолярных текстов. Отдельная дисциплина «Основы лексикографии в школе» преподается студентам 3 курса, обучающимся по специальности «Русский язык и литература» (лекции и семинарские занятия ведет проф. Н. Ж. Шаймерденова в течение семестра).

В рамках этой дисциплины реализуется и задача доведения до сознания студентов одной из важных целей словарной деятельности — способствовать сохранению письменной традиции. Основываясь на знакомстве с частной перепиской известных лексикографов, студенты выполняют такие задания, как: напишите письмо автору словаря; установите письменный контакт, задайте вопросы, поблагодарите автора за работу и др. В честь празднования Дня словаря им дается задание написать

¹ См.: Методическое сообщение — обзор «Михаил Казиник — новая школа будущего» / подг. Н. М. Степанова [Электронный ресурс] // Детская школа искусств Кочковского района. 2019. URL: https://dshi-kr.nsk.muzkult.ru/media/2020/08/20/1256403565/2.Metod-soobshhenie_obzor_M.KazinnikNovaya_shkola_budushhego.pdf (дата обращения: 12.05.2024).

самостоятельное письмо здравствующему лексикографу, с чьим словарем они ознакомились. В письмах они выражают свои впечатления, нередко задают вопросы для уточнения той или иной информации в словарных статьях, делятся собственным прежним представлением семантического наполнения того или иного слова.

Включение в этот лекционный курс опыт лексикографической и в целом — профессиональной деятельности Д. А. Монгуша, представляется продуктивным не только с точки зрения открытия опыта Другого, но и перспективой проектной исследовательской работы на последних курсах учебы будущих филологов.

Профессиональная, специализированная информация. Рассматривая семь эпистолярных источников Д. А. Монгуша, мы исходили из понимания, что каждый из них в отдельности представляет собой «микроисторический сюжет»¹, который связывается в целостное понимание профессиональной и личностной деятельности конкретного человека. «Осколки мозаики» позволяют внести новое знание в историю развития тувинского языкознания и тюркологии в целом.

Итак, только содержание двух писем позволяет реконструировать фрагменты биографии Д. А. Монгуша посредством обращения к иным источникам, в т. ч. персональным публикациям. Желание будущего ученого продолжить обучение в аспирантуре осуществляется в 1959 г. поступлением в аспирантуру Института языкознания АН СССР, которую он в 1962 г. заканчивает. После завершения учебы возвращается на родину, где начинает работать в ТНИИЯЛИ, а в 1963 г. публикует кандидатскую диссертацию в виде монографии.

Год спустя, в 1960 г. А. С. Аманжолов поступает в аспирантуру и в 1963 г. заканчивает её, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности» под научным руководством В. М. Насилова. Отсюда становится понятным, что одноклассники по Alma mater общались в Москве и во время учебы в аспирантуре (1960–1962).

Д. А. Монгуш выполнил и свое обещание написать статью в научный журнал, о котором он сообщил в письме. Как выясняется из статьи Н. Ч. Серээдар:

«Уже одна из ранних статей Д.А. Монгуша, напечатанная 50 лет назад, показала глубину его научного видения, независимый характер его мышления. Речь идет о форме на *-a, (-y, -ы, -и, -у, -ү), -й* и частицы *-дыр (-дир, -дур, -дүр)* в тувинском языке, которую Доруг-оол Алдын-оолович назвал “настоящим заглазным временем”» (Серээдар, 2018: 440).

Позже советский авторитетный лингвист, тюрколог-тувиновед, писатель, литературовед, переводчик, один из создателей тувинского алфавита и первой научной грамматики тувинского языка, редактор и один из составителей русско-тувинского и тувинско-русского словарей А. А. Пальмбаха и ученый, лингвист — тюрколог, исследователь хакасского языка Ф. Г. Исхаков отметили, что

«термин, предложенный Доруг-оолом Алдын-ооловичем, точно передает основное грамматическое значение этой формы и особенности ее употребления в тувинском языке, в отличие от соответствующих форм казахского и хакасского языков. Только совсем недавно, в последние годы XX века и первые годы XXI века категория эвиденциальности, т. е. засвидетельствованности действия, к которой относится и тувинская форма на *-a, (-y, -ы, -и, -у, -ү), -й* и частицы *-дыр (-дир, -дур, -дүр)*, стала предметом пристального внимания лингвистов, типологов, стала изучаться в языках разных систем, в том числе и в тюркских языках» (там же: 440–441).

Безусловно, это весомый вклад тувинского интеллектуала в общее языкознание и частное (хакасское, казахское).

Отдельные новости о многолетней работе над «Русско-тувинским словарем», подготовке его к изданию характеризуют исключительную преданность Д. А. Монгуша избранному делу — науке о языке.

---

¹ Историки с помощью использования традиционных методов исторической науки проверяют «верность гипотез об особой роли микроисторических сюжетов в объективной оценке ключевых исторических событий». Так, с помощью метода исторической реконструкции одной телеграммы им удалось, к примеру, «воссоздать историю с телеграммой императора Николая II на фоне развивающегося Фашодского кризиса с учетом оценок, существующих в российских источниках» (Шаповалов, 2018: 443).

Оценивая кропотливую лексикографическую деятельность Д. А. Монгуша над «Толковым словарем тувинского языка», К.-М. А. Симчит пишет:

«Работа над словарем — труд не легкий. И мы очень благодарны основному составителю и главному редактору словаря — ведущему филологу Тувы Доруг-оолу Алдын-ооловичу Монгушу, без которого данный словарь вряд ли вышел в свет так быстро и качественно. Поэтому очень рады напомнить, что за этот труд — «Толковый словарь тувинского языка» — главный редактор словаря Д. А. Монгуш стал обладателем премии Председателя Правительства Республики Тыва в области науки и техники за 2008 год. Значение данного словаря для тувинцев такое же, как словарь Ожегова, Ушаков и Даля — для русского языка. Поэтому данный «Толковый словарь тувинского языка» тоже может быть назван по имени составителя «словарем Доруг-оола Монгуша»» (Симчит, 2012: 178).

Значимой информацией для создания представления о личности Д. А. Монгуша является поддержка связи со своими одноклассниками, к моменту написания письма уже оформившимися в аспирантуре: Акрымом Гейбатовичем Бишевым (1926–2003) впоследствии ученого в области башкирского языкознания (лексикография, орфография, топонимика, фонетика и др.), заслуженного работника культуры Республики Башкортостан; Лидией С. Карповой (другие данные о ней не удалось выяснить). Упомянув в письмах о них, Д. А. Монгуш называет их всех по именам: Акрым, Лида, Валя. Валя — Валентин Александрович Ефимов (1933 – 2007) — одноклассник, иранист, советский и российский востоковед, автор трудов по иранскому языкознанию (иранские языки Афганистана: хазара, ормури, парачи и др.). Факт состояния с ним и с Акрымом и Лидией в переписке подтверждается почтовыми адресами, указанными Д. А. Монгушем в письме.

Результаты профессиональной, специализированной информации, выявленной из отобранных для анализа текстов, позволяют, прежде всего, сделать вывод о том, что несмотря на расцветы и падения того или иного руководящего советского истеблишмента во второй половине XX века, Д. А. Монгуш оставался верен избранному делу и не изменял ему на протяжении своей жизни и был чрезвычайно скромным человеком. Так об этом писал широко известный за пределами республики ученый и шаман М. Б. Кенин-Лопсан: «Для меня лично Доруг-оол Алдын-оолович Монгуш — это гений скромности, это яркий представитель научной интеллигенции Тувы, это мудрый учитель молодых талантов» (цит. по: Самдан, 2019: 385).

Заключение

Не претендуя на охват всей информации, которую можно извлечь из эпистолярных текстов элитарной билингвальной личности для лингводидактических целей, но исходя из установки их прикладной значимости, на примере семи источников из эпистолярного наследия тувинского ученого Доруг-оола Алдын-ооловича Монгуша, мы осуществили анализ коммуникативной ситуации и выявили основные возможности использования русскоязычных эпистолярных текстов элитарных билингвальных личностей в процессе школьного и вузовского обучения русскому языку. Не игнорируя традиционный подход к использованию аутентичных текстов — текстов носителей русского языка в процессе обучения, но расширяя инструментарий в соответствии с двуязычной ситуацией Казахстана, мы отстаиваем практическую ценность подобных текстов для усовершенствования лингвистического багажа, формирования, социализации и воспитания казахстанских учащихся.

Выявление социокультурного контекста одной человеческой судьбы, в которую так или иначе «вписана» история второй половины XX века, подводит нас к выводу о том, что эпистолярные тексты элитарных билингвальных личностей не уступают текстам носителей языка ни по степени общественной и личностной значимости для целевой аудитории, ни в плане их содержательной ценности. Сам факт знакомства учащихся с русскоязычной письменной практикой билингвального Другого, по нашему мнению, способствует раскрытию индивидуальных способностей учащихся и преодолению инерционной монологической заданности при разработке учебных материалов.

Перспективы исследований мы усматриваем, прежде всего, в необходимости дальнейшего изучения коммуникативного и лингводидактического потенциала русскоязычных текстов, авторами которых являются знаковые в разных этнических культурах личности. Только в этом случае можно поддержать или опровергнуть выдвинутый нами подход.

Не вся информация, содержащаяся в этой почтовой корреспонденции Д.А. Монгуша, подвергнута нами верификации. Это обуславливает необходимость разработки вопросов для самостоятельной исследовательской работы будущих студентов филологов и востоковедов, возможно, в виде проектной курсовой работы или тем для написания дипломных и диссертационных работ. Считаем перспективным реализацию исследовательского проекта с целью выяснения соответствия трёх каменных памятников рунического письма, обнаруженных в Туве, рисунки и тексты которых изучил А. С. Аманжолов, уточнил их перевод на русский язык (Аманжолов, 2003: 131–137) упомянутым Д. А. Монгушем «камням с наскальными рисунками», вывезенными «из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС во двор ТНИИЯЛИ». И таким путем содействовать восстановлению недостающих звеньев в истории развития общей и частной тюркологической науки.

Благодарности

Авторы выражают благодарность ректору Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессору, д. ф. н. Жансеиту Кансеитовичу Туймебаеву за организационное содействие в исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акерев, Т. А. (2017) Кыргызы Кангорая (к вопросу о правописании и соотношении этнонимов «хягяс» и «кыргыз») // Вестник Юно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. № 1. С. 6–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.14529/ssh170101>

Аманжолов, А. С. (2003) История и теория древнетюркского письма. Алматы : ЗАО «Издательство “Мектеп”». 368 с.

Бахтин, М. М. (1996) Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари. Т. 5. Работы 1940 — начала 1960 годов. 731 с.

Бахтикиреева, У. М. (2013) Памяти казахстанского ученого-тюрколога А. С. Аманжолова // Вестник Российской академии наук. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. № 1. С. 117–119.

Баграмянц, Н. Л. (2013) Лингводидактический подход к формированию языковой компетенции // Известия МГТУ «МАМИ» № 4 (18). Т. 2. С. 245–251.

Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001) Социоллингвистика. М. : РГГУ. 317 с.

Бичелдей, У. П. (2023) Юрий Лудужапович Аранчын: человек и ученый, опередивший свое время // Ермолаевские чтения. С. 21–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/2686-9624-2023-21-31>

Герасимов, Г. И. (2018) Историческое время // Философия и культура. № 4. С. 28–38.

Дай Фань (2015) Письмо, обмен опытом и личностный рост: курс по творческой письменной речи в одном из университетов континентального Китая // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. № 3. С. 35–47.

Демидов, А. Б. (1999) Феномены человеческого бытия. Минск : Издат. Центр «Экономпресс». 180 с.

Залевская, А. А. (2005) Психоллингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис. 543 с.

Залевская, А. А. (2009) Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психоллингвистики. № 9. С. 6–22.

Залевская, А. А. (2016) Психоллингвистические проблемы семиозиса // Вопросы психоллингвистики. № 3 (29). С. 93–103.

Князева, Ж. (2021) От редактора-составителя // Новые документы по истории искусствознания. Вып. 3. Памятники эпистолярного жанра: задачи и перспективы исследования / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб. : ИД «Петрополис». 588 с. С. 9–14.

Королева, И. А. (2017) Лингвокультурологический анализ писем А.Т. Твардовского к А. В. Македонову (по материалам личного архива Маргареты Томпсон, переданного в дар Литературному музею СмолГУ) // Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета. Т. 17. С. 170–177.

Монгуш, Д. А. (1963) Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 167 с.

Самдан, З. Б. (2019) Улуг одагның чырыынга... (эртемден башкывыс Д. А. Монгуштуң 90 хар оюнга) // Ученые записки. Вып. XXV / отв. ред. Б. А. Донгак. Кызыл : Типография МБОУ КЦО «Аньяк». 452 с. С. 376–388.

Серээдар, Н. Ч. (2010) Монгуш Доруг-оол Алдын-оолович — педагог, учёный, исследователь тувинского языка // Ученые записки. Кызыл. Вып. XXII. С. 439–444.

Симчит, К.-М. А. (2012) Второй том словаря Доруг-оола Монгуша // Новые исследования Тувы. № 1. С. 177–178.

Ткаченко, С. О. (2020) Открытка в коммуникативном пространстве советского времени // Культура и цивилизация. Т. 10. № 3–1. С. 254–263.

Хольме, Т. (2021) Что же такое корреспонденция? Страницы эпистолярного наследия Кнуда Йеппезена // Новые документы по истории искусствознания. Вып. 3. Памятники эпистолярного жанра: задачи и перспективы исследования / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб. : ИД «Петрополис». 588 с. С. 21–61.

Фесенко, О. П. (2008) Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. № 23. С. 132–143.

Шаповалов, М. С. (2018) История одной телеграммы: Палестина, Фашодский кризис и кайзер Вильгельм II // Вестник архивиста. № 2. С. 443–454.

Дата поступления: 12.06.2024 г.

Дата принятия: 16.07.2024 г.

REFERENCES

Akerov, T. A. (2017) Kangorai Kyrgyz (The orthography and comparison of “Khyagas” and “Kyrgyz” ethnonyms). *Bulletin of South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”*, vol. 17, no. 1, pp. 6–12. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.14529/ssh170101>

Amanzholov, A. S. (2003) *The history and theory of ancient Turkic writing*. Almaty, ZAO «Izdatel'stvo “Mektep”». 368 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1996) *Collected works: in 7 vol. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5. Works of the 1940s — early 1960s*. 731 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2013) In memory of the Kazakh scientist-Turkologist A. S. Amanzholov. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, seriia Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, no. 1, pp. 117–119. (In Russ.).

Bagramiants, N. L. (2013) A linguodidactic approach to the formation of linguistic competence. *Izvestiia MGTU «MAMI»*, no. 4 (18), vol. 2, pp. 245–251. (In Russ.).

Belikov, V. I. and Krysin, L. P. (2001) *Sociolinguistics*. Moscow, Russian State University. 317 p. (In Russ.).

Bicheldei, U. P. (2023) Yuri Luduzhapovich Aranchyn: a man and a scientist who was ahead of his time. *Ermolavskie chteniia*, pp. 21–31. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/2686-9624-2023-21-31>

Gerasimov, G. I. (2018) Historical time. *Filosofia i kul'tura*, no. 4, pp. 28–38. (In Russ.).

Dai Fan' (2015) Writing, sharing experiences and personal growth: a course in creative writing at a university in mainland China. *Vestnik RUDN. Serii Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'*, no. 3, pp. 35–47. (In Russ.).

Demidov, A. B. (1999) *Phenomena of human existence*. Minsk, Ekonompress. 180 p. (In Russ.).

Zalevskaia, A. A. (2005) *Psycholinguistic research. Word. Text: Selected works*. Moscow, Gnozis. 543 p. (In Russ.).

Zalevskaia, A. A. (2009) Speech error as a tool of scientific research. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 9, pp. 6–22. (In Russ.).

Zalevskaia, A. A. (2016) Psycholinguistic problems of semiosis. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 3 (29), pp. 93–103. (In Russ.).

Kniazeva, Zh. (2021) From the contributing editor. In: *New documents on the history of art studies. Issue 3. Monuments of the epistolary genre: tasks and prospects of research* / ed. by Zh. V. Kniazeva. St. Petersburg, ID «Petropolis». 588 p. Pp. 9–14. (In Russ.).

Koroleva, I. A. (2017) Linguistic and cultural analysis of A.T. Tvardovsky's letters to A.V. Makedonov (based on the materials of Margarita Thompson's personal archive, donated to the Literary Museum of Smolensk State University). *Russkaia filologiia: Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17, pp. 170–177. (In Russ.).

Mongush, D. A. (1963) *Forms of the past tense of the indicative mood in the Tuvan language*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 167 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2019) Ulug odagnyng chyrynga... (ertemden bashkyvys D. A. Mongushtung 90 khar oiunga). In: *Uchenye zapiski*. Issue XXV / ed. by B. A. Dongak. Kyzyl, Tipografia MBOU KTso «Anyiak». 452 p. Pp. 376–388. (In Russ.).

Sreedar, N. Ch. (2010) Mongush Dorug-ool Aldyn-oolovich is a teacher, scientist, researcher of the Tuvan language. In: *Uchenye zapiski*. Issue XXII. Kyzyl. Pp. 439–444. (In Russ.).

Simchit, K.-M. A. (2012) The second volume of the Dorug-oola Mongusha dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 177–178. (In Russ.).

Tkachenko, S. O. (2020) A postcard in the communicative space of the Soviet era. *Kul'tura i tsivilizatsiia*, vol. 10, no. 3–1, pp. 254–263. (In Russ.).

Khol'me, T. (2021) What is correspondence? Pages of the epistolary heritage of Knud Jeppesen. In: *New documents on the history of art studies. Issue 3. Monuments of the epistolary genre: tasks and prospects of research* / ed. by Zh. V. Kniazeva. St. Petersburg, ID «Petropolis». 588 p. Pp. 21–61. (In Russ.).

Fesenko, O. P. (2008) Epistolary: genre, style, discourse. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 23, pp. 132–143. (In Russ.).

Shapovalov, M. S. (2018) The story of one telegram: Palestine, the Fashoda crisis and Kaiser Wilhelm II. *Vestnik arkhivista*, no. 2, pp. 443–454. (In Russ.).

Submission date: 12.06.2024.

Acceptance date: 16.07.2024.

Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке

Жулдузбек Б. Абылхожин

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан,

Игорь В. Крупко

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО,

Республика Казахстан

В статье исследуется влияние идей культурных иерархий (воображаемые низший — высший уровни) и травм постномадизма (трансформированной культуры пост-кочевого общества) на дискурс казахстанской интеллигенции, которая в XX веке начала искать историческую субъектность казахского народа. Авторы отмечают как седентаризм (система взглядов оседлого мира на кочевой) укоренился в идеологических приоритетах и диалектике нарративов поиска исторической субъектности казахстанского социума.

Разрушение основ традиционного хозяйственно-культурного типа деятельности в результате насильственной коллективизации и седентаризации казахов в 1920–1930-х гг. продолжилось в научном и общественно-политическом дискурсе. Значительная часть казахстанской интеллигенции 1950–1970-х гг. производила исторические и культурные нарративы в рамках седентаристской традиции описания кочевой культуры как регрессивной. В то же время существовало и стремление преодолеть сформированную культурную травму «внеисторичности». Легитимной формой преодоления травмы в рамках обозначенной иерархии стало научное и идеологическое освоение археологического наследия оседло-земледельческой культуры на территории Казахской ССР.

Одновременно некоторые представители нового поколения казахстанской интеллигенции (О. О. Сулейменов, М. М. Ауэзов, Н. Э. Масанов) осуществили научное и культурное вписывание исторической субъектности пост-номадов во всемирную историю цивилизации, не дистанцируясь от кочевого культурного наследия. Однако, спустя почти столетие, влияние седентаристских иерархий продолжает сохраняться в научных, общественных и даже официальных исторических нарративах XXI века.

Ключевые слова: культурная иерархия; исторический нарратив; идеологическая дискуссия; субъектность; историческая память; история Казахстана; кочевая культура; постномадизм

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP19680622 «Идеологические дискуссии 20–50 гг. XX в. и их воздействие на деформацию научного исторического знания в советское и постсоветское время».

Для цитирования:

Абылхожин Ж. Б., Крупко И. В. Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Абылхожин Жулдузбек Бекмухамедович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела историографии, источниковедения и современной методологии Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, ул. Шевченко, д. 28. Эл. адрес: abylkhazhin@mail.ru

Крупко Игорь Владимирович — доктор наук (PhD), заместитель директора по науке и внешним связям Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, ул. Кунаева, д. 120/94. Эл. адрес: tengri95hismatulin@mail.ru

VOICES OF ASIA

Article

Ideological discussions and the search for the historical subjectivity of Kazakh society in the twentieth century

Zhulduzbek B. Abylkhozhin

Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan,

Igor V. Krupko

International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Republic of Kazakhstan

The article examines the impact of the ideas of cultural hierarchy (imaginary low – high levels) and post-nomadic traumas (transformed culture of former nomadic society) on the discourse of Kazakh intellectuals, who in the twentieth century began searching for the historical identity of the Kazakh people. The authors note that sedentarism (the view of the settled world towards the nomadic world) is rooted in ideological priorities and the dialectic of narratives about the search for the historical identity of Kazakh society.

The destruction of the traditional way of life for Kazakhs as a result of forced collectivization and sedentarization in the 1920s and 1930s continued to be discussed in scientific and political discourse. Many members of the Kazakh intellectual community in the 1950s and 1970s produced historical and cultural narratives about the idea that nomadic culture was backward. However, there were also attempts to overcome the cultural trauma of being seen as “unhistorical”. The accepted way to overcome this trauma within the existing hierarchy was through the scientific and ideological exploration of the archaeological heritage of settled agricultural cultures on the territory of Kazakh SSR.

At the same time, some representatives of the new generation of Kazakh intelligentsia (O. O. Suleimenov, M. M. Auezov, N. E. Masanov) implemented the scientific and cultural incorporation of the historical subjectivity of the post-Nomads into the world history of civilization, without distancing themselves from the nomadic cultural heritage. However, almost a century later, the influence of the sedentarian hierarchies continues to persist in scientific, public and even official historical narratives of the 21st century.

Keywords: cultural hierarchy; historical narrative; ideological discussion; subjectivity; historical memory; history of Kazakhstan; nomadic culture; post-nomadism

Financing:

The article was prepared as part of the implementation of a grant financing project by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN: AP19680622, titled «Ideological Discussions of the 20th and 50th Centuries and Their Impact on the Deformation of Scientific Historical Knowledge in Soviet and Post-Soviet Times».

For citation:

Abylkhozhin Zh. B. and Krupko I. V. Ideological discussions and the search for the historical subjectivity of Kazakh society in the twentieth century. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 265-278 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

ABYLKHOZHIN, Zhulduzbek Bekmukhamedovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief researcher, Department of Historiography, Source Studies and Modern Methodology, Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Postal address: 28 Shevchenko St., 050010, Almaty, Kazakhstan. E-mail: abylkhozhin@mail.ru

KRUPKO, Igor Vladimirovich, PhD, Deputy Director, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO. Postal address: 120/94 Kunaev St., 050010, Almaty, Kazakhstan. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5349-0256

Введение

Корни многих современных противоречий, аксиологических асимметрий, образов и подобию исторической памяти казахстанского общества, отразившись в идеологических дискуссиях XX века, проросли в пост-традиционных, пост-имперских и пост-советских культурных разломах и возведенных на их месте идеологических конструктах. Случившаяся в 20-30-е годы XX века насильственная седентаризация кочевого казахского общества вызвала радикальную перестройку факторов идентичности и субъектности (Абылхожин, 2022; Тлостанова, 2020; Камерон, 2020). В частности, до седентаризации идентичность в казахской культуре определялась кочевым хозяйственно-культурным типом, т. е. граница само-определения проходила не по линии этнической идентификации, а между кочевым и оседлым образом жизни той или иной группы. Тип деятельности и образ жизни преобладали над другими идентичностями, как «до недавнего времени государственность превалировала над этничностью в Западной Европе, а конфессиональность — на Востоке» (Масанов, 2011: 247). И только «после оседания казахов этническое самосознание заменяет хозяйственно-культурное и становится самодостаточной ценностью» (там же: 247).

Другим важным изменением стало то, что разрушение основ традиционного хозяйственно-культурного типа деятельности казахов перенаправило архетипы его родоплеменной структуры из области рационально-обусловленного — в сферу символического. Социальная структура, основанная на родоплеменных самокатегоризациях, из важного фактора экономического регулирования в традиционном казахском обществе перешла в единственную оставшуюся под относительным внутренним контролем сферу — символического ресурса. Опорой данного символического ресурса были, в том числе, образы исторической памяти, что стало дополнительным фактором возрастания ее значимости. Кроме того, академический, официальный и общественный нарративы стали во многом определяться идеологическими приоритетами, сформированными как в рамках советской идеологии, так и унаследованные от более ранних эпох.

В XX в. на процесс определения идеологических приоритетов и их выбор в деле выстраивания исторической субъектности и памяти казахстанского общества (сначала извне, затем собственными силами) значительное влияние оказали седентаристские стигматизации. В этом отношении доминирующим трендом ориенталистской части советской гуманитаристики было утверждение представлений об исторически тупиковой, деструктивной роли нomaдизма для мировой истории. Поэтому в казахстанской гуманитаристике, создававшейся силами так называемого Центра (учеными и идеологами Москвы и Ленинграда), а затем и казахстанскими учеными, проходившими обучение и научную социализацию в вышеупомянутых центрах, в нарративах исторической памяти казахстанского общества, производимых научными институциями, происходило культивирование «памяти» о городищах и памятниках оседло-земледельческой культуры, как объектах, имеющих первостепенное значение для воплощения археологических контуров нации (Бустанов, 2017).

Конечно, некоторые ученые, глубоко занимавшиеся проблемами тюркского нomaдизма, еще с конца XIX в. преодолевали седентаристские или европоцентристские предубеждения против объекта своего исследования (Синицын, 2021). Но в нарративах исторической памяти, среди широкого читателя такая иерархия культур, типов хозяйства и исторического «превосходства» доминировала всецело.

В советской исторической науке и культурных нарративах Казахстана, поначалу структурированной и направлявшейся извне, существовала седентаристская иерархия ценностей кочевого и оседлого образов жизни и типов хозяйства. Теоретики и сторонники седентаризма мыслили категориями создаваемой иерархии: кочевой образ жизни, согласно им, иерархически находился на «нижней» ступени эволюции, оседлый — на «высшей». Здесь важно отметить, что речь идет о теоретических конструкциях в умах авторов, в том числе о таком социокультурном и теоретическом конструкте, как иерархическое противопоставление и телеологическая стадильность кочевого хозяйственно-культурного типа (ХКТ) по отношению к оседлому.

Идеологический конфликт между социокультурными проекциями двух базовых ХКТ (кочевого и оседлого) в мировой культуре существовал с древности, в разные периоды обретая более острые формы или заземляясь в мирном сосуществовании, обмене и даже диалоге (Крадин, 2001). Хронологически появление этих сюжетов в казахстанской историографии относится, по крайней мере, к началу XX в., когда осмысление такой научной проблематики исследователями, идеологами и

государственными деятелями стало обретать идеологические и конкретные социально-экономические последствия для дальнейшей судьбы казахского народа и трансформаций его хозяйственно-культурного типа (Асфендияров, 1930: 15).

Последующий идеологический выбор казахстанской интеллигенции в этом вопросе можно разделить на: 1) следование выученной иерархии в исторических нарративах и 2) попытки ее преодоления. Однако на практике две эти противоположности зеркально отражались и возникали друг из друга (преодоление травмы зачастую следовало логике иерархии, соответствуя системным «ожиданиям» категорий седентаризма). Образовавшийся в результате этого процесса комплекс культурных травм стал системным в XX-м и перекочевал в XXI-й век (Мартин, 2002), когда формы национальных культур легитимно создавались в рамках советской этнической инженерии, но их более субъектное содержание блокировалось, усиливая их сопротивление, формируя в нарративах виктимизацию (синдром жертвенности) и глорификацию (поиск исторического величия).

Именно это здесь и далее определяется нами как понятие «травм постномадизма» — комплекс культурных и экзистенциальных влияний травматических событий 1920–1930-х гг., во многом определивших поиск исторической субъектности значительной части казахской интеллигенции после насильственной седентаризации казахов, а затем перешедший в научные и культурные формы в результате социализации новых поколений казахской интеллигенции в рамках седентаристских идей.

Этот ключевой и наиболее болезненный, но неосознаваемый сюжет для формирования идеологических приоритетов и нарративов в Казахстане обозначили лишь немногие исследователи.

Частично эта проблема была поставлена в последних работах Н. Э. Масанова (Масанов, 2011; Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007).

Историк К. Пужоль, исследовав данный сюжет на примере семиотики пространства Астаны (столицы Казахстана после 1997 г.), образно охарактеризовала «победу оседлой идеологии над кочевой свободой, победу письменной культуры над устной традицией» (Пужоль, 2015: 119) и «неосязаемую память кочевой культуры пространства» как неотъемлемую характеристику казахстанской культуры (там же). Вероятно, подобный эклектичный эстезис пространства новой столицы в сердце Евразии, призванный отразить новую историческую субъектность эпохи независимости, производился в попытке соединить искусственный урбанистический пейзаж и естественные корни прерванной когда-то кочевой культуры (Абылхожин, 2003: 190–191). Здесь следует заметить, что, если сравнивать два подхода к строительству столиц, то при архитектурной модернизации столицы советского Казахстана — Алма-Аты (в 1950–1980-е годы расцвета советского модернизма) — инженеры-проектировщики и художники отнюдь не игнорировали «степные мотивы», а напротив — органично вплетали их в культурный ландшафт города и идеологический узор движения пост-традиционной культуры к «светлому будущему».

Некоторые социопсихологические проекции коллективизации в казахской культуре были подробно исследованы в работе «Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты» (Абылхожин, 2022). В нашей же статье речь пойдет не столько о социальной психологии, сколько о «нарративном психоанализе» на материалах казахстанской историографии. Нас будут интересовать исключительно проекции седентаризма и постномадизма (т. е. культурной истории казахов после насильственной седентаризации) в идеологических приоритетах и нарративах истории Казахстана в XX в.

Целью работы является постановка и исследование проблемы влияния иерархических категорий седентаризма и травм постномадизма на поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX в. В этой связи мы поставили две задачи: 1) исследовать идеологические установки и приоритеты в некоторых научных работах и дискуссиях российских и советских авторов, транслировавших идеологическое наследие культурных иерархий седентаризма в научном нарративе; 2) исследовать попытки осмысления и преодоления травм пост-номадизма в работах казахстанских авторов.

Объектом исследования являются нарративы исторической субъектности казахстанского общества в научном, общественном и официальном исполнении. Предмет исследования — иерархические категории седентаризма и травмы постномадизма на обозначенном материале.

В своем исследовании мы опирались на несколько групп источников, разделяемых на:

1) академические (научные) работы (от внешних описаний исторической субъектности казахов до внутренних производителей исторических знаний и культурных парадигм);

2) тексты, составляющие общественный нарратив памяти: публикации интеллигенции, литература, в которой осуществлялись попытки осмысления главных проблем исторической памяти казахстанского общества, мемуары представителей интеллигенции, эго-документы;

3) тексты официального нарратива (язык власти): некоторые государственные программы и национальные проекты, отражающие и направляющие акценты исторической политики.

Все три категории представлены также и в архивных источниках, хранящихся в фондах Центрального государственного архива кино-фото-фонодокументов и звукозаписей Республики Казахстан (ЦГА КФДЗ РК) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Также необходимо отметить важный вопрос — субъекта познания. За XX век казахстанское общество, воплощенное в действиях и идеологемах как внешних, так и своих элит, прошло путь от объекта к субъекту познания и творчества, поэтому сначала в статье рассматриваются работы авторов «внешних» для казахстанского общества — российских, советских ученых и идеологов, идеи которых затем стали развиваться новыми поколениями формирующейся казахстанской интеллигенции в диалоге и противостоянии со своими учителями.

Корни седентаризма в научном нарративе и парадоксы культурного наследия

Идеологическое наследие иерархического мышления в категориях седентаризма можно найти в нарративах более ранних исторических эпох и на Востоке, и на Западе (Крадин, 2001). В условиях интеграции в систему Российской империи такие иерархии и нарративы использовались для патерналистской легитимации цивилизаторской политики и историософского обоснования последующего закрепления кочевников в юридической системе империи.

Потребность этого иллюстрирует, например, отчет генерал-губернатору Западной Сибири 1875 г. генерал-адъютанта Н. Г. Казнакова, приведенный в монографии Ф. Л. Сеницына:

«Со времени принятия киргизами (казахами. — *Авт.*) русского подданства успехи, достигнутые ими в гражданственности, ничтожны. Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок, вдали от русского поселения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям» (Сеницын, 2021: 18).

Протест против подобных нарративов власти-знания, осознавался и был выражен даже в таком ключевом документе правового и политического волеизъявления казахов начала XX в., как «Каркаралинская петиция» (1905 г.), подписанном 42 влиятельными представителями казахских элит. В ней сказано:

«Почему занятие скотоводческой культурой должно лишать киргиза избирательного права, когда такового права не лишает занятия торговлей, земледелием, рыболовством и другими промыслами? ... Не доказано, чтобы киргизы (казахи) общественные и государственные задачи понимали хуже русских крестьян, не говоря уже о других оседлых инородцах...» (ЦГА КФДЗ РК, ф. 537, оп. 1, д. 2, л. 14).

Проблема оседания казахов обсуждалась и на страницах газеты «Казах», и журнала «Айкап» в связи с проблемой землепользования в условиях переселенческой политики Российской империи и определением всевозможных территориальных и социокультурных границ¹. Очевидно, что проблема седентаризации для казахского общества возникла вместе с проблемами само-определения при соприкосновении и сближении с окружающим оседло-земледельческим миром, когда в XX веке пришло время жить по его седентаристским правилам.

Со временем эти правила и нарративы были использованы новой внешней администрацией для «обоснования необходимости скорейшего перевода кочевников на оседлый образ жизни» (Масанов, 1995: 9). В то же время следует отметить, интересный для нашей темы исторических нарративов, заключенный в научном описании таких более ранних ориенталистов как, например, А. И. Левшин, эффект «исторической мобильности» — перспективный потенциал историософского удреждения в будущих нарративах советского и пост-советского периодов (Левшин, 2005: 46). Казах-кочевник в этих

¹ Байтурсинов А. Тағыда жер жайынан // Айқап, 1911, № 4. 1–4 б.; Бөкейханов Ә. Қазақ һәм жер мәселесі // Қазақ, 1914, № 54; Дулатов М. Жер мәселесі // Айқап, 1911, № 11. 8–10 б.; Мәрсеков Р. Қазақ қайтсе жерге ие болады? // Айқап, 1912, № 1. 5–7 б.; № 2. 30–33 б.; Сейдалиев Ж. Жер жайынан бір-екі ауыз сөзі // Айқап, 1912, № 10. 222–223 б.; Әлжанов Ш. Тағы да жер жайынан // Айқап, 1911, № 4. 4–6 б.; Жастанбеков К. Тағы да қазақ жері жайында // Айқап, 1912, № 4. 56–58 б., 100–103 б.; № 6. 131–134 б.; № 7. 155–157 б.

нарративах предстает как неизменный представитель древней истории, застывший в культурном гомеостазе вечного движения. В этих нарративах время замедляется мобильностью в пространстве.

После 1917 г. для советских нарративов единственно правильным теоретико-концептуальным инструментарием исследования кочевников определяется марксистский: гомеостазисный «базис» номадов (в частности, казахов) в марксистской телеологии определял, что в социальной «эволюции» они не переступили границ «позднепервобытной стадии» (Крадин, Бондаренко, 2002).

Некоторые деятели казахской национальной интеллигенции еще в начале XX в. констатировали эту концептуально-травмирующую ситуацию в советских гуманитарных науках: «С представлениями о кочевом хозяйстве связано представление об очень примитивном хозяйстве с крайне низким уровнем техники, и соответственно общественная структура определяется как родовое общество, т. е. бесклассовое или переходящее к классовому обществу» (Асфендияров, 1930: 15).

Тем не менее, седентаризация преподносилась ее идеологами и проводниками как кампания «по выведению казахов-кочевников и полукочевников на рельсы культурного и социального прогресса» (Абылхожин, 1991: 58), игнорируя при этом то, что кочевой хозяйственно-культурный тип жизнедеятельности был сформирован веками объективной исторической эволюции в рамках регуляции экосистемы. Такая адаптация и породила систему пастбищно-кочевого скотоводства.

В то же время, в обозначенных дискуссиях активно выступали ученые, научно опровергавшие эти культурные иерархии и предвидевшие грядущую катастрофу массового голода 1930-х гг. Так П. П. Швецов в своей работе «Природа и быт Казахстана» (1926 г.) писал:

«...Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился до сегодняшнего дня здесь не потому, что сам казах и казахское хозяйство еще так примитивны, что не доросли в большей своей части до культурного уровня оседлого состояния. В сухих степях с редкими и скудными водными источниками человек может вести только скотоводческое хозяйство, притом хозяйство кочевое, т. к. растительность в таких местах скудная, пригодная для корма скота относительно короткое время, и скот вынужден передвигаться за кормом с места на место, иногда на огромные расстояния.... Устраните это периодическое передвижение скота, и казаху нечего в ней будет делать, т. к. никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню...» (Швецов, 1926: 93–94).

Известный теоретик сельскохозяйственного производства А. Н. Челинцев также хорошо осознавал всю пагубность игнорирования экологических условий и потому, выступая на специальном заседании в Земплане РСФСР, признавал существование достаточно жестких пределов развития в крае зернового хозяйства. В частности, он подчеркивал, что в зоне с осадками от 200 до 300 мм ведущие позиции должны сохраняться за экстенсивным скотоводством (Челинцев, 1928: 5).

Однако, аргументы специалистов заглушались в высоких партийных кабинетах, поскольку их «сидельцы» уже объявили очередной бой с объективной историей и экологией (Голощекин, 1930).

Произошедшая в 1920–1930-е гг. седентаризация продолжилась в укреплении идеологических приоритетов гуманитарных наук, изучавших казахскую историю и культуру (Абылхожин, 1991). В середине XX в. в этой области актуализировалась концепция автохтонизма, авторы которой утвердили исследование всех древних и средневековых объектов, находившихся на территории национальных республик СССР в качестве автохтонного культурного наследия титульных народов этих республик. Применительно к советским историко-археологическим школам республик Центральной Азии концепция развивалась С. Толстовым (Толстов, 1933). В результате казахстанской интеллигенцией осуществляются научные и творческие исследования и освоение культурного наследия городов Центральной Азии, включение его в нарративы обретения исторической субъектности (Шнирельман, 2009). В этот процесс включились новые поколения казахстанской интеллигенции уже на правах производителей знаний.

Так с 1950 г. А. Маргуланом и последующими поколениями археологов Казахстана разрабатывалась теория взаимозависимости номадов Центрального Казахстана и жителей оседло-земледельческих оазисов Юго-Восточного Казахстана (Маргулан, 1950). При этом идея наибольшей значимости средневековых городов в арсенале культурного наследия стала основополагающей. Дальнейшее комплексное исследование темы позволило ученым говорить о длительном опыте взаимовыгодного сосуществования различных хозяйственно-культурных типов на данной территории в зависимости от комплекса исторических и природно-климатических факторов (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972).

Некоторые усилия советской культурной и исторической политики привели к результатам далеким от изначального замысла. В частности, свою роль здесь сыграли идеологические ограничения, существовавшие как в вопросе «внеисторичности» кочевой культуры, так и проблеме начала субъектности. На закономерный вопрос новых поколений казахской интеллигенции «Откуда отсчитывать свою историю?» давался весьма определенный ответ. Так, например, в 1947 г. первый секретарь ЦК КП(б) КазССР Ж. Шаяхметов выразил доминировавшую идеологическую установку так: «Подлинная история казахского народа, как и других народов Советского Союза, началась только после Октябрьской революции»¹. Такие идеологические границы исторической памяти определили основные направления деятельности интеллигенции во второй половине XX в. А представления о такой иерархии, выстроенные на патерналистской основе младших и старших братьев (народов и культур), вызывали у национальной интеллигенции потребность преодолевать эти ограничения в поиске исторической субъектности.

Парадокс заключался и в том, что идеологическое руководство страны, с одной стороны, стимулировало рост этнонационального самосознания, а с другой — блокировало проявления субъектности, выходящей за дозволенные пределы предписанного статуса «младшего брата» и пресекало попытки осмыслить драматические страницы истории такого родства.

Интересным, но закономерным парадоксом исторической памяти казахстанского общества стало переформатирование культурного наследия. Влияние на это оказал процесс возросшей борьбы с религией в Советском Союзе, называемый «хрущевской антирелигиозной кампанией» апофеоз которой происходил в 1958–1964 гг. Этот процесс в сочетании с некоторыми трансформациями «оттепели» стал одной из причин наполнения отдельных важных идеократических установок обновленным содержанием (Штырков, 2011). Так, например, в 1958 г. на XIII съезде ВЛКСМ начался новый этап борьбы за «новую обрядность», интересным образом повлиявшая на процесс нациестроительства в советских республиках². Основным идеологическим содержанием этой кампании оказалась борьба за «прогрессивные» народные традиции. Результатом ее стало выведение обрядов, ритуалов, древних и средневековых археологических памятников из-под определения «религиозные» и обозначение их в качестве «народных». Эта коммеморативная практика *recycling* — переформатирование культурных артефактов, первоначальное значение и назначение которых меняется путем наполнения новым социальным смыслом (Штырков, 2011), в свою очередь, оказало дополнительное влияние на рост этнонационального самосознания в республиках.

Самой репрезентативной работой на границе идеологического и научного нарративов в этом вопросе стала брошюра К. Акишева и Е. Агеевой «Древние памятники Казахстана», изданная в 1958 г. (Акишева, Агеева, 1958). В ней ученые ретранслируют обозначенные выше идеологические меседжи следующим образом:

«Главной задачей брошюры является восстановление исторической правды... Известно, что строительство их осуществлялось руками народа, под руководством талантливых мастеров-умельцев, выходцев из народа. Поэтому эти памятники считаются не мавзолеями того или иного хана, султана, бия, а национальным памятником, памятником народной архитектуры» (там же: 4).

Завершается книга призывом: «...учителя-историки должны противопоставить широкую пропагандистскую работу среди населения, особенно среди молодежи, по разъяснению научно-познавательного характера этих памятников, популяризировать древние архитектурные памятники как гениальные творения народа» (там же: 60).

Так на границе научного и идеологического нарративов осуществлялось переосмысление функции сакральных памятников и археологических объектов в формате общенационального культурного наследия.

Именно тогда, в эту «осевую» для казахстанской культуры эпоху 1960–1980-х гг. хронотоп исторической памяти казахстанского общества обрел смыслообразующее содержание — героические и трагические образы средневековой городской культуры. 1960–1980-е названы нами «осевой эпохой»

¹ Шаяхметов Ж. 30 лет борьбы и побед казахского народа под знаменем Ленина-Сталина // Большевик Казахстана. 1947. Ноябрь. № 11. С. 31.

² Шеварднадзе Э. А. Речь на XIII съезде ВЛКСМ // Комсомольская правда. 1958. 18 апреля. № 92. С. 4; Шелепин А. Н. Доклад секретаря ЦК ВЛКСМ тов. А. Н. Шелепина // Комсомольская правда. 1958. 16 апреля. № 90. С. 3.

для казахстанской культуры, поскольку именно в эти десятилетия зрел многосложный континуум образов и смыслов, парадигм и нарративов, травм и открытий, ставший основой новой субъектности Казахстана.

Первые попытки преодоления травм пост-номадизма в работах казахстанских авторов второй половины XX века

Одной из первых известных нам попыток такого публичного осмысления травмы седентаризации и коллективизации стало выступление на Пленуме Союза писателей КазССР 15 сентября 1975 г. культуролога и литературоведа М. Ауэзова. Мы приведем обширную цитату из его речи, наиболее показательную в отношении нашей темы:

«В Казахстане в результате перегибов, допущенных в области коллективизации, в 1932–1933 годах произошел голод. Численность населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов резко сократилась. Об этом знают в каждой семье. Не знают этого, за редким исключением, бумага, холст, экран. Если быть точнее, не знает художественное сознание...»

Крах традиционного кочевья был предопределен объективным ходом истории, но финал его был столь трагичным, что последствия глубочайшего шока, поразившего национальное сознание, дают о себе знать и теперь. Не сумев отреагировать на происшедшее, казахское художественное сознание лишилось главного свойства — быть пронизательным и правдивым...» (Ауэзов, 2018: 98).

Одной из причин такого призыва к исторической памяти во многом стало сочетание идеологических послаблений оттепели, давших в 1960–1970-е годы свои результаты, и в то же время идеократические ограничения в осмыслении интеллигенции идеологических проектов коммунистического будущего. Критическое, научное и творческое осмысление было естественным образом направлено на неосмысленные проблемы прошлого с тем, чтобы ответить на вопрос «Кто мы?». Табуирование той или иной темы (в особенности, такой травматической как массовый голод и разрушение основ хозяйственно-культурного типа) до конца 1980-х гг. не могло не породить травмы и блокировать часть созидательных сил культуры (Ауэзов, 2016).

Культурная травма, вызванная мног десятилетней интeориторизацией седентаристских стигматизаций, отражалась в произведениях казахстанской интеллигенции. С середины XX в. часть национальной интеллигенции включается в активный процесс открытого преодоления этих иерархий и идеологических приоритетов, переизобретая и находя образы своей исторической субъектности. Наиболее очевидно это проявилось в искусстве тех лет, а особенно — в фильмах, посвященных историко-культурной тематике и создававших историософские формулы «маршрутов в будущее»: «История знака коровы», «Память земли», «Писатели двух континентов», «Город, который люблю»¹.

В дневниках 1970-х гг. М. Ауэзов записывает афоризм, раскрывающий суть творческого метода обретения субъектности, возможного только в нарративах искусства, но не науки: «Кровоточат раны — не в храме академизма им исцеление» (Ауэзов, 2011: 76). В 1976 г. составленный им научный сборник «Эстетика кочевья», изданный Институтом философии КазССР тиражом 3 тыс. экземпляров, представлявший одну из первых попыток ответить на волновавшие национальную интеллигенцию экзистенциальные вопросы обретения исторической субъектности, был изъят и уничтожен служителями госбезопасности (там же: 78).

В том же 1976 г. по стране пронеслась широкая волна идеологических дискуссий и осуждения книги «Аз и Я» О. Сулейменова, оказавшей значительное влияние на общественный нарратив исторической памяти казахстанского общества (Сулейменов, 1975). В книге автор в переплетении струн мировой истории обозначил линию культурного развития тюркского номадизма, в разные периоды влиявшего не только на военно-политическую, но и оставившего отчетливые следы в истории разных культур. Поэт исследовал альтернативную идеологическим установкам исторических нарративов историю че-

¹ ЦГА КФДЗ РК (1968), арх. № 2044 «История знака коровы», режиссер Ю. Мингазитдинов, оператор В. Осеников, автор сценария О. Сулейменов, студия «Казахфильм»; ЦГА КФДЗ РК (1970), арх. № 4867 «Память земли», режиссер А. Батпаев, оператор Р. Сабиров, научный консультант А. Маргулан, студия «Казахфильм»; ЦГА КФДЗ РК (1973), арх. № 3449 «Писатели двух континентов», режиссер А. Машанов, операторы Б. Арстанбеков, Б. Даулбаев, А. Ишанов, автор сценария А. Машанов, студия «Казахфильм»; ЦГА КФДЗ РК (1981), арх. № 4809 «Город, который люблю», режиссер и оператор А. Лаптев, студия «Казахфильм».

ловческой мысли, воплощенную, не менее чем в других, в знаках неопредмеченной культуры кочевников (Крупко, 2023).

О том, как чутко идеологическая система реагировала на подобные «отклонения» (а на деле — естественные требования исторической справедливости в попытках разобраться в своем прошлом, неотделимом от истории мира) свидетельствует мощная кампания, развернувшаяся в 1975–1976 гг. Автора и издателей книги, несмотря на строгие выговоры и два осуждения (первое — в Академии наук СССР, второе — в ЦК Компартии Казахстана), от более серьезных последствий спасла только активная позиция первого секретаря ЦК КП КазССР Д. А. Кунаева, заручившегося поддержкой Брежнева в противостоянии с секретарем ЦК по идеологии — М. Суловым (Сулейменов, 2023). Так, например, в записке секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину заместитель министра иностранных дел СССР В. Семенов писал:

«Фактически это настоящая вылазка националистического, пантюркистского характера, направленная против линии КПСС в области дальнейшего укрепления дружбы народов и советского патриотизма. О. Сулейменов пишет, что у него имеются “последователи” среди писателей Казахстана. Возможно, это нацелено на сколачивание диссидентов-националистов» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11).

В статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» 1977 г., опубликованной в журнале ЮНЕСКО «Культура» автор «Аз и Я», спустя год после идеологической кампании против книги и почти полного изъятия ее тиража (160 тыс. экз.) рефлексировал об этом так:

«Кто такой кочевник? Для ума, воспитанного историческими трудами, кочевники — это скитающиеся орды, которые не имели никакого понятия о границах или о собственности на землю. Они не были знакомы ни с моралью, ни с правом. И, естественно, не ведали таких высоких категорий, как вера, честь, совесть, любовь... Я выступаю как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками» (Сулейменов, 1990: 38).

Материалы таких идеологических дискуссий позволяют исследовать, как идеологи, транслировавшие обозначенную выше иерархию культур, проводили в республиках «наушение этничности», но в итоге сформировали у советских пост-кочевых народов травмированную субъектность. И все же, часть казахской национальной интеллигенции, как мы видим, посвятила жизнь преодолению травматических образов «тупиковой исторической роли» номадизма, навязанных седентаристской историографией.

В то же время, следуя тому же стремлению преодолеть культурную травму «внеисторичности», но не преодолевая саму логику иерархии «кочевого как регрессивного — оседлого как прогрессивного» большинство представителей гуманитарного сообщества Казахстана не выстроило внутренних границ своей исторической субъектности, оказавшись в седентаристской ловушке между представлениями о примордиальной неспособности к историческому созиданию и рецепцией культурного наследия городов Центральной Азии, оказавшихся на территории КазССР. Границы между подлинным и конструируемым культурным наследием пост-номадизма перемешались в соответствии с принципом территориальных границ национальных республик в XX в.

Таким образом, в призме абсолютизированной тогда концепции линейно-поступательной динамики исторического процесса номадизм продолжал восприниматься и в конце XX в. как тупиковая ветвь исторического и социокультурного развития, «застывшего» в циклическом хронотопе степи. Поэтому фактор кочевничества оставался «неудобной» данностью для поиска и утверждения седентаристской исторической субъектности казахстанского общества. Последняя же нередко понималась как «встраивание» в универсальную прогрессивно-поступательную «линейку» исторического развития. Атрибутивным же «пропуском» в ее ряды считались для аграрных обществ земледелие и городская культура (Плетнева, 1967).

Все это продолжало усиливать значимость историко-археологических поисков земледелия и следы городской культуры на территории, очерченной границами КазССР. Участились также нарративы, в которых с удовлетворением и гордостью утверждалось, что и в более поздние периоды XIX — начала XX века кочевники стихийно и массово переходили к оседлому земледелию (свидетельству «прогресса») (Лиджиева, 2023; Сеницын, 2021). И тогда частным (локальным) фактам и явлениям придавался характер всеобщности.

Вероятно, отчасти и сказанным выше объясняется, почему даже в более поздний период после 1991 г. в казахстанской историографии нередко игнорировались публикации выдающегося ученого-кочевниковеда Нурболата Масанова, последовательно, на научных основаниях отстаивавшего право номадизма казахов на историческую субъектность, несмотря на многочисленных оппонентов в лице травмированных седентаризмом коллег (одному из авторов этой статьи вспоминается, как на одном заседании диссертационного совета один из его членов, профессор вопрошал: «До каких пор Масанов и ему подобные будут унижать казахов и писать, что они были кочевниками?», что характерно при этом немало других членов совета восприняли эту ремарку с выраженным одобрением).

Н. Э. Масанов еще со второй половины 1980-х гг. в своих публикациях исследовал причинно-следственную детерминацию природно-климатического императива и пастбищно-кочевое скотоводства. Однако при этом он не ограничивался лишь констатацией смыслов географического посибилизма, но предложил его развернутый и детальный анализ. Территория Казахстана являлась одним из самых обширных в мире ареалов номадизма и Н. Масанов опирался в своем анализе на огромное многообразие региональных источниковых материалов, исследуя их вариации (Масанов, 2011).

Он детально описал адаптивно-адаптирующие возможности кочевничества как эффективного способа достижения гомеостаза – динамического равновесия природных и социально-экономических предпосылок хозяйственной деятельности. При этом подчеркивалось, что номадизм настолько органично интегрировался в аридизированную экосистему, что стал выполнять определенную функцию в ее воспроизводстве.

Углубленное описание характеристик потенциальной емкости экосистемы позволило ему убедительно показать несостоятельность распространенного в литературе мнения, что кочевое скотоводство в процессе своего развития неизбежно вступает в фазу спонтанной седентаризации. Как писал ученый, возможности такой эволюции блокировались не только доиндустриальным уровнем развития производительных сил аграрного общества, но и, главным образом, постоянством природно-климатических императивов (Масанов, 1995).

Важное значение имеет концепция Н. Масанова об ареальных и маргинальных зонах функционирования кочевое скотоводства. К ареальным он относил аридные пространства Казахстана, к маргинальным – субаридные территории, имевшие анклавно-вклинивавшиеся конфигурации или занимавшие периферийное положение по отношению к кочевому ареалу. И именно на границах периметра маргинальной зоны прерывалась распространенность земледелия и городской культуры. Отметим также, что, занимаясь проблемами этногенеза, исследователь полагал, что признаки этнизации имели больше предпосылок для своего накопления в ареальных зонах номадизма, тогда как в маргинальных – они растворялись (Масанов, 2011).

Значительный объем новых знаний был произведен Н. Масановым в области изучения социально-экономических отношений в традиционных структурах. В частности, он глубоко проанализировал функции и реальные (но не воображаемые) смыслы патриархально-генеалогических (родоплеменных) и регионально-партикуляристских (жузовых) идентификаций и связей, отмечая при этом, что они играли роль своеобразных социально-информационных сетей, востребованных и объективировавшихся именно спецификой номадного способа производства.

Можно было бы еще долго продолжать перечень научно-оригинальных позиций исследователя. Серьезные исследователи номадизма, читая фундаментальную монографию Н. Э. Масанова «Кочевая цивилизация казахов» (Масанов, 2011), которая, к сожалению, оказалась итоговой в научном творчестве ученого, не могут не заметить, что почти каждый ее проблемный раздел насыщен новаторскими для казахстанской историографии концептуальными прозрениями. Однако, вопреки признанию его международным научным сообществом, в казахстанских нарративах ситуация с признанием права кочевой культуры казахов на историческую субъектность, мало изменилась со второй половины XX в.

О сохраняющемся приоритете наследия средневековой городской культуры перед кочевым прошлым казахского народа свидетельствует даже факт закрытия и переформатирования Института исследований номадизма, созданного в последний год жизни Н. Э. Масанова (2005–2006 г.) и просуществовавший еще несколько лет до 2011 г. под руководством И. Ерофеевой.

Несмотря на наличие серьезного интеллектуально-новаторского задела, воплощенного в научном творчестве описанных выше авторов, влияние седентаристских иерархий оказалось сильнее научного нарратива, отразившись в официальном нарративе эпохи независимости¹. В нем диалектика кочевого и оседлого составляет сложное культурное наследие, очерченное территориальными границами, изучаясь в едином пространстве национальной истории (Байпаков, 2014: 25–30; Нурпеисов, 2020).

Заключение

Травмированная в результате разрыва основ своего автохтонного хозяйственно-культурного типа, историческая субъектность казахского общества формировалась на протяжении всего XX в., обретая себя как одну из драматических линий развития мировой культуры в рамках седентаристской историософии и культурной иерархии «кочевого — оседлого».

Поиск и обретение обновленной исторической субъектности казахстанского общества новыми поколениями казахстанской интеллигенции проводился в равной мере в соответствии с идеологическими приоритетами советского государства и в виде открытых интеллектуальных протестов против них. Одной из ключевых стратегий в этом деле стал поиск субъектности через внутренний диалог с мировой культурой (поиск в истории фактов влияния степных кочевников на цивилизации древности) (Крупко, 2023), используя форму советской этнокультурной инженерии для производства нового содержания символического ресурса исторической легитимности казахстанской нации.

Исследованные травматические факторы XX в. продолжают определять идеологические потребности и рамки научного и общественного нарративов обретения исторической субъектности и памяти казахстанского общества и в XXI в. Открытым остается вопрос: возможно ли обозначить генеалогию своего знания и памяти в современных условиях, чтобы продолжить процесс нациестроительства на обновленных основаниях? Возможно ли вынуть из памяти травмирующие установки или осмыслить их как факторы, определявшие процесс обретения исторической субъектности дольше века? Какие усилия необходимы, чтобы осознать историческую роль кочевой культуры на территории Казахстана, воплотившую силу народа, преодолевшего изнурительные природно-климатические условия, в бесконечных перекочевках сотен поколений выработав комплекс адаптивно-адаптирующих методов взаимодействия с аридизированной экосистемой и создавшего собственную историко-культурную нишу в разнообразии мировых культур?

Вероятно, для такого осознания нужно, во-первых, возрождение критической интеллектуальной традиции в самой казахстанской историографии и культуре, а во-вторых, формирование интеллектуалами знаков и образов исторической субъектности, обоснованных историческими знаниями, которые вернут казахстанской культуре право на действие в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылхожин, Ж. Б. (1991) Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата : Ғылым. 240 с.

Абылхожин, Ж. Б. (2003) Казахстан: рурализация городов и эскалация конфликта между «модернизаторской» и «традиционалистской» идентичностями // Центральная Азия и Кавказ. № 6. С. 190–198.

Абылхожин, Ж. Б. (2022) Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: культурные и социально-экономические аспекты. Алматы : LEM. 300 с.

Акишев, К., Агеева, Е. (1958) Древние памятники Казахстана. Алматы : Казахское государственное издательство. 60 с.

Акишев, К., Байпаков, К. М., Ермакович, Л. Б. (1972) Древний Отрар (Топография, стратиграфия, Перспективы). Алматы : Наука. 214 с.

Асфендияров, С. А. (1930) Ислам и кочевое хозяйство // Атеист. № 58. С. 3–18.

¹ Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии (к подготовке 10-томной истории казахов и Казахстана) [Электронный ресурс] // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2014, сентябрь — октябрь, № 5 (297). С. 226–232. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/625> (дата обращения: 10.02.2024).

- Ауэзов, М. М. (2016) *Времен связующая нить*. Алматы : Жибек Жолы. 756 с.
- Ауэзов, М. (2011) *Дневники: уйти, чтобы вернуться*. Алматы : Жибек жолы. 292 с.
- Ауэзов, М. (2018) *Өнөгелі өмір [Жизнь замечательных людей]* / под ред. Г. М. Мутанова. Вып. 131. Алматы : Қазақ университеті. 371 с. (На каз. яз.).
- Байпаков, К. М. (2014) Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // *Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции* / отв. ред. О. В. Кузнецова. Алматы : б. и. 306 с. С. 8–14.
- Бустанов, А. (2017) *Между нацией и артефактом: восточная археология в советском Казахстане // Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей* / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семёнов. М. : ООО «Садра». 424 с. С. 76–98.
- Голощекин, Ф. И. (1930) *Партийное строительство в Казакстане. Сборник речей и статей (1925–1930 гг.)*. М. : Гос. Изд. РСФСР. 344 с.
- Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте (2015) / отв. ред. С. Штырков. СПб. : Издательство Европейского университета. 280 с.
- Камерон, С. (2020) *Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана*. М. : НЛЮ. 212 с.
- Крадин, Н. Н. (2001) *Кочевники в мировом историческом процессе* // *Философия и общество*. № 2 (23). С. 108–138.
- Крадин, Н. Н., Бондаренко Д. М. (2002) *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М. : Институт Африки РАН. 201 с.
- Крупко, И. В. (2023) *Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг.* // *Уральский исторический вестник*. № 1 (78). С. 123–132. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Лаумулин, М. Т. (2000) Рецензия на книгу: «Le Kazakhstan» by Catherine Poujol. Paris: Presse Universitaire, 2000» // *Казахстан-Спектр*. № 3–4. С. 35–39.
- Левшин, А. И. (2005) *Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей*. Павлодар : МОН РК. ПГУ им. Торайгырова, НПФ «ЭКО». 212 с.
- Лиджиева, И. В. (2023) «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. №2 (75). С. 11–20.
- Маргулан, А. Х. (1950) *Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана*. Алма-Ата : Издательство АН КазССР. 122 с.
- Мартин, Т. (2002) *Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?* // *Ab Imperio*. № 2. С. 55–87.
- Масанов, Н. Э. (1999) *Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество* // *Вестник Евразии*. № 1. С. 46–61.
- Масанов, Н. Э. (2011) *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества*. Изд. 2-е, доп. / сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. Алма-Ата : Print-S. 740 с.
- Масанов, Н. Э., Абылхожин, Ж. Б., Ерофеева, И. В. (2007) *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. Алма-Ата : Дайк-Пресс. 296 с.
- Нурпеисов, М. М. (2020) *Судьба средневековых городов Жетысу на трассе Великого Шелкового пути* // *Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. Т. 4. № 67. С. 180–189.
- Плетнева, С. А. (1967) *От кочевий к городам*. М. : Наука. 208 с.
- Пужоль, К. (2015) *Видимая и невидимая реманентная память кочевнической культуры пространства постсоветских городов* // *Мир Большого Алтая*. № 1 (3). С. 260–265.
- Синицын, Ф. Л. (2021) *Россия и кочевники. От древности до революции*. М. : Издательство ВЕЧЕ. 288 с.
- Сулейменов, О. О. (1975) *Аз и Я*. Алма-Ата : Жазушы. 304 с.
- Сулейменов, О. О. (1990) *Кочевники и культура: казахский эксперимент. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы*. Аз и Я. Алма-Ата : Жалын. 592 с.
- Сулейменов, О. О. (2004) *Ты — мой герой. Собрание сочинений в 7 т.* Алма-Ата : Атамұра. Т. 6. Публицистика. 439 с.

Сулейменов, О. О. (2023) Так было... Алматы : Service press. 424 с.

Тлостанова, М. В. (2020) Деколониальность бытия, знания и ощущения. Алма-Ата : Центр современной культуры «Целинный». 192 с.

Толстов, С. П. (1934) Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества ; Пленум Гос. акад. истории материальной культуры. 20–22 июня 1933 г. / С. Н. Быковский, Е. К. Некрасова, А. С. Поляков, А. Г. Пригожин, В. И. Равдоникас, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов, М. М. Бвибак. М. : ОГИЗ Социально-экономическое издательство. Вып. 103. 395 с. С. 165–199.

Челинцев, А. Н. (1928) Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. № 4–5. С. 1–39.

Швецов, С. П. (1926) Природа и быт Казахстана: Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Л.: Наркомзем Казак. АССР. 186 с.

Шнирельман, В. (2009) Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // Неприкосновенный запас. № 4(66). С. 70–86.

Штырков, С. (2011) Советские корни этнического традиционализма: случай Северной Осетии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 4. С. 66–79.

Дата поступления: 14.02.2024 г.

Дата принятия: 24.05.2024 г.

REFERENCES

Abylkhozhin, Zh. B. (1991) *The traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920–1930)*. Alma-Ata, Gylm. 240 p. (In Russ.).

Abylkhozhin, Zh. B. (2003) Kazakhstan: the ruralization of cities and the escalation of the conflict between “modernizing” and “traditionalist” identities. *Tsentral’naia Aziia i Kavkaz*, no. 6, pp. 190–198. (In Russ.).

Abylkhozhin, Zh. B. (2022) *Essays on the history of the traditional structure of the Kazakhs in the first Soviet decades: cultural and socio-economic aspects*. Almaty, LEM. 300 p. (In Russ.).

Akischev, K. and Ageeva, E. (1958) *Ancient monuments of Kazakhstan*. Almaty, Kazakh State Publishing House. 60 p. (In Russ.).

Akischev, K., Baipakov, K. M. and Erzakovich, L. B. (1972) *Ancient Otrar (Topography, Stratigraphy, Prospects)*. Almaty, Nauka. 214 p. (In Russ.).

Asfendiarov, S. A. (1930) Islam and nomadic farming. *Ateist*, no. 58, pp. 3–18. (In Russ.).

Auezov, M. M. (2016) *The thread connecting the times*. Almaty, Zhibek Zholy. 756 p. (In Russ.).

Auezov, M. (2011) *Diaries: leave to return*. Almaty, Zhibek zholy. 292 p. (In Russ.).

Auezov, M. (2018) *The lives of wonderful people* / ed. by G. M. Mutanova. Issue 131. Almaty, Қазақ universiteti. 371 p. (In Kaz.).

Baipakov, K. M. (2014) From the history of the study of the archaeological and cultural heritage of Otrar, Otrar oasis and Kazakhstan. In: *Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the work of the South Kazakhstan integrated Archaeological expedition* / ed. by O. V. Kuznetsova. Almaty, s. n. 306 p. Pp. 8–14. (In Russ.).

Bustanov, A. (2017) Between a Nation and an Artifact: Oriental Archaeology in Soviet Kazakhstan. In: *Muslims in the New Imperial History: a collection of articles* / ed. by V. O. Bobrovnikov et al. Moscow, ООО «Sadra». 424 p. Pp. 76–98. (In Russ.).

Goloshchekin, F. I. (1930) *Party building in Kazakhstan. Collection of speeches and articles (1925–1930)*. Moscow, Gos. Izd. RSFSR. 344 p. (In Russ.).

The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet context (2015) / ed. by S. Shtyrkov. St. Petersburg, European University Press. 280 p. (In Russ.).

Cameron, S. (2020) *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan* / transl. from Engl. Moscow, NLO. 212 p. (In Russ.).

Kradin, N. N. (2001) Nomads in the world historical process. *Filosofia i obshchestvo*, no. 2 (23), pp. 108–138. (In Russ.).

- Kradin, N. N. and Bondarenko D. M. (2002) *A nomadic alternative to social evolution*. Moscow, Institut Afriki RAN. 201 p. (In Russ.).
- Krupko, I. V. (2023) Subjectivity of the Kazakh nomadic culture in the 1960s poetry of Olzhas Suleimenov. *Ural Historical Journal*, no. 1 (78), pp. 123–132. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Laumulín, M. T. (2000) Book review: “Le Kazakhstan” by Catherine Poujol. Paris: University Press, 2000. *Kazakhstan-Spektr*, no. 3–4, pp. 35–39. (In Russ.).
- Levshin, A. I. (2005) *Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes*. Pavlodar, MON RK. PGU im. Toraigyrova, NPF «EKO». 212 p. (In Russ.).
- Lidzhieva, I. V. (2023) “To look forward to settlement”: imperial policy in foreign territories. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 2 (75), pp. 11–20. (In Russ.).
- Margulan, A. Kh. (1950) *From the history of cities and the construction art of ancient Kazakhstan*. Alma-Ata, AN KazSSR Publ. 122 p. (In Russ.).
- Martin, T. (2002) An affirmative action empire: the Soviet Union as the highest form of imperialism? *Ab Imperio*, no. 2, pp. 55–87. (In Russ.).
- Masanov, N. E. (1999) Kazakh political and intellectual elite: clan affiliation and intraethnic rivalry. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 46–61. (In Russ.).
- Masanov, N. E. (2011) *The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the nomadic society*. 2nd ed / comp. by L. E. Masanova and I. V. Erofeeva. Alma-Ata, Print-S. 740 p. (In Russ.).
- Masanov, N. E., Abylkhozhin, Zh. B. and Erofeeva, I. V. (2007) *Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan*. Alma-Ata, Daik-Press. 296 p. (In Russ.).
- Nurpeisov, M. M. (2020) The fate of the medieval cities of Zhetysu on the Great Silk Road. *Bulletin Abai KAZNPU, the series of “Historical and socio-political sciences”*, vol. 4, no. 67, pp. 180–189. (In Russ.).
- Pletneva, S. A. (1967) *From nomads to cities*. Moscow, Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Puzhol', K. (2015) Visible and invisible permanent memory of the nomadic culture of the space of post-Soviet cities. *Mir Bol'shogo Altaia*, no. 1 (3), pp. 260–265. (In Russ.).
- Sinitsyn, F. L. (2021) *Russia and the nomads. From antiquity to the revolution*. Moscow, Veche Publ. 288 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (1975) *Az and Me*. Alma-Ata, Zhazushy. 304 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (1990) *Nomads and culture: a Kazakh experiment. Essays, journalism. Poems, poems. Az and Me*. Alma-Ata, Zhalyñ. 592 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (2004) *You are my hero*. Collected works in 7 vols. Alma-Ata, Atamýra. Vol. 6. Publitsistika. 439 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (2023) *It was like that...* Almaty, Service press. 424 p. (In Russ.).
- Tlostanova, M. V. (2020) *The decoloniality of being, knowledge and feeling*. Alma-Ata, Tsentri sovremennoi kul'tury «Tselinnyi». 192 p. (In Russ.).
- Tolstov, S. P. (1934) The genesis of feudalism in nomadic pastoral societies. In: *The main problems of the genesis and development of feudal society*; Plenum of the State Academy of the history of material culture. June 20–22, 1933. Moscow, OGIz Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. Issue 103. 395 p. Pp. 165–199. (In Russ.).
- Chelintsev, A. N. (1928) Prospects for the development of agriculture in Kazakhstan. *Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana*, no. 4–5, pp. 1–39. (In Russ.).
- Shvetsov, S. P. (1926) *Nature and way of life of Kazakhstan: Kazakh economy in its natural-historical and everyday conditions*. Leningrad, Narkomzem Kazak. ASSR. 186 p. (In Russ.).
- Shnirel'man, V. (2009) The symbolic past. The struggle for ancestors in Central Asia. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4(66), pp. 70–86. (In Russ.).
- Shtyrkov, S. (2011) The Soviet Roots of Ethnic Traditionalism: the case of North Ossetia. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 4, pp. 66–79. (In Russ.).

Submission date: 14.02.2024.

Acceptance date: 24.05.2024.

Современное бытование фольклора гайнинских башкир Бардымского района Пермского края

Гульфира Р. Абдуллина, Гульшаян Г. Алимбаева, Зиля А. Султанова

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье представлен анализ современного состояния жанров фольклора гайнинских башкир Бардымского района Пермского края. Авторы опирались на материалы проведенной экспедиции в данный район в 2023 г., а выявление степени сохранности местного фольклорного материала осуществляли путем сравнения с результатами экспедиций ученых-предшественников в 1963, 2006, 2013 гг.

В ходе анализа установлено, что крупные эпические произведения исчезли из обихода уже к началу текущего столетия. Было записано единственное эпическое предание о родоначальниках гайнинцев — братьях Айна и Гайна. Оно является, по мнению авторов, частью древнего башкирского эпоса. Его варианты были ранее записаны и включены в научные сборники, предположение о котором уже имеется в научной литературе.

Песенный фольклор, также доминировавший в прошлом веке, характеризуется угасанием жанров протяжной песни озон көй и баитов. В настоящее время фиксируются в основном только короткие песни и частушки. Широкое распространение в нынешней гайнинской среде имеют мунажаты — религиозные песнопения. Самыми распространенными остаются малые жанры фольклора (поговорки, приметы, благопожелания).

Ключевые слова: башкиры; гайнинские башкиры; башкирский фольклор; эпический жанр; такмак; мунажат; сохранность фольклора

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 23-28-01247 «Язык и фольклор гайнинских башкир (экспедиция в Бардымский район Пермского края)».

Для цитирования:

Абдуллина Г. Р., Алимбаева Г. Г., Султанова З. А. Современное бытование фольклора гайнинских башкир Бардымского района Пермского края // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 279-288. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.16>

Абдуллина Гульфира Рифовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: abguri@yandex.ru

Алимбаева Гульшаян Габсалямовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения и башкирского языкознания Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: alimbaewa5@mail.ru

Султанова Зиля Азатовна — ассистент кафедры востоковедения и башкирского языкознания Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: zilya_sultanova_96@mail.ru

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

The modern existence of folklore of the Gayninsky Bashkirs of the Bardymsky district of the Perm Krai

Gulfira R. Abdullina, Gul'shayan G. Alimbaeva, Zilya A. Sultanova

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents an analysis of the current state of folkloric genres among the Gayninsky Bashkirs in the Bardymsky district of the Perm Krai. The authors based their research on materials from an expedition to the region in 2023 and compared them with the results of previous expeditions conducted by scientists in 1963, 2006 and 2013 to assess the degree of preservation of local folkloric material.

During the analysis, it was discovered that large epic works had ceased to be used in everyday life by the beginning of the current century. The only surviving epic legend about the ancestors of the Gainin people, the brothers Aina and Gaina, has been recorded. According to experts, this is part of an ancient Bashkir epic that has previously been recorded and included in scholarly collections, as mentioned in the available scientific literature.

Folklore songs, which also dominated the last century, are characterized by the disappearance of the genres of long-drawn-out songs of the Ozon Koy and Baits. Currently, only short songs and chants are recorded. Religious chants, known as Munajats, are widely used in the current Gainin culture. The most common genres of folklore are small ones, such as proverbs, sayings, omens and benevolence.

Keywords: Bashkirs; Gaininsky Bashkirs; Bashkir folklore; epic genre; takmak; Munazhat; preservation of folklore

Financing

The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 23-28-01247 supported by the Russian National Science Foundation «The language and Folklore of the Gainin Bashkirs (expedition to the Bardymsky district of the Perm Territory)».

For citation:

Abdullina G. R., Alimbaeva G. G. and Sultanova Z. A. The modern existence of folklore of the Gayninsky Bashkirs of the Bardymsky district of the Perm Krai. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 279-288 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.16>

ABDULLINA, Gulfira Rifovna, Doctor of Philology, Professor, Dean, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: abguri@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3597-007X

ALIMBAYEVA, Gul'shayan Gabsalyamovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: alimbaewa5@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5344-1561

SULTANOVA, Zilya Azatovna, Assistant, Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistic, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: zilya_sultanova_96@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2554-9342

Введение

В данной работе современное состояние фольклора гайнинских башкир Бардымского района Пермского края анализируется на основе сравнения материалов экспедиции 2023 г. с результатами предыдущих исследований по итогам выездов 1963, 2006 и 2013 гг. В вышеназванном регионе проживают представители самого древнего башкирского рода Гайна, проблема сохранения духовно-культурного наследия которых, в том числе и фольклора, является одной из острых, как, впрочем, и для многих тюркоязычных народов.

Как показывает анализ тюркологических исследований последних лет, изучение современного облика регионального фольклора осуществляется через активную экспедиционную деятельность. Заслуживают внимания при этом научные статьи по местному фольклору тувинского, якутского, хакасского, бурятского народов (Баранмаа, 2018; Даржа, Сувандии, Кужугет, 2022; Самдан, 2023; Юша, 2013; Илларионова, Павлова, 2017, 2018; Мухоплева, Павлова, 2019; Чаптыкова, Челтыгмашева, 2016; Чистобаева, Майнагашева, 2017; Гымпилова, 2011 и др.).

Что касается гайнинского рода, научная литература располагает немалыми источниками по истории и этнографии этого крупного башкирского племени. Особо следует отметить труды Р. Г. Кузеева по историческому этногенезу и межродовым атрибутам (Кузеев, 1992), Н. М. Кулбахтина, А. З. Асфандиярова, содержащие результаты исследований по истории, хозяйственно-бытовому укладу жизни гайнинских башкир (Кулбахтин, 2002; Асфандияров, Асфандиярова, 1999). Ценные сведения по истории, этнографии гайнинского рода содержит 11-й том научного издания, посвященного истории башкирских племен с включением фактоустанавливающих архивных документов, материалов родословных, ревизских данных (История башкирских родов. Гайна, 2015). Культурно-языковые особенности гайнинских башкир также изучены, систематизированы на материалах экспедиций 1963, 1973, 2006 и 2013 гг., организованных Институтом истории, языка и литературы УФИЦ РАН. Результатом этой работы является включение фольклора гайнинского племени в ряд сборников по башкирскому народному творчеству, издание коллективного труда «Башкиры-гайнинцы Пермского края. История, этнография, антропология, этногеномика» (Башкиры-гайнинцы, 2012), сборника «Ғәйнә башкорттары фольклоры» (Ғәйнә башкорттары ... , 2012), подготовка и издание отдельных исследовательских статей (Хакимьянова, Юлдыбаева, 2018; Хуббитдинова, Юлдыбаева, 2020), а также отражение диалектизмов региона в лексикографических изданиях¹.

Несмотря на это, вопросы, связанные с изучением современного состояния фольклора рассматриваемой этнической группы на актуальном на сегодняшний день полевого материале и выявлением степени сохранности либо исчезновения тех или иных жанров фольклора, остаются пока открытыми. В связи с этим целью данного исследования является анализ современного состояния фольклора гайнинских башкир на материалах экспедиции 2023 г. в сравнении с результатами предыдущих выездов 1963, 2006 и 2013 гг. В соответствии с поставленной целью следует решить следующие задачи: выявление степени сохранности эпических жанров фольклора гайнинцев; описание изменений в жанровом составе песенного фольклора; определение уровня современного бытования малых жанров фольклора.

Материалом для исследования послужили сведения по местному фольклору, полученные от информаторов свыше тридцати населенных пунктов Бардымского района Пермского края с компактным расселением гайнинских башкир.

Основным методом исследования явился сравнительно-исторический анализ, с помощью которого на основе сравнения полевого материала экспедиции 2023 г. с результатами исследований по итогам предыдущих выездов был установлен уровень сохранности эпических, песенных и малых жанров фольклора в среде современных гайнинских башкир.

Сохранность эпического фольклора гайнинских башкир

Анализ материалов экспедиции 2023 г. невольно наталкивает на мысль об угасании фольклорного наследия в регионе. Первое, что насторожило участников данного выезда, — это то, что ими не было

¹ Словарь башкирских говоров / ред. Н. Х. Максютова. Уфа: Китап, 1987. Т. 3: Западный диалект; Диалектологический словарь башкирского языка / ред. М. И. Дильмухаметов и др. Уфа: Китап, 2002.

выявлено ни одного крупного эпического произведения, которые когда-то составляли «значительное место в фольклорном наследии башкирского народа» (Зарипов, Сагитов, 1987: 8). В отличие от экспедиции 1963 г., организованной чуть более полувека назад, когда фольклористы имели возможность говорить об устойчивости эпических традиций, записав из уст гайнинских башкир несколько легенд и преданий о происхождении башкир-гайнинцев, множество топонимических и исторических легенд, а также 16 сказок (в большинстве случаев на бытовую тематику), материалы выездов XXI в., указывающие на «прекращение существования эпических жанров, постепенное угасание устной традиции бытования сказки», возможность записи эпических текстов лишь «во фрагментарном виде, в форме пересказа» (Хакимьянова, Юлдыбаева, 2018: 159), вовсе не радуют.

В ходе экспедиции 2023 г. удалось записать лишь одно предание о родоначальниках башкир-гайнинцев, братьях Гайна и Айна, из уст главного специалиста Башкирского историко-культурного центра в Пермском крае Рафиса Рамисовича Мукаева (1974 г.р.). Оно, как оказалось, явилось одной из версий этногенетических легенд о происхождении гайнинских башкир, записанных фольклористом А. Н. Киреевым в 1963 г. и включенных во II том свода «Башкирское народное творчество: Предания, легенды» под названиями «Әйнә менән Ғәйнә», «Толбуйзар» и «Ғәйнә ырыуы»¹. Русскоязычный вариант данных легенд представлен и в книге «История башкирских родов. Гайна»².

Записанный во время нынешней экспедиции вариант легенды довольно сильно отличается от вышеобозначенных версий: он повествует об освобождении братьями Солнца, которое было украдено и проглочено злым Ярынтыком от чувства зависти к тому, что Айна и Гайна жили между собой очень хорошо и дружно. В отличие от варианта под названием «Әйнә менән Ғәйнә», записанного А. Н. Киреевым, отрицательным героем в котором является злая ведьма, а верным спутником джигитов — священный олень, Айна не выживает, а, закрывая грудью своего брата Гайну, погибает от ядовитой стрелы Ярынтыка. Как гласит легенда, кровью Аины заливаются все вокруг, природа плачет, реки стонут. Тогда Гайна обращается к реке:

«– Әй син, синсез йылға, минем туғаным, Әйнә мәрхүм былған жирим, үз күзләрем белән күрдем, ницек катыны, балалары йауыз Ярынтыктан тол калғанын, тол иткәнән. Былсын инде исемең Тол, ә син — кецкәнә йылға — сыктадың да сыктадың. Әйдә, синең күз йәңләрен тән гүүк, Төнгүк йылғасы тип атыыйк сине абыйым Әйнә исталегенә» 'Была ты, река, свидетелем того, как жена Аины осталась вдовой, а дети его — сиротами. Так пусть имя твое будет Тол (в переводе 'вдова, вдовец'. — Авт.). А ты, маленькая, все плакала, все стонала, слезы твои как ночка», — говорит он маленькой речушке, — назовем тебя Тюньгук (Төнгүк 'как ночь')»³.

Вонзив насмерть злого Ярынтыка стрелой, пронизанной чувствами дружбы, любви, возвращает он таким образом на землю Солнце, а вместе с ним и свет, мир и согласие. В знак благодарности царь Урал батыр даровал ему, отцу семи сыновей, землю, долину реки Тол (Тулва), на которой от рук злодея погиб Айна. Впоследствии и сыновья Гайны защищали родину от врагов, боролись за счастливое будущее своего народа' (Мукаев Рафис Рамисович, 1974 г.р., с. Барда).

Записанную во время нынешней экспедиции легенду с предыдущими — «Әйнә менән Ғәйнә» и «Ғәйнә ырыуы» — связывает мотив освобождения Солнца, в первом случае из заточения злой ведьмы, во втором — дракона. Присутствие самого образа Солнца, которому как матери, как женскому божеству поклонялись древние тюрки (Хисамитдинова, 2016: 117; Монгуш, 2022: 125; Кенин-Лопсан, 2002: 17), указывает на то, что все варианты этого предания восходят к далекому прошлому. В этом плане нельзя не согласиться и с тем предположением, что вышерассмотренные варианты об Аине и Гайне могли быть «частью некогда известного древнего эпоса башкирского народа» (Хуббитдинова, Юлдыбаева, 2020: 455).

Угасание эпического наследия, как нам кажется, характерно в современном мировом сообществе для многих народов, в том числе и тюркоязычных. Причиной этому, возможно, является «возрастание роли телевидения и иных средств культурного досуга (просмотр художественных, научно-популярных, документальных фильмов, мультфильмов, передач для детей на других языках)» (Юша, 2020: 35), в буквальном смысле затеняющих то, что веками служило народу и составляло основу народной педагогики.

¹ Башкорт халык ижады. Легенда һәм риуәйәттәр [Легенды и предания] (1997) / Төз., башһүз һәм аңлатмалар авт. Ф. А. Нәзәршина; яуаплы ред. К. Мәргән һәм Ә. М. Сөләймәнов. Өфө: Китап. (На башк. яз.). С. 114–115.

² История башкирских родов. Гайна / С. И. Хамидуллин и др. Уфа : ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. Т. 11. С. 444–445.

³ Здесь и далее переводы выполнены авторами статьи.

Сохранность жанров песенного фольклора

Анализ бытования песенного фольклора в среде гайнинских башкир показал, что, как и во время экспедиции 2006 г. (Гэйнэ башкорттары ... , 2012: 5), так и на настоящий момент записей и народных песен *озон көй* 'протяжные песни' и *байтов*¹ не удалось сделать. Беседа о современном бытовании народных песен в среде гайнинских башкир ограничивалась лишь перечислением широкоизвестных песен и байтов, таких, как «Шахта көйө», «Сарман буйзары», «Түңэрэк күл», «Ете кыз», «Сыбай кашка», «Маһисәрүэр», «Сыңрау торна», «Сук муйыл», «Хәтирә», «Сак менән Сук бәйете», «Урал бәйете», «Һуғыш бәйете», «Акмулла бәйете». Доминировавший некогда (по данным экспедиции 1963 г.) жанр песни 'йыр' в настоящее время представлен в основном короткими песнями и частушками, которые прозвучали в устах информаторов лишь в форме единичных куплетов, по воспоминаниям из детства, молодости:

«Бик күңелле үстек, ацлы-туклы булсак та, шуға жырлап евәрәм: “Без йәш сакта болондарза Сикреп мендек атларға, Сикреп мендек, Сикреп төштөк, Сер бирмәдек ятларға”» 'Очень весело росли, хотя и в голоде, поэтому спую-ка: “Мы в юности на лугах Вскочили на коней, Вскочили, Соскочили, Виду не подали чужакам”' (Уразова Гульсира Магруфовна, 1952 г.р., д. Сюзянь);

«Әнейем кецкенә уакытта бер жыр өйрәткәнейе: “Кояшка каршы ялтырый Ленинның карточкасы. Алға китсен, алға барсын Коммунист партиясы”, — тип. Шушы ғына калған исемдә. Анан үзенцә генә йырлап йөрөйдерейе у: “Ағизелгә басма салсаң, Кайыңдин салма икән, Утларға ян, суларға бат, Ярыңнан калма икән”, — тип йырлайдырейе» 'Мама моя еще в детстве научила одну песню: “Навстречу солнцу блестит фотокарточка Ленина. Пусть движется вперед Коммунистическая партия”. Это только помню. И еще она частенько пела про себя: “Если прокладываешь мостик через Агидель, Не прокладывай из березы, Гори в огне, тони в воде, Но не отставай от любимого”' (Тубилова Таслима Галимзяновна, д. 1939 г.р., д. 2-й Краснояр).

Некоторые информанты и сами любят импровизировать:

«Үзөбез генә көлөп кенә цығардык әй, цын Бөрөжлө кайда, тип сорыйлар ие, Бөрөжлө кайда, тип: “Чернушкаға барған цакта Бөрөжлө уңға кала, Чернушадан кайткан цакта Бөрөжлө сулда кала”. Шуны онотманың өсөн, уң беле сулны» 'Сами придумали шуточный ответ на вопрос, где находится настоящий Брюзли: “Когда едешь в Чернушки, Брюзли остается справа, Когда возвращаешься из Чернушки, Брюзли остается слева”. Чтобы не забыть, где правое, а где левое' (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, 1958 г.р., д. Брюзли).

Во время экспедиции также было обращено внимание на то, что гайнинцы особое внимание уделяют мунажатам (религиозным песнопениям). Из уст Тубиловой Таслимы Галимзяновны (1939 г.р.) из д. 2-й Краснояр было записано два мунажата — «Укы намаз, укы Көрһән» и «Йә Хәбибем», в первом из которых, к примеру, есть такие строки:

*Иртән тороп, ал тәһәрәт,
Иртә намазыңны укы,
Хафаланма, төш күрдем, тип,
Ниләр күрсәтмәй йоко...
...Ғазраил укны алғанцы,
Элең-телең тотолғанцы,
Әжәл уғың казалғанцы,
Укы Көрһән, укы намаз.*

‘Проводи омовение по утрам,
Читай намаз по утрам,
Не беспокойся из-за сна,
Что не покажет он...
...До того, как газраил возьмет свой лук,
До того, как поймает тебя смерть,
До того, как заденет тебя стрела смерти,
Читай Коран, читай намаз’.

¹ Байт — эпический, лиро-эпический и лирический жанр башкирской народной и национальной поэзии.

Не менее поучительного содержания является мунажат «Кил син тәүбәгә» ('Исповедуйся, раскайся') под авторством Ильяса Халикова, записанный в исполнении Галиевой Сатиры Шаймухаметовны (1950 г.р.) из д. Сюзянь:

*«Уза ғәмерләр, ащыла киңлекләр,
Гәнаһларың тәүбә, тәүбә кәтәләр.
Күңелләр сыкрый хаталарға,
Әжәләң килгәнне кил син тәүбәгә.
Нәф(е)сең әйтә, синең вакытың күп, ди,
Бер кем кулында да ышаныс юк, ди.
Валлаһи-билләһи, хисабың зурдыр,
Соң сулыш килгәнне тәүбәгә кил, әйдә».*

Проходит жизнь, открываются широты,
Грехи твои ждут покаяния.
Души плачут из-за ошибок,
До прихода смерти раскайся.
Душа говорит тебе, у тебя времени много,
Доверяй же только себе,
Клянусь Аллахом, расчет твой велик,
До последнего вздоха раскайся'.

Таким образом, современный песенный фольклор гайнинских башкир представлен в основном короткими песнями и частушками. Широкое распространение получают также мунажаты — песни религиозного содержания. Народные протяжные песни и байты, еще в прошлом столетии прочно бытовавшие в народной среде, в настоящее время практически не исполняются.

Современное бытование малых жанров фольклора

Анализ материалов экспедиций разных лет показывает, что среди малых жанров фольклора значительное место в гайнинской среде отводится пословицам и поговоркам. Наибольший пласт составляют пословицы о труде: «Жүңцел кеше ауызы беле кош тотә» 'Толковый человек ртом птицу ловит'; «Жүнне кешенеке арбасында бастырығы былыр» 'В телеге у толкового всегда лежит слега'; «Өнәрленең бәхете кулында» 'Кто с ремеслом, у того и счастье'; «Өнәрсең кеше — көнкүрмәс кеше» 'Человек без ремесла — человек без проку и радости'; «Белгәнә — белек, белмәгәнә кулыңны селек» 'Умеющему — честь, на неумеющего рукой махни'.

Широкое распространение имеют пословицы на основе лексемы сүз 'слово' или синонимичного к ней выражения: «Ушак кеше үтертә» досл. 'Неправда людей убивает / Слово не обух, а от него люди гибнут'; «Сүз бозау имезә» досл. 'Пустое слово заставляет сосать молоко теленка / Где много говорят, там машины стоят'; «Телеңә байытлап эшеңне онотма» 'За словами не забывай о деле'; «Ағас башын ел ботай, әдәм башын сүз ботай» досл. 'Ветер раскачивает крону деревьев, неправда путает человеческие мысли / От одного слова — да навек ссора'; «Әтей сүзен тотмаған, әней сүзе йокмаған — яуға сабыр ир былмас» 'Неверный завету отца, непослушный словам матери — вовеки воином-защитником не станет'.

Родственные отношения также находят широкое отражение в пословицах: «Әтейен бак та улын бак, әнейен бак та кызын бак» 'Суди о сыне по отцу, о дочери — по матери'; «Әтей уланы хата булмай» 'У доброго батьки добры и дитятки'; «Әтейзән күргән — ук юнған, әнейзән күргән — тун бескән» 'У матери учатся шубы шить, у отца — лук точить'.

Особый интерес у участников экспедиции вызвала пословица «Сейгәнне калсаң, тыщканицы жүгерәсең». Объяснили ее так: «Бынауы теге бер аз ғына туктап калсаң да уже артка, куып житеүе аләңдей ауыр була» 'Чуть остановишься, догнать бывает очень тяжело' (Абдулова Нагима Хуснулловна, 1934 г.р., д. Бардабашка). По значению данное выражение соотносится с общеизвестной башкирской пословицей «Бер көн артта калһаң, биш көн йүгерерһең» (аналогично русской «На час отстанешь — за день не догонишь»).

Особое внимание гайнинцы уделяют также и приметам:

«Калак төшсә, хатын-кыз килә, щәнецке төшсә, ир кеше килә» 'Если упадет ложка, женщина придет, если вилка упадет — мужчина придет' (Абдулова Нагима Хуснулловна, 1934 г.р., д. Бардабашка);

«Пыщак төшсә, жауыз кеше килә, тейләр. Безнең үзөбезнеке бында тау бар, Әбен тау, Әбен тауның кары эреде исә, бер айдан щәңсәгә щығабыз, тип әйтәбез. Козғоннар каңкылдадылар исә, мәйет обязательно була инде, или берәй каян кеше үлгән хәбәр килә. Козғон кыцкырды исә — кунак килә. Щыпщык килеп кунды исә тәзрәгә, анысы нацар хәбәр, үлем хәбәр. Кара төслене яратмыйлар обычно, буш бидрәне яратмыйлар; кем ницек щыға инде, кешесенә карап инде» 'Если нож упадет, говорят, злой человек придет. Здесь у нас есть гора, Әбен тау, как на ней снег полностью растает, через месяц выходим на посев. Если ворон гогочет, обязательно покойник будет, или весть о смерти получаешь. Если ворон прокричит, нужно сказать: "Покойнику — терпение, живым — благодать". Если сорока застрекочет — к гостю. Если воробей сядет к окну, жди плохих вестей, вести о смерти. Черные цвета у нас не любят обычно, пустые ведра; конечно, кто выйдет, от человека зависит' (Балтаева Гульнара Мусевна, 1970 г.р., д. Бардабашка).

Наибольший интерес у участников экспедиции вызвал обряд «Плаушинья киш», по мнению Р. А. Султангареевой, имеющий много общего с весенними игрищами у русского, марийского и удмуртского народов и воспринимаемый как своеобразное воздействие на состояние погоды, на дальнейшую судьбу путем предсказания (Ғәйнә башкорттары ... , 2012: 13). В среде гайнинских башкир он бытует под названием *тын тыңлау*, а по данным экспедиции 2013 года, *тын тыңлаған кис* букв. 'вечер прослушивания дыхания' (Хакимьянова, Юлдыбаева, 2018: 160).

Информация по дате проведения данного обряда несколько разнится: по данным экспедиции 2006 г., его отмечают вечером 14 апреля, в более поздней информации эта дата приходится на вечер 6 апреля:

«Азбарға кереп сарык тотабыйзы, шибеш тотабыйзы. Щибещ тотканда этәц эләксә, мулла бабайға барабыйзы, кийеүгә. Сарык тотабыйзы. Сарык, карт сарык эләксә, карт бабайға барабый, йәш сарык эләксә, жигетләргә — йәшкә барабый. Щитән санийбызей, ниндәй бабайға барабый тип анысын да. Лар беле калсақ соңғы щитәндә, бай бабайға барабый, капщык булса, капщык бабайға, ярлы бабайға барабый. Анан соң утын да алғаннар, шыма утын эләксә, бите-фәлән чиста булған, шыма булған, щадра утын эләксә, шу бите щадра кеше була, тип әйткәннәр» 'Заходили в сарай, ловили овец, кур. Если попадется петух, мужем будет мулла. Если старый баран попадется, муж будет старый, молодой попадется — муж будет молодой. Изгородь считали, если с ларью остаться в конце плетня — муж будет богатым, если с мешком остаться — муж будет бедным. На дровах гадали: если гладкое полено попадется, муж будет красивый, с гладким лицом, если полено шершавое попадется — муж рябой будет' (Абдулова Нагима Хуснулловна, 1934 г.р., д. Бардабашка).

Приметы и поверья имеют место и в свадебном обряде гайнинцев. На второй день свадьбы невестку испытывали на то, как она умеет месить тесто или печь блины: Если хлеб или блины удавались, считалось, что невестка трудолюбива, жизнь ее будет счастлива: «Киләндән иң беренце иртән икмәк тукыталар. Икмәгәң килештеме — син бәхәтле буласың, әйбәт килән буласың» 'Утром невесте первым делом поручают замесить тесто. Если хлеб удается, значит, невеста будет счастлива, хорошей снохой будет' (Ягафарова Тагзима Барыевна, 1945 г.р., д. Ишимово). Занятие невесты мукой связывали также с финансовым благополучием новой семьи в будущем: «Иртәгесен инде кулны онға тығырға кушалар. Чтоб өйөгәздә акща күп булсын дип. Камыр басырға куцтылар миңә, икмәк — ипей 'На следующий день дают поработать с мукой. Чтоб в доме денег было много. Мне велели замесить тесто для хлеба' (Айтакова Алсу Фаритовна, 1967 г.р., д. Сараши).

Еще одна примета важна для гайнинцев: «Кыз киткәннә боролоп карарға тиеш түгел. Боролоп караса, кирегә кайта дигән сүз була инде» 'При проводах невеста не должна оглядываться назад, в обратном случае это может привести к разладу в семейной жизни' (Айтакова Алсу Фаритовна, 1967 г.р., д. Сараши).

Со свадебным обрядом связан еще один фольклорный жанр — это благопожелание. Повсеместно используемым пожеланием для невесты со стороны ее родственников является выражение «Төшкән ереңдә таш булып кат» 'Застынь камнем там, куда пришла' (Уразбаева Сария Шархатовна, 1952 г.р., с. Барда).

Следующее пожелание для невесты — обязательное со стороны свекрови: она должна угостить невесту медом и маслом, проговорить следующие слова: «Телең балдай татлы, майзай йом(о)шак былсын!» 'Пусть твой язык будет сладким как мед, мягким как масло!'

Настоящей находкой для участников полевой экспедиции стали следующие слова, призывающие к регулярным благопожеланиям:

«Мин кызларға шулуй теләдем теләкне: баш бәхетләрегезне бирсен, эш бәхетләрегезне бирсен, тип. Балаларыңыздан шәфкәт күрең, тормошоғоздан игелегең күрең, тиң күрең, рәхәт йәшәң тип, доға кылған сайын намаз артынан шулуй кылыйым, кызларым шуңа бәхетледер, тип уйлыйым, Аллаға шөкөр. Баш бәхетең булмаса, бәхет булмый, булмыйаң — безнең эней шулуй теләне. Баш бәхетегезне бирсен, эш бәхетегезне бирсен, тип. Баш бәхет — Аллаһы Тәғәлә сиңа атап биргән бәхет була. Безнең эней шулуй тип теләде. Бәхетегезгә ғарык былың, тейе (ғарык — күп), күп, күп былсын, артықлары белән була, бәхетең житкелек була, шулуй тип теләде безгә эней. Бәхетте теләсәң генә, Аллаһы тәғәләнен сорасаң ғына була. Бушқа жөрәмәң, бәхетегезне теләп жөрөң, Аллаһы тәғәләнен сураң, бәл-каза бирмәсен, тип, шулуй, теләмәгә кәрәк, теләмәсәң, буш каласың, Аллаһы тәғәлә теләгәнгә бирә» 'Дочерям своим я такое желала: чтобы было основное счастье (баш бәхет), было счастье в работе. Чтобы их дети к ним были благосклонны, чтобы они от жизни получали только хорошее, чтобы жилось легко — вот так во время каждого намаза я желаю, поэтому и дочери у меня счастливые, я думаю, слава Аллаху. Если не будет основного счастья (баш бәхет), не будет счастья — мама нам этого желала. Основное счастье (баш бәхет) — это счастье, дарованное тебе Аллахом. Наша мама так желала нам. Чтобы счастья было много, в излишке — так желала нам мама. Счастье будет, если только у Аллаха попросишь. Не ходите попусту, желайте себе счастья, просите у Аллаха, чтобы не было беды, желать надо, если не будешь просить, останешься ни с чем, Аллах дает только тому, кто просит' (Ягафарова Тагзима Барыевна, 1945 г.р., д. Ишимово).

К фольклорным особенностям гайнинских башкир можно отнести также отдельные выражения: к примеру, детей пугали выражениями «бабай килә», «бөкәй килә», «шайтан килә» ('бабай идет', 'бука идет', 'черт идет').

К наименованиям некоторых видов заболеваний народ также относился особым образом: «Элек парализовать иткән кешене теге нимә суккан тип әйтәләрейе, аны парализовать иткән тип әйтмәгә ярамый тиләрейе нигәлер, саламаяк суккан тейләрейе» 'Раньше про парализованного человека говорили, что его то-то ударило, почему-то нельзя было говорить, что парализовало, говорили, что саламаяк (досл. 'соломенная нога') ударил' (Абдулова Нагима Хуснулловна, 1934 г.р., д. Бардабашка).

Мы видим, что местное население как более полувека назад, так и в настоящее время наибольшее значение придает пословицам, приметам и благопожеланиям.

Заключение

Сделаем следующие выводы. Говоря об эпическом фольклоре, следует сказать, что за исключением эпического предания о родоначальниках гайнинцев — братьях Айна и Гайна, варианты которого были записаны уже в период первой экспедиции и включены в научные сборники, других эпических произведений, тем более крупных, выявлено не было. Смеем утверждать, что постепенное исчезновение эпических жанров фольклора напрямую было связано поначалу с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга, а позже — с появлением интернета. Среди жанров песенного фольклора практически полностью утеряны народные протяжные песни (*озон көй*). Если во время фольклорной экспедиции 1963 г. было обращено внимание на доминирующее положение песен, в том числе и народных, то в ходе данного выезда удалось зафиксировать только названия некоторых общеизвестных песен.

В современной среде гайнинских башкир бытуют в основном короткие песни и частушки, также широкое распространение получают мунажаты — религиозные песнопения. Широко используются у гайнинцев малые жанры фольклора, особенно пословицы и поговорки, приметы и благопожелания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асфандияров, А. З., Асфандиярова, К. М. (1999) История башкирских сел Пермской и Свердловской областей : в 10-ти кн. Уфа : Китап. Кн. 8. 256 с.

Баранмаа, А. Д.-Б. (2018) Новые методы исследования песенной традиции тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 279–287. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.15>

Башкиры-гайнинцы: история и современность (2012) / Р. М. Юсупов и др. Уфа : Китап. 264 с.

Ғәйнә башкорттары фольклоры [Фольклор гайнинских башкир] (2012) / авт.-төз. Р. Ә. Солтангәрәева, төз. Ф. Ф. Ғайсина; баш һүз авт. Р.Ә. Солтангәрәева. Өфө : БР ФА, «Ғилем» нәшриәте. 172 б. (На башк. яз.).

Гымпилова, С. Д. (2011) Современное бытование фольклора бурят Китая (по материалам экспедиций) // Вестник Челябинского государственного университета. № 3. С. 34–37.

Даржа, У. А.-О., Сувандии, Н. Д., Кужугет, М. А.-О. (2022) Народные приметы тувинцев: типология и особенности // Новые исследования Тувы. № 4. С. 213–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.16>

Зарипов, Н. Т., Сагитов, М. М. (1987) Башкирский народный эпос / Башкирское народное творчество : в 12 т. Уфа : Башкирское книжное издательство. Т. I. Эпос. 558 с. С. 7–34.

Илларионова, Т. В., Павлова, О. К. (2017) Момская эпическая традиция якутов: олонхосуты, система образов (по материалам фольклорной экспедиции 2017 г.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Эпосоведение. № 4 (8). С. 99–104.

Илларионова, Т. В., Павлова, О. К. (2018) Эпическая традиция абыйского улуса: система образов и сюжетная структура (по материалам фольклорной экспедиции 2018 г.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Эпосоведение. № 4 (12). С. 83–89. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.12.22345>

История башкирских родов. Гайна (2015) : в 36 т. / С. И. Хамидуллин и др. Уфа : ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат. Т. 11. 696 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Мифы тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 544 с.

Кузеев, Р. Г. (1992) Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М. : Наука. 347 с.

Кулбахтин, Н. М. (2002) Башкиры племени Гайна. Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ. 102 с.

Монгуш, Ч. А.-С. (2022) Культ солнца в мировоззрении тувинцев // Ермолаевские чтения. № 6. С. 84–87. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-121-131>

Мухоплева, С. Д., Павлова, Н. В. (2019) Личные песни в традиционной культуре саха (на материале фольклорной экспедиции 2002 г.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №3. С. 418–422. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.87>

Самдан, З. Б. (2023) Синкретический тип исполнительской традиции в повествовательном фольклоре тувинцев // Азиатские исследования: история и современность. № 5. С. 105–117.

Хакимьянова, А. М., Юлдыбаева, Г. В. (2018) Фольклорные традиции пермских (гайнинских) башкир (по материалам экспедиций) // Oriental Studies. № 4 (38). С. 156–164. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-156-164>

Хисамитдинова, Ф. Г. (2016) Отражение мифологических воззрений в антропонимической системе башкир (на материале «Формулярного списка о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1837 год») // Вопросы ономастики. Т. 13. № 2. С. 112–125. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.020

Хуббитдинова, Н. А., Юлдыбаева, Г. В. (2020) Художественно-эпическая трансформация древнего эпоса об Айне и Гайне в этногенетическую легенду гайнинских башкир // Oriental Studies. № 2. С. 455–464. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-455-464>

Чаптыкова, Ю. И., Челтыгмашева, Л. В. (2016) Семейно-бытовой обрядовый фольклор хакасов (по материалам фольклорной экспедиции 2016 г.) // Мир науки, культуры и образования. № 6 (61). С. 383–386.

Чистобаева, Н. С., Майнагашева, Н. С. (2017) Фольклорные традиции этнических групп хакасов (сагайцев, хакасских шорцев) (по материалам фольклорной экспедиции 2016 г.) // Мир науки, культуры и образования. № 1 (62). С. 325–327.

Юша, Ж. М. (2013) Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 56–62.

Юша, Ж. М. (2020) Героические сказания в фольклорной традиции тувинцев Китая // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Эпосоведение. № 4 (20). С. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.25587/u5980-8726-6533-m>

Дата поступления: 09.12.2023 г.

Дата принятия: 12.02.2024 г.

REFERENCES

Asfandiiarov, A. Z. and Asfandiiarova, K. M. (1999) *The history of Bashkir villages in Perm and Sverdlovsk regions*: in 10 books. Ufa, Kitap. Book 8. 256 p. (In Russ.).

Baranmaa, A. D.-B. (2018) New methods for studying the Tuvan song tradition. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 279–287. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.15>

Bashkirs-Gaininty: history and modernity (2012) / R. M. Yusupov et al. Ufa, Kitap. 264 p. (In Russ.).

Folklore of the Gainin Bashkirs (2012) / comp. by R. G. Soltangereeva. Ufa, BR FA, «Filem» nashriate. 172 p. (In Bashk.).

Gympilova, S. D. (2011) The modern existence of the folklore of the Buryats of China (based on the materials of the expeditions). *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).

Darzha, U. A.-O., Suvandii, N. D. and Kuzhuget, M. A.-O. (2022) Popular superstitious beliefs of the Tuvans: Typology and features. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 213–224 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.16>

Zaripov, N. T. and Sagitov, M. M. (1987) *Bashkir folk epic / Bashkir folk art*: in 12 vol. Ufa, Bashkir Book Publishing House. Vol. 1. Epos. 558 p. Pp. 7–34. (In Russ.).

Illarionova, T. V. and Pavlova, O. K. (2017) The Moma epic tradition of the Yakuts: Olonkhosuts, a system of images (based on the materials of the folklore expedition of 2017). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie*, no. 4 (8), pp. 99–104. (In Russ.).

Illarionova, T. V. and Pavlova, O. K. (2018) Epic tradition of Abyisky District: image system and plot structure (based on the folklore expedition of 2018). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie*, no. 4 (12), pp. 83–89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.12.22345>

The history of Bashkir tribes. Gaina (2015) : in 36 vol. / S. I. Khamidullin et al. Ufa, GUP RB Ufimskii poligrafkombinat. Vol. 11. 696 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2002) *Myths of Tuvan shamans*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 544 p. (In Russ.).

Kuzeev, R. G. (1992) *The peoples of the Middle Volga region and the Southern Urals*. Moscow, Nauka. 347 p. (In Russ.).

Kulbakhtin, N. M. (2002) *Bashkirs of the Gaina tribe*. Ufa, RIO RUNMTs MO RB. 102 p. (In Russ.).

Mongush, Ch. A.-S. (2022) The cult of the sun in the worldview of Tuvans. *Ermolaevskie chteniia*, no. 6, pp. 84–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-121-131>

Mukhopleva, S. D. and Pavlova, N. V. (2019) Personal songs in the Saha traditional culture (by the material of 2002 folklore expedition). *Philology. Theory & Practice*, no. 3, pp. 418–422. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.87>

Samdan, Z. B. (2023) Syncretic type of performing tradition in the narrative folklore of Tuvans. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 5, pp. 105–117. (In Russ.).

Khakim'ianova, A. M. and Yuldybaeva, G. V. (2018) Folklore Traditions of Perm (Gaina) Bashkirs (a Case Study of Expeditionary Materials). *Oriental Studies*, no. 4 (38), pp. 156–164. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-156-164>

Khisamitdinova, F. G. (2016) On the Reflection of Mythological Beliefs in the Anthroponymic System of Bashkirs (Based on Service records of the officers and clerks of the 9th Bashkir Canton as of 1837). *Voprosy onomastiki*, vol. 13, no. 2, pp. 112–125. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.020

Khubbitdinova, N. A. and Yuldybaeva, G. V. (2020) Epic of Aina and Gaina — and the Gaina Bashkirs: Transformation of the Ancient Narrative into a Local Ethnogenetic Legend Revisited. *Oriental Studies*, no. 2, pp. 455–464. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-455-464>

Chaptykova, Yu. I. and Cheltygmasheva, L. V. (2016) Family and household ritual folklore of the Khakas (based on the materials of the folklore expedition of 2016). *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 6 (61), pp. 383–386. (In Russ.).

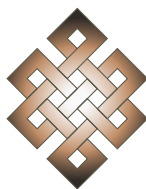
Chistobaeva, N. S. and Mainagasheva, N. S. (2017) Folklore traditions of the ethnic groups of the Khakas (Sagaites, Khakass Shors) (based on the materials of the folklore expedition in 2016). *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 1 (62), pp. 325–327. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2013) The modern existence of the folklore tradition among the Tuvans of China. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 56–62. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2020) Heroic tales in the folklore tradition of the Chinese Tuvans. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie*, no. 4 (20), pp. 29–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/u5980-8726-6533-m>

Submission date: 09.12.2023.

Acceptance date: 12.02.2024.

Тюркская мифология в повести Е. Турсунова «Келин»

Мереке С. Сабыржанова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан,

Светлана В. Ананьева

Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, Республика Казахстан

В статье анализируется повесть современного казахстанского писателя Ермака Турсунова «Келин». Проблематика повести обращена к истокам бытия тюркских народов. Художественная онтология произведения отражает древнетюркские мифологические представления о мироустройстве. Мир повести включает зооморфные и космические образы, которые имитируют сюжеты и эпизоды древнетюркской мифологии. Земной мир и инобытие образуют единство. Зооморфные и космические образы воплощают определенные стороны мироустройства. Продукты и предметы так же несут определенные мифологические смыслы.

Немногочисленные образы героев помещены в мифологически осмысленное пространство. Каждый герой олицетворяют одну из базовых функций: продолжательницы рода, пастуха, охотника, мастера, хранительницы очага и баксы, поддерживающей связь земного мира с инобытием. Среди мифологически осмысленных зооморфных образов выделяется образ темного животного (волчицы), которая фигурирует в генеалогическом мифе в качестве прапаматери тюркских народов.

Мифологические контексты, воссозданные в повести, усиливают аллегорический план произведения. Жанровая поэтика произведения характеризуется редуцированными общественно-социальными реалиями, доминированием мифологического и условного начала. Идея непрерывности рода образует основу смыслового пространства повести.

Ключевые слова: келин; Ермак Турсунов; миф; тюркская мифология; мифопоэтика; казахстанская литература; казахская литература

Статья выполнена в рамках проекта грантового финансирования AP14872064 «Казахская литература в международных контекстах: постнеклассическая эпистемология и плюриверсальность».

Для цитирования:

Сабыржанова М. С., Ананьева С. В. Тюркская мифология в повести Е. Турсунова «Келин» // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 289-301. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.17>

Сабыржанова Мереке Сабыржановна — докторант специальности «Русский язык и литература» кафедры русской филологии и мировой литературы факультета филологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050040, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: merekesabyrzhankyzy@gmail.com

Ананьева Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, заведующая отделом международных связей и мировой литературы, ассоциированный профессор Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050010, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: svananyeva@gmail.com

Turkic mythology in E. Tursunov's novella "Kelin"

Mereke S. Sabyrzhanova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Svetlana V. Ananyeva

M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the novel "Kelin" by the modern Kazakh writer Ermek Tursunov, which addresses the origins of the existence of Turkic peoples and reflects ancient Turkic mythological ideas about the world order in its artistic ontology. The story's world includes zoomorphic and cosmic images that resemble the plots and episodes from ancient Turkic mythology, forming a unity with the earthly world. These images embody various aspects of the mythical order, while products and objects also hold mythological significance.

The few images of the heroes are placed in a mythically significant space. Each character represents one of the fundamental roles: the continuation of the family, the protector, the provider, the guardian of the hearth, and the keeper of traditions. Among the mythically significant zoomorphic images, the figure of a totemic animal, the she-wolf, stands out. This image appears in the ancestral myth as the progenitor of the Turkic people.

The mythological contexts recaptured in the story reinforce the allegorical theme of the work. The genre poetics of the text is characterized by a reduction of socio-political realities, the prevalence of mythological and traditional principles. The idea of continuity within the genre forms the basis for the semantic structure of the story.

Keywords: *Kelin; Ermek Tursunov; myth; Turkic mythology; mythopoetics; Kazakh literature*

Financing

The article was carried out within the framework of the grant financing project AR14872064 "Kazakh literature in international contexts: post-non-classical epistemology and plurality".

For citation:

Sabyrzhanova M. S. and Ananyeva S. V. Turkic mythology in E. Tursunov's novella "Kelin". *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 289-301 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.17>

SABYRZHANOVA, Mereke Sabyrzhanovna, PhD student, speciality "Russian language literature", Department of Russian Philology and World literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan, 050040. E-mail: merekesabyrzhankyzy@gmail.com

ANANYEVA, Svetlana Viktorovna, Candidate of Philology, Head, Department of International Relations and World Literature, Associate Professor, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Kazakhstan, 050010. E-mail: svananyeva@gmail.com

Введение

В современной казахстанской литературе особое место занимает творчество писателя, публициста, сценариста, режиссера Ермека Турсунова¹. Он свободно владеет казахским языком, но пишет литературные произведения на русском языке, что делает их доступными для читателей русскоязычного мира. Турсунов создает произведения различных жанров, включая романы и повести. Он пишет произведения, обращенные в мифологическое и историческое прошлое.

Например, в 2009 г. был опубликован его исторический роман «Мамлюк»², посвященный выдающемуся полководцу средневекового Востока, султану Египта Бейбарсу.

В том числе среди его произведений — повесть «Келин» (2009)³. Она представляет несомненный интерес для литературоведения по ряду причин. Современный неомифологизм, к которому можно отнести творчество Е. Турсунова, характеризуется интересом к архетипам, мифологическим образам, сюжетам. Е. М. Мелетинский так характеризует сам мифологизм: «Пафос мифологизма состоял в обнаружении постоянных и вечных принципов, скрытых под обыденной поверхностью и сохраняющихся неизменными при любых исторических изменениях» (Мелетинский, 2001: 129). В. Н. Топоров характеризует «проблемы мифологического, символического, архетипического как высшего класса универсальных модусов бытия в знаке» (Топоров, 1995: 4).

Интерес писателей к мифу как источнику вечных смыслов продиктован поиском путей для преодоления духовного кризиса. Образцами авторского смыслотворчества можно рассматривать творчество Дж. Джойса, Т. Манна, Г. Маркеса. Мифотворчество приобрело актуальный характер и в современной художественной литературе, стремящейся к поиску универсального языка, обращенного в далекое прошлое человечества. Появление новых произведений, основанных на мифологизме, побуждает литературоведов исследовать их. Сказанным выше определяется актуальность темы нашей статьи.

Цель статьи — исследовать художественные способы воплощения мифологических элементов в повести Турсунова «Келин». В нашей работе для глубокого и последовательного раскрытия темы предстоит решить следующие исследовательские задачи: охарактеризовать жанровое своеобразие повести «Келин»; проанализировать способы изображения героев повести; описать типы мифологических образов в художественном мире повести.

Объект исследования — мифологическая составляющая художественного мира литературного произведения. Предмет исследования — мифологическое начало в повести Турсунова «Келин».

Теоретико-методологическая основа

Прежде всего авторы опираются на труды, посвященные проблемам мифа (Кэмпбелл, 1997; Юнг, 2019; Элиаде, 2000; Голосовкер, 1987; Мелетинский, 2000, 2001; Фрейденберг, 1997, 1998; и др.), а также на исследования по мифопоэтике художественной литературы (Гребнева, 2009; Козубовская, 2008; Телегин, 2005; White, 1971; и др.).

Также было важно учитывать новейшие тюркологические исследования, изучающие различные мифологические образы и элементы, а также проводящие филологические параллели (Скобелев, 2022; Варламова и др., 2023; Темиргазина и др., 2023; Сувандии, 2023).

Для достижения выдвинутой цели и решения изложенных выше исследовательских задач применялись методы, обусловленные спецификой научной проблематики статьи: литературоведческий анализ, историко-литературный и культурологический методы, использованные для выявления форм воплощения мифологических элементов в повести; типологический метод, привлеченный для характеристики жанрового содержания повести, а также для обобщения результатов исследования.

¹ Турсунов Ермек Каримжанович родился 20 июля 1961 г. в селе Нарынкол Алма-Атинской области. В 1984 г. окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, в 1990 г. — сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Работал журналистом, затем главным редактором газеты «Мегаполис», генеральным директором телеканала «Казахстан», генеральным продюсером «31 канала». В 2008 г. начал режиссерскую карьеру, успешно дебютировав с фильмом «Келин». Фильм был включен в шорт-лист на получение премии «Оскар» (2009).

² Турсунов Е. Мамлюк. Роман. Алматы: Издательство MELOMAN Publishing, 2021. 320 с.

³ Турсунов Е. Келин. Алматы, 2009. 164 с.

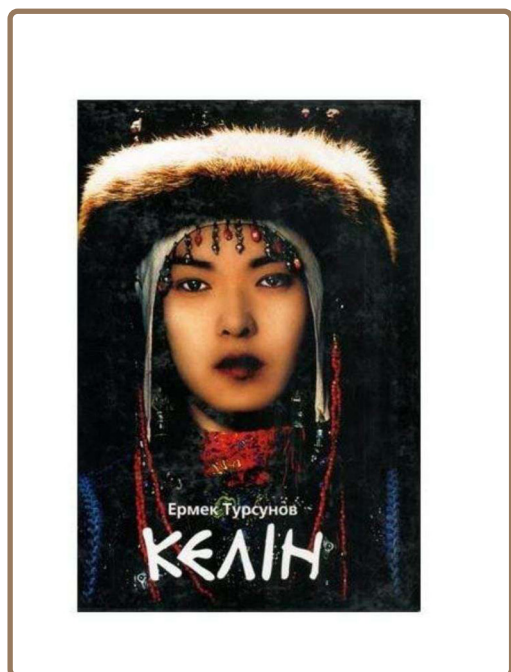

Жанровое своеобразие повести «Келин»

В 2008 г. Турсунов работал сначала над кинофильмом «Келин». Эпизоды были сняты, но режиссеру не удалось смонтировать их в целостный кинофильм. Тогда Турсунов решил «переложить сценарий на язык прозы»¹, то есть написать литературное произведение, положив в его основу сценарий фильма. Турсунов надеялся, что это поможет осуществить монтаж снятых эпизодов. Как только произведение было создано, у режиссера возникло ясное представление о композиции кинокартины. Эпизоды были успешно смонтированы в кинофильм, который был выпущен студией «Казахфильм» в 2009 г. Автор определил жанр своего произведения как притча. Но поскольку оно является произведением средней прозы, предлагаем считать его повестью. Таким образом, «Келин» — это полноценное литературное произведение, которое не является сценарием кинофильма.

Затем Турсунов издает «бумажную» книгу, в которую включил два разножанровых текста: повесть «Келин» и сценарий одноименного фильма (иллюстрации 1 и 2). Кроме того, книгу открывает предисловие автора, в нее включены также фото со съемочной площадки и титры.

Илл. 1. Обложка произведения Е. Турсунова «Келин» (2009).

Fig. 1. The cover of E. Tursunov's novel "Kelin", 2009.

Илл. 2. Постер к фильму Е. Турсунова «Келин» (2009).

Fig. 2. Poster for E. Tursunov's film "Kelin", 2009.

¹ Турсунов Е. Келин. Алматы, 2009. С. 7.

Повесть «Келин» — литературное произведение, написанное в формате этно-фэнтези. Художественный мир повести характеризуется редуцированными общественно-историческими реалиями, доминированием мифологического и условного начала. Это необходимо для того, чтобы сфокусироваться на событийной основе художественного мира повести. Фабула раскрывает характеры ее действующих лиц. События играют важную роль в сюжете произведения.

Максимальная экономия средств, привлеченных для воссоздания художественной антропологии, позволила нарисовать концептуально осмысленные образы действующих лиц. Повесть «Келин» свидетельствует о том, что многовековой народный опыт, сохранившийся в тюркских мифах, оказался актуальным для художественных и нравственных поисков казахстанского писателя.

Способы изображения героев повести

Литературных героев в повести несколько. Взаимоотношения между героями характеризуются простотой и искренностью. Все они немногословны, решительны, готовы прийти на помощь близким.

Ене — это суровая, жесткая старуха; глава семьи. Ее старший сын Бакташи, пастух, сильный, уверенный взрослый мужчина, недавно привел в дом жену (Келин), молодую, обаятельную и жизнелюбивую женщину. Кайни, младший брат Бакташи, простодушный, наивный и улыбочивый юноша; талантливый рукодел, умелец, художник. Мерген, охотник, отличается жестким характером и неуступчивостью.

Сюжетная линия: в Келин влюбился охотник Мерген, который в жестокой схватке убил ее мужа. Кайни женится на Келин. Мерген и Келин пытаются бежать. Кайни преследует беглецов, пытается вернуть Келин. Но оба мужчины Мерген и Кайни погибают под лавиной. Келин выживает, рождает сына. Ухаживать за малышом помогает Ене, которая затем в финале повести умирает.

Соответственно жанру притчи-повести герои воссозданы в ярко выраженной условной форме. По сути — это мифологические персонажи, олицетворяющие базовые для ранней цивилизации функции.

Келин — продолжательница рода. Главная героиня повести не имеет своего имени. Но четко обозначен ее брачный статус, так как автор называет ее Келин. Она недавно пришла в семью Ене как жена Бакташи. Отметим, что слово *келин* имеется не только в казахском языке, но и в других тюркских языках. Например, в тувинском языке представлено родственное по лексеме слово. Это «*келин / керин / кеннижек* ‘младшая невестка’» (Варламова и др., 2023: 48). Как пишут исследователи наименований женщины по брачному статусу в тюркских языках, «*келиншек* ‘молодая жена’, ‘недавно вышедшая замуж’» (Темиргазина и др., 2023: 131). По мнению С. Кондыбая, это слово имеет глубокие мифологические корни: «Калин или Келин — древнетюркское, прототюркское божество», которое покровительствовало женщинам, роженицам и новорожденным, оберегало домашний очаг, «своеобразная параллель» Умай, выполнявшей аналогичные функции (Кондыбай, 2005: 134). Каждая девушка, готовая к замужеству, считалась дочерью этого божества (там же: 134). Постепенно имя этого божества «стало нарицательным именем всех невест (*келин, келиншек, қалындық*)» (там же: 135).

Ене — наделенная сакральностью старуха. Слово Ене широко распространено в тюркских языках. Например, в тувинском языке оно представлено вариантом «*эне* ‘прабабушка’» (Варламова и др., 2023: 48). Используя для номинации слово Ене, указывающее на мудрость и богатый жизненный опыт, автор подчеркивает почетный статус героини в семье. Ене — хранительница очага. Ене наделена даром баксы, обладает магической силой. Образ Ене несет в себе четко выраженное мифологическое начало. В тюркской мифологии баксы играет роль посредника между людьми и миром духов. Характерно, что имя Ене созвучно имени алтайской Ақ Ене, которая упоминается в мифе о сотворении мира. «Согласно этой легенде, подсказку первоначально всем людям Ульгену дала Священная Мать — Ақ Ене. Она появляется в самом начале сотворения мира и больше нигде и никогда не фигурирует» (Каирбеков, 2014: 176). Мифологическая героиня советует Ульгену ухватиться за камень, чтобы найти опору среди первозданного безбрежного океана. На наш взгляд, Ене и Ақ Ене — матери, которые являются опорой, защитницами своих детей.

Муж главной героини Бакташи — пастух. Мерген — охотник. Юноша Кайни — талантливый рукодел, умелец, художник. Все эти номинации имеют тюркское происхождение. *Бакташы* в переводе с казахского языка — это ‘пастух’. *Мерген* в тюркских языках переводится как «охотник». *Кайни* — тер-

мин семейно-родственной связи у тюркских народов. Казахское слово *қайны* имеет значение 'младший брат мужа'. Перечисленные номинации несут обобщающее значение, указывают на характер занятий и родство.

Турсунов выбрал для своей истории сакральный локус — Алтайские горы. События повести происходят в горах Алтая, прародине тюрков. Все действующие лица повести — сильные и цельные личности, которые живут в суровых условиях горного Алтая. И это не случайно, т. к. у древних тюрков сформировался культ горы. «Горы были для тюрков средоточием силы, богатства и духа» (Бисенбаев, 2018: 53).

Зов природы определяет характеры действующих лиц. Герои произведения — прежде всего носители базовых умений и навыков, необходимых для выживания в неприветливом климате. Очевидно, что Турсунов обращается к тюркской мифологии для решения различных художественных задач. Мифологическое начало выступает основой повести «Келин». Сюжеты и образы древнетюркской мифологии играют большую роль в ней.

Типы мифологических образов в художественном мире повести

Мифологические образы выступают каркасом художественного мира повести. Как известно, в мифах ключевое место занимают антропоморфные образы (люди, герои, боги) (Кэмпбелл, 1997; Лосев, 2001; Юнг, 2019; Фрейденберг, 1998). Эти образы отражают представления людей мифологической эпохи о тех качествах и свойствах человека, которые помогают ему выжить в суровых условиях первозданного социального мира.

Антропоморфные образы являются основой художественной антропологии повести «Келин», отражают миропонимание писателя, иллюстрируют представления автора о назначении человека, о его месте в бытии. Турсунов помещает немногочисленные образы героев в мифологически осмысленное пространство. Оно включает также зооморфные и космические образы, с помощью которых автором имитируются эпизоды древнетюркской мифологии.

Действие доминирует над диалогами героев, которые общаются с помощью скупых реплик на древнетюркском языке. Автор писал диалоги, консультируясь с лингвистами, этнографами и фольклористами. Это придает особый колорит художественному миру повести. В тексте произведения древнетюркские слова переданы с помощью кириллицы, перевод дан в сносках внизу страницы.

Когда Ене чувствует приближение своей смерти, она говорит Келин: «Теңірі шақырады»¹. В переводе автора: «Тенгри зовет меня». Тенгри призывает ее к себе, так как земной путь Ене завершился.

Реплики и монологи героев лаконичные и сдержанные, что наилучшим образом отражает цельные и суровые натуры действующих лиц.

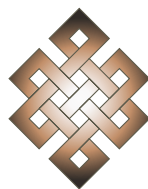
Мифологические представления о существовании потустороннего мира получили художественное развитие в эпизоде проводов души покойника. Ене, мать Бакташи, погибшего в схватке с соперником Мергеном за обладание Келин, провожает душу сына в иной мир. Тело покойника лежит на шкурах. Ене собирается проводить слепую душу по лабиринтам загробного мира. Ене страшно, так как она боялась заблудиться в неведомом мире душ предков. Но она должна была выполнить свой материнский долг. Иначе дух Бакташи останется на земле и будет обречен на мучения. Эпизод вознесения душ Ене и ее сына нарисован Турсуновым как их физическое перемещение из мира людей в потусторонний мир.

Души Ене и Бакташи плывут над холодной землей. Затем они проваливаются в бездну. Под их ногами течет подземная соленая река Тойболдым, над которой перекинут мостик из конского волоса — Кыл-копир. Души прошли мост. Душа Ене просит одного из стражей пустить ее вместе с душой сына в Верхний мир. Страж и душа Ене долго торгуются на каком-то особенном языке. Дух Ене пообещал заплатить за сына остатком жизни матери, тогда их пропустили дальше. Души подлетели к радуге, по которой текли семь разноцветных троп. По зеленой тропе душа Бакташи вознеслась наверх.

Вернувшись домой, Ене принимается кормить мертвого сына своей грудью. У нее появилось молоко. Она радостно смеется, так как это значит, что Умай-ене приняла его в Долине Молочных озер, и

¹ Турсунов Е. Келин. Алматы, 2009. С. 75.

его душа обрела покой. В приведенном фрагменте видно, что Турсунов вслед за мифом трактует молоко как священный источник жизни. «Материнское молоко — символ небесного порождающего начала — вызывает ассоциацию с небесной покровительницей плодородия и детей — Умай» (Наурзбаева, 2021: 24). Ене и Умай — это источники жизни, молоко дает жизнь не только детям, но и взрослым людям.

Автор в этом эпизоде опирается на древнетюркскую мифологическую картину мира, который состоит из трех этажей: нижний, средний и верхний (Журакузиев, 2021). Эта структура хорошо известна и описана этнографами. Л. П. Потапов пишет: «Выразительной особенностью политеистического пантеона алтае-саянских шаманистов надо признать распределение его персонажей по трем зонам их обитания во Вселенной» (Потапов, 1991: 244). Нижний этаж — мир мертвых, которым правит бог Эрлик. В верхнем мире обитает Тенгри. В среднем мире живут люди. Тюркскую мифологическую модель бытия усложняет «горизонтальное членение мира (по сторонам света, с использованием оппозиций типа «правый — левый», «передний — задний»)» (Традиционное мировоззрение ..., 1988: 24). Как видно, мифологическая модель устройства мира тюркоязычных народов существовала в разных вариациях, но ее суть передана автором повести достаточно точно.

Турсунов вслед за мифом показывает, что жизнь человека представляет собой определенный путь. Каждый человек должен пройти все его этапы. Затем после смерти душа человека следует в мир мертвых. Характерно, что Турсунов упоминает в эпизоде скитания в потустороннем мире душ Ене и ее сына подземную реку Тойболдым. В тюркской мифологии эта река связана с божеством подземного мира Эрликом.

«Тюрки считали себя порождением земли, а поэтому вода часто служила символом другого мира — мира мертвых, в который уходит вода, то есть подземного» (Бисенбаев, 2018: 57). Подземная река — примета мира мертвых, где оказались души Ене и Бакташи. Кроме того, образы реки Тойболдым и мостика из конского волоса (Кыл-копир) нарисованы автором в соответствии с древнетюркской мифологией. По алтайской мифологии, божество Эрлик живет в подземном мире. «Дворец его стоит при слиянии девяти рек в одну Тойболдым». Через эту реку «протянут мост из конского волоса» (Анохин, 1924: 3).

Турсунов осмысливает образ Ене с точки зрения древнетюркской мифологии. В жизни древних тюрков женщина играла исключительную роль. Именно Ене как мать дает последнюю защиту Бакташи, сопровождая его душу в иной мир, где та находит покой. В древнетюркской мифологии утверждается, что бог Эрлик «научил шаманов путешествовать между мирами» (Бисенбаев, 2018: 27). Ене как *баксы* связана не только с Тенгри, но и с богом Эрликом, так как обладает способностью перемещаться между различными мирами, включая мир мертвых. Е. Д. Турсунов утверждает, что слово *баксы*, которым в казахском языке называется шаман, является исконно тюркским, образованным от корня *бақ-/баг-* со значением 'смотреть', 'высматривать', 'видеть' (Турсунов, 2004: 79). Это слово указывает на уникальную способность шаманов видеть иные миры.

Здесь логично провести связь образов Ене и Келин с богиней Умай из древнетюркского пантеона и сакральным образом синей волчицы. Мифология определяет богине Умай (Скобелев, 2022) и волчице, образ которой фигурирует в древнетюркских генеалогических легендах (Потапов, 1991), функции защитниц детей. Ене и Келин также отдают все силы для продолжения рода.

Турсунов, рисуя другие эпизоды жизни героев, также следует мифологическим образцам. Он воссоздает в повести древний тюркский обычай, согласно которому после ухода из жизни «старшего в семье младший должен был жениться на его вдове и заботиться о детях покойного» (Бисенбаев, 2018: 150). Этот брачный союз защищал вдову и ее детей, оставшихся без кормильца, обеспечивал продолжение рода (Темиргазина и др., 2023: 126).

Обряд бракосочетания Келин и Кайни проводит сама Ене. Обряд осуществляется с помощью мифологически осмысленных предметов и продуктов. Ене бросила в очаг кусочки масла, вылила несколько капель молока, насыпала на головы новобрачных немного муки. Масло, молоко, мука являются важными элементами тюркского пищевого кода. Турсунов изображает обряд жертвоприношения, который совершает Ене, в соответствии с мифологическими представлениями тюрков. Тюрки приносили кровавые и бескровные жертвы богам и духам (Анохин, 1924: 31). Ене выполняет магические действия, пытаясь определить волю богов по каким-либо признакам. Описанными выше действиями Ене пытается приобщить новобрачных к родовым истокам бытия. Мука

символизирует чистоту и в то же время материальный достаток. Масло и молоко приносятся в жертву богам. Эти и другие продукты (приготовленное из молока вино, каша) относятся к бескровным жертвам, которые практиковались у тюрков (Анохин, 1924: 31).

Выше мы писали, что молоко в тюркской мифологии содержит семантику жизнеутверждения. Ене придает этому продукту особое значение в различных ритуальных действиях. Совершая обряд бракосочетания овдовевшей Келин и Кайни, она использует ячье молоко.

Ене молоком синей волчицы кормит младенца — сына Келин. Дело в том, что у Келин не было молока, ячье молоко ребенку не понравилось, он его не стал есть. Тогда Ене оделась, взяла с собой кусок вяленого мяса, бурдюк и отправилась на поиски волчицы. Встретив ее, старуха ласково разговаривала, бросала ей мясо и пока та ела, доила в бурдюк молоко, которое спасло жизнь младенцу. Ене общается с хищницей как с разумным существом. Древние алтайцы, например, «приписывали сверхъестественные свойства и животным. Они считали, что звери могут слышать и понимать человеческий разговор» (Алексеев, 1992: 35).

Известно, что для тюркской культуры характерно почитание молока как живительной субстанции, связанной с миром божеств. «В тюркской мифологии одним из маркеров... вселенского центра наряду с такими универсалиями, как дерево и гора, выступает молочное озеро» (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 123), которое «находится на вершине горы, возвышающейся в центре срединной земли, у подножия священного дерева...» (там же). В этих местах обитают светлые божества, в том числе хозяин земли Ейер-су. Это озеро принадлежит богине-матери Умай, из которого она утоляет жажду (там же). Т. Р. Душенкова констатирует: «в тюркской мифологии молоко — воплощение белизны, символ истинности, великолепия и чистоты» (Душенкова, 2019: 69). В мифах упоминается чаша с молоком как священный атрибут богини Умай. Она охраняет роженицу и новорожденного ребенка. Не только Умай выступает как их защитница, но и синяя волчица. Турсунов сохраняет за волчицей эту функцию. Ене перед своей смертью дает Келин амулет в виде золотой головы голубой волчицы. Амулет несет в себе сакральное значение, так как призван охранять Келин и ее новорожденного сына. Мифологический образ волчицы передает идею родственной связи человека с природой. Проблематика повести обращена к истокам бытия тюркских народов. В ней нарисован образ тотемного животного — волчицы. Как известно, тюрки поклонялись волчице как хранительнице рода. Образ волчицы фигурирует в тюркском генеалогическом мифе в качестве праматери тюркских народов.

Образы Умай, Ене, Келин и волчицы объединяются мифологической идеей защиты рода.

Характерно, что в одном из последних эпизодов повести именно волчица сопровождает Ене, которая уходит в иной мир. Синяя волчица теряет ее следы, которые внезапно обрываются. Ене как баксы связана с миром духов. Ене уходит в иной мир, так как ее земная жизнь пришла к концу. Душу старухи призывает Тенгри — верховное языческое божество.

Можно провести косвенную связь между образом Ене и архаичным божеством молока. Б. Каирбеков утверждает, что в тюркской мифологии фигурирует Кемпир (старуха) — божество молока (Каирбеков, 2014: 182). Образ Ене можно включить и в этот мифологический контекст. Таким образом, Ене связана с Тенгри, Умай, Эрликом, синей волчицей, с архаичным божеством молока Кемпир. Здесь наблюдается существенное расширение автором образа Ене. Образ конкретной старухи вбирает в себя не только человеческие черты, но и признаки сакрального существа, связанного с иными мирами.

Эта авторская стратегия распространяется и на другие элементы художественного мира. Метафоры раздвигают смысловые горизонты повести. Метафорические контексты усиливают ее аллегорический план, актуализируют условный характер произведения. Келин поет своему сыну-младенцу колыбельную, в которой упоминаются верблюд, месяц, молочная река, звезды. Верблюд бродит по кругу — это символическая картина, указывающая на вечное движение жизни. Верблюд — сакральное животное, наделенное положительными свойствами в тюркской мифологии. «...такое сильное и полезное животное вызывало у кочевников священный восторг, и они связывают с его образом вселенский Космос, в котором все устроено также правильно и гармонично» (Каирбеков, 2011: 64). Эта картина утверждает, что новорожденный сын Келин продолжит жизнь рода. Идея непрерывности рода образует основу смыслового пространства повести. Уместно провести связь с образом кола сансары, которое является символом круговорота бытия, не имеющего начала и конца. Таким образом, в повести содержится идея созвучия тюркской и буддистской мифологии.

Картина мира, воссозданная в колыбельной, несет онтологическое содержание. Мифологические образы необходимы для воссоздания метафор, с помощью которых изображаются онтологические картины. В повести «Келин» метафорой является образ синей волчицы. Это объемная метафора, основанная на аллегории. Метафорой выступает также образ неба. Это символ вечности. Метафорична смерть Ене, которая умирает не так, как умирают люди, а как мифологическое существо — божество. Ене вознеслась в небо. Другое мифологическое существо сопровождает Ене до пределов земного мира. Это синяя волчица, которая бежала за старухой, но потом потеряла ее из вида. Следы Ене оборвались.

Напомним, что действие повести происходит в горах. Горы в тюркской мифологии рассматриваются как лестница в небо. Душа Ене направляется по этой метафорически осмысленной лестнице в вечный мир. Напомним, что в тюркских культурах горы рассматривались как пространство инобытия, где обитали духи, «существа иного мира» (Традиционное мировоззрение ..., 1988: 90).

Как было установлено выше, Турсунов рисует в мифологическом ключе различные виды образов. Антропоморфные образы — это герои повести, образы духов и божеств. В научной литературе объясняется, с какой целью мифологическое мышление использует антропоморфные образы. «Человеческие черты не осознаются; все человеческое представляется внешним миром. Внешний мир представляется в виде людей» (Фрейденберг, 1998: 30). В. Н. Топоров, размышляя над тем, «первичен ли антропоморфичный код, с помощью которого описывается Вселенная, или космологический код, которым можно описать тело человека» (Топоров, 2004: 67), приходит к выводу: «в настоящее время, кажется, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что роль источника должна быть отдана человеку и его телу» (там же). Кочевники, живущие в тесном контакте с природой, научились бесконфликтно сосуществовать с ней. Они воспринимали природу как живое и вечное начало.

«И это было не только знание, убеждение. Это была мораль кочевого общества, нравственно-этические нормы которой необходимо свято соблюдать. Именно поэтому все окружающее кочевника: и горы, и доли, и реки-озера, и рощи-леса, и звезды на небе, не говоря уже о солнце и луне — все было персонафицировано, одушевлено, воспринималось как живые образы огромного пестрого и животворящего мира» (Сейдимбек, 2012: 216).

Как видим, Турсунов верно передает особенности мифологически обусловленного мышления героев повести.

В ней фигурируют также зооморфные образы: синяя волчица, волчата, яки, верблюдица, птицы. Древние тюрки тесно соприкасались с природой. Поэтому в мифологии представлены образы животных. Эта особенность мифологического мировосприятия нашла отражение в произведении Турсунова. А. Ф. Лосев считает, что не только антропоморфные образы играют большую роль в мифологии. «Мифология дает нечто живое, одухотворенное и, если хотите, прекрасное. Но это не значит, что мифологический предмет есть всегда живое существо, личность, одухотворенный предмет» (Лосев, 2001: 84).

В. Н. Топоров констатирует: «Как один из важнейших элементов мифопоэтической архаичной модели мира и как особая категория пространство играло исключительно важную роль в соответствующих представлениях» (Топоров, 2004: 57). Художественное пространство несет мифологическую семантику в повести «Келин». Пространственные образы (небо, солнце, луна, звезды, горы) образуют мифологически осмысленный художественный мир этого произведения. Действие повести развивается не только в пределах небольшой семьи, но и во внешнем мире. Мир природы для тюрков не менее важен, чем социум. Этот подход Турсунова к воссозданию художественного пространства соответствует природе мифологического мышления. В. Я. Пропп констатирует, что ранним формам мышления известно «только эмпирическое пространство, т. е. то пространство, которое в момент действия окружает героя» (Пропп, 1976: 92). А. Ф. Лосев настаивает на том, что «мифический и поэтический образ суть оба вместе виды выразительной формы вообще» (Лосев, 2001: 82).

Миф, как и художественная литература, тяготеет к метафорической образности. Мифологическим предметом в повести выступает метафорически осмысленное художественное пространство. Онтологические образы (небо, солнце, луна, звезды, горы, вода, земля и др.) отражены в повести. Слова, их обозначающие, образуют систему концептов в тюркских культурах. Например, «ядро основного лексического фонда тувинского языка, как и других языков, составляют названия основных предметов и явлений природы, от которых непосредственно зависела жизнь человека традиционной культуры. К ним относятся “земля”, “вода”, “солнце”, “луна” и др.» (Сувандии, 2023: 27).

В мифологическом мире люди практически лишены собственной воли и преимущественно подчиняются традиции, обрядам, ритуалам, коллективным родовым представлениям. В полном соответствии с отмеченной особенностью архаичных обществ герои Турсунова выполняют только определенные традициями функции. Вот почему в повести важны действие и поступки героев.

В завершение следует сказать, что фольклорно-мифологический материал необходим для организации мировоззренческих контекстов повести. В. Н. Топоров отмечает, что писатели воплощают архаические формы мифопоэтического мышления, чтобы «предельно расширить романное пространство» (Топоров, 1995: 195). Турсунов обращается к мифу для порождения новых смыслов. В этом отношении его творчество включено в контекст развития мифопоэтической прозы. Мифологизация романа приводит к «выявлению и актуализации лежащего в его основе архетипического механизма смыслопорождения» (Полонский, 2008: 13).

Естественно, автор не копировал мифологический материал, который использовался для построения своеобразного художественного мира повести. Можно утверждать, что в ней создан неомифологический сюжет, являющийся результатом творческих усилий писателя. В повести последовательно выстроены мифологические контексты для решения авторских задач. Авторский взгляд на мир и человека определяет индивидуальный характер произведения. Это характерно для художественной литературы нового времени, активно использующей элементы мифа. Так, Е. М. Мелетинский отмечает авторскую мифологическую направленность творчества Джойса и Кафки: «Так же как Джойс, Кафка осуществляет переход от реалистического социального романа к синтетической конструкции символической модели мира» (Мелетинский, 2001: 137). Произведениям Кафки присущ «мифологизм чисто творческий, спонтанный, личный» (там же).

Авторское отношение к этно-мифологической основе повести «Келин» выражается в творческом осмыслении исходного материала и метафоризации ее художественного мира. Как известно, метафоры выражают индивидуальное мировосприятие писателя, его представления о человеке. Автора интересуют цельные личности, способные сопротивляться неблагоприятным внешним факторам и сохранять устои семьи и народа. Турсунов выбрал выразительный язык мифа и метафоры для наглядного выражения своего умонастроения.

Заключение

Таким образом, мы видим, что Турсунов в повести «Келин» обращается к тюркской мифологии для решения различных художественных задач. В повести воссозданы мифологические образы различных видов (антропоморфные, зооморфные и космические).

Основные герои представлены в условной форме. Мифологические контексты, воссозданные в повести, усиливают ее аллегорический план. Жанровая поэтика характеризуется редуцированными общественно-историческими реалиями, доминированием мифологического и условного начала.

Проблематика повести обращена к истокам бытия тюркских народов. Идея непрерывности рода образует основу смыслового пространства повести. Автор видит силу и величие человека в его цельности, стойкости, верности семье и роду, трудолюбию.

Мифопоэтическое творчество Турсунова, обращенное к истокам тюрков, следует рассматривать как часть культурного процесса не только тюркоязычного, но и постсоветского пространства. Оно побуждает исследователей к изучению творчества писателей, представителей различных этнических и национальных культур.

Кроме того, творчество Турсунова органично включено в современное художественное мифотворчество, которое способствует поискам философских смыслов и нравственных ориентиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, Н. А. (1992) Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 242 с.

Анохин, А. В. (1924) Материалы по шаманству у алтайцев: (собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Л. : Изд-во РАН. 152 с.

Бисенбаев, А. (2018) Мифы древних тюрков. Алматы : Мектеп. 176 с.

Варламова, И. Ю., Будильцева, М. Б., Пугачев, И. А., Куулар, Е. М. (2023) Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в паремиях) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 44–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Голосовкер, Я. Е. (1987) Логика мифа. М. : Наука. 247 с.

Гребнева, М. П. (2009) Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск : Издательство Томского университета. 182 с.

Душенкова, Т. Р. (2019) Пищевой код: Названия молочных и кисломолочных напитков в удмуртском языке и культуре // Историко- культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 1 (6). С. 67–75.

Журакузиев, Н. И. (2021) Модель мироустройства в литературе и фольклоре древних тюркских народов // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Филология. № 1 (134). С. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-134-1-23-36>

Каирбеков, Б. (2014) Мир Кочевья. Мифы Великой Степи. Казахский этикет. Астана : Казахский научно-исследовательский институт культуры. 256 с.

Каирбеков, Б. Г. (2011) Национальные обряды и традиции. Казахский этикет. Алматы : Empire. 110 с.

Козубовская, Г. П. (2008) Середина XIX века: миф и мифопоэтика. Барнаул : БГПУ. 260 с.

Кондыбай, С. (2005) Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы : Нурлы Алем. 272 с.

Кэмпбелл, Д. (1997) Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное. М. : София. 336 с.

Лосев, А. Ф. (2001) Диалектика мифа. М. : Мысль. 558 с.

Мелетинский, Е. М. (2001) От мифа к литературе. М. : РГГУ. 169 с.

Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. М. : Издательская фирма «Восточная литература». 407 с.

Наурызбаева, З. (2021) Вечное небо казахов. Алматы : OTUKEN. 720 с.

Полонский, В. В. (2008) Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М. : Наука. 285 с.

Потапов, Л. П. (1991) Алтайский шаманизм. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 320 с.

Потапов, Л. П. (1991) Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. № 5. С. 79–86.

Пропп, В. Я. (1976) Фольклор и действительность. М. : Наука. 326 с.

Сейдимбек, А. (2012) Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Астана : Фолиант. 560 с.

Скобелев, С. Г. (2022) Древнетюркская богиня плодородия Умай:

гора и храм на Енисее // *Universum Humanitarium*. № 1. С. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2022-1-143-152>

Сувандии, Н. Д. (2023) *Чер* 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Телегин, С. М. (2005) Мифологическое пространство русской литературы. М. : Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. 158 с.

Темиргазина, З. К., Николаенко, С. В., Шахарам, А. П., Апаева, С. Х. (2023) Наименования женщин по брачному статусу: компонентный анализ (на материале тувинского и казахского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.9>

Топоров, В. Н. (2004) Исследования по этимологии и семантике. М. : Языки славянской культуры. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с.

Топоров, В. Н. (1995) Миф. Ритуал. Символ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М. : Прогресс ; Культура. 624 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / под ред. И. Н. Гемуева. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Турсунов, Е. Д. (2004) Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы : Дайк-Пресс. 322 с.

Фрейденберг, О. М. (1998) Миф и литература древности. М. : Издательская фирма «Восточная литература». 800 с.

Фрейденберг, О. М. (1997) Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт. 448 с.

Элиаде, М. (2000) Аспекты мифа. М. : Академический проект. 222 с.

- Юнг, К. Г. (2019) Архетипы и коллективное бессознательное. М. : Издательство АСТ. 496 с.
- White, J. J. (1971) *Mythology in the Modern Novel. A study of Prefigurative techniques*. Princeton University Press. 246 p.

Дата поступления: 30.01.2024 г.

Дата принятия: 12.03.2024 г.

REFERENCES

- Alekseev, N. A. (1992) *Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 242 p. (In Russ.).
- Anokhin, A. V. (1924) *Materials on shamanism among the Altaians: (collected during travels in Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia)*. Leningrad, RAS Publ. 152 p. (In Russ.).
- Bisenbaev, A. (2018) *Myths of the ancient Turks*. Almaty, Mektep. 176 p. (In Russ.).
- Varlamova, I. Yu., Budil'tseva, M. B., Pugachev, I. A. and Kuular, E. M. (2023) The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in paroemias). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 44–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>
- Zhurakuziev, N. I. (2021) Model of the world order in the literature and folklore of the ancient Turkic peoples. *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*, no. 1 (134), pp. 23–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-134-1-23-36>
- Golosovker, Ya. E. (1987) *The logic of the myth*. Moscow, Nauka. 247 p. (In Russ.).
- Grebneva, M. P. (2009) *The conceptual sphere of the Florentine Myth in Russian literature*. Tomsk, Tomsk University Press. 182 p. (In Russ.).
- Dushenkova, T. R. (2019) Food code: the names of dairy and fermented milk drinks in the Udmurt language and culture. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ia*, no. 1 (6), pp. 67–75. (In Russ.).
- Kozubovskaia, G. P. (2008) *The middle of the XIX century: myth and mythopoetics*. Barnaul, BGPU. 260 p. (In Russ.).
- Kairbekov, B. G. (2011) *National rituals and traditions. Kazakh etiquette*. Almaty, Empire. 110 p. (In Russ.).
- Kairbekov, B. (2014) *The world of Nomadism. Myths of the Great Steppe. Kazakh etiquette*. Astana, Kazakh Scientific Research Institute of Culture. 256 p. (In Russ.).
- Kondybai, S. (2005) *Kazakh mythology. A short dictionary*. Almaty, Nurly Alem. 272 p. (In Russ.).
- Kempbell, D. (1997) *The Hero with a Thousand Faces: A myth. The archetype. The unconscious*. Moscow, Sofiia. 336 p. (In Russ.).
- Losev, A. F. (2001) *The Dialectic of myth*. Moscow, Mysl'. 558 p. (In Russ.).
- Meletinskii, E. M. (2000) *The Poetics of myth*. Moscow, Vostochnaia literatura. 407 p. (In Russ.).
- Meletinskii, E. M. (2001) *From myth to literature*. Moscow, RGGU. 169 p. (In Russ.).
- Naurzbaeva, Z. (2021) *The eternal sky of the Kazakhs*. Almaty, OTUKEN. 720 p. (In Russ.).
- Polonskii, V. V. (2008) *Mythopoetics and genre dynamics in Russian literature of the late XIX – early XX century*. Moscow, Nauka. 285 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1991) *Altai shamanism*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 320 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1991) Elements of religious beliefs in ancient Turkic genealogical legends. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 79–86. (In Russ.).
- Propp, V. Ia. (1976) *Folklore and reality*. Moscow, Nauka. 326 p. (In Russ.).
- Seidimbek, A. (2012) *The world of Kazakhs. Ethnocultural reinterpretation*. Astana, Foliant. 560 p. (In Russ.).
- Skobelev, S. G. (2022) Ancient turkic goddess of fertility Umai: a mountain and a temple on the Yenisei. *Universum Humanitarium*, no. 1, pp. 143–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2022-1-143-152>
- Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'earth' in Tuvan paroemias. New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Telegin, S. M (2005) *The Mythological space of Russian literature*. Moscow, The Pushkin State Institute of the Russian Language. 158 p. (In Russ.).

Temirgazina, Z. K., Nikolaenko, S. V., Shakharam, A. P., Apaeva, S. Kh. (2023) Names of women by marital status: component analysis (based on the Tuvan and Kazakh languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.9>

Toporov, V. N. (1995) *Myth. Ritual. Symbol: Research in the field of mythopoeic. Favourites*. Moscow, Progress; Kul'tura. 624 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2004) *Research on etymology and semantics*. Moscow, Languages of Slavic culture. Vol. I. Theory and some of its particular applications. 816 p. (In Russ.).

The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The Material world (1988) / ed. by I. N. Gemueva. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 225 p. (In Russ.).

Tursunov, E. D. (2004) *The origin of Kazakh folklore speakers*. Almaty, Daik-Press. 322 p. (In Russ.).

Eliade, M. (2000) *Aspects of the myth*. Moscow, Akademicheskii proekt. 222 p. (In Russ.).

Jung, K. G. (2019) *Archetypes and the collective unconscious*. Moscow, AST Publ. 496 p. (In Russ.).

Freidenberg, O. M. (1997) *The poetics of the plot and genre*. Moscow, Labirint. 448 p. (In Russ.).

Freidenberg, O. M. (1998) *Myth and literature of antiquity*. Moscow, Vostochnaia literatura. 800 p. (In Russ.).

White, J. J. (1971) *Mythology in the Modern Novel. A study of Prefigurative techniques*. Princeton University Press. 246 p.

Submission date: 30.01.2024.

Acceptance date: 12.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.3.18

Статья

Концепт ясн 'род' в калмыцком языке

Тамара С. Есенова, Галина Б. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье представлен анализ концепта калмыцкой культуры «ясн» 'род'. Показано, что представления о родстве имеют разнообразные средства обозначения в калмыцком языке. Номинативное поле концепта включает лексемы «эңг», «ээмг», «ясн», «отг», «тохм», «арвн».

Понятийное содержание концепта «ясн» 'род': 'люди одного корня', 'одной кости', 'одной крови'. Род прерывается на детях дочери, может прерваться из-за проклятия; продолжателем рода является сын.

Образный компонент концепта осмысливается через человека: выделяются люди родовитые, с хорошей родословной, безродные. Аксиологическая составляющая определяет нормы поведения и принципы общения внутри и за пределами рода, обеспечивая преемственность культурных и социальных норм. Поддерживать представителей своего рода — важный принцип поведения калмыков. Для калмыков люди одного рода ассоциируются со своими, а другого — чужими людьми.

Ключевые слова: концепт культуры; компонент концепта; ясн; родство; терминология родства; калмыки; калмыцкий язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-00790 «Аксиологический аспект картины мира калмыков».

Для цитирования:

Есенова Т. С., Есенова Г. Б. Концепт ясн 'род' в калмыцком языке // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 302-313. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.18>

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_ts@mail.ru

Есенова Галина Борисовна — кандидат филологических наук, ведущий специалист научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_gb@gmail.com

The *yasn* 'clan' concept in the Kalmyk language

Tamara S. Esenova, Galina B. Esenova

Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article presents an analysis of the concept of the Kalmyk culture "yasn" 'clan'. It shows that the ideas of kinship have various means of designation in Kalmyk language. The nominative field of this concept includes the following lexemes: "ang", "aamg", "yasn", "otg", and "arvn".

The conceptual content of "yasn": 'people of the same origin', 'one bone', 'one blood'. The family can be interrupted by the children of a daughter, or due to a curse. The son is the heir of the family.

The figurative component of this concept is understood through a person. Well-born people and those with a good pedigree are distinguished from rootless people. The axiological component of a culture defines the norms of behavior and communication within and outside the family, ensuring the continuation of cultural and social traditions. Supporting members of one's own group is an important aspect of Kalmyk behavior. For the Kalmyks, members of their own group are associated with kinship, while others are considered strangers.

Keywords: *concept of culture; component of concept; yasn; kinship; terminology of kinship; Kalmyks; Kalmyk language*

Financing

The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00790 «Axiological aspect of the Kalmyks worldview».

For citation:

Esenova T. S. and Esenova G. B. The *yasn* 'clan' concept in the Kalmyk language. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 302-313 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.18>

ESENOVA, Tamara Sarangovna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina St., 358000, Elista, Russia. E-mail: esenova_ts@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7655-7751

ESENOVA, Galina Borisovna, Candidate of Philology, Leading specialist, Scientific department, Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina St., 358000, Elista, Russia. E-mail: esenova_gb@gmail.com

ORCID ID: 0009-0004-3001-0100

Введение

В калмыковедении большое внимание уделяется изучению родственных связей, важных для понимания социальной организации калмыков-кочевников, их культурной самобытности.

Историография проблемы включает довольно большое количество работ, в которых родственные связи рассматриваются в историко-культурном (Авляев, 2002; Эрдниева, 1985; Бакаева, 2009; Митиров, 1998; Батыров, 2016; и др.), антропологическом (Бакаева, 2009; Шараева, 2003, 2017), сопоставительном (Калыкова, 2010; Сарангаева, 2017) аспектах. Что касается лингвистического аспекта проблемы, то детально исследовались термины родства и свойства на материале калмыцкого (Корсункиев, 1977; Омакаева, Бурькин, 1999; Шорковиц, 2004, Эрдниева 1974), бурятского (Омакаева, Бурькин, 2001; и др.¹), монгольского (Омакаева, Бурькин, 2001; Очир, 2016; Бадмаев, 2017; Соронзон, 2023) языков. Термины родства изучались как отражение исторических связей и этнокультурных контактов ойратов и тувинцев (Попов, Бурькин, 2019).

В последние годы предпринят новый подход к изучению родства, родственных отношений — как концепта культуры: *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев (Тувинцы. Родные ... , 2022: 86–118). В трактовке Ч. К. Ламажаа, концептуализация этнокультуры позволяет рассматривать концепты «с тремя, порой сложноразличимыми друг от друга ипостасями: концепты-формы, концепты-идеи, концепты-социальные регуляторы» (Ламажаа, 2023: 20).

Несмотря на существующий интерес к данной теме, в калмыковедении, к сожалению, до сих пор не изучены средства обозначения концепта род, который номинируется разными словами (*эңг, аамг, ясн, отг, арвн*), а «один и тот же термин обозначает различные этнические группы» (Батыров, 2016: 108). К слову сказать, в бурятском языке для обозначения рода так же используются разные термины: *эсэгэ, яһан, соло, омог, аймак* и др. (Балдаев, 1961: 92). Сказанное определяет актуальность предпринятого исследования. Его новизна состоит в изучении концепта *ясн* 'род' с языковой точки зрения как ментальное образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная стороны (Карасик, 2007: 27).

Объект исследования — концепт *ясн* 'род' в калмыцком языке. Предмет исследования — содержание концепта, которое будет рассмотрено с трех сторон: понятийной, образной, ценностной. Задачи исследования: а) выделение и анализ языковых средств вербализации концепта *ясн* 'род'; б) описание образного и ценностного компонентов данного концепта. Материалом исследования выступили данные из лексикографических источников калмыцкого языка². Методы исследования: методы контекстуального и дефиниционного анализа языковых единиц, лингвокультурологического анализа языкового материала. Методологической основой анализа послужили представленные в новейших исследованиях основные положения лингвокультурологии (Алефиренко, 2016; Арутюнова, 1999; Вежбицкая, 2011; Воробьев, 2006; Карасик, 2007; Ламажаа, 2023; Лихачев, 1993; Попова, Стернин, 2010; Степанов, 2004, 2007; Телия, 1996; Токарев, 2009; и др.³), истории и антропологии калмыков (Авляев, 2002; Бакаева, 2009; Батыров, 2016; Душан, 1976; Шараева, 2017; Эрдниева, 1985).

¹ Гунжитова Г.-Х. Ц., Дылыкова Р. С. Лексико-семантическая репрезентация терминов родства в словарях бурятского языка [Электронный ресурс] // Научный аспект. 2024. URL: <https://na-journal.ru/2-2024-filologiya-lingvistika/8921-leksiko-semanticheskaya-reprezentaciya-terminov-rodstva-v-slovyah-buryatskogo-yazyka> (дата обращения: 15.04.2024).

² Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Т. 2. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022; языка ойратов Синьцзяна, который наиболее близок современному калмыцкому языку (Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001) и Этимологического словаря монгольских языков (Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3).

³ Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Понятийное содержание концепта

Словарь синонимов калмыцкого языка приводит следующие единицы: *ээмг*¹, *отг*², *тохм*, *уңг-тохм*³. Словарь не включает в перечень синонимов слова *эңг*⁴ (однако приводит значение 'род', 'племя'), *арвн*⁵ и *ясн*⁶. Анализ лексикографических источников калмыцкого языка, а также Словаря языка ойратов Синьцзяна выявил, что, за исключением слова *уңг*, словарные статьи всех остальных слов, составляющих синонимический ряд *ээмг*, *отг*, *тохм*, *уңг-тохм*, включают сему 'род'⁷.

Для определения единиц, составляющих номинативное поле концепта *ясн* 'род', из лексикографических источников калмыцкого языка, Этимологического словаря монгольских языков, Словаря языка ойратов Синьцзяна методом сплошной выборки были отобраны все обозначения данного концепта. По результатам лексико-семантического анализа материала в номинативное поле концепта *ясн* 'род' мы включили следующие единицы: *эңг*, *ээмг*, *ясн*, *отг*, *тохм*, *арвн*.

Слова, входящие в номинативное поле данного концепта, являются многозначными. Происходило постепенное расширение семантики слов в результате обогащения смысла новыми ассоциативными признаками. Анализ показал, что во всех словарях в лексемах, обозначающих концепт *ясн* 'род', значения 'род' и 'племя' не дифференцируются.

Эңг

По данным словарей калмыцкого языка, у лексемы *эңг* исходным значением является 'род', 'племя'⁸. Все словари к значению 'род', 'племя' дают помету 'ист.' — 'историческое', т. е. квалифицируют данное значение как устаревшее. Однако иллюстративные примеры отражают практику употребления единиц в современной коммуникации: *Цаһан-Нуура эңг* 'Цаган-Нуровский род'⁹; *эңгин улс* 'люди одного рода'¹⁰; *Цаһан-Нуура эңг* 'Цаган-Нуровский род'¹¹; *неге эңгин улас болха гежи бодохо* 'думать, что они люди одного племени'¹².

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *эңг* относится к древнему пласту монгольской лексики, восходит к старописьменному *anggi* (*ang²-gi*). Соответствиями этого знака в современных монгольских языках являются: «халхаский, бурятский *анги*, калмыцкий *эңг* 'часть', 'раздел', 'отдел'; халхаский, бурятский '(социальный) класс'¹³. Данный источник не регистрирует у слова *эңг* значение 'род', хотя в Калмыцко-русском словаре, опубликованном в 1977 г., значение 'род', 'племя' отмечается.

Ээмг

В лексикографических источниках калмыцкого языка у слова *ээмг*, помимо значения 'род', 'племя', отмечается значение 'аймак, административная единица' с пометой 'ист.'¹⁴. В связи с изменениями, которые произошли в советское время в административной структуре Калмыкии, значение 'аймак, административная единица' потеряло свою актуальность и перешло в разряд «исторического».

¹ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 27.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 207.

⁷ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 534; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 324; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 242.

⁸ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 68; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 75; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 47.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 68.

¹⁰ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 40.

¹¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 75.

¹² Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 47.

¹³ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 50.

¹⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 62; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 68.

Во всех словарях калмыцкого языка регистрируется значение 'род', 'племя'¹. Примеры из художественной литературы (*Бидн нег ээмгэ болдувидн. Ээмг-отгт нег серлтэ күүкд күн бээхлэ, эн болжана* 'Мы из одного рода. Достаточно, чтобы была одна умная женщина в роду'²) и разговорной речи (*теден чини бидентээ неге ээмег улас* 'они с нами люди одного рода'³) иллюстрируют активное употребление лексемы *ээмг* в значении 'род', 'племя' в современном узусе.

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *ээмг* относится к древнему пласту монгольской лексики, ее рефлексам в алтайских языках являются: «*a*². $\diamond$ → маньчжурский *ayiman* 'род', 'поколение'; аймак; киргизский *аймак* 'страна', 'край'; 'люди одного аймака'⁴. В монгольских языках *ayimay* (*ay-tay*) имеет следующие соответствия: «халхаский, бурятский *аймаг*, калмыцкий *ээмг*, дагурский *аймаг* (исторический) 'род', 'племя'; халхаский, бурятский 'аймак (административная единица)', 'область', 'район'⁵. Как видим, в ряде алтайских языков наблюдается дальнейшее расширение семантики слова *аймак*: 'род', 'племя' → 'область', 'район', 'страна', 'край'. От лексемы *ээмг* в современном калмыцком языке образованы дериваты: имена существительные (*ээмгин*, родительный падеж от *ээмг* 'аймачный'; *ээмглһн* 'деление на аймаки'), глагол (*ээмглх* 'делить на аймаки'⁶), свидетельствующие о важности для носителей калмыцкого языка родовых отношений.

Ясн

В лексеме *ясн* толковые словари калмыцкого языка исходным значением определяют анатомическое значение 'кость', на базе которого образован этнографический термин 'род', 'кость'. При этом разные источники называют это значение или четвертым⁷, или третьим⁸; первым указывается значение 'кости', 'кость', вторым – 'косточка'. Примеры, представленные в словарных статьях Калмыцко-русского словаря 1977 г., Толкового словаря калмыцкого языка 2020 г. и Словаря языка ойратов Синьцзяна 2001 г. на слово *ясн*, иллюстрируют реализацию у слова *ясн* значения 'род': *ямаран яста билэт?* 'из какого вы рода? (букв. какой кости вы будете?)', *оңдан яста күн* 'человек другого рода'⁹; *оңдан яста күн* 'человек другого рода', *Авһнр яста, асмуд ээмгэ хальжңгуд төрлэ Кирюха Лижин көвүмб* 'Я сын Кирюхаева Лиджи, рода авганеров, асмудова аймака рода гальджингудов' — Хальмг үнн, *Яснь хошуд, отгнь гөрэчин, гөрэчн дотран шаңһс болдг* 'рода хошудов, отока горячинов, внутри горячинов — шангасы' — Сарын герл¹⁰; *оңдаан йасани күмен* 'человек другого рода'¹¹.

Этимологический словарь монгольских языков, который возводит *ясн* к *yasun* [*ya-(*)ya3-(?)sun], в ряде монгольских языков в лексеме *ясн* также выделяет анатомическое ('кость') и этнографическое ('род') значения: «халхаский *яс(ан)*, *яһан*, калмыцкий *ясн*, могольский *јосун*, дагурский *јас*, баоаньский *јасон*, дунсянский *јасун*, монгорский *јасе* (анатомический) 'кость', (этнографический) 'кость', 'род', 'поколение'¹². Этимологический словарь монгольских языков и Словарь языка ойратов Синьцзяна, помимо значений 'кость', 'род', выделяют еще значение 'поколение'¹³.

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 62; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 37; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 68; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 44.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 68.

³ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 44.

⁴ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 68.

⁵ Там же.

⁶ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 62; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 68.

⁷ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 711.

⁸ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 441; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 550; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 183.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 711–712.

¹⁰ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 441; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 550.

¹¹ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 183.

¹² Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3. С. 222.

¹³ Там же; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 181.

Специалисты по истории и этнографии калмыков считают, что лексема *ясн* стала употребляться для обозначения значения ‘род’, ‘поколение’ не случайно. Э. П. Бакаева, вслед за Б. А. Бичеевым, связывает жертвенное животное и состав его туши с родоплеменным составом калмыков и традиционными представлениями о структуре общества, о родах, считая, что «применительно к ойратской культуре следовало бы говорить не столько о кровном родстве, сколько о родстве по кости (“ясун” (*ясн*) — кость — основное родовое подразделение калмыков). Сочетание “кости” (рода) и “сустава” (поколения, *үй*) давало представление о “теле” этноса, при этом поколения в одной “кости” обозначались словом, обозначавшим также сустав» (Бакаева, 2009: 125).

В картине мира калмыков, как и всех скотоводов, важное место занимает скот, который они разводят. Не случайно поэтому при осмыслении родственных связей у людей возникают ассоциации с животными. По мнению Э. П. Бакаевой, «в зоолатрической форме почитания животного-жертвы появилась идея соотнесенности определенных костей и разных родовых подразделений этноса ... ярким проявлением теротеизма является идея о взаимосвязи “тела этноса” и туши сакрального животного (жертвы), которой соответствует сочетание костей (символов разных групп) и сочленений, суставов (символов поколений)» (там же: 125). Зоолатрия лежит в основе метонимического переноса значения слов: *ясн* (кость животного) → *ясн* (родовое объединение людей), *үй* (сустав животного) → *үй* (объединение людей одного поколения).

У монголов выделяется, «с одной стороны, патрилатеральное родство, по отцу, по кости (*ясан*), а с другой – матрилилатеральное родство, по матери, по крови (*цусан*)» (Бадмаев, 2017: 73). Калмыки считают, что род обрывается на детях дочери (*тохм — зeed салдг¹*), ‘род дочери — это отбрызнувшая кровь, оторвавшееся мясо’ (*күүкнэ тохм — өсрсн цусн, тасрсн махн²*). Если учесть, что культура предков калмыков исторически формировалась в период тесных контактов ойратов с разными группами монголов, можно признать существование у калмыков родства по кости (*ясн*) и крови (*цусн*). Родство по кости передается по отцу, родство по крови — по матери. Род прерывается на детях дочери, т. к. после замужества дочь переходит в род мужа, становясь чужой для рода своего отца; «продолжателем рода является сын» (Душан, 1976: 23). Итак, лексико-семантический анализ слова *ясн* выявляет «следы» зоолатрических представлений предков калмыков в семантике данного знака, подтверждая значимость рассматриваемого концепта для картины мира калмыцкого народа.

Отг

Данная единица в словарях калмыцкого языка также сопровождается пометой «исторический». Слово *отг* является однозначным, имеет значение ‘оток’³. В языке ойратов Синьцзяна лексема *отог* употребляется в значении ‘оток’, ‘род’, ‘клан’, например: *биде неге отогиин улас* ‘мы люди одного рода’. Словарь языка ойратов Синьцзяна также сопровождает данную лексему пометой «исторический»⁴.

Отг относится к базисной лексике монгольских языков, восходит к *отиγ*⁵. Рефлексами *отиγ* в современных языках являются: в «халхаском, бурятском *отог*, калмыцком *отг* (исторический) с значением ‘род’, ‘поколение’, ‘клан’»⁶. В проанализированных словарях даются следующие пояснения к значению данного слова: ‘административная единица в старой Монголии’⁷, ‘административная единица в старой дореволюционной Калмыкии’⁸.

Итак, в семантической структуре слова *отг* нашло отражение изменение административной организации калмыцкого и монгольского социума в XX в. Деактуализация значения ‘администра-

¹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 77.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 197.

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 407; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 30; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 243.

⁴ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 266.

⁵ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Швернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2. С. 218.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 407; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 30.

тивная единица' в слове *отг* демонстрирует отражение жизни общества в лексической единице языка, репрезентанте концепта *ясн* 'род'.

Тохм

Лексема *тохм* стала использоваться для обозначения значения 'род', 'племя' в результате переноса значения 'порода': *малын тохм ярулх* 'улучшать породу скота'; *хальмг тохмта мал* 'скот калмыцкой породы'; *цусн сээтэ тохм* 'чистокровная порода'¹ → *өмсхнь му болв чигн, тохмнь сэн* 'хоть одет плохо, но хорошего рода'². Слово *тохм* в значении 'род', 'племя' активно используется в настоящее время в разных сферах употребления. Например, в художественной: *Хазг Дорж Отинович Амнинович уңг-тохм бат болж харв, өдгэ цагт эднд зуг залу улсин халхар 28 хазг бээнэ* 'Род казака Дорджи Отиновича Амнинова оказался крепким, в настоящее время только мужчин насчитывается 28 казаков', *Тохм уга одмрин мөрнь гүүжэнэ, болж заалу чилэв* 'У безродного дела идут хорошо — подытожил мужчина'; *Тохмднь ус асхх үңгднь күрх, уга кех. Ода иржэ амт дажржэ байжхар йовсн эн. Тохмднь ус асхдгин негн улс эднч* 'Искоренить, уничтожить его род. Захотел сейчас давить на народ, захотел разбогатеть. Это те, кого надо уничтожить, искоренить'³. В языке ойратов Синьцзяна слово *тохом* имеет значение 'род', 'поколение', 'происхождение': *сээн тохмтаа улас* 'люди знатного происхождения'⁴.

Тохм образует парное слово *уңг-тохм* 'род'⁵, *уңг* имеет значение 'корень'⁶. Слово *тохм* встречается в калмыцких *харалах* 'проклятиях': *тохм таср, тохм уга од! үндс таср, үндс уга од!* 'пусть прервётся твой род!'⁷

Значимость концепта *ясн* 'род' подтверждается словообразовательной продуктивностью морфемы *тохм*: *тохмта* 'родовитый'⁸; *уңг-тохмта* 'с корнями', 'родовитый'. Дериваты *тохм* активно употребляются в художественных текстах («*Байн, нойн тохмта күн биш* 'Не богатый, не из рода нойонов'; *Теңгин наласн теегт тохмта өрк-бүлд төрсн Илья көвүн* 'Мальчик Илья, родившийся в степи в родовитой семье'⁹), в разговорной речи (*сээн тохмтаа улас* 'люди знатного происхождения'¹⁰).

В слове *тохм* прослеживается «след» исходного значения — 'порода': выделяются люди 'с хорошей породой' (*сэн тохмта*), 'с крепкой породой' (*уңг-тохм бат*), 'породистые, родовитые' (*тохмта*), 'безродные' (*тохм уга*).

Итак, в результате анализа конкретных реализаций лексемы *тохм* и ее дериватов в разных сферах употребления можно считать, что в лексеме *тохм* в значении 'род', 'племя' присутствует признак 'высокое качество, порода'.

Арвн

Лексема *арвн* имеет значение 'десятидворка (старое административное деление у калмыков)¹¹. *Арвн* обозначает более мелкое подразделение в структуре рода, «патронимическую группу, входящую в более крупное деление — род» (Шараева, 2003: 265). По мнению У. Э. Эрдниева, *арваны* — это «родовые группы, которые, по-видимому, были образованы в результате сегментации одной большой патриархальной семьи» (Эрдниев, 1974: 28).

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 510.

² Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 77.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 307; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 197.

⁴ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 335.

⁵ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 197.

⁶ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 534; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 197.

⁷ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 197.

⁸ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 510.

⁹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 307.

¹⁰ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 335.

¹¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 48; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 31; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 51.

Этимологический словарь монгольских языков не фиксирует значение 'десятидворка' у слова *arban* [*ar-ban], возводит его к старописьменному монгольскому *harban* 'десять'¹. Данный источник приводит следующие рефлексы слова *harban* в современных монгольских языках: «халхаский *арав*, *арван*, бурятский *арбан*, калмыцкий *арвн*, баоаньский *харван*, монгорский *харван*»². Ни в одном из перечисленных языков у слова не отмечается значение 'десятидворка', хотя, как отмечалось выше, в существующих словарях современного калмыцкого языка такое значение регистрируется³. Следовательно, *арвн* можно включить в номинативное поле концепта как обозначение более мелкого подразделения в составе рода.

Таким образом, значимость концепта *ясн* 'род' подтверждается: а) разнообразием средств его обозначения, которые этимологизируются на монгольской языковой почве (кроме *тохм*); б) проработанностью концепта калмыцким языковым сознанием: отмечаются диахронические изменения в семантике некоторых вербализаторов (*омг*, *эамг*, *эңг*). Анализ синтагматических связей обозначений концепта и их дериватов позволил выявить признаки концепта *ясн* 'род': 'люди одного корня', 'одной кости', 'одной крови'.

Образное и ценностное содержания концепта

Паремии и художественные тексты произведений калмыцких авторов, в которых содержатся вербализаторы концепта *ясн* 'род', составили интерпретативное поле рассматриваемого концепта. Анализ показал, что образная составляющая концепта осмысливается через представление о человеке. Люди могут быть родовитые, с хорошей родословной, безродные; род прерывается на детях дочери, может прерваться из-за проклятия; продолжателем рода является сын.

Человек знатного рода — это крепкий духом, мужественный (*Тохмта эцкин көвүн му үзх дутман ясрдг* 'Родовитый, чем больше испытывает лишений и трудностей, тем больше крепнет духом и мужает'⁴), прославляющий свой род (*Угта күмн уган дуудулна, урһа модн уран чавчулна* 'Знатный человек прославляет родословную, растущее дерево допускает, чтобы срубили наросты'⁵), обладающий богатым языком человек (*Уг сээтэ күн үлгүр бэрлдүлж келдг* 'Человек знатного происхождения говорит, прибегая к пословицам'⁶). Человек знатного рода мыслится как *алг махни тасрха, алтн ясни кемтркэ* 'кусочек жирного мяса, обломок золотой кости'⁷. В соответствии с тем, что в картине мира калмыков жир, золото отождествляются с богатством (Есенова, 2023: 465), представителя знатного рода калмыки расценивают как богатого человека. Родовитый человек внешне может быть скромным (*Өмсхнь му болв чигн уг-тохмнь сән* 'Хоть и одет плохо, но происхождением знатен'⁸).

Человек незнатного рода — это человек, который не становится лучше (*Уг муутыг уһав чигн деердх уга* 'Безродного, хоть мой, чище и лучше не станет'⁹). Паремия не советует брать в жены дочь безродного человека (*Үүд муутынд мөрән биткэ уй, уг муутын күүкиг биткэ ав* 'Не привязывай коня у коновязи тех, у кого в юрте дверь плохая, не бери невесту из семьи незнатных'¹⁰).

Анализ аксиологического компонента проводился в ходе контекстуального анализа вербализаторов концепта. Репрезентанты концепта могут сочетаться со словами, содержащими положительную или отрицательную оценку: *муута* 'плохой' (*Уг муутыг уһав чигн деердх уга* 'Незнатного человека

¹ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 54.

² Там же.

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 48; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 31; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 51.

⁴ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 77.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Там же.

хоть мой — не станет лучше и чище¹); *сээтэ* ‘хороший’ (*Уг сээтин көвүн сэн, урн экин күүкн сэн* ‘Хорош сын родовитого человека, хороша дочь, чья мать искусная мастерица’²). Это дает основание утверждать, что семантические поля концептов *ясн* ‘род’ и *му* ‘плохой’ / *сэн* ‘хороший’ пересекаются. Контекстуальный анализ показывает, что вербализаторы концепта сочетаются с глаголами, с одной стороны, с семантикой ‘прекращаться, прерываться’, а с другой — ‘прославлять, процветать’. Например: *Тохм таср, тохм уга од! Үндсн таср, үндсн уга од!* ‘Пусть прервется твой род, пусть исчезнет твой род!’, *Тохм уга одмнрин мөрнь гүүжэнэ, болж заалу чилэв* ‘У проклятого дела идут хорошо — подытожил мужчина’³ — *Угта күмн уган дуудулна, урһа модн уран чавчулна* ‘Знатный человек прославляет родословную, растущее дерево допускает, чтобы срубили наросты’, *Уһадс долах ноха уга, уган дуудулх көвүн уга* ‘Нет собаки, чтобы облизала помои, нет сына, чтобы прославить род’⁴.

Тохм таср ‘пусть прервется твой род!’ является самым страшным *харалом* ‘проклятием’ для калмыка. Однако народ полагает, что *Төөмдэнь алдриш уга, тохмнь тасриш уга* ‘Калмыцкий узел — темдя — не развяжется, род не прервется (не оборвется)’⁵. В продолжении рода калмыки видят свое наследие. Представители старшего поколения калмыков учат молодежь при выборе спутника жизни *уңг-тохм хэлэ* ‘присматривайся к роду’; внушают, что смысл жизни мужчины — продолжить род, прославить его⁶.

Выстраиваются следующие рекомендации поведения в обществе:

— не следует обращать внимание на внешний вид (*Өмсхнь му болв чигн, уг-тохмнь сэн* ‘Хоть и одет плохо, но происхождением знатен’⁷),

— нельзя судить о человеке по его родовитости (*Уг му болсар, ухан дуту болдг уга* ‘От того, что не родовит, не значит, что он глуп’⁸),

— не следует жениться на девушке из незнатного рода (*Үүднь муутыннь хөөмр битгэ су, уг муутыннь күүк битгэ ав* ‘Не садись на почетное место в юрте, где дверь плохая, не бери в жены дочь людей незнатного рода’⁹),

— следует стремиться к продолжению рода (*Уган теткж, утаһан умлһх* ‘Обеспечивать свой род и добиваться, чтобы дым не прекращал струиться’¹⁰),

— следует прославлять род (*Угта күмн уган дуудулна, урһа модн уран чавчулна* ‘Знатный человек прославляет родословную, растущее дерево допускает, чтобы срубили наросты’¹¹),

— нельзя вредить представителям своего рода (*Яң, яң бичкэ гиһич, ясн бидн негн* ‘Не лай (говорит собаке волк): мы одной кости (одного рода)’¹²).

Таким образом, поведенческие нормы, связанные с родовыми представлениями калмыков, обеспечивают преемственность культурных и социальных норм (Калькова, 2010:141).

Кроме вербальных средств, в концептосферу *ясн* ‘род’ входят родовые маркеры: «*тамги* (их названия и графическое изображение), *ураны* (родовые кличи), *сякюсены* (родовые божества, гении-хранители «рода» или «племени»), тотемы, культы божеств» (Авляев, 2002: 62), *өлгц* (ленточки) (Шараева, 2003). Невербальные средства репрезентации концепта *ясн* ‘род’ в определенной степени изучены антропологами (Авляев, 2002; Бакаева, 2009; Шараева, 2003, 2017). Так, установлено, что *тамги* играют большую роль в коллективной памяти представителей рода и сохранении их

¹ Там же.

² Там же. С. 76.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 307.

⁴ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 76.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Полевые материалы Т. С. Есеновой 2005 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 76.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 77.

самобытности; *өлги*, «выступая цветовым родовым маркером, подчеркивает индивидуальные особенности каждого отдельно взятого рода калмыков» (Шараева, 2003: 271). Эти маркеры «служат хранилищем исторических и мифических истоков племен, тем самым укрепляя единство представителей рода и их преемственность» (Шараева, 2017: 172).

Все рассмотренные выше репрезентанты указывают не только на учет родственных связей при определении норм поведения и правил общения внутри и за пределами рода, но и на длительное и разностороннее осмысление концепта *ясн* 'род' в калмыцкой лингвокультуре.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что в калмыцком языке существуют разные средства обозначения концепта *ясн* 'род'. Номинативное поле концепта *ясн* 'род' включает лексемы *әңг*, *әәмг*, *ясн*, *отг*, *тохм*, *арвн* и их дериваты. Понятийный компонент концепта *ясн* 'род': 'люди одного корня', 'одной кости', 'одной крови'; род прерывается на детях дочери, может прерваться из-за проклятия; продолжателем рода является сын.

Образная составляющая концепта осмысливается через человека: выделяются родовитые, с хорошей родословной, безродные. Аксиологический компонент определяет нормы поведения и правила общения внутри и за пределами рода: «не вреди своим», «продолжай род», «прославляй его».

В целом исследование концепта *ясн* 'род' помогает понять то, как социальные отношения кодируются, поддерживаются и закрепляются посредством вербальных и невербальных знаков в исторической и культурной памяти калмыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авляев, Г. О. (2002) Происхождение калмыцкого народа. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 326 с.
- Алефиренко, Н. Ф. (2016) Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта. 288 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1999) Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры. 986 с.
- Бадмаев, Б. Б. (2017) Монгольская система терминов родства: «семь поколений отца» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 72–75.
- Бакаева, Э. П. (2009) Сакральные коды культуры калмыков. Элиста : ИКИАТ. 159 с.
- Балдаев, С. П. (1961) Материалы к изучению родовых и племенных отношений у бурят // Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 362 с. С. 77–109.
- Батыров, В. В. (2016) Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. Элиста : КИГИ РАН. 226 с.
- Вежбицкая, А. (2011) Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур. 568 с.
- Воробьев, В. В. (2006) Лингвокультурология. М. : РУДН. 330 с.
- Душан, У. Д. (1976) Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1 / отв. ред. Н. Ш. Ташнинов. Элиста : Калм. кн. изд-во. 171 с. С. 5–89.
- Есенова, Т. С. (2023) Концепт «байн / богатство» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) // Монголоведение. Т. 15. № 3. С. 458–469. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-3-458-469>
- Калыкова, Э. А. (2010) Род // Этнокультурные концепты в сознании современных россиян / отв. ред. Т. С. Есенова. Элиста : Издательство Калмыцкого университета. 189 с. С. 137–144.
- Карасик, В. И. (2007) Языковые ключи. Волгоград : Парадигма. 520 с.
- Корсункиев, Ц. К. (1977) О терминах родства у калмыков // Культура и быт калмыков: этнографические исследования / отв. ред. А. Г. Митиров. Элиста : КНИИЯЛИ. 123 с. С. 59–72.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Лихачев, Д. С. (1993) Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. С. 3–9.
- Митиров, А. Г. (1998) Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 384 с.

Омакаева, Э. У., Бурькин, А. А. (1999) Система терминов родства и свойства у калмыков // Алгебра родства. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Попов. СПб. : Кунсткамера. 288 с. С. 212–221.

Омакаева, Э. У., Бурькин, А. А. (2001) Термины родства монголов и бурят // Алгебра родства. Вып. 7 / отв. ред. В. А. Попов. СПб. : Кунсткамера. 288 с. С. 240–247.

Омакаева, Э. У., Бурькин, А. А. (2007) Система терминов родства и свойства у калмыков (в сравнении с системами терминов родства монголов и бурят) // Монголоведение. № 4. С. 41–58.

Очир, А. (2016) Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста : КИГИ РАН. 304 с.

Попов, В. А., Бурькин, А. А. (2019) Калмыцкая терминология родства как отражение исторических связей и этнокультурных контактов Ойратского мира и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.1>

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2010) Когнитивная лингвистика. М. : АСТ ; Восток-Запад. 314 с.

Сарангаева, Ж. Н. (2017) Символическое осмысление родственности в калмыцком, русском и британском художественном дискурсе // Гуманитарные исследования. № 4 (17). С. 90–95.

Соронзон, Д. (2023) Реконструкция первичных структур и значений терминов родства в монгольском языке // Символ науки. № 1–5. С. 116–120.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 3-е изд. 992 с.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 246 с.

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры. 284 с.

Токарев, Г. В. (2009) Лингвокультурология. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого. 135 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Шараева, Т. И. (2003) К проблеме изучения маркеров рода: символика и функции «өлгц» // Монголоведение. № 2. С. 265–272.

Шараева, Т. И. (2017) Этнические маркеры калмыков: исследование и материалы. Элиста : КалмНЦ РАН. 288 с.

Шорковиц, Д. (2004) Структура, принципы и термины системы родства у калмыков (XVII–XIX вв.) // «Джангар» и проблемы эпического творчества / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста : Джангар. 602 с. С. 446–463.

Эрдниев, У. Э. (1974) Проблемы калмыцкой этнонимии (О происхождении некоторых «этнонимов») // Вестник института. № 10. Серия этнография / отв. ред. Г. О. Авляев. Элиста : КНИИЯЛИ. 199 с. С. 24–36.

Эрдниев, У. Э. (1985) Калмыки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 282 с.

Дата поступления: 29.04.2024 г.

Дата принятия: 24.05.2024 г.

REFERENCES

- Avliaev, G. O. (2002) *The origin of the Kalmyk people*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 326 p. (In Russ.).
- Alefrenko, N. F. (2016) *Linguoculturology: the value-semantic space of language*. Moscow, Flinta. 288 p. (In Russ.).
- Arutiunova, N. D. (1999) *Language and the human world*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 986 p. (In Russ.).
- Badmaev, B. B. (2017) The Mongolian system of kinship terms: "seven generations of the father". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8 (74): in 2 parts; part 2, pp. 72–75. (In Russ.).
- Bakaeva, E. P. (2009) *Sacred codes of the Kalmyks culture*. Elista, IKIAT. 159 p. (In Russ.).
- Baldaev, S. P. (1961) Materials for the study of tribal and tribal relations among the Buryats. In: Baldaev, S. P. *Selected works*. Ulan-Ude, Buryat Book of publishing. 362 p. Pp. 77–109. (In Russ.).
- Batyrov, V. V. (2016) *Essays on the history of the traditional culture of the Kalmyks of the second half of the XIX century*. Elista, KIGI RAN. 226 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaia, A. (2011) *Semantic universals and basic concepts*. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur. 568 p. (In Russ.).
- Vorob'ev, V. V. (2006) *Linguoculturology*. Moscow, RUDN. 330 p. (In Russ.).
- Dushan, U. D. (1976) Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia. In: *Ethnographic collection*. Issue 1 / ed. by N. Sh. Tashninov. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 171 p. Pp. 5–89. (In Russ.).

Esenova, T. S. (2023) Concept of Wealth (Bain) in Kalmyk Discourse: Analyzing Lexicographical and Folklore Materials. *Mongolian Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 458–469. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-3-458-469>

Kalykova, E. A. (2010) Rod. In: *Ethnocultural concepts in the minds of modern Russians*. Ed. by T. S. Esenova. Elista, Kalmyk University Press. 189 p. Pp. 137–144. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2007) *Language keys*. Volgograd, Paradigma. 520 p. (In Russ.).

Korsunkiev, Ts. K. (1977) On the terms of kinship among the Kalmyks. In: *Culture and way of life of the Kalmyks: ethnographic studies* / ed. by A. G. Mitirov. Elista, KNIIIaLI. 123 p. Pp. 59–72. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Likhachev, D. S. (1993) The conceptual sphere of the Russian language. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.).

Mitirov, A. G. (1998) *Oirats-Kalmyks: centuries and generations*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 384 p. (In Russ.).

Omakaeva, E. U. and Burykin, A. A. (1999) The system of kinship terms and properties among the Kalmyks. In: *Algebra rodstva*. Issue 4 / ed. by V. A. Popov. St. Petersburg, Kunstkamera. 288 p. Pp. 212–221. (In Russ.).

Omakaeva, E. U. and Burykin, A. A. (2001) Terms of kinship between Mongols and Buryats. In: *Algebra rodstva*. Issue 7 / ed. by V. A. Popov. St. Petersburg, Kunstkamera. 288 p. Pp. 240–247. (In Russ.).

Omakaeva, E. U. and Burykin, A. A. (2007) The system of kinship terms and properties of the Kalmyks (in comparison with the systems of kinship terms of the Mongols and Buryats). *Mongolovedenie*, no. 4, pp. 41–58. (In Russ.).

Ochir, A. (2016) *Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples*. Elista, KIGI RAN. 304 p. (In Russ.).

Popov, V. A. and Burykin, A. A. (2019) Kalmyk kinship terminology as a reflection of historical ties and ethnocultural contacts between the Oirat world and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.1>

Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2010) *Cognitive Linguistics*. Moscow, ACT; Vostok-Zapad. 314 p. (In Russ.).

Sarangaeva, Zh. N. (2017) Symbolic understanding of Kinship in Kalmyk, Russian and British Artistic discourse. *Gumanitarnye issledovaniia*, no. 4 (17), pp. 90–95. (In Russ.).

Soronzon, D. (2023) Reconstruction of the primary structures and meanings of kinship terms in the Mongolian language. *Simvol nauki*, no. 1–5, pp. 116–120. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Moscow, Akademicheskii proekt. 3rd ed. 992 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 246 p. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1996) *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 284 p. (In Russ.).

Tokarev, G. V. (2009) *Linguoculturology*. Tula, Publishing house of the Tula State Pedagogical Institute. L. N. Tolstoy University. 135 p. (In Russ.).

Tuvans. Native people (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Iu. Kuzhuget, and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. (2003) On the problem of studying markers of the genus: symbolism and functions of “olgt”. *Mongolovedenie*, no. 2, pp. 265–272. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. (2017) *Ethnic markers of the Kalmyks: research and materials*. Elista, KalmNTs RAN. 288 p. (In Russ.).

Shorkovits, D. (2004) The structure, principles and terms of the kinship system among the Kalmyks (XVII–XIX centuries). In: *“Dzhangar” and the problems of epic creativity* / ed. by N. Ts. Bitkeev. Elista, Dzhangar. 602 p. Pp. 446–463. (In Russ.).

Erdniev, U. E. (1974) Problems of Kalmyk ethnonymy (On the origin of some “ethnonyms”). In: *Vestnik instituta*, no. 10, Ethnography series / ed. by G. O. Avliaev. Elista, KNIIIaLI. 199 p. Pp. 24–36. (In Russ.).

Erdniev, U. E. (1985) *Kalmyks*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 282 p. (In Russ.).

Submission date: 29.04.2024.

Acceptance date: 24.05.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.3.19

Article

Issues of physical development among the Mongolian youth

Bat-Ochir Magsar, Munkhnasan Baljid, Battuvshin Gurbazar

Mongolian University of Science and Technology, Mongolia

At the beginning of the research, we proposed the goal of studying the modern trends in physical education at the Mongolian University of Science and Technology through analysis and comparative assessments. As a result of the study, it was observed that comprehensive education in England, sports education using technical and technological advances in Australia, sports teaching for happiness in Japan and China and skills education and physical education in Mongolia are the dominant teaching approaches. In the course of the analysis, it has been found out that there is a lack of attitude towards physical education in Mongolia, and we have determined the extent to which it has been effective through a test study.

One of the main goals of our work is to study the issue of physical development of the Mongolian youth in years past. The article presents the results of the unprecedented physical development test of the first-year students enrolled in the Mongolian University of Science and Technology from 2008 to 2018. We used the "Test to Determine the Level of Physical Development and Fitness of the Population". Actually, this test named after the President of Mongolia Mr. Tsakhiagiin Elbegdorj has been implemented at the national level.

During the test, height, weight, speed, strength, flexibility and endurance of students were studied by the movement test method. The test was evaluated according to the approved methodology. And as a result, we used quantitative and statistical research methods, performed reliability and statistical tests for each questionnaire and data obtained and analyzed the correlation of factors. If we look at physical development levels of all students, there were 14 percent with poor results and 44 percent with insufficient ones. The physical development of the majority of participants (58 percent) was rated below the sufficient level (17 points) that a person of that age should have. In terms of gender, 53 percent of male students and 65 percent of female students had insufficient physical development.

According to the data of a sociological questionnaire survey of students participating in the test, 58.1 percent did not exercise or play sports. It was an interesting observation that coincided with the result that 58.0 percent of the test participants had insufficient physical development. According to our research, the majority of Mongolian students and young people had a low level of physical fitness, and one of every six students had weight problems. This may indicate that the approach to teaching skills development and physical education is somewhat ineffective.

The theoretical and practical significance of the research is that the current situation regarding physical development of students and youth can be determined and the results can serve as a basis for making detailed policies and decisions for the development of physical activity and sports among young people.

Today, students and youth are the most important segment of the population that drives the economy and human development of Mongolia, so it is important to cultivate a healthy and physically fit nation relying on the fact that physical activity and sports should be available for all people.

Keywords: student; physical education; sports; sports management; Mongolia

For citation:

Bat-Ochir M., Munkhnasan B. and Battuvshin G. Issues of physical development among the Mongolian youth. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 314-325. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.19>

BAT-OCHIR, Magsar, PhD, Senior Teacher, Department of Physical Education and Sport, School of Applied Sciences, Mongolian University of Science and Technology. Postal address: 13, II Bldg., Mongolian University of Science and Technology, 8th khoroo, Baga toiruu-34, Shukhbaatar district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: Ochir9921@must.edu.mn

 MUNKHNASAN, Baljid, Doctoral Candidate, Department of Social Sciences, Senior Teacher, School of Business Management and Humanities, Mongolian University of Science and Technology. Postal address: 304, II Bldg., Mongolian University of Science and Technology, 8th khoroo, Baga toiruu-34, Shukhbaatar district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: munkhnasanbaljid765@must.edu.mn

BATTUVSHIN, Gurbazar, PhD, Professor, Director, Graduate School of Business, Mongolian University of Science and Technology. Postal address: 404, V Bldg., Mongolian University of Science and Technology, 8th khoroo, Baga toiruu-34, Shukhbaatar district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: Battuvshin@must.edu.mn

Проблемы физического развития монгольской молодежи

Бат-Очир Магсар, Мунхнасан Балжид, Баттүвшин Гурбазар

Монгольский университет науки и технологий, Монголия

На начальном этапе исследования мы поставили цель изучить современные тенденции физического воспитания в Монгольском государственном университете науки и технологий посредством анализа и сравнительных оценок. В результате наблюдается преобладание следующих подходов к обучению: в Великобритании — комплексное образование, в Австралии — образование, основанное на технико-технологическом прогрессе, в Японии и Китае — счастливое спортивное обучение, а в Монголии — обучение умениям и физической культуре. В ходе анализа было отмечено, что в Монголии отсутствуют установки к обучению физкультуре. Была определена степень его эффективности посредством тестового исследования.

Одной из основных задач нашей работы является изучение проблемы физического развития монгольской молодежи в прошлые годы. В статье представлены результаты данного не имевшего аналогов тестирования физической подготовки первокурсников Монгольского государственного университета науки и технологий, поступивших с 2008 по 2018 год. При этом был использован «Тест для определения уровня физического развития и подготовки населения», который был назван в честь Президента Монголии господина Цахиагийн Элбэгдоржа и внедрен на национальном уровне.

В процессе тестирования рост, вес, скорость, сила и гибкость учащихся проверялись с помощью двигательного теста. Тест оценивался по утвержденной методике, в результате чего с использованием количественных и статистических методов исследования была проведена проверка достоверности критериев каждого опросника и полученных данных, а также проанализирована корреляция факторов. Что касается уровней физического развития учащихся, то 14% имели низкие результаты, а 44% — недостаточные. Физическое развитие большинства участников (58%) было оценено ниже достаточного уровня (17 баллов), который должен быть у человека этого возраста. Что касается гендерного распределения, то 53% учащихся мужского пола и 65% учащихся женского пола имели недостаточное физическое развитие.

На основе данных социологического анкетирования студентов было определено, что 58,1% не занимались активно физкультурой и спортом. Данный результат совпадает с полученными данными о том, что 58% всех участников тестирования имели недостаточное физическое развитие.

По данным нашего исследования, большинство монгольских студентов и молодых людей имеют слабую физическую подготовку, а у каждого из шести студентов имеется проблема с весом, что может свидетельствовать о том, что подход к преподаванию развития навыков и физического воспитания несколько неэффективен.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что можно определить современное состояние физического развития студентов и молодежи, использовать результаты в качестве основы для разработки детальной политики и решений по развитию физкультуры и спорта среди молодых людей.

Сегодня, поскольку студенты и молодежь являются наиболее важным сегментом населения для социальноэкономического развития Монголии, важно построить здоровую нацию посредством поддержки физической культуры и спорта, доступных для всего населения.

Ключевые слова: студент; физическое воспитание; спорт; спортивный менеджмент; Монголия

Для цитирования:

Bat-Ochir M., Munkhnasan B., Battuvshin G. Issues of physical development among the Mongolian youth // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 314-325. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.19>

БАТ-ОЧИР Магсар — доктор философии (PhD) в области спортивного менеджмента, старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Института прикладных наук Монгольского университета науки и технологий. Адрес: Монголия, г. Улан-Батор, Сухэ-Баторский район, Бага тойруу-34, Комитет №8, Монгольский университет науки и технологий, корп. II, 13. Эл. адрес: Ochir9921@must.edu.mn

 МУНХНАСАН Балжид — докторант кафедры социальных наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Института бизнес-менеджмента и гуманитарных наук Монгольского университета науки и технологий. Адрес: Монголия, г. Улан-Батор, Сухэ-Баторский район, Бага тойруу-34, Комитет №8, Монгольский государственный университет науки и технологий, корп. II, 304. Эл. адрес: munkhnasanbaljid@must.edu.mn

БАТТҮВШИН Гурбазар — доктор философии (PhD) в области делового администрирования, профессор, директор Высшей школы бизнеса Монгольского университета науки и технологий. Адрес: Монголия, г. Улан-Батор, Сухэ-Баторский район, Бага тойруу-34, Комитет №8, Монгольский университет науки и технологий, корп. V, 404. Эл. адрес: Battuvshin@must.edu.mn

Introduction

In the world, the level of development of a country is considered together with the issues of economic growth, human development, and the quality of human life. According to the United Nations Human Development Index, Mongolia was ranked 92nd out of 189 countries with a score of 0.744 in 2019¹. Mongolia's long-term development policy goal is to improve the well-being of Mongolian people by working creatively, living healthy and for a long time. The Mongolian government is aiming to reach the human development index of 0.9 points in 2050².

As of 2019, the average life expectancy of the Mongolians, which is the main indicator of the quality of life of the population, is 66.3 years for men and 75.9 years for women³. Non-communicable diseases account for 85.9 percent of the mortality of the population of Mongolia⁴, and physical inactivity is one of the 10 risk factors affecting life expectancy.

As of 2022, in the education sector of the country, there were 145,297 students in 61 universities. 115,250 of them were studying at the bachelor's level⁵. The researcher Ragchaa Gantulga found out that 24 percent of all students were engaged in active sports⁶. Scientists such as Dr. Altantsetseg Lkhagvasuren have studied the problems that hinder the universal use of physical education and sports in Mongolia. They have pointed out that there is no active exercise program suitable for physical development of young people aged 18–24 and 25–40 (Altantsetseg, 2019).

We conducted a study of physical development among students and youth in 2008–2018 in accordance with the “Test to Determine the Level of Physical Development and Fitness of the Population” approved by the presidential decree No. 53 on March 26, 2010⁷.

As a result, a statistical survey questionnaire, data reliability and statistical tests were used, and factor correlation analysis was performed. In addition, we aimed to determine the body mass index of students and youth as well as the current status of sports and physical activities. Many scientists have studied the issue of making a healthy lifestyle a habit by examining the process of acquiring a profession in combination with physical education.

We had studied the dynamics of physical development (height and weight of young Mongolian people) over a span of 11 years. In our opinion, this is innovative and advantageous⁸.

Literature review

University physical education classes focus on developing the physical fitness of students and arousing interest in sports. Physical education is evolving in many ways today.

Skills education. The purpose of training is to improve students' physical conditions by increasing their motor skills and through acquisition of sports techniques. In this case, it develops to better prepare students for competitions.

¹ Human development insights. Access and explore human development data for 193 countries and territories worldwide. Human Development Reports [online] Available at: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights/#/ranks> (accessed 27.07.2024).

² Vision 2050 [online] Available at: <https://vision2050.gov.mn/eng/> (accessed 27.07.2024).

³ Life expectancy at birth, by sex, aimags and the Capital. Mongolian Statistical Information Service [online] Available at: https://www2.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_0300_030V1&13999001_select_all=0&13999001SingleSelect=_T2_T3&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_0&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=_2019&viewtype=table (accessed 27.07.2024).

⁴ Mongolian Statistical Information Service [online] Available at: <https://1212.mn/en> (accessed 27.07.2024).

⁵ Ibid.

⁶ Gantulga R. Oyuutny khödölgöönii dutagdlaas uridchilan sergiilekhed biyeiin tamiryng dasgalyn nölөөг судлах ni [Studying the effect of physical exercise on preventing student physical inactivity]: Doctoral dissertation. Ulaanbaatar, National University of Mongolia Publishing House, 2014. Pp. 4–90. (In Mongolian).

⁷ Mongolian presidential decree No. 53, “Test to Determine the Level of Physical Development and Fitness of the Population”. Unified Legal Information System [online] Available at: <https://legalinfo.mn/law/details/760> (accessed 27.07.2024). (In Mongolian).

⁸ Bat-Ochir M. Oyuutny sportyng khögjүүлэх myenjejmyentiin asuudal [Problems of management of student sports development]: Doctoral dissertation. Ulaanbaatar, University of Science and Technology Publishing House, 2021. Pp. 20–55. (In Mongolian).

Physical education. The purpose of this approach is to develop the physical fitness of students and to strengthen their health, but there is a lack of development of sports habits that they need.

Sports teaching for happiness (Japan, China). This concept originated in Japan and aims to bring happiness and joy to students by teaching movements through a variety of sports, so there is a progress in the quality of student life. The content, form, and methods of physical education lessons taught in this approach take into account the needs, interests, psychology, and experience of students and create a favorable learning environment that features the starting point for lifelong sports.

Lifelong sports education (Japan). It implies shaping and developing lifelong physical activities, skills, abilities, and knowledge in sports. University sports support the physical, mental, and health development of students, become one of the integral factors of their healthy lives, and lay the foundation for lifelong physical activities and sports.

Sports education using technical and technological advances (Australia). It is based on monitoring and analyzing the performance of physical activities with the use of technological advances in the development of student's physical fitness and sports, and studying muscle development and its effects using motion measures.

Comprehensive education (Great Britain). It aims to comprehensively develop students' moral, educational, intellectual, and physical education.

Portuguese scientists state that engaging children in sports from childhood to the end of student life not only develop physical fitness, but also provides a wide range of opportunities, such as having less stress, feeling optimism, acquiring improved concentration, and learning about other cultures.

Although the approaches mentioned above are different from each other, they are not only interdependent, but also complementary rather than mutually exclusive. This approach to in-depth development places higher demands on the advancement of university physical education and sports.

However, it is effective to develop extracurricular sports activities under the management of sports clubs. Researchers claim that for-profit and non-profit sports clubs are essential to promote and develop sports activities and their role is growing. Today commercial or professional sports clubs and non-profit amateur sports clubs are becoming more and more active. They organize sporting events to make health, recreation, and leisure activities more available and effective.

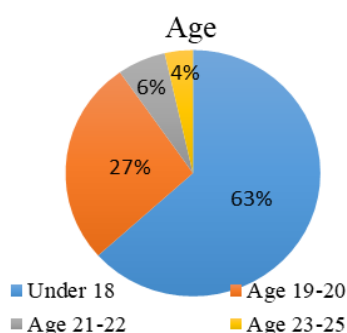
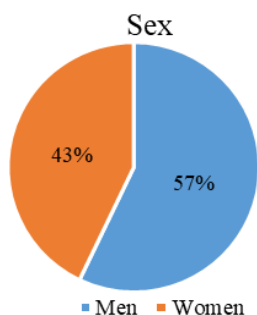
The results of the study will help to determine the effectiveness of physical education in the Mongolian higher education sector in terms of providing skills education and physical education. We also examine how the absence of extracurricular activities affects students' physical development.

Methods and materials

Research time and sampling. We have measured factors such as height, weight, and physical development levels of 977 participants who enrolled in the Mongolian University of Science and Technology from 2008 to 2018 academic years.

As for the age structure, there were 619 students under the age of 18, 263 students aged 19–20, 60 students aged 21–22, and 35 students aged 23–25. A total number of 977 students, 558 males and 419 females, were selected for the sample survey.

Research methodology. The study was conducted with the help of the “Test to Determine the Level of Physical Development and Fitness of the Population”. We used IBM SPSS 22.0 for analyzing the data. The

test measures person’s capacities such as speed, strength (arms, legs, abdomen), balance, endurance, and resilience. These abilities are key factors for the development of the human body. Speed, strength, flexibility, agility and endurance determine the level of its development.

Table 1. Evaluation of Physical Development of the Students

Capacities	Gender	Age	1 point-F	2 points-D	3 points-C	4 points-B	5 points-A
Strength of arms /times/	Male	15–24	0–2	3–5	6–10	11–20	21 ≤
	Female	15–24	0–1	2	3–5	6–10	11 ≤
Strength of legs /times/	Male	15–24	0–7	8–10	11–12	13–14	15 ≤
	Female	15–24	0–4	5	6	7	8 ≤
Abdominal strength /times/	Male	15–24	12–15	16–21	22–26	27–32	33 ≤
	Female	15–24	7–10	11–14	15–19	20–25	26 ≤
Speed /times/	Male	15–24	0–20	21–35	36–45	45–55	56 ≤
	Female	15–24	0–20	21–25	26–35	36–45	46 ≤
Resilience /cm/	Male	15–24	0–27	28–38	39–48	49–57	58 ≤
	Female	15–24	0–30	31–39	40–48	49–57	58 ≤
Balance /cm/	Male	15–24	21 ≤	20–16	15–11	10–6	≤5
	Female	15–24	21 ≤	20–16	15–11	10–6	≤5
Endurance /sec/	Male	15–24	≤20	21–25	26–30	31–35	36 ≤
	Female	15–24	≤15	16–20	21–25	26–30	31 ≤

Source: The testing methodology book.

The number of performed tasks per 30 seconds is evaluated on a scale of 1–5 points and transferred into an alphabet grading system (A, B, C, D and F).

Table 2. Evaluation

Score	≤12	13–16	17–20	21–24		≤25
	Poor	Insufficient	Sufficient	Good		Excellent
Evaluation	F	D	C	B		A

Source: The testing methodology book

Research results. The levels of physical development of male students in 2008–2013 and 2016–2018 were unsatisfactory. The highest levels were in 2014 and 2015.

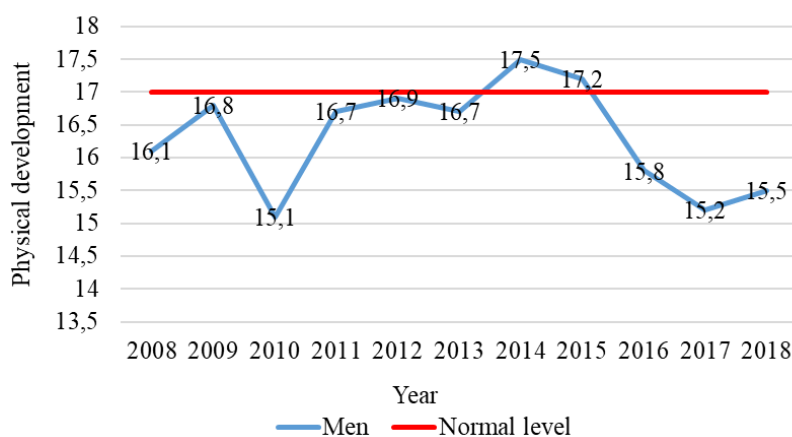

Fig. 1. Physical Development of Male Students /Comparison over the period of 11 years/

Source: Study results obtained by the authors.

The levels of physical development of female students were insufficient in all years except 2012.

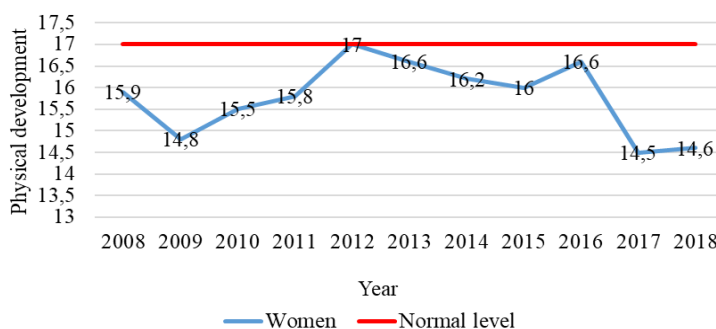

Fig. 2. Physical Development of Female Students /Comparison over the period of 11 years/
Source: Study results obtained by the authors.

To sum up, the levels of physical development of the students who were born in 1990–1997 and studied in 2008–2015 academic years were lower, but this tendency was increasing.

This may be related to the social and economic crisis and the transition to a market economy in Mongolia at that time. The physical development levels of students who were born in 1998–2000 and studied in 2016–2018 academic years decreased back to D level (to 14.5/14.6 and 15.2–15.5). This could be due to the increased height of the students, as well as because of technical and technological development and lifestyle changes.

As for the physical development levels of all the students, 14 percent had poor results (F) and 44 percent had insufficient scores (D), and the physical development of the majority of the participants (58.0 percent) was rated below the C level (17 points). This is the level that a person of that age should have. In terms of gender, 53 percent of male students (D, F) and 65 percent of female students (D, F) had insufficient physical development.

Moreover, indices of underweight, overweight, normal weight, or body mass of the students were also identified.

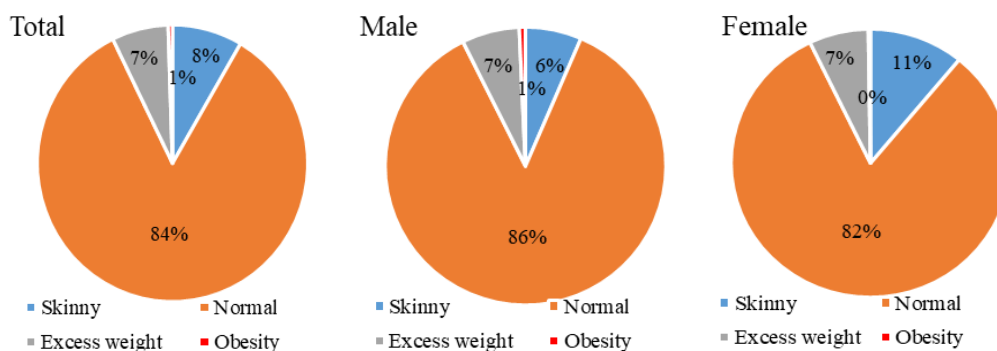

Fig. 3, 4, 5. Students' Body Mass Indices
Source: Test results of students' physical development.

The lowest body mass index in the samples was 16.6, indicating underweight, and the highest one was 32.2, indicating the first degree obesity. The average body mass index was 21.2, revealing that the sampling was generally representative.

Specifically, five out of six students surveyed (84%) were healthy or average in weight, while one out of six was overweight and obese or underweight. Overweight and obesity result in health disorders that can lead to disease complications such as poor metabolism, high blood pressure, heart disease, diabetes, high cholesterol, and cancer.

The reliability of the questionnaire and data and statistical tests had been checked before the analysis of outcomes of the study was conducted and the correlation between factors was determined. A reliability

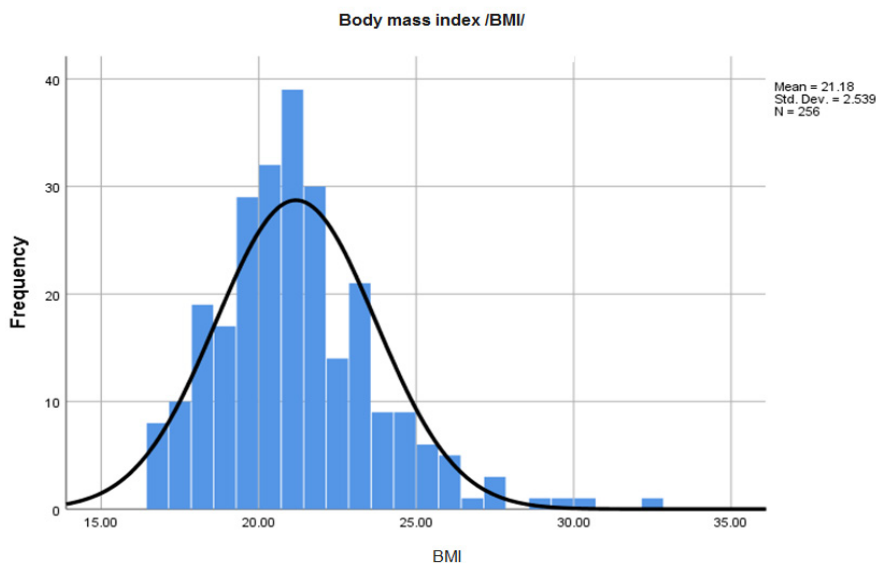

Fig. 6. Body Mass Index

Source: Study results obtained by the authors.

analysis of physical development level and resilience, endurance, balance, speed, and strength capacity was performed and the results were analyzed. The sampling adequacy of the study was determined by Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) and Bartlett’s measures. The KMO coefficient is 0.900, indicating that the sample size is sufficient or representative.

Table 3. Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) and Bartlett’s Test

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy		0.900
Bartlett’s Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	4929.478
	df	1275
	Sig.	0.000

Source: Study results obtained by the authors.

When the results of a statistical test are found to be reliable, you can be sure that they are accurate.

Table 4. Reliability Statistics

Cronbach’s Alpha	N of Items
0.819	19

Source: Study results obtained by the authors.

The study results are considered to be sufficient as Cronbach’s Alpha coefficient of this questionnaire is 0.819.

Table 5. Analysis of Reliability Statistics (Item-Total Statistics)

	Scale mean if item deleted	Scale variance if item deleted	Corrected item-total correlation	Cronbach’s Alpha if item deleted
Age	100.859	73.947	0.387	0.814
Gender	101.000	75.419	0.140	0.819
Height	100.814	75.613	0.165	0.818

Weight	100.851	74.816	0.265	0.816
Body mass index	100.805	74.506	0.349	0.815
Strength	101.429	77.541	-0.123	0.824
Speed	100.896	75.388	0.165	0.818
Resilience	101.185	74.791	0.204	0.818
Balance	101.049	74.985	0.186	0.818
Endurance	100.855	75.485	0.166	0.818
Physical development level	101.388	75.799	0.106	0.820

Source: Study results obtained by the authors.

The study questionnaires were tested if they were suitable for the study with the Cronbach's Alpha coefficient which was above 0.7 <. This indicated that all the questionnaires were found to be reliable and the results of the physical development test were accurate and error-free.

Table 6. Factor Analysis. Communalities

	Extraction
Age	0.500
Gender	0.791
Height	0.769
Weight	0.901
Body mass index	0.841
Strength	0.666
Speed	0.779
Resilience	0.789
Balance	0.747
Endurance	0.667
Physical development level	0.909
Extraction method: principal component analysis	

Source: Study results obtained by the authors.

From the table above, it can be seen that all the variables can be included in the further analysis as the coefficients are greater than 0.5 according to the criteria for showing the results of the factor analysis of the variables.

Table 7. Summary Item Statistics

	Mean	Minimum	Maximum	Range	Maximum / Minimum	Variance	N of items
Item means	3.189	2.227	4.588	2.361	2.060	.226	53
Item variances	1.401	.682	1.890	1.208	2.771	.068	53
Inter-item covariances	.649	.053	1.370	1.317	26.037	.057	53
Inter-item correlations	.460	.049	.862	.813	17.604	.020	53

Source: Study results obtained by the authors.

According to Joseph F. Hair and his co-authors the inter-item correlation coefficient of a questionnaire should be greater than 0.3, and the above result of 0.460 proves that the questionnaire is equally reliable (Hair et al., 1998: 431–453).

Therefore, it was found out that the test results could be used and they were suitable for results can be used and all research questions were found to be reliable.

Error criteria with normal distribution

In the normal distribution test, the mean values of the explanatory factors in the data are distributed according to the Gaussian normal distribution model. Normal distribution criteria are tested using a histogram and a P-P plot as shown in the figures below.

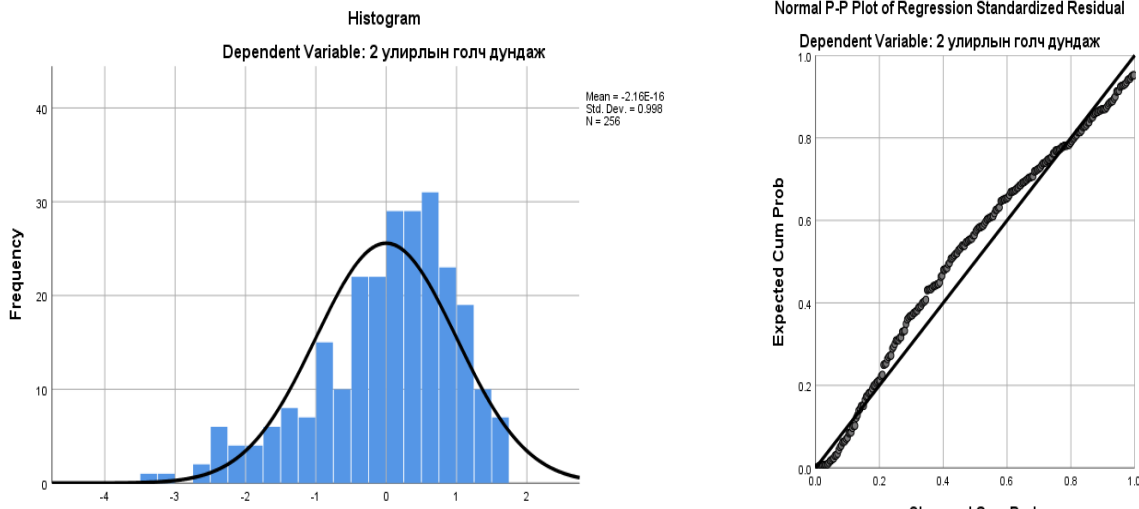

Fig. 7. Factor Histogram. Fig. 8. Factor P-P Plot
Source: Study results obtained by the authors.

Criteria for homoskedastic conditions

Too much or too little of the residual value indicates a design error. As can be seen from the figure below, the residual is generally unevenly distributed, and therefore the homoskedastic condition is assumed to be met.

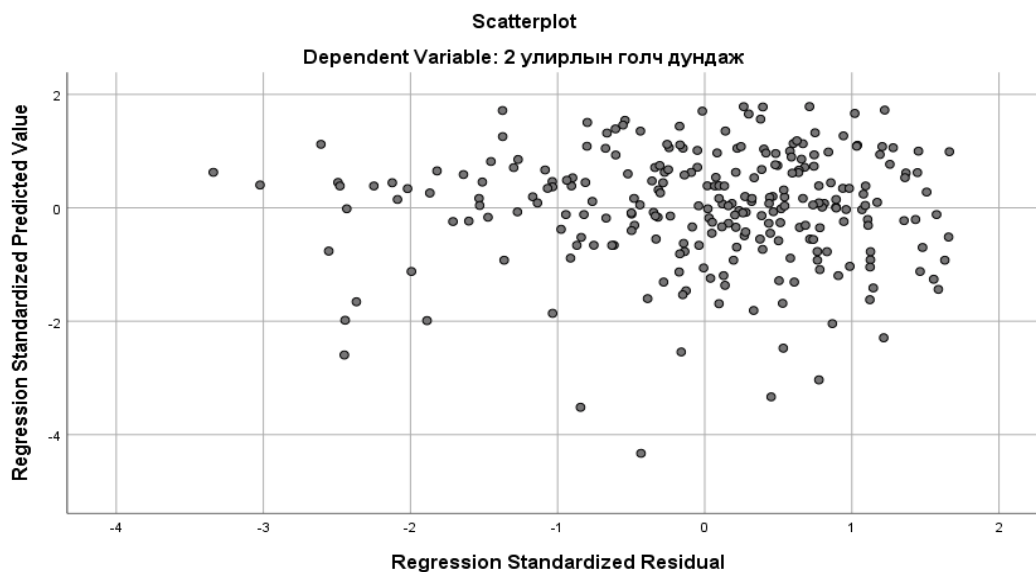

Fig. 8. Mapping of Regression Standardized Residual Distribution
Source: Study results obtained by the authors.

The ANOVA test was used to examine whether there were differences in significance levels of statistics between groups. The ANOVA test was performed at a confidence level of 5 percent. As a result, the capabilities of speed, flexibility, and balance were not different for the male and female samples, while the capabilities of strength and endurance were different. In terms of the overall assessment of physical development, we had different assessments of the male and female samples. The strength qualities of the male students are much higher, so they are relatively more resilient. However, speed, flexibility, and balance were found to be independent of gender.

Table 8. Comparison of Physical Development by Gender
Analysis of Variance

		Sum of squares	DF	Mean square	F	Sig.
Strength	Between groups	3236.221	1	3236.221	136.551	0.000
	Within groups	6019.720	254	23.700		
	Total	9255.942	255			
Speed	Between groups	551.541	1	551.541	3.830	0.051
	Within groups	36573.768	254	143.991		
	Total	37125.309	255			
Resilience	Between groups	62.302	1	62.302	0.131	0.718
	Within groups	120992.307	254	476.348		
	Total	121054.609	255			
Balance	Between groups	261.807	1	261.807	0.605	0.438
	Within groups	109999.631	254	433.069		
	Total	110261.437	255			
Endurance	Between groups	1175.574	1	1175.574	9.079	0.003
	Within groups	32889.766	254	129.487		
	Total	34065.340	255			
Physical development level	Between groups	8205.775	1	8205.775	6.621	0.011
	Within groups	314800.080	254	1239.370		
	Total	323005.856	255			

Source: Study results obtained by the authors.

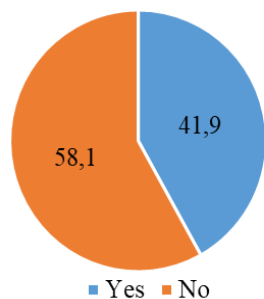
As of 2020, 119,200 students were studying in undergraduate programs in Mongolia. In a survey conducted among 385 students in early 2021, 58.1 percent of the respondents said they had not been engaged in any extracurricular active exercises and sports activities, while 41.9 percent said they had been doing sports regularly. 20.3 percent of these respondents trained systematically to succeed in a sport, while the remaining 21.6 percent trained to improve their health and fitness.

The scientist Ganjuur Tserendorj noted that “Training systematically in various physical exercises increases the structure and functions of the human body to the appropriate level by the age of 25, and makes the role and functions of the body perfect” (Tserendorj, 1990: 62–63). B. K. Zamarenov, a researcher in the field

Do you do active exercises and play sports regularly?

Do you work hard to succeed in sports?

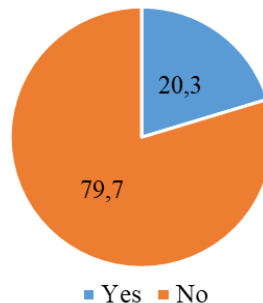

Fig. 9, 10. Status of Active Participation of Students in Work-out and Sports
Source: Results of the survey on attitudes to sports

of the theory and methodology of sports training, found that “Young people aged 17–25 meet their physical needs by exercising 5–8 hours a week” (Zamarenov, 1972)¹.

Conclusion

The American scientists Pamela V. Trembarche, Ellyn M. Robinson and Louise B. Graham have proven that students’ physical development is very important in their daily life (Tremarche, Robinson, Graham, 2007). Mikhail Ya. Vilenskii², Vladimir L. Aleshkevich, Sergei S. Ogorodnikov, Elena A. Azarova³, Onalbay A. Ayashev⁴, Lyudmila I. Lubysheva⁵, and Galsan-Yondon Sukhbat (Sukhbat, 2002) have observed the important effect of physical activity and sports activities on people’s physical development in their student years. In the article, it is proved that the level of physical development increases if a person can always be active while growing up.

Students and young people are the leaders of Mongolia’s economy in terms of human development. The researchers are confident that sports can be an avenue for the inclusive development of all people with an active lifestyle.

We observed an interesting fact that in the sports attitude questionnaire there were 58.1 percent of students who did not participate in physical education and sports, and 58.0 percent of the participants in the physical development test had an insufficient level of physique. The fact that 58 percent of the students in Mongolian higher education institutions have a low level of physical development and one of every six students has a weight problem is a sign of concern. Student sports and training in Mongolia have been offered according to the approach to skills development and physical education. One of the reasons why this approach does not provide students with opportunities to get physically prepared is that it is ineffective and thus not many of them engage in active physical activities and sports on their own.

¹ Cited in: Gantulga R. Oyuutny khödölgöönii dutagdlaas uridchilan sergiilekhed biyeiin tamiryn dasgalyn nölöög sudlakh ni [Studying the effect of physical exercise on preventing student physical inactivity]: Doctoral dissertation. Ulaanbaatar, National University of Mongolia Publishing House, 2014. P. 31. (In Mongolian).

² Vilenskii M. Ya. Physical education in scientific organization of learning process in higher education: A study guide. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 1982. 156 p. (In Russ.); Vilenskii M. Ya. Formation of physical culture of the teacher’s personality in the process of their professional training: Diss. .... for the degree of Doctor of Pedagogy in the form of a research report. Moscow, 1990. 84 p. (In Russ.).

³ Aleshkevich V. L., Ogorodnikov S. S. and Azarova E. A. Ways of improving the work on physical education at a HEI. Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University. 2019, December 30. [online] Available at: <https://bspu.by/blog/ogorodnikov/article/publish/puti-sovershenstvovaniya-raboty-po-fizicheskomu-vospitaniyu-v-vuze> (accessed 31.07.2024). (In Russ.).

⁴ Ayashev O. A. Formation of professional readiness of the future teacher for educational work by means of physical culture: Diss. .... for the degree of Doctor of Pedagogy. Moscow, 1991. 405 p. (In Russ.).

⁵ Lubysheva L. I. Theoretical, methodological and organizational foundations of the development of physical culture of students: Diss. .... for the degree of Doctor of Pedagogy. Moscow, 1992. 481 p. (In Russ.).

In the field of higher education, there is a need to start a reform of physical education in line with the development of the electronic age and increasing the effectiveness of sports activities and levels of fitness among students.

To this end, we propose the following recommendations:

1. Higher education institutions should improve their sports management and curriculum design to develop healthy lifestyles and sports talents;

2. Physical education programs need to be reformed in line with the development of trends “Sports teaching for happiness” and “Lifelong sports education”. It is also necessary to make them a compulsory three-credit-hour course during three semesters. It is possible to organize national teams of higher education institutions as sports clubs, so their business development will begin by linking the achievements of the sports communities to the marketing of Mongolian higher education in accordance with international standards;

3. Part of the management structure for the development of student sports at higher education institutions is the optimal organization and management of physical education and extracurricular activities. Extracurricular sports for non-athletes are multifaceted and it is wise to develop them in the form of voluntary clubs in a variety of sports. There is a need to create an environment and conditions for the development of sports clubs and shape a system of incentives, management, organization, and control that supports their activities;

4. Providing support for sports talents among students through scholarships from the government, higher education institutions and sponsors;

5. The Ministry of Education and Science of Mongolia and the National Committee of Physical Education and Sports should set a new policy and institutions on all levels should comply with the regulations of those authorities;

6. Developing a more up-to-date government policy on physical education for students and youth. It should be based on technological advances by looking comprehensively at its implementation system. Sports infrastructure of higher education institutions is one of the foundations for improving the physical development of students and reducing the negative factors of the electronic age.

REFERENCES

Altantsetseg, L. (2019) Surgaltyn khötölböriin udirdlaga, zokhion baiguulaltyn zarim asuudal. [Some problems in the management and organization of the curriculum]. *Journal of Theoretical Methodology*, vol. 2, no. 68, pp. 2–13. (In Mongolian).

Hair, J. F., Anderson, R. E., Tatham, R. L. and Black, W. C. (1998) *Multivariate data analysis*. 5th ed. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall. xx, 431-453 p.

Sukhbat, G. (2002) Sportyn fiziologi, setgel züi [Sports physiology and psychology]. In: Erdenesambuu, Ts. (ed.). *Physiology of sports*. Ulaanbaatar, University of Medical Sciences. Pp. 3–98. (In Mongolian).

Tremarche, P. V., Robinson, E. M. and Graham, L. B. (2007) Physical education and its effect on elementary testing results. *Physical Educator*, vol. 64, no. 2, pp. 58–64.

Tserendorj, G. (1990) Some problems of physical education. In: Lkhagvasuren, G. (ed.). *Theoretical problems of physical education*. Ulaanbaatar, State Printing Office. Pp. 62–63. (In Mongolian).

Zamarenov, B. K. (1972) Mental and physical performance of students in conditions of various motor modes. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury*, no. 2, pp. 46–52. (In Russ.).

Submission date: 02.11.2023.

Acceptance date: 11.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.3.20

Article

The fourth generation of academic Kazakh grammar

**Bagdan K. Mamynova, Qymbat B. Slyambekov, Alfiya A. Soltanbekova,
Meruyert A. Imangazina, Talgat B. Ramazanov**

A. Baitursynuly Institute of Linguistics, Kazakhstan

The article discusses the issue of compiling large grammatical works, including academic grammars. In particular, answers are sought for such questions as the following: What is the scientific character (style) of compiling fundamental grammatical works? What should their scientific apparatus, their design and structure look like? What research methods should be used? What is their target audience? In order to achieve this purpose, we carried out a comparison of academic grammars originating in the Soviet Union and those fundamental, voluminous grammatical works compiled according to the European-American model. The experience of compiling grammatical editions in Turkic languages has also been taken into account. The ideas obtained as a result were used in compiling the next academic grammar of the Kazakh language. This article was written with the objective of sharing the experience and elaborating on the results of the comparison.

It has been found out that fundamental grammatical works have their own scientific character (this concerns the Soviet school): academic grammars are written on the normative and descriptive basis, i.e. scientific descriptions must be accompanied by a normative differentiation. The structure is directly linked to the levels of language which the editorial board have chosen as the object of study (lexis, phonetics, word building, morphology and syntax). There are consistency and moderation in designing grammatical works as well. Research material and examples are taken from literary samples. These principles are based on the fact that academic grammars are oriented to scientific and educational community. At the same time, as European and American fundamental grammars are compiled for the general scientific community, the aforementioned academic principles may not be followed.

Since fundamental grammatical works are not compiled very often (once in 20–30 years), such studies are not frequent either. The grammars created in the Soviet period have not been revised fully yet. It is specifically important to revise academic grammars, as they need to document and standardize the new knowledge in the field of language. The issue of revising the academic grammar of the Kazakh language has been brought into the spotlight, and in 2022, the new generation of the grammar was prepared. For this reason, the conclusions of the article and the experience obtained while developing the new generation of the “Kazakh Grammar” may become useful while compiling new fundamental grammatical works.

Keywords: academic grammar; morphology; syntax; Kazakh grammar; grammatical structure; English grammar; Tatar grammar; Tuvan grammar; Turkish grammar; Kazakh language

Financing

The work was carried out within the framework of program-targeted financing «BR18574183 Automatic recognition of Kazakh text: Development of linguistic models and IT solutions».

For citation:

Mamynova B. K., Slyambekov Q. B., Soltanbekova A. A., Imangazina M. A., Ramazanov T. B. The fourth generation of academic Kazakh grammar. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 326–340. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.20>

MAMYNOVA, Bagdan Kataikyzy, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Grammar Department, A. Baitursynuly Institute of Linguistics. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: momynova_b@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9354-233X

SLYAMBEKOV, Qymbat Berikuly, Master of Philology, Junior Researcher, Grammar Department, A. Baitursynuly Institute of Linguistics. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: zatpost@gmail.com

SOLTANBEKOVA, Alfiya Abdykenovna, Candidate of Philology, Head, Grammar Department, A. Baitursynuly Institute of Linguistics. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: madina-258@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3513-4012

IMANGAZINA, Meruyert Anuarovna, Doctoral Student, Junior Researcher, Grammar Department, A. Baitursynuly Institute of Linguistics. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: meruyertimangazina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8473-2812

RAMAZANOV, Talgat Bekbulatovich, Doctoral Student, Research Associate, Grammar Department, A. Baitursynuly Institute of Linguistics. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: take_kzz@mail.ru

Четвертое поколение академической казахской грамматики

**Багдан К. Момынова, Кымбат Б. Слямбеков, Альфия А. Солтанбекова,
Меруерт А. Имангазина, Талгат Б. Рамазанов**

Институт языкознания имени А. Байтурсынова, Республика Казахстан

В статье обсуждаются проблемы написания объемных грамматических работ, а именно академических грамматик. В частности, ищутся ответы на вопросы о том, какими должны быть научный характер (стиль) написания крупных грамматических произведений, научный аппарат, оформление и структура, материалы и аудитория исследования. В ходе реализации этой цели были сопоставлены академические грамматики, восходящие к советской школе, и крупномасштабные грамматические работы, написанные по образцу европейско-американских школ, а также учтены опыты составления грамматических изданий тюркских языков. Полученные в результате сравнения некоторые научные положения были использованы в составлении нового поколения академической грамматики казахского языка. Эта статья была написана с целью поделиться этим опытом, изложить результаты сравнения.

Было установлено, что написание крупных грамматических произведений имеет свой научный характер (это касается советской школы): академическая грамматика пишется на нормативно-описательной основе, т. е. научное описание обязательно должно сочетаться с нормативной дифференциацией. Структура напрямую связана с языковыми уровнями (лексика, фонетика, словообразование, морфология и синтаксис), выбранными редакционным коллективом в качестве формы обсуждения. В оформлении грамматических произведений также есть последовательность и сдержанность. Материал исследования и примеры взяты из образцов письменной литературы. Эти принципы связаны с тем, что академические грамматики ориентированы на научное и преподавательское сообщество. Поскольку крупные грамматические произведения, написанные по образцу работ ученых Европы и Америки, обращены широкой научной общественности, вышеописанная академическая позиция не соблюдается.

Поскольку грамматики пишутся раз в 20–30 лет, такие исследовательские работы также не часто выполняются. Большая часть академической грамматики, восходящей к советской школе, еще не обновлена. Ее обновление очень актуально для лингвистической науки. Важно актуализировать академическую грамматику, так как она должна регистрировать и нормировать новые знания в области языка. Также на повестку дня вышел вопрос обновления академической грамматики казахского языка, в 2022 году было разработано новое поколение. Поэтому выводы данной статьи и обмен научным опытом, полученным в ходе подготовки нового поколения «Казахской грамматики», могут стать полезными при разработке новых крупных грамматических работ.

Ключевые слова: академическая грамматика; морфология; синтаксис; казахская грамматика; грамматическая структура; английская грамматика; татарская грамматика; тувинская грамматика; турецкая грамматика; казахский язык

Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования «BR18574183 Автоматическое распознавание казахского текста: разработка лингвистических модулей и IT-решений».

Для цитирования:

Мамынова В. К., Слямбеков Q. B., Soltanbekova A. A., Imangazina M. A., Ramazanov T. B. The fourth generation of academic Kazakh grammar // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 326-340. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.20>

Момынова Багдан Катайкызы — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела грамматики Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: momynova_b@mail.ru

Слямбеков Кымбат Берікулы — магистр филологических наук, младший научный сотрудник отдела грамматики Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: zatpost@gmail.com

Солтанбекова Альфия Абдыкеновна — кандидат филологических наук, заведующий отдела грамматики Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: madina-258@mail.ru

Имангазина Меруерт Ануаровна — докторант, младший научный сотрудник отдела грамматики Института языкознания им. А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: meruyertimangazina@mail.ru

Рамазанов Талгат Бекбулатович — докторант, научный сотрудник отдела грамматики Института языкознания имени А. Байтурсынова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: take_kzz@mail.ru

Introduction

An academic grammar is a complex research work which describes the entire structure of a language in the most comprehensive manner. Such a work cannot be written by a single linguist and be based only on one conception — it is rather a result of collective research approved by the academia. It is a work with a full-fledged scientific apparatus and normative structure, although it is usually adapted for the general reader and for specialists in different fields.

In the USSR, a unique tradition of compiling academic grammars was formed. The academic grammars of Slavic and Turkic languages were written; some of them were revised and published on a regular basis. The majority of the Soviet academic grammars were compiled before the stagnation period, and a few of them (of Tatar¹, Uzbek² and Kazakh³ languages) were republished in the 2000s. Meanwhile, it is crucial to revise and enlarge grammatical works taking into account the requirements of the epoch. The linguistic thought constantly develops and acquires new research facets. In particular, contemporary Kazakh linguistics has shifted to the anthropocentric paradigm, and a language is observed in the context of human activities, i.e. not only “language”, but also “speech” are being studied extensively. For this reason, the sources of academic grammars must include and study not only standardized written texts (in the publicistic and belletristic styles), but also materials of speech (in the colloquial style).

The academic grammar of the Kazakh language was published in 1954⁴, 1967⁵ and 2002⁶. The most recently published academic grammar is that of 2002. This is the first publication that is on a par with academic works. Since then, more than 20 years have passed. During this period, many scholarly results have been achieved in the field of studying Kazakh grammar. Apart from that, since 2002, significant changes of language, society and consciousness have occurred, and these changes were fueled by various social, political and cultural processes. Namely, the grammatical works of the Kazakh intelligentsia of the 20th century, formerly stored in closed stacks, were gradually integrated into the research process. Therefore, attempts to develop national grammatical science have been made.

Publishing a new edition of Kazakh grammar pursues the following goals:

- considering new findings in Kazakh grammar which contain opinions different from those held by the previous generation of grammarians;
- disseminating previously unpublished theoretical viewpoints proposed by Kazakh grammarians who lived in the 20th century;
- taking into account new grammatical achievements in linguistics.

Another problem lies in presenting objects in the spheres of morphology and word formation separately (if we consider the difficulties arising due to roots and affixes). Specifically, because of the agglutinative character of Kazakh, sometimes its affixes serve for dual purposes, and that is why previous grammars did not separate affixes performing purely relative function from those performing purely derivative one. The new grammar resolved this problem. The word-building function of every part of speech in Kazakh was represented fully and clearly. For the first time, a chapter on intonology was included in the new grammar. While writing this work, examples were changed according to the ideas expressed above.

While developing a new edition of Kazakh grammar (“The Kazakh grammar 4.0”), materials related to voluminous multi-authored grammatical works in different languages and the academic grammars of the Soviet period were collected, compared and analyzed, their main advantages were studied. Thus, quite many grammatical works were scrutinized. The study showed the importance of comparing different grammatical works published in the USSR and other countries in order to create a new version of the academic grammar. Main conceptions related to the grammatical theory and design technologies characteristic for these works

---

¹ Tatar grammar : in 3 vols. / ed. by M. Z. Zakiev, F. A. Ganeev and K. Z. Zinnatullina. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1992–1993. (In Russ.).

² Abdurahmonov G. Grammar of the Uzbek language. Tashkent, Uqituvchi, 1996. (In Uzb.).

³ Kazakh grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax / ed. by E. Zhanpeisov. Astana, 2002. (In Kaz.).

⁴ Balakaev M., Ysakaev A. Modern Kazakh language. Almaty, Nauka, 1954. (In Kaz.).

⁵ Balakaev M., Ysakaev A. Grammar of the Kazakh language. Almaty, Nauka, 1967. (In Kaz.).

⁶ Kazakh grammar. Astana, 2002. (In Kaz.).

were found useful for preparing the Kazakh grammar. In this regard, the aim of this article is to share the experience and results of compiling the new academic grammar of the Kazakh language with enthusiasts of writing fundamental grammatical works.

To carry out analytical work, the authors use “Kazakh Grammar”¹, “Russian Grammar”², “Tatar Grammar”³, “Belarusian Grammar”⁴, academic grammars of Uzbek⁵, Yakut⁶, Kyrgyz⁷, Bashkir⁸, Tuvan⁹, Turkmen¹⁰ languages and grammars by Bas Aarts¹¹, Ronald Carter, Michael McCarthy¹², Rodney Huddleston and Geoffrey K. Pullum¹³ as a material for the study of grammatical works. Theses set out in introductions and articles by Kira A. Rogova (Rogova, 2018), Olga O. Valentinova (Valentinova, Rybakov, Ekshembeyeva, 2023) are used as a theoretical methodology.

The novelty of the research is associated with a comparative analysis of large-scale grammatical works with different linguistic geography (Soviet school, European and American school and Turkish school).

Research methods

The research was conducted by using the methods of collecting, grouping and comparing voluminous joint grammatical works published in different languages and materials related to the academic grammars published in the Soviet period. The method of synthesis was applied as well.

In order to create a new generation of academic grammar, it is important to compare grammatical works published in the USSR and other countries of the world. The main concepts and technologies used in these works should be applied to national science as well.

Academic grammars of the Soviet school, their structure and design

In the Soviet linguistics, there was a tradition and models of writing and preparing academic grammars. Linguistic institutes of each Soviet republic set a long-term task of producing academic grammars themselves. In the Soviet era, more than one wave of academic grammar writing took place: the grammar of the Russian language (“Russian Grammar”) was published three times (1952–54¹⁴, 1960–61¹⁵, 1980¹⁶),

¹ Ibid.

² Russian grammar : in 2 vols. / ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka, 1980. (In Russ.).

³ Tatar grammar : in 3 vols. Kazan, 1992–1993. (In Russ.).

⁴ Grammar of the Belarusian language / ed. by K. K. Atrakhovich, M. G. Bulakhov. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1962. Vol. I: Morphology. (In Belarusian).

⁵ Abdurahmonov G. Grammar of the Uzbek language. Tashkent, Uqituvchi, 1996. (In Uzb.).

⁶ Grammar of the modern Yakut literary language / ed. by L. N. Kharitonov, N. D. Dyachkovsky, S. A. Ivanov, E. I. Korkina, N. E. Petrov and P. A. Sleptsov. Moscow, Nauka, 1982. Vol. I: Phonetics and morphology. (In Russ.).

⁷ Abdullaev E. Grammar of the Kyrgyz literary language. Frunze, Nauka, 1987. Part I: Phonetics and morphology. (In Russ.).

⁸ Yuldashev A. A. Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow, Nauka, 1981. (In Russ.).

⁹ Iskhakov F. G., Palmbakh A. A. Grammar of the Tuvan language: Phonetics and morphology. Moscow, Publishing House of Oriental Literature, 1961. (In Russ.).

¹⁰ Baskakov N. A., Chamzaev M. J., Čaryjarov B. Grammar of the Turkmen language. Ashgabat, Nauka, 1970. (In Russ.).

¹¹ Aarts B. Oxford modern English grammar. Oxford, Oxford University Press, 2011.

¹² Carter R., McCarthy M. Cambridge grammar of English : A comprehensive guide. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.

¹³ Huddleston R., Pullum G. K. The Cambridge grammar of the English language. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

¹⁴ Grammar of the Russian language / ed. by V. V. Vinogradov. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952–1954. (In Russ.).

¹⁵ Grammar of the Russian language / ed. by V. V. Vinogradov. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960–1961. (In Russ.).

¹⁶ Russian grammar. Moscow, Nauka, 1980. (In Russ.).

grammar of the Tatar language — five times (1959¹, 1969–71², 1992–95³, 1998–2002⁴, 2013–15⁵), and “Uzbek Grammar” — twice (1975–76⁶, 1992–96⁷). “Belarusian Grammar” was published once (1962⁸), and “Kazakh Grammar” came out three times (1954, 1967–68, 2002).

The beginning of the Soviet tradition was the two-volume academic grammar of the Russian language that was published in 1952–54. Later, this grammar was reprinted in 1960 (revised and enlarged). But the grammar published in 1980 is different from previous editions. Russian linguists worked hard to produce this work. Many years were spent on studying the unexplored fields of syntax and word formation of the Russian language. The results were included in the academic grammar, and it was supplemented with a new chapter entitled “Word Building”.

Academic grammars of Turkic languages such as Yakut, Tuva, Turkmen, Bashkir, Karakalpak were also published during the Soviet period. Among them, academic grammars of Sakha (Yakut), Tuva, Turkmen and Bashkir languages were written in Russian. The academic grammar of the Uzbek language published in 1982 under the editorship of G‘anijon A. Abdurahmonov was published under the title “Grammar of the Mother Tongue”. Later, this work was republished in two volumes in 1995–96.

The first academic grammar of the Tuvan language was published in 1961⁹. This was the pioneering work to systematize the phonetics and grammar of the Tuvan language. It is based on the works of Professor Nikolai F. Katanov. The academic grammar consists of two parts: phonetics and morphology. The issues of syntax are not considered. The peculiarity of this grammar lies “in the fact of introducing the scientific discoveries in Turkic studies and comparing them with examples in the Tuvan language”¹⁰. Currently, studies on Tuvan grammar are aimed at determining the position of the Tuvan language in the grammatical system of Turkic languages (Shamina, 2019: 184). We know that the use of Tuvan folklore as a source of research morphological materials is also a novelty for academic grammar. In our opinion, in a study of the grammatical structure of a language, the use of linguistic data of folk oral literature, which is a basis for the formation of literary languages, allows a deeper understanding of the grammar of a national language.

All these academic grammars (both Russian and Belarusian) were published in two volumes. The first volume deals with the topics of phonetics and morphology and the second volume deals with the issues of syntax. It means that during the Soviet era, the school of preparing academic grammars had its traditions of writing and structuring.

“Tatar Academic Grammar”¹¹ published in 2013–15 under the editorship of Professor Mirfatykh Z. Zakiev consists of three volumes. The first volume deals with phonetics, graphics, morphonology and word formation, the second volume examines morphology, and the third volume is about syntax.

There were three waves of publishing academic grammars in Russian. Although Russian scholars had the aim to revise the academic grammar in the early 21st century, it has not been fulfilled yet. Since 2016, there have been heated debates on this issue. The work is titled “Russian Grammar 4.0” meaning it is a new project, but the date of publication is unknown. So far, among the above-mentioned academic grammars, only “Tatar Grammar” has been published in a new edition since 2010 (2013–15).

¹ Hangildin V. N. Grammar of the Tatar language: Morphology and syntax. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1959. (In Tatar).

² Modern Tatar literary language: Lexica, phonetics and morphology / ed. by N. B. Burganova, M. Z. Zakiev, H. R. Kurbatov. Moscow, Nauka, 1969. (In Russ.).

³ Tatar grammar : in 3 vols. / ed. by M. Z. Zakiev, F. A. Ganeev, K. Z. Zinnatullina. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1992–1995. (In Tatar).

⁴ Tatar grammar : in 3 vols. / ed. by M. Z. Zakiev, F. A. Ganeev, K. Z. Zinnatullina. Kazan, Fiker, 1998–2002. (In Russ.).

⁵ Hisamova F. M. Tatar grammar : in 3 vols. Kazan, TAHSI, 2013–2015. (In Tatar).

⁶ Grammar of the Uzbek language / ed. by G. Abdurakhmanov, Sh. Shoabdurahmonov, A. Hozhiev. Tashkent, Nauka, 1975. Vol. I: Morphology. (In Uzb.); Grammar of the Uzbek language / ed. by G. Abdurakhmonov, Sh. Shoabdurahmonov, A. Hozhiev. Tashkent, Nauka, 1976. Vol. II: Syntax. (In Uzb.).

⁷ Abdurahmonov G. Grammar of the Uzbek language. Tashkent, Uqituvchi, 1992–1996. (In Uzb.).

⁸ Grammar of the Belarusian language. Minsk, 1962. (In Belarusian).

⁹ Iskhakov F. G., Palmbakh A. A. Op. cit.

¹⁰ Ibid. P. 6. All translations are by the authors of this article.

¹¹ Hisamova F. M. Op. cit. (In Tatar).

An academic grammar views languages as a unified system, an organic whole, and solves linguistic problems in their relation to each other. For instance, it allows to solve the issues of morphology with the help of syntax-level language paradigms, while the problems of word building may be resolved with the help of morphological categories.

For this reason, an academic grammar has its own structure – it is divided into chapters according to branches of linguistics. The ideas encompassed in these chapters must not be contrary to each other; vice versa, they must conform to one another and be synthesized as a system. That is why a question arises: What levels of language should an academic grammar include? The answer can be found in the structure of academic grammars prepared by scholars of the Soviet school.

For example, in the work “Russian Grammar” published in 1980, the following principle describes the proper structure of an academic grammar:

“‘Russian Grammar’ aims to give a description of the contemporary state of the grammatical structure of the Russian literary language – its morphemics, word formation, morphology and syntax. The ‘Grammar’ also includes a description of Russian phonetics, phonology, stress and intonation: the information contained here is necessary in the sections covering morphology, word formation and syntax”¹.

Grammatical descriptions may be provided fully (extensively) or briefly (laconically). Brief academic grammars only cover the grammatical issues (morphology, syntax, word building), while extensive grammars also include phonetics and lexicology.

Based on the information above, it can be concluded that academic grammar includes issues of phonetics, morphology, word formation and syntax. Therefore, “Kazakh Grammar” written in 2022 also relied on this tradition. The issues covered in each section are described in more detail in the last section of the article.

Paying attention to the design of the Soviet academic grammars, we can notice that layout of a book did not follow any strict patterns. Tables, drawings and pictures are provided, while illustrations are absent. Until 1980, the academic grammars were printed in a full-page format, and later works were presented in double columns. Such a design, in turn, seems quite compact and give an academic character to a voluminous book.

In the preface, the contributors and topics of the work are indicated. And at the end, academic and literary works taken as research materials as well as dictionaries are presented section by section. However, references are not given within the text itself (between chapters). Foreign research literature can also be used. In some of the grammars, a list sources on special issues is given separately (*photo 1*).

Photo 1. Specific bibliographies of “Yakut Grammar”² (1982).

¹ Russian grammar : in 2 vols. Moscow, Nauka, 1980. Vol. 1. P. 3. (In Russ.).

² Grammar of the modern Yakut literary language. Moscow, Nauka, 1982. Vol. 1. P. 484. (In Russ.).

In some academic grammars, specific subject indexes (*photo 2*), term indexes (*photo 3*) and references (*photo 4*), name indexes (*photo 5*), and abbreviations are given. In the volumes that address the issues of morphology, indexes of morphemes (transformative and formative) are provided (*photo 6*).

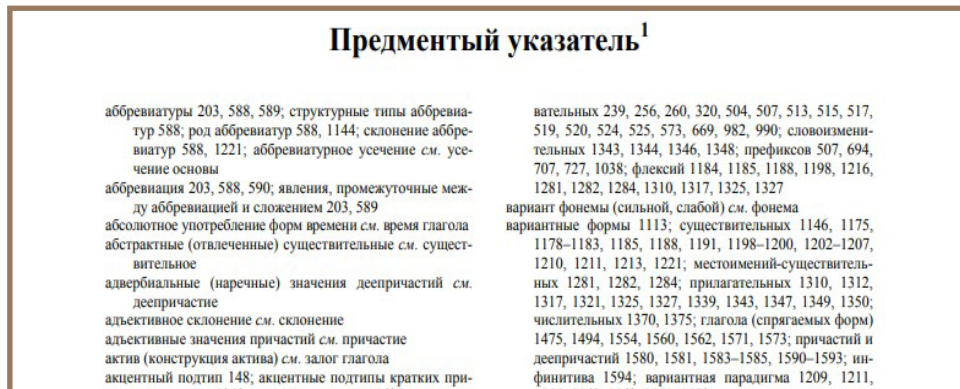

Photo 2. Subject index of "Russian Grammar"¹ (1980).

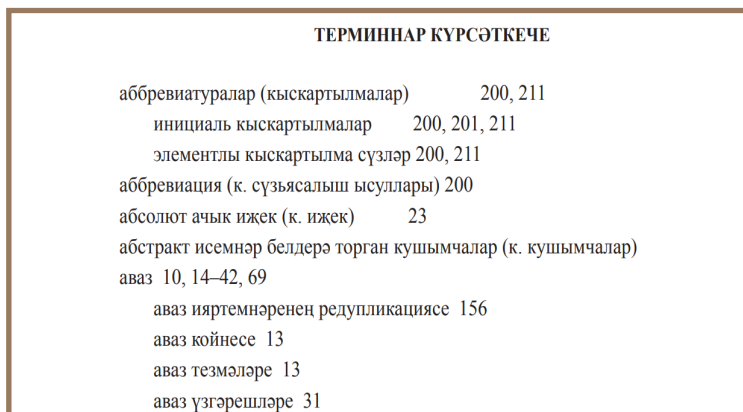

Photo 3. Term index of "Tatar Grammar"² (2015).

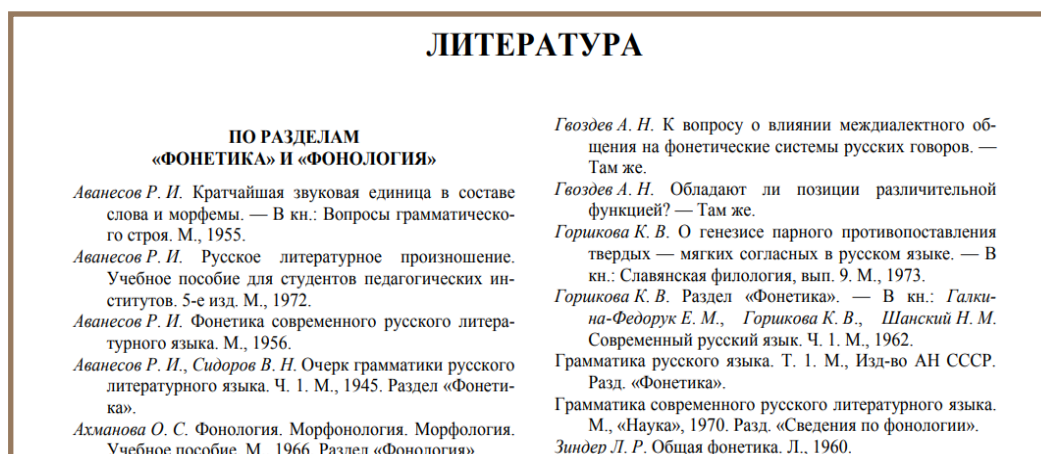

Photo 4. References in "Russian Grammar"³ (1980).

¹ Russian grammar : in 2 vols. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 745. (In Russ.).

² Hisamova F. M. Op. cit. Vol. I. P. 476 (In Tatar).

³ Russian grammar : in 2 vols. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 739. (In Russ.).

ИСЕМНӨР КҮРСӨТКЕЧЕ

Айдар Ө. 297	Баскаков Н.А. 134, 216, 219, 222,
Алекперов А.Г. 354, 361, 363	232, 234, 235, 240, 244, 247, 250,
Алиш А. 450, 458	252, 253, 309, 311, 333, 335, 339,
Алпаров Г. 7, 10, 93, 213, 218, 269,	361, 375, 379
354, 361, 375, 425	Батманов И.А. 335
Аппакова Д. 423, 441	Баян Н.
Архангельский А. 354, 375, 425	Бәдигый Х. 361, 375, 425
Архангельский Г.В. 375	Бәйрәмова Л.К.
Атнагулов С. 98	Баширов Г. 178, 180, 216, 296, 297.

Photo 5. Name index of "Tatar Grammar", (2015).

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ*

а/-ә 82, 100, 135, 181, 222, 229, 240, 279, 320	-ай/-эй, -й 82, 178, 228, 233, 281	-аһы/-әһе, -йһы/-йһе, -йһо/ -йһө 268, 317, 318
-а/-ә бар 224	-ар, -ыз/-ез 183	-аһы/-әһе бар (юк) 238, 269
-агай/-әгәй 185	-айым/-әйем 70	-(а)быз/-(ә)бәз, -(ы)быз/ -(е)бәз, -(о)боз/-(ө)бөз,
-агала/-әгәлә 80	-ак/-әк, -к 82, 177	-(й)быз/-(й)бәз 83, 122, 129—132, 158, 266, 268, 279, 363
-а/-ә, -й 69, 95, 213, 237, 238, 265, 279, 308, 309, 403	-ака/-әкә 185	-(ы)быззы/-(е)бәззе, -(о)боз- зо/-(ө)бөззө 122
-а/-ә, -й бар 219	-ала/-әлә 92	-(ы)бызса/-(е)бәзсә 159
-а/-ә, -й башла- 214	-ал/-әл, -л 181, 228, 233	-бий/-бей 183
-а/-ә, -й бир- 219	-аль 187	-быр 182
-а/-ә, -й икән 292	-ам/-әм 279	-гер/-гез 83
-а/-ә, -й ине 93, 275, 278, 289, 295	-ан/-ән, -н, 180, 228	-гай 182
-а/-ә, -й күр- 284	-ар/-әр, -ыр/-ер, -ор/-өр, -р 82, 92, 156, 166, 180, 187, 233, 254, 266, 272, 277,	
-а/-ә, -й кал- 237, 290, 291,	281, 316	
	-(и)ар/-(и)әр 164	

Photo 6. Morpheme index of "Bashkir Grammar", (1981).

It is observed that there is no strict rules in the formalization of academic grammars.

Based on the above-mentioned information, the following decisions were made while preparing the new "Kazakh Grammar". Research literature, literary works and dictionaries are given section by section. There are no references within the text. A list of recommended books by branches of linguistics (phonetics, morphology, word formation, syntax) is presented separately. The list includes foreign academic works.

Scientific nature of academic grammar

The main difference of academic grammar from other grammatical works lies in its scientific nature. Two methods of writing an academic grammar can be mentioned: they are descriptive and normative. The literary form of a language is taken as a research object. It is clearly stated that this grammar should be based only on a literary language.

The academic grammar of the Belarusian language (1962) states that such a grammar is written on a descriptive and normative basis. The purpose of the academic grammar is to describe and write down the grammatical norms of the modern Belarusian literary language³. The authors also called "Russian Grammar" published in 1980 "the grammar of the modern Russian literary language"⁴.

¹ Hisamova F. M. Op. cit. Vol. I. P. 472. (In Tatar).

² Yuldashev A. A. Op. cit. P. 487. (In Russ.).

³ Grammar of the Belarusian language. Minsk, 1962. Vol. I: Morphology. P. 4. (In Belarusian).

⁴ Grammar of the Russian language : in 2 vols. Moscow, 1980. Vol. I. P. 3. (In Russ.).

Similarly, in “Kazakh Grammar” (2002) the following principle is stated: “‘Kazakh Grammar’ is a grammar of the Kazakh literary language”¹. The following is stated in the academic grammar of the Tatar language (2015): “Academic grammar is the largest unified work written in a scientific language in a normative and descriptive framework, taking into account all linguistic treasures of the language”².

Academic grammars are generally preferred to be written in a neutral or in a specific style. They also present normative or customary grammar, which describes linguistic norms.

Some language forms are explained (formally) by means of other forms, then it is referred to semantic or mental grammar. Thus, in “Kazakh Grammar” (2022), the semantics of words, sometimes historical and cultural semantics, the nature of grammatical meanings are explained by connecting them with lexical ones.

A new linguistic paradigm in compiling a fundamental voluminous grammar

In recent years, it seems that the approach to the production of academic grammar in Russian linguistics has changed somewhat. The new generation of Russian linguists claim that academic grammar should use the data of the spoken language along with the literary language.

For instance, the Russian linguist Prof. Galina I. Kustova brings forward the necessity of distinguishing the following two notions:

“We often confuse the concepts ‘academic’ and ‘related to the academia’. It is believed that academic grammar should study strict, correct language, cleared from colloquial elements. In fact, academic grammar is a scientific grammar that covers and describes the entire language, all its structures, including colloquial ones. They are the face of the Russian language, its specific features that distinguish it from other languages. And one of the tasks of grammar is to describe how one language differs from others. Academic grammar is opposed not to spoken language, but to school grammar, simplified and adapted. Since the times when old grammars were being written, scientific ideas have changed more than once. Many different theories have appeared that have never been applied to the Russian language, because during the Soviet period there were no international connections and we did not have access to publications in foreign languages. And it turns out that our grammar remains somehow provincial, peripheral. And now all these theories are available, we monitor new trends in science. Naturally, our grammar should be written in a new scientific language”³.

Also, the Russian economist Prof. Yury B. Rubin has the following opinion on whether examples for an academic grammar should be taken from literary works:

“It is obvious that today normative grammar is very far removed from the real basis, from what is convenient for people to use. In my opinion, this is wrong — there should be no double standards. Earlier, when high language and colloquial language existed at the same time, it was quite justified: wealthy and educated people used the first, while ordinary folk used the second. However, today the posh language risks becoming a dead phenomenon. And one of the most important tasks of the reform of the language is not to allow this. Of course, the normative function of grammar should be preserved, but at the same time it should be convenient for people to communicate with each other”⁴.

As we have seen, the representatives of Russian academic community abandon the strict principles formed by Soviet linguistics and prefer to follow new trends and ideas of modern linguistic schools of thought. They wish to introduce not only the data of scholarly language and literary language into academic grammar, but also phenomena of colloquial speech. In the last decade, Russian researchers began to raise the problem of publishing the fourth generation of the academic grammar of the Russian language. The preparations started around five or six years ago.

¹ Kazakh grammar. Astana, 2002. P. 4. (In Kaz.).

² Hisamova F. M. Op. cit. Vol. I. P. 5. (In Tatar).

³ Cited in: Bateneva T. Academic Russian grammar will undergo changes. Rossiyskaya Gazeta. 2016, April 13. № 78 (6946). Special Issue: Education and Career. [online] Available at: <https://rg.ru/2016/04/13/akademicheskaiia-russkaia-grammatika-podvergnetisia-izmeneniam.html> (accessed 09.01.2024). (In Russ.).

⁴ Cited in: Ibid.

The structure and organization of European and American academic grammars

A version of academic English, which is considered a highly stylistic form of the English language, has been developed. It has its own grammar guide. It is known as “academic English grammar”. In European languages, there are no works similar to academic grammars written during the USSR period. Therefore, it can be seen that preparing this type of grammar was a good tradition and initiative characteristic of the Soviet school. In Europe in the 20th century, the basis for writing transformational and generative grammars was formed. They differ from structural grammars (structuralism) as theoretical knowledge is not developed on a scientific linguistic basis. It has little normative character. It is proposed to study language constructions at the expense of the structure of linguistic phrases. In this grammar, rather than morphology and phonetics, syntax is considered the dominant concept. The founder of transformational grammar is the American linguist Noam Chomsky. He explains that the structure of a language is mostly primitive, it has typical constructions deep inside, and a sentence is realized through the algorithm of those typical constructions and pre-learned methods and modes (Chomsky, 1957: 13). This type of grammar does not differentiate between the right and wrong usage of language. It does not approve guiding towards “*proper use of grammar*” or giving any advice.

It was observed that writing structuralist grammars was impossible in Europe and the USA during the development of transformational and descriptive grammar.

The tradition of writing a grammar of the English language dates back to the Middle Ages: many grammatical works have been published to this day. These are the latest ones published in the 21st century: “The Cambridge Grammar of the English Language”¹ by Rodney Huddleston and Geoffrey K. Pullam (2002), “Cambridge Grammar of English”² by Ronald Carter and Michael McCarthy (2006) and “Oxford Modern English Grammar”³ by Bas Aarts (2011).

In “Oxford Modern English Grammar”, it is stated that the work was written in order to describe the current synchronic grammar of the English language:

“The aim of this grammar is to offer a modern, concise, but nevertheless wide-ranging description of the structure of contemporary standard British and American English. <...> The account of grammar presented in this book is descriptive, not prescriptive: it describes the language as it is used today”⁴.

The author also states that he used the following works as a basis: “Comprehensive Grammar of the English Language”⁵ (1985) by Randolph Quirk, Sydney Greenbaum, Geoffrey Leech and Jan Svartvik and the above-mentioned “The Cambridge Grammar of the English Language”⁶ (2002) by Rodney Huddleston and Geoffrey K. Pullam.

This grammar deals with morphology and syntax. Phonetics is not included. Little attention was paid to the problem of word formation. The examples were taken from the two grammars (literary works and colloquial data), online newspapers and BBC News. Data from the International Corpus of English (ICE-GB) was also used. The sources are listed at the end of the book.

As Bas Aarts argues,

“traditional grammars often used literary examples, while more modern texts on grammar often use made-up examples. Using authentic examples is preferable because they offer an insight into how language is used naturally in real situations”⁷.

The English grammars under scrutiny use tables, formulas and schemes quite often.

Generally, 13 authors participated in writing “The Cambridge Grammar of the English Language” (2002). The list of authors in the preface is far more extended. The purpose of this work was to summarize new ideas achieved in linguistics in recent years and analyze the modern grammar of the English language from a theoretical point of view. That is why scholars from Great Britain, USA and Australia participated in it. It took about 10 years to research and write the book. The number of pages of the book is about 1900.

¹ Huddleston R., Pullum G. K. Op. cit.

² Carter R., McCarthy M. Op. cit.

³ Aarts B. Op. cit.

⁴ Ibid. P. xv.

⁵ Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. Comprehensive grammar of the English Language. London, Longman, 1985.

⁶ Huddleston R., Pullum G. K. Op. cit.

⁷ Aarts B. Op. cit. P. 6.

The authors formulate the aim of publishing the grammar in the following way:

“This book is a description of the grammar of modern Standard English, providing a detailed account of the principles governing the construction of English words, phrases, clauses, and sentences. To be more specific, we give a synchronic, descriptive grammar of general-purpose, present-day, international Standard English”¹.

The authors provide the following view on the principle of describing grammatical phenomena:

“Our aim is to describe and not prescribe: we outline and illustrate the principles that govern the construction of words and sentences in the present-day language without recommending or condemning particular usage choices. Although this book may be (and we certainly hope it will be) of use in helping the user decide how to phrase things, it is not designed as a style guide or a usage manual. We report that sentences of some types are now widely found and used, but we will not advise you to use them. We state that sentences of some types are seldom encountered, or that usage manuals or language columnists or language teachers recommend against them, or that some form of words is normally found only in informal style or, conversely, is limited to rather formal style, but we will not tell you that you should avoid them or otherwise make recommendations about how you should speak or write. Rather, this book offers a description of the context common to all such decisions: the linguistic system itself”².

The first chapter of the book is written as an introduction to grammar. The contributors provide an overview of traditions in grammar, diachrony and synchrony, descriptive grammar, the origin of English grammar, writing and speech, morphology and syntax, semantics and pragmatics.

“The Cambridge Grammar of the English Language” mainly focuses on morphology and syntax. Word formation and phonetics do not occupy much space. Some chapters describe the issues of phonology and inflectional morphology. Also, the last chapter touches upon the problem of punctuation. The following definition of the “grammar” as science is provided in the book:

“A grammar of a language describes the principles or rules governing the form and meaning of words, phrases, clauses, and sentences. As such, it interacts with other components of a complete description: the phonology (covering the sound system), the graphology (the writing system: spelling and punctuation), the dictionary or lexicon, and the semantics.

Phonology and graphology do not receive attention in their own right here, but both have to be treated explicitly in the course of our description of inflection in Ch. 18 (we introduce the concepts that we will draw on in §3 of this chapter), and Ch. 20 deals with one aspect of the writing system in providing an outline account of the important system of punctuation”³.

It should be noted that such introductory sections are also can be found in academic grammars published during the Soviet era. For example, the academic grammar of the Belarusian language (1962) contains information about the formation of Belarusian, the birth of the science of grammar and the study of the grammar of the language⁴.

In “The Cambridge Grammar of the English Language”, subject indexes are divided into *lexical* and *conceptual*:

“The index is divided into two parts, lexical and conceptual; in addition, there are two specialised indexes given in the main text of the book, one covering the classification of catenative verbs (Ch. 14, pp. 1239–40), one the inflection of verbs with simple bases (Ch. 18, pp. 1608–9)”⁵.

The lexical index includes unique morphemes (*a few, aglow, apex, attack*), affixes (*-ed, -een, -eer, -ly*), regular (*look, call*) and irregular verbs (*begin, choose*), prepositions (*about, for, before, in*), proper names (*NATO, NIREX, Portuguese, Scottish*), while the conceptual index provides notions (*action, ascriptive, bare role NP*) and terms (*abbreviation, active voice, ascriptive*). Also, the authors of chapters are mentioned in the content section.

At the end, other works that can be read within the framework of English grammar are given as suggestions. For instance, the following works related to the topic of verbs are mentioned: by Geoffrey N. Leech (Leech, 1987), Frank R. Palmer (Palmer, 1988), Bernard Comrie (Comrie, 1976, 1985), Robert I. Binnick (Binnick, 1991), Renaat Declerck⁶, Robert W. McCoard (McCoard, 1978) and Yishai Tobin (Tobin, 1993). When it comes to

¹ Huddleston R., Pullum G. K. Op. cit. P. 2.

² Ibid.

³ Ibid. P. 3.

⁴ Grammar of the Belarusian language. Minsk, 1962. Vol. I: Morphology. P. 4. (In Belarusian).

⁵ Huddleston R., Pullum G. K. Op. cit. P. 1779.

⁶ Declerck R. A comprehensive descriptive grammar of English. Tokyo, Kaitakusha, 1991.

the topic of nouns, the works of researchers such as Wallis H. Reid (Reid, 1991), Mark A. Wickens (Wickens, 1992), and Keith Allan (Allan, 1980) are offered¹.

There is no work similar to “Kazakh Grammar” (2002) in Turkish. However, some authors have comprehensive works on the grammar of the Turkish language. One of them is Prof. Zeynep Korkmaz’s book “Türkiye Türkçesi grameri: şekil bilgisi” (“The Grammar of Turkish in Turkey: The Notion of Form”)². This work was published in 2003.

The author says that she wrote this monograph in a normative and descriptive form to contribute to the development of the modern grammar of the Turkish language. According to her, Turkish grammar has not been carefully studied for centuries, and the conceptual direction has not been set properly. The author says that the grammatical knowledge of the Turkish language was previously influenced by the grammatical principles of the Arabic language and later by French grammar. And since the establishment of the Republic of Turkey, grammar has been briefly taught in an applied form in schools, not as a theoretical science. Then the author begins to describe the conceptual structure of the Turkish language. In the preface she notes that:

“There has been no real academic research in the field of grammar. To write this work, the author has conducted a 6–7-year independent research project and gained professional qualifications for many years”³.

In the process of writing this work, the author collected examples from 300 selected literary works, scholarly works and historical documents, press materials published after 1910. The book consists of 1,300 pages.

Bibliographies and references are given at the end of the book. However, there are no references within the text itself.

Scientific apparatus of the fourth generation of “Kazakh Grammar”

As we have seen, the tradition of writing academic grammar and unified character of its structure and content, in our opinion, was formed during the Soviet period. However, there is no universal standard for writing academic grammatical works that do not imply an unchanging structure. Over time, under the influence of modern trends, the format of writing voluminous grammatical works also began to change. It was preferred not to use the strict academic style of the past, but to prepare grammars in accordance with the needs of the times.

It is not obligatory to fully observe all conditions, principles and theoretical conclusions of large-scale grammatical works on languages all over the world, especially the dominant ones, like the English language. The grammatical principles of the Kazakh language are studied in schools, higher educational institutions and other spheres where they use the written language, and this is accepted as a means of preserving the language and ensuring its vitality.

The publication of the academic grammar of the Kazakh language began in the 1950s and continued in the 1960s. In 1954, the first grammar course “Modern Kazakh Language”⁴ was published, and in 1961, study guides for courses “Modern Kazakh Language”⁵ came out of press. In 1964, the “Modern Kazakh Language”⁶ consisting of chapters on phonetics and morphology was published. In 1967, a two-volume academic edition “Grammar of the Kazakh Language”⁷ covering the fields of morphology and syntax was printed. More than 30 years later, in 2002, a unified work entitled “Kazakh Grammar” was published. Finally, 20 years later, in 2022, the fourth generation of “Kazakh Grammar” was written.

The academic grammar of 2002 provides some information about the history of compiling the structural grammar of the Kazakh language. The following works are reviewed there: “Brief Grammar of the Kazakh-

¹ Huddleston R., Pullum G. K. Op. cit. P. 1767.

² Korkmaz Z. The grammar of Turkish in Turkey: The notion of form. Ankara, Turk Dil Kurumu, 2003. (In Turkish).

³ Ibid. P. 40.

⁴ Балақаев М., Ысқақов А. Modern Kazakh language. Almaty, Nauka, 1954. (In Kaz.).

⁵ Балақаев М., Қордабаев Т. Modern Kazakh language. Almaty, Nauka, 1961. (In Kaz.).

⁶ Ысқақов А. Modern Kazakh language. Phonetics. Morphology. Almaty, Nauka, 1964. (In Kaz.).

⁷ Балақаев М., Ысқақов А. Grammar of the Kazakh language. Almaty, Nauka, 1967. (In Kaz.).

Kyrgyz Language”¹ by Platon M. Melioransky, “General Grammar of the Turkish-Tatar Language”² by Mirza A. Kazem-bek, “Über die Sprache der Jakuten”³ and “Grammar of the Altai Language”⁴ by Otto N. von Böhtlingk as well as “Language Tool”⁵ by Ahmet Baitursynuly. The question of why this academic grammar is unique is answered in the introduction by its editor Prof. Erbol N. Zhanpeisov in the following way:

“‘Kazakh Grammar’ is a descriptive and normative grammar. In the practice of preparing academic grammars, a descriptive grammar implies scientific description, not the usual syntactically oriented and external description. And this scientific description is always connected with normative differentiation. This tradition was preserved in ‘Kazakh Grammar’ as strong as possible: the description of the grammatical structure of the Kazakh literary language was also created on a scientific basis (i.e. tasks such as solving various theoretical problems, scientific systematization of linguistic facts were intended, and the writing of grammar according to a general normative pattern was also taken into account). ‘Kazakh Grammar’ describes the grammatical structure of the Kazakh literary language – the current state of phonetics, word formation, morphology and syntax”⁶.

In the new grammar, these issues will be of special significance.

A number of innovations have been introduced into the latest academic grammar. First of all, at the initiative of Nurzhamal O. Oralbayeva, a separate chapter entitled “Word Formation” was added. This field was separated from morphology in Kazakh linguistics and began to form as an independent sphere in the 1980s. In the academic grammar of 2022, the chapter on morphology was placed before the chapter of word formation.

In “Kazakh Grammar” published in 2002, the following definition is given to the Kazakh academic grammar: “‘Kazakh grammar’ is a complete work that considers the entire grammatical structure of the Kazakh language, all its levels”⁷. This principle was also fundamental when the new grammar was being written.

Grammar itself teaches proper writing and shows how to create a grammatical form out of another, how to transform one into another and how to replace one with another. We believe that examples from literary or classic language are scarce for revealing the functions of words in speech: colloquial examples are used as well. Basically, what is considered a language fact is a functional material of contemporary literary language.

The preface to “Kazakh Grammar” of 2022 presents the authors and topics involved in writing the joint work.

In the new grammar, the chapters on phonetics, phonology, intonology and morphology are rewritten completely compared to the previous grammar. This was the result of a long and hard work of the authors.

“Morphemic Content of the Words” is a separate chapter. It is known that a Kazakh word consists of two elements, the root (the base) and the affix (or affixes). The chapter contains a completely new subchapter that deals with affixes. In the Kazakh language, some affixes do not obey the rules of conjugation and perform dual functions. For instance, such affixes are named “two-functional”, “double-functional” or “functional”. In the new grammar, the subchapter covering such affixes was included (“Multifunctional Affixes”). Several affixes were analyzed. For instance, it was approved that the affix *-dai/-dei*, if necessary, performs the function of linking words in a sentence and forms adjectives when attached to the singular nouns in the nominative case. It also creates word forms in all other cases. Other affixes have similar descriptions.

As morphology is a part of the grammatical structure of a language (the sphere of grammar), its main objects of study must be the elements which show the grammatical nature of the structure of a language and its words. From this standpoint, what might be the morphological character of such a linguistic phenomenon as a root which has a lexical meaning? Lexical meanings must be studied not in the scope of phonology or morphology, but within the sphere of lexicology. Then, can we consider a root as a morpheme? Here the following issue needs clarification. A root of the word is not called a morpheme because it has a lexical

¹ Melioransky P. M. Brief grammar of the Kazakh-Kyrgyz language. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1894. Part I: Phonetics and etymology; Part II: Syntax. (In Russ.).

² Kazem-bek M. A. General grammar of the Turkish-Tatar language. Kazan, At the University Printing House, 1835. (In Russ.).

³ Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St. Petersburg, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1851.

⁴ Grammar of the Altai language / ed. by O. Böhtlingk. Kazan, At the University Printing House, 1869. (In Russ.).

⁵ Baitursynuly A. Language-tool. Orynbor, G. G. Husaiynov ushrkasynyn parauai matbugasy, 1914. (In Kaz.).

⁶ Kazakh grammar. Astana, 2002. P. 5. (In Kaz.).

⁷ Ibid. P. 3.

meaning, it is called a morpheme as it has a grammatical meaning. Surely, the grammatical meaning expressed by the root is a general meaning formed on the basis of the generalization of the lexical meaning, i. e. its origin of formation is lexical. However, the sense expressed here is purely grammatical, not lexical. When it comes to the fact that in some cases a root morpheme as a grammatical element coincides with the lexical word (or does not coincide in some languages, namely in Russian) it is due to the structural peculiarities of a language and its dialectic system, as these two phenomena (lexical meaning and grammatical meaning and the fact that they might have both different and similar meanings) are not within the scope of grammar (the grammatical structure of a language).

The chapter on morphology begins with “the notion of a morphological paradigm”. This is one of the novelties of the book. Here the word *paradigm* is merely the model of word formation and alteration, the outer demonstration of grammatical tools in the structure of word forms. There are three signs of a morphological paradigm:

- a) a sign based on the group of affixes (according to the type of word formation or alteration; for instance, the declension paradigm of a noun (the model), the conjugation paradigm of a verb, etc.);
- b) a sign based on the group of roots/bases (according to this sign, the formal characteristics and groups of verbs, nouns and other parts of speech are defined);
- c) a sign based on accentuation (different accentual paradigms are identified).

Conclusion

To summarize, every geographic region has its own established tradition and principles of compiling a grammar. The Soviet linguistic school adhered to the strict rules of creating an academic grammar, and this approach is continuing today. However, works and discussions of Russian grammarians note the fact that the modern linguistic community has changed their attitudes to this approach and attempts to move to the European and American model of compiling grammars. In this regard, an international symposium was held in 2016, and different ideas of lexicologists, phonologists, grammarians, ethnolinguists, linguaculturologists, researchers of orthography, the representatives of the anthropocentric strand and pedagogues were compiled into a collection and published¹.

The most recent academic grammar of the Kazakh language was written in 2022, taking into account the world experience of writing large-scale grammatical works. Popular scientific ideas in this field were created in a short time and presented as a descriptive and normative grammatical work. They were guided by the above-mentioned major modern scientific tools, technical models and technological methods.

REFERENCES

- Allan, K. (1980) Nouns and countability. *Language*, vol. 56, no. 3, pp. 541–567.
- Binnick, R. I. (1991) *Time and the verb: A guide to tense and aspect*. New York; Oxford, Oxford University Press. xxiii, 554 p.
- Chomsky, N. (1957) *Syntactic structures*. The Hague, Mouton. 117 p.
- Comrie, B. (1976) *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, Cambridge University Press. 142 p.
- Comrie, B. (1985) *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, Cambridge University Press. 142 p.
- Leech, G. N. (1987) *Meaning and the English verb*. London, Routledge. 152 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315835464>
- McCoard, R. W. (1978) *The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences*. North-Holland, North-Holland Publishing Company. 279 p.
- Palmer, F. R. (1988) *The English Verb*. London, Routledge. 282 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315841472>
- Reid, W. H. (1991) *Verb and noun number in English: A functional explanation*. London, Longman. 388 p.

¹Russian Grammar 4.0 (2016) : A collection of abstracts of the International scientific symposium (April 13–15, 2016) / ed. by V. G. Kostomarov. Moscow, The Pushkin State Russian Language Institute. 951 p. (In Russ.).

Rogova, K. A. (2018) On the way to a new academic grammar. *The World of the Russian Word*, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-12005>

Shamina, L. A. (2019) The lexeme of “time” step and the issues of grammaticalization in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 182–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.16>

Tobin, Y. (1993) *Aspect in the English verb: Process and result in language*. London, Longman. 398 p.

Valentinova, O. I., Rybakov, M. A. and Ekshembееva, L. V. (2023) Determinant grammar of the Russian language as an academic grammar of a new type. *Russian Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 228–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-228-241>

Wickens, M. A. (1992) *Grammatical number in English nouns*. Amsterdam, Benjamins Publishing Company. xvi, 321 p. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.76>

Submitted date: 09.01.2024.

Acceptance date: 05.04.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валентинова, О. И., Рыбаков, М. А., Екшембеева, Л. В. (2023) Детерминантная грамматика русского языка как академическая грамматика нового типа // Русистика. Т. 21, № 1. С. 228–241. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-228-241>

Рогова, К. А., Рыбаков М. А., Екшембеева Л. В. (2018) На пути к новой академической грамматике // Мир русского слова. № 2. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-12005>

Шамина, Л. А. (2019) Лексема *шаг* ‘время’ и вопросы грамматикализации в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 2. С. 182–192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.16>

Allan, K. (1980) Nouns and countability // *Language*. Vol. 56, No. 3. P. 541–567.

Binnick, R. I. (1991) *Time and the verb: A guide to tense and aspect*. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press. xxiii, 554 p.

Chomsky, N. (1957) *Syntactic structures*. The Hague : Mouton. 117 p.

Comrie, B. (1976) *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge : Cambridge University Press. 142 p.

Comrie, B. (1985) *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge : Cambridge University Press. 142 p.

Leech, G. N. (1987) *Meaning and the English verb*. L. : Routledge. 152 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315835464>

McCoard, R. W. (1978) *The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences*. North-Holland : North-Holland Publishing Company. 279 p.

Palmer, F. R. (1988) *The English verb*. L. : Routledge. 282 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315841472>

Reid, W. H. (1991) *Verb and noun number in English: A functional explanation*. L. : Longman. 388 p.

Tobin, Y. (1993) *Aspect in the English verb: Process and result in language*. L. : Longman. 398 p.

Wickens, M. A. (1992) *Grammatical number in English nouns*. Amsterdam : Benjamins Publishing Company. xvi, 321 p. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.76>

Дата поступления: 09.01.2024 г.

Дата принятия: 05.04.2024 г.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редактор Б. Н. Гайдин.

№ 3, 2024

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/63>

Для иллюстрации обложки использована фотография Чойган Санчай (Россия).

*Согласие родителей ребенка, изображенного на фотографии,
на использование изображения несовершеннолетнего в редакции имеется.*

Подписано к публикации 10.09.2024 г.

Объем - 42,6 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia